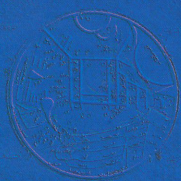

Ш.М.Мустафаев

ОТ СЕЛЬДЖУКОВ К ОСМАНАМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ш.М.Мустафев

ОТ СЕЛЬДЖУКОВ К ОСМАНАМ

Этнополитические процессы в тюркской среде

Малой Азии в XI-XV веках

Москва

2017

Ответственный редактор: С.Ф.Орешкова (*ИБ РАН*)

Рецензенты: М.С.Мейер (*ИСАА при МГУ*)

Н.М.Велиханлы (*Национальный Музей Истории Азербайджана*)

Мустафаев Ш.М.

От сельджуков к османам. Этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в XI-XV веках. – М.: ИБ РАН, МИЦАИ, 2017. – 436 с.

ISBN 978-9943-357-45-7

В книге на широком хронологическом фоне анализируются сложные этнополитические процессы в Малой Азии со времени завоевания региона в XI столетии огузо-туркменскими племенами и до окончательного установления османской политической гегемонии в конце XV в. На основе обширного круга источников делается попытка проследить различные этапы этнической истории турецкого народа, установить органическую связь процессов этнической интеграции с политическими изменениями в Анатолии. Выявляются особенности формирования в Анатолии тюркской этнической среды в сельджукский период, ее последующей эволюции после распада централизованного Сельджукского государства Малой Азии под ударами монголов, дробления политической власти в Анатолии и образования ряда эмиратов (бейликов); исследуются отношения и ожесточенная борьба за лидерство в регионе между этими государственными образованиями и постепенное возвышение Османского государства, оценивается влияние исторических событий на динамику развития тюркского этнического сознания и идентичности.

Научное издание

Мустафаев Шаин Меджид оглы

От сельджуков к османам. Этнополитические процессы в тюркской среде
Малой Азии в XI-XV веках

Утверждено к печати

*Институтом востоковедения РАН и Международным Институтом
Центральноазиатских исследований.*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Международного Института
Центральноазиатских исследований

© Ш.М.Мустафаев, 2017

© Институт востоковедения РАН, 2017

© Международный Институт Центральноазиатских исследований, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Формирование тюркской этнополитической среды Малой Азии в сельджукскую эпоху (XI-XIII вв.)	17
Тюрки на Ближнем Востоке в сельджукскую эпоху	17
Тюркское завоевание Малой Азии	31
Тюркская этническая среда Малой Азии в XI-XIII вв.	54
Центральная власть и кочевая периферия в сельджукскую эпоху	95
Глава II. Этнополитическая эволюция Малой Азии в период бейликов	108
Политические процессы в Малой Азии в XIV в.	108
Поворотный момент периода бейликов: противостояние Баязида Молниеносного и Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда	139
Османское государство и эмираты Малой Азии во время «междоусобицы» ...	160
Глава III. Османская гегемония в Малой Азии	181
От кочевого бейлика к централизованной империи: о причинах возвышения Османского государства	181
Ликвидация эмиратов западной Анатолии со стороны Османского государства	209
Османо-караманское противостояние в 1430-1440 гг.	225
Политическая централизация Малой Азии во второй половине XV в.	239
Глава 4. Этнокультурные процессы в Малой Азии в XIV-XV вв.	269
К полиэтнической империи: трансформация правящего слоя	269
Негативный образ «турка» в османской исторической и художественной литературе	281
Этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в контексте противостояния Рум-Аджам	296
Противостояние между Османской империей и государством Ак-Коюнлу через призму этнокультурного конфликта	316
Этнолингвистические процессы в тюркской среде Малой Азии в XIV-XV вв.	339
Эволюция тюркского этнического сознания в Малой Азии в XIV-XV вв.	353
Заключение	384
Библиография	392
Указатель личных имен	418
Указатель географических названий	427
Список этнополитических названий	432
Summary	433

«Нет прочнее родства, чем то, что зиждется на генеалогическом единстве. Теперь мы приобрели генеалогию, которой блещут арабы, кроме того, у нас корни, которыми гордятся неарабы» (Джахиз. «Послание ал-Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска». IX в.)

ВВЕДЕНИЕ

Общественное сознание в средние века базировалось на религиозных представлениях и ценностях. Этот историко-методологический постулат имеет универсальный характер и в равной мере относится как к европейским, так и типологически отличающимся от них восточным обществам. Все значимые политико-идеологические движения в средние века происходили под религиозными лозунгами, будь то возникновение и расширение мусульманского халифата в VII-VIII вв., крестовые походы в XI-XIII вв., религиозные войны в XVI-XVII вв. между католиками и протестантами в Европе и между суннитами и шиитами на Ближнем Востоке, и т.д. Именно религиозные идеалы вдохновляли огромные массы людей, вовлеченных в эти грандиозные исторические события, каковы бы ни были их реальные причины. Как отмечает Б.Андерсон, христианский мир от Парагвая до Японии, исламская умма от Марокко до архипелага Сулу, буддийский мир от Шри-Ланки до Корейского полуострова могли быть воображаемы как «религиозные сообщества» в значительной мере благодаря объединяющим их священным языкам и письменности. Люди различного этнического происхождения, собираясь во время священного паломничества в Мекке, не всегда понимали речь друг друга, но были объединены чувством религиозной солидарности благодаря священным текстам, написанным на арабском языке и арабским алфавитом, которые они почитали.¹ В этом отношении Османская империя, одна из самых могущественных держав средневековья, не являлась исключением. Ее официальная идеология и общественно-политические институты опирались большей частью на фундаментальные ценности и предписания ислама. Соответственно, все население империи классифицировалось не по этническому, а конфессиональному признаку. Мусульмане сосуществовали с немусульманскими подданными (право-

¹ Anderson B. Imagined communities. P. 12-13; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 36

славными, армяно-григорианами и иудеями), которые были объединены в так называемые «миллеты» – религиозные общины, пользовавшиеся внутренней культурной и фискальной автономией в рамках общеимперской административно-политической системы.

Вместе с тем, невозможно игнорировать и важную роль этнической составляющей в средневековой истории. То, что крах феодализма в Западной Европе вызвал к жизни образование целого ряда национальных государств, не было случайным явлением. Уже в рамках позднего средневековья формирование централизованных монархий, развитие внутреннего рынка, распространение рационализма и критика клерикализма создавали предпосылки для этнической консолидации, роста этнической солидарности и вызревания на этой базе национальных идеологий. Возникнув в Англии и Голландии XVI-XVII веков, национализм расцвел во Франции и Америке в конце XVIII века, а затем, охватил другие континенты и регионы, продолжив свой путь во многих обличьях по Ближнему Востоку и всей Азии.² Одним из результатов победоносного шествия национализма было возникновение в 1923 г. на руинах Османской империи нового национального государства – Турции.

Образование молодой республики явилось следствием длительного процесса формирования в недрах Османской империи новой турецкой нации. Пройдя тернистый путь этнической интеграции в Малой Азии и восточных Балканах, преодолевая сложности и противоречия этапа модернизации от реформ периода Танзимата до младотурецкой революции, получив идеологическую «закалку» благодаря культурной и просветительской деятельности нескольких поколений интеллигенции от Ибрагима Шинаси и Намыка Кемаля до Зии Гёкальпа, турецкое общество выстояло в горниле национально-освободительной войны и одержало победу под руководством М.К.Ататюрка в 1919-23 гг. Таким образом, самосознание турецкой нации формировалось в ходе сложных исторических процессов, и важно отметить, что его развитие продолжалось и в республиканский период в значительной мере под воздействием новых политических реалий и идеологических установок. Лидерам молодого национального государства, взявшим на вооружение западные либеральные идеи и провозгласившим лозунг «Власть бесспорно принадлежит нации», предстояло наполнить его соответствующим правовым и идеологическим содержанием. Это, в свою очередь, настоятельно требовало научного обоснования понятия «турецкой нации», что не могло не вызвать развертывания целого фронта научных исследований в области истории, языка и культуры тюркских народов, в целом, и турецкого народа, в частности.

² Smith A.D. Nationalism and Modernism. P. 1; Смит Э. Национализм и модернизм. С. 19

Органической частью этих процессов были оживленные дискуссии о «национальной идентичности» турок. Изучение данной проблемы, несомненно, представляет важность с точки зрения правильного понимания эволюции современной турецкой нации. К.Карпат следующим образом подчеркивал суть этого вопроса для Турции: «Идентичность приобрела актуальное значение с появлением национального государства. Эта проблема настолько же нова, насколько носит дискуссионный характер. Вопрос идентичности индивидуален для каждой страны и обладает определенными особенностями формы и структуры в соответствии с ее этническим, национальным, социальным, классовым, историко-общественным и культурным устройством. Поскольку в процессе модернизации Турции за модель был взят Запад, то и вопрос идентичности здесь рассматривается в теоретических и методологических рамках данной модели, в то время как в Турции его следовало бы рассматривать в более широком историческом контексте структурных и идентификационных трансформаций турецко-османского общества».³

Иными словами, этнополитическая история Турции имеет ряд особенностей, которые необходимо принимать в расчет при анализе сложного и во многом противоречивого процесса формирования «турецкой идентичности». Ядро раннетурецкой народности сформировалось в средние века на западе Малой Азии и восточной части Балкан в рамках османского политического пространства в тесной связи с духовно-религиозными ценностями ислама. Не случайно в этнополитической истории тюркского сообщества Малой Азии наблюдается целая гамма идентичностей, когда наряду с «турецкой» сосуществуют, порой совпадая, а порой и конкурируя с ней, «османская» и «мусульманская» идентичности. В различные периоды отношения между «углами» этого «треугольника» создавали причудливую и довольно сложную мозаику. Каково было самоназвание тюркского населения Анатолии на разных исторических этапах, в каких категориях оно оценивало себя, какую память хранило о себе и собственном происхождении, как отличало себя от представителей иных этнокультурных групп – все эти вопросы представляют важность для изучения процесса формирования турецкого народа в средние века.

Этническая история турецкого народа, проблема турецкой идентичности стали привлекать широкое внимание исследователей в силу разных причин где-то с конца XIX – начала XX в., хотя обращения к данной теме были и раньше. Растущее влияние идей национализма и нарастание центробежных тенденций среди христианских подданных империи давали толчок постепенному росту этнического самосознания и турецкого населения. Элиты, заинтересованные в сохранении целостности империи, пы-

³ Karpas K. Kimlik sorununun Türkiyede tarihi, sosyal ve ideolojik gelişmesi. P. 23

тались разработать новые идеологические доктрины, способные консолидировать людей и обеспечить внутреннюю стабильность государства. Во второй половине XIX столетия сторонники общества «Новых османов» выдвинули концепцию «османизма», которая была призвана привнести в общественно-политическую жизнь страны либеральные идеи, гарантировать равенство подданных под общей османской идентичностью, а также способствовать сближению империи с Западом. Однако события начала следующего столетия и потеря большей части балканских владений подтолкнули пришедшую к власти после младотурецкой революции партию «Единение и прогресс» обратиться к более этноцентричной идеологии «тюркизма». Именно этот факт способствовал резкому росту интереса как в самой Турции, так и в Европе к этнополитической истории турок.

С первых дней изучение этнической истории турецкого народа было не только научной задачей, но и вызывало нездоровый политический интерес, поскольку различные силы внутри и вне страны стремились использовать данную проблему в собственных идеологических целях. Как известно, основу идеологии тюркизма в период правления младотурок составили научно-философские идеи и труды Зии Гёкальпа. Вместе с тем, в годы I мировой войны, в которую Османская империя вступила в составе Тройственного союза, ученые и публицисты из стран противоположного лагеря, в частности, Великобритании и США, стали освещать этническую историю турок с иных позиций, нередко используя ее в идеологической войне против Турции. В противовес этноцентричной тюркистской концепции младотурок западные востоковеды делали упор на мнение о смешанных корнях современных им османов. При этом они приписывали главную заслугу в возвышении Османской империи представителям «белой» расы в ущерб «азиатской», обильно приправляя, таким образом, свои изыскания ссылками на модную в то время расовую теорию. Автор изданной в 1915 г. в Нью-Йорке книги «Турция оттоманов» Л.М.Гарнетт писала, что, согласно современным этнологам, «османская раса» не могла в полной мере называться турецкой, поскольку каковы бы ни были ее изначальные корни, она стала нынешней великой нацией лишь в результате смешения в течение шестисот лет с «чистокровным» (белым) населением западной Азии и восточной Европы.⁴

Дискуссии о корреляции между понятиями турецкой и османской идентичности возникли на пике военно-политического противостояния между Антантой и Османской империей в 1916 г. с выходом книги бывшего американского миссионера, а затем журналиста и историка Г.Э.Гиббонса. Как бы ни относиться к академической ценности этой монографии и оценивать степень научной беспристрастности (или наоборот) ее автора, открывшего новое направление в исторической тюркологии, она полу-

⁴ Garnett L.M. Turkey of the Ottomans. P. 1-2

чила определенный налет политической ангажированности самим моментом появления на свет, и еще более своей темой, посвященной этнополитической сути обреченной империи. Г.Э.Гиббонс также придерживался мнения, что в течение столетий в Османской империи в результате продолжительных этнических смешений образовалась отличная от турок новая «османская раса», которая была самой «космополитической», т.е. гетерогенной по составу своей крови, со времени древних греков и римлян.⁵

Этот тезис Г.Э.Гиббонса получил резкую отповедь от М.Ф.Кёпрюлю, отца-основателя молодой турецкой национальной историографии. Как известно, свою книгу «Образование Османского государства» он написал как антитезу вышеуказанному утверждению английского востоковеда. М.Ф.Кёпрюлю настаивал на ведущей роли тюркского (турецкого) элемента в создании и развитии Османского государства и необходимости его изучения в контексте тюркской истории. Основательные выводы ученого стали, по сути, теоретической базой всей последующей так называемой «национальной школы» в турецкой историографии республиканского периода. Тот же М.Ф.Кёпрюлю стал, фактически, первым турецким историком, который обосновал необходимость обращения к теме этнического самосознания или идентичности турок в исторической ретроспективе. Он указывал на длительную работу над своим фундаментальным исследованием, озаглавленным как «Эволюция национального сознания в тюркском мире в средние века», и подчеркивал, что в этом произведении разрабатывались общие вопросы развития этнического сознания у мусульманских народов в эпоху средневековья. М.Ф.Кёпрюлю особо отмечал слабую изученность данных проблем в современном ему западном востоковедении за исключением некоторых работ, посвященных вопросам *шуубийи*.⁶

Таким образом, как верно отметил Дж.Кафадар, вопрос идентичности стоит остро во всех странах, вышедших из «османской шинели», включая Турцию, которая является относительно молодым национальным государством. Историографический и, соответственно, политический дискурс данной проблемы был обязательной частью всех османистических исследований в XX столетии.⁷

Вместе с тем, тема эволюции тюркского этнического сознания в османский период, как ни удивительно, оставалась периферийной в турецкой историографии на протяжении многих десятилетий. Учитывая ее политические и идеологические аспекты, несложно понять причину того, что она больше занимала умы не столько профессиональных историков, сколько представителей неакадемической науки. Проблема получила не-

⁵ Gibbons H.A. The foundation of the Ottoman Empire. P. 116

⁶ Köprülü M.F. Osmanlı İmparatorluğu'nun etnik menşei meseleleri. P. 243

⁷ Kafadar C. Between two worlds. P. 23

ожиданную актуальность лишь в конце прошлого столетия, особенно накануне важной исторической даты, которая широко отмечалась в Турции в 1999 г. – 700-летия образования Османского государства. Эта тема внезапно стала привлекать живой интерес специалистов самого различного профиля – историков, антропологов, культурологов, социологов. Чтобы оценить степень внимания к ней в последние годы, достаточно назвать несколько академических изданий, названия которых красноречиво говорят сами за себя – это монографии «Османская идентичность» Т.Тимура, «Османская идентичность: идентичность *Рум/Руми* и ее проявления в XIV-XVII вв.» С.Озбарана, «Турецкая идентичность» Б.Гювенча, статьи «Османская идентичность» И.Ортайлы, «Почему османская идентичность?» О.Тюркдогана и другие.

Таким образом, тема турецкой идентичности, которая на протяжении многих десятилетий была сферой интересов, главным образом, представителей неакадемических кругов, в короткое время нашла путь в сугубо научную среду Турции. Это связано, с одной стороны, с тем, что в последние годы в Турции резко возрос интерес к новым западным этнологическим теориям, а с другой стороны, более насущными политическими проблемами внутри самого турецкого общества, связанными с ростом национализма и сепаратистских тенденций среди национальных меньшинств. Все это побуждает как научные круги, так и политические элиты вновь пересматривать кемалистские интерпретации вопроса «Кто такие турки?» и «Из чего состоит турецкая идентичность?», которые лежали в основе национальной политики страны в республиканский период. Так, турецкий антрополог и историк культуры Б.Гювенч отмечает: «Турецкая идентичность – это, по сути, антология исторической антропологии, призванной исследовать исторические корни нашей турецкой культуры. “Кто мы? Откуда мы начались и куда следуем?” – ответы на подобные вопросы составляют нашу идентичность, а противоречия между ними – проблему нашей идентичности. В этом плане последняя является исторической проблемой». Она же, в свою очередь, порождает дополнительные вопросы: «Почему турки не смогли стать полноправными хозяевами государств, которые они создавали? Почему были постоянно унижаемы и обзывались “невежественными”? Почему османы не называли себя “турками”, в то время как весь мир признавал их таковыми?». ⁸ Таким образом, историкам, обращающимся к теме турецкой идентичности в османский период, приходится одновременно искать ответ на существенные научные и общественные вызовы, связанные с политическими реалиями современной Турции.

Столь же актуальной проблемой турецкой историографии сегодня остается освещение вопроса так называемой «османской идентичности»,

⁸ Türk aydını ve kimlik sorunu. P. 15

о чем задумывается в своей монографии один из современных историков С.Озбаран: «Кто такие османы? Как мы их видим с высоты сегодняшнего дня и как определяем их главные особенности? Под какой идентичностью (идентичностями) они себя осознавали? ... В какой степени османы были турками? Каково место турок в османской культуре? Было ли вообще место “турецкости” в османской идентичности? Что означало понятие “туркман” для османов?».⁹

Следует признать, что современная турецкая историография не дает однозначных ответов на вышеприведенные вопросы. Один из ведущих исследователей османской истории Х.Иналджик признает, что «Османская империя не являлась “Турецкой империей”. Это было многоязычное, поликонфессиональное и мультикультурное образование, которое в этом отношении может быть сравниваемо с другими империями, существовавшими в истории. То, что европейцы настойчиво называли Османскую империю “Турцией”, а османов “турками”, связано исключительно с их собственными взглядами».¹⁰ Не столь категорично судит по этому поводу М.Кунт, исследующий восточную политику Османской империи. Автор отмечает, что «без выяснения сущности Османской империи, той степени в какой она была “турецкой” и “мусульманской”, невозможно понять смысл ее восточной политики в начале XVI столетия. Была ли Османская империя турецким государством? И пусть данный вопрос не покажется читателю наивным. Ответ на него не столь прост, чтобы не задумываясь сказать “да, естественно”. Следует ответить “да, но с некоторыми оговорками”».¹¹

В меньшей степени интерес к означенной теме проявляется и в западной тюркологии. Стоит ли говорить о том, что многие современные авторы, обращающиеся к различным аспектам истории Османской империи, считают необходимым так или иначе затронуть вопрос об этнополитической сущности данного государственного образования. Достаточно упомянуть труд известного британского историка К.Имбера, который отмечает, что Османское государство не было исключительно мусульманским, как и исключительно турецким, а скорее всего, являлось династической империей, где единственным требованием ко всему многообразию населения было соблюдение верности султану. Лояльность, которая требовалась от тех, кто не занимал государственные посты, заключалась лишь в том, чтобы те не бунтовали и платили налоги. Таким образом, не религиозная, этническая или иная идентичность, а личность султана сплачивала империю.¹²

⁹ Özbaran S. Bir Osmanlı kimliği. P. 5

¹⁰ Inalcık H. The meaning of legacy: the Ottoman case. P. 19

¹¹ Türkiye Tarihi. 2. Osmanlı Devleti. P. 72

¹² Imber C. The Ottoman Empire. 1300-1650. P. 3

Следует отметить, что в советской и российской историографии данная тема была впервые широко рассмотрена в монографии Д.Е.Еремеева «Этногенез турок». Автор на основе достаточно обширного круга источников определил и проследил основные этапы этногенеза турецкого народа в средние века и новое время. Вместе с тем, появившийся за прошедшие с выхода книги более четырех десятилетий целый пласт исследований и источников, безусловно, требует обобщения фактического материала и нового взгляда на проблему.

В западном востоковедении нужно особо указать на ставшие классическими труды К.Каэна¹³ и С.Вриониса¹⁴. Первая книга посвящена доосманскому периоду истории Малой Азии и освещает политические, экономические, социальные события, сопровождавшие тюркское завоевание Анатолии, историю Сельджукского государства и эмиратов в Малой Азии с серьезным анализом этнических изменений, происходивших под влиянием тюркских миграций в этот регион. Книга С.Вриониса охватывает XI-XV вв. и повествует об упадке византийской государственности и культуры в результате так называемых процессов тюркизации и исламизации Анатолии, т.е. об этнорелигиозной трансформации и смене цивилизационной сущности Малой Азии. Иными словами, весь пафос монографии построен на демонстрации противостояния византийского эллинизма и тюркского номадизма, которое привело к коренным внутренним изменениям обеих культур и, в итоге, поглощению одной культуры другой.

Действительно, в XI столетии Византия впервые сталкивается с наступлением мигрировавших из Средней Азии и Хорасана туркмен, бывших частью огузов, народа тюркского происхождения, название которого в источниках на разных языках встречается в различных вариантах – *узы, гузы, огузы, тюрки, туркмены, туркмены* и т.д. Образование Великой Сельджукской империи во главе с султаном Тогрулом дало мощный стимул для активизации действий туркмен в Малой Азии, которое завершилось в 1071 г. катастрофическим поражением византийской армии в битве при Малазгирте (Манцикерте) и открыло путь многочисленным массам туркмен для относительно беспрепятственного проникновения на запад и заселения новых земель. Появление нового Сельджукского государства Малой Азии со столицей в Конье, которое возглавила боковая ветвь Сельджукской династии, создало новые политические и культурные реалии в регионе. Отныне турки стали не только постоянным, но и все более усиливавшимся и расширявшим сферу своего влияния элементом в сложной мозаике региона. Противостояние между «эллинским» и тюркским мирами длилось с разной интенсивностью до середины XV столетия, когда османский султан Мех-

¹³ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey

¹⁴ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor

мед II Фатих завоевал Константинополь, а вскоре и Трапезунд, положив конец политическому существованию византизма в Малой Азии.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что эпоха с XI по XV столетия характеризуется не только постепенным вытеснением из Малой Азии византийско-православной культуры тюркско-мусульманской. В ходе этого противостояния происходил и чрезвычайно сложный, противоречивый и нелинейный процесс формирования новой тюркской среды в регионе. Постепенная этнополитическая интеграция тюркской общности Анатолии вокруг сельджукской государственности в XI – начале XIII столетий была насильственно прервана монгольскими завоеваниями, разгромом и упадком Сельджукского султаната, деградацией его консолидирующих функций. После относительно непродолжительного монгольского доминирования Малая Азия вступила в эпоху политической раздробленности, появления на месте единого Сельджукского султаната более двух десятков мелких государственных образований – так называемых анатолийских бейликов или эмиратов, которые до известной степени напоминали русские «удельные» княжества, синхронно возникшие на развалинах Киевской Руси.

Следует сразу оговориться, что можно вести речь о двух «периодах бейликов» в истории Малой Азии. Первый или ранний, т.н. сельджукский этап (XI-XII вв.) был связан со спецификой тюркского завоевания Малой Азии и становления тюркской государственности в данном регионе. Начало его условно можно отнести к битве при Малазгирте в 1071 г. между сельджукской и византийской армиями. Наступавшие с разных направлений огузо-туркменские племена во главе со своими предводителями закреплялись в тех областях, которые им удавалось занять. Они устраняли в них византийскую администрацию и устанавливали собственную власть, которая постепенно кристаллизовалась в определенную модель государственного образования. Не случайно большинство этих эмиратов территориально было сосредоточено в центральных и восточных областях Анатолии, не подпавших еще под контроль Сельджукского султаната Малой Азии с центром в Конье. В частности, эмиры Данишмендиды подчинили себе центральные районы Анатолии, которыми управляли из своей столицы Сиваса, Ахлатшахи контролировали район севернее озера Ван и правили в Ахлате, Менгюджеки – в Эрзинджане, а затем в Дивриги, Салтукиды – в Эрзеруме, различные ветви Артукидов – в Мардине, Хасанкейфе и Харпуте, эмиры Иналогуллары – в Диярбекире и т.д. Правящие династии этих эмиратов не всегда признавали верховенство сельджукских султанов Коньи, а подчас и жестко конкурировали с ними, как, например, могущественные одно время эмиры (малики) Данишмендиды. Многие из этих эмиратов прекратили свое существование в результате успешной политики централизации, которую проводили Сельджукиды Малой Азии в XII – начале XIII вв. Однако некоторым из них, на-

пример Артукидам, удалось пережить падение Сельджукского государства и монгольское господство в Анатолии, доведя свой век до начала XV столетия. Они стали свидетелями подъема молодого Османского государства, которому предстояло отстоять в острой борьбе со своими соперниками право на миссию «собирателя земли турецкой», и явились своеобразным мостом, перекинувшимся от сельджукской до раннеосманской эпохи.

Второй «период бейликов» был вызван падением Сельджукского государства Малой Азии под ударами монголов в середине XIII в. Дезинтеграция политической власти в регионе открыла путь возникновению новых государственных образований на обломках Сельджукского государства со второй половины этого столетия. Постепенное ослабление монгольского контроля над Анатолией дало возможность новым тюркским бейликам в полной мере ощутить вкус к самостоятельности и выдвинуть претензии на независимое существование. Эмираты Гермиян, Караман, Айдын, Сарухан, Ментеше, Эретна, Джандар, Дулкадыр и другие, возникшие на руинах некогда единого сельджукского политического пространства, составляли многогранную и причудливую мозаику тюркской Анатолии в XIV – начале XV столетий. Военно-политические отношения между ними характеризовались жесткой конкуренцией и частыми столкновениями, чередовавшимися периодами мирного сосуществования, политическими коалициями и нередко матримониальными союзами. Все это дает широкий простор для пера историка.

Однако в задачи данной работы не входит детальное описание всех перипетий междинастийных отношений и борьбы, на которые столь богат период анатолийских бейликов. История Малой Азии в это время – это колоссальная кладезь информации, которую было бы наивно стараться вместить в рамки одной монографии. Что действительно было важно для автора, это по мере возможности проследить процесс постепенного складывания и эволюции тюркской (турецкой) этнической общности в Малой Азии на фоне бурной политической истории региона в XI-XV столетиях. Поэтому внимание в книге уделяется больше этнополитическим процессам внутри этой среды, нежели взаимоотношениям тюркских государств с другими государственными образованиями на западе и востоке. Вопросы контактов османов и других анатолийских эмиратов с Византией, балканскими княжествами, мамлюками и т.д. затрагиваются лишь в той степени, в какой они оказывали влияние на развитие ситуации внутри тюркской среды Малой Азии. Более того, в исследовании истории «периода бейликов» в Анатолии XIV-XV веков был избран традиционный «османоцентристский» метод подачи материала, когда основное внимание фокусируется на централизаторской политике Османского государства и этнополитической консолидации тюркского населения Малой Азии вокруг ос-

манского ядра, а история других эмиратов освещается по мере их вовлечения в орбиту османских интересов. Думается, подобный путь оправдан в силу необходимости селективного подхода к обилию исторического материала, о чем было сказано выше. Данный метод вызван также той центральной ролью, которую играло Османское государство в этнополитической интеграции тюркского населения Анатолии в средние века, и, соответственно, в формировании и развитии турецкого народа.

У читателей могут возникнуть вопросы в связи с правомерностью употребления различных этнонимов для обозначения тюркского населения Малой Азии – «туркмены», «туркмены», «тюрки», «турки». Принципы использования этих терминов в книге связаны не только с этносоциальным, но и хронологическим контекстом, хотя, следует признать, что до известной степени они носят условный характер. В частности, в аутентичных источниках встречаются обе формы арабографического написания слов «туркмен» (ترکمن) и «туркман» (ترکمان). Они имеют синонимичный и взаимозаменяемый характер и относятся к кочевому тюркскому (огузскому) населению, которое мигрировало на Ближний Восток из Средней Азии и Хорасана в сельджукскую эпоху в XI – начале XIII столетий. Вместе с тем, когда речь идет о раннем периоде тюркского политического доминирования в регионе, мы использовали этноним «туркмен» с тем, чтобы подчеркнуть этническую общность огузо-туркменского населения Средней Азии и Ближнего Востока в сельджукское время. Однако с начала XIV столетия для обозначения кочевого тюркского (огузского) населения в Анатолии, Азербайджане, Сирии и Ираке более правомерно употребление этнонима «туркман», поскольку ввиду распада единого сельджукского политического пространства постепенно происходила неизбежная и естественная этнокультурная и лингвистическая дифференциация между теми туркменами, которые остались на своей первоначальной родине в Средней Азии, и того массива, который мигрировал в регион Ближнего Востока. Для обозначения первых продолжает употребляться этноним «туркмен», который они сохранили по сей день. Вторые же в течение длительного времени использовали в качестве автоэтнонима слово «туркман», что подтверждается большинством османских и персоязычных источников. В дальнейшем, начиная с XVI столетия, в Анатолии, Азербайджане и Иране этот термин, в основном, стал выходить из употребления ввиду перехода большей части туркман к оседлой жизни, а также продолжавшихся процессов этногенеза турецкого и азербайджанского народов на общей огузо-туркманской этнической базе. Однако на Кавказе и в Иране еще в начале прошлого столетия использовалось слово «терекеме» или «терекеминцы» (арабская форма мн. числа от слова «туркман» или «туркмен» – «теракиме»), относящееся к этнографической группе

азербайджанцев, сохранивших полукочевой образ жизни и занимавшихся отгонным скотоводством. В то же время, и сегодня тюркское население на севере современного Ирака и Сирии называет себя «туркманами» («туркоманами»), сохраняя этнокультурную преемственность со своими далекими предками.

Что же касается этнонимов «тюрки» и «турки», то они не имеют столь отчетливо выраженного социального характера, да и разница между ними связана со спецификой русской научной лексики и никак не отражена в оригинальных источниках на восточных языках (например, в турецком языке они оба выражаются одним словом «Türk»). Более детальный анализ терминов дан внутри книги. Здесь же ограничимся указанием на то, что слово «тюрки» используется в более широком контексте для обозначения как тюркоязычных народов в целом, так и тюркского населения Малой Азии и Азербайджана, причем, и кочевого, и оседлого. Этноним «турки» же имеет более конкретный характер и относится к той этнической общности или народу, который начиная со второй половины XIV – начала XV столетий постепенно формируется в пределах Османского государства на территории западной Анатолии и Балкан и интегрируется вокруг османского политического ядра.

Следует также внести ясность в использование терминов «сельджуки» и «османы», вынесенных в название книги. Второе слово является аналогом термина «Osmanlı» или «Osmani», впервые зафиксированного в исторических источниках в начале XV в. Оно произошло от имени Османа, основателя Османского государства, и первоначально использовалось в качестве политонима, означавшего людей, выразивших свою приверженность и лояльность династии Османа (*Al-i Osman*). В последующие столетия этот термин стал обретать и свойства этнополитонима, который относился ко всем подданным Османской империи независимо от их этноконфессионального происхождения. Слово «сельджуки» также является общепринятым в российской и западной (*Seljuks*) востоковедной литературе. Обычно сама правящая династия Сельджукской империи в научной литературе называется «Сельджукиды», в то время как слово «сельджуки» используется для обозначения либо той части средневековых туркмен (огузо-туркменских племен), которые признавали верховенство династии, либо всего тюркоязычного населения, которое находилось в пределах сельджукского политического пространства.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю признательность руководству и членам Научного совета Международного Института Центральноазиатских исследований за включение данной монографии в академическую программу института и поддержку в публикации книги. Считаю приятным долгом поблагодарить руководство Института востокове-

дения РАН и сотрудников Сектора Турции за обсуждение и рекомендацию книги к изданию. Хотелось бы также с благодарностью отметить помощь и консультации коллег из Института востоковедения НАН Азербайджана в процессе подготовки монографии. Конечно же, особая признательность С.Ф.Орешковой, взявшей на себя труд ответственного редактора книги, а также М.С.Мейеру и Н.М.Велиханлы, которые познакомились с рукописью книги и дали положительные отзывы.

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ ТЮРКСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ МАЛОЙ АЗИИ В СЕЛЬДЖУКСКУЮ ЭПОХУ (XI-XIII вв.)

Тюрки на Ближнем Востоке в сельджукскую эпоху

Широкие просторы евразийских степей играли в истории роль своеобразного кипящего котла, который временами выплескивал из себя гигантские людские массы, вызывая тем самым великие переселения народов. Как правило, они являлись следствием образования в Центральной Азии могущественных кочевых империй, которые приступали к осуществлению широкомасштабных завоеваний. Миграционные волны, зарождавшиеся у подножий Китайской стены, распространялись на юг и, чаще на запад, преодолевали тысячи километров, вбирая в себя по пути десятки и сотни различных племен и народов, и достигали Европы, а иногда и берегов Атлантики.

Как результат этих массовых миграций происходило изменение этнополитического облика древнего и раннесредневекового мира. «Великое переселение народов» в III-V вв. началось с образования Гуннской империи и движения гуннских племен от границ Китая до середины Европы, что подобно эффекту домино всколыхнуло этнические сообщества во всей известной ойкумене и способствовало исчезновению части старых и зарождению ряда новых этносов. Возникновение в середине VI столетия Аварского каганата, вобравшего обширные территории в юго-восточной Европе, послужило причиной перемены мест многих племен и народностей. Тюркский каганат в VI-VIII вв. взял под контроль основные маршруты Шелкового пути, связывавшего Восток с Западом, что знаменовало один из важнейших этапов распространения тюркских народов и племен на этих просторах. Тюркские каганы создали первую в истории евразийскую империю, простиравшуюся от Маньчжурии до Черного моря и от Енисея до Амударьи, политическое и культурное наследие которой оказало огромное влияние на историю Центральной Азии и юго-восточ-

ной Европы.¹⁵ Завершающим звеном в этой цепи великих переселений, проистекавших из глубин евразийских степей, стали монгольские завоевания. Объединение в XIII в. в составе империи Чингиз-хана гигантских просторов от Монголии и Китая на востоке до границ Венгрии в Европе привело к крупномасштабным этническим изменениям в средние века, формированию нового этнополитического облика Старого света.

Одним из важнейших последствий упомянутых масштабных миграций было распространение тюркских племен и народов в обширном ареале от северного Китая и евразийских степей до северной Индии, Ближнего Востока, восточной Европы. Тюрки, составлявшие ведущий элемент всех этих этнических масс и именовавшиеся в китайских, византийских, сирийских, армянских, арабских источниках под различными этноплеменными названиями – хунну, гунны, сяньби, авары, тюрки, уйгуры, гузы, хазары, савиры, болгары, печенеги, карлуки, кыргызы, куманы, кимаки, кыпчаки, половцы и т.д., делились на множество племен и говорили на различных языках и диалектах тюркской группы.

Впервые термин «тюрк» встречается в древних согдийских и китайских источниках. Впоследствии он стал использоваться и в сирийских, византийских, санскритских, арабских и персидских источниках. В V в. н.э. это слово означало «Тюркский эль», или возникшую на Алтае конфедерацию 10-ти (впоследствии 12-ти) племен, происходивших, согласно древнетюркской легенде, от общего прародителя – «Серого волка». После образования в 551 г. государства на основе этой конфедерации политическое содержание слова расширилось, и оно стало относиться не только к правящей каганской династии Ашина, но и к возглавляемому ими государству – Тюркскому каганату. Вместе с тем, термин «тюрк» еще не имел того широкого этнолингвистического значения, которое он приобрел в последующие столетия.¹⁶ В орхонских эпитафиях Кюль-Тегину (732 г.) и Бильге-кагану (734 г.), являющихся одними из ранних тюркских письменных памятников, этим словом обозначались не все народы, говорившие на языках тюркской группы, а лишь тот, к которому относилась правящая династия каганов. Все прочие тюркские народы обозначались под своими этноплеменными названиями, как то уйгуры, огузы, тюркешы, тардуши, басмылы и т.д. Лишь в произведениях средневековых арабских авторов слово «тюрк» стало приобретать значение этнонима, который объединял все народы и племена, говорившие на тюркских языках. Арабские географы X в. уловили общность языков, на которых говорили народы от печенегов северного Причерноморья до различных племен на гра-

¹⁵ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С. 85-86

¹⁶ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. С. 395

нице Китая, отметив при этом особые языки булгар и хазаров, которые были непонятны прочим тюркским народам.¹⁷

Таким образом, слово «тюрк», в прошлом служившее названием основного этнического элемента Тюркского каганата, стало теперь относиться к широкому спектру народов и племен, говорящих на языках единой лингвистической группы. Со временем сами эти народы и племена, принявшие ислам, под влиянием арабской культуры и литературы адаптировали данный термин в качестве своего общего этнонима. Уже в XI столетии Махмуд Кашгари, написавший первую сравнительную грамматику тюркских языков, назвал свое произведение «Диван лугат ат-тюрк» (Словарь тюркских наречий).

Хотя в определенные периоды истории тюрки и входили в состав одного государства, тем не менее, они, в целом, не представляли собой единого политического образования и делились на различные ветви. Китайский автор Ли Боло сообщает о них: *«Хотя тюрки и называются единым государством, но это племя разделено на различные ветви, и каждая из них имеет собственного правителя»*.¹⁸ Сведения арабского историка и географа IX в. Якуби подтверждают информацию китайского автора: *«А Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и несколько государств, в том числе, карлуки, токузгузы, тюргеши, кимаки и гузы. У каждого племени тюрков отдельное государство»*.¹⁹ В начале XIV в. везир Ильханидов Рашид ад-Дин в «Фихристе» к своей всеобщей истории «Джами ат-таварих» следующим образом представляет главу, посвященную тюркам: *«Первый раздел посвящен повествованиям о появлении [на исторической сцене] тюркских народов, каковы их разветвления на разные племена и подробности жизни предков каждого народа на [их] общем пути»*, а во введении («Дибаче») добавляет: *«Введение включает сведения о пределах местожительства тюрков и подробное перечисление имен и прозваний каждого племенного подразделения этого народа»*.²⁰

Огузы составляли одну из основных ветвей тюркских народов. Марвази называет гузов (огузов) среди крупнейших тюркских племен.²¹ Не случайно тот же Рашид ад-Дин начинает первую часть своего «Сборника летописей», посвященную истории тюркских народов, именно с огузов – *«Глава первая – повествования о народах, [происшедших от] Огуза»*.²² Важность

¹⁷ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 37. К примеру, Истахри отмечал: *«Язык хазар ни турецкий, ни персидский и не связан с языками никаких других народов»* (См.: Минорский В.М. История Ширвана и Дербента X-XI веков. С. 142)

¹⁸ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. С. 265

¹⁹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 149

²⁰ Фазлаллах Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Т. I. Часть 1. С. 29

²¹ Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. P. 29

²² Фазлаллах Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Т. I. Часть 1. С. 29

огузов в сообществе тюркских народов определялась тем, что они являлись одним из ключевых этнополитических компонентов Тюркского каганата, составляя один из столпов империи после собственно тюрков, к которым принадлежала правящая династия Ашина. Известно, что они в этот период населяли территории севернее тюрков. В надписях Бильге-кагана этот правитель наряду с тюркским народом обращается и к огузам: «(О вы), тюркские (и ?) огузские беги и народ, слушайте!».²³ По мнению В.В.Бартольда, в орхон-енисейских памятниках слова «тюрк» и «огуз» могут восприниматься и как синонимы.²⁴ Вместе с тем, известно о неоднократных восстаниях против тюркских каганов, в которых огузы принимали активное участие.

В 744 г. под натиском соседних басмылов, уйгуров и карлуков Тюркский каганат прекратил свое существование. После этого огузы перешли в подчинение Уйгурского каганата, который возник на развалинах Тюркского каганата. Но снова наряду с некоторыми другими народами они несколько раз (в 750, 752-753, 757-759 гг.) были вовлечены в крупные восстания и выступления против уйгурских каганов.²⁵ Тем не менее, как и в период Тюркского каганата, огузы считались вторым важным этнополитическим элементом государства. Уйгурский каганат просуществовал в течение почти целого столетия на территории современной Монголии в бассейне реки Орхон и пал в 840 г. в результате нашествия енисейских кыргызов, а его столица город Орду-балык была полностью разрушена.²⁶

Гибель Уйгурского каганата привела к новым перемещениям и миграциям тюркских народов и племен на востоке. Так что 13 уйгурских племен (колен), обитавших у берегов реки Орхон, вынуждены были отойти в сторону китайской границы, в то время как их земли были заняты кыргызами. Предполагается, что именно в этот период значительные массы огузов также покинули места проживания и откочевали в степи между Сырдарьей и Аралом. Во всяком случае, уже в первой половине X в. арабские географы считали территории на восточном побережье Каспия от Мангышлакского полуострова до юга Аральского моря и северных границ Бухары в Мавераннахре землями огузов, называя их «мафазат ал-гузийя» (гузская или огузская степь).²⁷

Следует отметить, что не существует единого мнения о точной дате поселения огузов в данном регионе, что объясняется, прежде всего, отры-

²³ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 39

²⁴ Бартольд В.В. Н.А.Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. С. 271

²⁵ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. С. 510

²⁶ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С. 104-105

²⁷ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 61; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С. 121

вочностью сведений источников. Некоторые историки допускают возможность их миграции на запад в эпоху первого Тюркского каганата, когда основатель государства Бумын-каган послал своего брата Истеми-кагана во главе десяти племен («онок» или «десять стрел») на завоевание западных земель. Захватив территории до реки Джейхун (Амударья), эти десять племен основали здесь Западнотюркский каганат.²⁸ Ф.Сумер предполагает, что огузы могли находиться в составе десяти племен и впервые поселиться в закаспийских степях и Мавераннахре. Свою мысль автор обосновывает тем, что сырдарьинские огузы, о которых сохранилось достаточно информации в арабских и персидских источниках, имели ту же дуальную систему этнополитической организации, что и племена «онок». Они делились на две ветви (или крыла), которые назывались «бозок» и «учок». Эти имена имеют в своем составе компонент «ок» (стрела) как и сочетание «онок», что, как считает Ф.Сумер, не было случайным совпадением. Кроме того, известно о назначении западнотюркскими каганами правителей с титулом «ябгу» над племенами, что также сближает их с огузами. Ибо известно, что так титуловались правители государства сырдарьинских огузов.²⁹

Однако С.Г.Кляшторный имеет иное мнение и отмечает, что заселение огузами этих территорий произошло не ранее второй половины VIII в., когда они под давлением карлуков вынуждены были мигрировать из Семиречья (Джетысу) в бассейн Сырдарьи. Здесь правитель огузов, претендовавший на главенство над всеми западнотюркскими племенами, принял титул «ябгу», заложив, таким образом, основу государства сырдарьинских огузов.³⁰ Во всяком случае, после распада Западнотюркского каганата на его территории возникли два новых тюркских государства – карлуки овладели Семиречьем и восточной областью Сырдарьи, а огузы создали свое государство на низовьях этой реки.³¹

Независимо от времени прихода огузов в эти земли, известно, что до них здесь обитал другой тюркский народ – печенеги. Махмуд Кашгари и Рашид ад-Дин считают печенегов одним из ответвлений огузов. Но, по всей видимости, они рано отделились от огузов,³² поскольку арабские и византийские источники, повествующие о событиях IX в., говорят о них как о самостоятельном народе. Между огузами и печенегами происходили кровавые столкновения, в результате которых последние вынуждены были покинуть свои места и в дальнейшем перейти в правобережье реки

²⁸ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 45

²⁹ Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). P. 24-25

³⁰ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С. 103

³¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 259

³² Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 91

Итиль (Волга).³³ Однако совместные удары огузов и хазар вынудили их переселиться дальше на запад в причерноморские степи между Доном и Дунаем. Константин Багрянородный в середине X в. пишет, что «*пачинакиты* (печенеги – Ш.М.) *сначала имели место своего обитания на реке Атил* (Волга – Ш.М.), *а также на реке Геих* (Урал – Ш.М.), *будучи и соседями хазар, и так называемых узов* (огузов – Ш.М.). *Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы*».³⁴ После этого мы находим большой массив информации о печенегах в византийских и русских источниках. В частности, в русских летописях сообщается об их войнах с русскими князьями.³⁵

После распада Хазарского каганата в XI в. часть огузов также переселилась в Северопричерноморские степи. Эти огузы, продолжавшие придерживаться своих старых языческих верований, в византийских источниках назывались «узы», а в русских летописях «торки». Здесь они вновь столкнулись с печенегами, которых вскоре выбили дальше на Балканы.³⁶ По сообщению Марвази, покинувшие свои места в Средней Азии огузы поселились на землях печенегов в Причерноморье.³⁷ Византийские императоры нанимали большое число представителей этих воинственных народов на службу. Любопытно, что позднее эти тюрки-язычники столкнулись лицом к лицу со своими соплеменниками – туркменами-мусульманами в сражении при Малазгирте между византийской и сельджукской армиями в 1071 г.

В принятии последними ислама и распространении мусульманской религии среди огузов большую роль сыграло влияние Саманидского государства, существовавшего в Мавераннахре примерно в 820-1000 гг. Тюрки, которые вели постоянную приграничную торговлю с оседлым ираноязычным населением в оазисах Средней Азии, не могли остаться вне влияния таких крупных городских центров как Бухара и Самарканд. После исламизации волжских булгар в 921 г. источники сообщают об обращении в мусульманскую веру еще двух народов в Туркестане. Один из них создал первое в истории мусульманское тюркское государство, позднее ставшее известным в науке как Караханидское. Другим народом были сырдарьинские огузы, создавшие в последующем Великую Сельджукскую империю.³⁸

³³ Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). P. 36

³⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 155

³⁵ См.: Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии.

³⁶ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 91; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С. 123

³⁷ Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. P. 30

³⁸ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 73

Ибн Фадлан, совершивший путешествие через страну огузов в 922 г. по пути в Волжскую Булгарию, оставил любопытные сведения о жизни, хозяйственном укладе, обычаях и верованиях древних огузов.³⁹ Они в этот период вели, в основном, кочевой образ жизни, и их этноплеменная структура, как было отмечено, имела дуальный характер. Первая (правая) ветвь огузов называлась «бозок», вторая (левая) – «учок», каждая состояла из 12 коренных племен. Арабские источники сообщают о существовании в их стране таких городов как Дженд, Янгикент, Сюткент, Сыгнак, Савран (Сауран), Карачуг и др. Янгикент (араб. – ал-Карьят ал-Хадиса, перс. – Дих-и Ноу) был стольным городом их правителя ябгу, который проводил здесь обычно зимний сезон.⁴⁰ По мнению В.В.Бартольда, эти города являлись торговыми колониями, основанными согдийцами в степях для ведения торговли с кочевниками.⁴¹ Основываясь на результатах новых археологических раскопок, К.М.Байпаков также считает, что эти города возникли задолго до прихода огузов в эти земли, и правомерно говорить лишь об огузском периоде в их истории.⁴² Вместе с тем, археологические материалы и данные письменных источников X в. свидетельствуют о наличии среди сырдарьинских огузов значительных групп оседлого, в том числе, городского населения.⁴³ В частности, автор географического сочинения «Худуд ал-алам» говорит о многочисленных купцах из огузов (гузов).⁴⁴ Торговцы из огузов, которых, кстати, было немало, являлись главными поставщиками мяса в соседние земли мусульман, а по сообщению Идриси, занимались экспортом этого товара даже в Византию.⁴⁵ Безусловно, названные города сыграли важную роль в распространении ислама среди огузов, которые до второй половины X в. все еще сохраняли свою приверженность язычеству.

Возникновение Сельджукской империи, ставшей важной вехой в мировой истории, связано с фактом исламизации огузов. Источники сообщают о принятии во второй половине X в. новой веры сыном Тукака Сельджуком, который занимал должность «сю-баши» (войскового на-

³⁹ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. С. 60-66

⁴⁰ Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 184, 217

⁴¹ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 61

⁴² Байпаков К.М. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Южного Казахстана. С. 54

⁴³ Еще Масуди сообщал, что огузы Приаралья разделялись на кочевых и оседлых, и что одна часть тюрков жила в городах и крепостях, а другая населяла степи и горы. Аналогичные известия содержались в трудах и других авторов, в частности Марвази и Фахр ад-дина Мерверуди. Последний отмечал, что оседлые турки разводили сады, огороды и виноградники (Агаджанов С.Г. Очерки по истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. С. 94).

⁴⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 211

⁴⁵ Peacock A.C.S. Early Seljuk history. P. 23

чальника) и принадлежал к племени кынык.⁴⁶ Это событие привело к кровавым столкновениям между приверженцами старых традиций, к которым принадлежал огузский правитель – ябгу, и сторонниками новой веры во главе с Сельджуком, а в дальнейшем и расколу государства сырдарьинских огузов.⁴⁷ Для Сельджука и его людей война со своими языческими соплеменниками стала джихадом, исполнением религиозного долга.

Именно с X в. в арабской и персидской литературе начинает употребляться термин «туркмен»/«туркман», который однозначно стал относиться к принявшим ислам огузам, хотя в вопросе этимологии этого слова средневековые авторы не были столь единодушны. Бируни, к примеру, считал его производным от сочетания «*торк-е иман*», т.е. «уверовавший тюрок».⁴⁸ Ряд других авторов, включая Рашид ад-Дина, интерпретировал его как измененную в просторечии форму «*торк-е маненд*» (подобный тюрку), как якобы ираноязычные народы называли огузов-мусульман.⁴⁹ Махмуд Кашгари же вообще приурочивал появление этого термина к эпохе завоеваний Александра Македонского в Средней Азии.⁵⁰ Тем не менее, важно то, что в мусульманской культурной традиции этот этноним стал использоваться в отношении исламизированных огузов, отличая их, таким образом, от соплеменников-язычников.⁵¹ Как отмечает К.Каэн, слово «туркмен» стало отличать кочевых тюрок-мусульман, с одной стороны, от оседлых тюрок, а с другой стороны, – от оставшихся язычниками кочевых огузов.⁵² Д.А.Ко-

⁴⁶ Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 365. Бар-Эбрей следующим образом объясняет причину принятия ислама Сельджуком и его приближенными: «Обосновавшись в области, жители которой были мусульманами, Сельджук и его сподвижники решили принять ислам, взвесив возможную выгоду такого шага: “Если мы не примем веру и обычаи народа страны, в которой мы хотим жить, то никто не станет нас уважать, и мы окажемся в меньшинстве, осужденном на одиночество”», – пишет автор. Придя к этому решению, они якобы направили посла в хорезмский город Зандак, находившийся поблизости от их пастбищ, и попросили *вали* города прислать им проповедника. Тот направил к ним миссионера с многочисленными подарками для новообращенных (Gregory Abu'l-Farac (Bar Hebraeus). Cilt I. P. 293; Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. С.. 172).

⁴⁷ Марвази пишет, что между огузами, принявшими ислам, и их соплеменниками-язычниками вспыхнула война, в которой количество мусульман становилось все больше, и в итоге они одержали победу и изгнали язычников (Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. P. 29).

⁴⁸ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. С. 193

⁴⁹ Фазлаллах Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Т. I. Часть 1. С. 86

⁵⁰ Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 312-313

⁵¹ Марвази сообщает, что когда огузы вошли в контакт с мусульманскими странами, часть из них приняла ислам, и с тех пор мусульман-огузов стали называть *туркменами* (Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. P. 29).

⁵² Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 8. Любопытные пояснения о различии этнонимов «тюрок» («турок») и «туркмен» («туркоман») приводит историк крестовых походов Вильгельм

робейников также считает, имея ввиду население Малой Азии, что разница между терминами «туркмены» и «тюрки» заключалась не в их языке или этнических различиях, а в их среде обитания; в то время как название «тюрки» могло быть применено одновременно к оседлому и кочевому населению, туркмены почти всегда были кочевниками.⁵³ Вместе с тем, сами туркмены в XI-XII вв., т.е. в период их массовой миграции на Ближний Восток, еще не использовали этот этноним, продолжая называть себя «огузами». Он стал распространяться в их среде лишь с начала XIII столетия.⁵⁴

Туркмены в X в. выступили в поддержку Саманидов в их борьбе с караханидскими тюрьками⁵⁵ и в благодарность получили от первых позволение поселиться на землях между Бухарой и Самаркандом, в районе Нур-и Бухара (совр. Нурата). По сообщению Хамдуллаха Казвини, это произошло в 985 г.⁵⁶ Однако распад государства Саманидов в конце X столетия полностью изменил политическую картину Средней Азии. Началось соперничество за раздел саманидских владений между Караханидами и Газневидами – тюрькской династией, установившей свою власть в северной Индии. В этой борьбе приняли участие и более мелкие силы, включая Сельджукидов.

После смерти Сельджука его внуки Тогрул и Чагры, сыновья Микаила, встали во главе туркмен, хотя для этого им пришлось преодолеть сопротивление некоторой их части, которая подчинялась другому сыну Сельджука ябгу Арслану (Исраилу). В условиях соперничества в Мавераннахре двух мощных тюрькских государств туркмены попытались получить покровительство Газневидов. Однако вскоре под давлением султана Махмуда Газневи (998-1030) они стали покидать Мавераннахр и постепенно переселяться в Хорасан. Одновременно, в поисках новых земель они обратили взоры на западные страны. С этой целью туркменская конница в составе примерно трех тысяч всадников впервые совершила далекий рейд в Азербайджан и Анатолию с разведывательными целями.⁵⁷ По сведениям Мир-

Тирский. Он считает, что эти народы имеют общее происхождение, однако часть из них в свое время выбрала себе «короля» Сельджука, создала собственное государство и очень быстро достигла такого могущества, что стала господствовать над всем Востоком. Эта часть стала называться «турками» в отличие от тех, кто не изменил прежнего образа жизни и продолжал называться «туркоманами» (История Средних веков. С. 37). Однако следует учесть, что данная интерпретация относится к более позднему периоду, когда Сельджукиды установили свое политическое господство на Ближнем Востоке.

⁵³ Korobeinikov D.A. How 'Byzantine' were the early Ottomans. P. 224

⁵⁴ Çobanzadə B. İbn Mühənnə və onun lüğəti. P. 68; Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). P. 51

⁵⁵ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. С. 198

⁵⁶ К.Каэн возражает против столь ранней, по его мнению, даты и считает, что туркмены могли появиться в районе Нура около 1004-05 г. (Paul J. Nomads and Bukhara. P. 506).

⁵⁷ Это событие, по сообщению Матфея Эдесского, произошло в 1016-17 г. (Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 150). В это время

хонда возглавлял туркменскую конницу Чагры, который, пройдя через Рей, достиг Азербайджана и встретил здесь своих соплеменников, переселившихся в эти районы в более раннее время.⁵⁸ Объединившись с ними, сельджукские воины совершили набег в провинцию Васпуракан, т.е. области, расположенные у озера Ван. Матфей Эдесский сообщает, что туркмены вступили *«в область Васпуракан, и безжалостно предали христиан острию меча... До этого армяне никогда не видели тюркских всадников. Когда они впервые встретились с тюрками, вооруженными луками и носившими длинные волосы, словно женщины, они нашли их страшными на вид. Армянские войска не привыкли противостоять стрелам»*.⁵⁹

Этот первый поход на запад подготовил почву для дальнейших, более решительных действий и начала масштабного переселения туркмен в страны Ближнего Востока. Уже в 1032 г. под давлением внешних обстоятельств они были вынуждены покинуть окрестности Бухары и перебраться в Хорезм.⁶⁰ Но, не будучи способны укрепиться и здесь, туркмены устремили свои взоры к Хорасану. Так, по образному выражению О.Турана, началось «великое переселение тюрков».⁶¹ В 1036-1037 гг. Чагры занял Мерв, а в следующем году Тогрул овладел Нишапуром и сделал этот город своей столицей.⁶²

Следует отметить, что на первом этапе массовое переселение туркмен на запад не носило систематического и организованного характера. Известно, что еще в правление султана Махмуда Газневи отдельные их группы спорадически проникали на территорию Ирана и Азербайджана, постепенно закрепляясь на новых землях.⁶³ Способность туркмен быстро завоевывать отдаленные области была связана, прежде всего, с их кочевым образом жизни и присущей им воинственностью. По словам К.Каэна, «браться немедленно за оружие для этих кочевых групп было так же естественно, как и дышать. Туркмены, видели себя хозяевами той или иной территории еще до того, как завоевывали ее».⁶⁴

византийский император Василий II был занят на Балканах окончательным покорением Болгарии, за которую он вел длительную и кровопролитную борьбу с болгарским царем Самуилом и в результате чего получил прозвище Болгаробойца (Успенский Ф.И. История Византийской империи. С. 425). Однако, по мнению К.Каэна, приведенная Матфеем Эдесским дата ошибочна, и сельджукский рейд мог произойти лишь в период правления султана Махмуда Газневи, скорее всего, в 1029 г. (Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 4).

⁵⁸ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 90-91

⁵⁹ Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 48

⁶⁰ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 360

⁶¹ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 94

⁶² Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 5

⁶³ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. С. 189

⁶⁴ Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 5

Смерть султана Махмуда и начавшиеся в Газневидском государстве беспорядки облегчили туркменам их дальнейшие шаги. Преемник Махмуда, султан Масуд (1030-1041), как указывает В.В.Бартольд, унаследовал лишь дурные качества своего отца. В его правление своеволие и разнузданность чиновников достигли таких размеров, что население было вынуждено посылать прошения «тюрокским государям», т.е. Караханидам, с просьбой вмешаться и спасти простой народ. Туркмены воспользовались ослаблением власти Газневидов и, как было сказано, в массовом порядке стали переселяться в Хорасан, а оттуда двигаться далее на запад.⁶⁵ Султан Масуд не мог смириться с потерей такого важного региона как Хорасан, и потому в 1038 г. снарядил против них армию, но не смог добиться успеха.⁶⁶ В 1040 г. он сам во главе многочисленной армии совершил поход против туркмен. В сражении при Данданакане 23 мая того же года Газневиды потерпели сокрушительное поражение.⁶⁷ С этой даты начинается история Великой Сельджукской империи.

Победа туркмен еще более активизировала процесс их миграции в страны Ближнего Востока. Распространявшиеся слухи о несметных богатствах, ожидавших их на западе, разжигали в них пыл к новым завоеваниям. В результате Сельджукское государство за короткое время значительно расширило территорию, включив в свой состав Тохаристан, Герат, Хорезм и ряд областей Ирана. Принявший титул «султана» Тогрул перенес столицу империи из Нишапура в Рей.⁶⁸ Эти завоевания осуществлялись, прежде всего, силами туркменских племен, которые, получали возможность селиться на новоприобретенных землях.

Среди историков нет единого мнения относительно масштабов происходивших миграционных процессов. В целом, чрезвычайно сложно выдвигать гипотезы о количестве туркмен, участвовавших в этих переселениях на Ближний Восток. Сведения об этих событиях в источниках носят отрывочный, а подчас и преувеличенный характер,⁶⁹ хотя они единодуш-

⁶⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 355-356

⁶⁶ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. С. 194-196

⁶⁷ Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 233

⁶⁸ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 111

⁶⁹ Например, широко известен рассказ из произведения «Ал-Ураза фи хинайат ас-Салджукиййа» Мухаммеда ал-Хусайни ал-Йазди о том, как однажды султан Махмуд Газневи поинтересовался у Ябгу-Арслана (Исраила), которого держал при себе в качестве заложника, о численности войск, которые могли бы выставить туркмены в случае необходимости оказать помощь Газневидам. В ответ Ябгу-Арслан вытащил из колчана три стрелы и сообщил, что если он пошлет их в Хорасан, Балхан и Туркестан, то оттуда на подмогу придут соответственно сто, пятьдесят и двести тысяч всадников. Эти цифры якобы всерьез обеспокоили и заставили задуматься султана Махмуда (см.: Köprülü M.F. Osmanlı İmparatorluğu'nun etnik menşei meseleleri. P. 251-252). Эта история в разных версиях повторяется и в произведениях Равенди (Материалы по истории

но сообщают о многочисленности туркменских масс, двигавшихся на запад. О.Туран подтверждает вышесказанное следующим примером из источника об истории Сельджукидов, в котором пишется, что *«тюрки вошли во все страны, завоевали все города и, не повстречав никаких преград, повсюду распространились. Так что не осталось страны, которой бы они ни завоевали, воды, которой бы они ни испили, костра, который бы они ни разожгли. Правители в страхе перед их натиском бежали, и они заполнили города, в которые пришли, изгнали оттуда их правителей и назначили своих управителей»*.⁷⁰ Автор «Родословной туркмен» Абул-Гази Бахадур-хан поэтически освещает этот процесс великого переселения: *«Осталась ли та дорога, по которой не следовал огузский народ? Осталась ли страна, которую он не завоевал и поселился в ней?»*.⁷¹ В «Хронике» Михаила Сирийца также встречаются фразы о том, как тюрки запрудили поверхность земли, о нехватке места на земле, чтобы вместить их, что также должно косвенно свидетельствовать о масштабах тюркской миграции на Ближний Восток.⁷²

В то же время в научной литературе высказываются различные мнения о реальных экономических, демографических и климатических причинах этого явления. Так, одним из объяснений начала тюркских миграций в XI столетии являются серьезные климатические изменения, в частности, высыхание обширной Туркестанской равнины.⁷³ Некоторые авторы пишут о периоде «большого похолодания», который начался примерно в 920 г. и продолжался в XI в., став основным фактором, сподвигшим огузов к поиску новых пастбищ и перемене мест обитания. Действительно, последние исследования свидетельствуют, что в X-XI вв. климат в регионе Приаралья стал холоднее и суше, резко снизился годовой уровень осадков. И лишь с XIII в. здесь вновь наблюдается потепление и повышение влажности.⁷⁴ Безусловно, происходившие климатические изменения оказывали прямое воздействие на образ жизни и поведение огузов, основу экономической деятельности которых составляло экстенсивное скотоводство и благополучие которых непосредственно зависело от погоды, осад-

туркмен и Туркмении. С. 361), Садр ад-Дина ал-Хусайни и Керим ад-Дина Аксарайи (Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. С. 174-175; Müsameret ül-Ahbar. P. 12)

⁷⁰ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 113

⁷¹ Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. С. 62

⁷² Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 113

⁷³ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 25

⁷⁴ Подробно данные вопросы рассматриваются в статье Ю.Паула (Paul J. Nomads and Bukhara. P. 520-528). Позиция самого автора заключается в том, что изменения климата в указанный период были не столь драматичны, чтобы вызвать великие переселения, хотя растущая засухливость действительно накаляла конкуренцию между номадами за имеющиеся пастбища. Основные мотивы, вызвавшие массовые миграции туркмен в XI в., по мнению Ю.Паула, следует искать, прежде всего, в политических причинах.

ков и наличия достаточных пастбищ. Кроме того, демографический рост также побуждал их к поиску новых земель. Так, по сообщению Бейхаки, переселившиеся в Хорасан туркмены жаловались, что там уже *«имеются другие туркмены, да придут еще, ибо пути через Джейхун и Балханкух открыты. Область, кою нам отдали – тесна и не вмещает народ, который у нас имеется»*.⁷⁵ В аутентичных источниках сохранилось немало примеров, подтверждающих связь туркменских миграций в сельджукскую эпоху с экономическими причинами. Бар-Эбрей пишет, что численность воинства сельджукского султана Тогрула была огромной, и потому ни одна область не могла прокормить его больше одной недели, и оно в поисках корма для себя и своих животных вынуждено было постоянно перекочевывать из одного места в другое.⁷⁶ А.К.С.Лэмбтон указывала на нехватку пастбищ, политическое давление и, скорее всего, на перенаселенность как главные причины, лежавшие в основе туркменских миграций.⁷⁷

Таким образом, те социально-экономические факторы, которые в течение столетий заставляли многие народы Центральной Азии совершать переселения и преодолевать тысячи километров в поисках новых земель, дали толчок и миграции туркмен на запад. В отличие от своих соплеменников, огузов-язычников, которые выбрали чуть ранее маршруты миграции через северное побережье Каспия и Поволжье, туркмены, направившиеся в страны Ближнего Востока через Иран, сделали с исторической точки зрения более правильный выбор. В то время как первые со временем в своей массе растворились среди других народов Восточной Европы и потеряли свой этнокультурный облик, туркмены смогли установить политическое господство в Передней Азии, длившееся не одно столетие, создать ряд могущественных государств, и, самое главное, создать этническую базу для формирования в этом регионе ряда тюркских народов.

Вместе с тем, как было отмечено, в первой половине XI в. в основе туркменских миграций на запад не лежал какой-либо осознанный и разработанный план. В это время переселения происходили, как правило, в силу экономических и социальных причин и были связаны с поисками новых пастбищ и земель для поселения. Безусловно, исключение составляли те завоевательные походы, которые предпринимались по решению сельджукских предводителей с целью укрепления государства и расширения его границ. Однако следует иметь в виду, что не все туркмены, совершавшие в это время набеги в страны Ближнего Востока, признавали власть сельджукских султанов и подчинялись ей. Наоборот, они большей частью напоминали

⁷⁵ Tarikh-e Beyhaqi (Т. II). Р. 727; Абу-л-Фазл Бейхаки. С. 617

⁷⁶ Gregory Abu'l-Farac (Bar Hebraeus). Cilt I. Р. 300

⁷⁷ Лэмбтон Э.К.С. Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране. С. 129

тех джентльменов удачи, которые испытывали судьбу под началом собственных предводителей и действовали на свой страх и риск.⁷⁸

Одна из этих самостоятельно действующих групп туркмен была известна как «навгийя» или иначе – иракские туркмены, т.к. они были активны в данном регионе. О.Туран интерпретирует слово «навгийя» как искаженную форму от «йавгийя», что в арабском языке должно означать «приверженцы или последователи ябгу», и считает их сторонниками сына Сельджука ябгу Арслана, который в свое время оспаривал власть над туркменами у своих племянников – Тогрула и Чагры.⁷⁹ Как известно, туркмены «навгийя» переселились в Хорасан еще при султане Махмуде Газневи, а после смерти ябгу Арслана в газневидской тюрьме в 1032 г. стали действовать самостоятельно, совершать частые набеги на Ирак Персидский и Азербайджан, разграбив в 1037-1038 гг. такие города и области как Рей, Хамадан, Марага и другие.⁸⁰ Не случайно историк Шаддадидов сообщает, что годы правления эмира Гянджи Лашкари Али б. Мусы (1034-1049) были беспокойны вследствие постоянных набегов огузов.⁸¹ Одна их ветвь поселилась в Азербайджане в районе Урмии⁸² и совершала оттуда набеги на восток Анатолии, другие же в это время захватили некоторые территории в Ираке Персидском.⁸³

Вместе с тем, массовое переселение туркмен на Ближний Восток в сельджукскую эпоху имело одну существенную особенность, которая отличала ее от аналогичных ранних миграций других тюркских племен и народов. Дело в том, что сельджуки воспринимали эту территорию не только как завоеванную землю, но, прежде всего, как собственную страну, где они основали могущественное тюркское государство. При этом массовость туркмен в сочетании с мобильностью и военной мощью по-

⁷⁸ Подобная ситуация часто была характерна и для взаимоотношений туркменских племен и сельджукских султанов Малой Азии в более поздний период, когда некоторые туркменские племена не признавали межгосударственные договоры, заключенные между сельджукскими султанами и византийскими императорами, и действовали по собственному усмотрению. В частности, вопреки мирному договору между султаном Кылыч Арсланом II и императором Мануилом I Комнином туркмены продолжали совершать рейды вглубь византийских земель (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 193).

⁷⁹ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 174

⁸⁰ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. С. 190-192

⁸¹ Minorsky V. Studies in Caucasian History. P. 18

⁸² Бар-Эбрей сообщает, что в 429 г.х. огузы двинулись в восточные области Анатолии, где «убили множество курдов и арабов и захватили большую добычу. Оттуда они двинулись в Урмию, в один из городов Азербайджана, захватили область и убили большое число курдов, которые сошли с гор и сражались с ними» (Gregory Abu'l-Farag (Bar Hebraeus). Cilt I. P. 295; Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 219-220).

⁸³ Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). P. 83-85

зволили им оказать влияние на судьбу всей Передней Азии, решительно изменить не только ее социально-политический, но и этнокультурный облик. Они создали первую на Ближнем Востоке универсальную тюркско-мусульманскую империю и заложили основу продлившегося несколько столетий политического господства тюрок в этом регионе.

Однако исторический парадокс заключается в том, что хотя своей властью и могуществом Сельджукская династия была обязана туркменским племенам, тем не менее, со временем она стала отчасти тяготиться их присутствием, не доверяя их кочевым инстинктам, делавшим их ненадежным элементом для центральной власти. Сельджукские султаны все больше чувствовали себя не столько главами кочевой орды, сколько ближневосточными монархами, что не могло не вызвать отчуждения между ними и рядовой туркменской массой. Султаны, обосновавшиеся в своих столицах – Нишапуре, Рее, Исфахане, Багдаде – видели решение проблемы в удалении части племен из центра империи на ее окраины, направляя их в Малую Азию и Кавказ для завоевания новых земель. Таким образом, центральное правительство одновременно решало две важные задачи – с одной стороны, уменьшалось количество кочевников в центральных областях империи, с другой же стороны, расширялась территория государства за счет того, что туркмены вели войны с Византией и другими христианскими государствами региона, создавая, тем самым, условие для будущего завоевания Малой Азии.

Тюркское завоевание Малой Азии

Спорадические проникновения и оседание различных тюркских племен и народностей на территории Ближнего Востока, в том числе, Малой Азии происходили с древних времен. Византийские, армянские, сирийские и грузинские источники сообщают о походах гуннов, булгар, савилов, авар, хазар, басилов, печенегов, огузов (узов или гузов), кыпчаков (куман) на Балканы и частично Анатолию начиная с первых столетий нашей эры. Пересекая Кавказские горы с севера на юг либо переходя через Балканы, эти племена попадали на территорию Малой Азии и, по словам Д.Е.Еремеева, подготовили первичную этническую базу для последующей тюркизации этих земель.⁸⁴ Вместе с тем, тюркизация Анатолии стала возможна лишь с XI в., в сельджукскую эпоху, когда сюда хлынули с востока мощные волны огузо-туркменских племен.

Следует особо отметить, что активное тюркское проникновение в Малую Азию совпало по времени с периодом общего упадка Византийской

⁸⁴ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 72

империи, который стал особенно заметен после почти полувекового правления Василия II (976-1025), одного из славных представителей Македонской династии. Этот период характеризуется нарастанием внутренних социально-экономических и политических проблем, испытываемых империей в X-XI вв. и вызванных борьбой за политическую власть между столичной гражданской бюрократией и провинциальной военной знатью, а также стремлением крупных землевладельцев-магнатов к увеличению собственных поместий за счет свободного крестьянства.⁸⁵ Византийское государство, по признанию Г.А.Острогорского, «стояло перед весьма серьезной проблемой: со все растущей скоростью «сильные люди», динааты (οι δυνατοί), скупали земельные владения «бедных» (οι πτωχοί, οι πένητες), превращая последних в зависимых от них крестьян, париков (πάροικοι). Этот процесс, бывший сопутствующим явлением усиления византийской аристократии, представлял собой большую опасность для византийского государства, финансово-экономическая и военная мощь которого покоилась на мелком земельном владении крестьян и стратиотов».⁸⁶

Наиболее решительные императоры, по крайней мере, от Романа I Лакапина (919-944) до Василия II изданием целого ряда «новелл» пытались ответить на этот серьезный вызов в социально-экономической жизни империи X-XI вв. и предотвратить чрезмерное распространение крупного землевладения в ущерб мелкому крестьянскому хозяйству и свободной крестьянской общине. Однако, уже в 20-30-ые гг. XI в. «длинная череда законов в защиту мелкого земельного владения после смерти Василия II раз и навсегда оборвалась. Следует признать, что даже предписания X в. при всей их строгости не смогли предотвратить скупку крестьянских и воинских наделов; теперь же экспансионистские устремления крупных землевладельцев могли, при благожелательно-пассивной позиции правительства, проявить себя в полную силу. Магнаты победили на всех направлениях: и на политическом, и на экономическом. Плотина, которую центральная власть со времен Романа I и до Василия II воздвигала на пути земельных захватов со стороны знати, была прорвана. Ликвидация мелкого земельного владения продвигалась отныне беспрепятственно. Крупные землевладельцы поглотили крестьянские и стратиотские имения, превратив их бывших владельцев в крепостных. Тем самым система,

⁸⁵ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 70-71. По признанию Ф.И.Успенского, смуты на восточных окраинах империи «поддерживались честолюбивыми военными генералами и крупными землевладельцами» (Успенский Ф.И. История Византийской империи. С. 430). Мощным ударом по внутренней стабильности и внешней безопасности империи были восстания против центральной власти представителей крупной знати Варды Склира и Варды Фоки в период правления Василия II. Эти потрясения и продолжительный период смуты значительно ослабили Византию накануне начала сельджукских завоеваний.

⁸⁶ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 346-347

на которой держалось византийское государство со времени своего обновления в VII в., была потрясена в своих основах: оборонная и податная сила страны пришли в упадок, а произошедшее в результате этого обеднение государства еще более ослабляло его военную мощь». ⁸⁷

Социально-экономический кризис приводил к постепенной деградации такого важного института как фемные (провинциальные) войска, призванного защищать, в том числе, границы империи, и повышению роли регулярной армии (тагмы), состоявшей, в основном, из наемников, что отрицательно сказывалось на обороноспособности страны. В целом, «главным признаком данной эпохи был упадок византийского войска. Для того, чтобы держать под контролем влияние военной знати, правительство гражданской партии систематически сокращает армию и в поисках новых доходов превращает крестьян-стратиотов в налогоплательщиков... Фемное войско прекращает свое существование, а само слово «фема» выходит в XI в. из употребления как обозначение отрядов провинциального стратиотского войска». ⁸⁸ Классическим примером данного процесса явился факт роспуска императором Константином Мономахом (1042-1055) примерно 50-тысячных фемных войск в восточных провинциях Иверия и Месопотамия. Константин Мономах предпочел превратить бывших стратиотов (воинов фемных войск) в обычных налогоплательщиков для пополнения пустующей казны. В результате вскоре эти провинции пали под сельджукскими ударами, и империя поплатилась потерей обширных территорий на востоке. ⁸⁹

Социально-экономический кризис сопровождался и тяжелыми политическими потрясениями, которые переживала империя после смерти Василия II. ⁹⁰ По меткому замечанию Ф.И. Успенского, «целое тридцатилетие (после Василия II – Ш.М.) отмечается еще именем македонского периода, хотя по существу в это время развивается, особенно в политическом отношении, совершенно новый порядок вещей, и разве только во внутренней истории византийских учреждений можно наблюдать естественную эволюцию, начатки которой относятся еще к X в. Редко бывают эпохи, составлявшие такое количество ничтожностей, на долю которых выпадала, однако, высокая и ответственная государственная роль, такой бедности талантами, таких мало подготовленных к делу управления и так низко ставивших государственные интересы лиц. Казалось бы, никакому твор-

⁸⁷ Там же. С. 402

⁸⁸ Там же. С. 412

⁸⁹ Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 197

⁹⁰ Как отмечает Г.А. Острогорский, «смерть Василия II знаменует собой поворотный момент в византийской истории. Начинается эпоха эпигонов, которая внешне живет славой ушедшей эпохи, однако внутри дает свободный ход процессу разложения» (Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 399).

честву и движению вперед не могло быть места в этот период интриг и борьбы личных самолюбий, и между тем редкие эпохи столь чреваты зачатками и подготовкой важных событий, которые тогда нарождались и которых будущее значение не было замечено и угадано». ⁹¹

Ситуация особенно усугубилась после смерти в 1056 г. последней представительницы македонской династии Феодоры. По словам Я.Н.Любарского, с тех пор и до воцарения Алексея I Комнина (1081-1118), «на престоле сменилось шесть императоров, из которых только одному – Константину X Дуке – удалось до конца жизни сохранить корону. Так, по требованию константинопольского патриарха в 1057 г., после годичного пребывания на престоле постригся в монахи Михаил VI Стратиотик. Занявший его место Исаак I Комнин в результате неясных нам дворцовых интриг вынужден был через два года передать власть не своему брату Иоанну, а представителю соперничавшего рода Дук Константину (1059-1067). Трагически погиб в 1072 г. ослепленный по наущению кесаря Иоанна Дуки молодой Роман IV Диоген (1068-1071), кончили свои дни в монастыре смещенные с престола Михаил VII (1071-1078) и Никифор III Вотаниат (1078-1081)». ⁹²

Таким образом, социально-экономический и политический кризис, поразивший византийское общество в XI в., создал условия для начала активных миграций туркменских масс в глубины Малой Азии без столкновения с серьезным сопротивлением, что было бы немыслимо в период расцвета империи.

Восточная политика императора Василия II значительно осложнила ситуацию на границах империи с мусульманским миром. Хотя успешные походы в Сирию и Палестину во времена Никифора Фоки (963-969) и Иоанна Цимисхия (969-976) укрепили византийские позиции в регионе, тем не менее, широкая экспансия империи на востоке Малой Азии была неоднозначно воспринята со стороны грузинской и армянской знати. Поводом для расширения границ империи на восток стала смерть в 1000 г. грузинского правителя Давида (966-1000), власть которого распространялась на области Верхнее Тао, Джавахети, Кола, Артани, Шавшети и Басиани. ⁹³ Давид состоял в договорном отношении с Византией, носил придворное звание «куропалата» и обязался после смерти передать все свои владения Василию II. Дождавшись кончины Давида, последний немедленно совершил трудный поход в область ал-Тай с главным городом Трапезундом, где грузинская и армянская знать, включая правителей Абхазии и Иберии, Карса, Васпуракана и др. прибыли в ставку императора и приветствовали его как своего государя. Отказался явиться к нему лишь правитель Ани Гагик, сын Ашота III. Василий II присоединил к империи обширные об-

⁹¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. С. 449

⁹² Анна Комнина. С. 7

⁹³ Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 134

ласти на востоке, поставив во многих крепостях византийские гарнизоны, и весной 1001 г. вернулся в Константинополь, «ведя с собой множество знатных грузин и армян в качестве заложников и частью в качестве колонистов для новых завоеванных в Болгарии свободных земель».⁹⁴

Вместе с тем, затянувшаяся на Балканах византийско-болгарская война дала возможность части грузинской и армянской знати выступить против недавно установившейся византийской власти на востоке. В 1018 г. сын Баграта III, правитель объединенной западной и восточной Грузии Георгий I (1014-1027), который также носил византийское звание «куропалата», поднял восстание и захватил некоторые крепости, в которых находились греческие гарнизоны. При этом он вступил в переговоры с фатимидским халифом в Каире ал-Хакимом для согласования совместных действий против византийцев. Осознавая опасность, нависшую над новыми владениями империи, Василий II в 1021 г. совершил еще один энергичный поход на восток. Из своей ставки в районе Карина (Феодосополя, Эрзерума) он попытался призвать Георгия к мирной сдаче, но, получив отказ, продолжил военные действия. Византийцы разгромили грузин в битве при селении Ширимни, в которой погибло множество представителей грузинской знати – эриставов и дидебулов. Затем император с огнем и мечом прошелся по Басиани, Артани, Джавахети, Триалети и «с большой жестокостью разорил эти области», после чего прибыл в Трапезунд.⁹⁵ Георгий был вынужден вновь признать над собой власть византийского императора.

Зиму 1021-22 г. Василий II провел в Халдии. Однако в 1022 г. началось новое восстание знати против центральной власти во главе с Никифором Ксифием и Никифором Фокой. Георгий I, правитель Ани Иоанн Смбат и другие представители местной знати также примкнули к мятежу. Василию II с трудом удалось подавить выступления, он повторно разгромил войска Георгия I в сентябре 1022 г. По свидетельству грузинского источника, Георгий был вынужден отдать *«в заложники своего трехлетнего сына Баграта и крепости, которые [раньше были переданы азнаурами, освободил и вернул, передал еще четырнадцать крепостей, и также] владения [Давида] куропалата, которые тот имел в Тао, [Басиани, Кола], Артани и Джавахети»*.⁹⁶ Вместе с Георгием свою вассальную зависимость признали и армянские правители Васпуракана Сенекерим Арцруни и Ани – Иоанн Смбат. Византийский император, по словам источника, разорил множество областей, где число убитых, ослепленных и взятых в плен достигало якобы 200 тысяч человек.⁹⁷

⁹⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи. С. 434-435

⁹⁵ Картлис Цховреба («История Грузии»). С. 151

⁹⁶ Там же. С. 152

⁹⁷ Успенский Ф.И. История Византийской империи. С. 436; Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 143

Вместе с тем, начавшиеся набеги туркмен из Азербайджана настолько напугали правителя Васпуракана Сенекерима, что тот счел более благоразумным поступком отказаться от своих владений в пользу византийского императора и в 1021 г. (или 1022 г.) переселиться со своей семьей, приближенными и подданными в Себастию (Сивас), предоставленную ему Василием II.⁹⁸ Точно так же Василий II принудил правителя Ани Иоанна Смбата завещать свои владения после своей смерти империи. Последний и его брат Ашот скончались, по-видимому, в один год – в 1041 г. Анийский престол занял юный сын Ашота Гагик II Багратуни, которому немедленно пришлось отражать удары соседей – правителя Лори (Ташир-Дзорагет) Давида Безземельного, туркменских отрядов из Азербайджана, и наконец, византийских войск. Более активно права на Ани стал предъявлять новый император Константин Мономах. Гагик отправился в Константинополь, где отказался от всех своих владений и прав в пользу империи, и в 1045 г. византийские войска заняли г. Ани, положив конец правлению династии Багратидов.⁹⁹

Точно так же отказался в пользу Византийской империи от своих властных прав на Карс его правитель Гагик в 1064 г., после взятия Ани сельджуком султаном Алп Арсланом. Таким образом, Васпуракан, Ани и Карс вошли в состав империи, были преобразованы в традиционные имперские провинции – фемы¹⁰⁰, и управлялись назначенными из Константинополя администраторами (стратигами). Поэтому, говоря о сельджукском завоевании «армянских провинций» на востоке Малой Азии следует помнить, что эти территории были завоеваны туркменами у Византийской империи, а не у их бывших местных правителей, которые в силу разных причин, но, тем не менее, добровольно отказались от власти над данными областями.

Одним из важных последствий византийского завоевания восточных областей Малой Азии было обострение межэтнических и межконфессиональных противоречий между различными этнорелигиозными группами византийской Анатолии, что явилось еще одним немаловажным фактором, способствовавшим успешному продвижению туркмен в этом регионе. Взаимный антагонизм между греками, армянами и сирийцами, особенно в 20-летний период после смерти Константина Мономаха и битвой при Малазгирте в 1071 г., был настолько острым, что, по словам С.Вриониса, они «были готовы перегрызть друг другу глотки; как только нача-

⁹⁸ Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 154

⁹⁹ Там же. С. 160-164. Матфей Эдесский сообщает об обстоятельствах сдачи города византийцам и пишет, что «оказавшись в безвыходном положении, город и все войско пришли к соглашению, написали ромейскому военачальнику-паракимомену, поклялись ему, призвали его в город Ани и вверили Ани ромеям. И рухнуло государство Багратидов!» (Там же. С. 170)

¹⁰⁰ Васпуракан был превращен в фему «Верхняя Мидия», Ани и Карс вошли в состав фемы «Иверия».

лись сепаратистские действия среди армян, они вылились в открытые военные столкновения между греками и армянами, армянами и сирийцами, греками и сирийцами».¹⁰¹ Более того, добавляет тот же автор, в восточных фемах Малой Азии греческие войска в условиях, когда натиск туркмен достиг своей кульминации, временами должны были опасаться армян не меньше, чем самих туркмен, т.к. многие армяне присоединились к вторгшимся в эти области туркменам.¹⁰²

Таким образом, тюркскому завоеванию Анатолии помогли и последствия глубокого социально-политического кризиса, охватившего византийское общество в X-XI вв. Внешние угрозы и внутренние противоречия сделали империю беззащитной перед натиском нового мощного соперника на востоке. Для Сельджукидов же завоевание анатолийских земель приобрело в силу ряда причин особую актуальность. Так, в произведении Ашикпашазаде в несколько упрощенной интерпретации указывается на противоречия, возникшие между Сельджукской династией и туркменскими племенами, как основную причину переориентации миграций последних в сторону Анатолии. По словам автора, сельджукские султаны (букв., «падишахи Аджама»), создавшие обширную империю, из-за опасения перед своеволием кочевых племен решили удалить их из центральных областей страны, т.е. центрального Ирана, послав их во главе с Сулейманшахом, сыном Куталмышы, на завоевание Рума (Анатолии).¹⁰³

Как сообщалось, на первом этапе набеги туркмен в Анатолии не носили планомерного характера, и многие предводители военных отрядов действовали по ситуации на свой страх и риск. Отдельные дружины предпринимали самостоятельные походы на запад, не согласовывая свои намерения с сельджукским султаном. К примеру, Матфей Эдесский сообщает об одном из них, когда туркмены, во главе с тремя эмирами (беями), имена которых сложно идентифицировать, в 1045 г. осуществили набег на Мосул.¹⁰⁴ Одержав победу над его правителем, они с захваченной добычей двинулись в сторону Арджиша. Здесь туркмены попытались договориться с византийским гарнизоном, которому обещали часть своей добычи в обмен на свободный пропуск через эти места. Однако византийцы отказались от сделки и в произошедшем сражении были побеждены туркменами, которые после этого вернулись на восток.¹⁰⁵

¹⁰¹ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 88

¹⁰² Там же. С. 403-404

¹⁰³ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevarih-i Al-i Osman. P. 92

¹⁰⁴ У Матфея Эдесского эти имена звучат как Поги, Пуги и Аназугли (Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 82). О.Туран идентифицирует их как Буга и Анасыюглу, и считает, что это были огузы «йавгийя» (Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 119-120).

¹⁰⁵ Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 82-84

Первые походы собственно сельджукских войск на территорию Византии начались в 1047 г. в период правления Константина Мономаха. Следует отметить, что в этом году на Балканах произошло восстание знатного магната Льва Торника, который, опираясь на македонские войска, совершил поход на столицу империи Константинополь и пытался овладеть тронem. Константину пришлось срочно вызвать верные ему войска из Иберии, оголив, тем самым, восточные рубежи империи. Именно в этом году сельджукское войско, возглавляемое племянником султана Тогрула Хасаном, вошло на территорию провинции Васпуракан в восточной Анатолии и продвинулось до Пасина, области южнее Эрзерума, захват которого и был целью похода. Аристакэс Ластивертци так описывает туркмен: *«Из Туркестана двинулось огромное войско, и кони их стремительны, как орлы, с копытами, подобными твердым камням. Их луки натянуты, стрелы заострены, они туго опоясаны, и не разорвать ремней на их сапогах»*.¹⁰⁶ Однако они были вскоре разбиты объединенными отрядами византийского правителя Васпуракана Ахарона и правителя «Ани и Иверии» катакалона Кекавмена у реки Большой Зав.¹⁰⁷

После этого по приказу султана Тогрула был предпринят быстрый рейд на запад во главе с Ибрахимом Иналом с целью реванша за это поражение. На этот раз сельджукские войска дошли до Эрзерума.¹⁰⁸ В 1048 г. был совершен новый поход и, как сообщает тот же автор, *«бесчисленное множество войск, вооруженных луками и мечами, которые были подобны орлам, [парящим] над своей будущей пищей, и в великом порыве стремительно вторглись»* в восточные области Анатолии.¹⁰⁹ Согласно Матфею Эдесскому, возглавляли их Ибрахим Инал и Куталмыш.¹¹⁰ По свидетельству источников, многие местности, особенно богатый торговый город Арци были подвергнуты разорению, и туркмены вернулись на восток с огромной добычей и многочисленными пленными.¹¹¹

Как следствие этих побед туркмены стали быстро распространяться на обширных территориях от Иберии и Трапезунда на севере, в междуречье рек Мурадсу и Карасу и провинции Васпуракан. Византийцам пришлось мобилизовать свои силы на востоке для противостояния стремительному сельджукскому натиску. Была собрана многочисленная армия во главе с катакалоном Кекавменом, к которой присоединились грузинские войска, возглавляемые знатным иберийским вельможей и полководцем Липаритом. 18 сентября (по некоторым данным, 10 сентября) в рай-

¹⁰⁶ Аристакэс Ластивертци. С. 86-87

¹⁰⁷ Там же. С. 86-87 (См. комментарий 3 к гл. XI).

¹⁰⁸ Там же. С. 88

¹⁰⁹ Там же. С. 89-94

¹¹⁰ Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 85-86

¹¹¹ Аристакэс Ластивертци. С. 89-94; Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 86-87

оне Хасанкалы между туркменами и византийцами произошло кровопролитное сражение, которое завершилось для последних полной катастрофой. Они потерпели сокрушительное поражение, а их военачальники, включая Липарита, попали в плен.¹¹² Это событие серьезно подорвало мощь Византии на востоке и вынудило ее искать пути к перемирию с Великой Сельджукской империей. К тому же, Константин Мономах в это время не мог должным образом заботиться о безопасности восточных границ империи, поскольку был занят подавлением выступлений печенегов на Балканах, которые в 1048 г. перешли через Дунай и вторглись в византийские земли.¹¹³

Вместе с тем, туркмены продолжали свое продвижение в Малую Азию. В 1053 г. они во главе с Куталмышем совершили нападение на Карс.¹¹⁴ И уже в следующем 1054 г. огромная сельджукская армия, возглавляемая самим Тогрулом, начала поход вглубь Анатолии. Военная операция началась с прибытия султана в Тебриз, где в его ставку явились с выражением покорности правитель Азербайджана из династии Раввадидов Абу-Мансур Вахсудан и шаддадидский эмир Гянджи Абул-Асвар.¹¹⁵ Из Тебриза сельджукская армия направилась на запад. Аристокэс пишет, что *«султан двинулся с многочисленным войском, слонами, колесницами и конями, женами и детьми, с отличным снаряжением»*. Присутствие в сельджукской армии женщин и детей свидетельствует о присоединении к армии большой массы рядовых туркмен, целью которых был поиск новых территорий для поселения. Миновав Арджиш и Беркри, Тогрул расположился лагерем у крепости Малазгирт. Отсюда были посланы войска в трех направлениях – на север до подножий Кавказского хребта, на запад и на юг до гор Антитавра. Туркмены заняли обширные земли от озера Ван до внутренних областей Трапезунда, однако им не удалось взять Малазгирт, и после месячной безуспешной осады Тогрул приказал вернуться на восток.¹¹⁶

Следует особо отметить, что религиозное рвение и дух газавата, свойственные неопитам ислама – туркменам, несомненно, были серьезными факторами, облегчавшими им завоевание византийских земель.

¹¹² Аристокэс Ластивертци. С. 95-96; Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 80-86

¹¹³ Как известно, печенеги, разгромленные в 1036 г. киевским князем Ярославом, откочевали на запад, к границам Венгрии и Византии. С середины XI в. они неоднократно нападали на византийскую территорию. В то же время, византийское правительство постоянно предпринимало попытки использовать печенежские отряды как союзные войска (Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. С. 47). По некоторым данным, печенеги под предводительством Тираха перешли через Дунай по льду не в 1048, а в 1046-47 гг. (Анна Комнина. С. 484).

¹¹⁴ Аристокэс Ластивертци. С. 97-98

¹¹⁵ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 131

¹¹⁶ Аристокэс Ластивертци. С. 98-105

Приняв мусульманство позже арабов и персов, они несколько своеобразно, но более пылко следовали предписаниям новой веры. Низам ал-мульк приводит обращение Алп Арслана к своим сторонникам, прекрасно характеризующее религиозные взгляды раннесельджукского общества: *«Свое владение мы добыли силой. Мы все – чистые мусульмане, эти же иракцы – плоховеры, приверженцы Дейлема (т.е., шиитской династии Буидов из Дейлема – Ш.М.). В настоящее время всевышний возлюбил тюрок, потому что они чистые мусульмане, не знают блажи и вредных новшеств»*.¹¹⁷ С этой точки зрения завоевание земель «неверных» христиан было для туркмен также исполнением своего религиозного долга и борьбой за веру. Это представление газавата со временем глубоко укоренилось в сознании анатолийских тюрок, занявших самые западные земли мусульманского мира и в течение столетий жестко противостоявших европейскому христианству в качестве авангарда ислама.

Безусловно, став наиболее могущественной силой мусульманского мира, Сельджукская империя взяла на себя и роль защитницы его интересов. Поэтому военные действия в Малой Азии рассматривались Сельджукидами как борьба за восстановление былых границ халифата, значительно сдвинутых на восток в результате успешных контрнаступлений Византии против мусульман в период правления императоров Македонской династии в IX-X вв.¹¹⁸ Не случайно Тогрул направил послание Феодоре, единолично правившей после смерти Константина Мономаха в 1055 г., в котором требовал вернуть захваченные империей земли мусульманских правителей, либо выплачивать дань. Феодора выбрала второе и, по словам Аристакэса, *«послала ему белых коней и мулов, множество драгоценностей и порфиновые одеяния»*.¹¹⁹ Возможно, дань стала выплачиваться регулярно, ибо тот же автор сообщает, что императрица щедрыми дарами обеспечила мир на востоке, так что султан перестал помышлять о походах на Малую Азию. Хотя, скорее всего, это было вызвано тем, что Тогрул сосредоточил свое внимание на взятии Багдада, столицы халифата. Об этом говорит и хронист, подчеркивая, что султан в это время *«затял войну в Вавилоне и окружающих областях»*.¹²⁰ Как известно, в 1055 г. Тогрул по призыву аббасидского халифа Каимбиямриллаха совершил поход на Багдад и после его захвата положил конец правлению дейлемитской семьи Буидов, установив в столице мусульманского мира власть сельджукских султанов.¹²¹

¹¹⁷ Сиасет-намэ. С. 163

¹¹⁸ Наибольшие успехи на востоке были достигнуты Византией при императоре Никифоре Фоке, когда в 969 г. после 230-летнего мусульманского господства Антиохия вновь вошла в состав империи (Успенский Ф.И. История Византийской империи. С. 348).

¹¹⁹ Аристакэс Ластивертци. С. 106

¹²⁰ Там же. С. 109

¹²¹ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 139

Между тем, наступление мусульман на Малую Азию продолжалось, и в нем принимали участие также вассалы Сельджукидов. Не случайно Аристакэс сообщает, что соседние мусульманские правители «и летом и зимой» продолжали совершать набеги, и, в частности, один из них был предпринят на Ани войсками шаддадидского эмира Абул-Асвара в 1055 г. Операция оказалась успешной для мусульман, и они вернулись обратно с богатой добычей и пленными.¹²²

Как отмечалось выше, в завоевании и тюркизации Анатолии особую роль сыграли азербайджанские туркмены (огузы). Следует подчеркнуть, что значительные массы туркмен, следовавшие из Мавераннахра и Хорезма в Хорасан, и далее на запад, нашли приют в Азербайджане. Это движение представляло собой мощную миграцию людских масс с целью поиска новых земель, где можно было поселиться вместе со своими семьями, имуществом и скотом. Поэтому неверно было бы представлять огузо-туркменские завоевания лишь как сопровождавшиеся грабежами военные операции, как они иногда описываются в источниках. Маршруты этой миграции из Хорасана на запад пролегали по предгорьям, богатым альпийскими лугами, которые обеспечивали скот необходимым кормом в дороге. Этот путь естественным образом приводил туркмен в Азербайджан. Здесь они нашли природные условия, в наибольшей степени схожие с условиями их покинутой в Средней Азии и Хорасане родины и благоприятствовавшие продолжению их традиционного образа жизни. Поэтому на первом этапе этой миграции большая часть туркмен осела в Азербайджане. Не случайно поэт-панегирист Катран Тебризи в оде в честь правителя Урмии писал: *«Если бы не взошло тюркское солнце, ты завоевал бы весь мир подобно древним царям (кисрам); Однако судьба распорядилась иначе, и ты ныне вынужден платить дань тюркам»*.¹²³ Хамдаллах Казвини сообщал о тюрках – жителях провинции Хой, расположенной в западном Азербайджане на границе с Анатолией, как о красивых белолицых людях, похожих на китайцев (*khatai-nezhad*), и добавлял, что по этой причине Хой был известен как «иранский Туркестан».¹²⁴ Со временем численность туркмен в Азербайджане возросла настолько, что часть их в поисках новых территорий должна была мигрировать дальше на запад в Анатолию.

¹²² Аристакэс Ластивертци. С. 106-109. Историк Шаддадидов сообщает другую дату похода Абул-Асвара – 1065 г., когда сельджукский султан Алп Арслан предпринял широкомасштабные военные действия в связи со «священной войной против Армении и Рума, завоевал множество крепостей и передал их Абул-Асвару, правителю Аррана, ввиду их близости к его территории». В июне 1065 г. Абул-Асвар собрал свои войска и вторгся на территорию «Рума», захватил укрепленную крепость недалеко от Ани, в которой поставил свой гарнизон, овладел другими землями и крепостями и вернулся в Гянджу (Minorsky V. Studies in Caucasian History. P. 21).

¹²³ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 151

¹²⁴ Nuzhat al-Qulub. P. 132

Таким образом, Азербайджан превратился в регион концентрации туркмен, и эта страна, как пишет К.Каэн, «с начала завоевания ими (туркменами – Ш.М.) Ирана и по сегодняшний день сохранила свой облик»¹²⁵, т.е. свою тюркскую идентичность. По сути, Азербайджан, постепенно превращался в родину туркмен (огузов), что обусловило его первостепенную роль как плацдарма для завоевания и будущей тюркизации Малой Азии.

В 1057-1058 гг. сельджукские войска совершили еще несколько походов в различные области восточной Анатолии, взяв города Кемах и Мелитена (Малатья).¹²⁶ В последние годы своего правления Тогрул продолжал уделять внимание положению на западных границах государства и предупреждению византийской опасности. Благо, этому способствовало и ослабление Византии в результате постоянного конфликта между группировками, поддерживавшими разных претендентов на императорский трон. После смерти Феодоры, последнего монарха из Македонской династии, и всего лишь годичного правления Михаила VI Стратиотика в империи вспыхнул мятеж военной знати во главе с Исааком Комнином, «оголившим оборонительные рубежи Анатолии во имя политических интересов».¹²⁷ В результате мятежа Михаил VI был свергнут, и на трон воссел новый император Исаак I Комнин.¹²⁸ Хронист пишет, что *«когда страна греков разделилась надвое, ... персы (туркмены – Ш.М.) прознали об их смутах и взаимной вражде, они многократно обрушивались на нас»*.¹²⁹

Сельджукское войско во главе с эмиром Эрзерума Салтуком и двумя другими военачальниками совершила поход на запад и достигла стен Себастии. По преданию, заведя издали белые купола церквей внутри города, туркмены якобы приняли их за шатры в ставке вражеских войск и поэтому решили не рисковать, отказавшись от наступления. Но впоследствии, поняв свою ошибку, они бросились на штурм крепости. После взятия города они оставались здесь в течение восьми дней и вернулись в Азербайджан с несметной добычей и пленными.¹³⁰

В 1062 г. Тогрул направился в Багдад через Тебриз, Нахичеван и Хой. В пути он принял местных правителей, с которыми обсудил положение в Азербайджане и дал необходимые распоряжения об участии азербайджанских туркмен в завоевательных походах на Малую Азию.¹³¹ В 1063 г. Тогрул скончался, и поскольку он не оставил потомства, его племяннику Алп Арс-

¹²⁵ Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 9-10

¹²⁶ Аристокс Ластивертци. С. 116-119

¹²⁷ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 74

¹²⁸ Михаил Пселл. Хронография. С. 139-153

¹²⁹ Аристокс Ластивертци. С. 111

¹³⁰ Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 110-111; Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 153

¹³¹ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 141; Ersan M. Selçuklular Zamanında Anadolu'da Ermeniler. С. 27

лану (1063-1072), сменившему его на троне, пришлось выдержать борьбу за власть со своим братом Сулейманом, а также Куталмышем, внуком Сельджука и сыном ябгу Арслана. Алп Арслан вышел победителем из этой борьбы, и по указу халифа в мечетях хутба стала читаться с его именем.¹³²

Первыми действиями Алп Арслана после консолидации своей власти были походы на Кавказ и восточную Анатолию. Среди основных причин этого К.Каэн называет необходимость укрепления границ государства и более тесной привязки к власти эмиров Азербайджана, а также поселившихся здесь многочисленных туркмен.¹³³ Во время этих операций проводником армии был сельджукский эмир Туг Тегин, не раз совершавший набеги в эти края, а потому хорошо знакомый с местными условиями. Прибыв в начале 1064 г. из Рея в Маранд, Алп Арслан вплотную приступил к подготовке похода. Он оставил в лагере вместо себя сына Малик-шаха вместе с везиром Низам ал-мульком, и, по словам Матфея Эдесского, с многочисленной армией вошел в страну албанцев. Сельджукский султан захватил здесь земли и пленных, после чего потребовал себе в жены дочь «царя албанского», т.е. Ташир-Дзорагетского правителя Горигэ, сына Давида Безземельного. Охваченный страхом, последний выразил свою покорность и согласился со всеми требованиями Алп Арслана. Султан милостиво его принял и заключил с ним мир.¹³⁴

Примерно в это время Малик-шах направился с войсками в сторону Двина и после недолгой осады, во время которой были уничтожены значительные силы византийцев, взял крепость.¹³⁵ Затем он смог захватить и крепость Сурмари (совр. Сурмали), близ которой находилась другая крепость – Карабаг. Она также была занята сельджукской армией. По сообщению Хусайни, когда Малик-шах задумал ее разрушить, везир Низам ал-мульк удержал его от этого опрометчивого шага, заметив: *«Это – сильная крепость и [надежное] пограничье для мусульман!»*. Низам ал-мульк укрепил это пограничье, поставив здесь гарнизон. Далее сельджукские войска окружили сильно укрепленную крепость Марйам-нешинан (по-видимому, монастырь Мармашен), расположенную в месте слияния рек Арпа-чай и Аракс. Упоная на неприступность мощных крепостных стен, которые были сложены из скрепленных с помощью свинца и железа громадных каменных плит, защитники поначалу оказали упорное сопротивление. Однако вскоре крепость пала под ударами сельджукских воинов, значительная часть защитников была перебита, а остальные были принуждены принять ислам.¹³⁶

¹³² Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 159

¹³³ Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 117

¹³⁴ Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 118-119

¹³⁵ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. С. 49-50

¹³⁶ Там же. С. 50

Вскоре Алп Арслан, планировавший широкое наступление в Грузии и северо-восточной Анатолии, призвал Малик-шаха и Низам ал-мулька присоединиться к нему. Сельджукская армия в ходе ожесточенного сражения заняла крепость Агджа-кала (Сефид-шахр, Тетрицихе), расположенную в нижнем течении р. Дебеда (притока Куры), восточнее оз. Чалдыр. Затем была захвачена одна из опорных крепостей грузин в этой области Ахал-кала (Ахалкалаки). После этого Алп Арслан завоевал еще одну крепость, предположительно Лори, и грузинский царь Баграт IV был вынужден просить мира. Хусайни пишет, что Баграт направил к султану послов и подарки. Алп Арслан через своих посланников Темира ал-хаджиба и Айбека ал-хасса потребовал от грузинского правителя принять ислам либо выплачивать джизью. Баграт обязался выплачивать сельджукскому султану джизью.¹³⁷

Далее сельджукские войска двинулись в Малую Азию («Рум» в мусульманских источниках), в сторону Карса и Ани. Автор «Ахбар ад-даула ас-салджукийя» сообщает о массовом обращении в ислам местного населения в районе между Лори и Джавахети в этот период.¹³⁸ После этого сельджукская армия окружила город Ани, одну из самых мощных крепостей Византии на востоке и бывшую столицу Багратитов. Как можно судить по сообщению армянских авторов, гарнизон не проявил должного упорства, ибо *«господь породил среди защитников и ишиханов раздоры и распри, начались смута и разногласия. И вот они отказались от боевых действий и обратились в бегство»*.¹³⁹ Хусайни также подтверждает это высказывание и отмечает, что византийские воины пали духом, среди них возникли разногласия о целесообразности сопротивления, поэтому многие из них бежали в горы, которые опоясывали город, забрасывая бревнами все тропы и преграждая этим дорогу преследовавшим их сельджукским войнам.¹⁴⁰ Крепость пала 16 августа 1064 г. Сюда же прибыл правитель Карса Гагик с выражением покорности сельджукскому султану. Алп Арслан приказал построить в Ани мечеть, вскоре город и вернулся в Исфахан.

Таким образом, успешные походы сельджукских войск, с одной стороны, и сохранявшаяся нестабильность в Византии, усиливавшийся натиск печенегов, огузов и коман, проникавших на Балканы с северного Причерноморья, с другой, значительно ослабили оборонительные возможности империи

¹³⁷ Там же. С. 50-51

¹³⁸ «Затем султан устремился в страну ар-Рум. Он направился в область Карс и область Ани, а также в [расположенные] рядом с ними два округа: Джавахети и Лори. Население этих округов вышло навстречу султану и приняло учение [истинной] веры. Султан был охвачен большой радостью и ликовал. Он приказал подвергнуть всех их очищению, церкви были разрушены и построены мечети» (Там же).

¹³⁹ Аристокэс Ластивертци. С. 129-130

¹⁴⁰ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. С. 52

на востоке. Все это позволяло азербайджанским туркменам систематически и напористо продолжать свое движение в Малую Азию. В результате предпринимаемых набегов в различные области восточной Анатолии отдельные группы туркмен не только приобретали богатую добычу, но при возможности стремились закрепиться в них, создавая собственные поселения. Как отмечено в грузинском источнике, *«когда же усилились турки, покинули греки свои земли, крепости и города, принадлежавшие им на Востоке, и ушли. Турки же взяли [владения греков] и поселились в них»*.¹⁴¹

Однако следует признать, что не все набеги завершались одинаково успешно. Как замечает О. Туран, «эта страна, изобилующая высокими горами, глубокими ущельями, укрепленными городами и крепостями, создавала немало сложностей для кочевых туркмен, привыкших к боям на открытой ровной местности. Теснимые и преследуемые византийскими войсками и гарнизонами, они зачастую не могли дольше оставаться в Анатолии и вынуждены были возвращаться вместе семьями и стадами в Азербайджан».¹⁴²

Как указывалось выше, порой, совершая набеги на запад, туркмены действовали самостоятельно, без ведома и дозволения сельджукских султанов. Об этом имеется немало сведений в источниках. К примеру, сообщается о походах, предпринятых в 1065 г. на Эргани, Сиверек, Эдессу (Урфу) и Амиду (Диярбекир) туркменами во главе с неким беем, который назван «салар-и Хорасан» («хорасанский военачальник»)¹⁴³. Известный полководец Алп Арслана Гююш Тегин также предпринял поход на территории между Харраном и Евфратом и разгромил выступившие против него византийские войска. Его заместитель Афшин захватил Кесарию, однако, не сумев закрепиться там, вынужден был отступить на юг Киликии. Здесь он объединился с отрядами Ханоглу Харуна, и сообщая им удалось овладеть одним из опорных городов Византии во всем Сиро-Палестинском регионе – Антиохией. Преследуя отступавшие византийские войска, Афшин вклинился в области центральной Анатолии и разграбил Неокесарию (Никсар).¹⁴⁴ Как отмечает К. Каэн, то, что вышеуказанные эмиры, особенно Гююш Тегин, состояли на сельджукской службе, еще не означает, что предпринятые ими военные операции были санкционированы со стороны султана.¹⁴⁵

Немалое значение в проникновении туркмен в глубины Малой Азии имела, как отмечалось, общая нестабильность в самой Византии, частые столкновения между различными противоборствовавшими за власть группировками, которые нередко обращались за военной помощью к гла-

¹⁴¹ Картлис Цховреба («История Грузии»). С. 181

¹⁴² Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 161

¹⁴³ Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 127; Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 161; Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 18

¹⁴⁴ Urfalı Mateos Vekayi-namesi. P. 133-136

¹⁴⁵ Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 18-19

вам туркменских отрядов. Противостояние в середине XI в. между столичной бюрократией и провинциальной военной знатью в Византии, по словам С.Вриониса, было одним из важнейших факторов, облегчавших тюркское завоевание Малой Азии, и успех той или иной стороны, как правило, зависел от того, в какой степени им удавалось заручиться поддержкой туркменских воинских контингентов.¹⁴⁶ Поэтому, скорее всего, вышеозначенные военные операции представляли собой походы, совершаемые отдельными военными предводителями, которые инициировали их, сообразуясь со складывавшейся обстановкой. Вместе с тем, такие операции носили и разведывательный характер. Они позволяли туркменам ближе знакомиться с военно-политическим положением Византии и географическими условиями местности, и, соответственно, готовиться к окончательному завоеванию этих территорий.

Туркмены продолжали свои наступательные действия и на Кавказе, в частности, на севере Азербайджана. В.Ф.Минорский пишет о набегах огузов, которые были осуществлены на территорию Ширвана еще в досельджукскую эпоху, в 968 г.¹⁴⁷ Тот же автор сообщает, что уже после образования Сельджукской империи из страха перед туркменскими набегами ширваншах Кубад возвел в 1045 г. каменные стены вокруг своей столицы Йазидийи.¹⁴⁸ Источники сообщают об их нападении на Ширван в 1066 г. и выплате им крупной дани со стороны ширваншаха Фарибурза (1063-1096), которому таким образом удалось на некоторое время удалить туркмен из страны. Однако ситуация усугублялась тем, что из-за внутрдинастийных противоречий и борьбы за власть ширванские правители иногда сами приглашали их в качестве военной силы. В частности, когда в ноябре того же года туркмены во главе с Кара Тегинем совершили свой второй поход на Ширван, их сопровождал дядя ширваншаха Фарибурза Мамлан ибн Йазид ибн Мухаммад. На этот раз туркмены осадили столицу страны город Йазидийу, а затем оттуда двинулись в сторону Баку. Сообщается о том, что они овладели всей территорией до Шабрана и Маската. Когда Кара Тегин вторично осадил Йазидийу, ширваншах был вынужден просить поддержки у сельджукского хаджиба. Фарибурз воспользовался сельджукской помощью в борьбе со своим дядей, претендовавшим на его трон, и взамен обязался выплатить им дань в размере тридцати тысяч динаров. После убийства Мамлана Кара Тегин вместе с огромной добычей переправился через Куру и покинул страну. В феврале 1067 г. сельджукский эмир Казвина Элбасан прислал к ширваншаху своих людей для получения обещанной суммы.¹⁴⁹

¹⁴⁶ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 76.

¹⁴⁷ Минорский В.М. История Ширвана и Дербента X-XI веков. С. 118

¹⁴⁸ Там же. С. 161

¹⁴⁹ Там же. С. 59-60

Однако наплыв туркмен в Ширван продолжался, и они стали постепенно оседать здесь. Непрекращавшиеся набеги тюркских племен, пробиравшихся с севера через Дербентский проход и проникавших в Шеки, Ширван и Арран, с одной стороны, и усиливавшийся с востока натиск грузин, с другой, ставили Фарибурза в чрезвычайно сложное положение. Захват Шеки со стороны грузинского царя Баграта в 1067 г. с последующей передачей города в управление сыну кахетинского царя Гагика Ахсартану, а также их нападение на Барду и ее разорение побудили Фарибурза вновь воспользоваться помощью своих единоверцев – туркмен. Известно, что когда в Ширван в это время прибыли туркменские отряды во главе с тем же Кара Тегинем и Каймазом, то первый породнился с ширваншахом, женившись на дочери его дяди Кубада, и поселился в Йазидийе. Это должно свидетельствовать о союзнических на тот момент отношениях между туркменами и Фарибурзом.¹⁵⁰

В начале 1068 г. султан Алп Арслан начал свой второй поход на Кавказ с целью освобождения земель, захваченных ранее грузинами.¹⁵¹ Как пишет Хусайни, после взятия Багратом Барды, *«одного из городов в стране мусульман, султан укрепился в своем намерении и устремился в страну Абхаз»*, т.е. против грузин. Сельджукская армия заняла Шеки, и его правитель Ахсартан прибыл в ставку султана, выразил свою покорность и принял ислам. Затем был предпринят поход в Грузию через Гянджу, где к Алп Арслану присоединились шаддадидский эмир Фадл и правитель Ташира Горигэ. Сельджукские войска заняли Тифлис, в котором по приказу султана была возведена мечеть. Город был передан в управление Фадлу ибн Абул-Асвару.¹⁵² Баграт был вынужден вновь просить мира. Алп Арслан в течение пяти месяцев оставался в Грузии, где было завоевано много крепостей, захвачена богатая добыча и по приказу султана была возведена крепость Кал'ат ибн Кандаман (совр. Гардабани). После окончания этого похода он вернулся через Гянджу и Барду. В ставку Алп Арслана прибыл ширваншах Фарибурз, и султан обязал его выплачивать ежегодную дань.¹⁵³

По мере того, как усиливались сельджукские позиции на Кавказе, Византия стала уделять более пристальное внимание укреплению своих восточ-

¹⁵⁰ Там же. С. 60

¹⁵¹ Историк Шаддадидов сообщает о прибытии в октябре-ноябре 1067 г. (зул-хиджа 459 г.х.) в Арран Алп Арслана, где к нему с выражением покорности прибыли шаддадидский эмир Фадл и ширваншах Фарибурз, и в ноябре 1067 г. (мухаррам 460 г.) султан начал поход против христианских правителей Шеки и Грузии (Minorsky V. *Studies in Caucasian History*. P. 23).

¹⁵² Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. С. 55-56. В грузинской хронике факт принятия ислама правителем Кахети Ахсартаном относится ко времени правления Малик-шаха: *«В то время и царь Кахети Ахсартан предстал перед Малик-шахом, отверг христианскую веру и приобщился к вере сарацин»* (Картлис Цховреба («История Грузии»). С. 183).

¹⁵³ Минорский В.М. История Ширвана и Дербента X-XI веков. С. 60

ных границ. Новый император Роман IV Диоген, взойшедший на престол в 1068 г., совершил поход в восточную Анатолию и северную Сирию, где значительно потеснил туркмен и заставил их покинуть часть занятых ими территорий. Тем не менее, многочисленность туркмен и их умение наносить одновременные быстрые удары с разных сторон не позволили ему достигнуть поставленной цели полного освобождения византийских земель. На следующий год император совершил еще один поход, дойдя с армией до Месопотамии, однако, по признанию Михаила Пселла, *«своих воинов мы потеряли тысячи, вражеских же захватили не то двух, не то трех»*.¹⁵⁴

Убедившись в безуспешности подобных попыток, византийский император, видимо, вдохновленный примером и славой Александра Македонского, задумал грандиозный по масштабам план, а именно, совершить поход в самое сердце Ирана и мощным ударом смять и уничтожить Сельджукскую империю, поставив, таким образом, точку в историческом противостоянии ислама и христианства. Хусайни пишет: *«Они поклялись, что прогонят халифа и посадят на его место католикоса (джасалик), разрушат мечети и построят [вместо них] церкви»*.¹⁵⁵ Для этого была собрана многочисленная и разноплеменная армия со всех концов империи, в составе которой источники называют кроме греков славян, грузин, армян, готов (германцев), франков (норманнов), печенегов, узов (огузов), и представителей других народов. Алп Арслан выступил навстречу византийцам, и обе армии встретились в местности аз-Зухра (или Рахва) между Ахлатом и Малазгиртом. Мирное предложение сельджукского султана было самонадеянно отвергнуто Романом Диогеном. Он якобы заявил в ответ, что мир будет установлен лишь в Рее, одной из столиц Сельджукской империи, дав тем самым понять, насколько далеко простирались его замыслы и амбиции.¹⁵⁶

Битва при Малазгирте, состоявшаяся в августе 1071 г., является одним из важнейших событий мировой истории.¹⁵⁷ Она завершилась полным поражением византийской армии и пленением императора Романа Диогена. Одной из причин поражения некоторые источники называют измену огузов во главе с Тамисом, которые перешли на сторону своих соплеменников туркмен, что свидетельствует о том, что этнические префе-

¹⁵⁴ Михаил Пселл. Хронография, С. 181

¹⁵⁵ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. С. 57

¹⁵⁶ Там же. С. 57-60; Hillenbrand C. Turkish Myth and Muslim Symbol. P. 38, 65

¹⁵⁷ Подробное описание битвы и причины поражения византийской армии даны в работах К.Каэна (Cahen C. Le campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes), О.Турана (Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. P. 27-32), С.Вриониса (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 96-103), К.Хилленбранд (Hillenbrand C. Turkish Myth and Muslim Symbol). Источники не дают однозначной информации о точной дате битвы, которая состоялась по разным данным в пятницу 19 или 26 августа 1071 г. (Hillenbrand C. Turkish Myth and Muslim Symbol. P. 14).

ренции и в то время играли немаловажную роль.¹⁵⁸ Франки во главе с Руселем (Урсель де Байоль) и часть огузов, посланные до этого императором в сторону Хилата (Ахлата), бежали, узнав о приближении сельджукской армии, а германцы вообще стали нападать на византийские войска.¹⁵⁹ В то же время, Михаил Сириец сообщает об острых противоречиях на религиозной почве, которые разделяли греков и армян, и соответственно, нежелании последних сражаться за интересы империи и бегстве с поля боя.¹⁶⁰ Аристахэс Ластивертци также говорит о том, что *«греческий император разгневался на армянское войско и всю нацию»* за измену.¹⁶¹

После поражения византийской армии при Малазгирте, по словам Г.А.Острогорского, «все находилось в состоянии глубокого разложения; сильная оборонительная система оседлых стратиотов пришла в упадок, а в качестве соперника могучих турецких султанов в столице империи сидел окруженный придворными интриганами и болтливыми литераторами жалкий выкормыш Пселла (император Михаил VII Дука – Ш.М.), далекий от реальной жизни книжный червь, преждевременно увядший и телесно, и духовно. Малая Азия оказалась обречена. Дорога для сельджуков была открыта, не было больше ни сил, ни воли, которая могла бы им противостать».¹⁶²

Бедствия империи усугублялись тем, что на нее одновременно сыпались удары как на востоке, так и на западных границах. В год, когда армия империи потерпела катастрофическое поражение в битве при Малазгирте, норманны завершили завоевание византийских владений в Италии, откуда для Константинополя стала грозить новая опасность, которая была не меньше сельджукской. Около этого времени также началось широкое антивизантийское восстание на Балканах, поддержанное местным населением и знатью. Пользуясь полным параличом власти в Константинополе, туркмены быстро овладели обширными территориями на востоке Малой

¹⁵⁸ Не случайно греческий источник подчеркивает, что для византийцев турки (здесь, сельджукские туркмены) и наемники узы (огузы) выглядели одинаково (см. Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 99). То, что данное событие не является исключением в тюркской истории свидетельствует и признание одного арабского источника о сражении в 1135 г. между армиями аббасидского халифа и сельджукского султана, когда тюркские воины, составлявшие значительную часть халифского войска, перешли на сторону сельджуков и, тем самым, продемонстрировали «склонность рода к роду и тюрков к тюркам» (Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 251).

¹⁵⁹ Там же. С. 103

¹⁶⁰ «[Во время начавшегося сражения] неожиданно произошли разногласия между знатыми греками и императором. Армянские воины, которых они хотели заставить принять их ересь, первыми обратились в бегство и повернулись спиной к битве. Тогда турки благодаря своему хорошему единению одолели греков» (Гусейнов Р.А. Из хроники Михаила Сирийца. С. 29).

¹⁶¹ Аристахэс Ластивертци. С. 131

¹⁶² Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 426

Азии до линии между Эрзерумом и Малатьей. В результате этого рухнула вся оборонительная система Византии на восточных границах, что открыло им ворота Анатолии для свободного проникновения во внутренние области полуострова.

Для времени правления Михаила VII были характерны частые мятежи в армии. Во главе одного из них стоял командир норманнских наемников Русель; его кандидатом на престол был кесарь Иоанн Дука, которого он провозгласил императором. Как свидетельствуют сами византийские источники, после катастрофы при Малазгирте действия норманнов в Анатолии явились наихудшим злом для империи.¹⁶³ Показательно, что византийское правительство с огромным трудом смогло справиться с ними, лишь призвав на помощь туркмен во главе с Тутушем. Последние захватили этого «склонного к авантюрам кондотьера» и за соответствующую плату выдали его императорскому военачальнику и будущему императору Алексею Комнину. Однако эти события способствовали проникновению туркмен в западные области Малой Азии вплоть до Вифинии.

Пользуясь хаосом, охватившим всю Анатолию, армянская знать, испытывавшая жгучую ненависть к грекам, по словам С.Вриониса, также решила отпасть от империи и установить собственную власть в Киликии, Каппадокии и районе Тавра. В эти районы, в частности, в Киликию, колонизованную армянами в более ранний период, усилилась их миграция, и вскоре здесь появились армянские княжества. Так, бывший правитель Ани Гагик «развернул настоящую войну против греческого населения Каппадокии, убив митрополита Кесарии, предав разграблению его богатое имущество, приказав своим солдатам совершать насилие над женами греческой аристократии». В стремлении утвердить свое господство в указанных районах армянская знать, также как и византийское правительство, часто прибегало к сотрудничеству с туркменскими эмирами. В целом, армянские князья, опираясь на «политический сепаратизм всего народа», способствовали разрушению византийской власти в юго-восточной Малой Азии.¹⁶⁴

Примечательно, что империя не могла уже справиться с охватившей ее анархией без того, чтобы обращаться за военной помощью к туркменам. Так, боровшийся с Никифором Вриеннием за верховную власть стратег фемы Анатоликов Никифор Вотаниат, который являлся представителем малоазийской военной знати, был провозглашен императором 7 января 1078 г. и пошел на Константинополь, заручившись поддержкой Сулейман-шаха, сына Куталмыша. В конце 1080 г. в Никее провозгласил себя императором Никифор Мелиссин, который, по примеру Вотаниата, также призвал на помощь Сулейман-шаха. Сотрудничество Никифора Вотаниа-

¹⁶³ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 108

¹⁶⁴ Там же. С. 108-110

та, а затем Мелиссина с этим представителем Сельджукидской династии значительно облегчило туркменам завоевание Малой Азии. Около 1080 г. Сулейман-шах овладел уже всей анатолийской областью от Киликии до Геллеспонта, на которой был основан Сельджукский султанат Малой Азии.¹⁶⁵ Таким образом, постепенная тюркизация Анатолии стала лишь вопросом времени.

Этот процесс еще более усилился и принял более интенсивный характер после смерти султана Алп Арслана и восшествия на сельджукский престол его сына Малик-шаха (1072-1092). По словам Анны Комнины, *«когда ромейское владычество заколебалось, турки брали верх, а ромеи, как песок под ногами, отступали назад»*.¹⁶⁶ В этот и последующий периоды в результате стремительных и широких завоеваний в Малой Азии появился ряд государственных образований – эмиратов, созданных различными туркменскими военными предводителями. По сообщению Рашид ад-Дина, из-за невыполнения Византией взятых со стороны Романа Диогена обязательств, который был свергнут с трона и ослеплен вскоре после поражения при Малазгирте, султан Арп Арслан якобы приказал находившимся в его подчинении туркменским полководцам совершать завоевательные походы вглубь византийских территорий и обещал предоставить им в потомственное владение все покоренные ими земли. В соответствии с этим приказом Салтук овладел Эрзерумом, Менгюджек – Эрзинджаном, Кемахом и Шарки-Карахисаром (Кагунией, Колонией), Данишменд – Кесарией, Себастией, Девели, Токатом, Неокесарией и Амасией, Чавулдур – Марашем и Сарысу, Артук – Мардином, Амидом, Минджигирдом, Малаьей и Харпутом. Правда, Ф.Сумер отмечает, что эта историческая легенда, сочиненная много лет спустя после сельджукских завоеваний, не имеет под собой реальной исторической базы.¹⁶⁷ Тем не менее, Рашид ад-Дин правильно передал политическую картину, возникшую после начала завоевания Анатолии туркменами, и обозначил те государственные образования, которые были ими здесь созданы.

Таким образом, после победы при Малазгирте проникновение туркменских масс в центральные и западные области Малой Азии, заселение ими новых земель приобрело более интенсивный характер. Сулейман-

¹⁶⁵ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 429-430. Как отмечает С.Врионис, в результате восстания Никифора Мелиссина, который призвал туркменские отряды на помощь и поручил им гарнизонную службу многих городов центральной и западной Анатолии, значительная часть городов Азии, Фригии и Галатии оказалась в руках тюрок (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 113).

¹⁶⁶ Анна Комнина. С. 57

¹⁶⁷ Sümer F. Selçuklular devrinde Doğu Anadolu'da Türk Beylikleri. P. 22. О государственных образованиях, созданных туркменами в Малой Азии после битвы при Малазгирте см.: Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 115-116.

шах, как отмечалось, заложил основу нового Сельджукского государства Малой Азии (Рума) со столицей в городе Конье (Иконий). По словам О.Турана, образование этого государства, с одной стороны, способствовало консолидации туркменских масс, обосновавшихся в Анатолии, а с другой, создало условия для притока с востока новых миграционных волн, что усиливало процесс этнической тюркизации этого региона.¹⁶⁸ Начиная с конца XI в. и в течение ряда десятилетий сельджуками султанам и туркменским эмирам удалось в результате упорного натиска овладеть значительной частью внутренних областей Малой Азии, в то время как Византия с трудом могла удержать под собственным контролем часть прибрежной зоны полуострова. В «Алексиаде» описывается плачевное положение империи и переход многих земель в Анатолии под власть туркмен: *«Восточные войска были разбросаны по разным местам, а турки расширили свои владения и заняли почти всю территорию, расположенную между Эвксинским Понтом и Геллеспонтом, между Эгейским и Сирийским морями, Саросом и другими реками, особенно теми, которые протекают по Памфилии и Киликии и впадают в Египетское море»*.¹⁶⁹

Вместе с тем, начавшиеся в конце XI – начале XII столетия крестовые войны нанесли тяжелый удар по сельджукской власти в Малой Азии и привели к огромным территориальным потерям. Алексею I Комнину (1081-1118) удалось взять реванш и вернуть под лоно империи значительную часть западной Анатолии и прибрежных областей полуострова. Впрочем, серия крестовых походов имела не менее тяжелые последствия для самой Византии. Империя порой больше опасалась «непрощеных» защитников и единоверцев из Западной Европы, нежели своих восточных соседей – сельджуков. Никита Хониат не скрывает, что во время второго Крестового похода сам император Мануил I Комнин (1143-1180) тайно подстрекал последних к выступлениям против рыцарей германского короля Конрада III (1138-1152), и что туркмены были *«наущены и побуждены к войне письмами Мануила»*. Не больше симпатий испытывали и германцы к византийцам и *«призывали на них мщение всевидящего Ока за то, что те их обманывали неправильными весами, не оказывали им сострадания, как пришельцам, и не только от себя ничего не прибавляли им, как единоверцам, а напротив, как бы из их рта вырывали необходимую пищу»*. Автор дипломатично подводит итог сказанному: *«Точно ли это делалось по императорскому, как говорили, приказанию, верно не знаю; но, во всяком случае, эти беззакония и преступные дела действительно были»*.¹⁷⁰ Наконец, взятие западноевропейскими рыцарями в 1204

¹⁶⁸ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 161

¹⁶⁹ Анна Комнина. С. 62

¹⁷⁰ Никиты Хониата история. С. 84-85

г. во время четвертого Крестового похода Константинополь стало подлинной катастрофой для империи, привело к ее развалу и образованию на ее территории латинских государств. Лишь в результате энергии и упорства правителей образовавшейся из осколков Византии Никейской империи Константинополь вновь был отвоеван у латинян, и империя была реставрирована при Михаиле VIII Палеологе (1259-1282) в 1261 г.¹⁷¹

Между тем, пока Византия была занята постоянной борьбой на Балканах с многочисленными врагами – болгарами, печенегам, сарбам, кыпчакам, латинянам, во второй половине XII в. при султани Изз ад-Дине Кылыч Арслане II (1155-1192) Сельджукское государство Малой Азии оправилось от ударов крестоносцев и восстановило свою былую мощь. Более того, возраставшая, по словам С.Вриониса, анархия в Византийской империи и направление войск из Анатолии на Балканы, способствовали быстрому освоению новых земель туркменами в западных областях Малой Азии. По мере ухудшения политической ситуации и системы управления в империи увеличивалось количество мятежей в различных провинциях, лидеры которых обращались за помощью к туркменским воинским контингентам, что давало последним возможность овладевать новыми городами и территориями.¹⁷² Сельджукиды Коньи смогли одержать верх в конкурентной борьбе за военно-политическое лидерство в регионе с рядом других тюркских эмиратов, в частности, Данишмендидами, поставив их в зависимое от себя положение, либо полностью ликвидировав их. В 1176 г. сельджуки нанесли сокрушительное поражение армии императора Мануила Комнина, который собирался захватить Конью и положить конец существованию Сельджукского государства Малой Азии.¹⁷³ Для империи это была еще одна катастрофа, соотносимая по масштабам и последствиям с поражением при Малазгирте и означавшая конец ее надеждам на восстановление своей власти в Анатолии.¹⁷⁴ Сам Мануил был вынужден признаться, что *«с ним случилось то же, что и с Романом Диогеном»*.¹⁷⁵ Таким образом, Кылыч Арслану постепенно удалось

¹⁷¹ Осенью 1259 г. в Пелагонской долине византийская армия, в составе которой находились крупные кыпчакские и сельджукские контингенты, нанесла сокрушительное поражение объединенным войскам тройственной коалиции между норманнским королем Сицилии Манфредом, деспотом Эпира Михаилом II и правителем Ахайи Гильомом Виллардуэном (Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 543-544). Таким образом, помощь тюркских, в том числе, сельджукских союзников открыла путь Михаилу VIII Палеологу на Константинополь и помогла ему реставрировать Византийскую империю.

¹⁷² Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 190

¹⁷³ Мануил Комнин *«хотел истребить персидский народ (сельджукских тюрков – Ш.М.), уничтожить Иконию с самими ее стенами»* (Никиты Хониата история. С. 228).

¹⁷⁴ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 124-125

¹⁷⁵ Никиты Хониата история. С. 246

расширить свои земли от Кютахьи и Эскишехира на западе до Мосула на востоке, возродив, таким образом, тюркское политическое господство в Малой Азии. Пик своего могущества это государство переживало в первой половине XIII в. при султанах Ала ад-Дине Кей-Кубаде I (1220-1237).

Монгольские завоевания, изменившие весь ход мировой истории, не обошли стороной и Сельджукское государство Малой Азии. В 1243 г. монголы под командованием Байджу-нойона одержали победу над сельджукской армией султана Гияс ад-Дина Кей-Хосрова II (1236/37-1246) в сражении при Кёседаге. Сельджукиды утратили свою независимость, превратившись в вассалов монгольских ханов, и обязались выплачивать им дань. После похода в Анатолию в 1277 г. мамлюкского султана Бейбарса, намеревавшегося свергнуть здесь монгольское господство, ильханидский государь Аргун предпринял новое наступление в этом регионе с целью восстановления своей власти и наказания местной знати, сотрудничавшей с мамлюками. Эта операция монгольских войск, сопровождавшаяся массовыми убийствами и разрушениями, имела катастрофические последствия для Сельджукского государства Малой Азии. Значительная часть территории Анатолии была выведена из-под власти сельджукских султанов и попала в прямое подчинение ильханидских правителей, которые стали передавать их в управление собственным наместникам. С этого времени сельджукские султаны стали быстро терять свой и без того низкий престиж и статус, и государство стремительно приближалось к закату. Власть последних султанов, которые окончательно превратились в вассалов и марионеток монгольских ханов, имела лишь номинальный характер. Политическая и экономическая жизнь страны полностью попала под контроль ильханидского двора в Тебризе, и в конце XIII в. Сельджукское государство Малой Азии фактически прекратило свое существование.

Тюркская этническая среда Малой Азии в XI-XIII вв.

После сельджукского завоевания Малой Азии начался наплыв туркменских масс в этот регион. Данное событие коренным образом изменило историческую судьбу и этнополитический облик Анатолии, положив начало ее постепенной тюркизации. Безусловно, это был не одномоментный акт. Он представлял собой длившийся несколько столетий сложный процесс, который сопровождался важными изменениями политического, социального, демографического и этнокультурного характера.¹⁷⁶

¹⁷⁶ С.Врионис говорит о четырех столетиях после битвы при Малазгирте, потребовавшихся тюркам для окончательного завоевания Малой Азии (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 143).

По мнению К.Каэна, сложно уверенно судить о численности туркмен, которые поселились в Малой Азии в данный период. Несмотря на внушительные, но явно преувеличенные цифры, приводимые в источниках, трудно себе представить в тех условиях участие в подобных процессах более нескольких десятков тысяч, максимум – двух или трех сотен тысяч людей.¹⁷⁷ Действительно, как утверждает К.Э.Босворт, численность кочевого населения, занимавшегося экстенсивным животноводством (а большинство туркмен в этот период относилось к данной категории населения), никогда не была слишком велика.¹⁷⁸ Тем не менее, М.Х.Йинанч на основе данных различных источников рассматривает общее количество переселившихся в Малую Азию туркмен в пределах одного миллиона человек.¹⁷⁹ И.Кафесоглу останавливается на 550-600 тысячах. К этой цифре близка и оценка Д.Е.Еремеева – между 500 и 700 тысяч, допускающего с учетом продолжавшейся в XII-XIII вв. миграции возрастания ее до миллиона человек.¹⁸⁰

Вместе с тем, необходимо указать на ряд факторов, которые способствовали движению туркмен и облегчали им заселение территории Малой Азии. Прежде всего, это полиэтнический состав населения данного региона накануне сельджукского завоевания. Здесь где-то компактно, а где-то дисперсно проживали представители различных этнических (греки, сирийцы, армяне, арабы, лазы, грузины, евреи, курды) и религиозных (среди христиан православные, григориане, яковиты, несториане, среди мусульман шафииты, ханафиты, шииты, и кроме них езиды, иудеи, и даже солнцепоклонники) групп, не говоря о разнообразии сект и ответвлений внутри самих религий, что создавало достаточно пеструю этноконфессиональную мозаику.¹⁸¹

¹⁷⁷ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 143. Средневековые источники называют цифры во много раз больше, как, например, Дука, который с горечью пишет о том, что туркмены якобы «сотнями тысяч вторгались в область» и после полного ограбления ее удалялись. Автор сообщает, что они собирались в огромные массы при первом призыве глашатаев о предстоящих набегах («акын» по-турецки, как отмечает автор) на византийские земли. По словам Дуки, большинство из них не имело ни денег, ни продуктов для пропитания, ни копий, ни мечей, а часто приходили лишь с дубинкой вместо оружия (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 133-135). Правда, нужно иметь в виду, что Дука описывал более поздний этап тюркских завоеваний, охвативших кроме Малой Азии и балканские земли.

¹⁷⁸ Босворт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире. С. 28

¹⁷⁹ См. критику этой позиции в работе С.Вриониса (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 179-180).

¹⁸⁰ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 90-91. Между тем, по мнению Рассела, население самой византийской Анатолии к началу XIII в. могло составлять около 6 млн. человек (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 26), хотя эта цифра вызывает большие сомнения.

¹⁸¹ О пестроте этнической и конфессиональной карты Анатолии накануне сельджукских завоеваний и расселении различных этнических групп населения (персов, армян, готов,

Второй фактор заключался в том, что постоянные и многолетние войны между Византией и Сасанидским Ираном, а затем Арабским халифатом, в целом, отрицательно сказались на демографической динамике Малой Азии. Не менее негативные последствия для империи и населявших ее народов имела и экспансия Византии на востоке Анатолии накануне сельджукских завоеваний. Порой она сопровождалась уничтожением и насильственным перемещением значительных масс людей, о чем не раз свидетельствуют местные источники. К примеру, в годы правления императора Константина Мономаха византийские войска четырежды вторгались в восточную Анатолию, *«пока мечом, огнем и взятием в полон не обратили всю страну в безлюдье»*, как сообщает со скорбью Аристакэс Ластивертци.¹⁸²

В ходе военных действий сельджуков численность населения, надо полагать, еще более сократилась вследствие многочисленных смертей и продолжавшихся беспорядков, вынуждавших людей покидать свои места.¹⁸³ Историки подтверждают, что миграция тюркского населения в Ма-

болгар, русов, славян, арабов и т.д.) в разных частях Малой Азии см.: Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 42-68.

¹⁸² Аристакэс Ластивертци. С. 81, 82. Безусловно, не всегда следует буквально воспринимать подобные, так же как и противоположные утверждения средневековых историков. К примеру, вряд ли можно безоговорочно согласиться с утверждением С.Вриониса, который считает неверным мнение о том, что накануне сельджукского завоевания Анатолия представляла собой «наполовину опустевшую или обезлюдившую» страну. Между тем, к такому выводу автор приходит на основе данных некоторых нарративных источников, которые приводят явно преувеличенные и недостоверные сведения о результатах мусульманского завоевания некоторых анатолийских городов и областей, как, например, сообщение о том, что после завоевания в 1146 г. Эдессы войсками атабека Нур ад-Дина Занги якобы было убито 30 000, уведено в рабство 16 000, и выжило всего лишь 1 000 человек, и на основе подобных подсчетов население города до завоевания оценивается в 47 000 человек (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 28-30). Точно так же некритическое восприятие данных некоторых источников побудило К.Н. Юзбашяна приводить фантастические цифры потерь местного населения при взятии Ибрахимом Иналом города Арцн в 1048 г. – 150 тыс. человек (Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 222).

¹⁸³ К примеру, в «Хронике» Михаила Сирийца читаем о правлении императора Михаила VI Стратиготика: *«Но из-за его большой нерадивости тюрки усилились в царстве греков. Видя, что тюрки доходят до моря Понтийского (Черного моря), забирают пленных, разоряют и жгут, император отправил - из сострадания к христианскому населению - лошадей и повозки. После того как они погрузили свое имущество, он переправил их по ту сторону моря. [Тюрки же] разорили города и деревни по всей области Понта. Когда города обезлюдели, это было на пользу тюркам, которые нашли там место для поселения»* (Гусейнов Р.А. Из хроники Михаила Сирийца, С. 28-29). Подробные сведения о бегстве местного населения и частичной депопуляции некоторых районов Малой Азии в результате военных действий приведены в монографии С.Вриониса (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 169-184).

лую Азию, в целом, сопровождалась сокращением численности христиан, общинами христианской общины и упадком церкви.¹⁸⁴

Безусловно, на первом этапе тюркской миграции в Малую Азию численность местного населения – греков, сирийцев, армян, курдов, арабов – значительно превышала количество новых переселенцев. Тем не менее, туркмен в сравнении с каждым отдельным этническим компонентом этого региона было, все же, не так мало. Говоря об исламизации западной Анатолии в сельджукский период, С.Врионис подчеркивает, что речь должна идти «не об обычном военном завоевании или оккупации западной Малой Азии, а об этнической миграции кочевого народа значительной численности».¹⁸⁵ Кроме того, туркмены, в отличие от других этнических групп, которые имели более или менее компактные территории проживания, были довольно равномерно расселены на большей части региона. Это наряду с наступательным характером переселений позволило им в итоге взять под свой контроль ситуацию в Анатолии.¹⁸⁶ Хотя, в целом, политическую и этнокультурную исламизацию и тюркизацию Малой Азии следует представлять себе как длительный, исключительно сложный и волнообразный процесс, когда мощные натиски и продвижение на запад туркменских масс сменялись периодами поражения и отката, дававшими Византии возможность для передышки и реорганизации своих сил.

Значительные массы туркмен осели и на территории Южного Кавказа. В частности, по сведениям «Картлис Цховреба», в этот период, а именно в 1080 г., области «*Асиспори и Кларджети до морского побережья, Шавшети, Аджара, Самцхе, Картли, Аргвети, Самокалако и Чкондиди наполнились турками*». Грузинский автор называет это завоевание «первым великим нашествием турок».¹⁸⁷ Тот же автор отмечает, что основные «стойбища» туркмен располагались вдоль берегов рек Кура и Иори, откуда они ежегодно совершали набеги вглубь Грузии и часто зимовали там.¹⁸⁸

После первой волны туркменских миграций в раннесельджукский период в Азербайджан и Анатолию происходит новый наплыв тюрков с востока во второй половине XII – начале XIII в. Он был связан с важными этнополитическими изменениями, произошедшими в Центральной Азии. В середине XII столетия под ударами кара-китаев пало Караханидское государство и, соответственно, рухнули восточные границы мусульманского мира. Переход Туркестана под власть кара-китаев вынудил часть тюркских

¹⁸⁴ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 177; 329. Langer W.L., Blake R.P. The Rise of the Ottoman Turks and its historical background. P. 196-197; Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 200-202

¹⁸⁵ Vryonis S., Jr. Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 50

¹⁸⁶ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 143

¹⁸⁷ Картлис Цховреба («История Грузии»). С. 181

¹⁸⁸ Там же. С. 185

племен этого региона переместиться на запад. Никита Хониат, описывающий события 1173-1174 гг., сообщает, что тюркские племена в поисках пастбищ с большими стадами переходили через византийские границы и распространялись на этих территориях.¹⁸⁹ В их числе были, в частности, и огузо-туркменские племена йива, пришедшие из Средней Азии и поселившиеся в Азербайджане. Источники сообщают об их способности выставять до 30 тысяч вооруженной конницы. Эти племена не были покорными подданными атабеков Азербайджана, с которыми у них происходило немало военных столкновений, а затем они выступили и против хорезмшаха Джалал ад-Дина, свергнувшего династию атабеков Ильдегизидов.¹⁹⁰

В целом, известно о переселении в домонгольский период на территорию Малой Азии кроме йива и таких огузо-туркменских племен как афшар, бейдили, кынык, дёгер.¹⁹¹ К примеру, в середине XII в. многочисленные афшарские племена поселились в районе Сиваса и Кайсери.¹⁹² В 1227-1228 гг. султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I переселил их в районы Ларенде и Эрменак, где позднее выходец из Азербайджана Нуре Софи из племени афшар основал эмират Караман.¹⁹³ Следует также добавить, что гора в окрестностях Эскишехира (Дорилея), вероятно, еще в сельджукский период, как считает С.Врионис, называлась Туркмен-даг, а ее предгорья, соответственно, были известны как Баят, Дёгер и Каргын, по огузским родоплеменным названиям, что должно свидетельствовать о раннем заселении этих мест туркменами.¹⁹⁴ Там же недалеко была расположена другая возвышенность под названием Киргиз-даг.

Ввиду отрывочности сведений источников представляется довольно затруднительным установить, какими именно племенами были заселены те или иные районы Анатолии. Информация авторов более позднего периода не всегда является достоверной. Примечательно в этом отношении произведение Языджиоглу Али «Таварих-и Ал-и Сельджук», которое является, по сути, переводом на турецкий язык персоязычной хроники историка XIII в. Ибн Биби. Порой Языджиоглу отходит от текста оригинала, свободно интерпретирует события сельджукской эпохи и вводит в перевод названия огузо-туркменских племен, отталкиваясь от реалий своего времени, т.е. первой половины XV в. Так, в его сочинении говорится о племенах кайы, баяндур, салур, баят, тодурга, чавундур, эймур, алаюндлу на территории Малой Азии в сельджукский период, хотя эти названия не

¹⁸⁹ Никиты Хониата история. С. 156

¹⁹⁰ Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. С. 166; Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 259; Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. С. 79

¹⁹¹ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 262

¹⁹² Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 51

¹⁹³ Elvan Çelebi. Menakıbu'l-Kudsıyye fi Menasibu'l-Ünsıyye. P. LVII

¹⁹⁴ Vryonis S., Jr. Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 52

встречаются в труде Ибн Биби, и данные факты не подтверждаются другими аутентичными источниками. Поэтому сложно судить, поселились ли они в Анатолии при сельджуках или в более поздний период.

После захвата кара-китаями Средней Азии на запад были вынуждены перекочевать кроме собственно туркмен и ряд других тюркских племен, среди которых была и часть карлуков. Они покинули свои кочевья между Самаркандом и Бухарой и двинулись в Азербайджан и Малую Азию. Сегодня в Турции насчитывается более двадцати топонимов, которые связаны со словом «карлук».¹⁹⁵ Известно о переселении в этот период на территорию Азербайджана и Анатолии и ряда кыпчакских (половецких) племен.¹⁹⁶ Интересно, что диалекты современного турецкого языка на территории бывшей византийской провинции Пафлагония, на черноморском побережье Турции напротив Крыма, демонстрируют заметное кыпчакское влияние. Основываясь на лингвистическом материале и исторических данных, Д.А.Корбейников пишет, что в середине XIII в. произошло массовое расселение кыпчаков в византийских владениях Малой Азии, и что проникли они в Анатолию не с востока вместе с туркменами, а с запада, и расселили их здесь сами византийцы в правление Иоанна III Ватаца (1221-1254), когда в 1237 г. многотысячная половецкая орда, спасаясь от монголов, пересекла Дунай и вторглась во Фракию. Иоанн III смог привлечь их на свою сторону и расселил частью во Фракии и Македонии, и частью в Малой Азии, во Фригии и на землях вдоль реки Меандр (Бюйюк Мендерес). Половцы поселились и в других частях Никейской империи, в частности, в окрестностях Смирны, в феме Фракисий.¹⁹⁷

Следует добавить, что в сельджукский период наряду с собственно туркменскими племенами на запад переселились и этнические группы под названием «тюрк». По мнению З.В.Тогана, под этим словом подразумевалось тюркоязычное население Восточного Туркестана, которое подчинялось Караханидам и уйгурам. При сельджукском дворе ощущалось их культурное влияние, особенно после того, как султан Малик-шах женился на караханидской принцессе. Упоминание в произведении Ибн Би-

¹⁹⁵ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 265-266

¹⁹⁶ Там же. С. 267-272

¹⁹⁷ Корбейников Д.А. Кыпчаки в Пафлагонии. С. 104. П.И.Жаворонков пишет, что Иоанн III Ватац переселил значительное количество половцев с Балкан в Малую Азию, на Меандр в 1241 г. (Жаворонков П.И. Тюрки в Византии. С. 167). Как отмечает Г.А.Острогорский, Иоанн Ватац в лучших традициях Византийской империи «усилил контингенты войск с помощью привлечения вытесненных монголами половцев, которых он приказал расселить в качестве стратиотов во Фракии и Македонии, а также в долине Меандра и во Фригии... Это расселение половцев имел в виду Феодор II Ласкарь, говоря в похвальном слове своему отцу: *«Переселив скифа из западных областей, ты добыл для своего рода полезный народ, а посадив их на место сынов перса (т.е. турок), ты смирил их неудержимый порыв на Запад...»*» (Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 537).

би наряду с туркменами и тюрок – факт, свидетельствующий о поселении в сельджукское время на территории Малой Азии выходцев из Восточного Туркестана.¹⁹⁸

Образование в начале XIII в. Монгольской империи вызвало новую волну миграций тюркских и монгольских племен из Центральной Азии на запад и способствовало серьезным этнополитическим трансформациям в Азии и Восточной Европе. В страхе перед монгольским завоеванием огромные массы людей в Средней Азии, Иране и других регионах вынуждены были покинуть свои жилища и в поисках безопасного места отправиться на запад, в том числе, в Малую Азию. Среди них были как кочевые племена, так и оседлое население. При этом, значительную их часть составляли турки, но среди них было немало представителей ираноязычного населения и других этнических групп.

Монгольское завоевание привело к изменению этнополитической картины Малой Азии. Оценивая значение монгольского периода в этнической истории Ближнего Востока, З.В.Тоган замечает, что в сельджукское время тюркский элемент в этом регионе подвергался ощутимому влиянию местной, особенно иранской, культуры и существовала опасность его полной ассимиляции и исчезновения среди других этнических групп. Во всяком случае, наблюдалась арабизация, иранизация или курдизация некоторых туркменских племен, которые все еще не составляли большинство населения в этот период.¹⁹⁹ Именно в монгольскую эпоху благодаря миграции новых племен с востока значительно вырос удельный вес тюркского элемента на Ближнем Востоке, или, говоря словами В.В.Бартольда, «везде в монгольскую эпоху замечается усиление турецкого элемента».²⁰⁰ Турки составили важный компонент этнической мозаики Малой Азии, что подтверждается некоторыми косвенными данными источников. Так, если в 1117 г. арабский географ Идриси в своем произведении использует, в основном, греческие топонимы в Анатолии (например, Бахр ал-Бонтус – Понтийское или Черное море и т.д.), то у Ибн Баттуты в 1330-е гг. даны уже тюркские или тюркизированные варианты многих из них. Это может служить свидетельством значительной тюркизации Малой Азии в монгольский период.²⁰¹ Дж.М.Смит, подтверждая эту мысль, пишет, что первая тюркская волна в эпоху сельджукских завоеваний не была достаточно мощной, и лишь монгольское завоевание изменило ситуацию и остро поставило так называемую проблему «кочев-

¹⁹⁸ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 197-198

¹⁹⁹ Там же. С. 216

²⁰⁰ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 211

²⁰¹ Arsal S.M. Türk tarihi ve hukuk. P.367, 329; Langer W.L., Blake R.P. The Rise of the Ottoman Turks and its historical background. P. 485

ников».²⁰² Уместно здесь также упомянуть слова К.Имбера о том, что «будучи в XI в. преимущественно греческой и христианской, к 1300 г. Анатолия стала преимущественно тюркской и мусульманской».²⁰³

В монгольскую эпоху наблюдались и серьезные внутренние миграции и смена места проживания части тюркских племен, осевших в странах Ближнего Востока в сельджукское время. В первой половине XIII в. происходило дальнейшее движение на запад ряда огузских племен с территории Ирана, Ирака и Азербайджана. В частности, племена йива, о которых упоминалось выше, присоединилось к армии хорезмшаха Джалал ад-Дина и участвовали в его походах в восточную Анатолию. Впоследствии часть из них перекочевала из Азербайджана в Малую Азию и поселилась там. В современной Турции встречается более 30 топонимов, связанных со словом «йива».²⁰⁴

Крупнейшими туркменскими племенами, перекочевавшими из Средней Азии в Азербайджан и Анатолию в монгольскую эпоху, были улусы (конфедерации) Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу.²⁰⁵ Они сыграли исключительно важную роль в этнополитической истории Азербайджана и восточной Анатолии. О.Туран отмечает, что Кара-Коюнлу принадлежали к язырам, одному из коренных племен огузов,²⁰⁶ и перекочевали на территорию Азербайджана, восточной Анатолии, северного Ирака и Сирии в последние годы правления хорезмшахов и начала монгольских завоеваний.²⁰⁷ В историю региона не меньший вклад внесли и племена Ак-Коюнлу, которые также поселились на территории Азербайджана и восточной

²⁰² Smith J.M. Turanian nomadizm and Iranian politics. P. 61

²⁰³ Imber C. The Ottoman Empire. 1300-1481. P. 4

²⁰⁴ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 260

²⁰⁵ Sümer F. Karakoyunlular. P. 35-36

²⁰⁶ Среди историков нет единства мнения о происхождении этого улуса. В.Ф.Минорский склоняется к мысли о том, что, скорее всего, Кара-Коюнлу происходят от коренного огузского племени йива (Minorsky V. The Clan of the Qara-Qoyunlu Rulers. P. 391-395). С его выводом согласен Ф.Сюмер (см. Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). P. 147).

²⁰⁷ Махмуд Нишапури в своем труде «Тарих-и туркманийа» пишет, что когда в 599 г.х./1202-1203 гг. появились Чингиз-хан и монголы и стали вырезать тюрков и кочевников, Торе-бей, который происходил из рода Огуза и был отцом Кара Мухаммеда-бея, стоял во главе своего народа (эль ве улус). Когда хорезмшах Джалал ад-дин вел героический джихад против завоеваний, разрушений и убийств, творимых монголами, Торе-бек со своим народом в 30 тысяч семейств покинул свою родину, переправился через Джейхун (Аму-дарью) и перекочевал в области Эрзерума и Диярбекира. На своей новой родине они вели газават против татар, грузин и других неверных. Они не склонились перед Чингиз-ханом, Абака-ханом, Аргун-ханом, Бахадур-ханом. Затем во главе этого улуса стал Байрам Ходжа и возвысил славу государства Кара Мухаммеда Кара-Коюнлу (Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 263). Довлатшах Самарканди также отмечает, что Кара Мухаммед Кара-Коюнлу был родом из дальних краев Туркестана, окрестностей гор Казкурд, и прибыл в Азербайджан и Битлис в древние времена (Sümer F. Karakoyunlular. P. 36; Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 265).

Анатолии в монгольскую эпоху. Во главе этого улуса стоял род баяндур (байындыр), принадлежащий к одному из коренных племен огузов. Сегодня в Турции имеется около 30 населенных пунктов с этим названием.²⁰⁸

Вследствие монгольских завоеваний произошло дальнейшее перемещение туркменских племен из Хорезма и Хорасана на запад – в Азербайджан, Малую Азию, северную Сирию, что оказало серьезное влияние на процесс тюркизации региона. Так, туркменские племена, переселившиеся в юго-восточную Анатолию и северную Сирию, в источниках XIII-XV вв. назывались «сирийскими туркменами/туркманами» (*Terakime-i Şam*). Они приняли участие в создании нескольких тюркских эмиратов в этих районах – Дулкадыр (Зулкадир), Рамазаногуллары, Озерогоуллары и других и сыграли важную роль в происходивших военно-политических событиях, отношениях с мамлюками, крестоносцами, киликийскими армянами, Османской империей. В XV – начале XVI в. одна ветвь сирийских туркмен под названием «шамлу» влилась в кызылбашское движение в Анатолии и Азербайджане, приведшее к созданию Сефевидского государства. По мнению Ф.Сумера, сохранение в течение длительного времени сирийскими туркменами дуальной этнополитической структуры, деление их на два крыла – «бозок» и «учок» – свидетельствует об их переселении в данный регион в эпоху монгольских завоеваний.²⁰⁹ Османский автор Ибн Кемаль связывает приход этих племен с именем монгольского полководца Байджу-нойона, одержавшего победу над сельджукской армией в 1243 г. Автор пишет, что «во время татарского полководца Бачу-хана» племена, известные под именем «бозоков» и «учоков», прибыли в «Юнан-земин» (область Караман) и выбрали себе в качестве летних пастбищ горы Булгар, а зимовать стали в Чукурабаде (Чукурова, район совр. Аданы) и Эльбистане.²¹⁰ В старшее крыло бозок входили племена баят, афшар и бейдилли, составлявшие основной элемент сирийских туркмен и поселившиеся в долине Амин между Алеппо (Халебом) и Айнтабом (совр. Газиантеп). Учоки же распространились в районах между Мерсином и Гявур-дагы, а также долине Чукурова. Основными племенами, входившими в левое крыло, являлись юрегир и кынык, вслед за которыми шли баяндур, салур, каркын и игдыр. Однако вместе с последними в эти районы перекочевало и племя додурга, входившее в правое крыло бозок.²¹¹

Бургундец Бертрандон де ла Брокьер, посетивший Малую Азию в 1432 г., свидетельствует, что районы между Тарсусом и Антиохией были населены многочисленными туркменскими массами. По подсчетам Ф.Су-

²⁰⁸ Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). P. 461

²⁰⁹ Sümer F. Çukur-ova tarihine dair araştırmalar. P. 9

²¹⁰ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VIII Defter. P. 88

²¹¹ Sümer F. Çukur-ova tarihine dair araştırmalar. P. 9

мера на основе налогового реестра 1519 г., составленного три года спустя после османского завоевания этого региона, здесь повсюду, за исключением Сиса, тюркское население составляло большинство.²¹² Он также перечисляет различные династии из сирийских туркмен, основавших государственные образования и сыгравших важную роль в истории Малой Азии, Сирии и Азербайджана: Дулкадыр-огуллары из племени баят, Рамазан-огуллары из племени юрегир, Инал-огуллары из племени бейдили, Боздоган-огуллары, Гюндюз-огуллары из племени афшар, Кёпек-огуллары из племени афшар, Бозджа-огуллары из племени баят, Кутбейи-огуллары из племени афшар, Озер-огуллары предположительно, из племени кынык, Доганчы-огуллары из племени афшар.²¹³

Бежавшего от монголов хорезмшаха Джалал ад-Дина, который создал государство на Ближнем Востоке, сопровождало большое количество туркмен из Хорезма. В последующем они также частично осели в Азербайджане и Малой Азии и сыграли немаловажную роль в истории этого региона. Насави метафорически отмечает большую численность хорезмийцев, поселившихся в Муганской степи Азербайджана: «... там столько туркмен, что если они соберутся, то будут как скопища муравьев или тучи саранчи».²¹⁴ Кстати, примерно в это же время, в начале XIII в., автор персоязычного географического сочинения «Чудеса мира» («Аджаиб ад-дунья») сообщал об Арране, что нигде более в мире не наблюдалось такого скопления тюрков, и, по слухам, там было до ста тысяч тюркских воинов.²¹⁵ Как известно, в 1230 г. хорезмшах Джалал ад-Дин захватил Ахлат, но вскоре потерпел поражение от сельджукского султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I в битве при Яссы-чемене. После смерти Джалал ад-Дина, которая последовала спустя год за описанным событием, большинство эмиров и войск хорезмшаха перешло на службу к Сельджукидам.²¹⁶ По приказу султана они были расселены в различных областях Малой Азии. В частности, согласно Ибн Биби, главе хорезмийских туркмен Кайир-хану был предоставлен Эрзинджан, затем Сивас, Баракату – Амасья, Гюджлю-хану – Ларенде, а Иланбуге – Нигде.²¹⁷ Хорезмийцы стали участника-

²¹² Там же. С. 20

²¹³ Там же. С. 9-10

²¹⁴ Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. С. 200, 266

²¹⁵ Аджа'иб ад-дунья (Чудеса мира). С. 181

²¹⁶ По мнению Ф.Сумера, остатки хорезмийцев, перешедших на службу к сельджукскому султану, не представляли собой внушительную военную силу и могли выставлять не более 5-6 тысяч всадников. Чрезмерное внимание к ним со стороны Ала ад-Дина Кей-Кубада I могло быть вызвано близостью монгольской угрозы (Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 5).

²¹⁷ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'arbege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte Persan. P. 191-192 (В издании Хоутсмы хроники Ибн Биби имя Гюджлю передано как Кюсю Сенекем(?), а Иланбуга – как Йылан Нугу); Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. С. 188; Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. P. 378

ми многих военно-политических событий в Анатолии, включая мятежи против сельджукской власти, борьбу с монгольской экспансией и т.д. Часть из них погибла в военных столкновениях, другая была вынуждена покинуть Анатолию, однако было немало и тех, кто навсегда связал свою жизнь с этой землей, интегрировавшись в тюркскую среду Малой Азии. В период упадка Сельджукской империи хорезмийцы основали эмират Са-рухан на побережье Эгейского моря.²¹⁸ Анатолийские кочевники-юрюки, как иначе назывались остатки огузских номадов в Малой Азии и Балканах, из племени хорзумлу считаются остатком туркмен-хорезмийцев. Они отличались от других племен юрюков тем, что антропологически обладали более выраженными монголоидными чертами.²¹⁹

В турецкой историографии выдвигается гипотеза о возможности прихода предков Османской династии в Малую Азию в составе вышеупомянутых хорезмийцев в период монгольских завоеваний. Как известно, сами османские источники содержат отрывочную и малодостоверную информацию об этом событии, поскольку самые ранние из них были написаны более столетия спустя после него. Поэтому не удивительно, что в них реальная история часто перемешана с вымыслом и легендами. Суть сообщений ранних османских хроник о появлении осман в Анатолии вкратце сводится к следующему. Огузское племя кайы в количестве примерно четырехсот шатров в период монгольских завоеваний было вынуждено покинуть свои родные места в Туркестане и перекочевать в Анатолию, где они поступили на службу к сельджукским султанам и со временем основали собственный эмират. Сложно судить о точном времени произошедшего события, ибо не всегда ясен исторический контекст описываемых в упомянутых источниках процессов. Однако одна из основательных версий связывает появление племени кайы в Малой Азии с теми хорезмийцами, которые прибыли во главе с хорезмшахом Джалал ад-Дином на Ближний Восток в период завоевания Чингиз-ханом Средней Азии. По мнению Ф.Эмеджена, можно проследить определенные параллели между достаточно запутанной информацией ранних османских хроник и теми приключениями, которые выпали на долю хорезмийских туркмен. Можно предположить, что исторические корни полулегендарных рассказов этих хроник связаны с воспоминаниями о деятельности в Анатолии Кайир-хана, ставшего во главе хорезмийцев после смерти Джалал ад-Дина. Эти рассказы приведены в произведении Ибн Биби и могли перейти в измененной версии в ранние османские хроники. Возможно, схожесть в именах Кайир-хана и предка османов Кайик Алпа, как оно звучит в хронике Карамани Мехмед-паши, не является случайным совпадением. Во всяком

²¹⁸ Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. С. 195

²¹⁹ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 127

случае, по мнению Ф.Эмеджена, нельзя сбрасывать со счетов возможную связь османов с хорезмийскими туркменами.²²⁰

Упадок Сельджукского государства Малой Азии и установление ильханидской власти, как отмечалось, резко изменили этнополитическую ситуацию в Анатолии. Как известно, в это время здесь расселилось значительное количество монгольских (татарских) племен, особенно в центральной и восточной Анатолии. Вследствие перехода большей части земель и пастбищных угодий в руки монгольской знати туркменские племена были вынуждены переселяться дальше на запад и юг Малой Азии, что привело к быстрому росту численности тюркского населения как на эгейском побережье и границах с Византией, так и севере Сирии.²²¹ Как свидетельствует Никифор Григора, *«Турки, наделавшие у себя множество сатрапий, будучи преследуемы скифами (монголами – Ш.М.), в свою очередь преследовали римлян (византийцев – Ш.М.). И чем слабее становились сравнительно с скифами, тем мужественнее делались пред римлянами, так что нападение скифов было для них причиной не несчастья, а напротив большого благополучия»*.²²²

В 1277 г. значительная часть сельджукских владений в Анатолии была выведена из-под власти сельджукских султанов и попала под прямой контроль ильханидского двора в Тебризе. Они стали управляться монгольскими наместниками – нойонами, которые назначались со стороны хана. Естественно, нойоны прибывали на новое место службы во главе своих племен – аймаков, которые стали новым весомым элементом на этнической карте Анатолии. Так, племя бисуут, к которому принадлежал победитель сельджукидов при Кёседаге Байджу-нойон, поселилось в области Коньи и Карамана. После смерти Байджу-нойона во главе этого племени стал его сын Увак-нойон. В Карамане со временем поселилось и

²²⁰ Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 15

²²¹ Ибн Шаддад сообщает о поселении 40 тысяч туркменских семей на землях между Газой и Антиохией во время правления султана Бейбарса. Став «агентами» мамлюков, эти туркмены создали в будущем эмираты Дулкадыр, Рамазан и Озер и способствовали быстрой тюркизации названных территорий (см. Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 45). Как отмечает Д.А.Коробейников, из крупных тюркских племенных конфедераций, которые стали формироваться в Малой Азии после монгольского завоевания и часть из которых мигрировала на запад к византийским границам в Малой Азии после 1260 г., известны следующие: 1) наиболее крупная конфедерация тюрков Денизли (Лаодикен) в 1260-62 гг.; 2) Агач-эри, занимавшие равнины между Малатьей и Марашем; 3) конфедерация Гермияногуллары, первоначально сформировавшаяся на территории между Малатьей и Маййафарикином (Сильваном) и мигрировавшая в 1277 г. в район Кютахьи; 4) Караманогуллары в районе Эрменек-Мут-Силифке-Анамур; 5) тюрки Кастамону; 6) тюрки Понта, среди которых выделялось племя чепни, и которые впервые отмечены в районе Синопа в 1277 г. (Korobeinikov D.A. How 'Byzantine' were the early Ottomans. P. 230-231).

²²² Никифор Григора. С. 132; Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 37

другое монгольское племя джелаир во главе с Илка-нойоном, затем его сыном Ирикту-нойоном. Племя сунит во главе с Чормагун-нойоном поселилось в области Диярбекир. Племя кюин-татар во главе с Самагар-нойоном, который был назначен ильханидским правителем Абака-ханом наместником «страны Рум», нашло приют в районах между Амасьей и Никсаром. В последующем эти племена сыграли немаловажную роль в истории Малой Азии и были известны под названием кара-татар («черных татар»). В Малую Азию прибыли также кераиты во главе с Алынак-нойоном, часть которых поселилась в области Токат, а другая – Анкары. Известно также о поселении в районах между Харпутом и Малатей чыгантиатар²²³, или «белых татар», и частично племен сулдус и ойрат. В Киликии же расселились кияты.²²⁴

Спустя некоторое время после миграции в Малую Азию под влиянием новых социальных условий происходил постепенный распад и дробление крупных монгольских аймаков на более мелкие единицы, многие из которых получили новые названия. Большей частью они были связаны с личными именами нойонов, которые возглавляли эти единицы. К примеру, в XIV-начале XV в. среди кара-татар выделяется племя самагар, названное так в честь вышеупомянутого Самагар-нойона. Кераиты в области Гермиян позднее стали называться чавдар-татарами от имени Чаудар-нойона.

В источниках сообщается и о некоторых других монгольских племенах, поселившихся в Малой Азии. Шикари пишет о перекочевке в Анатолию в годы правления Ала ад-Дина Кей-Кубада²²⁵ ногайских татар, которые были способны выставить до 30 тысяч воинов. Сельджукский султан принял их на воинскую службу и наделил землями и пастбищами. Ведущие кочевой образ жизни ногайцы, по словам автора, *«в города не входили, жили в окрестных яйлаках, ибо были кочевниками. Кто бы ни получал шахскую власть в Руме, брал их к себе на службу, поскольку не было в то время более грозных воинов, чем они»*.²²⁶

С течением времени монголы в Малой Азии, как и на всем Ближнем Востоке, постепенно тюркизировались, став частью тюркской этнокультурной системы.²²⁷ Это было связано с рядом весьма серьезных причин. Преж-

²²³ «Цаган» по-монгольски означает «белый» (Бартольд В.В. Новый труд о половцах. С. 399).

²²⁴ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P.236-237

²²⁵ Скорее всего, речь идет о султанах Ала ад-Дине Кей-Кубаде III (1298-1302), поскольку ногайские татары могли перейти на службу к сельджукскому султану после смерти Ногая в 1300 г. (Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. С. 48-49).

²²⁶ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 118

²²⁷ Еще В.А.Гордлевский отмечал, что «гипотеза о взаимодействии турок и монголов стоит на очереди. Карта раннего расселения турецких и монгольских племен могла бы дать осязательность этой гипотезе». (Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 42).

де всего, общая численность собственно монголов, принимавших участие в завоевательных походах на запад была не столь велика, и, наоборот, в составе их экспедиционных армий находилось значительное число представителей покоренных ими тюркских народностей и племен – канглы, кыпчаков, уйгуров и других, инкорпорировавшихся в монгольскую среду.²²⁸ Кроме того, в империи Чингиз-хана, особенно в среде монгольской элиты, было велико влияние тюркской культуры. К примеру, как сообщает Джувейни, поскольку у монголов не было собственной письменности, Чингиз-хан приказал обучать их детей уйгурскому письму.²²⁹ Таким образом, эти факторы в дальнейшем обусловили процесс постепенной тюркизации монгольских племен, которые расселились в Средней и Передней Азии, включая и Малую Азию, в результате масштабных завоеваний и миграций в XIII в. К ним следует добавить и исторически существовавшую социальную и этнографическую близость между кочевыми тюркскими и монгольскими племенами, издревле населявшими центральноазиатские степи. Как указывает И.Вазари, относительно быстрое слияние монголов и тюрков происходило благодаря их общему кочевому наследию и тысячелетнему социально-культурному симбиозу в глубинах Центральной Азии. При этом не следует забывать о том, что территория, называемая в течение последних 800 лет «Монголией», в VI-IX вв. была известна как страна тюрков (Turgis), где произошло формирование раннетюркской государственности. Более того, во многих ареалах их совместного проживания число тюрков значительно превосходило количество монголов.²³⁰

Указанная близость способствовала тому, что в средневековой мусульманской, и не только, литературе эти два этноса часто воспринимались как родственные или даже как части единого народа. В частности, Рашид ад-дин, один из самых эрудированных и сведущих в истории тюрков и монголов мусульманских авторов, был убежден, что они происходили от общих этнических корней. Основываясь на древних мифах, он писал, что монголы произошли от предков, поселившихся в древности в Эргенеконе, где они со временем размножились и откуда распространились. По сути, эти «монголы являлись одним из ответвлений тюрков»; в течение 400 лет от них произошло множество племен, слава их распространилась повсюду и окрестные народы приняли название «монголы», так что «большинство

²²⁸ С этим связано, как отмечает Ф.Сумер, параллельное функционирование на официальном уровне монгольского и тюркского языков в Ильханидской империи, где основные государственные документы (*ярлыки*) издавались на двух языках, и все ильханидские правители после Аргуна одинаково владели обоими языками, и т.д. (Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 24), хотя известно о функционировании и персидского как языка канцелярии.

²²⁹ Tarikh-e Jahan-qusha-ye Juvayni. P. 17

²³⁰ Vásáry I. The role and function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran. P. 146

тюрков стали известны под названием монголы».²³¹ Традиция представлять монгольских ханов как тюркских правителей была связана в средневековой мусульманской историографии именно с этим постулатом. К примеру, Насави, историк хорезмшаха Джалал ад-дина, называет в своем произведении сына Чингиз-хана Угэдэя «владыкой тюрков».²³²

Кстати, порой и сами представители этих двух народов воспринимали близость обычаев и образа жизни как признак этнического родства и использовали это в собственных целях. Так, встретившись с объединенной армией алан и кыпчаков в Дагестане, монголы обратились к последним со словами: *«Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им»*.²³³ Разрушив, таким образом, союз двух народов, монголы смогли одержать победу. Или осаждавшие Багдад монголы послали командующему защитниками города хорезмийцу Султанджуку весть, в которой подчеркивали свое этническое родство и призывали последнего не воевать за чуждых ему арабов. После этого полководец-хорезмиец решил перейти на сторону монголов. Еще один случай описан Ибн ал-Асиром, который следующим образом прокомментировал переход на сторону монголов эмира атабеков Азербайджана Аккуша вместе с находившимися в его подчинении туркменскими воинами – туркмены проявили близость к «татарам» из-за существующего между ними родства.²³⁴ В другом источнике мамлюкский автор Бадр ад-Дин ал-Айни писал о султани Бейбарсе, нанесшему тяжелое поражение ильханидам, что тюрки спасли ислам от тех же тюрков, имея в виду под «тюрками» в первом случае египетских мамлюков кыпчакского происхождения, а во втором – монголов.²³⁵

Принятие монголами ислама в Ильханидской империи в период правления Газан-хана также явился одним из факторов, существенно облегчивших процесс их этнокультурной тюркизации. Несмотря на широкое распространение среди них других религий – шаманизма, буддизма, христианства – в конечном счете большая их часть в Передней Азии сделала выбор в пользу ислама. Этот выбор был обусловлен рядом серьезных причин социального и культурного характера. Но не последнюю роль сыграло толерантное отношение к монголам многих ведущих представителей мусульманской религии, особенно его суфийского направления. Будь то ясевийские шейхи в Средней Азии или такие известные суфийские лидеры в Малой Азии как Джалал ад-Дин Руми видели в монголах будущих мусульман и всячески поощряли их интеграцию в исламскую

²³¹ Фазлаллах Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Т. I. Часть 1. С. 84

²³² Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. С. 170

²³³ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 131-132

²³⁴ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 255

²³⁵ Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. P. 496

среду.²³⁶ Таким образом, монголы, завоевавшие мусульманские страны Передней Азии, не могли рано или поздно не подвергнуться религиозному и культурному влиянию местной мусульманской среды.

Исламизация монголов неизбежно вела к их сближению с наиболее близким им этническим элементом – тюрками, а в дальнейшем и к полному растворению их в тюркской этнокультурной среде. Не случайно в XIV в. Элван Челеби связывал сохранение политической власти в течение столетия после смерти Чингиз-хана в руках монголов тем, что те, в конце концов, «озарились светом» религии и тасаввуфа. Им улыбалась удача в Малой Азии (Руме) лишь благодаря тому, что они ступили на священный путь суфийского тариката и проявляли верность его шейху, имея в виду приверженность многих из них ордену мевлеви, связанному с именем Джалал ад-Дина Руми. По мнению автора, все это способствовало сближению монголов с тюрками, с которыми те в конечном итоге должны были окончательно слиться.²³⁷ По сути, Элван Челеби в поэтической форме описал процесс этнической ассимиляции монголов в тюркской среде Малой Азии. Вместе с тем, этот процесс не был одномоментным и безболезненным, как может показаться, а протекал в течение многих столетий. Согласно источникам, в Малой Азии и Балканах монголы («татары» или «чингизидские племена» – *kabail-i çingiziye*) длительное время сохраняли свойственные им антропологические черты и этнокультурные особенности, отличавшие их от других этнических групп.

Вместе с тем, отождествление в мусульманской традиции тюрков и монголов, приписывание им общих этнических корней не всегда оправдывало себя в реальной жизни, что подтверждается примерами из истории Малой Азии. В тех случаях, когда у представителей этих двух этносов сталкивались военно-политические или иные интересы, предполагаемая близость отходила на второй план или вовсе отбрасывалась, и, наоборот, демонстрировались противоречия, фокусировались различия между ними. К примеру, сельджукский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I предлагал хорезмшаху Джалал ад-Дину заключить мир и выступить совместно против монголов на том основании, что они оба имели общее туркменское происхождение.²³⁸ Как видим, в данном случае не принималась в расчет предполагаемая этническая близость с монголами.

Или, после образования Ильханидской державы и начала ее конфликта с Золотой Ордой Хулагу-хан решил укрепить северные границы государства и переселить с этой целью кыпчаков, бывших гвардейцев халифата из Багдада в районы Дербента и Ширвана. Однако посланный с этой миссией к ним

²³⁶ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 264

²³⁷ Elvan Çelebi. Menakıbu'l-Kudsiyye fi Menasibu'l-Ünsiyye. P. 157-158

²³⁸ Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. P. 299

такой же кыпчак Джалал ад-Дин, сын даватдара, объявил своим сородичам: *«Вы знаете, каковы мои достоинства и происхождение. Я одного с вами рода, и хотя Хулагу-хан оказывает мне полное благоволение, я все же не допущу превратить вас в корм для меча»*.²³⁹ После переправы через Евфрат эти гвардейцы неожиданно повернули в сторону Сирии, чтобы присоединиться к своим соплеменникам – кыпчакским мамлюкам Египта, которые противостояли монгольской экспансии на Ближнем Востоке.

Противопоставляет предков османов, т.е. туркмен, и монголов по этническому признаку и Ибн Кемаль. По его сообщению, отец Османа Эртогрул, наблюдая за битвой между сельджульской и монгольской армиями, спросил приближенных о предпочтительности присоединения к одной из сторон. Мнение большинства склонялось в пользу более сильных монголов. Однако Эртогрул возразил, якобы заметив, что не подобает их чести оставлять в беде слабого, и негоже содействовать победе инородцев (*hilaf-i cins*), подразумевая под последними монголов.²⁴⁰ Независимо от степени достоверности этой информации она свидетельствует о характере восприятия этнической комплиментарности в тот период.

Пример еще одной подобной конфликтной ситуации можно обнаружить в ранних османских хрониках. Как было отмечено выше, монгольское племя кераитов, поселившееся в области Гермиян, стало в последующем известно под названием «чавдар-татар». По сведениям Мехмеда Нешири, после их очередного набега на находившийся в османских владениях город Караджахисар и учиненного грабежа на городском рынке, они были разбиты вооруженными отрядами Орхана, и многие из них попали в плен. Орхан, взяв с них клятву впредь не совершать враждебных действий в отношении османских земель и отпустил с миром. Однако он получил от своего отца Османа следующее наставление, которое дает определенное представление об этносоциальных отношениях в тюркской среде Малой Азии: *«Сын мой, мы хоть и взяли клятву с этих татар и отпустили их с миром, но знай, что татары – это племя, не соблюдающее своего слова»*.²⁴¹ Ашикпашазаде подкрепляет это мнение следующими словами: *«И не избавятся они от своего татарства»*.²⁴²

Интересно, что даже в конце XV в., когда монголы в Малой Азии были уже окончательно тюркизированы в лингвистическом отношении, местные турки, особенно османы, все еще воспринимали их как этнически и антропологически отличную от себя группу. Об этом свидетельствуют некоторые аутентичные источники, к примеру, «Салатин-наме» ос-

²³⁹ Фазлуллах Рашид ад-Дин. Т. III. С. 62-63

²⁴⁰ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. I Defter. P. 46.

²⁴¹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 124-125

²⁴² Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 108

манского поэта и историка Кемаля. Использованные в адрес монголов грубые и нелестные эпитеты («узкоглазые татары хуже псов», «татары со свинячьими глазами»)²⁴³ позволяют судить об этнических процессах внутри тюркской среды Анатолии. Историк правителя Сиваса Кадия Бурхан ад-Дина Азиз Астарабади называет воинов Тимура – монголов, чагатайцев и татар – «бедствием мира и рода человеческого».²⁴⁴

Итак, с самого начала миграций тюркских и монгольских племен на запад процессы тюркизации Анатолии приняли достаточно интенсивный характер. Следует подчеркнуть, что значительная их часть, мигрировавшая на Ближний Восток из Средней Азии в сельджукскую и монгольскую эпоху, поселилась на территории Азербайджана и Анатолии. Это было связано с тем, что здесь, в отличие от большей части Ирана и арабских стран, природно-климатические условия позволяли им продолжать заниматься традиционным видом хозяйства – скотоводством.²⁴⁵ Таким образом, в этом мощном миграционном потоке Азербайджан, по сути, являлся важным мостом между Средней и Малой Азией.

Как ни странно, результаты этнокультурной тюркизации Анатолии первыми отметили европейцы. В отличие от мусульманских авторов, которые продолжали именовать Малую Азию и возникшее здесь Сельджукское государство «Румом», ассоциируя его с византийским наследием, западные историки осознавали факт глубоких этнополитических изменений и тюркского доминирования на этих территориях. Не случайно хронисты крестовых походов, непосредственно знакомые с положением в Анатолии, называли ее «Турцией» (*Turchia* или *Turquie*).²⁴⁶ К примеру, Вильгельм Тирский и Жофруа Виллардуэн, описывающие столкновения и контакты латинян с тюрками, именуют страну, находившуюся под властью или влиянием последних, т.е. Анатолию, не иначе как «Турция».²⁴⁷ Независимо от того, в какой степени сами тюрки в это время осознавали свою этническую идентичность и как себя называли, эти факты свидетельствуют о преобладающем тюркском этническом облике значительной части Малой Азии к концу сельджукской эпохи.

К.Каэн анализирует особенности такого сложного и длительного процесса как тюркизация, отмечая, что географически он охватывал не все регионы в одинаковой степени. Судя по сведениям источников, про-

²⁴³ XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name, pp. 29, 119

²⁴⁴ Bazm u Razm. P. 455

²⁴⁵ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 144

²⁴⁶ Там же. С. 145

²⁴⁷ В частности, в хронике «О завоевании Константинополя», охватывающей события 1198-1207 гг., Жоффрау Виллардуэн пишет: «Бонифаций, маркиз Монферратский, потребовал исполнения договора, а именно уступки ему земель в Турции по ту сторону пролива (т.е. в Анатолии – Ш.М.), с о. Критом» (История Средних веков. С. 460)

цесс имел наиболее интенсивный характер в зоне соприкосновения тюрков с византийцами на западе Малой Азии и армянами в южных районах. Грузия в этом отношении была более обезопасена горными цепями, отделяющими ее от Анатолии. Таким образом, как можно судить, туркмены на этом этапе заселяли большей частью приграничные с Византией зоны.²⁴⁸ Следует помнить, что направление воинственных кочевников на приграничье с христианами являлось одним из основных принципов сельджукской политики. Тем самым, преследовались сразу две цели: во-первых, внутренние районы государства освобождались от беспокойных кочевников, всегда готовых к мятежу против центральной власти, и, во-вторых, укреплялись границы, и обеспечивалось завоевание новых земель.²⁴⁹ В этот период даже в византийских источниках порой начинают встречаться тюркские названия некоторых приграничных районов, что свидетельствует об их интенсивном освоении тюрками.²⁵⁰

Процесс тюркизации наряду с этническими параметрами имел и достаточно выраженную социальную составляющую. Безусловно, основными его участниками и исполнителями являлись переселявшиеся в Малую Азию туркменские племена. Однако при этом существенное значение имеет вопрос, поставленный К.Каэном – «Как мы должны представлять себе этих туркмен сельджукской эпохи? Являлись ли они исключительно кочевниками?».²⁵¹ Как отмечает С.Г.Агаджанов, «среди историков нет единства мнений о хозяйственных занятиях огузов и туркмен исследуемого периода. Одни историки, как отмечалось выше, считают, что огузы занимались главным образом кочевым скотоводством. Другие же определяют их хозяйство как комплексное, основанное на земледелии, скотоводстве и рыбной ловле. Главным хозяйственным занятием подавляющего большинства огузов и туркмен все же было кочевое экстенсивное скотоводство... Разумеется, в огузо-туркменской среде были и компактные группы, земледельцев и рыболовов. Однако кочевые и полукочевые огузы и туркмены явно преобладали над оседлым и полuosедлым населением».²⁵²

Многие источники, как западные, так и местные тюркско-мусульманские, большей частью подтверждают это мнение.²⁵³ К примеру, Виль-

²⁴⁸ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 145

²⁴⁹ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 76

²⁵⁰ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 145

²⁵¹ Там же. С. 146

²⁵² Агаджанов С.Г. Очерки по истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. С. 87

²⁵³ В частности, Франсиско де Монкада, автор хроники каталанской кампании (похода против турок в начале XIV в.), написанной на основе воспоминаний участника этих событий Рамона Мунтанера, отмечал следующее: «В те времена они (турки – Ш.М.) не отказались еще от обычаев скифов, от которых они, как полагали, происходили, и жили, в основном, как воинственные племена в шатрах в поле, меняя место в 72

гельм Тирский пишет, что народ турков, или туркоманов имел общее происхождение, и родиной его были северные страны. Далее он добавляет: *«Кочуя и переходя с места на место, смотря по удобству пастбища, они не имели ни городов, ни селений, ни другой какой оседлости. Предпринимая путь, турки одного колена собирались вместе, имея во главе одного из старейших в своем колене как князя; все споры между лицами одного и того же колена обсуждались им, и каждая из сторон была обязана ему повиновением; никто не мог бы безнаказанно уклониться от того. При своем передвижении, они несли с собой имущество, вели коней, вьючный и домашний скот, рабов и рабынь; все это составляло их богатство. Нигде они не занимались земледелием; торговые сделки им были неизвестны, и только меной приобретали все необходимое для жизни. Если хорошие луга внушали им намерение раскинуть палатки на известном месте и спокойно остановиться там, то они обыкновенно посылали умнейших из своей среды к владельцу страны, в которую они являлись, заключали обоюдные договоры, обязываясь платить известную установленную сумму, и располагались среди пастбищ и лесов»*.²⁵⁴

В местных источниках уделено внимание некоторым деталям поселения огузов на территории Малой Азии. Ашикпашазаде отмечает, что в эпоху ранних сельджукских завоеваний около 50 тысяч семей кочевых туркмен и татар под водительством Сулейман-шаха переселились в Рум. Однако вскоре им стало здесь невмоготу, ибо они передвигались со своими стадами, которым было сложно преодолевать горный рельеф этой страны.²⁵⁵ Поэтому эти первые переселенцы вынуждены были покинуть Анатолию и откочевать на юг в район Алеппо.

Вместе с тем, следует отметить, что кочевой тип хозяйства имел несколько модификаций. Даже в Центральной Азии с ее обширной степной зоной наряду с «чистым» кочевничеством практиковалось сезонное (по-

зависимости от времени года и продуктов земли. Основную их силу составляла конница, возглавляемая военачальниками и князьями, заслужившими свое положение больше собственной храбростью, чем происхождением, и они подчинялись им в силу уважения, а не принуждения. Они вели постоянные войны со своими соседями, не придерживаясь никакого военного порядка, наподобие арабов, которые владеют сегодня Африкой. Они продолжали такой образ жизни с тех пор, как покинули берега Волги и вторглись в Малую Азию, заслужив уважение трусливых греков и азиатских народов» (The Catalan Chronicle of Francisco de Moncada. P. 31). В хронике Оруджа также говорится, что все огузы принадлежали к кочевым племенам (Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 5).

²⁵⁴ История Средних веков. С. 36. Один из латинских авторов, к примеру, пишет о них: *«Это, однако, образ жизни жителей этой земли, которых называют скотоводы тюрки или бедуины, не имея домов и жить все время в палатках, переходя из одного пастбища на другое со своими стадами»* (Цит. по Vryonis S., Jr. Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 49).

²⁵⁵ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 92

лукочевое) или отгонное скотоводство, характерное и для Анатолии и Азербайджана.²⁵⁶ Социальные группы, чья хозяйственная деятельность была связана с сезонным и отгонным животноводством, были теснее связаны с оседлой культурой. Перекочевывая летом вместе со своими стадами в горные и предгорные районы, зиму они обычно проводили на равнинах, иногда временно селясь в деревнях. Характеризуя кочевничество в Анатолии в сельджукскую эпоху, К.Каэн отмечает, что здесь уместно говорить о близком соприкосновении и товарообмене между кочевыми скотоводами и оседлым населением, не исключая возможности и полного перехода отдельных групп номадов к оседлости.²⁵⁷

Некоторые особенности седентаризации части тюркских номадов в Малой Азии вызывали в ходе эволюции сельджукского общества постепенное обострение социальных противоречий, особенно между номадами и центральной властью. Как отмечалось, природные условия региона благоприятствовали не только ведению сезонного животноводства. Этот регион был колыбелью земледелия и богатой городской культуры, и накануне сельджукских завоеваний во всех частях Анатолии существовали города и поселки, являвшиеся центрами ремесленного производства и торговли. На первом этапе сельджукских завоеваний некоторое сокращение сельскохозяйственного производства ослабило обеспечение этих центров

²⁵⁶ С.Г.Агаджанов следующим образом характеризует эти типы кочевого хозяйствования: «В равнинных степях Азии издавна существовало три основных типа кочевого хозяйства. Первый из них характеризуется непрерывными перекочевками всего рода или племени со скотом по сезонным пастбищам. Отличительной чертой этой формы скотоводства является большой радиус кочевания и отсутствие длительных стоянок. Наряду с этим типом существовало также полукочевое и отгонное скотоводство. Полукочевые роды и племена имели свои весенние, летние и осенние пастбища и зимовали в поселениях и стойбищах временного типа. Отгонное скотоводство было основано на постоянной оседлости и сезонных откочевках на сравнительно небольшое расстояние» (Агаджанов С.Г. Очерки по истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. С. 87). В данном случае мы не вдаемся в подробности терминологического определения различных форм скотоводческого хозяйства, принятых в современной исторической антропологии. К примеру, А.М.Хазанов выделяет среди них «кочевое скотоводство», «полукочевое скотоводство», «полуседлое скотоводство», «пастушеское или отгонно-пастбищное скотоводство», «оседлое скотоводство» (Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 88-97). Н.Э.Масанов выделяет в историко-культурном развитии казахских кочевников в XV-XVIII вв. три стадии пастбищного скотоводства. Во-первых, стадию чистого кочевничества, «характеризующуюся круглогодичным кочеванием и отсутствием сезонных пастбищ. Во-вторых, стадию полукочевого скотоводства, отличительной особенностью которой являлось пребывание на одном месте не менее 6 месяцев в году... Третья стадия – «пастбищно-экстенсивного, почти оседлого скотоводства» – имела место в горных, лесных и лесостепных районах и характеризовалась постоянными зимовками, постройками для скота и жильем, сенокошением и хлебопашеством» (Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. С. 40).

²⁵⁷ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 146

продуктами питания, что способствовало частичному оттоку населения из них.²⁵⁸ В то же время, сами туркмены не проявляли пока особого рвения селиться в городах, являвшихся в их представлении «обителью неверных», «очагами неверия».²⁵⁹ Такое положение тянулось довольно долго, особенно в приграничных зонах. Однако ситуация стала меняться после завершения завоеваний и наступления относительно мирного периода, что особенно было заметно во внутренних областях Малой Азии.

Кочевая знать, главы племен предпочитали селиться в городах и поселках, а не в деревнях, как это делали рядовые кочевники, превращавшиеся постепенно в земледельцев-налогоплательщиков.²⁶⁰ Некоторые источники сообщают о расширявшихся социально-экономических связях туркмен с городами в сельджукскую эпоху. Так называемые «туркменские базы» (*suq at-tarakima*), о существовании которых известно в это время в Мосуле и Алеппо, должны были встречаться и в городах Малой Азии.²⁶¹ Интересно, что в письме от 1139 г. иудейского поэта Иуды бен Леви говорится об «огузских тюрках», ведущих торговлю в Испании. По мнению

²⁵⁸ Там же. С. 151

²⁵⁹ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 47. Такое же отношение к городам было характерно и для монголов, которые обладали более выраженными чертами кочевничества по сравнению с туркменами, даже через столетие после переселения на Ближний Восток. Не случайно, согласно сообщению Хафиза Аbru, Чобанид Малик Ашраф говорил о своих сородичах: «*Пребывание монголов в городе не в их обычае и против законов Чингиз-хана*» (*Moghul ra der shehr neshesten gaede nist ve khelaf-e gaede-i Chingiz Khanist*) (Hafiz Abru. *Zeyl-e Jame at-Tawarikh-e Rashidi*. P. 223; Хафиз Аbru. С. 181). Кстати, эта фраза еще раньше озвучена в труде Хамдаллаха Казвини «Тарих-и гузида», но с той лишь разницей, что вместо «законов Чингиз-хана» употребляется выражение «Ясаку Чингиз-хана» (*Yasag-e Chingiz Khan*) (Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 529). Несмотря на различные «идеологические» обоснования антиурбанизма кочевников – запретами Чингиз-хана, религиозным неприятием и т.д., в действительности, это явление было характерно для всех кочевых народов, и его можно назвать одним из древнейших степных архетипов. Наиболее реалистичное его объяснение содержится в китайской всеобщей истории XI в. «Цзы чжи тун цзянь» («Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало»), написанной под руководством Сыма Гуана. В ней рассказывается о желании великого правителя второго Тюркского каганата Бильге-кагана построить город, чему решительно противился его главный советник Тонъюкук, приводя следующие аргументы: «*Тюрков слишком мало, они составляют меньше одного процента от [всего населения] Танской империи. Причина того, что они могут противостоять танской армии, заключается в их кочевом образе жизни, поиске воды и пастбищ, заставляющих их постоянно менять свое местопребывание, и в том, что все они обучены стрельбе из лука и охоте, так что каждый член племени является воином. Когда мы сильны, мы можем наступать и совершать налет, но когда мы слабы, мы отступаем в леса и горы. Хотя у Танской империи многочисленная армия, тем не менее, она не может победить нас. Но если мы возведем город, чтобы жить в нем, и предадим обычаям наших предков, мы будем разгромлены, поскольку потеряем свое военное преимущество*» (Li Jinxiu. *Chengbang and the Tang Empire*. P. 170).

²⁶⁰ Cahen C. *Pre-Ottoman Turkey*. P. 151

²⁶¹ Turan O. *Doğu Anadolu Türk Devletleri*. P. 238

С.Д.Гойтейна, речь здесь могла идти о «сельджукских купцах». Тот же автор добавляет, что бывшие кочевники могли быть и умелыми купцами, как, например, сельджуки, построившие по сравнению с другими мусульманскими народами большое количество караван-сараев.²⁶² Ибн Джубейр во второй половине XII в. во время поездки из Кочхисара в Восточной Анатолии в Сирию встретил по пути множество караван-сараев, один из которых назывался «Туркменским» (*khan at-turkmani*).²⁶³

Таким образом, после сельджукских завоеваний Малой Азии к местному городскому христианскому населению стало присоединяться и тюркско-мусульманское, представленное вначале большей частью воинскими гарнизонами, служащими административных и религиозных институтов. Этот процесс сопровождался постепенным изменением этноконфессионального состава населения анатолийских городов. Вскоре мы видим в них особую группу, называемую в источниках «игдиш» («икдиш»), появление которой было обусловлено происходившим этническим смешением или метисацией населения. Слово это имеет тюркское происхождение, перешедшее в арабский язык, где оно стало означать животных смешанной породы – как, например, мул. Среди тюрков оно использовалось, в том числе, для обозначения людей смешанных этнических корней,²⁶⁴ у которых большей частью отцы были тюрки, а матери – женщины из иной этнической среды.²⁶⁵ Участник каталонской кампании Рамон Мунтанер обратил на это явление особое внимание. Он пишет в своей хронике, что во всех городах, которые завоевывали тюрки, они могли потребовать себе в жены дочерей самых знатных людей, и те были вынуждены смиренно исполнить их желание. При этом сыновья, рожденные от таких браков, подвергались традиционному религиозному обряду и становились мусульманами и тюрками, а девочки могли продолжать воспитываться в религии и обычаях своих матерей.²⁶⁶ Известно также, что в XII в. глубокую озабоченность патриарха ан-

²⁶² Гойтейн С.Д. Изменения на Ближнем Востоке (950-1150) в свете документов каирской Генизы. С. 40-41

²⁶³ Turan O. Doğu Anadolu Türk Devletleri. P. 232

²⁶⁴ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 192-193

²⁶⁵ Интересно, что слово «игдиш» встречается и в поэме Низами Гянджеви «Хосров и Ширин», где оно также означает человека смешанного происхождения, метиса (Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan şairi Nizami. P. 147). Кстати, Низами и себя называет этим словом (Nəzami-ye Gencevi. Xosrov və Şirin. P. 44), что в некоторой степени проливает свет на дискутируемый вопрос об этническом происхождении поэта. Можно с определенным основанием утверждать, что по отцовской линии он был тюрком. В то же время, хотя в произведении Низами данный термин, в целом, используется в качестве поэтического образа, тем не менее, он дает представление о некоторой аналогичности этнополитических процессов, происходивших в городах Анатолии и Азербайджана в сельджукскую эпоху.

²⁶⁶ Ramon Muntaner. P. 407

тиохийского Бальсамона вызвал широко распространившийся среди православных иберийцев (грузин) обычай выдавать своих дочерей за тюрок.²⁶⁷

Кроме этнического содержания слово «игдиш» имело и определенный социальный смысл. Его носители занимали положение в административном управлении городов, из них формировались отряды городской охраны, командиры которых назывались по-тюркски «игдиш-башы» либо по-арабски «эмир-и агадиш». Одно письмо Джалал ад-дина Руми содержит сведения о том, что эти люди занимались и сбором налогов в городах.²⁶⁸ В сочинении Ибн Биби этот термин также употребляется для обозначения лиц, обладавших довольно высоким социальным статусом и определенными управленческими функциями в городах. К примеру, он сообщает, что во время поражения сивасцев в битве со сторонниками Баба Исхака погибли «глава игдишей (*игдиш-башы*) и другие уважаемые люди (*му'табиран*)» города,²⁶⁹ или о том, что икдиши и знать (*аяны*) Коньи принесли присягу «самозванцу» Джимри, который под именем Ала ад-Дина Сиявуша, сына султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса II, и при поддержке караманского правителя Мехмеда и мятежных туркмен в 1277 г. захватил сельджукский трон.²⁷⁰ Таким образом, появление данного термина, обозначающего целую социальную группу, отражает особенности этнических процессов в городской среде в сельджукскую эпоху.

Со временем процессы этнического смешения в анатолийских городах приняли настолько широкий масштаб, что привлекли внимание византийских авторов. В частности, в некоторых источниках XII в. появляется термин «полуварвар» (*mixovarvaroi*), обозначающий поколение, родившееся от брака тюрок с византийскими женщинами. В частности, в «Алексиаде» Анны Комнины отмечается, что в это время среди тюрок, подданных Византии, появилось некоторое количество «полуварваров», говоривших на тюркском и греческом языках. В частности, она пишет о стратегии Пергама, Хлиар и соседних городов: «*Монастра был полуварваром и знал турецкий язык*».²⁷¹ В другом месте она добавляет, что среди тюрок были «*некоторые полуварвары, говорившие по-гречески*».²⁷²

Однако это положение, характерное для начального после сельджукских завоеваний периода, когда этнорелигиозные различия между отдельными группами городского населения были существенны, не могло длиться

²⁶⁷ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 272; Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 178

²⁶⁸ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 192-193

²⁶⁹ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'arbege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte Persan. P. 229

²⁷⁰ Там же. С. 325

²⁷¹ Анна Комнина. С. 297

²⁷² Там же. С. 410

ся слишком долго. Со временем в результате все большей гомогенизации населения они начинали терять свою былую остроту. Как заметил К.Каэн, видимо, исчезало различие между тюрками и «игдишами», ибо уже в источниках XIV в. термин перестал употребляться в принятом значении.²⁷³

Следует подчеркнуть, что отмеченное выше этническое смешение было в большей степени характерно для высшей прослойки сельджукского общества.²⁷⁴ По замечанию Георгия Пахимера, ослабление императорской власти приводило к тому, что приходилось не только «с большою ласкою и кротостью» отправлять посольства к сельджукским султанам и принимать их послов, но «даже вступать с ними в брачные союзы».²⁷⁵ Как известно, в гаремы султанов и знати набирались женщины самого различного этнического происхождения. К примеру, христианских жен имели Изз ад-Дин Кылыч Арслан II, Гияс ад-Дин Кей-Хосров I, Ала ад-Дин Кей-Кубад I, Гияс ад-Дин Кей-Хосров II (из трех его супруг две были христианки – гречанка, грузинка, и одна туркменка), Изз ад-Дин Кей-Кавус II.²⁷⁶ Соответственно, немало правивших султанов имели матерей гречанок или грузинок. З.В.Тоган отмечает по этому поводу, что высшие слои сельджуков смешивались с византийцами, и этот факт не мог остаться без влияния на их мировоззрение и нравы.²⁷⁷

Так, среди византийцев было распространено мнение о том, что сельджукский султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II был тайным христианином. Одним из обвинений в адрес Константинопольского патриарха Арсения в период правления Михаила VIII Палеолога было то, что бежавший во владения императора и искавший его поддержки сельджукский султан Азатин *«часто присутствовал при совершении священного славословия и беседовал с патриархом внутри храма; хотя и царю и архиереям хорошо было известно, что он был сын христианских родителей и был омыт святым крещением. Воспользовавшись же обстоятельствами (как часто бывает сверх всякого чаяния) и сделавшись султаном и вождем турков, он между ними соблюдал обряды благочестия втайне, а в Константинополе почитал святые иконы и явно исполнял все обычаи христиан»*.²⁷⁸ По сведениям Пахимера, сельджукский султан, узнав об обвинениях, выдвинутых против патриарха Арсения, якобы послал императору сообщение, которое *«доказывало, что с одной стороны, поклоняясь божественным*

²⁷³ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 192-193

²⁷⁴ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 177

²⁷⁵ Георгий Пахимер. С. 125-126

²⁷⁶ Vryonis S. The Byzantine Legacy and Ottoman Forms, P. 270; Shukurov R. Harem christianity: The Byzantine identity of Sejuk Princes. P. 116-120

²⁷⁷ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 207

²⁷⁸ Никифор Григора. С. 90; Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 180.

изображениям, султан был христианин, а с другой, употребляя свиное мясо, держался и обычаев христианских».²⁷⁹

В сельджукских городах, таких как Конья, Гевеле, Аланья внутри дворцовых комплексов сохранялись действующие церкви и часовни, которые были призваны удовлетворять религиозные нужды не только христианских жен и матерей султанов, но и их многочисленной свиты, прислуги, сопровождавших их церковников и т.д. Эти факты весьма красноречиво свидетельствуют об интегрированности христианской религии в повседневную жизнь сельджукской элиты. Они же дали повод некоторым исследователям говорить о синкретическом характере турецкого ислама в Анатолии в сельджукскую эпоху.²⁸⁰

Источники предоставляют также многочисленные факты перехода турков на византийскую службу и даже их участия в борьбе против своих бывших соплеменников.²⁸¹ Анна Комнина сообщает о посланнике по имени Чауш (скорее всего, это был титул) Великого сельджукского султана Мелик-шаха ко двору императора Алексея I Комнина, предположительно в 1086 г., который в беседе с императором признался, что мать его была иберийка-христианка, а отец – турок. По настоянию императора он согласился принять христианство, сослужил немалую службу по изгнанию турков из ряда городов, кои были переданы под власть византийцев, после чего *«вернулся к императору, принял святое крещение, получил многочисленные дары и был назначен дукой Анхиала»*.²⁸² Известно также, что во время битвы при Мириокефале в 1176 г. сельджукские воины, объезжая окруженный ими византийский лагерь, *«громко кричали своим соплеменникам, которые ради выгоды или вследствие перемены веры давно уже перешли к римлянам (византийцам – Ш.М.), убеждая их в ту же ночь выйти из лагеря, так как все, находящиеся в нем, с рассветом непременно погибнут»*.²⁸³ Их единоплеменников в византийском лагере оказалось настолько много, что призывы сельджукских воинов чрезвычайно напугали греков.

²⁷⁹ Георгий Пахимер. С. 243

²⁸⁰ Yildiz S.N. Manuel Komnenos Mavrozomes and his descendants at the Seljuk court. P. 71

²⁸¹ Вообще, говоря об усилении тюркского этнического элемента в Малой Азии, следует иметь ввиду не только массовую миграцию туркмен в сельджукскую эпоху, но и расселение самими византийскими императорами представителей различных тюркских племен и народов – печенегов, огузов, половцев – на территории империи в качестве военнопленных или принятых на военную службу. Так, Никита Хониат говорит о победе Иоанна II Комнина над печенегами в 1122 г. на берегу Дуная и добавляет, что военнопленных оказалось *«бесчисленное множество, равно как и тех, которые добровольно отдались из любви к пленным единоземцам, так что из них в одной западной римской провинции составлены были целые селения, от которых небольшие остатки существуют еще доселе. Не малое также число их включено было в союзные когорты...»* (Никиты Хониата история. С. 21).

²⁸² Анна Комнина. С. 191

²⁸³ Никиты Хониата история. С. 240

Есть факты обращения в христианство даже представителей мусульманского духовенства, таких как, например, монах Мелетиус, который был османским улемом в период правления Орхана, но после поездки в Константинополь стал христианином и принял постриг, имея близкие отношения с Иоанном Кантакузином и вдохновив последнего на написание произведения о «ложной природе» ислама – *Contra Mahometem Apologia*.²⁸⁴

В самом византийском обществе, как отмечает П.И.Жаворонков, начиная с середины XI в. появилась заметная прослойка эллинизированной знати тюркского происхождения. Исследователи насчитали более 60 лиц, которые принадлежали к знатым семьям Аксухов, Амертикиев, Епханов, Казанов, Просухов, Пупакисов, Сиаусов, Татикиев, Хасанов, Цаков, Камицев и т.д. и занимали видное место в социальной иерархии империи. Их приток шел с двух направлений: севера (половцы-куманы) и с востока (тюрки-сельджуки). К примеру, среди приближенных императора Феодора Ангела Дуки (1224-1230) фигурируют сельджукский тюрк Василий (?) Цамас, бывший дукой Веррии, а также Кир Коман, Феодор Софас, женатый на знатной гречанке из Веррии. В свою очередь, куманскими и сельджукскими подразделениями никейской армии командовали крещеные тюрки. Появление особенно большого количества новых тюркских родов в византийском обществе было связано с бегством в конце 1260-начале 1261 г. в Никею, а затем и в Константинополь сельджукского султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса II, которого сопровождала семья, многочисленная свита и войско, среди которых было немало христиан. Сам султан не получил в борьбе за конийский трон ожидаемой помощи от императора Михаила VIII Палеолога и кончил жизнь в Крыму. Однако большая часть его семьи и приближенных осталась в Константинополе, со временем интегрировавшись в византийское общество. Многие из них стали родоначальниками новых тюркских аристократических семей, среди которых главенствовали семьи Маликов и Султанов (как видно, высшие тюркские титулы стали в Византии фамильными именами). Так, один из сыновей Изз ад-Дина Кей-Кавуса, названный после крещения в столице империи Константином, по словам Георгия Пахимера, «горячо приобщился к ромейским обычаям» и при Андронике II в 1305 г. был назначен наместником города Пиги. В целом, П.И.Жаворонков выдвигает гипотезу о том, что «тюркские и туркопульские слои византийского общества (а в него входила не только тюркоязычная знать, но и свободные земельные собственники, духовенство, владельцы недвижимости, многочисленные воины, парики и др.), значительно увеличившиеся в середине XIV-начале XV в., составляли тот базис, на котором смогла оформиться к началу XV в. туркофильская партия в Византии».²⁸⁵

²⁸⁴ Vryonis S. Evidence of human sacrifice among the early Ottoman Turks. P. 144.

²⁸⁵ Жаворонков П.И. Тюрки в Византии. С. 163-177

Частые браки между тюрками и местными христианками усиливали процессы этнического смешения, особенно в городской среде, что нашло отражение в появлении в греческом языке термина «туркопол/туркопул» (Τουρκόπουλοι).²⁸⁶ Этимологически имеющий значение «сыны тюрков» термин относился к вооруженным отрядам из тюрков, служивших в византийской армии и войсках крестоносцев до XIV столетия.²⁸⁷ Как правило, это были люди, исповедовавшие христианство. К примеру, согласно Никифору Григоре, во время военных действий Михаила IX Палеолога против каталонцев в начале XIV в. в рядах его войска находилось до тысячи «туркопулов», и *«это были те, которые, как мы уже сказали, прибыли к римлянам (византийцам – Ш.М.) вместе с султаном Азатином (Изз ад-Дином Кей-Кавусом II – Ш.М.), искавшим себе убежища, но не последовали за ним, когда его уводили оттуда европейские скифы, потому что полюбили житье у римлян и с православною верою приняли св. крещение. Затем они были зачислены в римское войско»*.²⁸⁸ Тот же автор отмечает, что в короткое время они *«умножились целым поколением детей»*, и после окончания каталонской кампании, в ходе которой они изменили византийцам и присоединились к каталонцам, поступили на службу к сербскому королю.²⁸⁹

Процесс межэтнического смешения тюрков и греков продолжался довольно интенсивно и в раннеосманский период, особенно в западных областях Малой Азии. По мнению З.В.Тогана, в этом регионе с плотным греческим населением ощущалось некоторое культурное доминирование христиан, что было отмечено и мусульманскими путешественниками, в частности, Ибн Баттутой.²⁹⁰ Тот факт, что и первые османские правители легко вступали в брак с византийскими женщинами, свидетельствует об устойчивой традиции, сохранившейся с сельджукского времени. В частности, супругой Орхана была дочь византийского императора Иоанна Кантакузина Феодора.²⁹¹ Интересно, что этот брак был заключен в соответствии с имперскими канонами Византии.²⁹² Однако в ранних османских хрониках встречаются сведения и об иных условиях, которые способствовали смешанным бракам тюркского и греческого населения. Например, после османского завоевания Никеи (Изника) Орхану представи-

²⁸⁶ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 207; İnalçık H. Osmanlı Sultanı Orhan. P. 84

²⁸⁷ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 113. Вильгельм Тирский отмечает, что этим словом назывались легковооруженные всадники (История Средних веков, 330). Георгий Пахимер называет «туркополами» принятых на византийскую службу тюрков-христиан, прибывших в свое время с севера (Georges Pachymeres. P. 97).

²⁸⁸ Никифор Григора, С. 221

²⁸⁹ Там же. С. 241-248

²⁹⁰ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 208

²⁹¹ Zachariadou E. İlk Osmanlılara dair tarih ve efsaneler. P. 346

²⁹² İnalçık H. Osmanlı Sultanı Orhan. P. 84

ли «прекрасноликих» византийских женщин, мужа которых погибли во время боевых действий, либо скончались от голода. Как сообщает хронист, *«Орхан приказал газиям (турецким воинам – Ш.М.) заключить с ними браки в соответствии с шариатом. Газии женились на этих женщинах, и обрели, таким образом, готовые дома и готовых жен»*.²⁹³

Примечательно, что эта склонность представителей османского общества к широко практикуемым межэтническим бракам и метисации не всегда приветствовалось со стороны рядовых турецких масс. Критически воспринимали это свойство османского общества и азербайджанские турки, которые в большей степени сохраняли приверженность традиционным ценностям не только при династиях Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, но и при Сефевидях.²⁹⁴ Так, Эвлия Челеби в середине XVII в. во время своего посещения Тебриза получил от местных жителей упрек в близорукости османов, которые так легко женились на иноверках и не видели в этом таящейся опасности. Ему, в частности, было сказано: *«Вы (османы – Ш.М.), женившись на иноверке и сделав ее своей женой, говорите, что в этом нет вреда. Если мы также, как вы, отдадим своих дочерей (букв., девственниц из рода сейидов – Ш.М.) за иноверцев или за ренегатов [ислама], то как же назовем их детей?»*. Османскому автору невольно пришлось согласиться с этим доводом и смиренно ответить: *«Нехорошо выдавать их замуж за таких [иноверцев]. Вы поступаете правильно»*. Эвлия Челеби смог найти оправдание лишь в том, что все дети якобы рождаются мусульманами, и лишь родители затем их сбивают с пути истинного, воспитывая в другой вере.²⁹⁵

Отголоски подобного отношения азербайджанских турков к обычаям османов интересным образом сохранились и в «Хронике» армянского историка Закария Канакерци. Автор приводит навеянное устной традицией азербайджанской среды предание о дискуссии османского султана Селима I с сефевидским шахом Исмаилом, вернее, его двойником, попавшим в плен в Чалдыранской битве, во время которой последний резко отзывается о нравах османов и самом османском султани: *«Проклятие тем, кто отрекается от племени своего, проклятие и тебе, ибо ты мар (т.е. курд – Ш.М.), не имеешь ни закона, ни исповедания, ни веры, ни религии»*. Одновременно он *«беспрестанно восхвалял племя свое и хулил османов»*.²⁹⁶ То, что кызылбашский турок – двойник шаха Исмаила Сефеви, посылает проклятие в адрес «отрекшихся от своего племени» османов и называет Сели-

²⁹³ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 158-159

²⁹⁴ Хотя известно, что представители различных туркманских династий в политических целях заключали браки с принцессами из династии трапезундских Комнинов, как, в частности, Кара Юлук Осман Ак-Коюнлу и его внук Узун Хасан.

²⁹⁵ Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild II. P. 260

²⁹⁶ Закарий Канакерци. Хроника. С. 38

ма «курдом»,²⁹⁷ свидетельствует об этнокультурной дифференциации между османскими и азербайджанскими тюрками в данный период.

Вместе с тем З.В.Тоган отмечает неправомерность утверждения некоторых западных востоковедов о преобладающем культурном влиянии местных христианских народов на тюрков на всей территории Малой Азии и считает, что следует говорить о взаимовлиянии. Особенно неубедительно звучит тезис о влиянии армян на тюрков в восточной и центральной Анатолии.²⁹⁸ Подобной же точки зрения придерживается В.А.Гордлевский, который считает, что если и наблюдалось влияние, то оно было взаимным. Он подчеркивает: «Тяготение армян к огузам, очевидно, так сильно бросалось в глаза, что христианские историки обвиняли армян в измене христианству».²⁹⁹ Следует также привести слова С.Вриониса о том, что «очевидно, был значительный армянский элемент, который содействовал тюркскому завоеванию» Малой Азии, и немало армян приняло ислам.³⁰⁰ По его мнению, накануне битвы при Малазгирте взаимная враждебность на религиозной почве между греками, сирийцами и армянами достигла такой степени, что восточные и центральные области Анатолии находились в «состоянии этнической войны». До этого Константинополь вновь предпринял попытку силовыми методами склонить сирийцев и армян к принятию халкидонского вероучения, что вызвало волнения среди последних. В Каппадокии багратидский князь Гагик подстрекал людей к открытому мятежу против империи, и, по убеждению многих армян, собирался перейти на сторону Сельджукидов, но своевременно был арестован византийскими властями. Когда Роман Диоген появился со своей армией в Себастии, местные греки горько жаловались на то, что армяне обращались с ними более жестоко, нежели туркмены во время взятия города в 1059 г. Византийский император был настолько возмущен, что поклялся искоренить «армянскую веру».³⁰¹

Более того, в сельджукский период можно констатировать и определенное греко-тюркское культурное сближение. К примеру, известно об увлечении Иоанна Кантакузина ритуалами дервишей-мевлеви. Византийские авторы обвиняли его в том, что мусульманские мистики нашли слишком легкий доступ ко двору, поскольку император любил смотреть во время трапе-

²⁹⁷ Здесь больше звучат явные антикурдские настроения армянского автора XVII в., который всячески выпячивает в своем произведении противоречия между армянским и курдским населением восточной Анатолии.

²⁹⁸ Иначе, как заметил З.В.Тоган, вряд ли у Джалал ад-Дина Руми появилась бы строка, гласящая «*Это дитя - тюркок, откуда ему знать армянский язык?*» (Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 208).

²⁹⁹ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 167

³⁰⁰ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 178

³⁰¹ Там же. С. 92-93; Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 177

зы на танцы вращающихся дервишей. Перед тем как должно было совершиться священнодействие в храме рядом с дворцом, эти «учителя и наставники нечестивого культа» устраивали хороводы и пели гимны в честь Мухаммеда, чем отвлекали от чтения Евангелия собравшихся в храме.³⁰²

Ибн Биби сообщает о некоем эмире Кумнанусе Мафрузоме, христианском вассале сельджукского султана Гияс ад-Дина Кей-Хосрова I, личность которого вызывает неоднозначные оценки и дискуссии среди исследователей.³⁰³ Недавно опубликованные работы о византийско-сельджукских связях позволяют предположить, что речь идет об Иоанне Комнине Маврозоме, сыне византийского магната Мануила Маврозома. Последний утвердил свою власть в долине Меандра после захвата крестоносцами Константинополя и распада Византийской империи в 1204 г. Он был соперником Феодора Ласкариса, основавшего Никейскую империю и предпринимавшего отчаянные попытки консолидировать византийскую власть в Малой Азии. Мануил Маврозом не только оказал существенную помощь Гияс ад-Дину Кей-Хосрову I в его восшествии на сельджукский трон в Конье, но и породнился с султаном, выдав за него свою дочь. Его сын «эмир Кумнанус Мафрузом», по свидетельству Ибн Биби, в свою очередь, пользовался полным доверием Гияс ад-Дина Кей-Хосрова, и сам был связан узами брака с одной из дочерей султана. Позже, во времена правления Ала ад-Дина Кей-Кубада I, он стал одним из самых доверенных людей султана и наряду с эмиром Мубариз ад-Дином Чавлы командовал походом сельджукской армии против Киликии. Он был первым христианином, достигшим должности бейлербея в сельджукской иерархии. Потомки Мануила Маврозома продолжали свою службу в Сельджукском государстве, занимая высокие административные и военные посты и сохраняя свое христианское вероисповедание, что подтверждается греческой эпиграфической надписью на саркофаге (1297 г.) в Конье в церкви Панагия Спилиотисса.³⁰⁴

Источники сохранили свидетельства и о других представителях византийской императорской династии и знати, искавших убежище у Сельджукидов и Данишмендидов, как, например, император Михаил VIII Палеолог (1259-1282) и другие.³⁰⁵ К примеру, известно, что племянник императора Иоанна II Комнина (1118-1143) и сын севастократора Исаака Иоанн нашел убежище при дворе сельджукского султана Масуда, где принял мусульманство и женился на сельджукской принцессе.³⁰⁶ В целом,

³⁰² Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 25-26

³⁰³ См. подробно рецензию П.И.Жаворонкова и Р.М.Шукурова на книгу А.Саввидиса (Византийский временник. Т. 48 (73). С. 173-174).

³⁰⁴ Yıldız S.N. Manuel Komnenos Mavrozomes and his descendants at the Seljuk court. P. 66-70; Korobeinikov D. Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century. P. 145

³⁰⁵ Георгий Пахимер. С. 17-18; Vryonis S. The Byzantine Legacy and Ottoman Forms. P. 271

³⁰⁶ Никиты Хониата история. С. 46, 69; Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. P. 293

довольно внушительная часть правящего слоя византийской Малой Азии пошла на сотрудничество с новой турецкой властью и постепенно интегрировалась в формирующуюся сельджукскую элиту. Проникновение представителей христианской аристократии в сельджукскую администрацию, как подчеркивает С.Врионис, происходило различными путями. Некоторые из них спокойно восприняли турецкое завоевание и нашли общий язык с новыми властями. Другие добровольно сдали крепости и города, защита которых была им поручена, и получили взамен земли и должности от сельджуков, как, к примеру, Кир Фарид, бывший комендант средиземноморского порта Калонорос (Алаийе). Взамен добровольной сдачи крепости султану Ала ад-Дину Кей-Кубаду I он был назначен эмиром Акшехира и получил в собственность земельные наделы. Более того, дочь Кир Фариды попала в гарем и стала супругой султана.³⁰⁷

Греко-турецкий симбиоз отчетливее наблюдался на более низовом социальном уровне, что подтверждается свидетельствами аутентичных источников, в том числе, византийских. Никита Хониат, описывающий подробности похода Иоанна II Комнина в Малую Азию в 1139 г., сообщает о населении островов т.н. Пусгуского озера, которые после длительного соседства с сельджукскими турками завязали с последними крепкие дружественные отношения, позаимствовали многие их обычаи, и, более того, стали враждебно относиться к своим сородичам и единоверцам грекам. Автор был вынужден констатировать, что *«так-то привычка, скрепленная временем, бывает сильнее родства по племени и вере!»*.³⁰⁸ Известно, что уже в позднесельджукский период «греки Малой Азии одевались как турки; если они носили оружие, то это были турецкие сабли, а не европейский меч; более того, их разговорный язык, заимствовавший большое количество турецких и персидских слов, все больше расходился с языком византийских греков».³⁰⁹

После битвы при Малазгирте ислам пользовался в Малой Азии бесспорным авторитетом и преимуществом, будучи религией победителей, в то время как христианство было религией побежденных.³¹⁰ Поэтому существенной составляющей этнических процессов, происходивших в Малой Азии после сельджукского завоевания, была постепенная ассимиляция части местного христианского населения путем ее исламизации и туркизации, составившая, по словам С.Вриониса, наряду с христианизацией и испанизацией Иберии последнюю главу истории этнокультурных изменений в Средиземноморье в позднее средневековье.³¹¹ Эта проблема в исторической науке всегда носила дискуссионный характер. Сегодня

³⁰⁷ Vryonis S. The Byzantine Legacy and Ottoman Forms. P. 230

³⁰⁸ Никиты Хониата история. С. 47-48

³⁰⁹ Korobeinikov D.A. How 'Byzantine' were the early Ottomans. P. 221

³¹⁰ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 223

³¹¹ Там же. С. 1

достаточно сложно оценить ее истинные масштабы и историческую динамику, однако можно с уверенностью сказать, что данный процесс появился и стал набирать силу сразу после сельджукского завоевания.

В немалой степени этому способствовали социальные факторы, недовольство низших слоев византийского общества социальными условиями своего существования и более мягкий и толерантный по отношению к крестьянам режим, который внедрялся после установления сельджукской власти.³¹² Следует еще раз подчеркнуть, что сельджукские завоевания происходили в период, когда византийское общество переживало острый социальный и финансовый кризис, и, в частности, происходили массовое сокращение свободного крестьянства и концентрация земельного фонда в руках крупных магнатов, увеличение количества крепостных, усиление налогового бремени и т.д., что имело весьма негативные последствия для социальной стабильности в византийской Анатолии. В этих условиях центральное правительство было вынуждено практиковать порчу монеты в огромных масштабах и вводить дополнительные налоги. К примеру, при Алексее I Комнине к основным налогам было добавлено несколько дополнительных, которые вместе составляли примерно 23% от суммы основных налогов. В последующем дополнительные налоги были повышены на 50%, и к их уплате были привлечены даже беднейшие слои, на которых они ранее не распространялись. Вдобавок к денежным налогам вводились также многочисленные натуральные повинности и отработки, которые в это время представляются особенно тяжелыми. По замечанию Г.А.Острогорского, «потерпевшей стороной при этом оказывался налогоплательщик, положение которого становилось все тяжелее. Более тягостным, чем само бремя налогов, был произвол налоговых чиновников и откупщиков: на злоупотребления сборщиков налогов приходится слышать жалобы чаще, чем на повышение налогов. Откуп налогов выглядит в начале XII в. вполне обычной процедурой, причем отдельным откупщикам предоставляются целые провинции. Ничего экстраординарного не приходится видеть и в том, что откупщики обязуются взыскать налоги в двойном размере».³¹³ Восхваляя реформы Ан-

³¹² В частности, Аристокс Ластивертци так описывает социально-психологическую атмосферу в г. Арци, расположенном севернее Эрзерума, накануне его взятия и разрушения со стороны туркмен, свидетелем чего был сам автор и что оценивал как наказание божье за грехи жителей: «...законы правосудия утратили справедливость, сребролюбие возвысилось над благочестием... Скромность была поругана, уступила место беспутству. Ихханы Арцина уподобились грабителям и злодеям, стали рабами серебра. Судьи выносили решение за взятки и ради взятки попирали законы. Сирот они лишали правового решения и не уступали правам вдов. Чрезмерные проценты обрели силу закона... Тот, кто обманывал другого, гордился своей сообразительностью, а кто грабил, заявлял: я могу! Знатные обирали дома соседей-бедняков, вторгались в пределы их полей, и до слуха их не доходило слово божие...» (Аристокс Ластивертци. С. 91).

³¹³ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 453-454. См. также: Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 77-78

дроника I Комнина, направленные на пресечение злоупотреблений в системе налогообложения, Никита Хониат описывает плачевное положение крестьян и отмечает, что при прежних императорах у них отнимали последнюю рубашку и насилем доводили их до смерти.³¹⁴

Тяготы крестьян и горожан в византийской Анатолии усугублялись и вследствие разложения военной системы, неспособности центрального правительства обеспечивать солдат необходимым пропитанием и средствами. Из-за нехватки государственных средств войска были вынуждены добывать все необходимое у населения, так что по свидетельству того же Никиты Хониата жители провинций терпели тяжелейший гнет вследствие неутолимой алчности солдат, которые отнимали у них последнее.³¹⁵

Византийские авторы сообщают факты перехода местного населения на сторону сельджуков вследствие нерадивости и стяжательства властей. К примеру, Лев Сервлий, отправленный в Иверию и Месопотамию по приказу Константина Мономаха для осуществления описи и взимания налогов, сделал это таким образом, что *«побудил людей целыми семьями перейти к василевсу персов»*, т.е. сельджукскому султану, и те оказали содействие Тогрулу в его завоеваниях в Малой Азии.³¹⁶ Как отмечает В.А.Гордлевский, «уже преемник Алп Арслана, победителя Романа Диогена, султан Сулейман Куталмыш, провел (в конце XI в.) социальную реформу: крепостных и рабов, работавших на латифундиях в Малой Азии, он объявил свободными, и они массами стали переходить в ислам».³¹⁷ Тот

³¹⁴ Никиты Хониата история. С. 409-410

³¹⁵ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 481. Разложение государственных институтов империи стало особенно наглядно в правление Исаака II Ангела (1185-1195). «Старые пороки, скрытые при великих Комнинах блеском внешнего могущества, теперь без прикрас выступили наружу, и обветшалость византийского государственного организма проявилась с пугающей ясностью. Никто больше не пытался обуздать злоупотребления в центральном и провинциальном управлении: продажа должностей, взяточничество чиновников, вымогательства сборщиков налогов достигли вопиющих размеров. Об императоре Исааке II говорили, что он продавал чины и должности, как овощи на рынке... При его брате Алексее III (1195-1203) положение оказалось еще печальнее. Население провинций изнывало от бремени налогов, поскольку злоупотребления налоговых чиновников все увеличивались, а запросы правительства росли. Огромные суммы поглощались страстью к роскоши беззаботного двора и выплатами другим народам, в которых слабое правительство видело средства защиты от превосходящего противника» (Там же. С. 490-491).

³¹⁶ О тех же событиях Атталиат пишет, что *«Иверию охраняло боеспособное войско, имеющее в качестве опсония некоторые из прилежащих государственных земель. Император отнял у войска эти [земли] и, уничтожив эту силу, не только оттолкнул противников союзников, но и сделал их своими злейшими врагами и через них доставил противнику непобедимое пополнение»* (Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. С. 197-198). Тем самым, автор дает знать о переходе на сторону Сельджукидов определенной части бывших местных воинов-стратиотиков.

³¹⁷ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 93

же автор добавляет, что сельджукские правители, как мусульмане, согласно шариату ограничивались взиманием с христиан умеренных налогов, в основном, поземельного налога харадж, «почему крестьяне охотно уходили к Сельджукидам».³¹⁸ В годы правления Михаила VIII Палеолога «частыми переписями он разорил восточные области», так что жители их, в особенности, *«находившиеся в крепостях, терпя разного рода неприятности отсюда, и надеясь лучшего со стороны противной, если только перейдут, считали полезным переходить, и с каждым днем присоединялись к персам (сельджукам – Ш.М.). Когда же таких перебежчиков оказалось немало, персы, употребляя их в качестве помощников и проводников, стали действовать на остальных уже смелее»*.³¹⁹

Безусловно, такого рода факты не были редки. Согласно хроникам Ибн Биби и Языджиоглу Али, после завоевания Синопа в 1214 г. по приказу сельджукского султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса все крестьяне этой области, покинувшие в прежние времена свои земли, были возвращены на места и обеспечены землей, зерном, скотом и снова стали заниматься земледелием. Между тем, церковь была превращена в соборную мечеть (*mesjid-e came*'), и здесь был установлен минбар, а также назначены кадий, хатиб и муэдзин.³²⁰ Все это должно было способствовать принятию частью местного населения области мусульманства. Кстати, те же источники приводят порой преувеличенные цифры принятия местным христианским населением ислама и сообщают, что сельджукские султаны Малой Азии во исполнение своего религиозного долга постоянно занимались на границах джихадом, завоевывали новые земли, ежегодно приводили в страну до 100 тысяч пленных «иноверцев» и обращали их в ислам.³²¹

Исламизация христианского населения продолжалась и в раннеосманский период, о чем сохранилось немало свидетельств в источниках. Так, по сообщению Рухи Челеби, сын Орхана Сулейман-паша вел успешные завоевания на Балканах в середине XIV в., и бывали дни, когда до тысячи «иноверцев» обращались в ислам.³²² Эти тенденции не могли не тревожить и церковных иерархов. Не случайно в 1338 г. константинопольский патриарх обращался с письмом к бывшим христианам Никеи с при-

³¹⁸ Там же

³¹⁹ Георгий Пахимер. С. 202-203

³²⁰ İbn-i Bibi. El-Evami'rü'l-'Alaiyye fi'l-Umuri'l-'Alaiyye. P. 217; Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 138. Аксарай пишет, что после восстановления сельджукской власти в Синопе по приказу Муин ад-Дина Парване вместо церкви была возведена мечеть, и отныне здесь вместо Евангелия стал читаться Коран (Müsameret ül-Ahbar. P. 83).

³²¹ İbn-i Bibi. El-Evami'rü'l-'Alaiyye fi'l-Umuri'l-'Alaiyye. P. 38; Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 15

³²² İnalçık H. Osmanlı Sultarı Orhan. P. 99

зывом полностью отрешиться от ислама и вернуться в лоно церкви.³²³ Однако этот призыв патриарха скорее остался не услышанным.³²⁴ Известно, что в 1395 г. в той же Никее еще сохранялся христианский монастырь, и в одном документе от 1437 г. с озабоченностью констатируется факт сильного языкового и культурного влияния турок на христианскую паству. В нем отмечено, что монахи, епископы и архиепископы имеются повсюду в Турции (*Turcie*), но они носят одежду «иноверцев», говорят на их языке и ничего кроме некоторых молитв во время литургии по-гречески сказать не могут, все остальные молитвы они произносят на турецком языке (*in linguam Turcorum*).³²⁵ Турецкий язык проникал и в высшие слои византийского общества. В частности, им владел союзник Орхана византийский император Иоанн VI Кантакузин (1347-1354).³²⁶ В целом, в османский период исламизация и тюркизация части местного христианского населения должны были лишь усилиться по сравнению с сельджукской эпохой.³²⁷

Можно ли полагать, что основной причиной этого процесса была насильственная исламизация христиан со стороны турков? Многие историки отрицательно отвечают на этот вопрос и считают, что поскольку известно, в целом, толерантное отношение турков к местному населению, то смену религии со стороны части христиан, главным образом, следует объяснять их желанием сохранить свою собственность и не подвергать себя возможным опасностям военного времени.³²⁸ Так, Лорд Кинросс отмечает, что на территории османов не было всеобщей исламизации христиан – менее всего в принудительном порядке. Христиане большей частью становились мусульманами по собственному выбору, в ответ на собственные побуждения и преследуя частные интересы. По мере разрушения центральной власти в Константинополе люди все больше чувствовали себя забытыми своими правителями и, действуя в духе реализма, предпочитали относительный

³²³ 329. Langer W.L., Blake R.P. The Rise of the Ottoman Turks and its historical background. P. 499; Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 341-342

³²⁴ Уже в конце XIV в. отдельные клирики в Анатолии решали церковные дела в обход патриарха и Синода в Константинополе, договариваясь с местными турецкими властями, и это вызывало негодование иерархов в столице империи (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 332-334).

³²⁵ 329. Langer W.L., Blake R.P. The Rise of the Ottoman Turks and its historical background. P. 499.

³²⁶ İnalçık H. Osmanlı Sultanı Orhan. P. 84

³²⁷ В османских шариатских кадастрах (*Şeriyye Sicilleri*) более позднего времени сохранилось огромное количество свидетельств подобного характера. В частности, в одном из них от 948 г.х. (1541 г.) говорится о принятии ислама неким христианином Мурадом сыном Саркиса, который после обращения в мусульманство был наречен именем Мустафа (*Şer'iye Sicilleri* (II cild). P. 183).

³²⁸ 329. Langer W.L., Blake R.P. The Rise of the Ottoman Turks and its historical background. P. 482-483

порядок и безопасность османского правления и освобождение от обременительных налогов. В духовном плане с падением авторитета православной церкви эти азиатские греки откликнулись на стимулы новой веры. В социальном плане они не слишком отличались от своих пограничных соседей-османов происхождением и образом жизни. Будучи обращенными или нет, они легко приспосабливались к образу жизни османов. Смешанные браки между греками и турками стали обычным делом, что способствовало зарождению и развитию нового смешанного общества.³²⁹

Р.П.Линднер указывает, что ни Осман, ни его сын Орхан не уделяли особого внимания обращению покоренного христианского населения в ислам. Во всяком случае, еще в 1340 гг. христиане служили в качестве судей в османской Вифинии. А в 1354 г. византийский автор сообщал, что в османских владениях не было преследования христиан со стороны турок, которые никоим образом не заставляли последних принимать мусульманскую веру.³³⁰

Следует обратиться еще к одному важному компоненту этнокультурной мозаики сельджукской Анатолии – персоязычному населению, которое появилось здесь в существенном количестве после сельджукского и монгольского завоеваний и осело, в основном, в городах Малой Азии. В своей массе это были выходцы из Хорасана или западных областей Ирана. По своей численности и социальному статусу они занимали особое место в структуре сельджукского общества.³³¹ Среди них были как представители городской знати, так и духовенства, ремесленного и торгового люда. Большей частью иранцы были сконцентрированы в крупных анатолийских городах – Конье, Кайсери, Сивасе и других. Особенно в поздне-сельджукское время им удалось глубоко проникнуть в государственные структуры и, в определенной степени, сосредоточить управленческие функции в своих руках.³³² Следует отметить, что эта прослойка сыграла ведущую роль в быстром распространении персидского языка в городской среде Малой Азии в этот период. Численность ее, по всей видимости, была весьма внушительной. Именно поэтому Джалал ад-Дин Руми, перечисляя населявшие Анатолию народности, говорил о татах (персоязычном или персизированном населении), румах (греках) и тюрках, а его сын Султан Велед называл румов, тюрков и таджиков.³³³

В это же время персидский язык и литература приобрели невероятно высокий престиж в среде высших слоев сельджукского общества и горо-

³²⁹ Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. С. 34-35

³³⁰ Lindner R.P. Nomads and Ottoman in Medieval Anatolia. P. 5

³³¹ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 152

³³² Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 6-7

³³³ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 214

жан.³³⁴ Эта традиция в течение длительного времени сохранялась как главный тренд культурной жизни в Малой Азии. Поэтому не следует удивляться утверждению Азиза Астарабади о том, что большая часть населения Анатолии (*memalik-e Rum*) имела склонность к персидскому языку (*parsi*), многие жители страны говорили на языке *дари* и понимали его, вся официальная документация государства, включая султанские указы, дипломатическую переписку, финансовые документы и реестры писались на нем, и все поголовно увлекались персидской литературой.³³⁵ Эти слова, безусловно, относились, главным образом, к представителям правящего класса и высших слоев городского населения.

Интересно, что через два с половиной столетия Эвлия Челеби столкнулся со схожей лингвистической ситуацией в Кайсери, бывшей столице государства Кадия Бурхан ад-дина Ахмеда. По словам османского путешественника, «городская знать говорила по-арабски и персидски, но языком простонародья был тюркский».³³⁶ Или Языджиоглу Али сообщал, что хаджиб Закария, «весьма мудрый и совершенный человек», кроме персидского и тюркского языков, «на которых говорили в Руме», владел еще пятью языками, распространенными в Анатолии и Румелии.³³⁷ Как видим, и Языджиоглу подтверждает факт широкого распространения персидского языка в Малой Азии в сельджукскую эпоху, что также должно быть отнесено, прежде всего, к элите и городскому населению.

Б.Чобанзаде следующим образом объяснял относительно невысокий статус в сельджукском обществе тюркского языка, которому не удалось возвыситься до уровня официального в этот период: «Неспособность тюркского языка войти во дворец, в литературу, мечеть, медресе, дервишские обители, иными словами, в общественные институты мусульманского мира была обусловлена его неспособностью стать языком города... Не в силах стать языком города, тюркский язык был бессилён и стать литературным языком, ибо литературный язык, к какому бы типу он не принадлежал – это, прежде всего, язык города. Деревни и юрты кочевников могли поро-

³³⁴ Как отмечал Б.Чобанзаде, «поскольку языком правящих слоев тюркско-сельджукского государства был персидский, то, в целом, он стал и языком чиновников, поэтов, ученых, двора. Его можно назвать и государственным или официальным языком Сельджукского государства» (Çobanzade B. Türk-tatar lisanıyyatına mædxæl. P. 89).

³³⁵ Bazm u Razm. P. 537

³³⁶ Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild III. P. 182

³³⁷ Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 63. В произведении Ибн Биби, откуда Языджиоглу Али заимствовал это сведение, дана несколько иная версия. Ибн Биби утверждает, что хаджиб Закария владел пятью языками (не называя их), на которых говорило «большинство населения в стране Рум», причем всеми ими он владел в совершенстве, так что можно было подумать, что это были его родные языки (Ibn-i Bibi. El-Evamirü'l-'Alaiyye fi'l-Umuri'l-'Alaiyye. P. 112). Автор географического сочинения начала XIII в. называет четыре языка, которые были распространены в Руме – греческий, персидский, тюркский и армянский (Аджа'иб ад-дунья (Чудеса мира). С. 204).

дить лишь анонимную и устную народную литературу».³³⁸ Надо сказать, что это утверждение было верно не только для Малой Азии сельджукского периода, но и для Азербайджана и Средней Азии. Нет надобности особо останавливаться на факте персидского культурного влияния в средневековой городской среде Азербайджана, что находит подтверждение в ряде исторических и литературных источников. К примеру, даже в XVII в. азербайджанский поэт Тарзи Афшар писал в одной из своих газелей «*Будь то городской тат, либо тюркский воин...*»,³³⁹ подчеркивая, тем самым, в этнических терминах социальное деление населения Азербайджана на две основные группы. Следует пояснить, что под «городским татом» в данном случае подразумевается не столько этнически отличная от тюрок ираноязычная группа, сколько подверженные влиянию персидского языка и культуры городские слои, в то время как под «тюркскими воинами» имеется ввиду состоявшая, главным образом, из тюрок часть населения, связанная с армейской службой.³⁴⁰ Точно так же турецкий поэт XIV-XV вв. Ахмед Даи писал о том, как он в равной мере хорошо владел тремя языками – персидским (*parsi*), тюркским и арабским (*tazi*), и был почитаем как среди тюрок, так и татов.³⁴¹ Здесь, так же как и в первом случае, термин «тат» носил не столько этнический, сколько социальный смысл, обозначая образованную, владевшую персидским языком часть городских жителей.

При этом, такое явление как чрезмерное увлечение персидской литературой в ущерб тюркской, а также получившее в городской среде высокомерное отношение к тюркскому языку, и, в целом, к тюркам, столь характерное для интеллектуальной среды сельджукского времени, отчасти объясняется влиянием персоязычных мигрантов, которые заняли прочные позиции в анатолийских городах. По мнению К.Каэна, именно они были той прослойкой, которая стояла за процессом иранизации и внушала самим же тюркам антитюркские настроения. Не случайно в конце XIII в. автор персоязычного «Сельджук-наме», будучи сам тюрком, слово «тюрок» относил только к туркменам, и больше с отрицательным смыслом, в то время как городское население сельджукской Анатолии называл «мусульманами». Примечательно, что в это время мамлюки в Египте имено-

³³⁸ Çobanzadə B. Nəvai – dilçi. P. 233

³³⁹ Бертельс Е.Э. Тарзи Афшар и его творчество. С. 449

³⁴⁰ Хамдаллах Казвини в середине XIV в. также противопоставляет городское население и воинское сословие (тюрок), когда описывает сопротивление горожан Тебриза, оказанное ими в 1344 г. монгольским войскам во главе с эмирами-чобанидами. По словам автора, тебризцы «*убивали каждого из тюрок и чужеземцев, если он попал к ним в руки*». Однако, «*базарный люд и войско не чета друг другу в сражении, поэтому в первой же стычке горожане показали спины и пустились бежать*» (Хамдаллах Мустауфи Казвини. Зайл-и тарих-и гузида. С. 132). Безусловно, здесь слово «тюрки» употреблено не в этническом смысле, а как синоним слова «воины».

³⁴¹ Ahmed-i Dai. Çengname. P. 363, 396

вали себя именно «тюрьками», чтобы отличить себя от местного населения; городское население Малой Азии же, свысока относившееся к туркменам, называло себя «мусульманами», даже если имело тюркское происхождение и предпочитало писать и говорить по-персидски.³⁴²

Именно в сельджукскую эпоху среди правящего класса и высших слоев городского населения Малой Азии начал формироваться и распространяться отрицательный образ тюрка (туркмена). Этот стереотип невежественного простолюдина, мужлана, грабителя-кочевника, который стал приписываться тюркам, в последующем проник и в османскую культуру и нашел широкое отражение в литературных и исторических произведениях османского периода, о чем более подробно будет изложено в следующих главах. В этом плане примечательно персоязычное произведение одного из авторов сельджукского периода Керим ад-Дина Аксараи «Мусамарат ал-ахбар». В этом произведении представлен стереотипный негативный образ тюрков (туркмен), нередко сопровождаемый уничижительными эпитетами, такими как, *«проклятые тюрки, являющиеся воинами сатаны»*.³⁴³ Или автор приводит арабоязычное двустишие, в котором говорится, что если на навершие копья поддеть отрубленную голову туркмена, то от нее отшатнутся в ужасе даже грифы, и т.д.³⁴⁴

Вместе с тем, как отмечает З.В.Тоган, не следует упускать из виду разницу между культурной ориентацией правящего класса и высших слоев городского населения сельджукского общества с их преклонением перед утонченной персидской литературой и привязанностью простого народа к своему языку и традициям. В своей основной массе тюрки сохраняли верность родному языку, народным преданиям и обычаям. Как Великие Сельджукские султаны старались решить проблему кочевых тюркских племен отдалением их от центра государства на окраины, так и правители Сельджукского государства Малой Азии аналогичным образом направляли воинственных кочевников на границы с Византией, в так называемые «уджи», а сами, при этом, старались опираться на наемное разноплеменное («таджикское») войско.³⁴⁵ Между массами, обеспечивавшими процесс тюркизации Малой Азии, и сельджукской верхушкой наблюдалось весьма серьезное социальное и психологическое расхождение. Кочевые племена находили для себя более свободные условия в уджах, приграничных зонах государства, где на них возлагалась престижная функция охраны границ и борьбы с «неверными».

³⁴² Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 153

³⁴³ Müsameret ül-Ahbar. P. 123

³⁴⁴ Там же. С. 177. Неприязнь к туркменам-кочевникам, как отражение социально-психологического феномена, характерна не только для персоязычной, но и греческой литературы сельджукского периода, в которой по отношению к ним используются такие эпитеты как «песьеголовые», «людоеды», «волки» и т.д. (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 283).

³⁴⁵ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 217

Постепенно нараставшие оппозиционные настроения туркменских масс в отношении центрального правительства и высших слоев сельджукского общества проявлялись и в религиозной сфере. Традиционные воззрения кочевников в этой области довольно сильно отличались от того догматического ислама, который был продуктом интеллектуальной городской среды и разрабатывался в медресе. Среди них было сильно влияние так называемого «народного ислама», различных мистических сект гетеродоксального характера. Шейхи этих сект, главным образом, туркменского происхождения, которые были известны под именем «баба» и «деде», продолжали культивировать некоторые древние шаманистические обряды, стилизуя их под ислам, и часто пользовались среди масс кочевников и крестьян большим авторитетом, нежели официальное духовенство в лице улемов. Эти проповедники и лидеры религиозных общин исповедовали, как правило, «несуннитский ислам» и внесли колоссальный вклад освоение тюрками анатолийских, а с XV в. и балканских земель.³⁴⁶ Своими проповедями они были способны иногда мобилизовать значительные массы простонародья против правительства и высших слоев общества. Выступление под предводительством шейха суфийского ордена вафаи Баба Исхака в 1239 г. является одним из примеров такого народного движения. Оно охватило широкие туркменские массы на территории от Малатьи до Амасьи. Восстание, протекавшее под шиитско-мистическими лозунгами, несмотря на поражение, продемонстрировало глубину социальных противоречий между низами и высшими слоями сельджукского общества. Оно также показало и наличие глубоких культурных различий между ними, ибо в отличие от верхушки общества, склонной к персидской культуре, массы простого туркменского населения сохраняли верность своим традициям и языку. Не случайно, опиравшийся на эти слои караманский бей Мехмед в 1277 г. овладел столицей Сельджукского государства Коньей и издал свой знаменитый указ о статусе тюркского языка, гласивший: *«Отныне в государственном совете, при дворе, во дворце, на собраниях и площадях не будет использоваться иной язык кроме тюркского»*.³⁴⁷

Таким образом, в XI-XIII вв. на базе поселившихся и укоренившихся в Анатолии широких огузо-туркменских масс постепенно складывалась тюркская этническая среда. Возникшая в рамках политических границ Сельджукской империи Малой Азии эта общность постепенно консолидировалась вокруг сельджукской государственности с центром в Конье, что знаменовало, по меткому выражению К.Каэна, начало рождения новой страны под названием Турция.³⁴⁸

³⁴⁶ Ocak A.Y. Kültür tarihi kaynağı olarak Menakıbnameler. P. 20

³⁴⁷ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'arbege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte Persan. P. 326

³⁴⁸ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 155

Центральная власть и кочевая периферия в сельджукскую эпоху

Основной проблемой, оказывавшей влияние на политическое, социально-экономическое и этнокультурное развитие тюркско-монгольской государственности на Ближнем Востоке в средние века, была проблема взаимоотношений центральной власти и кочевых племен, а в более широком плане – сосуществования оседлости и номадизма.³⁴⁹ Судьба созданных тюрками и монголами государств в итоге зависела от того, как они отвечали на этот исторический вызов, каким путем пытались решить эту фундаментальную проблему, в какой степени были способны совместить интересы кочевого и оседлого населения.

С одной стороны, воинственные номады играли ведущую роль в завоеваниях и создании государства, являясь основной военной опорой власти в начальный период. Не случайно Языджиоглу Али писал о создании Сельджукского государства Малой Азии: *«Опорой армии Рума являются племена огузов и тюрков. Когда бы ни одерживались победы и завоевывались страны, это было сделано силой огузских племен»*.³⁵⁰ В этом смысле центральная власть постоянно нуждалась в поддержке кочевников. В традиционных тюркских государствах (или «тюркско-монгольских племенных образованиях», по словам Дж.Кафадара, к которым он относит также Чингизидскую и Тимуридскую империи³⁵¹) главы сильных племен всегда пользовались существенным влиянием и получали от правительства в свое распоряжение иногда целые области. С другой стороны, такая практика таила в себе зародыши будущих неурядиц и проблем для центральной власти. Кочевники по своей натуре и образу жизни не могли смириться с чрезмерной консолидацией власти в руках монарха, неизбежно ограничивавшей их вольности, и нередко оказывали сопротивление этому процессу.

Как известно, в средние века на Востоке сильным считалось жестко централизованное государство, поскольку именно оно было способно мобилизовать значительные людские и хозяйственные ресурсы на выполнение масштабных и общественно значимых задач, а также рекрутировать многочисленные армии. Действительно, государства и общества в Азии «спорадически переживали то периоды расцвета, то кризиса, причем процветание, как правило, было атрибутом крепких централизованных структур, особенно

³⁴⁹ В социальном смысле под термином «племя» здесь подразумевается группа людей, не обязательно связанных кровнородственными узами, занимающихся кочевым или полукочевым скотоводством, сообща владеющих летними и зимними пастбищами, а потому связанных общим обязательством их совместной защиты (См.: Paul J. Mongol Aristocrats and Beyliks in Anatolia. P. 116).

³⁵⁰ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 99

³⁵¹ Kafadar C. Between two worlds. P. 9

сильных империй, тогда как кризисы обычно совпадали с периодами ослабления этих структур, их децентрализации и феодализации».³⁵² Вместе с тем, политическая централизация, как правило, сопровождалась консолидацией власти, институционализацией общества, расширением функций и усилением давления бюрократического аппарата, увеличением налогового бремени и т.д. Больше всех по своей социальной природе страдали от этого процесса номады. Возникавшие вследствие этого напряжение и противоречие между центральной властью и кочевой периферией (не только в географическом, но и социальном смысле) часто становились причиной упадка и гибели традиционных тюркско-монгольских государств.

Таким образом, основной проблемой, которая неизменно вставала перед центральной властью в тюркско-монгольских государствах, был вопрос о политике в отношении кочевых племен. С одной стороны, происхождение Караханидов, Сельджукидов, Ильханидов, Тимуридов, Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и других правящих династий из тюркских и монгольских племен требовало особого отношения к последним и должно было гарантировать им привилегированное положение в обществе. С другой стороны, зная в лице племенных вождей, составлявшая военно-политическую элиту этих государств, опиралась именно на силу и поддержку своих сородичей-номадов. Затрагивать так или иначе их интересы было совсем небезопасной затеей.

По своей социальной сути кочевые племена в тюркско-монгольских государствах были склонны к центробежным устремлениям. Тенденцию консолидации и укрепления центральной власти представляла, как правило, гражданская бюрократия. Соответственно, возникавшая между номадами и центральной властью напряженность в итоге выливалась в противоречие между военно-кочевой тюркско-монгольской элитой и гражданской бюрократией, обычно, иранского происхождения.³⁵³ Не случайно, «самым сложным из вопросов, подлежащих разрешению бюрократии, была судьба тюркских завоевателей, пришедших в страну вместе с государем, нисколько не желавших перейти к оседлой жизни и подчиниться такому же управлению, как остальная масса населения».³⁵⁴

В разные периоды истории не раз предпринимались попытки сочетать и гармонизировать интересы номадов и оседлых. Один из известных «проектов» был представлен Низам ал-мульком в его «Сиясет-наме». Как писал В.В.Бартольд, этот сельджукский везир считал, что многочисленные отряды туркмен были источником постоянных беспорядков, но принимать против них крутые меры было неудобно из-за их родства с дина-

³⁵² Васильев Л.С. Крестьянские восстания на традиционном Востоке. С. 245

³⁵³ Босворт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире. С. 28-29

³⁵⁴ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 372

стией и их заслуг перед ней. «Следовало набрать отряд из 1000 молодых туркмен, причислить их к “гулямам дворца”, обучить их наравне с последними, чтобы они “сблизились с людьми, привыкли к ним, отправляли службу, как гулямы, и перестали чувствовать то отвращение [к династии], которое вошло в их природу. В случае надобности можно будет набрать из них 5000 или 10 000 человек, которые будут отправлять службу наподобие гулямов. Таким образом, существование династии будет выгодно и для них; и царь будет прославлен, и они будут довольны”». ³⁵⁵ В.В.Бартольд совершенно прав, когда отмечал, что не так легко было превратить вольных сынов степи в «гулямов дворца». «Еще труднее было примирить интересы оседлого населения с интересами завоевателей, не желавших отказаться от кочевой жизни. По мере превращения государей из тюркских ханов в персидских деспотов неизбежные столкновения между земледельцами и кочевниками все более и более должны были разрешаться в интересах первых, и кочевники должны были перейти к оседлой жизни или бедствовать в завоеванной ими стране». ³⁵⁶ Иными словами, «вечная борьба земледельца и скотовода», ³⁵⁷ по словам С.Вриониса, рано или поздно должна была завершиться победой оседлости над номадизмом.

Вместе с тем, седентаризация была не только социально-экономической проблемой, она имела и серьезную культурно-психологическую составляющую. Ведь дляномада отказаться от своего образа жизни, слезть с коня и заняться земледелием означало не только потерю прежнего социального статуса, но и унижение его достоинства. В этом случае он «терял не только свое стадо, но и своего коня; он не только превращался в крестьянина, но и прощался со своей прежней удалей. В случае победы же он оставался не только скотоводом, но и всадником, и его общество, оставаясь пастушеским, сохраняло и военный характер». ³⁵⁸ Таким образом, кочевничество, связанное со своеобразным кодексом чести, не желало безропотно подчиняться велению времени. Не следует забывать, что традиционный образ жизни большинства тюркских народов был связан с номадизмом. Еще Джахиз в IX в. отмечал, что *«тюркам в тягость оседлая и размеренная жизнь, долговременное пребывание на одном месте, малоподвижный и безынициативный образ жизни. Они устроены так, чтобы быть в движении, а не находиться в покое, – таково их предназначение»*. ³⁵⁹

В XI-XV столетиях проблема взаимоотношений центральной власти и кочевых племен в тюркско-монгольских государствах носила хронический

³⁵⁵ Там же. См. также: Сиасет-намэ. С. 109

³⁵⁶ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 372

³⁵⁷ Vryonis S., Jr. Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 52

³⁵⁸ Smith J.M. Turanian nomadism and Iranian politics. P. 61

³⁵⁹ Асадов Ф.М. Ранние арабские источники о тюрках в раннее средневековье. С. 90

характер. Последовавшие вслед за сельджукскими завоеваниями Ближнего Востока новые миграционные волны кочевников из Центральной Азии еще более усугубили ее. Особенно в XIII в., в эпоху Ильханидов, новые тюркские и монгольские племена, переселившиеся в Иран, Азербайджан и Анатолию, влили свежую кровь в номадизм на этих землях и обострили проблему.³⁶⁰ Таким образом, путь, пройденный однажды при Сельджукидах, было необходимо преодолеть во второй раз. Хотя после монгольского периода не происходило уже масштабных миграций с востока на запад, тем не менее, внутри самого ближневосточного региона наблюдались достаточно серьезные передвижения и перемены мест обитания кочевых племен. Такие перемещения были особенно заметны в период тимуридских походов на запад. Источники свидетельствуют о локальных внутренних миграциях и во времена Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и Сефевидов.

Чувство «отвращения», испытываемое рядовыми туркменами-кочевниками к Сельджукской династии, которое отмечал В.В.Бартольд, возникло не случайно.³⁶¹ Это явление, несомненно, имело определенные социально-психологические причины. Исторический опыт тюркско-монгольской государственности в Центральной Азии был неразрывно связан с номадическими традициями. Тюркские и монгольские народы создавали в Евразии могущественные кочевые империи, правовую основу которых составлял кодифицированный свод обычного степного права – «тёре» или «яса» («ясак»). Однако завоевание земледельческих регионов Мавераннахра и Ближнего Востока поставило их перед цивилизационным выбором. На

³⁶⁰ Каэн К. Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире. С. 120

³⁶¹ Как западное (А.К.С.Лэмбтон, К.Э.Босворт и др.), так и русское и советское востоковедение (В.В.Бартольд, С.Г.Агаджанов и др.) рассматривали взаимоотношения кочевников и оседлых на Ближнем Востоке в средние века, главным образом, в рамках условного дискурса «Иран-Туран», где ираноязычные народы традиционно представляли седентаризм, а тюркские и монгольские – номадизм. В этом же ракурсе, как правило, оценивалось отношение туркменских масс к Сельджукской династии, которая со временем все более обретала черты ближневосточной монархии и дистанцировалась от своих кочевых соплеменников. В последние годы в западном «сельджуковедении» появились труды (см., напр.: Peacock A.C.S. Early Seljuq history: A new interpretation.), в которых прослеживается попытка преодоления этой сложившейся традиционной взгляда. Так, Д.Дюран-Гуэди в своей недавно опубликованной статье, на основе анализа образцов эпистолярных источников, относящихся к позднесельджукскому времени и периоду атабеков Азербайджана, предлагает изменить взгляд на данную проблему. По его мнению, «Э.Пикок убедительно показал, что сельджукское завоевание осуществлялось не в ущерб туркменам, но послужило им на пользу. Можно пойти еще дальше и утверждать, что Сельджукиды и туркменские лидеры оставались близки. Сельджукиды являлись ирано-исламской династией, но они одновременно были и центральноазиатской династией» (Durand-Guédy D. The Türkmen-Seljuq relationship in twelfth-century Iran. P. 46). В то же время вряд ли свежий взгляд и интересные выводы новых авторов могут всерьез поколебать основные постулаты традиционной концепции.

Ближнем Востоке, колыбели оседлого аграрного земледелия и урбанистической культуры, в течение тысячелетий был выработан комплекс социально-экономических и политико-философских ценностей, который отличался от кочевых традиций степных народов. Поэтому в те периоды, когда в этих странах происходило ослабление центральной власти и дезинтеграция общества, мобильные и воинственные степняки могли относительно быстро завоевать их. Однако было невозможно сохранить власть над ними в течение длительного времени, продолжая оставаться номадами. Для этого требовались восприятие и хотя бы частичная адаптация местных принципов управления оседлого общества. В этом заключается главная причина этносоциального дуализма политической системы во всех тюркско-монгольских государствах Ближнего Востока: военно-политическая власть в них сосредотачивалась в руках тюркской и монгольской знати, а функции гражданского управления передавались представителям местной бюрократии.

Политическая философия и теория государственности на Ближнем Востоке стала складываться еще в древности, достигнув зрелых форм в эпоху Сасанидов. После арабского завоевания принципы сасанидской (вернее, ближневосточной) теории государственности частично были адаптированы халифатом, оказав влияние на развитие мусульманской политической философии.³⁶² Идеи Фараби, Низам ал-мулька, Газали, Низами и других авторов о справедливом монархе, справедливом управлении, милости к раййатам были навеяны этим влиянием. Согласно сасанидской (ближневосточной) политической философии правитель пользовался правом абсолютной власти и считался тенью бога на земле, что в мусульманской традиции обозначалось словом «зиллуллах». Воля абсолютного монарха могла быть ограничена лишь определенными религиозными нормами, что и дало основание западным мыслителям оценить этот тип правления как «восточный деспотизм». С целью обуздания безграничной власти «деспота» и удержания ее в умеренных рамках ближневосточная политическая философия выработала традицию сочинения дидактических назиданий или наставлений правителю, получивших на мусульманском Востоке известность под названиями «Насихат-наме», «Пенд-наме», «Сиясет-наме». Подобный жанр литературы, призванный дать понятие правителям о принципах «справедливого правления», «справедливого монарха», милости к раййатам и т.д., был широко распространен в средние века. Ярким примером такой политико-дидактической литературы является «Сиясет-наме» Низам ал-мулька.

³⁶² Lambton A.K.S. Justice in the Medieval Persian Theory of Kingship. P. 91-119. Как отмечал В.В.Бартольд, образцом для Аббасидов «служила стройная государственная система Сасанидов, казавшаяся арабам высшим образцом государственной мудрости» (Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 255).

Согласно традиционной тюркско-монгольской концепции власти справедливое правление зависело не столько от личных качеств правителя, сколько от следования им нормам «тёре» или «ясы», морально-правового кодекса степных народов. Правитель кочевой империи не обладал деспотической властью, поскольку, в отличие от ближневосточной политической традиции, государство здесь являлись собственностью не хана или кагана, а всего правящего рода и имело, таким образом, корпоративный характер.³⁶³

Характерной тенденцией развития тюркско-монгольской государственности на Ближнем Востоке после сельджукских завоеваний были постепенный отход элиты от старых кочевых традиций правления и приобщение к принципам ближневосточной политической философии. Естественно, этот процесс требовал длительного периода адаптации кочевников к новым условиям и растянулся на несколько столетий. Следует добавить, что он начался с заключения некоего символического соглашения или альянса между тюркской правящей династией и военно-кочевой элитой, с одной стороны, и гражданской бюрократией и мусульманским духовенством, с другой. К примеру, по сообщению Бейхаки, после взятия Нишапура основателем Сельджукской империи Тогрулом к нему на поклон явилось авторитетное духовное лицо Кази Саид, и между ними состоялась примечательная беседа. На наставления Кази Саида быть благоразумным, бояться бога, творить правосудие, прислушиваться к словам угнетенных и не допускать насилия со стороны войска, сельджукский правитель выразил согласие поступать в соответствии с ними и ответил: *«Мы люди новые и чужие, с обычаями тазиков (здесь, оседлого иранского населения — Ш.М.) незнакомы, пусть Кази не откажет подавать нам советы»*.³⁶⁴ Данный рассказ является наглядной иллюстрацией альянса между главой кочевого народа, создававшего свое государство в завоеванном земельном регионе, и представителем местного духовенства, наставлявшего того в интересах оседлого населения.

Таким образом, как было отмечено, во всех тюркско-монгольских государствах Ближнего Востока система управления в результате этого соглашения имела дуалистический характер, и властные функции были, как правило, разделены между двумя этносоциальными группами. К.Э.Босворт назвал эту ситуацию «неустойчивым равновесием между персидско-исламским авторитаризмом и тюркской традицией племенной солидарности».³⁶⁵ Хотя в основе этой двойственной системы и лежало социальное различие между кочевниками и оседлым населением, тем не менее, в общественном сознании оно преломлялось в этнических представлении-

³⁶³ Inalcık H. Suleyman the Lawgiver and the Ottoman Law. P. 108

³⁶⁴ Tarikh-e Beyhaqi (Т. III). P. 884-885; Абу-л-Фазл Бейхаки. С. 677

³⁶⁵ Босворт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире. С. 30

ях и воспринималось как тюркско-иранское равновесие. Однако это равновесие не было устойчивым, как отметил К.Э.Босворт, и часто принимало форму соперничества, а временами и антагонизма. К примеру, всю историю Сефевидского государства до периода шаха Аббаса I, по словам Х.Р.Рёмера, можно оценивать как историю соперничества двух основных этнических групп – тюрков и персов,³⁶⁶ что, в общем, отражало соперничество между номадизмом и оседлостью.

Следует учесть, что в общественном мнении это равновесие рассматривалось как основной гарант устойчивости государства, его институтов и всей социальной системы в целом. В интересах общественного порядка и стабильности каждая из двух групп элиты должна была ограничиться «своим» местом в социальной иерархии и не вмешиваться в «чужую» сферу. Учитывая этот фактор, В.Ф.Минорский писал, что в средние века тюрки и персы не смешивались между собой «как масло с водой».³⁶⁷ Средневековые авторы считали нарушение внутриэлитной гармонии предвестником общественных потрясений, способствовавших ослаблению или полному разрушению государства. К примеру, подчеркивая значение военных и гражданских титулов, являвшихся маркерами социальной иерархии, Низам ал-мульк отмечал недопустимость их неправильного использования, ибо «это не годится в государстве». Так, титулами «эмиров и тюрков», т.е. военного сословия, были Хусам ад-Дин («меч веры»), Сейф ад-дауле («меч державы»), Амин ад-дауле («доверенный державы») и т.д., в то время как титулами «хаджэ, амидов и правительственных лиц», т.е. духовной и гражданской бюрократии, являлись Амид ад-дауле («опора державы»), Захир ал-мульк («пособник царства»), Киввам ал-мульк («поддержка царства») и другие. *«Теперь эти различия уничтожились, – сетовал сельджукский везир, – тюрки возлагают на себя титулы хаджэ, а хаджэ – титулы тюрков и в том не видят греха».*³⁶⁸ Далее автор отмечает, что смешение титулов может нарушить благополучие «дел Дивана», т.е. системы государственного управления.³⁶⁹ Иными словами, нарушение равновесия внутри элиты означало нарушение баланса сил между этносоциальными группами.

Как известно, на этапе завоевания земледельческих регионов и становления нового государства глава кочевого народа, как правило, мало отличался от своих соплеменников по своему образу жизни, культурному уровню и даже внешним атрибутам. Это положение верно как для времени Сельджукидов, так и после них. Даже в XV в., например, глава туркман Ак-Коюнлу Узун Хасан вел жизнь простого номада, прежде чем стал

³⁶⁶ Cambridge History of Iran. P. 263

³⁶⁷ Tadhkirat al-Muluk. P. 188

³⁶⁸ Сиасет-намэ. С. 153

³⁶⁹ Там же. С. 160

султаном могущественного государства, о чем свидетельствует его жизнеописание в «Китаб-и Диярбакрийе».³⁷⁰ Однако чем глубже тюркские правители погружались в негу и роскошь дворцовой жизни, тем дальше они отходили от кочевых обычаев и тем сильнее ощущалось влияние на них норм оседлой культуры.³⁷¹ Персидская литература проникала во дворцы тюркских правителей, где «Шах-наме» Фирдовси становился самым, пожалуй, читаемым произведением, на примерах героев которого воспитывались принцы и наследники династий.³⁷² Естественно, некоторые из них в подражание своим кумирам пытались писать стихи на персидском языке. К примеру, Языджиоглу Али сообщает о сельджукском султани Малой Азии Ала ад-Дине Кей-Кубаде I: *«Хотя он был тюркского происхождения и из огузских султанов, однако, поскольку в те времена не было еще тюркской поэзии и сами они прибыли из страны Аджам, большей частью он [сочинял стихи] и говорил по-персидски»*.³⁷³ Известно о стихотворстве на персидском языке и некоторых других сельджукских султанов – Рукн ад-Дина Сулейман-шаха и Гияс ад-Дина Кей-Хосрова I, о чем свидетельствует Ибн Биби. Предположительно, разговорным языком сельджукского двора в Конье также был персидский. Во всяком случае, об этом позволяет судить то, что Гияс ад-Дин Кей-Хосров I говорил со своей свитой во время пребывания в Константинополе по-персидски.³⁷⁴

Широкое распространение персидской культуры в высших слоях сельджукского общества Малой Азии было связано также с тем влиянием,

³⁷⁰ Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. (Т. I). P. 191-193

³⁷¹ Данный процесс характерен для всех кочевых династий, под властью которых оказались земледельческие ареалы Ближнего Востока. В частности, Никифор Григора следующим образом описывает процесс «натурализации» монгольской военно-политической элиты на Ближнем Востоке: *«Наконец, усвоив утонченные нравы ассириян, персов и халдеев, они склонились и к их богопочтению, вместо отечественного безбожия; приняли их правила и обычаи как относительно употребления дорогих одежд и роскошной пищи, так и относительно других удовольствий роскоши. Прежний образ жизни изменили совершенно: прежде покрывали голову грубою войлочною шапкою, вместо всякой одежды одевались в кожи зверей и невыделанные шкуры, вместо оружия употребляли какие-то дубины, пращи, копья, стрелы и луки, – грубо сделанные из дуба и т. подобных деревьев и по временам сами собой являющиеся на горах и в чащах; но впоследствии эти же самые люди стали носить цельные шелковые и протканые золотом одежды. В изнеженности и роскоши они простерлись до того, что их прежний образ жизни стал в решительной противоположности с последующим»* (Никифор Григора. С. 38-39).

³⁷² Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 163

³⁷³ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 216

³⁷⁴ Ибн Биби сообщает, что когда хаджиб Закария тайно прибыл к Гияс ад-Дину Кей-Хосрову, находившемуся в Византийской империи, чтобы призвать его занять конийский престол, тот дал приказ своим служащим на персидском языке (İbn-i Bibi. El-Evamirü'l-'Alaiyye fi'l-Umuri'l-'Alaiyye. P. 115).

которым здесь пользовалась гражданская бюрократия. Многие везиры при султанах имели иранское происхождение, будучи родом из Хорасана, Кашана, Исфахана и других областей. Керим ад-Дин Аксарайи сообщает, что везир Фахр ад-Дин Казвини, которого современники называли «Низам ал-мульк», привел в страну множество людей из Тебриза, Хамадана, Ирака, Исфахана, Хорасана и других областей и назначил их на высокие государственные должности хаджибов, наибов и т.д.³⁷⁵ Не случайно при везире Сахибе Фахр ад-Дине Али ибн Хусейни делопроизводство в Сельджукском государстве Малой Азии перешло с арабского на персидский язык.³⁷⁶ О том насколько Сельджукиды были пленены персидской культурой свидетельствуют и навеянные образами из «Шах-наме» личные имена султанов – Кей-Хосров, Кей-Кубад, Кей-Фарибурз и другие. Это влияние заметно и во времена анатолийских бейликов, правители которых пытались подражать нравам и вкусам сельджукского двора. К примеру, караманский бей Ала ад-Дин Али заказал своему придворному поэту Ярджани написание на персидском языке поэмы «Шах-наме», посвященной истории Караманской династии, в подражание сельджукской «Шах-наме» поэта Деххани.³⁷⁷

Бурный расцвет персидской литературы при тюркских дворах начался еще до Сельджукидов, при правлении Газневидов. Однако в сельджукское время и после него, когда турки распространили свою политическую власть на весь Иран и большинство регионов Ближнего Востока, этот процесс получил дальнейшее развитие. Так, к примеру, эмир Тимур был в большей степени приверженцем тюркско-монгольских традиций, чем его потомки, которые являлись уже продуктом городской культуры Мавераннахра и Хорасана. Шейбани-хан, который вырос в кочевой узбекской среде в степях Туркестана, после взятия Герата в 1507 г. пытался подражать тимуридским султанам, восприняв их культурные стандарты. Одним из проявлений этой трансформации является его портрет, заказанный Камал ад-Дину Бехзаду, на котором Шейбани изображен в костюме тимуридского принца.³⁷⁸

Таким образом, в отличие от арабских стран, как отмечает фон Грюнебаум, где тюркские правители не ассимилировались и сохранили свою этнокультурную идентичность, в Анатолии Сельджукиды «натурализировались» и внесли весомый вклад в развитие архитектуры и литературы ислама, восприняв персидское понимание прекрасного. В то же время, туркменские кочевники, которые непрерывным потоком шли из Центральной Азии в Сельджукское государство Малой Азии, оставались далеки от ее элитарной культуры, следовали «еретическим» учениям и временами под-

³⁷⁵ Müsameret ül-Ahbar. P. 149

³⁷⁶ Там же. С. 213

³⁷⁷ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 8

³⁷⁸ Dale S.F. The Legacy of the Timurids. P. 52

нимали оружие против центрального правительства.³⁷⁹ Соответственно, постепенное отчуждение между династией, все больше отдалявшейся от старых кочевых традиций, и их рядовыми соплеменниками, продолжавшими придерживаться традиционного образа жизни и патриархальных ценностей, был естественным процессом. По словам В.В.Бартольда, «идеал самодержавного правителя, господствовавший в покоренных областях, не мог остаться без влияния на завоевателей. Деспотические стремления властителей должны были отдалить от них их соплеменников и, с другой стороны, сблизить их с представителями персидской бюрократии».³⁸⁰

В то же время, рядовые кочевники, неспособные осознать социальных корней происходивших процессов, воспринимали отдаление от них Сельджукской династии и высших слоев общества как некий акт «неблагодарности» или даже «предательства» по отношению к тем жертвам, которые они принесли на алтарь империи. Более того, как было отмечено, противоречия между номадами и оседлыми в сельджукскую эпоху и после нее воспринималось в общественном мнении в этнических категориях – как антагонизм между тюрками и персами (тазиками). По мнению К.Каэна, несмотря на длительные контакты с иранским миром туркмены все еще продолжали воспринимать персов как чуждый для себя элемент. Так, не только рядовые кочевники, но и главы племен роптали по поводу того, что Тогрул сосредоточил вокруг себя персов, а после взятия Багдада и арабов, в то время как сами туркмены ощущали все более прохладное отношение к ним султана и центрального правительства.³⁸¹ В этом плане становится понятен смысл выражения Алишера Навои, назвавшего Тогрула «сартским султаном».³⁸² Под словом «сартский», этимологически означающим городское население Средней Азии, скорее всего, подразумевалась принадлежность к иранскому миру и степень «персизированности».³⁸³

Отчуждение кочевых масс туркмен и их оппозиционные настроения к сельджукским султанам в той или иной степени нашли отражение в ряде источников. Однако в самой, пожалуй, острой форме их недовольство династией выражено в «Родословной туркмен» хивинского правителя Абул-Гази Бахадур-хана. Автор следующим образом озвучивает отношение рядовых туркмен к Сельджукской династии: *«Сельджуки, заявляя: “Мы туркмены, мы [ваши] братья”, не принесли пользы ни илю, ни народу. До того как стали государями, они говорили: “Мы – из туркменского*

³⁷⁹ фон Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. С. 159-160

³⁸⁰ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 371

³⁸¹ Cahen C. Türklerin Anadolu'ya ilk girişi. P. 13

³⁸² Ali Şir Nevai. Mühakemetü'l-lüğateyn. P. 188

³⁸³ Как отмечал В.В.Бартольд, для Алишера Навои султан Тогрул «был одним из “сартских”, т.е. по терминологии того времени, иранских шахов» (Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. С. 203)

уруга Кынык". А после того как стали государями, говорили: "Сын Афрасиаба бежал от Кейхосрова и прибыл к туркменскому уругу Кынык, там он вырос и [навсегда] остался. Мы его потомки, мы из рода Афрасиаба". Считая своих предков, они в тридцать пятом поколении доводят [их] до Афрасиаба".³⁸⁴ Из этого пассажа следует, что пока Сельджукиды нуждались в военной силе своих соплеменников, они оставались главами кочевого народа и делили с ними все тяготы и невзгоды. После создания же великой империи династия стала постепенно перерождаться в типичных ближневосточных монархов, которая уже тяготилась своим кочевым наследием. Аллегорически в хивинской хронике это выражено якобы отрицанием Сельджукидами своих огузо-туркменских корней и возведением своей генеалогии к Афрасиабу. Последний хоть и считается великим правителем Турана, но не следует упускать из виду, что этот образ является героем иранской, а не тюркской мифологии, и проник в тюркскую среду из персидской литературы.³⁸⁵ Простые номады-туркмены же больше почитали собственных героев из памятников огузского фольклора как «Огуз-наме» и «Книга Деде Коркуда». Для туркмен связывание генеалогических корней Сельджукидов с Афрасиабом должно было свидетельствовать о разрыве последними этнокультурных связей с родной огузской средой. Независимо от того, насколько обоснованы были эти обвинения, они свидетельствовали об углублявшейся пропасти между Сельджукской династией и массой рядовых туркмен.

Как известно, в степной аридной зоне Центральной Азии кочевое скотоводство было основным типом хозяйствования. На Ближнем Востоке же номады должны были мириться с существованием орошаемого земледелия. При этом сосуществование кочевого и оседлого населения не всегда было мирным и временами принимало характер соперничества и даже антагонизма. Сосредоточение военно-политической власти в руках тюркско-монгольской элиты должно было, на первый взгляд, обеспечить экономическое преимущество номадов перед земледельцами. Действительно, длительное время в тюркско-монгольских государствах Ближнего Востока первые пользовались значительными правовыми и налоговыми льготами по сравнению с оседлым населением. Особенно монгольские завоевания сопровождались расширением ареала номадизма, усилением в общественной жизни кочевых политических и правовых норм, отражен-

³⁸⁴ Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. С. 64

³⁸⁵ В.В.Бартольд указывал, что «сделавшись главными, почти единственными представителями политического и военного элемента в иранском мире, турки, тем не менее, даже в своих представлениях о своем политическом прошлом подчинились влиянию персидских эпических сказаний о «туранском» царе Афрасиабе» (Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. С. 203). Интересно, что османский автор Орудж б. Адил называет и Тимура Афрасиабом – «Тимур-хан Афрасиаб» (Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 32).

ных в «Ясе» Чингиз-хана. Как известно, в этот период в регионе некоторое время наблюдался упадок урбанистической жизни, запустение целых земледельческих областей и превращение их в пастбищные зоны и т.д.

Однако с течением времени власти все больше осознавали необходимость восстановления аграрного производства, городской жизни, ремесла, торговли, усиления заботы о безопасности оседлого населения. Эти меры были продиктованы, прежде всего, признанием важности земледелия как основного источника налоговых поступлений. Как отмечает А.А.Али-заде, сельджукские султаны, находясь под влиянием оседлого образа жизни, в отличие от некоторых монгольских ханов, больше покровительствовали оседлому типу хозяйствования и местной культуре.³⁸⁶ Спустя некоторое время после монгольского завоевания Ильханиды также стали уделять внимание развитию производительных сил, оживлению земледелия и городской жизни, защите крестьян от произвола кочевых эмиров. Об этом свидетельствует, прежде всего, реформаторская деятельность Газан-хана, которая была призвана способствовать эволюции Ильханидского государства в рамках ирано-исламской модели. Обращение Газан-хана, адресованное монгольским эмирам, яркий показатель взаимоотношений кочевой элиты и оседлого населения в монгольский период: *«Я-де не держу сторону ра'иятов-тазиков. Ежели польза в том, чтобы всех их ограбить, то на это дело нет никого сильнее меня. Давайте, будем грабить вместе. Но ежели вы в будущем будете надеяться на тагар и столовое довольствие и обращаться [ко мне] с просьбами, то я с вами поступлю жестоко. Надобно вам поразмыслить: раз вы ра'иятов обижаете, забираете их волов и семена и травите хлеба, то что вы будете делать в будущем? О том, что вы бьете и мучаете их [ра'иятских] жен и детей, [тоже] нужно подумать, как нам дороги наши жены и дети и милы сердцу, а ведь и им точно так же, они тоже люди, как и мы. Всевышний господь препоручил их нам. С нас спросят за их добро и зло, что же мы ответим, когда [сами] их обижаем? Все мы сыты, никакого ущерба нам нет, так что же нам нужно. И что за благородство и доблесть обижать своих ра'иятов? Кроме злополучия, в похвалу за это ничего не достанется, и всякое дело, к которому обратятся, будет безуспешным. Надобно отличать покорного ра'ията от врага. Разница [между ними] заключается в том, что от покорных ра'иятов находятся в безопасности, а от врагов в опасности. Как же допустимо, чтобы мы покорных не оградили от опасности, и они испытывали бы от нас муки и неприятности. Во всяком случае, их проклятья и дурные пожелания будут услышаны [богом]».*³⁸⁷ И как добавляет Рашид ад-Дин, «вследствие

³⁸⁶ Ализаде А.А. Низам ал-мульк, Рашид ад-дин и Мухаммад Нахчивани. С. 49

³⁸⁷ Фазлуллах Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Т. III. С. 271, 478

*подобного рода увещеваний, из тысячи стеснений, которые до этого причиняли, [теперь] встречается одно, и ра'иятское общество владений умножило молитвы за державу [Газан-хана]».*³⁸⁸

Таким образом, историческая закономерность рано или поздно приводила к изменению чаши весов в отношениях кочевников и оседлых в пользу последних.³⁸⁹ Тюркские и монгольские династии на Ближнем Востоке, которые на начальных этапах после создания собственных государств, еще сохраняли кочевые черты, с течением времени должны были воспринять и адаптировать нормы и обычаи оседлых обществ. Данная тенденция являлась универсальной линией эволюции всей средневековой тюркско-монгольской государственности на Ближнем Востоке. В то же время, она не могла не вызывать напряженность и трения между двумя группами населения. Тем не менее, окончательная победа оседлости над кочевничеством была исторически обусловлена и закономерна, и тюркско-монгольская государственность не могла избежать этой участи. Она должна была со временем трансформироваться. Вопрос заключался лишь в выборе «модели» этой трансформации. Разумеется, речь не идет о некоем сознательном акте элиты в выборе «моделей развития», как это принято в современных обществах. В средние века этот процесс происходил, как правило, неосознанно или, иначе – по «объективным» причинам. Однако сам выбор являлся определяющим фактором дальнейшей эволюции средневековой тюркско-монгольской государственности на Ближнем Востоке, и, по сути, от этого фактора зависела вся его последующая судьба.

³⁸⁸ Там же

³⁸⁹ «Упадок скотоводческих обществ начался на заре Нового времени, когда оседлые жители усовершенствовали и военное дело! Парусники и затем пароходы были более эффективным средством передвижения, чем караваны; а регулярные армии оседлых государств увеличили использование огнестрельного оружия и его точность на дальнем расстоянии и стали более сильными, чем иррегулярная конница кочевников» (Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 30).

Глава II

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МАЛОЙ АЗИИ В ПЕРИОД БЕЙЛИКОВ

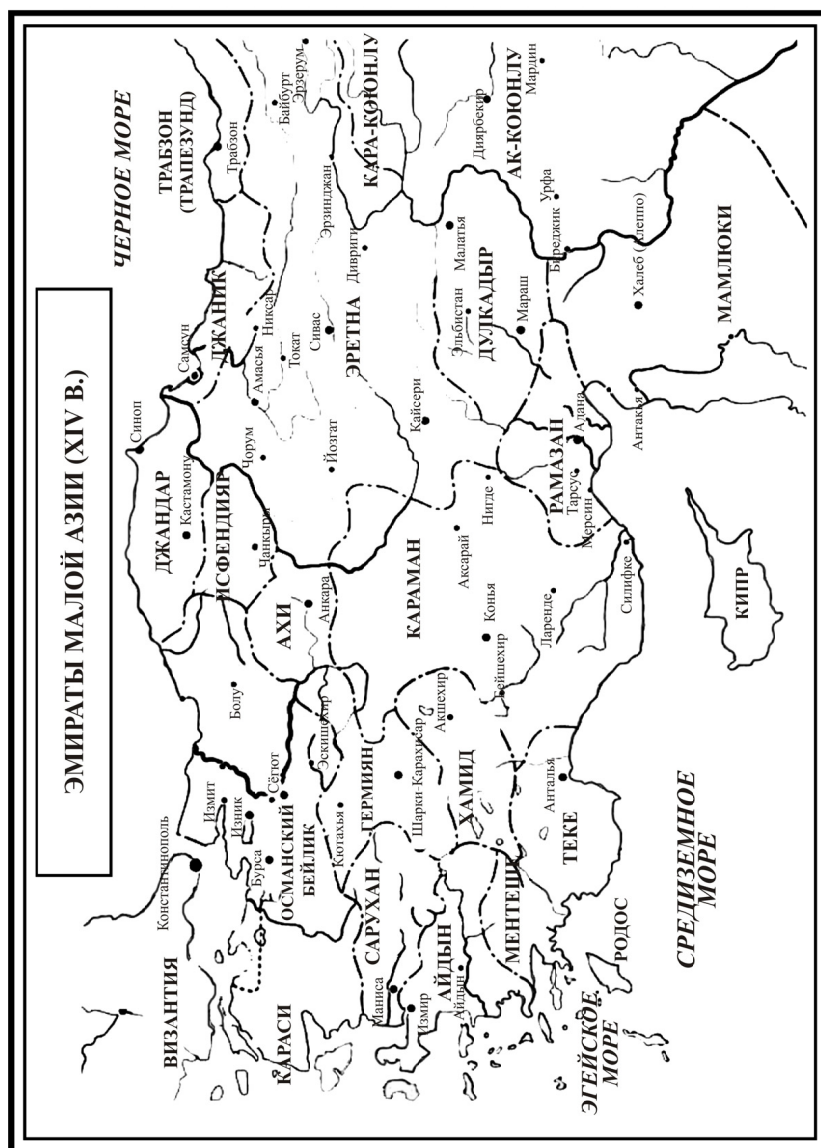
Политические процессы в Малой Азии в XIV в.

Монгольское завоевание и упадок Сельджукского государства Малой Азии привели к постепенной дезинтеграции политической власти в этом регионе. Бывшие сельджукские владения распались на множество эмиратов, что знаменовало начало нового этапа в средневековой истории Турции – периода бейликов. Основным содержанием этого периода было дробление политической власти и начало соперничества между новыми государственными образованиями за военно-политическое лидерство и наследие Сельджукской империи.³⁹⁰ Ослабление Ильханидской державы в Малой Азии привело к вакууму власти, активизации центробежных сил, что дало возможность новым династиям выйти на историческую сцену со своими политическими амбициями. Как отмечал автор «Тадж ат-таварих» Ходжа Саад ад-Дин, *«с упадком власти знаменитых султанов и каганов, владевших странами Ирана и Турана, (ильханидских правителей – Ш.М.) в окрестных странах начались смуты и беспорядки, доселе неизвестные люди загорелись желанием обрести власть и независимость, воссесть на престол»*.³⁹¹ Как результат повсюду появились новые государственные образования.³⁹²

³⁹⁰ Ал-Умари сообщал, что нынешние тюркские эмиры были потомками тех, что вышли на историческую сцену при Сельджукидах. В то время как равнины находятся в руках Хулагуидов, т.е. монголов, уджи (здесь, приграничные с Византией зоны), горные районы принадлежат тюркам. Эти тюрки временами воюют с монголами и ведут постоянную борьбу с окрестными христианами. По мере ослабления монголов появились и укрепились некоторые тюркские эмираты (См.: Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. P. 643-644).

³⁹¹ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 133

³⁹² Никифор Григора следующим образом описывает появление на исторической сцене Малой Азии новых тюркских политических образований: *«Всю землю, сколько ее находилось в Азии под властью римлян, турки по общему согласию и жребию разделили между собою. Карман Алисурий (Караман – Ш.М.) получил большую часть Фригии, также земли, простирающиеся от самой Антиохии, находящейся при реке Меандре, до*

Филадельфии и соседних с нею мест. Другой турок, по имени Сархан (Сарухан – Ш.М.), получил земли, простирающиеся оттуда до Смирны и приморских мест в Ионии. Магнезию, Приину и Ефес еще прежде успел подчинить себе другой сатрап, Сасан. Земли, идущие от Лидии и Эолии до Мизии, прилегающей к Геллеспонту, заняли Калам и сын его Карас (Кара Иса – Ш.М.). Земли около Олимпа и потом всю Вифинию получил другой, Атман (Осман – Ш.М.). Пространство от реки Сангария до Пафлагонии разделили между собою дети Амурия» (Никифор Григора. С. 205-206)

Политическая панорама Малой Азии в начале периода бейликов, т.е. в самом конце XIII – начале XIV вв., была чрезвычайно пестрой. В центральной Анатолии временное преимущество приобрел эмират Караман с центром в городах Ларенде и Конья, бывшей столице Сельджукского государства Малой Азии. Караманские правители рассматривали себя в качестве политических наследников этой империи, вследствие чего претендовали на первенство в Малой Азии и считали своей миссией объединение Анатолии под собственной властью. Основу их «идеологии» составлял тезис об исконном и преимущественном праве на «сельджукское наследство». Политико-идеологические амбиции Карамана нашли свое отражение в «Истории» Шикари. К примеру, в хронике враги Карамана следующим образом отзываются о них правителю эмирата Эретна: *«Бойся сынов Карамана и остерегайся их, ибо они – грозное племя... Прежде Караманиды были Рустамом и Афрасиабом своего времени... [Бей] Айдына, Сарухана, Ментеше, Хамида, Ашрафа, Косона, Элвана, а также твой отец Эретна были их рабами...»*.³⁹³

Среди близких к границам Византии бейликов наибольшим влиянием пользовались Гермиян с центром в Кютахье и эмират Чобанидов, которых позже сменили представители династии Джандар, с основными городами Кастамону и Синоп. По сообщению генуэзца Балабана (Доменикино Дория), в конце двадцатых годов XIV в. все западноанатолийские эмираты в той или иной степени признавали власть правителей Гермияна.³⁹⁴ Наряду с караманскими правителями и другие бейи в целях легитимизации собственной власти заявляли (нередко безосновательно) о получении ее непосредственно от сельджукских султанов. Эгейские эмираты Караси (Кара-Иса), Айдын, Сарухан и Ментеше стяжали себе славу «гази» постоянной борьбой с христианскими соседями, что нашло отражение в «Дюстур-наме» Энвери. В частности, автор сообщает, что сельджукский султан Ала ад-Дин наделил Айдыноглу Гази Мехмед-бея землей и властью.³⁹⁵

Кроме вышеперечисленных в центральной и восточной части Малой Азии находились обширные владения эмирата Эретна,³⁹⁶ на юге располагались эмираты Хамид, Теке, Дулкадыр (Зулкадыр) и Рамазан, на севере на границе с Трапезундской империей – небольшие владения эмиратов Чепни (Таджаддиногуллары и Ашрафогуллары). Восточные области Малой Азии управлялись непосредственно Ильханидами, и такие эмираты как Эретна и Чепни в течение длительного времени находились под более жестким их контролем. Западные эмираты, за исключением Айдына, Гер-

³⁹³ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 71

³⁹⁴ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 33

³⁹⁵ Le destan d'Umur Pacha (Düsturname-i Enveri)/ P. 46

³⁹⁶ Основателем эмирата был уйгур по происхождению по имени Эретна, который являлся сыном *бахши* (см. Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 114).

мияна и Джандара были в меньшей степени подвержены монгольскому влиянию. Следует подчеркнуть, что данный фактор сыграл важную роль в этнополитических процессах в Малой Азии и в дальнейшем способствовал дифференциации западной и восточной частей Анатолии. С политико-административной точки зрения существующая между ними разница признавалась уже в ильханидскую эпоху. Так, в произведении Хамдуллаха Казвини при перечислении основных городов «Мульк-и Рум» (Анатолии) центры в уджах, т.е. западной части Малой Азии, не были включены в список. Или в произведении «Рисале-йи фалакийе» от 1349-1350 гг. такие области на западе Анатолии, как Гермиян, Хамид, Айдын, Денизли, Османлы, Эгридир, Синоп, Гередеболу, Кастамону и Караман (последнее является исключением) были объединены в единую административную единицу под названием «уджат» (уджи), отличную от прочих областей.³⁹⁷ Надо сказать, и в произведениях сельджукских авторов не раз проходит выражение «области уджей» (*vilayat-e uj*)³⁹⁸ или «командование областью уджей» (*emaret-e vilayet-e uj*)³⁹⁹.

В сравнении с другими западноанатолийскими эмиратами Османский бейлик, не имевший выхода к морю, хотя и пользовался преимуществом в силу географического расположения на границе с Византией, на первых порах не имел большой силы и влияния, а потому и не привлекал особого внимания источников. Это был типичный пример уджа, приграничного владения в Вифинии, который в сельджукские времена представлялся, как правило, тюркским (туркменским) племенам и был наделен функцией охраны границ. Поэтому главы этих областей, которых называли «удж-беями», пользовались относительной свободой в своих действиях и имели особый статус в военной организации государства. Так, сельджукский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I должен был посылать особые письма и указы «тюркским беям в уджах», чтобы призывать их к себе на службу.⁴⁰⁰ Как известно, система уджей сыграла важную роль в расселении тюркских племен в западной Анатолии и тюркизации этого региона.

Безусловно, географическое положение Османского бейлика оказало серьезное влияние на особенности его формирования и развития. Он имел возможность постоянно наращивать свое давление на приграничные области Византийской империи, захватывая новые земли и военную добы-

³⁹⁷ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 324; Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 88-89

³⁹⁸ İbn-i Bibi. El-Evamirü'l-'Alaiyye fi'l-Umuri'l-'Alaiyye. P. 112

³⁹⁹ Аксарайи сообщает, что «командование вилайетом уджа» было поручено сыновьям известного Фахр ад-Дина Али Таж ад-Дину Хусейну и Нусрат ад-Дину, которым в качестве хассов были переданы Кютахья, Сандуклу, Горгорум (Бейшехир) и Акшехир (Müsameret ül-Ahbar. P. 74).

⁴⁰⁰ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 207

чу. С одной стороны, османы в глазах тюркско-мусульманского сообщества Малой Азии приобретали ореол «гази» – борцов за веру, с другой стороны, их действия стимулировали наиболее активные и воинственные элементы других анатолийских бейликов на поиск удачи под османскими знаменами. Жизнь и служба в Османском бейлике выглядела для них более динамичной и многообещающей, чем в других эмиратах, не имевших общих границ с Византией, зажатых между соседними мусульманскими владениями и, таким образом, обреченных на более статичное существование. Не случайно Шукрюллах отмечает, что в этот период большое количество людей из соседних областей прибывало в Османский бейлик, чтобы поступить на воинскую службу.⁴⁰¹

В конце XIII в. османы, видимо, еще находились в некоторой зависимости от эмирата Чобанидов с центром в Кастамону.⁴⁰² Но уже вскоре мы видим, как они начинают действовать самостоятельно и совершать рейды на византийские владения. Первая крупная победа, которую османам удалось одержать над византийцами, была битва при Бафее (Коюнхисаре) 27 июля 1302 г. Византийское войско под командованием Георгия Музалона, посланное на помощь осажденной Никомедии и в составе которого был контингент наемников-аланов, потерпело поражение. Осману оказали содействие и турки из долины реки Меандр (Мендерес). В результате достигнутого успеха Осману удалось значительно повысить свой авторитет не только в Вифинии, но и в соседних анатолийских эмиратах. Х.Иналджик считает, что такие ранние хронисты, как Мехмед Нешри не случайно говорят об обретении истинной «независимости» Османом именно после этой победы.⁴⁰³

Активизация военной деятельности со стороны ряда западноанатолийских эмиратов в начале XIV в. связана с рядом факторов. Во-первых, в это время, тихо угаснув, прекратило свое существование Сельджукское государство Малой Азии. Правление последнего сельджукского султана Гияс ад-Дина Масуда II было настолько не приметным, что даже авторы, его современники, называют различные даты его смерти.⁴⁰⁴ Конечно, Сельджукское государство утратило былое военное могущество и свой политический вес задолго до этой даты, превратившись в послушного вассала Ильханидской империи. Тем не менее, для правителей анатолийских эмиратов сельджукские султаны являлись обладателями хоть и номинальной, но, все же, легитимной власти. Уход с исторической сцены Сельджукского государства бесповоротно открывал путь к их независимости. Во-вторых, в

⁴⁰¹ Şükrullah. P. 53

⁴⁰² Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 49

⁴⁰³ Inalcık H. Osman Gazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus. p. 37

⁴⁰⁴ Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. P. 644. Масуд II умер в бедности и болезнях в г. Кайсери в 1308 г. (Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 75)

этот же период происходит ослабление власти Ильханидов в западных областях Малой Азии, что было связано с мятежом монгольского эмира Суламиша в 1298-1299 гг. Противостояние было вызвано возмущением Суламиша тем, что пост наместника Рума был предоставлен Газан-ханом не ему, а эмирам Баянджару, Бучкуру и Докуз-Тимуру. Суламишу удалось привлечь на свою сторону часть местных монгольских военачальников, а также большое число туркман, недовольных ильханидским господством. По сообщению Рашид ад-Дина, под его командованием собралось около 50 тысяч вооруженных людей. Несмотря на первые успехи, убийство эмиров Баянджара и Бучкура в апреле 1299 г. Суламиш потерпел сокрушительное поражение от ильханидской армии, посланной Газан-ханом на подавление мятежа. Он бежал, однако, вскоре был схвачен и казнен в Тебризе.⁴⁰⁵ Тем не менее, в результате его выступления «тюрки уджей» в западной Анатолии получили больше свободы в своих действиях.⁴⁰⁶

Византийская империя так и не смогла оправиться от поражения, нанесенного ей западноевропейскими крестоносцами в 1204 г. Латинское завоевание Константинополя разрушило «внутренний строй Византии, вызвало много внешних обстоятельств, которые сделали невозможным полное обновление империи и наполнили почти двухсотлетний период ее существования ужасною, непрерывною борьбою».⁴⁰⁷ После изгнания латинян и торжественного вступления в 1261 г. Михаила VIII Палеолога в Константинополь империя была восстановлена. Но этот факт парадоксальным образом сыграл злую шутку с восточными областями, оказавши-

⁴⁰⁵ Фазлуллах Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Т. III. С. 184-185, 328-332 (текст); Müsameret ül-Ahbar. P. 239-247; Spuler B. İran Moğolları. P. 110; Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. P. 625; Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 67-69

⁴⁰⁶ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 329-331

⁴⁰⁷ Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен (Часть CCIV). С. 89-90. Как отмечал Г.А.Острогорский, несмотря на реставрацию империи в 1261 г., «период латинского господства оставил глубокие следы: на государственном теле Византии остались раны, которых не смогло излечить восстановление Империи. Великая глава, Константинополь, венчала ослабевшее, подвергающееся со всех сторон нападениям тело. Итальянские морские республики господствовали в византийских водах, их колонии были рассеяны по всей Империи, а большинство островов восточного Средиземноморья были им подчинены. Греция, как и прежде, находилась под франкским владычеством, а находившийся под греческим управлением Эпир вместе с Фессалией стоял в стороне от дела объединения, упорствуя в своей враждебности по отношению к Империи. Север Балканского полуострова удерживали две славянских державы — болгарская и сербская, которые создали свое величие за счет Византийской империи. Конечно, ни одна из этих держав не была в силах предпринять крупномасштабное нападение на Византию, однако все они были в состоянии поддерживать направленную против нее атаку с Запада. В Западной Европе не было недостатка во врагах восстановленной Византийской империи: ими были все державы, заинтересованные в существовании Латинской империи» (Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 547).

мися после этого вне внимания императора и оставшимися без должной защиты.⁴⁰⁸ Это дало возможность туркманам в значительной степени продвинуться в западном направлении. Большие их массы в это время поселяются в Пафлагонии, Памфилии и Фригии.⁴⁰⁹

В конце XIII – начале XIV вв. империя связывала надежды на безопасность своих восточных границ с контролем Ильханидов над туркманами уджей. С целью получения поддержки от монголов византийская дипломатия прибегла к своим традиционным методам заключения матримониальных союзов, и в 1306 г. Андроник II (1282–1328) выдал свою сестру Марию за ильханидского правителя Олджайту (1304–1316).⁴¹⁰ Переговоры о брачном союзе, начатые еще в 1304 г. при Газан-хане, заставили туркман некоторое время вести себя более сдержанно в отношениях с Византией. Однако, в целом, все попытки империи заручиться поддержкой Ильханидов оказались тщетными, и она не очень много выиграла от такого союза, поскольку западноанатолийские беи уже были способны самостоятельно проводить военные действия и захватывать все больше византийских территорий. С ослаблением монгольской власти на Ближнем Востоке здесь вновь восходила звезда тюркской государственности.⁴¹¹ Это был, по сути, подготовительный процесс, или прелюдия, к тюркскому политическому и культурному подъему или «возрождению» XIV–XV вв. Ильханидская власть была уже не в силах остановить его. Не случайно Малик Муин ад-Дин Парване в своем письме из Рума (Анатолии) к везиру ильханидов Рашид ад-Дину отмечал: *«Поскольку удлинился период власти туркмен и увеличилось время их могущества, монгольские эмиры-грабители согласно “зависти в них самих” завидовали их величию и положи-*

⁴⁰⁸ Пахимер описывает процесс постепенного разложения системы обороны восточных областей после восстановления Византийской империи и отмечает, что охрана пограничных крепостей здесь была, большей частью, в попечении местных жителей, несших гарнизонную службу и освобожденных за это от многих налогов. Однако они лишились своих привилегий, в результате чего многие стали бросать службу, оставляя укрепления беззащитными перед наступающим противником, и *«когда брошены были восточные крепости, пришлось задуматься и войскам, состоявшим на жалованье; потому что они не знали, следует ли им оставаться здесь, чтобы защищать восточные области империи, или присоединиться к вождям западным»* (Георгий Пахимер. С. 10–11).

⁴⁰⁹ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 249–250

⁴¹⁰ Spuler B. İran Moğolları. P. 121–122; Inalcık H. Osman Gazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus. P. 15–16

⁴¹¹ В июле 1314 г. по приказу ильханидского султана Олджайту эмир Чобан предпринял поход вглубь Малой Азии с целью демонстрации туркманским беям мощи монгольской державы и наказания непокорных, особенно караманцев. Хотя он и захватил Конью и принял выражение покорности от беев Хамида, Ашрафа, Гермияна, Джандара и других, однако караманцы отказались подчиниться ему и вновь вернули себе свою столицу вскоре после того, как эмир Чобан вернулся в Азербайджан (Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 81–82)

нию...». ⁴¹² Языджиоглу Али дал точную иллюстрацию этого процесса на примере образования эмирата Джандар. Он писал, что «в это время Джандароглу Сулейман-паша являлся одним из 366 сипахиев, владевших тимарами в окрестностях Кастамону. Когда он увидел, что Рум освободился от [власти] Сельджукидов и беи в уджах стали самостоятельными правителями, которые ежегодно посылали легкую дань татарам (Ильханидам – Ш.М.), он также собрал войско из тюрков Эфлагуна (Пафлагонии – Ш.М.), где находился его тимар, и напал на Кастамону». ⁴¹³

Одновременно, не полагаясь полностью на поддержку монголов, император Андроник II (1282-1328), время правления которого наполнено неурядицами и новыми территориальными потерями, ⁴¹⁴ прибегнул к другому испытанному методу византийской дипломатии – помощи наемников. Дело в том, что уже при Михаиле VIII и последующих Палеологах византийское войско не в значительной мере, как при Комнинах, а почти исключительно состояло из иностранных наемников. Андроник II из-за невыносимой для казны финансовой нагрузки был вынужден пойти на существенное сокращение армии и флота. Как отмечает Г.А.Острогорский, он полагал, что может полностью отказаться от содержания флота, который требовал наибольших расходов; при этом он положился на военно-морскую мощь генуэзских союзников и тем самым усугубил бремя экономической зависимости от Генуи военной несамостоятельностью. Сухопутная армия также была сильно сокращена, и византийские вооруженные силы переживали такой упадок, что, по словам современника, они «были смехотворны» и да-

⁴¹² Рашид ад-дин. Переписка. С. 307

⁴¹³ Цит. по: Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 58

⁴¹⁴ Т.Д.Флоринский дает нелестную характеристику этому императору: «Нерассудительный, непоследовательный и в то же время мот и трус, он представляет образец самого неспособного государя» (Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен (Часть ССIV). С. 92). Напротив, Г.А.Острогорский считает несправедливым возлагать всю вину за беды империи на Андроника II, который «действительно не был государственным деятелем крупного масштаба, но он не страдал слабоволием и ограниченностью, как это обыкновенно утверждается. Его политика не была свободна от крупных ошибок, однако следует признать, что он принял и целый ряд разумных и важных мер и что он достаточно хорошо осознавал потребности государства». По мнению этого автора, «начинающийся с конца XIII в. упадок византийского государственного могущества имеет более глубокие основания. Внутренняя дряхлость государства была неизлечима, а растущие внешнеполитические осложнения неотвратимо вели государство к катастрофе. Государственный организм был подорван, и после неумеренного перенапряжения Империи при Михаиле VIII наступила неотвратимая реакция. Кроме того, началась экспансия быстро растущих держав османов и сербов, которая наложила свой отпечаток на эпоху. Против двойного натиска с Востока и с Балкан истощенное в военном и в финансовом отношении византийское государство оказалось бессильно. Этими тяжелыми внутри- и внешнеполитическими причинами, а не личными качествами правителя объясняется упадок византийского могущества» (Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 580).

же просто «не существовали». Во всяком случае, весь византийский флот состоял из 20 триер, а постоянное войско – из 3000 солдат, из которых 2000 были расквартированы в Европе и 1000 — в Азии.⁴¹⁵

Таким образом, сначала Андроник II связал свои надежды на отражение турецких нападений с аланами, «которые просили его о поселении в пределах империи и взамен вызывались сражаться с турками. Согласно договору, они явились числом 10 000 вместе с женами и детьми, однако результат был полностью отрицательным. Поведенные соправителем Михаилом IX в Малую Азию отряды аланов в первом же столкновении с турками потерпели тяжелое поражение и поспешно отступили, чтобы утолить свою жажду грабежа на византийском населении».⁴¹⁶

После этого Андроник II был вынужден принять предложение главы каталонского воинского контингента Рожера де Флора, который прежде служил королю Сицилии. Несколько успешных военных походов и операций каталонской кампании в 1304 г. заставили турок, по словам Никифора Григоры, бежать за древние римские границы.⁴¹⁷ Однако в результате возникшего между каталонцами и византийцами конфликта первые вскоре покинули Малую Азию, подвергнув при этом нещадному грабежу византийские владения в Галлиполи и на Балканах. Турки не преминули немедленно воспользоваться создавшейся ситуацией и стали прибирать к рукам один город за другим. Вскоре были захвачены все города и крепости на эгейском побережье за исключением Смирны (Измир), Старой и Новой Фокеи. Так, в 1304 г. Саса-бей и Айдыноглу Мехмед-бей овладели Эфесом (Айасулуком), в 1313 г. Сарухан-бей – Магнисией (Манисой), в 1315-1316 гг. – его брат Али-паша – Нимфеом (Нифом). Расширили свои владения и правители Ментеше и Гермияна.⁴¹⁸

Вскоре мы видим, как правители Османского и других западноанатлийских эмиратов, как Караси, Сарухан, Айдын, Ментеше, создавшие свои флоты, приступают и к морским операциям, нападая не только на прибрежные эгейские острова, но и достигая берегов Пелопоннеса и Фра-

⁴¹⁵ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 584-587. «Несомненно, в подобных суждениях содержится сильное преувеличение, однако они передают впечатление, которое создавало у населения ставшее необходимым, но слишком скоропалительно осуществленное сокращение византийской военной мощи. Разница между все же довольно внушительными вооруженными силами Михаила VIII и более чем скромными оборонительными средствами его преемника была слишком разительной. В самом деле, с конца XIII в. в Византии редко встречается армия, которая бы состояла из более чем нескольких тысяч воинов. Одно это уже объясняет, почему Византия утратила свое положение великой державы и почему она стояла беззащитной перед лицом намного превосходящих ее вооруженных сил османов» (Там же. С. 585).

⁴¹⁶ Там же. С. 595

⁴¹⁷ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 24

⁴¹⁸ Там же. С. 26-27

кии.⁴¹⁹ Никифор Григора сообщал, что *«турки, выстроив множество кораблей, не только стали нападать на острова, находящиеся на Эгейском море и за Эгейским, но стали также захватывать и грабить купеческие корабли. Они часто пускались и в Средиземное море, как будто оно принадлежало им, не встречая ни в ком сопротивления. Все это было губельно как для латинян, так и для византийцев и еще угрожало большими опасностями в будущем»*.⁴²⁰

Ослабление ильханидского контроля позволило и Осману приступить к более активному расширению своих владений за счет византийских территорий. Этому способствовали и внутренние междоусобные войны в самой Византии между престарелым императором Андроником II и его внуком и будущим императором Андроником III (1328-1341). Эта династическая распря окончательно ослабила внутренние и внешние силы империи и открыла путь новому наступлению турок в Анатолии и сербов в Македонии. В 1326 г. пала Бурса, которая фактически стала первой столицей Османского государства. Как писал Никифор Григора, *«при нерадении римлян об областях восточных отошли во владение турков многие села и города Вифинии; между прочим, взят был и город Пруса, доведенный до этого голодом»*.⁴²¹ После этого наиболее значительным успехом османов была победа Орхана, сына и преемника Османа, над Андроником III у крепости Филокрина (Тавшанджил) в Пелеканоне в 1329 г. Византийский император, который вел изнурительную войну на Балканах с болгарами и призванными ими золотоордынскими татарами, весной этого года переправился через Босфор и попытался оказать помощь осажденной Орханом Никее. Однако в состоявшейся битве Андроник получил ранение, византийцы потеряли много людей и в панике бежали в Константинополь на своих судах.⁴²²

К этому времени последние владения Византии в Малой Азии «состояли из северной части Мизии и Вифинии, т.е. узкой полосы по южному берегу Мраморного моря и полуострова, примыкающего к Босфору». Никея с Никомедией оставались здесь последними опорными пунктами владычества империи, не считая нескольких других крепостей, как Герак-

⁴¹⁹ Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен (Часть ССIV). С. 110

⁴²⁰ Никифор Григора. С. 518. По мнению Т.Д.Флоринского, многочисленные морские рейды к берегам Фракии в 1329, 1331, 1332, 1334, 1338 годах были предприняты со стороны османов, а не других западноанатолийских бейликов, т.к. последние находились в дружественных отношениях с Византией и совершали нападения, в основном, против латинян (Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен (Часть ССIV). С. 128).

⁴²¹ Никифор Григора. С. 379

⁴²² Там же. С. 428-429; Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен (Часть ССIV). С. 123

лея, Амастрида, Филадельфия и Фокея.⁴²³ Последняя победа значительно повысила авторитет Орхана среди других анатолийских эмиратов. Османское государство постепенно превращалось в серьезный центр силы, с которым его соседи отныне вынуждены были считаться. Не случайно в том же году Византия заключила союз с эгейскими эмиратами Караси, Сарухан и Айдын с целью противостояния торгово-политическому влиянию итальянцев в Леванте. Однако этот союз также преследовал цель изоляции и ослабления слишком динамичного Османского бейлика.⁴²⁴ Тем не менее, византийцы должны были смириться с потерей Никеи (Изника) в 1331 г. и Никомедии (Измита) в 1337 г. После столь тяжелого поражения византийский император в 1333 г. впервые заключил официальный мир с Орханом, что стало первым дипломатическим соглашением между дряхлеющей империей и молодым Османским государством.⁴²⁵

Как было указано, первые контакты османов с соседними анатолийскими бейликами начались с отношений с эмиратом Чобанидов, в зависимости от которого они первоначально, видимо, находились. По мнению Ф.Эмеджена, возведение в последующем османами своей родословной к старшему внуку Огуз-хана Кайы может быть связано с этими ранними связями. Во всяком случае, данные османских реестров начала XVI в. о племени кайы-чобанлы позволяют выдвинуть такую гипотезу.⁴²⁶

Далее мы видим, как османы вступают в конфликт с эмиратом Караси, который конкурировал с ними в расширении своих территорий в на-

⁴²³ Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен (Часть ССIV). С. 111. Впрочем, не меньшую, если не большую опасность для империи в этот период представляли территориальные притязания Генуи, Венеции, созданного каталонцами Афинского герцогства, Неаполитанского королевства во главе с правящим Анжуйским домом, которым в правление Андроника II удавалось отхватывать значительные куски византийских земель как на Балканах, так и в Малой Азии, включая эгейские острова. В частности, генуэзская семья Цаккари владела в начале XIV в. землями в западной Анатолии и несколькими островами, так что в 1325 г. Мартин Цаккари, владетель Хиоса, Дамалы и Халандрицы, получил от Филиппа Тарентского «титул деспота и короля Малой Азии и островов Энуссы, Марморя, Тенедоса, Лесбоса, Хиоса, Самоса, Икарии и Кеоса со всеми знаками и правами королевского достоинства. За этот фиктивный титул Мартин должен был выставить ему вспомогательный отряд в 500 человек для завоевания Константинополя» (Там же. С. 120). Кроме того, Андронику III приходилось вести изнурительные войны на Балканах с болгарями и сербским королем Стефаном Душаном. В борьбе против латинян, албанцев, сербов и болгар Андроник III и Иоанн VI Кантакузин не раз получали поддержку от тюркских эмиратов – Сарухана, Айдына и Османского бейлика.

⁴²⁴ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 29

⁴²⁵ Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 29-30

⁴²⁶ Там же. С. 19. Первыми правителями эмирата были представители династии Чобанидов, восходящей к знаменитому сельджукскому полководцу Хусам ад-Дину Чобану, который, по утверждению Языджиоглу Али, происходил из огузского племени кайы. В окрестностях Кастамону встречается несколько деревень с названием Кайы (см. Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. P. 611).

правлении Византии. Борьба между ними завершилась поглощением Караси. Османы воспользовались междоусобицей, вспыхнувшей между претендентами на власть в Караси, хотя нельзя быть уверенным в том, что сами они не приложили руку к началу этой смуты у соседа. То, что одна из противоборствовавших сторон обратилась за помощью к Орхану, наводит на подобную мысль. В любом случае, османы не преминули воспользоваться создавшимся положением для расширения своей территории за счет соседнего эмирата, и в 1348/49-1349/50 гг. Караси был ликвидирован, а его земли присоединены к Османскому государству.⁴²⁷ Тем самым, османы, образно говоря, открыли счет завоеванным тюркским эмиратам в Малой Азии, хотя сами османские источники квалифицируют этот случай как добровольное присоединение.⁴²⁸

По словам Ф.Эмеджена, после взятия Орханом Бурсы и придания ей статуса столицы в политике Османского государства в отношении так называемого «туркманского мира» Малой Азии начинает проследиваться новая тенденция, которую автор называет «османизацией». На первом этапе она предполагала установление османской эгиды над западноанатолийскими эмиратами и создание в регионе общего этнополитического пространства. Безусловно, в этот период османы не имели еще осознанного и детального плана «османизации» и не проводили систематическую политику в этом направлении. Это было некое спонтанное явление, появившееся в процессе консолидации территорий со сходной этнической и социальной базой.⁴²⁹ Одновременно, Ф.Эмеджен показывает три вектора османского территориального расширения в Малой Азии в XIV столетии. Первый вектор после присоединения Караси был направлен в сторону эмиратов Гермиян, Хамид, Сарухан и Ментеше.⁴³⁰ Успехи османов и относительно мирные методы присоединения данных территорий объясняются близостью социально-экономической базы Османского государства и этих эмиратов.⁴³¹ Второй вектор шел на восток по линии Кастамону, Болу и далее на Анкару, Амасью и Сивас. И только после этого османы обратили взор на юг, где столкнулись со своим главным соперником в центральной Анатолии – эмиратом Караман.⁴³²

Несомненно, успешное территориальное расширение Османского государства в Малой Азии стало возможным за счет его широкой экспансии на Балканах, последовавшей вслед за завоеванием эмирата Караси. Вспыхнувшая в 1341 г. после смерти императора Андроника III новая

⁴²⁷ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 45-46

⁴²⁸ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevarih-i Al-i Osman. P. 121

⁴²⁹ Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 21

⁴³⁰ Там же. С. 41

⁴³¹ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 141-142

⁴³² Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 41

междоусобная война в Византии привела к полному упадку ее хозяйственной жизни, массовому разорению населения. Как отмечал Т.Д.Флоринский, «экономическо-социальное положение представляло печальный вид. Вследствие постоянных политических переворотов, внутренних потрясений, беспрестанных нашествий врагов, земледелие, промыслы и торговля всюду упали до последней степени. Массы народа обеднели, целые семьи остались без дела и средств».⁴³³ Соперничавшие за власть партии вдовствующей императрицы Анны Савойской и великого доместика Иоанна Кантакузина вынуждены были прибегнуть к помощи своих тюркских соседей из Айдына, Сарухана и Османского бейлика, что открывало последним путь на Балканы. Наблюдалось настолько активное проникновение турок во Фракию, что Никифор Григора уже писал об этом как о самом заурядном явлении.⁴³⁴ В своей борьбе против юного императора Иоанна V Палеолога и его союзника сербского короля Стефана Душана Иоанн Кантакузин нашел поддержку в лице правителя Айдына Умура, который по его просьбе в начале 1343 г. высадился со своим воинским контингентом во Фракии. Иоанн Кантакузин заключил союз также с Орханом, выдал за него свою дочь Феодору и получил военную помощь от османов, которая позволила ему овладеть рядом городов во Фракии и в 1346 г. короноваться в Адрианополе.⁴³⁵ В целом, именно поддержка тюркских союзников дала Иоанну Кантакузину преимущество над противниками и в итоге решила исход гражданской войны в Византии.⁴³⁶ Таким образом, дальнейшие завоевания османов на Балканах были, по сути, подготовлены их участием в междоусобной войне в империи.

⁴³³ Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен (Часть ССIV). С. 225. По словам Г.А.Острогорского, «именно в социальном расколе Империи и заключалась тяжесть разразившейся гражданской войны, а также причина ее опустошительных последствий. Растущая экономическая нужда усугубила социальные противоречия. В той мере, в какой Империя приходила в упадок и беднела, в сельской местности и в городах росла нужда широких народных масс. Как на селе, так и в городах богатства сосредотачивались в руках узкого аристократического слоя, и именно против него было направлено недовольство нищающих масс» (Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 619).

⁴³⁴ Никифор Григора писал о событиях 1338 г.: «В следующем году не произошло ничего, достойного рассказа, кроме того, что турки часто, свободно и во множестве приходили и опустошали Фракию. Но это такая история, которую мне скучно повторять постоянно» (Никифор Григора. С. 540).

⁴³⁵ Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен (Часть ССIV). С. 243. Никифор Григора сообщал об Иоанне Кантакузине, что тот ненавидел ромеев и был привязан к туркам (Там же. С. 37).

⁴³⁶ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 623. Как указывает Г.М.Прохоров, разразившуюся в это время в Византии гражданскую войну следует рассматривать в более широком контексте глобальной борьбы между католицизмом и православием, или как «эпизод континентальной войны, в которой православный мир оказался по одну сторону с мусульманским» (Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 25).

Отсутствие прочного соглашения относительно верховной власти привело к тому, что в 1352 г. вспыхнула новая распря между Иоанном V Палеологом и Иоанном VI Кантакузиным. Первый был поддержан сербским королем Стефаном Душаном и болгарами. На стороне Кантакузина выступил его давний союзник Орхан, который послал ему на помощь 10-тысячное войско во главе со своим сыном Сулейман-пашой. Османская армия переправилась через Дарданеллы на европейскую сторону и одержала победу над объединенными силами сербов и Иоанна Палеолога при Дидимотихе в конце 1352 г.⁴³⁷ Одновременно Сулейман-паша захватил и небольшую крепость Цимпе недалеко от Галлиполи, которая стала первым владением османов в Европе. Спустя два года, в марте 1354 г., османам удалось овладеть также крепостью Галлиполи, ставшей основным плацдармом для их широких завоеваний на Балканах, или Румелии, как называли эти земли сами турки. В действительности, это событие, ставшее поворотным пунктом во всей турецкой истории, сыграло двойственную роль в судьбе анатолийских эмиратов. С одной стороны, оно способствовало усилению Османского государства, предрешив его военно-экономическое преимущество над другими тюркскими государственными образованиями. С другой же стороны, начало активных действий на Балканах на некоторое время отвлекло внимание османов на запад, задержав их экспансию против эмиратов Малой Азии.

Вскоре после взятия Галлиполи начались систематические завоевания османов в Европе. Хотя самому Константинополю, у стен которого турки появились впервые в 1359 г., пока не грозила непосредственная угроза, но другие фракийские города стали один за другим переходить в руки османов. В 1361 г. был взят Дидимотих, а затем – Адрианополь (Эдирне), который стал новой, европейской столицей Османского государства.⁴³⁸ В 1364 г. Лала Шахин захватил Филлиппополь (Филибе, совр. Пловдив), сделав его центром новой османской провинции Румели. В целом, при султанах Мураде I (1362-1389) османское завоевание балканских земель вступило в решающую фазу, поскольку после смерти короля Стефана Душана даже наиболее могущественное в регионе Сербское государство, как и Болгарское царство, находилось в состоянии разложения. Для широких османских завоеваний, таким образом, наступил благоприятный период, когда некому было оказать им серьезное сопротивление. Попытки Византии призвать Запад к новому крестовому походу окончились безрезультатно. Поход кипрского короля Пьера де Лузиньяна в 1365 г. был направлен не против османов, а египетских мамлюков, в результате кото-

⁴³⁷ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 635

⁴³⁸ Нешири называет датой взятия Адрианополя 762 г.х. (1360-61) (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-pîma. I cild. P. 196-197). Х.Иналджик также останавливается на 1361 г. как дате османского завоевания этого города и считает неверным приводимые в исторической литературе другие даты – 1363 г., 1364 г., 1369 г., 1371 г. (İnalçık H. Orhan. P. 382).

рого была сожжена Александрия.⁴³⁹ Однако эта кампания не принесла существенной пользы Византии. Точно также не увенчалось успехом стремление Иоанна V к церковной унии между Римом и Константинополем. Многочисленные начиная с XI в. переговоры об объединении западной и восточной церквей неизменно завершались провалом в силу различных причин. Когда же невероятно ослабевшая Византия стала умолять Рим об оказании военно-политической и финансовой помощи для спасения гибнущей империи, римская курия превратила тему унии в предмет политического торга. Тем не менее, папе так и не удалось подчинить себе восточную церковь, ибо навязанная сверху уния была неприемлема для византийцев, для которых «православие издревле считалось величайшей святыней, а ненависть к латинянам проникла в плоть и кровь».⁴⁴⁰

Начало османского территориального расширения в Европе изменило само стратегическое содержание турецкой истории. За счет широких земельных приобретений на Балканах османы в значительной степени усилили свою мощь. Кроме того, успешные военные действия против христиан создавали им славу «гази» – борцов за веру в глазах тюркского сообщества Малой Азии. Начавшиеся с 1360-х годов систематические завоевания на Балканах привлекали под османские знамена все больше представителей военных сословий западноанатолийских эмиратов, которые переживали период экономической стагнации. Но и сами османы отчаянно нуждались в людских ресурсах Малой Азии для осуществления военных походов, создания гарнизонов в крепостях, заселения завоеванных земель. К примеру, Сулейман-паша немедленно после захвата Цимпе сообщал своему отцу: *«Благодаря твоим усилиям Румелия была завоевана, а иноверцы побеждены. Да будет ныне известно, что для [создания гарнизонов] в завоеванных крепостях на этой (европейской – Ш.М.) стороне, а также освоения областей необходимо множество людей из мусульман. Поэтому пришлите людей и воинов-гази, чтобы поставить их в завоеванных крепостях»*.⁴⁴¹ Таким образом, одним из побудительных мотивов последующего османского расширения в Малой Азии являлась необходимость получения контроля над людскими ресурсами Анатолии.

После первых же успехов Орхана Османское государство оказалось в центре важных исторических событий и стало привлекать внимание ав-

⁴³⁹ İnalçık H. Murad I. P. 156

⁴⁴⁰ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 559. Действительно, к XIV в. «католики, обратившие свой крестоносный пыл на православный Восток, смотрели на «схизматиков» хуже чем на турок: православных не считали христианами вообще»; в то же время «для византийских церковников страшней были агрессивные и нетерпимые латиняне, чем агрессивные, но веротерпимые турки» (Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 14-15).

⁴⁴¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevarih-i Al-i Osman. P. 124

торов исторических и географических трудов. Так, Ибн Баттута пишет об Орхане как правителе Бурсы и главе всех туркманских беев, подчеркивает его военную силу и динамизм.⁴⁴² Другой арабский автор, ал-Умари, сообщает о постоянных стычках османов с византийцами и их широких завоеваниях в Румелии.⁴⁴³ Однако уже в этот период военное и экономическое усиление османов в результате успешных операций и территориальных приобретений начинало вызывать заметное беспокойство правителей соседних тюркских эмиратов. Это нашло свое отражение в некоторых источниках. К примеру, генуэзец Балабан, который покинул Малую Азию в 1332 г., отмечает, что правители эмиратов горных областей Анатолии с уважением относились к Гермияну, и хотя Орхан и сохранял мир со своими соседями, однако его воины не были столь богаты, как о том шла молва, и население его страны состояло, в основном, из нехороших людей.⁴⁴⁴ По мнению Ф.Эмеджена, столь неллицеприятный отзыв об османах был ничем иным как результатом негативной пропаганды соседних эмиратов.⁴⁴⁵ Иными словами, в ответ на усиление османов другие тюркские бейлики вынуждены были прибегнуть к «контрпропаганде».

К сожалению, из-за скудости источников сложно судить о том, какие отклики в тюркском общественном мнении Малой Азии вызывало османское территориальное расширение. Как уже отмечалось, корпус местных источников имеет, в основном, османское происхождение. Это большей частью османские хроники, написанные разными авторами в XV столетии, особенно в период султана Баязида II.⁴⁴⁶ Поэтому они, во-первых, не аутентичны описываемым событиям, во-вторых, не могут считаться вполне объективными, ибо отражают лишь османскую точку зрения и написаны с соответствующих идеологических позиций. До наших дней дошли лишь несколько местных источников не османского круга, но они, увы, не могут считаться достаточно информативными в плане интересующей нас темы. Это персоязычная хроника Азиза бин Ардашира Астарабади «Базм-у-разм», посвященная жизни и деятельности правителя Сиваса и Кайсери Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда, «История Караманидов» Шикари и «Дюстур-наме» Энвери, которая содержит ценные сведения о правителях эмирата Айдын. Тем не менее, если постараться собрать воедино и

⁴⁴² The Travels of İbn Battuta. P. 451-452

⁴⁴³ Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 42

⁴⁴⁴ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 337

⁴⁴⁵ Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 43

⁴⁴⁶ К сожалению, историки не располагают местными аутентичными источниками раннеосманской эпохи. Как правильно отметил Дж.Кафадар, в этот период в приграничных с Византией областях в тюркской среде доминировала устная традиция, представленная «историческими» сказаниями, которые отражали восприятие обществом «уджей» собственных идеалов и достижений (Kafadar C. Between two worlds. P. 62).

проанализировать крупницы информации, разбросанные в различных источниках, то можно представить более или менее достоверную картину того, какова была реакция тюркского сообщества Малой Азии на угрозу османской экспансии.

Мы видим, как с усилением этой угрозы в общественном сознании анатолийских тюрков постепенно формируется отрицательный образ осман и османской власти. В начальный период это было связано, безусловно, с реакцией правящих династий и знати эмиратов. Дело в том, что понятие «османизация» начинало приобретать более определенный и жесткий характер со второй половины XIV в., когда происходили важные изменения в западной политике Османского государства. Как было отмечено, появление османских турок в Европе, начало систематических завоеваний на Балканах заметно увеличили их потребность в живой силе. Частично она удовлетворялась за счет воинских контингентов, которые другие эмираты западной Анатолии вынуждены были предоставлять во время походов, а также жителей этих бейликов, желавших добровольно сражаться под османскими знаменами. Однако этого было явно недостаточно для заселения новозавоеванных земель на Балканах. Османы остро нуждались в людских ресурсах эмиратов западной Анатолии. Для организации массового переселения было необходимо установление политического контроля над ними. Означенные тенденции наглядно проявились в период правления султана Мурада I, когда политика «османизации» стала проводиться более целенаправленно и жестко. Ф.Эмеджен считает, что первое упоминание термина «османы» («османилер») в произведении Ахмеди не случайно совпадает по времени именно с этим периодом.⁴⁴⁷

В первые же годы после вступления на трон Мураду I пришлось столкнуться в Анатолии с совместными выступлениями правителей эмиратов Караман и Эретна. Османскому султану удалось отбить их атаки, разбить при Эскишехире подчинявшиеся Эретне монгольские племена барымбай и самагар.⁴⁴⁸ Вместе с тем, по сравнению с последующими периодами Мурад I в отношениях с анатолийскими бейликами отдавал предпочтение не столько силовым, сколько дипломатическим методам. Сосредоточив основное внимание на завоевании балканских земель, он, как и правивший до него Орхан, старался проводить в отношении своих анатолийских соседей взвешенную и осторожную политику. В этот период было необходимо, прежде всего, заручиться их лояльностью, лишь по мере возможности навязывая свой сюзеренитет. Как отмечает Я.Юджель, «османы, добившиеся замечательных успехов в Румелии, с целью удержатъ-

⁴⁴⁷ Там же. С. 22-23. Надо сказать, что политоним «османлы» («османи») начинает в этот период приобретать и этнокультурную смысловую нагрузку.

⁴⁴⁸ İnalçık H. Murad I. P. 156

ся на Балканах, вынуждены были пользоваться всякой возможностью, чтобы устанавливать и поддерживать дружеские и мирные отношения с бейликами на анатолийском побережье». ⁴⁴⁹ Надо признать, Мурад I искусно достигал поставленной цели. Плоды подобной политики проявились в том, что со временем все западноанатолийские эмираты признали авторитет османского султана и должны были предоставлять в его распоряжение воинские контингенты во время походов на Балканы. Причина успеха османской политики заключалась, прежде всего, в том, что к середине XIV в. военно-политическое положение западноанатолийских эмиратов было чрезвычайно ослаблено в силу давления на них со стороны западной коалиции. Именно они стали главной мишенью для ударов созданной в 1332 г. Священной лиги с участием Византии, Венеции и рыцарей-госпитальеров. В результате военный и экономический потенциал эмиратов был в значительной степени подорван, а сами они попали в политическую зависимость от Византии. ⁴⁵⁰

Наряду с ними слабели позиции и Караманского бейлика – основного на тот период соперника Османского государства в Малой Азии. Как было отмечено, правители Карамана считали себя преемниками сельджукских султанов. Успехи османского оружия в битвах с христианами и растущая слава «гази» вызывала у них зависть. Караманцам не терпелось доказать собственное право быть носителями этого почетного титула. С этой целью в 1367 г. правитель Карамана Ала ад-Дин Али (1361-1398) призвал анатолийских беев под свои знамена с целью отвоевания находившейся на средиземноморском побережье Малой Азии островной крепости Горинос (Кыз-каласы) у кипрского короля Пьера де Лузиньяна, который, как отмечалось, за два года до этого возглавил морской крестовый поход против египетских мамлюков. Ала ад-Дин Али заручился поддержкой мамлюкского султана, но, несмотря на столь широкую коалицию, военная акция завершилась неудачей. ⁴⁵¹ Безуспешная попытка караманского правителя уподобиться победоносным сельджукским султанам и добиться повышения своего престижа в Анатолии принесла обратные результаты. В начавшемся османо-карманском соперничестве за военно-политическое первенство в Малой Азии последние оказались более слабой стороной. В действительности, эта неудача продемонстрировала нереальность их претензий на сельджукское наследство и, соответственно, на политическое лидерство в Малой Азии. Отныне правители Карамана должны были умерить свои амбиции и ограничиваться защитой собственных границ от османской угрозы.

⁴⁴⁹ Yücel Y. Kastamonu'nun ilk fethine kadar Osmanlı-Candar münasebetleri. P. 134

⁴⁵⁰ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 32-45

⁴⁵¹ Tekindağ Ş. Karamanlıların Gorigos seferi

Между тем, натиск Османского государства возрастал с каждым годом. Во время приема посла правителя Хамида Камал ад-Дина Хусейна, пришедшего к власти в 1375 г., султан Мурад I выставил категоричное требование уступки в пользу Османского государства некоторых крепостей и земель за символическую плату «в соответствии с шариатом», обосновав это необходимостью защиты османских границ от постоянных угроз со стороны караманского бейа Ала ад-Дина Али.⁴⁵² Послу было заявлено, что правитель Хамида продажей своих территорий докажет свое дружеское отношение к Османскому государству.⁴⁵³ Перед столь неприкрытым натиском правитель Хамида в 1381-1382 гг. был вынужден уступить османам требуемые города и крепости Акшехир, Бейшехир, Сейдишехир, Ялвач, Караагач и Испарта.⁴⁵⁴ Новоприобретенные земли придвинули османские границы вплотную к Караману, что стало причиной первой османо-караманской войны. Расширившиеся границы Османского государства полностью окружили территорию Гермияна с юга и, вытягиваясь в сторону Средиземного моря, стали охватывать Караман с севера и запада.

В действительности, стремление османов продвинуться на юг к Средиземноморью в направлении к Анталье имело под собой вполне осязаемый стратегический и экономический интерес. Этот морской порт связывал египетскую Александрию с Анатолией, и отсюда караваны следовали сухопутным путем к османской столице Бурсе. Анталья в этот период являлась важнейшим транзитным центром для импорта египетских и сирийских товаров в Малую Азию, а также экспорта товаров из Анатолии на восток и в Европу. Караванная дорога к Бурсе проходила через владения Караманидов и правителей эмирата Хамид – Акшехир, Бейшехир, Сейдишехир, Испарту, которые и стали основными объектами притязаний османов в XIV-XV вв. Контроль над этими городами обеспечивал безопасность торговых и политических отношений Османского государства с Мамлюкским султанатом, чему придавалось исключительное значение.

⁴⁵² Действительно, опасения османов были небезосновательны, поскольку Ала ад-Дин Али проводил довольно успешную политику расширения своих границ. При нем в состав Караманского бейлика были включены Конья, Девели Каракхисар (Ешилхисар), Аксарай, Акхисар, Илгын, Исхаклы, Кайсери и т.д. В результате широких завоеваний в центральной Анатолии часть высшей монгольской знати эмирата Эретна вместе со своими племенами, в частности, Бабукогуллары в Нигде, Атабек в Илгыне, Девлетшах в Исхаклы, признала сюзеренитет караманского правителя. Столицей эмирата считался г. Ларенде (Sümer F. Karamaoğulları, P. 457).

⁴⁵³ Danişman Z. Osmanlı İmparatorluğu Tarihi. P. 165

⁴⁵⁴ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tenvir-i Al-i Osman. P. 131; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 208-209. Следует отметить, что караманцы сами издавна претендовали на эти территории и рассматривали их как часть Караманского бейлика. В частности, Бейшехир был захвачен ими еще во времена правления Гюнери-бейа в 1328-29 г. (Sümer F. Karamaoğulları. P. 456).

Не случайно главным требованием османов во время заключения мирных договоров после всех столкновений с караманцами являлось установление границы по реке Чаршамба, поскольку указанный торговый путь от Анталы до Бурсы проходил по западному берегу этой реки, и, таким образом, оказывался под османским контролем.⁴⁵⁵

При султане Мураде I османы расширяли свои территории в Малой Азии не только путем покупки земель соседних эмиратов, но и установлением матримониальных отношений с представителями правящих династий. К примеру, в 1378 г. женитьба его сына, будущего султана Баязида I, на дочери гермянского бея Сулейман-шаха добавил к османским землям Кютахью, Тавшанлы, Эмет (Эгригёз) и Симава с окрестностями.⁴⁵⁶ Во второй половине XIV в. ослабевший Гермянский бейлик переживал не лучшие времена, и, как можно судить по сообщению Ашикпашазаде, брачный союз с османской династией был вынужденным шагом. Во всяком случае, престарелый Сулейман-шах следующим образом наставлял своего сына Якуба: *«Сын мой, ежели желаете сохранить в руках эту область (Гермянский бейлик – Ш.М.), то следует вам иметь единство с Османами и выдать одну из моих дочерей за его (султана Мурада I – Ш.М.) сына Баязида»*.⁴⁵⁷ Надо добавить, что в том же году османский султан выдал свою дочь Нафисе-султан (Мелек-ханум) за своего главного соперника в Малой Азии караманского правителя Ала ад-Дина Али, полагая этим приблизить последнего к себе. Этот брачный союз не принес большого успеха. Однако он демонстрирует стремление османов в период правления Мурада I решать свои задачи в Малой Азии больше дипломатическими методами. Через несколько лет, в 1383 г., османский султан в очередной раз прибег к брачной дипломатии, на этот раз в отношениях с эмиратом Джандар. Он выдал свою племянницу Султан-хатун за правителя этого эмирата Сулейман-пашу, а сам женился на его дочери. Этот династический союз укрепил отношения двух государств и позволил османам распространить свое влияние до черноморского побережья.⁴⁵⁸

Расширение османского влияния в Малой Азии, как отмечалось, не могло не вызвать обеспокоенности правителей анатолийских эмиратов. Подобные настроения нашли свое отражение и в источниках. К примеру, по сообщению Шикари, после женитьбы правителя Карамана на османской принцессе эмиры и везиры гермянского бея стали увещевать последнего: *«Сын Османа выдал свою дочь за сына Карамана, чтобы отнять твои владения. Позаботься заранее о своей защите, чтобы не по-*

⁴⁵⁵ Inalcik H. Bursa and the Commerce of the Levant. P. 143

⁴⁵⁶ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 204; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 94-95; Öztuna Y. Başlanğıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. P. 51

⁴⁵⁷ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 129

⁴⁵⁸ Öztuna Y. Başlanğıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. P. 52-53

жалеть впоследствии». ⁴⁵⁹ Этот пример, несмотря на его сказительный характер, ярко демонстрирует осознание анатолийскими беями угрожающей им опасности османской экспансии. Безусловно, эти опасения не были безосновательны. Как отмечает К.Имбер, султан Мурад I расширял свои земли в Малой Азии за счет не столько Византии, сколько анатолийских эмиратов. ⁴⁶⁰

Особенности османской политики в отношении бейликов наглядно прослеживаются на примере взаимоотношений с эмиратом Джандар. Джалал ад-Дин Баязид, пришедший к власти в этом эмирате в 1361 г. и получивший в источниках известность под прозвищем Кётюрюм (Немощный), в первые годы своего правления продолжал поддерживать традиционные дружественные связи с османами. Однако, наблюдая чрезмерное усиление Османского государства, он стал с большей осмотрительностью строить свои отношения с султаном Мурадом. Особую обеспокоенность Кётюрюм Баязида вызвало расширение османских земель за счет сделок с эмиратами Гермиян и Хамид, после которых османские владения стали достигать центральной Анатолии. Именно после этих событий наблюдаются кардинальные изменения в отношениях между двумя государствами. Правитель Джандара начал отходить от традиционно близких отношений с османами и искать новых союзников в регионе. С этой целью он завязал тесные связи сначала с туркманским бейликом в Амасье, а затем с правителем Сиваса Кадием Бурхан ад-Дином Ахмедом. ⁴⁶¹ Одновременно Мурад I решил воспользоваться раздорами, которые возникли между Кётюрюм Баязидом и его сыном Сулейман-пашой. Последний поднял мятеж против своего отца и нашел убежище при османском дворе. С помощью османских войск он вторгся в пределы эмирата Джандар, занял его столицу Кастамону и сверг с престола Кётюрюм Баязида, который вынужден был удалиться в Синоп – второй по значимости город бейлика. Как пишет историк Кадия Бурхан ад-Дина Астарабади, после этого и османский султан прибыл в Кастамону. ⁴⁶²

Однако, как оказалось, сам Сулейман-паша не мог долго вынести османскую опеку и вскоре был вынужден покинуть Кастамону. В произошедших событиях не менее важным представляется то, что и местное на-

⁴⁵⁹ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 140. По другому преданию, когда у правителя Гермияна спросили о причине его выступления против караманского бая, тот якобы ответил: «Я потому выступил против, что он (бей Карамана – Ш.М.) сделал этого мужлана Османа шахом, и этот безродный кочевник стал беем, перестал признавать сыновей беев, оскорблять потомков благородных семей, и после того, как выдал свою дочь за сына Карамана, стал протягивать руки к нашим владениям» (Там же. С. 141).

⁴⁶⁰ Imber C. The Ottoman Empire. 1300-1481. P. 27

⁴⁶¹ Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 72-73

⁴⁶² Bazm u Razm. P. 303

селение отнеслось неблагосклонно к фактическому установлению османской власти в эмирате, и это в итоге заставило султана Мурада вернуть город бывшему правителю Джандара.⁴⁶³ Таким образом, не только представители правящих династий и знати анатолийских эмиратов, но порой и низшие слои не были настроены в пользу османской политики территориального расширения в Малой Азии. Тем не менее, османский султан намеревался до конца использовать конфликт между Сулейман-пашой и его престарелым отцом. Он поддержал первого в его борьбе за власть в бейлике, и даже, как было сказано, выдал за него замуж свою племянницу. Заручившись османской поддержкой, Сулейман-паша в 1384 г. во второй раз заставил отца уступить ему Кастамону, а самого снова удалиться в Синоп. Последовавшая вскоре смерть Кётюрюм Баязида в Синопе сделала Сулейман-пашу полноправным правителем бейлика. Однако до 1389 г., т.е. до гибели султана Мурада I в битве на Косовом поле, он вынужден был вести себя как вассал османов. Во всяком случае, воинские контингенты эмирата Джандар участвовали на стороне османов в войнах против Карамана в 1387 г. и сербов в 1389 г.⁴⁶⁴

Наконец рост османского могущества и неуклонное территориальное расширение этого государства в Малой Азии привели в 1387 г к военному столкновению с Караманом. Как было отмечено, династический брак между Ала ад-Дином Али и османской принцессой не обеспечил союз с правителем Карамана или хотя бы его лояльность, как на то рассчитывал Мурад I. Было очевидно, что османская политика дипломатического давления на анатолийские эмираты не могла продолжаться бесконечно долго и должна была рано или поздно уступить место силовым методам. Переход османов в решительное наступление на эмираты с последующей их ликвидацией и присоединением земель к Османскому государству был лишь вопросом времени.

Правители анатолийских эмиратов прекрасно осознавали собственные неутешительные перспективы. Особенно караманские беи, которые еще не до конца расстались со своими претензиями на политическое лидерство в Малой Азии, с тревогой наблюдали за тем, как их границы постепенно оказывались в окружении османских земель и не могли равнодушно взирать на приближавшуюся опасность. Именно в этот период стали складываться особенности их внешней политики, которые в последующие десятилетия определяли их отношения с Османским государством. Суть их заключалась в создании коалиции анатолийских эмиратов, которая начинала предпринимать активные действия против османов, когда те, как правило, были заняты военными действиями на Балканах. Одновременно прави-

⁴⁶³ Там же. С. 358

⁴⁶⁴ Yücel Y. Kastamonu'nun ilk fethine kadar Osmanlı-Candar münasebetleri. P. 137

тели Карамана при возможности вступали в сношения с христианскими государствами Европы и договаривались о совместных действиях против Османского государства. Караманские войска совершали молниеносные рейды вглубь османских земель, обычно сопровождавшиеся грабежами и убийствами, рассчитывая, при этом, ослабить соперника и одновременно повысить свой политический престиж в Малой Азии. Следует сказать, что такая политика продолжалась в течение нескольких десятилетий. Впервые же в полной мере она была апробирована при Ала ад-Дине Али. Так, Ходжа Саад ад-Дин сообщает, что в то время, когда султан Мурад I переправился через пролив на европейский берег в Галлиполи, чтобы вести джихад с «неверными», правитель Карамана собрал вокруг себя некоторых беев, с которыми заключил соглашение о совершении рейдов в османские земли, и даже договорился с некоторыми «христианскими царями» (*küffar-ı nabekar müluki*) о погромах мусульман и ограблении их земель.⁴⁶⁵

В то же время не следует забывать, что между самими анатолийскими беями, которые столь настороженно относились к растущей мощи османов, отнюдь не всегда царило единство и взаимопонимание. Постоянное соперничество, военные столкновения, попытки захвата земель соседних бейликов были характерны для военно-политической жизни Малой Азии того периода. Тем не менее, в целом, соперничество между эмиратами часто отходило на второй план перед османской угрозой.⁴⁶⁶ Мы видим, как в критические моменты анатолийские бейлики могли объединяться и формировать антиосманские коалиции. В XV в., когда османское могущество стало неоспоримым, союзы анатолийских эмиратов волей-неволей вынуждены были прибегать к помощи европейских государств, заинтересованных в ослаблении турецкой угрозы. Данный факт способствовал тому, что внутрианатолийские отношения между различными тюркскими эмиратами превращались в фактор международной политики.

Именно в этот период в османском общественном мнении постепенно начал формироваться отрицательный образ анатолийских бейликов, особенно Карамана. Согласно дружному утверждению османских авторов, всякий раз, когда османы вели джихад против «иноверцев» на западе, правители Карамана объединялись с христианскими государствами, наносили своим единоверцам-османам удар в спину в Анатолии, и, тем самым, способствовали ослаблению ислама. Иными словами, караманцы были мусульманами лишь номинально, а в действительности, являлись пособниками врагов веры. Интересно, что сам султан Мурад I перед совершением похода против Ала ад-Дина Али получил у мусульманских улемов

⁴⁶⁵ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 67

⁴⁶⁶ Хотя в ряде случаев, как, например, в Караси, местное население если и не приветствовало, то, во всяком случае, безропотно приняло установление османской власти.

фетву о дозволенности военных действий и ею оправдывал свои действия против Карамана.⁴⁶⁷ Безусловно, караманская политика вынужденного сотрудничества с европейскими странами давала некоторое основание для развертывания подобной пропаганды со стороны османов. Последние в будущем достаточно умело пользовались этим тезисом для завоевания и ликвидации тюркских эмиратов в Малой Азии. Согласно Ибн Кемалю, всякий раз, когда османские султаны начинали джихад против христиан в Румелии, правители других бейликов объединялись с врагами веры и наносили им удар в спину; по этой причине их ликвидация была необходима с точки зрения шариата.⁴⁶⁸ Эта идея выступала красной линией всей османской пропаганды против анатолийских эмиратов.

Как было отмечено, с целью противостояния успешному территориальному расширению Османского государства в Малой Азии правитель Карамана был вынужден прибегнуть к военным действиям. Подстрекательство с его стороны членов религиозно-ремесленных организаций или братств «ахи» Анкары накалило отношения между двумя государствами до предела. Как известно, еще в 1354 г. Орхан включил этот город в состав Османского государства, расширив свои территории далеко на восток. По мнению Х.Иналджика, именно это событие можно по-настоящему квалифицировать как начало соперничества между османами и караманцами.⁴⁶⁹ Правитель Карамана счел этот акт непосредственной угрозой для безопасности своих владений. Поэтому после смерти Орхана в 1362 г. он стал провоцировать ахиев, пользовавшихся большим авторитетом и влиянием в городе, на выступление против османов, в результате чего в скором времени последние вынуждены были покинуть город. Однако вскоре новому султану Мураду I удалось вновь восстановить здесь османскую власть.⁴⁷⁰

Караманцы ожидали удобного случая для нанесения удара по позициям османов в Малой Азии. Он выпал в 1387 г., когда внимание султана Мурада было целиком приковано к событиям в Румелии. После взятия г. Ниш в 1386 г. османское войско под командованием Лала Шахин-паши потерпело тяжелое поражение от объединенных сил сербов и босняков под командованием князя Лазаря Хребеляновича в битве при Плочнике в юго-восточной Сербии.⁴⁷¹ А в начале 1387 г. умер Джандарлы Кара Халил (Хайреддин-паша), видный османский государственный деятель, правая рука Мурада I. Правитель Карамана Ала ад-Дин Али счел ситуацию подходящей, чтобы быстрым рейдом вторгнуться в османские границы и захватить город Бейшехир, который незадолго до этого был уступлен Мураду I прави-

⁴⁶⁷ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 68

⁴⁶⁸ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. I Defter. P. 25-26

⁴⁶⁹ İnalçık H. Osmanlı Sultanı Orhan. P. 90

⁴⁷⁰ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 67-69

⁴⁷¹ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 654

телем эмирата Хамид. Ала ад-Дина Али подтолкнуло к военным действиям и установление дружеских отношений между Османским и Мамлюкским государствами, в чем он усмотрел опасное для себя развитие событий. Дело в том, что в это время мамлюкский султан Баркук (1382-1399) отправил приветственное письмо Мураду I. Как сообщает Ходжа Саад ад-Дин, египетский посол прибыл ко двору Мурада с ценными подарками и письмом от Баркука, в котором последний расточал похвалу в адрес османского султана за его мужественную борьбу с «неверными» во имя ислама и называл его «султаном газиев и муджахидов» (*sultan al-guzat va-l-mujahidin*).⁴⁷² Установление близких отношений между двумя могущественными мусульманскими государствами ставил Караман в безвыходное положение, ибо он оказывался зажатым между более сильными соседями.

Таким образом, Ала ад-Дин Али первым сделал шаг к началу войны. Мурад I прекрасно понимал невозможность продолжения османского продвижения на Балканах без установления твердого контроля над тюркскими эмиратами в западной и центральной Анатолии, а потому немедленно отреагировал на враждебные действия правителя Карамана. Он повел свою армию на Конью. По преданию, сохранившемуся в произведении Шикари, османский султан призвал под свои знамена и беев Айдына и Сарухана, но последние якобы ответили: «*Караманоглу является нашим шахом и сюзереном, мы не выступим против него*».⁴⁷³ Безусловно, даже если данный факт не соответствует исторической действительности, само его упоминание в исторической хронике говорит о негативном отношении анатолийских беев к османской централизаторской политике в Малой Азии в конце XIV столетия.⁴⁷⁴

В данном случае нас интересует не столько ход военных действий, сколько особенности восприятия их в общественном мнении двух противоборствовавших сторон, ибо эти события, так или иначе, влияли на этнополитические процессы, происходившие в тюркской среде Малой Азии в тот период. Во время этой войны впервые со всей откровенностью были озвучены «идеологические лозунги» сторон – Османского государства, уверенно идущего по пути превращения в полиэтническую империю, и его оппонентов в лице тюркских эмиратов Анатолии, особенно Карамана.

⁴⁷² Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 103-104

⁴⁷³ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 158

⁴⁷⁴ В этом же ключе звучит и предание из произведения Шикари, согласно которому правитель Гермияна передает Ашрафоглу следующий текст послания, которое он должен передать Ала ад-Дину Али: «*Сообщи султану (Ала ад-Дину Али – Ш.М.), чтобы он прекратил отношения с сыном Османа (т.е. Мурадом I; букв. – чтобы убрал сына Османа из нашей среды, покончил с сыном Османа – Ш.М.). Клянусь Аллахом, тот с этого года позарится на его владения. Пусть султан узнает и поймет, что мы заключили союз с сынами Айдына, Сарухана и Ментеше и начнем вражду с султаном из-за сына Османа, ибо тот является безродным*» (Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 141-142).

Османское государство к этому времени уверенно преодолеvalo традиционную племенную структуру начального этапа формирования, характерную и для многих анатолийских бейликов. Оно двигалось по пути жесткой политической централизации и делало ставку на аграрную земледельческую экономику. Население страны и, прежде всего, его тюркское ядро постепенно начинало консолидироваться вокруг османской государственности, формируя тот комплекс ценностей, который условно можно назвать «османизм» («османлылык»). В то же время, все более весомое место в рядах османской военной элиты и бюрократии начинали занимать люди иноэтничного, нетюркского происхождения, выходцы из системы «капы-кулу», о чем подробнее будет сказано ниже. Результаты данного процесса стали наиболее заметны в XV столетии, особенно в период правления Мехмеда II Фатиха (Завоевателя), хотя первые его проявления ощущались уже во второй половине XIV в.

В отличие от Османского государства в анатолийских эмиратах, в целом, не наблюдалось столь глубоких общественно-политических трансформаций, динамичных изменений в социальной жизни и общественном сознании. Продолжали сохраняться более традиционные отношения, унаследованные от эпохи сельджуков и ильханидов. По сути, они олицетворяли собой иную, отличную от нового османского опыта линию исторического развития тюркского сообщества Малой Азии. Поэтому османокараманскую войну можно квалифицировать не только как военно-политическое столкновение двух соперников, но и как противостояние двух идеологических антиподов. В этом плане представляет значительный интерес выявление набора аргументов и ценностей, к которым апеллировали стороны для обоснования своих действий. Потому что они составляли основу «идеологического» инструментария, который сопровождал военно-политическое противостояние внутри тюркской этнической среды в Малой Азии в XIV-XV столетиях.

Перед началом войны османская сторона особо подчеркивала, что им в лице Карамана противостоит некое сборище «тюркских и татарских племен». Иными словами, регулярная и достаточно обученная османская армия должна была воевать с ополчением кочевых племен. Османские хроники сообщают, что «все богатыри из татар», племена варсаков, тургутов, тюрков, а также представители Рума и Шама были включены в состав караманской армии.⁴⁷⁵ Действительно, Ала ад-Дин Али призвал под свои знамена туркман из племен тургут, варсак, байбурт, а также воинов из монгольских племен табаррук, самагар, барымбай, чагазан, сага, тосбога.⁴⁷⁶ Не-

⁴⁷⁵ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 19; Lütü Paşa. Tevarih-i Al-i Osman. P. 31

⁴⁷⁶ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 226-227; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 247

смотря на столь ироничную оценку со стороны османской хроники, сами караманцы были весьма высокого мнения о своей армии. К примеру, когда предложение караманского посла разрешить конфликт мирным путем было отвергнуто султаном Мурадом I, призвавшим готовиться к войне, последовал ответ посла, который говорил о достоинствах караманской армии, якобы не уступавшей османской, о том, что мирное предложение правителя Карамана было вызвано заботой о безопасности людей, а отнюдь не страхом перед султаном, и о его готовности встретиться с противником на поле битвы.⁴⁷⁷ Когда после этих переговоров Ала ад-Дин Али узнал от своего посла о численности османской армии, он уверенно заявил, что его собственная армия превосходит османскую и поэтому Мурад I не решится начать военные действия.⁴⁷⁸ Однако, как известно, в скором времени османские знамена развевались над крепостными стенами Коньи.

Следующим и наиболее важным тезисом османской пропаганды, как было отмечено, стало «изобличение» Карамана в сотрудничестве с христианскими государствами в ущерб интересам ислама. Мурад I обвинил Ала ад-Дина Али в прямом пособничестве «иноверцам» в то время, как османская армия вела джихад и газават на Балканах. Соответственно, сама война против Карамана была им объявлена «великим газаватом» (*gaza-i ekber*). Султан заявил, что Ала ад-Дин Али каждый год пытался помешать ведению газавата, а газават с теми, кто мешал ведению священной войны, являлся «великим газаватом», через который и следовало наказывать караманского правителя.⁴⁷⁹ Сама лексика, используемая османской стороной в отношении Карамана, свидетельствует о степени ее враждебности к своему главному сопернику в Малой Азии.

Тем не менее, видимо, Мурад I был всерьез обеспокоен теми негативными последствиями, которые могла вызвать в общественном мнении анатолийских турок, особенно в среде газиев, война против тюркско-мусульманского государства. Об этом свидетельствует та неуверенность, с которой он обсуждал со своими эмирами необходимость военных действий. Нешри отмечает, что султан *«долго колебался, говоря: – Газии! Как же нам поступить с этими злодеями (караманцами – Ш.М.)? Они мешали мне начать газават и заставили поднять меч против мусульман. Ежели неотреагируем на это и займемся джихадом и газаватом, то мусульмане будут страдать в руках злодеев. А ежели двинемся на них, то*

⁴⁷⁷ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 222-223

⁴⁷⁸ Любопытно следующее предание из произведения Шикари. Когда Ала ад-Дин Али узнал, что вопреки его ожиданиям османы все-таки перешли его границы и начали войну, он в сердцах воскликнул: *«Ничего кроме добра мы Мурад-бею (султану Мураду I – Ш.М.) не делали. Однако если бы добром отвечали на добро, то никогда бы вол не увидел занесенного над ним ножа»* (Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 158).

⁴⁷⁹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 222-223

вынуждены будем повернуть меч против правоверных». ⁴⁸⁰ Таким образом, впервые войну с мусульманским государством османская пропаганда должна была оправдывать религиозными аргументами и объявить ее «газаватом». Как показала история, этот тезис довольно прочно обосновался в арсенале османской идеологии и неизменно использовался в последующих конфликтах с государствами Ак-Коюнлу, мамлюков, и особенно, Сефевидов, во всех суннитско-шиитских войнах.

И наконец, следует отметить, что источники указывают и на истинную причину османо-караманской войны, а именно, соперничество за военно-политическое лидерство в Малой Азии. Османское государство значительно усилилось по сравнению с анатолийскими эмиратами, особенно после триумфальных завоевательных походов на Балканах. Его далеко идущие амбиции отныне не позволяли ставить себя в один ряд с другими бейликами, как это было на этапе формирования государства. Правитель Карамана, между тем, все еще не признавал могущество и превосходство османского султана, за что его, согласно османским источникам, следовало примерно наказать и поставить на место. Тот же Нешири следующим образом передает мысли османского султана: *«Караманец возомнил себя равным нам; если бог даст возможность, повергну его на землю»*. ⁴⁸¹

Таким образом, после начала войны первая битва между османской и караманской армиями произошла в 1387 г. ⁴⁸² Боевой порядок караманской армии был построен в соответствии с традиционными тюркско-монгольскими правилами. В центре стоял сам Ала ад-Дин Али со своими регулярными частями, в правом крыле были поставлены ополчения из племен варсак, табаррук и савджи, а в левом – из племен тургут, самагар, чагазан, барымбай и других монголо-татарских племен. ⁴⁸³ И.Х.Узунчаршылы отмечает, что караманский бей не слишком доверял монголо-татарам, потому на флангах вместе с ними поставил войска туркманских племен, поручив им командование. ⁴⁸⁴ Действительно, Шикари подтверждает, что поскольку Ала ад-Дин Али «принес много страданий» монголам, то последние невзлюбили его и ждали случая, чтобы отомстить ему. ⁴⁸⁵ Участие

⁴⁸⁰ Там же. С. 216-217

⁴⁸¹ Там же. С. 228-229

⁴⁸² Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 45; Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 55. Битва произошла на равнинном месте, которая называлась Френк-язысы (Франкская долина). По мнению ряда авторов, в частности, И.Х.Узунчаршылы, Я.Юджеля, Х.Иналджика, К.Имбера она состоялась в 1386 г. (Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 247; Yücel Y. Kastamonu'nun ilk fethine kadar Osmanlı-Candar münasebetleri. P. 137; İnalçık H. Murad I. P. 161; Imber C. The Ottoman Empire. 1300-1481. P. 27).

⁴⁸³ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 226-227

⁴⁸⁴ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 247

⁴⁸⁵ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 159-160

на стороне караманского бея монгольских племен самагар и чагазан, находившихся в подчинении правителю Сиваса Кадию Бурхан ад-Дину, стало возможным, по мнению Я.Юджеля, благодаря достигнутому ранее соглашению о совместных действиях против османов. Как известно, Кадий Бурхан ад-Дин Ахмед почти одновременно с османами также выступил против своего соперника в центральной Анатолии Ала ад-Дина Али. Но узнав о походе на Конью османской армии, он повернул обратно, оценив серьезность османской угрозы для него самого в будущем, и дал при этом возможность подчиненным ему монгольским племенам сражаться на стороне караманского бея.⁴⁸⁶

Отдельных комментариев заслуживает использование османами в этой войне войск своих балканских вассалов. Об этом сообщает Х.Иналджик. Автор согласен с мнением Й. фон Хаммера-Пургштала о том, что еще во времена Орхана османы привлекали в свою армию силы христианских союзников.⁴⁸⁷ Следует подчеркнуть, что после победы османов в 1371 г. над объединенными силами сербов и византийцев в битве при Черномене (тур. Чирмен) у реки Марица (тур. Мерич) под командованием сербского деспота области Серес (Серры) Иоанна Углеши и его брата, короля Македонии Вукашина, македонские земли утратили независимость, местные князья, среди которых был и сын Вукашина, герой сербских народных песен Марко Королевич, были вынуждены признать верховенство султана, обязались платить дань и поставлять войска туркам. Зимой того же года император Иоанн V Палеолог, отчаявшись получить реальную помощь от Запада, был вынужден принять сюзеренитет султана, выплачивать ему ежегодную дань и в качестве вассала посылать воинские контингенты в османскую армию во время войны.⁴⁸⁸ И в этом походе Мурада I на Конью его поддерживали воинские подразделения как из эмирата Джандар, так и сербы и византийцы.⁴⁸⁹ Вместе с тем, привлечение османским султаном христиан к войне против мусульман произвело угнетающее впечатление на анатолийских тюрок. Данное событие, в действительности возникшее из реальной военной необходимости и желания продемонстрировать анатолийским эмиратам собственный военный потенциал, стало одной из основных причин формирования отрицательного образа османов в тюркском общественном мнении Малой Азии. Этот факт вызвал в Анатолии серьезные сомнения в том, насколько османы были истинными мусульманами и гази и в исторической перспективе имел далеко идущие последствия, оказывая непосредственное влияние на взаимоотношения османов и туркманской среды. В конце XIV в. эту идею впервые озву-

⁴⁸⁶ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 82

⁴⁸⁷ İnalçık H. Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalari. P. 138

⁴⁸⁸ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 648-649; İnalçık H. Murad I. P. 158

⁴⁸⁹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 224-225

чил один из караманских эмиров Тургутоглу Али-бей. По сообщению Шикари, до начала битвы он выступил вперед на бранном поле и воскликнул, обращаясь к османскому султану: *«Эй, Мурад-бей! Не Караманоглу ли спас твоего отца от гермянского плена и дал ему барабан и знамя (символы власти – Ш.М.)? Как же ты сейчас пошел войной [против него]? И почему ты взял в помощь двух неверных беев у константинопольского теквур (византийского императора – Ш.М.) и пошел против мусульман? Разве мусульманин может прибегать к помощи неверных?»*.⁴⁹⁰ Таким образом, для анатолийских тюрок, которые со времен сельджуков в борьбе против византийцев, армян, крестоносцев с оружием в руках отстаивали свое право считать эту землю своей родиной, участие под османскими знаменами христиан в походе против Карамана было тяжелым ударом и оскорбляло их религиозные чувства.⁴⁹¹

Как известно, битва под Коньей началась с ожесточенной атаки караманских войск, однако в итоге они потерпели сокрушительное поражение от более дисциплинированной и обученной османской армии.⁴⁹² Ала ад-Дин Али был вынужден укрыться в крепости Коньи. Его войска понесли тяжелые потери в живой силе. Опять же, любопытно узнать, как называют караманцев османские источники, описывая поражение своих противников. Автор анонимной хроники пишет: *«Тюрки и татары во множестве были убиты, подобно траве под его (Мурада I – Ш.М.) мечом»*.⁴⁹³

В этой битве заблистала звезда будущего султана Баязида I (1389–1402). За стремительные действия во время боя за ним прочно закрепилось прозвище «Йылдырым» (Молниеносный). Как сообщают источники,

⁴⁹⁰ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 158. Согласно другому преданию, узнав о начале военных действий со стороны османов, караманский бей якобы послал султану Мураду письмо следующего содержания: *«В какой [религиозной] книге написано о [дозволенности] мусульманину поднимать меч против другого мусульманина? В каком мазхабе дозволено мусульманину брать помощь у неверных воинов и идти убивать мусульман? Вели находящимся при тебе улемам прочесть фетвы и сказать – соответствуют ли твои действия религии Мухаммеда?»* (Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 160). Независимо от того, соответствовали ли вышеприведенные сведения исторической реальности или нет, они являются важными показателями того, какие настроения царили в среде анатолийских тюрок относительно османской политики в Малой Азии.

⁴⁹¹ Следует подчеркнуть, что еще в сельджукский период наблюдается использование султанами христианских воинских контингентов против анатолийских тюрок. К примеру, участие «франкских» наемников в сельджукской армии решило исход битвы при Кыршехире против мятежных туркмен во время восстания Баба Исхака. По сообщению Бар-Эбрея, франки, видя нерешительность сельджукских воинов, якобы осенили себя крестом и с ожесточением бросились на туркмен, в результате чего последние были побеждены и поголовно перебиты (Gregory Abu'l-Farac (Bar Hebraeus). Cilt II. P. 540).

⁴⁹² Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 248

⁴⁹³ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 20. Пожалуй, эти термины в данном контексте использованы скорее не в качестве этнонимов, а в социальном смысле, как синонимы кочевника.

после победы на поле брани Мурад I осадил Конью, однако внял мольбам своей дочери и супруги караманского бея и простил последнего. Ала ад-Дин Али прибыл в ставку османского султана, изъявил покорность и поцеловал его руку. Таким образом, правитель Карамана должен был публично признать сюзеренитет османского султана, отказавшись от своих амбиций на «сельджукское наследство» и политическое главенство над другими анатолийскими бейями. Длившаяся десятилетиями османо-караманская борьба за подчинение Малой Азии завершилась победой первых. Однако это отнюдь не означало прекращение противостояния османской политике территориального расширения в Анатолии. После поражения Ала ад-Дина Али функции лидера антиосманского сопротивления на некоторое время взяла на себя другая сильная фигура – правитель Сиваса Кадий Бурхан ад-Дин Ахмед.

Караманские беи же отныне выступали в качестве инициаторов и подстрекателей всех антиосманских коалиций, которые возникали в Малой Азии. Поражение 1387 г. низвело их до уровня османских вассалов. С этого времени они вынуждены были посылать свои войска в помощь османам во время их военных действий на Балканах. В том числе, во время битвы при Косово в 1389 г., которая решила судьбу балканских народов, попавших на долгие столетия под османскую власть, караманские отряды принимали участие в составе османской армии. Вместе с тем, следует признать, что в этом сражении впервые значительная часть анатолийских турок объединилась под османскими знаменами и выступила единым фронтом против своих врагов на Балканах. Это событие, безусловно, сыграло важную роль в дальнейшем подчинении Малой Азии османской власти. Как отмечает Ф.Эмеджен, битва при Косово в 1389 г. показала первые признаки единения анатолийских турок, которого в свое время не смогли добиться караманцы. В этой битве войска всех анатолийских беев находились в рядах османской армии, и этот факт, по сути, стал первым важным шагом на пути единения.⁴⁹⁴

Принимая эту оценку в широкой исторической перспективе, тем не менее, отметим, что было бы неверно воспринимать происходившую в средние века этнополитическую консолидацию анатолийских турок как некую единую и восходящую линию. Она растянулась на столетия и представляла собой сложную и длительную трансформацию, в ходе которой сочетались процессы этнокультурной интеграции и дезинтеграции, о чем будет говориться ниже.

⁴⁹⁴ Emecen F.M. İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. P. 45

Поворотный момент периода бейликов: противостояние Баязида Молниеносного и Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда

В 1389 г. в битве на Косовом поле погиб султан Мурад I, и на османский престол вззошел его сын Баязид I. Первым шагом нового султана стало убийство своего брата: принц Якуб был задушен по приказу Баязида. Так совершился первый случай братоубийства воцарившимся султаном – явление, столь часто повторявшееся в османской истории в последующие века. Говоря об этом факте, автор XVI столетия Лютфи-паша отмечал, что в Османском государстве *«братоубийство во имя власти началось с тех пор»*.⁴⁹⁵ Безжалостность нового султана глубоко потрясла армию и все османское общество. Не случайно Ашикпашазаде отмечает, что *«горькая печаль пала на войско в ту ночь»*.⁴⁹⁶ Надо заметить, что за несколько лет до этого события другой сын султана Мурада I Савджи был казнен своим отцом за мятеж, поднятый им в союзе с Андроником, сыном византийского императора Иоанна. Однако ничем не мотивированное и хладнокровное убийство Якуба со стороны родного брата было воспринято в армии как попрание всех норм справедливости и милосердия. Даже верные династическим традициям османские авторы не могли скрыть своего отрицательного отношения к этому событию и удержаться от критики Баязида. Часть османских эмиров, которые не желали мириться с этим поступком нового султана, перешли в оппозицию к нему.⁴⁹⁷

Весть об убийстве распространилась и в других эмиратах. Она произвела гнетущее впечатление на общественное мнение анатолийских тюрков, еще более омрачила и без того нелюбимый в их представлении образ османов. В какой степени можно было доверять новому османскому султану, предавшему смерти своего невинного брата ради трона? Резкое неприятие этого убийства составило психологический фон новой антиосманской коалиции, которая сформировалась в Малой Азии в этот период.⁴⁹⁸ Как обычно, инициатором вновь выступил правитель Караман-

⁴⁹⁵ Lütü Paşa. Tevarih-i Al-i Osman. P. 43

⁴⁹⁶ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P. 134

⁴⁹⁷ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 257; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 137

⁴⁹⁸ В наиболее резкой форме отрицательное отношение к Баязиду I в анатолийских эмиратах выражено в произведении Азиза Астарабади, который был современником и очевидцем описываемых событий. Автор дает следующую нелюбимую характеристику османского султана: *«Нет меры в его управлении и дружбе, не способен он в должной мере ответить на добро, не обладает достаточным разумом, чтобы отличить друга от недруга, знанием, чтобы отличить добро от зла, великодушием, чтобы суметь простить дурной поступок, мягкостью, которая способствует милосердию, щедростью, чтобы протянуть руку нуждающимся»*. В одном бейте Астарабади сравнивает Баязида с сухим и бесплодным деревом без корней, листьев,

на.⁴⁹⁹ Любопытно, что, подстрекая других анатолийских беев к действиям против Баязида, Ала ад-Дин Али обращался к их чувствам, возмущенным вестью о братоубийстве, которое было совершено новым султаном. По-видимому, осуждение столь грубого нарушения норм патриархальной справедливости было в этот период эффективным средством мобилизации тюркского общественного мнения. В коалицию, созданную по инициативе Карамана, вошли правители эмиратов Сарухан, Гермиян, Ментеше, Хамид, а также Сиваса – Кадий Бурхан ад-Дин Ахмед. Мамлюкский автор Ибн Хаджар ал-Аскалани подтверждает насколько действенным моральным инструментом для ее сколачивания стал факт убийства Якуба. Он пишет, что между правителями Рума (Малой Азии) начались столкновения, причина которых заключалась в том, что после смерти османского султана Мурада его сын Баязид приказал умертвить своего брата Якуба, и когда эта весть дошла до других правителей Рума, они объединились вокруг караманского бея и пошли войной на Баязида.⁵⁰⁰

Как известно, после гибели султана Мурада I в битве на Косовом поле правители анатолийских эмиратов перешли в наступление против османов с различных направлений. Ала ад-Дин Али, как и раньше, захватил город Бейшехир, бывшее владение бейлика Хамид. Гермиянский правитель Якуб II вновь вернул себе Кютахью и окрестности, уступленные османам в качестве приданого своей сестры после ее свадьбы с Баязидом I. Вассал правителя Сиваса Кадия Бурхан ад-Дина, глава кара-татарских монгольских племен Мурувват захватил город Кыршехир в центральной Анатолии и передал его своему сюзерену.⁵⁰¹ Некоторые османские эмиры, бывшие сторонниками убиенного принца Якуба, также присоединились к караманскому правителю. На согласованные и одновременные выступления анатолийских беев против османских владений в Малой Азии Баязид ответил в свойственной ему стремительной манере, мгновенно мобилизовав все силы для отпора. Сначала он заключил мир со Стефаном (1389-1427), сыном убитого на Косовом поле сербского князя Лазаря Хребеляновича. С целью привлечения сербов на свою сторону он женился на его сестре Марии (Оливере).⁵⁰² Затем османская армия, в составе которой находились сербские отряды под командованием Стефана Лазаревича и византийцы во главе с будущим императором Мануилом II Палеологом (1391-1425), начала военные действия в Малой Азии. Таким образом, использование сил христианских вассалов против анатолийских эмиратов

прохлады и тени (Bazm u Razm. P. 388). Независимо от степени объективности данной оценки, она отражает восприятие османской власти в анатолийской среде в конце XIV в.

⁴⁹⁹ Wittek P. Menteşe Beyliği. P. 77

⁵⁰⁰ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 105

⁵⁰¹ Bazm u Razm. P. 387

⁵⁰² Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 260

становилось османской военно-политической традицией. Этот факт, как было отмечено, способствовал формированию негативного образа османов в тюркском общественном мнении Малой Азии.

Вместе с сербами и византийцами к армии Баязида присоединились и отряды эмирата Джандар под командованием Сулейман-паши. Сначала Баязид осадил и взял город Филадельфию (Алашехир), последнее византийское владение в Малой Азии. Его быстрые и решительные действия застали врасплох западноанатолийских беев и заставили некоторых из них изменить свою позицию. Так, Иса Айдыноглу прибыл в ставку султана с выражением покорности. Как отмечает Неşри, отныне в Айдыне с именем османского султана стали читать хутбу и чеканить монеты, хотя в управлении Исы, которого отослали в Тире, оставили часть земель его бывшего эмирата.⁵⁰³ Далее Баязид I захватил территорию Сарухана. Хызыр Саруханоглу также выразил покорность османскому султану и получил в управление часть своих владений – города Демирджи, Гёрдес и Адала; но его брат Орхан, вошедший до этого в коалицию с правителем Карамана Ала ад-Дином Али, был заточен в темницу.⁵⁰⁴ После этого османский султан захватил территорию эмирата Ментеше, чей правитель бежал и присоединился, как отмечают османские хронисты, к Тимуру.⁵⁰⁵ О времени, когда именно произошли данные события, нет точных сведений, но, скорее всего, они имели место зимой 1389-1390 гг.⁵⁰⁶

По сути, анатолийский поход Баязида I означал начало нового этапа как в османской восточной политике, так и, в целом, в истории периода бейликов. По сравнению с политикой своего отца и предшественника Мурада I, который стремился относительно мягким давлением и дипломатическими мерами подчинить себе анатолийские эмираты в качестве вассальных владений, Баязид существенно ужесточил правила игры и встал на путь полной их ликвидации и присоединения их земель к Османскому государству. Ему удалось достаточно быстро одолеть соперников в западной Анатолии. По сути, присоединение западных областей Малой Азии к Османскому государству ознаменовало завершение первого этапа политической централизации Малой Азии под османской эгидой. Владения

⁵⁰³ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 312-313. Исе Айдыноглу оставили в управление Измирский округ (Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 56).

⁵⁰⁴ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 56

⁵⁰⁵ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 312-313. Энвери пишет, что Ментешеоглу (скорее всего, не Ильяс, а Ахмед Ментешеоглу, по мнению К.А. Жукова) бежал в Египет (Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 58). Надо полагать, бывшие правители западноанатолийских бейликов бежали к Тимуру, скорее всего, позже, а на этом этапе они могли найти убежище при дворе джандарского бей Сулейман-паши, который после битвы на Косовом поле стал в оппозицию к османскому султану.

⁵⁰⁶ Неşри пишет, что эти события произошли в 792 г.х. (1389-90 гг.) (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 312-313). Подробно см.: Wittek P. Menteşe Beyliği. P. 77-85

бывших бейликов были переданы в управление сыновьям Баязида и османским эмирам в качестве обычных провинций. Так, Сарухан был отдан старшему сыну султана Эртогрулу, бывшему губернатором Караси, Айдын – другому его сыну Сулейману. Сами представители правящих династий бывших бейликов, в частности, Ильяс Ментешеоглу и сыновья беев Айдына и Сарухана вынуждены были бежать и нашли убежище, видимо, при дворе правителя эмирата Джандар.

Завоевание и ликвидация западноанатолийских эмиратов, расширение территорий османов до центральной Анатолии поставили их лицом к лицу с государством Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда. По мнению Я.Юджеля, успешная восточная политика Баязида I стала причиной жесткого соперничества между ним и Кадием Бурхан ад-Дином, который с не меньшей энергией старался укрепить позиции собственного государства в центральной Анатолии.⁵⁰⁷ В более широком историческом плане это соперничество было одним из этапов военно-политического противостояния в Малой Азии после развала Сельджукского государства и Ильханидской империи, когда новыми игроками преследовалась цель объединения анатолийских земель под собственной властью. В ходе этого противостояния в Малой Азии появилось два основных политических центра или полюса, которые условно можно обозначить как «западный» и «восточный». Западный полюс был представлен Османским государством, а восточный на первом этапе (конец XIV в.) – государством Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда.⁵⁰⁸

Кадий Бурхан ад-Дин Ахмед, несмотря на короткий срок существования созданного им государства, является одной из наиболее ярких фигур средневековой тюркской истории. Он был полководцем, правителем и одновременно поэтом, отличался личной отвагой, военными талантами, умом, образованностью и тонким литературным вкусом. Кадий Бурхан ад-Дин происходил из огузского племени салур. Род его переселился из Хорезма в Малую Азию (район Кастамону) еще в начале XIII столетия. Его предки наследственно сохраняли должность кадия в одном из крупных городов центральной Анатолии Кайсери. Получив в детстве основательное образование, Кадий Бурхан ад-Дин продолжил его в лучших медресе Сирии и Египта, где оставался в течение пяти лет. После возвращения на родину он был назначен кадием Кайсери со стороны правителя эмирата Эретна Мухаммеда, заняв место своего незадолго до этого скончавшегося отца. В течение короткого времени Бурхан ад-Дин Ахмед приобрел популярность в народе своей образованностью, разумными суждениями и справедливыми решениями. Даже враждебно настроенные к нему османские авторы, например, Ибн Кемаль, вынужденно признавали, что «его доброта бы-

⁵⁰⁷ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 106

⁵⁰⁸ Mustafayev Ş. Anadolu və Azərbaycanın türk mühitindəki etnik dəyişmələr. P. 109

ла на устах народа, который был доволен и счастлив его деяниями, речами и личными качествами», и что он был «хранителем норм шариата и врагом угнетений, приносимых религиозными нововведениями (бид'ат)». ⁵⁰⁹

Я.Юджелю принадлежит главная заслуга в изучении истории Кадия Бархан ад-Дина Ахмеда, и, по его мнению, единственной серьезной опорой последнего, не принадлежавшего к правящей династии и не могущего легитимно претендовать на верховную власть, была поддержка народных масс. ⁵¹⁰ Некоторое время Бурхан ад-Дин Ахмед занимал посты везира и наиба в эмирате Эретна, переживавшем серьезный кризис, и приобрел, тем самым, управленческий и политический опыт. После смерти правителя Эретны Ала ад-Дина Али он в 1381 г. с помощью тех же народных масс добился верховной власти в государстве. В течение всего своего правления ему пришлось преодолевать упорное сопротивление крупных эмиров и влиятельных аристократических семей, воспринимавших его как узурпатора. В дальнейшем, не удовлетворяясь частью территории эмирата Эретна, расположенного в районе Амасья-Токат-Сивас-Османджик, он обратил взор на небольшие соседние бейлики, пытаясь захватить или подчинить себе эти земли. В итоге ему удалось значительно расширить свои владения и создать самое сильное государство в центральной Анатолии. Османский автор Ходжа Саад ад-Дин писал, что после взятия Кайсери он стал вести себя как «кесарь» и, набрав 20-30-тысячную конницу, стал захватывать соседние страны, получив известность как «султан Бурхан ад-Дин». ⁵¹¹ Таким образом, в центре Малой Азии сформировалось новое государство, которое могло соперничать с Османским государством и, как видно, претендовать на объединение анатолийских земель под собственной эгидой.

Важно проследить, каким образом Кадий Бурхан ад-Дин выстраивал отношения с кочевыми племенами, которые составляли существенную часть населения этого региона и назывались в сочинении Азиза Астарабади обобщающим термином «улус». Он столкнулся со сложной дилеммой – собственным стремлением к консолидации власти и желанием обитавших в этом регионе туркманских и особенно многочисленных монгольских кочевых племен сохранить свои вольности и привилегии. ⁵¹² Он вел достаточно взвешенную политику, стремясь, с одной стороны, не ущемлять интересы глав племен (эмиров улуса), с другой стороны, по возможности интегрировать их в политико-административную систему государства. Кадий Бурхан ад-Дин понимал опасность жесткого противостояния с воинственными номадами. Как отмечает Я.Юджель, «осознавая сложность сохранения кочевых мон-

⁵⁰⁹ İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tevarih-i Al-i Osman. IV Defter. P. 162-163

⁵¹⁰ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 22

⁵¹¹ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 133-134

⁵¹² О взаимоотношениях Кадия Бурхан ад-Дина с монгольской знатью центральной Анатолии см.: Paul J. Mongol Aristocrats and Beyliks in Anatolia.

гольских племен под властью центра, он с первых дней старался не подавлять их, поскольку знал, что никакие ценности не связывали их с правителем, и они видели свои интересы в службе сильному правителю. Благодаря подобной политике кочевые монгольские элементы в последующем фактически составили одну из опор его власти в провинциях, не создавая ему тех сложностей, которые они создавали его предшественникам». ⁵¹³ Взвешенное отношение к племенам обеспечило, в целом, относительную лояльность номадов к его правлению. Не случайно, источники говорят о нем как «владельце кочевых племен» (*sahib-i kabail ve aşair*). ⁵¹⁴ Ходжа Саад ад-Дин особо подчеркивал, что Кадий Бурхан ад-Дин был близок к кочевой среде и добился власти благодаря ее поддержке. Османский автор пишет, что монгольские племена (*kabail-i çingiziyye*) издавна поселились между Сивасом и Кайсери, где вели кочевую жизнь, переселяясь из зимних пастбищ в летние и наоборот. Заслуживший славу своей образованностью и знатностью Кадий Бурхан ад-Дин, который якобы был «выходцем из этого племени» (*ol taifeden*), опирался на них, чтобы овладеть теми областями, где в последующем создал собственное государство. ⁵¹⁵

Вместе с тем, при необходимости Кадий Бурхан ад-Дин мог принимать и весьма крутые меры в отношении номадов, если те слишком широко трактовали свои вольности. К примеру, когда до него дошла весть о том, что сирийские туркмены, чьи летние пастбища находились в районе Сиваса, стали заниматься грабежами, он немедленно выслал против них войско, разбил их, отнял скот и заставил удалиться из области. ⁵¹⁶ В итоге Кадия Бурхан ад-Дину кнутом и пряником удалось добиться если и не полной лояльности племен, то, во всяком случае, удержания их в жестких рамках. Хотя временами дух вольности и отсутствие дисциплинированности, присущие самому кочевому образу жизни, побуждали их выступать против центра, однако твердой волей и дипломатичностью Кадия удавалось подчинить их своей власти.

Новая политическая реальность, возникшая в центре Малой Азии, не могла не привлечь внимание Османского государства и Мамлюкского султаната, а позже и Тимура. Далеко идущие амбиции Кадия Бурхан ад-Дина стали причиной его столкновения с египетским султаном Сайф ад-Дином Баркуком (1382-1389; 1390-1399). Как известно, Мамлюкский султанат в этот период был сильнейшим мусульманским государством и считался хранителем ислама, поскольку владел священными городами Меккой и Мединой. Малая Азия имела исключительное значение для мамлю-

⁵¹³ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 41

⁵¹⁴ Там же. С. 33

⁵¹⁵ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 133

⁵¹⁶ Bazm u Razm. P. 234

ков, ибо через эти территории обеспечивалась транспортировка рабов из кыпчакских степей и Кавказа для пополнения мамлюкской гвардии, основной воинской силы государства.⁵¹⁷ Молодые тюркские, а затем и кавказские (черкесские) рабы переправлялись из Крыма в Анатолию, а оттуда в Сирию и Египет. Основным перевалочным пунктом этой торговой трассы был Сивас, который до XV столетия сохранял статус важного рынка в работоторговле. Не случайно Ибн Кемаль пишет, что в то время этот город являлся вторым Египтом (*Mısır-i sani*).⁵¹⁸ Сказанные Кадием Бурхан ад-Дином в одной из бесед слова о том, что он отныне не будет пропускать через свои владения черкесских рабов в Сирию, вызвали настоящий переполох в Каире.⁵¹⁹

Границы мамлюков в Малой Азии доходили до Малатьи. Признавали их сюзеренитет и некоторые юго-восточные бейлики в Анатолии, наиболее значительным среди которых был эмират Дулкадыр. Правители этого эмирата подчинялись верховной власти мамлюкского султана, однако, при случае не упускали возможности проявить свою нелояльность. К примеру, в 1384-1385 гг. Халил Дулкадыроглу выступил против мамлюкской власти и с помощью многочисленных туркман овладел Эльбистаном и Марашем. Заинтересованный в ослаблении мамлюкской власти на юге Малой Азии, Кадий Бурхан ад-Дин оказал поддержку дулкадырцам. Однако в скором времени мощная мамлюкская армия во главе с эмиром Халеба (Алеппо) Йелбугой прибыла в Мараш и разбила их и поддерживавшие их туркманские силы. Дулкадырский правитель Халил был убит. Эти события накалили отношения между Кадием Бурхан ад-Дином и Баркуком.⁵²⁰

После прихода к власти в Каире султан Баркук, бывший черкесский мамлюк, стремился оказывать покровительство больше своим землякам в ущерб интересам эмиров кыпчакского происхождения. Эта тенденция строила против него часть кыпчаков, побудив их к открытому выступлению.⁵²¹ Среди них был и эмир Малатьи Менташ, который пошел на сбли-

⁵¹⁷ Георгий Пахимер отмечал еще в начале XIV в., что египетские мамлюки «высоко ценили скифов (здесь, кыпчаков – Ш.М.), когда приобретали их для рабских услуг, или когда пользовались ими, как воинами: теперь же и самая власть находилась в руках скифа; так скифы с большим радушием были там принимаемы и составляли вспомогательное войско. Но им, нанявшись, не иначе можно было туда переправиться, как через пролив Эвксинского (Черного – Ш.М.) моря; а делать это без согласия царя (императора – Ш.М.) было трудно. Посему к царю нередко присылаемы были послы с подарками, чтобы находившимся на кораблях он позволил войти в Эвксинское море и, за большие деньги, наняв скифских юношей, отправиться с ними обратно домой» (Георгий Пахимер. С. 161-162).

⁵¹⁸ İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tevarih-i Al-i Osman. IV Defter. P. 186-187

⁵¹⁹ Bazm u Razm. P. 342; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 96

⁵²⁰ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 93-94

⁵²¹ Bazm u Razm. P. 340. Противоречия между кыпчаками и черкесами внутри мамлюкской элиты наблюдались еще в начале XIV в., когда в 1309 г. султаном стал ал-Музаффар Бейбарс II Чашнигир (Sümer F. Anadolu'da Moğollar. P. 79).

жение с Кадием Бурхан ад-Дином. Он сообщил правителю Сиваса, что мамлюкские эмиры Сирии выразили ему полную поддержку и предложил Кадия прибыть со своим войском в Малатью, которую он готов был ему сдать. Тот не преминул воспользоваться предложением Менташа и ступил в мамлюкские владения. Однако его попытка заполучить Малатью стала причиной войны между ним и султаном Баркуком. В 1388 г. мамлюкская армия во главе с тем же наместником Халеба Йелбугой вторглась в Малую Азию и дошла до столицы Кадия Бурхан ад-Дина Сиваса. Осада крепости длилась около сорока дней. Несмотря на отчаянные атаки мамлюков, которым несколько раз удавалось проникнуть за крепостные стены, военный талант, грамотная организация обороны и личное мужество Кадия Бурхан ад-Дина позволили отстоять город. Серьезную помощь осажденным оказали и монгольские племена. Наконец, Йелбуга вынужден был отказаться от осады и вернуться в Сирию.⁵²²

Таким образом, Кадий Бурхан ад-Дин сумел выстоять перед натиском одного из самых могущественных государств своего времени Мамлюкским султанатом. Этот успех поднял его авторитет в Малой Азии и доказал его способность стать лидером политической централизации анатолийских земель. После данного события столкновение интересов Кадия Бурхан ад-Дина и османов было неизбежно. Как уже отмечалось, поводом к противостоянию послужило убийство Баязидом I своего брата Якуба и начало им агрессивной политики против западноанатолийских эмиратов. Любопытно, что еще в 1388 г., когда султан Мурад I вел борьбу с сербами на Балканах, и накануне битвы на Косовом поле являвшиеся вассалами Кадия Бурхан ад-Дина главы монгольских племен предлагали ему воспользоваться удобным случаем и напасть на османские владения в Анатолии. В качестве аргументации они ссылались на поддержку, которую оказывал османский султан мамлюкам во время осады Сиваса, и, в целом, на его враждебную позицию в отношении Кадия Бурхан ад-Дина. Однако последний отверг их предложения якобы под предлогом нежелания ослаблять ислам, во имя которого османы вели джихад на западе.⁵²³ Таким образом, правитель Сиваса, с одной стороны, понимал несвоевременность столкновения с османами, с другой стороны, выражал свое несогласие с принципами караманской политики координации действий с христианскими государствами против османов.

Однако ситуация изменилась после прихода к власти Баязида Молниеносного, не погнушавшегося братоубийством ради восхождения на трон. Начало завоеваний им западноанатолийских бейликов полностью изменило позицию Кадия Бурхан ад-Дина. Он присоединился к возник-

⁵²² Bazm u Razm. P. 344-361; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 102

⁵²³ Bazm u Razm. P. 381-382; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 104

шей по инициативе караманского бей Ала Ад-Дина Али антиосманской коалиции, куда вошли правители эмиратов Сарухан, Айдын, Ментеше, Гермиян, Хамид. На первом этапе противостояния не было прямых столкновений между османами и войсками Сиваса. Но, как указывает Астарабади, кара-татарский эмир Мурувват захватил от имени Кадия Бурхан ад-Дина находившийся в османском владении город Кыршехир. В ответ на это правитель Сиваса предоставил Муруввату в управление район Гедюк.⁵²⁴ Вскоре к Кадия Бурхан ад-Дину с предложением о союзе обратился правитель Джандара Сулейман-паша, который после прихода к власти Баязида I стал ощущать угрозу от нового османского султана и постепенно отходить от традиционного союза с османами. Кадий Бурхан ад-Дин и джандарский бей пришли к соглашению о совместных антиосманских действиях.⁵²⁵ По мнению Я.Юджеля, это соглашение было результатом того беспокойства, которое ощущали правители эмиратов в центральной Анатолии перед угрозой османского наступления.⁵²⁶

Тем временем, как было отмечено, Баязид I после завоевания и ликвидации западноанатолийских бейликов продолжил наступление, видимо, летом 1390 г. вглубь Малой Азии против эмирата Караман.⁵²⁷ Во время этого похода правитель Гермияна Якуб вынужден был с покорностью встретить османского султана, однако был тут же брошен в темницу в крепости Ипсили по приказу последнего.⁵²⁸ Затем османская армия овладела территорией эмирата Хамид, который был передан в управление сыну султана принцу Исе. После этого Баязид последовал на юг и захватил владения бейлика Теке и город Анталию, во главе которых был поставлен эмир Фируз.⁵²⁹ Когда весть о приближении Баязида дошла до правителя Карамана Ала ад-Дина Али, он, по словам Шикари, якобы сказал *«Этот человек дает клятву, но не держит ее»*, и будто бы в это время потерявшие земли и власть беи западноанатолийских эмиратов обратились к нему: *«Баязид отнял у нас наши владения. Нельзя положиться ни на дружбу, ни на вражду сына Османа»*.⁵³⁰ Безусловно, эти жалобы, приведенные автором в несколько фольклорном стиле, отражали отношение тюркской среды к «османизации» Анатолии.

⁵²⁴ Bazm u Razm. P. 387-388

⁵²⁵ Там же. С. 388-389

⁵²⁶ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 107

⁵²⁷ По сообщению Астарабади, это известие дошло до Кадия Бурхан ад-Дина в конце лета (Bazm u Razm. P. 390).

⁵²⁸ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P. 140; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 314-315

⁵²⁹ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 127-129; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 264-265; Жуков К.А. Эрейские эмираты в XIV-XV вв. С. 56-58

⁵³⁰ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 164-165

Понимая невозможность на этот раз противостоять османам в открытом бою, Ала ад-Дин Али бежал из Коньи и укрылся в крепости Ларенде. Османская армия же прибыла к Конье и окружила город.⁵³¹ Часть монгольских племен, подчинявшихся Кадию Бурхан ад-Дину, выразила покорность османскому султану, опасаясь разорения своих стойбищ со стороны османских воинов. В этот критический момент караманский правитель обратился за помощью к Кадию Бурхан ад-Дину. Тот, в полной мере осознавая степень угрозы османского распространения на восток, решил оказать содействие караманцам. В соответствии с соглашением, заключенным с беом Джандара Сулейман-пашой, оба правителя встретились у Карахисара и решили выступить против османов единым фронтом. Кадий Бурхан ад-Дин настоял на принятии общего плана военных действий. Затем они двинулись в Кыршехир, откуда был послан гонец к Ала ад-Дину Али, которому предлагалось как можно скорее присоединиться к ним. Однако союзники в скором времени узнали, что между правителем Карамана и османским султаном был заключен мир на условиях уступки османам городов Бейшехир и Акшехир.⁵³²

И.Х.Узунчаршылы объясняет поспешность действий караманского правителя, который не стал дожидаться помощи союзников, угрозой падения Коньи, находившейся в османской осаде.⁵³³ В то же время, согласие османского султана на мирные условия, которые оказались для караманцев более приемлемыми, чем можно было ожидать, по всей видимости, были вызваны вестью о готовящемся наступлении объединенных сил сивасцев и джандарцев и беспокойной обстановкой на Балканах.⁵³⁴ Таким образом, первый этап противостояния между Баязидом Молниеносным и Кадием Бурхан ад-Дином Ахмедом завершился без прямого военного столкновения между ними.

После этого правитель Сиваса занялся наказанием некоторых монгольских эмиров, которые в момент военной эскалации проявили непослушание и не присоединились со своими войсками к армии, а также тех комendanтов крепостей, которые сдались османскому султану. В это же время Кадий Бурхан ад-Дин захватил крепость Сималу, которая находилась во владении его старого врага, эмира Амасьи Ахмеда ибн Шахгельди.⁵³⁵ По прибытию в Кайсери весной 1391 г. он получил известие от Сулейман-паши о подготовке османского султана к походу на Кастамону и просьбу ока-

⁵³¹ Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. I cild. P. 314-315; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 129

⁵³² Bazm u Razm. P. 390-391. Османские хроники сообщают о взятии Баязидом во время похода Коньи, Аксарая, Нигде и Кайсери (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 140), что не соответствует действительности.

⁵³³ Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Tarihi*. Cilt I. P. 266

⁵³⁴ Yücel Y. *Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti*. P. 109

⁵³⁵ Bazm u Razm. P. 392-393; Yücel Y. *Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti*. P. 110

зять срочное содействие в отражении этой угрозы. Кадий Бурхан ад-Дин отправил письмо Баязиду I, в котором призывал того отказаться от своих планов и угрожал в противном случае предпринять поход против османов. После этого он снова собрал армию и совершил поход на Амасью. Баязид I, оценив опасность военного столкновения с правителем Сиваса, вынужден был отказаться от затеи наказать Сулейман-пашу за «предательство».⁵³⁶ Османские авторы пытаются объяснить этот шаг Баязида событиями на Балканах, особенно в Валахии, которые якобы требовали его незамедлительного вмешательства.⁵³⁷ Однако, по мнению Я.Юджеля, главную роль в спасении эмирата Джандар сыграли решительные шаги правителя Сиваса.⁵³⁸ И.Х.Узунчаршылы также указывает, что Кадий Бурхан ад-Дин в отличие от некоторых других нерешительных анатолийских беев, своих современников, был чрезвычайно храбрым и твердым человеком и являлся одним из основных соперников османов в Малой Азии.⁵³⁹

Эти события продемонстрировали силу и влияние правителя Сиваса, который проявил способность отстаивать свои интересы в противостоянии с ведущими государствами региона – Мамлюкским и Османским. Действительно, его государство постепенно превращалось в реальную военно-политическую силу в центральной Анатолии. Надо полагать, правители некоторых эмиратов стали усматривать в усилении Кадия Бурхан ад-Дина угрозу собственным интересам, так же как до этого они опасались возрастания османского могущества. В том числе, правитель Джандара Сулейман-паша почувствовал обеспокоенность слишком большой зависимостью от поддержки правителя Сиваса. Поэтому он стал налаживать дружественные связи с эмиром Амасьи Ахмедом, правителями местных небольших туркманских бейликов в районе Джаника – Ташаногуллары, Таджаджиногуллары, эмирами Бафры. Их владения являлись осколками бывшего эмирата Эретна, и они не желали признавать власть Кадия Бурхан ад-Дина, в котором видели узурпатора.

Подобные шаги Сулейман-паши на первый взгляд могут показаться странными. Однако если внимательно всмотреться в политическую ситуацию в Малой Азии в тот период, то становится очевидным, что в лице Кадия Бурхан ад-Дина появился лидер, способный противостоять османско-

⁵³⁶ Bazm u Razm. P. 393-394

⁵³⁷ По словам Нешири, когда султан Баязид узнал, что воевода Валахии, плативший дань османам, переправился через Дунай, нанес ущерб османским владениям, совершил убийства и грабежи мусульман и вернулся в Валахию, то он немедленно повернул свою армию обратно, отказавшись от завоевания Кастамону в этом году, прибыл в Эдирне и оттуда направился с Валахию, чтобы отомстить валахам (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 316-317).

⁵³⁸ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 111

⁵³⁹ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 277

му наступлению и предложить альтернативную политику объединения анатолийских земель. В его постоянном стремлении к подчинению соседних бейликов последние усматривали для себя не меньшую угрозу, чем в аналогичной политике османских султанов. Естественной реакцией их было желание объединить силы в противостоянии далекоидущим амбициям правителя Сиваса. Поэтому когда эмир Амасьи Ахмед, Никсара – Махмуд Челеби Таджаддиноглу, Мерзифона – Ташаноглу, эмир Бафры сочли после очередного отступления Баязида I, что османская угроза отошла на второй план, они попытались сколотить совместно с правителем Джандара коалицию против Кадия Бурхан ад-Дина. Более того, эмир Амасьи вообще считал последнего более опасным соперником по сравнению с османами и потому в борьбе против него рассчитывал на помощь османского султана.⁵⁴⁰

В сложившихся обстоятельствах Баязид воспользовался изменившейся в его пользу ситуацией и в 1391 г. совершил новый поход против правителя эмирата Джандар. Сулейман-паша в очередной раз вынужден был обратиться за помощью к Кадию Бурхан ад-Дину. Тот был информирован об интригах и закулисных переговорах Сулейман-паши с его врагами, однако согласился немедленно приступить к подготовке совместного отражения османской угрозы, ибо приближение османской армии к его границам было не в его интересах. Но пока шла мобилизация сивасского войска, поступили известия о взятии османами Кастамону и казни правителя Джандара Сулейман-паши.⁵⁴¹ В скором времени пришло письмо от Баязида I, в котором он извещал Кадия Бурхан ад-Дина о своей победе и не мог удержаться от угроз в адрес последнего. Правитель Сиваса отправил ему ответное письмо резкого содержания и двинулся со своими войсками в сторону Артукабада. В это время Баязид I осадил крепость Османджик и послал правителю Сиваса новое письмо с требованием признать результаты последних османских завоеваний, сдать ему Османджик и на этих условиях согласиться на мир между двумя государствами. Кадий Бурхан ад-Дин вновь ответил жестким по содержанию письмом, в котором сообщал, что Османджик являлся его собственным владением, а потому Баязид должен был немедленно снять осаду, возместить весь ущерб, нанесенный его подданным, отказаться от агрессивных действий, и лишь после этого между ними мог быть заключен мир. Однако некоторые представители знати бывшего эмирата Эретна, враждебно настроенные к Кадию Бурхан ад-Дину, прибыли в

⁵⁴⁰ Bazm u Razm. P. 397; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 112

⁵⁴¹ Bazm u Razm. P. 402. На основании данных одного геноуэзского документа из Перы Э.Захариаду датирует взятие османами Кастамону концом июня 1391 г. (Zachariadou E.A. Manuel II Paleologos on the Strife Between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad. P. 472-473). По мнению же Я.Юджеля, это событие могло произойти в 1392 г. (Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 83).

ставку османского султана, выразили ему свою покорность и сдали ему крепости Кырдилим, Маден и Османджик.⁵⁴²

Положение становилось угрожающим для правителя Сиваса. Было очевидно, что на этот раз прямого военного столкновения с Баязидом не избежать. Наконец, обе армии встретились лицом к лицу в долине Чорумлу (недалеко от современного Чорума в центральной Анатолии). Главы монгольских племен, которые до этого не могли определить свою политическую ориентацию, увидев решительные действия Кадия Бурхан ад-Дина, перешли на его сторону. Предположительно в 1391 г. здесь произошло сражение между османами и войсками правителя Сиваса. Османы потерпели тяжелое поражение и вынуждены были отступить. Астарабади пишет, что уставшие и разбитые османы стали бежать и прятаться в труднодоступных горных местах, пещерах, кустарниковых зарослях.⁵⁴³ В этом бою погиб и командовавший османским авангардом сын Баязида I принц Эртогрул.⁵⁴⁴

Как было отмечено, в походах османской армии в Малой Азии, как правило, принимали участие воинские контингенты византийцев и балканских христиан. Не были исключением и действия Баязида I против западноанатолийских эмиратов, во время которых на его стороне воевали сербы и византийцы. Последними командовал Мануил II Палеолог, который некоторое время оставался заложником при османском дворе в Бурсе. О подробностях похода мы узнаем из его писем к Димитрию Кидонису, ученому-латинисту, другу и советнику императора Иоанна VI Кантакузина.⁵⁴⁵ Эти письма дают уникальную возможность оценить военно-политическое соперничество Баязида I и Кадия Бурхан ад-Дина с точки зрения этнополитического противостояния внутри тюркской среды Малой Азии. Прежде всего, Мануил называет османского султана своим старинным врагом и признается, что его участие в походе на стороне османов являлось вынужденным шагом. Куда бы они ни прибыли, отмечает автор, местные мусульмане в страхе бежали в леса и горы, спасаясь от смерти, поскольку христианские воины, находившиеся в составе османской армии, безжалостно расправлялись со всеми, полагая, что так они мстят сарацинам во имя Христа за все содеянное теми на Балканах.⁵⁴⁶ Из данного пассажа можно представить, какие чувства могло испытывать тюркское население эмиратов к османской политике подчинения анатолийских земель. Независимо от того, в какой степени с точки зрения военной необходимости было обосновано использование османами отрядов христиан-

⁵⁴² Bazm u Razm. P. 402-404; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 113-114

⁵⁴³ Bazm u Razm. P. 406

⁵⁴⁴ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 277

⁵⁴⁵ См.: Поляковская М.А. Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин.

⁵⁴⁶ Zachariadou E.A. Manuel II Paleologos on the Strife Between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad. P. 474

ских вассалов и союзников в борьбе против анатолийских бейликов, отношение тюркско-мусульманского населения Малой Азии к этому факту однозначно должно было быть негативным. Использование христиан в борьбе против анатолийских бейликов противоречило той репутации борцов за веру – газиев, которой так дорожили османские султаны и которую старательно пытались поддерживать. Все это не способствовало улучшению образа османов особенно в глазах анатолийских тюрков.

Примечательной особенностью писем Мануила является также то, что в соответствии с канонами византийской историографии он называет османов «персами», а их соперников в лице воинов Кадия Бурхан ад-Дина «скифами». К примеру, он говорит о Кадии Бурхан ад-Дине как человеке, владевшим Сивасом вместе со скифами, и добавляет, что сам он (Мануил) вел войну на земле скифов. Как отмечает Э.Захариаду, в византийской исторической литературе XIV столетия словом «персы» могли обозначаться турки, особенно османские турки, в то время как под «скифами», безусловно, подразумевались монгольские племена, подчиненные Кадия Бурхан ад-Дину.⁵⁴⁷ Таким образом, византийский автор отчетливо видел этнокультурную разницу между Османским государством, расположенном на западе Малой Азии и Балканах, и государством Кадия Бурхан ад-Дина в центральной Анатолии, которое в политическом плане представляло собой наследие Ильханидской империи. Этот факт важен с точки зрения понимания исторической ситуации в Малой Азии в конце XIV столетия, когда внутри тюркской среды Анатолии, как отмечалось, сформировались два противостоявших друг другу политических полюса. Не только разность политических традиций, которые они представляли, но социальная (оседлость – номадизм) и этническая (османские турки – туркмены и монголы) разница между ними способствовали тому, что в историческом развитии тюркской общности Малой Азии в этот период присутствовали две альтернативные линии. Дальнейший ход исторической эволюции тюркской среды Анатолии зависел от исхода этого противостояния.

Таким образом, султан Баязид I потерпел поражение от Кадия Бурхан ад-Дина и вынужден был отступить. В свою очередь, правитель Сиваса своей победой обеспечил, по словам Я.Юджеля, рост собственного политического престижа в Анатолии.⁵⁴⁸ О его личной храбрости и государственных способностях, как отмечалось, недвусмысленно свидетельствуют даже османские авторы. К примеру, Ибн Кемаль отмечал, что Кадий Бурхан ад-Дин, известный среди улемов своими познаниями, получил власть божественной милостью и заслужил славу не с чьего-либо соизволения, а собственным усердием, ибо «*в делах мирозавоевания он был первым среди со-*

⁵⁴⁷ Там же. С. 475-476

⁵⁴⁸ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 114

*временников, и если брал в руки меч на поле брани, то был подобен льву».*⁵⁴⁹ Не случайно после этого события взор представителей антиосманских сил снова обратился в сторону правителя Сиваса. Местные эмиры, до этого подчинявшиеся османской власти, были вынуждены вновь выразить покорность Кадию Бурхан ад-Дину. По свидетельству Астарабади, после сражения монгольские эмиры предложили Кадию совершить рейды в османские земли с целью совершения грабежей. На этот раз он благосклонно отнесся к инициативе эмиров и в течение сорока дней прошелся по окрестностям Искилипа, Анкары, Каледжика и Сиврихисара. Примечательно, что Баязид оставил без ответа эти действия своего соперника.⁵⁵⁰ Как отмечает Я.Юджель, причиной тому могла быть весть о подготовке наступления венгерского короля Сигизмунда на Балканах или же нерешительность османского султана перед Кадием Бурхан ад-Дином. Как бы там ни было, «это, безусловно, доказывает факт поражения Баязида I на поле Чорумлу».⁵⁵¹

Даже непримиримый враг Кадия Бурхан ад-Дина эмир Амасьи Ахмед был вынужден направить к нему посла и выразить свою покорность. Однако позднее покаяние ни к чему не привело, ибо Кадий решил окончательно избавиться от своего опасного соседа. Как показали последующие события, и эмир Амасьи не был искренен в своих обещаниях правителю Сиваса. Очень скоро он вновь проявил свою враждебность к последнему, задержав у себя направлявшегося в Сивас посла Исфендияра, эмира Синопа и брата казненного османским султаном правителя Джандара Сулейман-паши. Поэтому Кадий Бурхан ад-Дин осадил Амасью. Эмир Ахмед заперся со своими людьми во внутренней цитадели и известил о своем положении находившегося в Кастамону султана Баязида.⁵⁵² Однако после последнего своего поражения османский султан не спешил более испытывать судьбу и сражаться с правителем Сиваса. Тем не менее, приближение суровой зимы и близость османских войск заставили Кадия Бурхан ад-Дина в скором времени снять осаду Амасьи и вернуться в Токат.⁵⁵³

Таким образом, в последнее десятилетие XIV в. государство Кадия Бурхан ад-Дина превратилось в центральной Анатолии в центр силы, благодаря чему его соперничество с Османским государством приобрело стратегическое значение. Стремительно распространявшаяся на восток волна османских завоеваний ударила о непреодолимую скалу в лице

⁵⁴⁹ İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tevarih-i Al-i Osman. IV Defter. P. 166-167. Мамлюкский историк Бадр ад-Дин ал-Айни также отмечал, что Кадий Бурхан ад-Дин не склонил головы ни перед османским, ни перед египетским султанами (Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 129).

⁵⁵⁰ Bazm u Razm. P. 408

⁵⁵¹ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 115

⁵⁵² Bazm u Razm. P. 414-415

⁵⁵³ Bazm u Razm. P. 416; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 115-116

Кадия Бурхан ад-Дина и вынуждена была остановиться.⁵⁵⁴ В противостоянии этих двух сил особую значимость имела борьба за Амасью, ключевой военно-стратегический пункт в центральной Анатолии, через который лежал путь османов на восток.⁵⁵⁵ Осознав невозможность дальнейшего противостояния натиску Кадия Бурхан ад-Дина, эмир Ахмед, по свидетельству некоторых источников, вынужден был предложить город османскому султану в обмен на владение в другой части Османского государства.⁵⁵⁶ В скором времени посланное Баязидом I 30-тысячное войско во главе с принцем Мехмедом обеспечило переход Амасьи под османскую власть.⁵⁵⁷ Это событие значительно ослабило позиции правителя Сиваса в регионе, с чем он, конечно же, не мог смириться. Кадий Бурхан ад-Дин немедленно захватил некоторые земли, принадлежавшие османам, и стал активно готовиться к наступлению на Амасью. Но узнав о том, что Баязид I двинулся с большой армией на помощь городу, он вынужден был на этот раз отступить. Таким образом, некоторые области центральной Анатолии до реки Йешил-ырмак перешли под власть османского султана.⁵⁵⁸

Невзирая на упорное сопротивление некоторых анатолийских эмиратов, Османское государство продолжало расширять свои территории в Малой Азии. Это не сулило ничего хорошего Караманскому эмирату и вызывало особое беспокойство Ала ад-Дина Али. В поисках новых политических комбинаций, способных противостоять османам, он вновь обратился с предложением о коалиции к Кадию Бурхан ад-Дину. Однако, с одной стороны, продолжавшееся соперничество между двумя правителями за Кайсери, с другой стороны, недоверие правителя Сиваса к караманско-

⁵⁵⁴ Ю.Паул оценивает возможности и достижения Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда скромнее, считая, что тому не удалось решить ряд ключевых проблем для того, чтобы стать настоящим центром силы в Малой Азии, а именно: а) преодолеть проблему легитимизации собственной власти в глазах как своих подданных, так и соседних эмиров, определенная часть которых так и не признала его сюзеренитет; б) мобилизовать достаточные экономические и военные ресурсы для достижения своих амбициозных целей; в) преодолеть сопротивление даже ближайших соседних государственных образований и обеспечить территориальное единство своего государства в границах бывшего эмирата Эретна, политическим наследником которого он себя считал, и т.д. Государство Кадия Бурхан ад-Дина, по мнению Ю.Паула, больше напоминало «театр одного актера», т.е. держалось на его личной энергии и способностях, поскольку, с одной стороны, он не мог до конца использовать возможность кочевых племен, не будучи выходцем из их среды, и, с другой стороны, преодолеть номадический характер отношений в собственном государстве. Таким образом, «его попытки реставрировать султанат Эретна провалились не потому, что он был слишком номадическим, а потому, что он был недостаточно номадическим» (Paul J. Mongol Aristocrats and Beyliks in Anatolia. P. 153-154).

⁵⁵⁵ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 116

⁵⁵⁶ Bazm u Razm. P. 418

⁵⁵⁷ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. С. 16

⁵⁵⁸ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 117

му бею, однажды уже доказавшему свою ненадежность как союзника, помешали им прийти к согласию. Более того, их отношения в этот период еще более ухудшились.⁵⁵⁹ Тем самым, неспособность двух ключевых тюркских эмиратов в центральной Анатолии объединить свои силы перед надвигавшейся османской угрозой дала в скором времени Баязиду I возможность расширить границы своего государства на востоке до Евфрата.

Серьезные коррективы в военно-политическое положение Малой Азии внесли походы эмира Тимура. Их результаты оказали непосредственное влияние на этнополитическую историю анатолийских тюрков. Походы Тимура изменили всю военно-политическую мозаику Ближнего Востока. Как известно, во время зимнего похода в 1393 г. на запад он занял большую часть территории Ирана и Азербайджана и овладел столицей государства Джелаиридов Багдадом. В начале 1394 г. он вступил на территорию Малой Азии и послал письма ряду правителей анатолийских эмиратов с предложением покориться его власти – правителю Эрзинджана Мутахартену, караманскому бею Ала ад-Дину Али, Кадию Бурхан ад-Дину, главам племенных конфедераций Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу.⁵⁶⁰ После этого Тимур разгромил силы туркман Кара-Коюнлу в восточной Анатолии и занял важнейшие города Мардин и Диярбекир.

Новая опасность, нависшая над Малой Азией, как в зеркале отразила реальное соотношение сил и истинные интересы всех бейликов. Главы западноанатолийских эмиратов, потерявших свою власть и владения в результате османской экспансии, а также правители Карамана, Дулкадыра, Эрзинджана не замедлили выразить свою покорность Тимуру. Очевидно, многие из них пошли на этот шаг не в результате принуждения, а исходя из собственных интересов. К примеру, если правитель Дулкадыра Сулибей призывал Тимура совершить поход против мамлюкского султана, надеясь, таким образом, освободиться от опеки последнего, то караманский бей Ала ад-Дин Али рассчитывал отомстить османскому султану Баязиду и Кадию Бурхан ад-Дину и поэтому всячески подстрекал Тимура продолжить поход на запад Малой Азии.⁵⁶¹ В Малой Азии лишь османский султан Баязид I и Кадий Бурхан ад-Дин не дрогнули и проявили твердую решимость выступить против притязаний Тимура, продемонстрировав тем самым, какие государства в регионе являлись реальными центрами силы.⁵⁶² Данный факт лишний раз подтверждает, что в этот период самым сильным соперником Баязида в Малой Азии, способным противостоять политике «османизации», был правитель Сиваса.

⁵⁵⁹ Bazm u Razm. P. 424-428; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 120

⁵⁶⁰ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 122

⁵⁶¹ Bazm u Razm. P. 456; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 123

⁵⁶² Правитель конфедерации племен Кара-Коюнлу Кара Юсуф к этому времени уже потерпел поражение от Тимура и бежал.

Между тем, нависшая со стороны Тимура опасность заставила двух соперников на время оставить в стороне имевшиеся между ними противоречия и объединить усилия против общего врага. Как указывает Я.Юджель, самый сильный туркманский правитель центральной Анатолии осознавал степень угрозы со стороны чагатайцев и потому стал искать возможность объединения с другими государствами.⁵⁶³ Он прибег к интенсивным дипломатическим переговорам с целью создания коалиции с османским султаном Баязидом I, мамлюкским султаном Баркуком и ханом Золотой Орды Тохтамышем. Чтобы продемонстрировать степень своей вражды к Тимуру, Кадий Бурхан ад-Дин даже отослал посла Тимура к мамлюкскому султану.⁵⁶⁴ Таким образом, при активном усилии Кадия Бурхан ад-Дина на Ближнем Востоке появились контуры военной коалиции, направленной против Тимура. Однако вскоре выяснилось, что продвинувшийся до Эрзерума среднеазиатский правитель повернул армию обратно и направился в поход против Тохтамыша.

После того, как опасность со стороны Тимура временно миновала, Кадий Бурхан ад-Дин решил выяснить отношения с теми анатолийскими беями, которые активно призывали чагатайцев в Малую Азию, особенно правителями Карамана и Эрзинджана. С этой целью он осенью 1394 г. напал на Караман, разбил его войска и заставил Ала ад-Дина Али укрыться в крепости Нигде. После принуждения последнего к заключению мира Кадий наказал нескольких непокорных монгольских эмиров, а затем, весной следующего года, предпринял боевые действия против эмира Эрзинджана Мутахартена, захватив несколько его крепостей и разграбив его земли. Однако в битве у села Пулур в Байбурте войска Кадия неожиданно потерпели поражение. Он вынужден был вернуться в свою столицу Сивас и заняться подготовкой нового похода. Надо сказать, в этих действиях против некоторых анатолийских беев Кадия Бурхан ад-Дина поддержал и мамлюкский султан Баркук. В итоге, эмир Эрзинджана Мутахартен был вынужден заключить мир с правителем Сиваса, выразить свою покорность и взять на себя обязательство ежегодно выплачивать в его казну 300 тысяч акче.⁵⁶⁵

Как указывалось, османский султан Баязид I после поражения в Чорумлу опасался вступать в непосредственный военный конфликт с правителем Сиваса. Кроме того, события, развернувшиеся в это время на Балканах, заставили его обратить все свое внимание на запад для отражения нового крестового похода объединенной армии европейских государств – Венгрии, Франции, Бургундии, Германии, Англии, Шотландии, Ломбардии, Савойи, Валахии и родосских рыцарей. Османская армия 25 сентября

⁵⁶³ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 124

⁵⁶⁴ Bazm u Razm. P. 459

⁵⁶⁵ Bazm u Razm. P. 464-534; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 128-131

1396 г. при Никополе наголову разгромила крестоносцев во главе с венгерским королем Сигизмундом.⁵⁶⁶ Победа османов потрясла Европу и привела здесь к всплеску новой волны туркофобии и страха перед турецким оружием. С другой стороны, в Анатолии и, в целом, мусульманском мире она невероятно повысила славу и престиж Османского государства и самого Баязида I. Не случайно Тимур в своем письме к османскому султану хвалебно отзывался о его громких успехах в войне с «иноверцами» на западе.⁵⁶⁷

В этих условиях Баязид решил воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы расправиться со своим старым соперником в Малой Азии караманским правителем Ала ад-Дином Али. Дело в том, что последний неизменно придерживался устоявшейся политической традиции Карамана – союза с сильными противниками Османского государства, будь то на западе или на востоке. Иными словами, обычно, пока внимание османов было сосредоточено на борьбе с европейскими государствами на Балканах, караманцы совершали рейды вглубь их территории в тылу, т.е. в Анатолии, пытаясь нанести удар в спину своим соперникам. И на этот раз, когда Баязид I был занят отражением смертельной угрозы со стороны крестоносцев, караманское войско напало на Анкару и захватило в плен бейлербея Анатолии Сары Тимурташ-пашу. Однако после османской победы при Никополе Ала ад-Дин Али был вынужден признать свою вину и просить милости султана. Баязид оставил без внимания раскаяние караманского правителя и в 1397 г. выступил в поход на Караман. Ала ад-Дин Али стал срочно собирать армию, призвав под свои знамена, по словам Ибн Кемаля, «*всю рать древнего греческого климата*» (*«iklim-i kadim-i Yunan»*), т.е. территории эмирата Караман – Ш.М.), *беев варсаков, тургут-ов, самагаров и прочих татарских племен*». ⁵⁶⁸ Как видим, османский автор вновь подчеркивает племенной характер караманского войска. После двухдневного сражения на равнине Акчай близ Коньи Ала ад-Дин Али потерпел поражение и должен был укрыться в крепости. Описание Ибн Кемалем пыток и казни попавших в плен караманских воинов ярко отражает как степень враждебности между двумя тюркскими сообществами – османами и караманцами в этот период, так и тернистый характер формирования тюркского этнического единства в Анатолии в средние века.⁵⁶⁹

Примечательна короткая беседа, которая состоялась между взятым в плен караманским правителем и османским султаном. Свидетель событий

⁵⁶⁶ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. С. 9-12; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 279-289

⁵⁶⁷ Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 129

⁵⁶⁸ İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tevarih-i Al-i Osman. IV Defter. P. 142

⁵⁶⁹ Ибн Кемаль отмечает, что все попавшие в плен караманские воины, будь то варсаки, тургуты, татары или самагары были преданы различным пыткам и казни (İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tevarih-i Al-i Osman. IV Defter. P. 144-145).

баварец Иоганн Шильтбергер пишет: «На вопрос Баязида, почему он не хотел признать его своим верховным владетелем, Караман (Ала ад-Дин Али – Ш.М.) отвечал, что считает себя равным ему государем. Этим [ответом] он так разгневал султана, что тот трижды закричал: “Не освободят ли меня от Карамана?”», после чего Ала ад-Дин Али был обезглавлен.⁵⁷⁰ Очевидно, несмотря на изменившиеся военно-политические реалии в Малой Азии, Ала ад-Дин Али все еще продолжал считать себя независимым правителем, равным по статусу османскому султану. Учитывая то, что подобные заявления звучали из уст и других анатолийских беев, этот нюанс является важным для понимания их мировоззрения и оценки собственного статуса. Однако сам Баязид, конечно же, так не думал, и с целью демонстрации того, что он являлся сюзереном караманского бея, властным над его жизнью и смертью, по словам того же Шильтбергера, «приказал надеть голову Карамана на острие копья и носить по всему краю, чтобы другие города, видя, что их владетель уже мертв, скорее сдавались».⁵⁷¹ После этого события Баязид овладел всем караманским краем с его столицей Ларенде. Свою сестру, вдову Ала ад-Дина Али, с ее двумя сыновьями он отправил в Бурсу. Таким образом, был положен конец независимости одного из главных соперников Османского государства в Малой Азии – эмирата Караман. Значительная его часть с городами Конья, Ларенде, Нигде, Девели-Карахисар вошла в состав Османского государства.⁵⁷² Власть над оставшейся южнее Тавра части с такими крепостями как Мут, Эрменак, Ташэли и Ичель была передана другой ветви Караманской династии – семье племянника Ала ад-Дина Али Шейха Хасана.⁵⁷³

Установление османской власти над Караманом в 1397 г. поставило в очень сложное положение Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда. Поэтому, чтобы частично нейтрализовать османскую угрозу, он вынужден был укрепить свои отношения с мамлюками. К этому времени значительно осложнилась ситуация и внутри его государства. Он должен был затрачивать много сил борьбе с участвовавшими случаями выступлений против его власти местной знати и глав различных племен. Как обычно, Кадий Бурхан ад-Дин проводил зимы в своем дворце в Сивасе, а с началом весны предпринимал многочисленные военные походы против своих соперников. Так, осенью 1398 г. он должен был выступить против главы племен

⁵⁷⁰ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. С. 15

⁵⁷¹ Там же

⁵⁷² Автор первой османской истории Ахмеди следующим образом подытоживает деятельность Баязида I: «Не оставил он [незавоеванными] ни Алашар, ни Сарухан, ни Айдын, ни Ментеше, ни Гермиян. Прибыв в страну Караман, он завоевал также Конью и Ларенде» (Ahmedi. İskender-name. Л. 67b).

⁵⁷³ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 297

Ак-Коюнлу Кара Юлук Османа, который, по словам Шильтбергера, проводил лето со своими людьми и скотом на землях Кадия по его разрешению, но не проявил должного почтения, покинув летние пастбища без уведомления правителя Сиваса. Намерение наказать непокорного номада закончилось трагически для Кадия, и в состоявшейся стычке с туркманами Ак-Коюнлу он был убит. Неожданная смерть этого энергичного и просвещенного правителя очень скоро повлекла за собой гибель его государства. Поиск ответа на вопрос о причине столь типичного для многих средневековых тюркско-монгольских государств конца имеет важное значение для понимания сути номадической государственности. Это важно также для понимания успеха османской политики территориального расширения на восток, которая, несмотря на упорное сопротивление различных социальных и политических слоев, в итоге привела к установлению османской власти над всей Малой Азией.

Смерть Кадия Бурхан ад-Дина, одного самых влиятельных военно-политических деятелей конца XIV в., который долгое время сдерживал натиск более могущественных соперников в лице Баязида и Тимура, кардинально изменила расстановку сил в Малой Азии. По словам Ибн Арабшаха, Тимур, совершавший в это время свой знаменитый индийский поход, чрезвычайно обрадовался этой вести.⁵⁷⁴ Османский султан же немедленно воспользовался этим подарком судьбы для расширения своих земель на восток. Еще летом 1398 г. он предпринял поход на Самсун и захватил город у правителя эмирата Джаник Джунейда, приобретя значительные земли на черноморском побережье.⁵⁷⁵ После этого тюркские беи Никсара и Мерзифона Таджаддиноглу и Ташаноглу также признали османскую власть. Более того, население Сиваса, который сразу после смерти Кадия Бурхан ад-Дина был осажден со стороны Кара Юлук Османа, не желали сдачи города туркманам Ак-Коюнлу и попросили помощи сначала у правителя эмирата Дулкадыр Насир ад-Дина Мухаммеда. Но когда последний проиграл битву Кара Юлук Осману, жители Сиваса *«обратились к Баязиду с просьбой, чтобы он прогнал Османа и принял их в свое подданство. Баязид направил к ним своего старшего сына [Сулеймана] с двадцатью тысячами всадников и сорока тысячами пехотинцев»*.⁵⁷⁶ После того, как туркмены Ак-Коюнлу отступили, османский султан сам прибыл в Сивас. Он отправил сына Кадия Бурхан ад-Дина к его шурину, правителю Дулкадыра Насир ад-Дину Мухаммеду, и в 1399 г. присоединил его владения к Османской империи. После этого он захватил Токат, Кайсери и Аксарай и устано-

⁵⁷⁴ Kitab aja'ib al-maqdur fi akhbari Timur. P. 150; Yücel Y. Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti. P. 160

⁵⁷⁵ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. С. 17

⁵⁷⁶ Там же. С. 21

вил османскую власть в значительной части центральной Анатолии. Как указывает Ибн Кемаль, тем самым, были покорены туркманские племена (*kabail-i Türkman*) и тюрки (*etrak*) тех областей.⁵⁷⁷

Завоевание Сиваса дало османскому султану основание претендовать и на другие территории в Малой Азии, в частности, на Малатью, которая, как известно, была уступлена в свое время Кадию Бурхан ад-Дину мамлюкским эмиром Менташем. Воспользовавшись смертью в 1399 г. султана Египта и Сирии Баркука и вступлением на престол его малолетнего сына Фараджа, он направил своего посла в Каир с требованием уступить ему Малатью. Получив отрицательный ответ, Баязид с многочисленной армией окружил город и захватил его в августе того же года после двухмесячной осады.⁵⁷⁸ После этого еще ряд мамлюкских крепостей – Кяхта, Дивриги, Бехисни и Даренде – попали под османскую власть. В османских хрониках отмечается, что Баязид отнял у туркман Малатью, Бехисни и Даренде, и у курдов – Дивриги, поскольку «те не были древними владетелями (падишахами)», а овладели упомянутыми областями после развала эмирата Эретна, в состав которого они прежде входили.⁵⁷⁹ Далее у правителей эмирата Рамазан был взят город Адана.⁵⁸⁰ Таким образом, как пишет И.Х.Узунчаршылы, в результате быстрых и решительных действий, предпринятых Баязидом I после гибели Кадия Бурхан ад-Дина, османская власть на востоке распространилась до реки Евфрат.⁵⁸¹

Османское государство и эмираты Малой Азии во время «междуцарствия»

Смерть Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда в 1398 г. существенно облегчила султану Баязиду I условия для завоевания анатолийских земель. Однако это отнюдь не означало, что сопротивление османской централизаторской политике в Малой Азии сошло на нет. Как вскоре выяснилось, успехи Баязида в приращении османских земель оказались временными. Накатывавшая с востока мощная волна в скором времени смела османскую власть в значительной части Анатолии и потрясла сами основы Османского государства. В 1402 г. близ Анкары столкнулись армии эмира Тимура и султана Баязида.

⁵⁷⁷ İbn Kemal (Kemalpaşazade). *Tevarih-i Al-i Osman*. IV Defter. P. 200-201

⁵⁷⁸ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. С. 22

⁵⁷⁹ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 37; Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 142

⁵⁸⁰ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. С. 22

⁵⁸¹ Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Tarihi*. Cilt I. P. 300-301

Война между империей Тимура и Османским государством является одним из ключевых событий истории Турции, оказавших колоссальное влияние на процесс дальнейшего развития тюркской среды Малой Азии. Тем не менее, нас в данном случае интересуют не фактические подробности этой войны, а тот отклик, который она вызвала в тюркском общественном мнении Анатолии, и особенности ее отражения в местных источниках. Как известно, отношение к Тимуру среди анатолийских тюрков было неоднозначным, а в османской литературе он представлен, в основном, в негативных тонах. Наряду с прочими предосудительными деяниями на него возлагается вина за попытку разрушить Османское государство, которое, по мнению османских авторов, являлось авангардом мусульманского мира и защитником веры на западе. Ашикпашазаде резюмировал эти сентенции в емкой фразе: «*Неверные не сделали бы того, что сотворил Тимур*».⁵⁸² Разрушение Сиваса и ничем не оправданная расправа над его жителями дали османским авторам веский повод обвинять среднеазиатского правителя в чрезмерной жестокости.⁵⁸³ В действительности же, суровость Тимура была вызвана, видимо, желанием, с одной стороны, учинить запоздалую и заочную месть над своим старым врагом Кадием Бурхан ад-Дином,⁵⁸⁴ с другой стороны, запугать османского султана Баязида, столкновение с которым в ближайшем будущем было неизбежно.

Однако нельзя сказать, что оценки османских авторов отражали общее мнение всех анатолийских тюрков. Наоборот, поход Тимура вглубь Малой Азии вызвал прилив радости и энтузиазма у правителей эмиратов, которые лишились своих владений либо стояли перед угрозой их потери в результате завоевательной политики Османского государства. Более того, османские источники обвиняют многих из них в том, что именно их подстрекательство

⁵⁸² Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 145

⁵⁸³ Современники не обошли вниманием события, произошедшие после взятия Сиваса. Клавихо пишет о разрушении города и тысячах жителей, которые были по приказу Тимура живыми зарыты в землю (Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. С. 67-68). Шильтбергер также указывает, что Тимур осаждал Сивас в течение 21 дня, после чего «он приказал сделать подкоп под городскую стену, затем овладел городом, где находилось 5 тысяч всадников, направленных туда Баязидом. Все они были живыми зарыты в землю, ибо при сдаче города комендант получил от Тамерлана обещание, что не прольет их крови. После этого город был разрушен, а жители отведены в страну Тамерлана» (Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. С. 23). Тимуридский историк Низам ад-Дин Шами также подтверждает, что 4 тысячи защитников города были зарыты в землю живыми, а сама крепость – разрушена (Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 219).

⁵⁸⁴ В одном из писем к Кадия Бурхан ад-Дину Тимур угрожающе предостерегал его не доверяться прочности крепостных стен Сиваса и предупреждал о том, что они не станут помехой перед мощью чагатайской армии, что он и попытался продемонстрировать взятием города и массовым избиением защитников уже после смерти Кадия (Bazm u Razm. P. 460).

стало причиной столь катастрофической для османов войны.⁵⁸⁵ Как известно, сам Тимур также выдавал свои действия за акт возмездия «зарвавшемуся» османскому султану и восстановления справедливости в отношении анатолийских правителей, чьи земли были захвачены Баязидом.

В то же время, нельзя обойти вниманием тот факт, что наряду с обвинениями в адрес анатолийских беев в ряде ранних османских источников изредка звучат и мотивы, которые можно интерпретировать как подспудную попытку оправдания некоторых их действий. Подобную информацию нельзя объяснить иначе как приверженностью ранних авторов духовным ценностям газийства, этого реликта раннеосманской истории. Агрессивная позиция Баязида в отношении анатолийских тюркских беев наряду с его безразличием к соблюдению патриархальных традиций противоречило представлениям ранних авторов о справедливости и образе султана-газия. Так, Ашикпашазаде включил в свое произведение стихотворный пассаж от имени эмира Мутахартена, семья которого после завоевания Баязидом Эрзинджана была отправлена в Бурсу в качестве заложников. Автор вкладывает в уста Мутахартена, известного в анатолийской тюркской среде как доблестный воин и потомок старинного правящего рода Эретна, слова упрека и скрытой угрозы в адрес османского султана, за которыми явно чувствуются симпатии самого Ашикпашазаде⁵⁸⁶. Не случайно в османской ли-

⁵⁸⁵ К примеру, как пишет Лютфи-паша, правители Карамана, Айдына, Сарухана и Ментеше бежали к эмиру Эрзинджана Мутахартену и правителю бейлика Исфендияр (Джандар), после чего вместе с посланником Исфендияра они прибыли в ставку Тимура с жалобой на действия османского султана: «*[Баязид] лишил нас отцовских владений, стал угнетать нас и казнил бы нас не задумываясь, попалась мы ему в руки*» (Lütfi Paşa. Tevârih-i Al-i Osman. P. 51-52). Ашикпашазаде сообщает любопытные подробности, как анатолийские беи бежали к Тимуру, переодевшись, чтобы не быть опознанными и не попасть в руки османов. Якуб Гермияноглу бежал из тюрьмы в Ипсала в Румелии, куда он был заточен Баязидом, и добрался до ставки Тимура в Сирии, присоединившись к бродячей труппе дрессировщиков медведей и обезьян; Ильяс Ментешеоглу – под видом дервиша-календера (ишыка), выщипав себе бороду и волосы; Айдыноглу – как мелкий торговец; Мутахартен – как нукер в свите посла Исфендияра (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevârih-i Al-i Osman. P. 142). Следует добавить, что подробности событий о Тимуре и битве при Анкаре Ашикпашазаде узнал от телохранителя (солака) Баязида Коджа Наиба, который был свидетелем описываемых событий, в частности, пленения и смерти османского султана. При Мехмеде Челеби Коджа Наиб был назначен комендантом Амасьи, а при Мураде II – наибом Бурсы (Там же. С. 145).

⁵⁸⁶ Устами Мутахартена в адрес османского султана Баязида автор озвучивает следующие упреки:

Можешь ли ожидать дружбу от меня после содеянного тобой?

Ведь это ты разлучил меня с любимой женой.

Сын, дочь и все дети мои ныне далеки от меня.

И как же мне смириться с этим?

Ты стал причиной этой разлуки,

Как можешь ожидать после этого верности от меня?

тературе имя Мутахартена приводится первым в списке так называемых подстрекателей Тимура. Известно, что он прибыл с изъявлением покорности в ставку Тимура в Барде, когда тот собирался совершить очередной поход против Грузии в 1400 г., и получил от последнего знаки власти в виде бунчука, знамени и барабана.⁵⁸⁷ Ашикпашазаде отмечает, что среди анатолийских эмиров, призывавших Тимура к войне с Баязидом, большую активность проявили Мутахартен и Якуб Гермияноглу.⁵⁸⁸

Сражение между османской и чагатайской армиями произошло 28 июля 1402 г. на равнине Чубук недалеко от Анкары. Источники сообщают, что Баязид мобилизовал все возможные военные ресурсы, призвав войска *«своей области, а также других областей, и даже из Стамбула (Византии – Ш.М.)»*.⁵⁸⁹ Кроме того, под османские знамена стали войска, набранные в недавно завоеванных османами анатолийских эмиратах. Так, под командованием принца Сулеймана прибыли воины из Айдына, Сарухана и Караси, под командованием принца Мустафы – воины из Хамида и Теке, и, наконец, Мехмед Челеби привел с собой воинов из Амасьи и вилайета Рум. К ним следует добавить и многочисленную кара-татарскую (монгольскую) конницу, а также сербские части. Тем не менее, несмотря на свою внушительную численность и мощь, османская армия была наголову разбита в битве при Анкаре.

Причину этого поражения османские авторы объясняют, прежде всего, изменой татар и воинов из бывших анатолийских эмиратов. Как сообщают источники, в бою анатолийские воины, заведя своих бывших сюзеренов в рядах чагатайской армии, стали в массовом порядке перебежать на сторону врага. Нешри пишет, что первыми османские ряды покинули татары, бывшие подданные эмира Эрзинджана, после них – войска Гермияна, и, в итоге, все воины из анатолийских эмиратов *«перешли к своим бейам, которые до этого нашли убежище у Тимура»*.⁵⁹⁰ Дука также сообщает, что некий командир, возглавлявший войска, рекрутированные Баязидом в Айдыне, узнав об участии своего сюзерена в рядах чагатай-

Баязид! Не жди более дружбы от Тахартена,

Ибо говорю я: «Ты разлучил меня с товарищами» (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 141).

⁵⁸⁷ Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 214. Мутахартен присоединился со своими войсками к армии Тимура во время похода на Сивас (Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 219). Клавихо также подчеркивает, что Мутахартен сыграл ключевую роль в подстрекательстве Тимура против Баязида (Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. С. 66-67).

⁵⁸⁸ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 142.

⁵⁸⁹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 348-349. Дука сообщает о мобилизации Баязидом войск из Фракии и востока, т.е. Анатолии, а также участия 5 тысяч сербов под командованием Стефана Лазаревича (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 90).

⁵⁹⁰ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 350-351

ской армии, перешел со своими пятьюстами тяжеловооруженными воинами на сторону противника; так же поступили воины из Сарухана, Ментеше и Гермияна, откликнувшись на призывы и сигналы своих беев, находившихся на поле боя в свите Тимура.⁵⁹¹ Этот факт имеет чрезвычайное значение с точки зрения понимания этнополитической истории анатолийских турков. Как было указано, в битве при Косово в 1389 г. против сербов и их балканских союзников под османскими знаменами объединились силы турецких эмиратов западной и центральной Анатолии. В рядах османской армии приняли участие войска из Карамана, Гермияна, Айдына, Сарухана, Ментеше. В результате была одержана важная победа, которая обеспечила османскую власть на Балканах на многие столетия. В то же время, в сражении при Анкаре значительная часть войск из анатолийских эмиратов, изменив султану Баязиду I, перешла на сторону его противника. Этим были предрешены не только исход боя, но и судьба Османского государства. Таким образом, в двух сражениях с разницей в 13 лет анатолийские турки продемонстрировали прямо противоположную позицию в отношении к османской власти.

Последнее событие свидетельствует о том, что анатолийские турки могли проявить солидарность перед лицом опасности, грозившей с запада, от христианских соседей. Однако действия чагатайцев, которые совершили длительный марш из глубин Азии, с которыми анатолийские турки ощущали этнорелигиозную комплиментарность, не были восприняты ими как враждебный акт против их общих интересов. Более того, значительная часть из них видела в Тимуре союзника, способного защитить их от угрозы со стороны османского султана. Одним словом, в этот период не только политическая элита, но и низшие слои эмиратов, из которых были рекрутированы анатолийские войска, не симпатизировали османам и пока не ощущали себя частью осmano-турецкой общности. Ход сражения при Анкаре ясно продемонстрировал этнополитическую ориентацию и интересы различных групп турецкого населения Малой Азии, а также то, какие именно силы оказали максимальную поддержку османской власти. Когда войска, набранные в анатолийских эмиратах, перешли на сторону Тимура и даже сыновья Баязида покинули поле боя, лишь его ближайшее окружение балканского происхождения, т.е. янычарский корпус и сербские части остались верны султану. По преданию, Тимур был удивлен храбрости сербов, с которыми столкнулся впервые, а потому принял их за воинственных дервишей.⁵⁹²

⁵⁹¹ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 92-93

⁵⁹² Anonim Osmanlı Kroniği. P. 48. Стойкость сербов в этой битве подчеркивает и Дука, который сообщает, что Стефан Лазаревич, предвидя поражение османской армии, всячески старался уговорить султана Баязида покинуть поле боя, и когда это ему не удалось, он взял с собой старшего сына Баязида принца Сулеймана и удалился на запад (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 93).

Таким образом, победа при Анкаре, изменившая судьбу Малой Азии, была добыта Тимуром не только благодаря своему военному таланту и силе чагатайской армии, но и поддержке антиосмански настроенных слоев анатолийского общества. Не случайно он позиционировал себя в Малой Азии не как агрессор и завоеватель, а как поборник справедливости и защитник попранных Баязидом прав анатолийских беев. Мустафа Аали особо подчеркивает, что после победы «Тимур-хан во имя справедливости вернул все области их бывшим древним владельцам».⁵⁹³ В то же время, исход битвы при Анкаре означал и поражение, хотя и временное, османской централизаторской политики в Малой Азии, что обеспечило передышку и возможность реванша анатолийским беям. Расширение османской власти в Анатолии вновь стало успешно продолжаться лишь при преемниках Баязида I.

Как известно, во время сражения султан Баязид попал в плен и в марте 1403 г. лишился жизни. Тимур же захватил османские земли и казну и с целью увеличения военной добычи санкционировал рейды в различные области страны.⁵⁹⁴ Сам он с армией двинулся в западную Анатолию, где был с покорностью встречен представителями правящих династий бывших эмиратов – Орханом Саруханоглу, Мехмедом Ментешеоглу, Исфендияром Джандароглу и другими.⁵⁹⁵ Чтобы придать своим действиям в Малой Азии характер священной войны за веру, Тимур окружил Смирну (Измир), находившуюся в руках рыцарей-госпитальеров. Город был взят 5 января 1403 г. По его приказу около 4 тысяч рыцарей, защитников города, были обезглавлены.⁵⁹⁶ Тимур провел зимние месяцы в западной Анатолии, занимаясь, в том числе, восстановлением власти анатолийских беев в бывших их владениях. В частности, сюда к нему с изъявлением покорности прибыл Мехмед Караманоглу и преподнес ему дорогие подарки, ткани, лошадей и мулов. По сообщению Шами, он был благосклонно принят, обласкан Тимуром и отправлен обратно в свою стра-

⁵⁹³ Künhü'l-Ahbar. С. II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 128

⁵⁹⁴ Как пишет Иоганн Шильтбергер, «Затем он (Тимур – Ш.М.) захватил его (Баязида – Ш.М.) государство, в котором находился восемь месяцев. Перевозя вместе с собой своего пленника, Тамерлан овладел столицей Баязида, откуда вывез его сокровища и столько серебра и золота, что для перевозки потребовалось 1000 верблюдов» (Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. С. 24). На самом деле, Бурса была взята Мирза Мухаммед-Султаном, и среди захваченной османской казны и богатств Низам ад-Дин Шами перечисляет ювелирные изделия, драгоценные камни, рубины и другие сокровища, которые годами скапливались в османской столице. Подвергшийся ограблению город затем был сожжен дотла (Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 262). Кроме того, еще одна часть войска была послана в сторону Акшехира и Коньи, а другая – в Айдын для получения добычи (Там же. С. 261-263).

⁵⁹⁵ Маршрут Тимура лежал через Анкару, Сиврихисар, Кютахью, Аясулук и Типе (Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 261-265).

⁵⁹⁶ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 59

ну.⁵⁹⁷ После почти восьмимесячного пребывания в Малой Азии среднеазиатский правитель вернулся в Мавераннахр.

Целью Тимура в Анатолии было возвращение региона к ситуации перед последними османскими завоеваниями, т.е. периоду раздробленности, что должно было гарантировать безопасность западных границ его новой обширной империи. Именно для этого он восстанавливал захваченные Баязидом анатолийские эмираты, возвращая территории бывшим владельцам.⁵⁹⁸ Подтверждением вышесказанному служит одно интересное сравнение Ходжи Саад ад-Дина. Он пишет, что подобно Александру, который после победы над Дарием по совету Аристотеля раздробил всю Персидскую империю на множество сатрапий, враждовавших друг с другом, Тимур разделил весь Рум на бейлики, превратив их эмиров в «*племенных царей (mülük-i tavaif), чтобы династия Османа лишилась независимости и силы для восстановления своей власти*».⁵⁹⁹ Одновременно, Тимур не желал сохранения хоть и значительно усеченного в границах, но внутренне единого и управлявшегося из одного центра Османского государства. Тимуридские источники дружно утверждают, что он не был виновен в загадочной смерти плененного Баязида и что, наоборот, желал вернуть ему власть после окончания похода. К примеру, Низам ад-Дин Шами говорит о намерении Тимура вновь посадить пленного султана на трон, но якобы «*этому намерению не суждено было сбыться*».⁶⁰⁰ В то же время, действия Тимура в Малой Азии показывают, что его апологеты в данном вопросе явно лукавили. По возвращении из «Рума» он оставил за спиной восстановленные эмираты, но раздробленную и вновь погруженную в кровавую междоусобицу страну.

Как известно, у Баязида было шесть сыновей – Сулейман, Иса, Мехмед, Муса, Мустафа и Касим. Первым трем в битве при Анкаре удалось

⁵⁹⁷ Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 270

⁵⁹⁸ К примеру, Клавихо, направлявшийся через Малую Азию в Самарканд ко двору Тимура, писал во время пребывания в Синопе, принадлежавшем Исфендияру, что тот в это время находился в другом городе Кастамону, «*где он собрал до сорока тысяч человек, чтобы воевать с сыном Турка (Сулейманом, сыном султана Баязида – Ш.М.), который не благоволил к нему за то, что он платил дань Тамурбеку... Причина же того, почему этот кавалер, владетель этих земель, платил дань Тамурбеку, следующая: турок Баязет, которого победил Тамурбек, убил его отца и захватил его земли; а позже, когда Тамурбек победил [Баязета], то вернул всю землю этому кавалеру Еспандиару (Исфендияру – Ш.М.)*» (Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. С. 55). Шами также сообщает о прибытии Исфендияра в ставку Тимура с изъявлением покорности и принесении в дар большого табуна в 1000 голов лошадей. Тимур принял его благосклонно и одарил его короной («*тадж*» – на самом деле, головной убор), поясом, халатом и золотом (Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 264)

⁵⁹⁹ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 190

⁶⁰⁰ Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 271

со своими воинскими контингентами своевременно покинуть поле боя, когда чаша весов склонилась на сторону чагатайской армии. Муса и Мустафа попали в плен. Мустафу Тимур увез с собой в Самарканд, Муса же был освобожден после смерти Баязида. Ему, как и его трем старшим братьям Тимур послал знаки власти в виде пояса, колпака (*kolah*) и кафтана и поделил оставшуюся территорию Османского государства между ними. Так, Сулейману были предоставлены балканские земли или Румелия, Исе – Балыкесир, Мехмеду – Амасья, Мусе – столица страны Бурса. Это событие и стало началом продолжавшегося в течение одиннадцати лет периода смуты и «междоусобия» (*fetret devri*) в османской истории.

Старший сын Баязида эмир Сулейман после битвы при Анкаре спешно двинулся на запад и в начале 1403 г. заключил договор с Византией, сербским деспотом Стефаном Лазаревичем, а также с Венецией, Генуей и Родосом. Подписавшие стороны признавали Сулеймана османским султаном на условиях серьезных уступок с его стороны. Византия освобождалась от своих вассальных обязательств и прекращала выплату дани османам. Ей были также возвращены Фессалоника с окрестностями, Халкидика с горой Афон, группа островов Скиафос – Скопелос – Скирос и важные прибрежные полосы на Черном и Мраморном море.⁶⁰¹ Другому сыну Баязида Исе удалось занять первую столицу государства Бурсу.

Анатолийские беи, как и византийский император, приняли активное участие в развернувшейся за османское наследство междоусобной борьбе, преследуя собственные цели. Естественно, они не были заинтересованы в обретении Османским государством былого могущества, стараясь лишь как можно скорее укрепить собственные позиции. С этой целью они пытались оказать поддержку тем соперничавшим за трон османским принцам, которые представлялись им наиболее выгодными. Так, Якуб Гермянюглу помогал своему племяннику, сыну своей сестры Мусе Челеби, который оспаривал Бурсу у своего брата Исы. После неудачного завершения этой затеи Муса вынужден был искать убежище при дворе караманского бея Мехмеда. В то же время Мехмед Челеби должен был вести длительную и упорную борьбу с местной знатью для укрепления своей власти в центральной Анатолии, т.е. на территории бывшего государства Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда. Во время столкновения Мехмеда и Исы правитель Джандара Исфендияр, поддерживавший Ису, принимал участие в военных действиях на стороне последнего.⁶⁰² Не достигнув успеха, Иса бежал к правителю Айдына Джунейду Измироглу и по его совету заключил союз против Мехмеда Челеби с беями Сарухана и Ментеше. Однако в этом противостоянии Мехмед Челеби оказался сильнее. Он одер-

⁶⁰¹ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 666-667

⁶⁰² Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 90

жал победу над коалицией, созданной вокруг Исы, пленил и казнил саруханского бея Хызыршаха. После поражения Иса вынужден был просить помощи у Мехмеда Караманоглу. Но спустя некоторое время он попал в руки людей Мехмеда Челеби в Эскишехире и был убит в 1406 г.⁶⁰³

Основная борьба за османский трон развернулась между Сулейманом, Мехмедом Челеби и Мусой. Вначале шансы Сулеймана, установившего свою власть над балканскими и частично анатолийскими владениями Османского государства, казались более предпочтительными. Ему удалось утвердиться в столице государства Бурсе, после чего он предложил правителям Гермияна и Карамана действовать сообща против других его братьев, обещая им впредь мирные и дружеские отношения.⁶⁰⁴ Однако в это смутное время все обещания быстро забывались в зависимости от стремительно менявшейся ситуации, и, соответственно, вскоре столкнулись интересы Сулеймана и Мехмеда Караманоглу. Поэтому Мехмед Челеби постарался заключить временный союз с правителем Карамана против своего старшего брата, который на данном этапе потенциально являлся большей угрозой и для анатолийских беев. Союз был выгоден и караманскому бею, т.к. чрезмерное усиление Сулеймана, пытавшегося захватить принадлежавшую ему крепость Сиврихисар и прилегавшие земли, не сулило ему ничего хорошего. По предложению Мехмеда Караманоглу недалеко от Кыршехира в крепости Джемале состоялась встреча между ним и Мехмедом Челеби. На ней было принято решение действовать сообща против Сулеймана.⁶⁰⁵ В то же время коалиция анатолийских эмиратов Айдын, Караман и Гермиян, созданная по инициативе Джунейда Измироглу против Сулеймана, потерпела неудачу и распалась, что дало последнему возможность быстро расширить свое влияние в западных областях Малой Азии. Однако в 1409 г. Мусе удалось с помощью правителя Джандара Исфендияра переправиться через Черное море в Валахию, где его благосклонно принял господарь Мирча Старый.⁶⁰⁶ По сообщению Нешри, инициатором переправы Мусы в Валахию был сам Мирча, который пригласил его, предварительно известив об этом Исфендияра. Османский принц был встречен здесь с большими почестями, женился на дочери господаря и, получив в поддержку многочисленный контингент валашских войск,

⁶⁰³ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 445-451. В освещении этого смутного времени сведения Нешри кажутся более предпочтительными по сравнению с информацией, содержащейся в хронике Ашикпашазаде. Нешри более подробно, логично и хронологически более точно описывает происходившие события, обращая внимание на некоторые существенные детали, которые отсутствуют у Ашикпашазаде.

⁶⁰⁴ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 146

⁶⁰⁵ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 468-473

⁶⁰⁶ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 146; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 472-479; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 335-336

вторгся с ними во владения Сулеймана.⁶⁰⁷ Перед серьезной угрозой своей власти на Балканах Сулейман был вынужден отказаться от дальнейших действий в Малой Азии и срочно вернуться в Румелию. Однако в соперничестве с Мусой он потерпел поражение и погиб в начале 1411 г.

Таким образом, на последнем этапе «междоусобицы» остались два главных претендента на османский трон – Мехмед Челеби и Муса. Мехмед дважды переправлялся со своей армией на Балканы, но оба раза терпел неудачу от Мусы. Наконец, в третий раз ему удалось выиграть сражение и казнить своего брата, став, таким образом, единоличным султаном Османского государства. В 1413 г. в столице страны Эдирне он взошел на престол, положив конец периоду «междоусобицы». Не случайно Ходжа Саад ад-Дин отмечал, что Мехмед Челеби «возродил» Османское государство.⁶⁰⁸

В то же время, поражение в битве при Анкаре нанесло тяжелый удар по османской власти в Малой Азии. По словам Ибн Арабшаха, от действий чагатайцев в Анатолии пострадало не менее четверти, или даже трети населения.⁶⁰⁹ Пребывание чагатайских войск в Малой Азии Ходжа Саад ад-Дин называет *«страшным и полным кошмара временем, когда благоустроенная земля Рума превратилась в пастбище для лошадей армии Тимура»*, и добавляет, что власть в стране рухнула, повсюду царили анархия и смута.⁶¹⁰ Когда находившийся в Анатолии Тимур направил послание Мехмеду Челеби, приглашая того прибыть в свою ставку, османский принц отказался от поездки под предлогом охватившей всю область анархии и небезопасности дорог.⁶¹¹ Мехмед старался обеспечить свою власть хотя бы в районе Амасьи и Токата. Восстановление османской власти и порядка на этих землях бывшего государства Кадия Бурхан ад-Дина, где были сильны позиции местной племенной и земельной аристократии, являлось непростым делом. Как было указано, Мехмеду Челеби предстояло преодолеть сопротивление могущественных социальных групп.

Дело в том, что после завоевания Баязидом районов Амасьи, Токата, Никсара и других областей в центральной Анатолии османские властные структуры не успели укрепить здесь свои позиции. В скором времени они были сметены в результате поражения султана Баязида при Анкаре и наступившей смуты. Местная аристократия, опиравшаяся на влиятельные монгольские и туркманские племена, стала оказывать серьезное сопротивление попыткам восстановления османской власти в этих районах. Этому способствовала и политика самого Тимура, поощрявшего их к выступлениям против представителей османских властей. По свидетельству Ходжи

⁶⁰⁷ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 476-477

⁶⁰⁸ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 191-192

⁶⁰⁹ Kitab aja'ib al-maqdur fi akhbari Timur. P. 272

⁶¹⁰ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 204

⁶¹¹ Там же. С. 207

Саад ад-Дина, Тимур в душе затаил злобу на Османскую династию, но внешне проявлял в отношении юного принца Мехмеда Челеби все признаки расположения, посылал ему любезные письма, стараясь уничтожить в его сердце семена недоверия. В то же время, он, безусловно, всячески поощрял старых врагов османов и подстрекал «низких тюрок» к выступлениям, тайно поручив некоторым взятие провинции Малый Рум (Румийе-и сугра) и Амасья.⁶¹² Естественно при этом автор использовал такие нелестные эпитеты, как «негодные» (*nabekar*) или «нечестивые тюрки» (*etrak-i bipak*) в отношении представителей местной туркманской и монгольской аристократии в центральных областях Анатолии, которые пользовались значительным влиянием здесь еще со времен Ильханидов, эмирата Эретна и Кадия Бурхан ад-Дина и не желали уступать свою власть османам.

Среди них был некий Кара Довлетшах, по сообщению Ходжи Саад ад-Дина – глава туркман приграничных районов области Рум («границы Рума»). О том, что этот человек являлся представителем местной знати, а не просто «разбойником с большой дороги» (*dozd-i gomrah*), как его враждебно называет Ходжа Саад ад-Дин, свидетельствует и факт получения им от самого Тимура указа на правление. Во всяком случае, ссылаясь на этот документ, Кара Довлетшах стал претендовать на власть в области Амасьи и окрестных районов. По-видимому, он пользовался также поддержкой части местного населения, что заставило всерьез обеспокоиться Мехмеда Челеби. На созванном для обсуждения сложившейся ситуации военном совете османский принц предупредил своих приближенных, что в случае непринятия неотложных мер зажженный Кара Довлетшахом «огонь смуты» угрожал быстро перекинуться на другие области.⁶¹³ В то же время он предложил сначала уточнить численность военных сил противника, а затем решить, переходить ли в наступление или держать оборону. Поведение самого Кара Довлетшаха накануне сражения с османскими войсками является любопытным свидетельством того, как туркманская знать воспринимала в этот период османскую власть. По словам Ходжи Саад ад-Дина, этот туркманский бей не только не испугался превосходящих сил противника, но и стал иронизировать над юным возрастом османского принца, предрекая тому плачевный исход и напомнив о бесславном конце его отца султана Баязида. Тем не менее, османские войска одержали верх над силами Кара Довлетшаха, который был убит в бою выстрелом из лука.⁶¹⁴

Еще одним туркманским беem, который пытался восстановить собственную власть в этих районах, был эмир Самсуна Ала ад-Дин Али из рода Кубадидов, представители которого входили в состав знати эмирата

⁶¹² Там же. С. 196

⁶¹³ Там же. С. 193-194

⁶¹⁴ Там же. С. 194-196

Джаник. В османских источниках Ала ад-Дин Али упоминается под именем Кубадоглу или Ибн Кубад. Владения Кубадинов до османских завоеваний охватывали некоторые районы причерноморского побережья, включая Бафру, Ладик и иногда Самсун. В 1398 г. султан Бязид присоединил эти территории к Османской империи. Самсун был отдан в управление принявшему ислам сыну болгарского царя Иоанна Шишмана Александру. После поражения османов в битве при Анкаре Ала ад-Дину Али, который выразил свою покорность Тимуру и получил от него указ на правление, удалось вновь овладеть городом. По сообщению Ходжи Саад ад-Дина, он собрал вокруг себя значительные силы туркман и захватил также Никсар у эмиров Таджаддиногуллары, расширив свои владения к югу. Однако, услышав эту весть, Мехмед Челеби незамедлительно двинулся в сторону Никсара. В состоявшейся битве туркмены потерпели поражение, Ала ад-Дин Али вынужден был скрыться в одной из крепостей, подчиненных туркменам Ташаноглулары. После взятия Никсара Мехмед Челеби захватил еще одну важную крепость в этом районе – Фелник.⁶¹⁵

Одним из самых серьезных вызовов османской власти в центральной Анатолии в период «междоусобиц» было выступление влиятельного туркменского бея Ибрахима Иналоглу, бывшего родом из Токата. Ибн Кемаль называет его «одним из высокородных туркменских предводителей» (*Türkmen salarlarının ealisinden*).⁶¹⁶ По сообщению Ходжи Саад ад-Дина, Ибрахим Иналоглу собрал вокруг себя около 20 тысяч «слабых в вере туркман» (*Türkmen-i zaif-ül-iman*) и захватил Токат, где якобы занялся разбоем и грабежами. Оттуда он направился в сторону Казабада (Казовасы). Многочисленность туркман и их стремительные передвижения напугали Мехмеда Челеби. Интересна аргументация османских эмиров, которой они старались успокоить принца на состоявшемся военном совете. Как пишет Нешири, они убеждали Мехмеда не впадать в уныние и не беспокоиться из-за одного «безродного туркмана» (*bi-esl Türkmen*),⁶¹⁷ с которым они были готовы сразиться и разбить его в нужное время. Восприятие «румскими» (османскими) военачальниками родовитого туркменского бея Ибрахима Иналоглу как некоего «безродного туркмана» является важным индикатором этнических оценок внутри тюркской среды Малой Азии в данный период.

Было решено отправить Ибрахиму Иналоглу письмо от имени османского принца с призывом отказаться от захвата земель и нанесения ущерба

⁶¹⁵ Там же. С. 196-197. Сыну Ала ад-Дина Али Джунейду удалось в 1414 г. вновь отвоевать Самсун, но ненадолго. Городом овладел сын Исфендияра Джандароглу Хызыр, эмир Бафры. Сам Джунейд погиб в 1418 г. в сражении с другим туркменским беим Хасаном Алпарсланоглу, после чего прекратился род Кубадинов. (Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 93-94).

⁶¹⁶ İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tervarih-i Al-i Osman. IV Defter. P. 202-203

⁶¹⁷ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 388-389

населению. Ответ последнего показывает, как в реальности туркманская знать воспринимала османскую власть. По сообщению того же Ходжи Саад ад-Дина, Иналоглу без особых знаков внимания принял османского посла и пренебрежительно спросил его: *«Где в настоящее время находится Мехмед и чем он занят?»*, а после ознакомления с содержанием его письма настолько разгневался, что приказал убить посла.⁶¹⁸ Однако окружение удержало его от опрометчивого шага, османскому принцу был отправлен ответ оскорбительного содержания: *«Эй, Мехмед, как ты смеешь вести себя подобным образом со мной, переходить грань и писать такие слова? Ты еще дитя малое, и не подобает тебе возноситься, называя себя “султаном”. У меня нет намерения, наносить ущерб тебе и твоим владениям. Поэтому тебе следует покинуть эту страну подобру-поздорову. Я намереваюсь изгнать тебя из этой страны, завладеть ею и присоединить к своим владениям. Если ты не согласишься и станешь упорствовать, то готовься к худшему, ибо у меня будет разговор с тобой»*.⁶¹⁹ После получения письма Мехмеду Челеби пришлось выждать некоторое время, пока не выяснилось, что большая часть воинов Ибрахима Иналоглу разбрелась по округе для пополнения запасов продовольствия. Тогда османские войска совершили на них внезапное нападение и нанесли им поражение. По свидетельству османского автора, из отрубленных голов туркман на Казабадском поле были сооружены пирамиды.⁶²⁰

Выступления местных туркман и монголов против османской власти не прекратились на этом. Одновременно с действиями Ибрахима Иналоглу свои претензии на власть в части центральной Анатолии озвучил и влиятельный монгольский эмир Али Гёзлероглу. По сообщению источника, он был родом из Ладика. В числе примерно десяти эмиров, которые во второй половине XIV в. предприняли попытку установления наследственных владений (бейликов) в различных районах центральной Анатолии, принадлежавших эмирату Эретна, Ю.Паул называет и монгольского эмира по имени Гёзлер, чьим сыном, скорее всего, и был упомянутый Али.⁶²¹ Последний, в частности, предпринял атаку на Карахисар и взял в осаду внутреннюю цитадель города. После победы над Ибрахимом Иналоглу Мехмед Челеби немедленно двинулся на выручку Карахисара. Али Гёзлероглу, по свидетельству Ходжи Саад ад-Дина, перед лицом наступавшего османского войска решил дважды «опоясаться поясом чести» и встретиться с соперником на поле боя. Но в кровавой битве он потерпел поражение и бежал.⁶²²

⁶¹⁸ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 199

⁶¹⁹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 390-393

⁶²⁰ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 200

⁶²¹ Paul J. Mongol Aristocrats and Beyliks in Anatolia. P. 152

⁶²² Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 201

После того, как Мехмед Челеби справился с опасностью, исходившей от Али Гёзлероглу, и находился в Токате, предположительно, в конце 1402 г., до него дошла весть о новых выступлениях туркман в районе Казабада. На этот раз их предводителем был некий Кёпекоглу. Ходжа Саад ад-Дин пишет об этом человеке, не скупясь на презрительные эпитеты, как о сущем разбойнике, *«бродящем по степи туркмане, кусающем всех встречающихся на пути подобно собаке»*. При этом, автор обыгрывает его имя, этимологически означающее «пёсий сын» (тюрк. «кёпек» – пёс). В то же время, очевидно, что и этот предводитель туркман действовал по наущению Тимура и пытался «развернуть знамя независимости», иными словами, создать свой бейлик.⁶²³ Его контакты с тимуридами и явные политические цели заставляют несколько иначе оценивать личность Кёпекоглу и предположить возможность его принадлежности к местной туркманской знати. В любом случае, нет сомнений в одном – его выступление было направлено против османской власти в этом районе. Иначе «завывание этого бешеного пса», как грубо и презрительно характеризует его османский автор, не вызвало бы серьезное беспокойство у Мехмеда Челеби. Поэтому османские войска напали на эту группу туркман в Казабадском поле ранним утром на рассвете, застав их спящими. Большая часть из них были перебита, остальные – взяты в плен.⁶²⁴

Среди туркманских беев, пытавшихся установить в центральной Анатолии собственную власть, был и зять Кадия Бурхан ад-Дина Мезид-бей. Будучи членом монаршей семьи и, видимо, опираясь на поддержку местного населения, он овладел бывшей столицей государства Кадия Бурхан ад-Дина Сивасом. Как уже сообщалось, после захвата Тимуром город был целиком разрушен, часть населения была истреблена. Когда Мезид-бей провозгласил здесь свою власть, он вынужден был выбрать своей резиденцией единственное уцелевшее здание в Сивасе – султанскую соборную мечеть (*Sultan camii*). Мехмед Челеби послал против него сильное войско во главе со своим везиром Баязид-пашой. Мезид-бей укрепил мечеть и стал держать оборону. Когда османы стали рыть подкопы под стенами мечети, чтобы разрушить их, Мезид-бей отказался сдаться и с частью своих людей укрылся в минарете. Османский паша приказал обложить минарет соломой и поджечь. Как видно, даже в этот век безраздельного господства веры реальные интересы войны оказывались сильнее религиозных чувств, и во имя победы солдаты могли предать огню почитавшиеся священными мечети и минареты. Закованный в цепи Мезид-бей предстал перед Мехмедом Челеби, но, по свидетельству Ходжи Саад ад-Дина, держался мужественно и с достоинством. Его благородство на-

⁶²³ Там же. С. 202

⁶²⁴ Там же

столько поразило османского принца, что тот решил освободить его и даже поручил ему восстановление Сиваса.⁶²⁵ Впрочем, скорее всего, милосердие Мехмеда объясняется более прагматичной причиной. Он не мог недооценивать значение поступления на османскую службу зятя Кадия Бурхан ад-Дина, бывшего некогда опаснейшим соперником его отца султана Баязида, и влияние этого факта на умоностроения местной знати для того, чтобы добиться их лояльности.

Следует упомянуть также правителя крепости Османджик Кара Яхью Исфендияроглу, еще одного туркманского бея, который оказал упорное сопротивление установлению власти Мехмеда Челеби в этом районе. Он сразился с османскими войсками, но, потерпев поражение, должен был отступить и сдать свои владения Мехмеду.⁶²⁶

Выше было отмечено, что монгольские племена в центральной Анатолии в период Ильханидов, эмиратов Эретна и Кадия Бурхан ад-Дина обладали весьма сильными позициями. Естественно, они не имели причин приветствовать османское завоевание этих областей. Племена карататар, как было сказано, в массовом порядке перешли на сторону Тимура в битве при Анкаре, во многом, предрешив поражение султана Баязида I. Источники зафиксировали также акты сопротивления монгольской знати попыткам Мехмеда Челеби восстановить здесь османскую власть. В частности, известие о вооруженном выступлении одного из представителей монгольской знати Али Савджиоглу привело в страх местное население и всерьез обеспокоило Мехмеда Челеби. Понимая, что эти действия были направлены против османской власти в регионе, Мехмед двинул свои войска против монгольского эмира. В результате тот был разбит и укрылся в крепости Саласил. Мехмед Челеби не решился атаковать крепость, которая находилась недалеко от места дислокации чагатайской армии.⁶²⁷

Таким образом, очевидно, что вакуум власти и политическая анархия, наступившие после поражения султана Баязида в битве при Анкаре, стимулировали многочисленные выступления крупных и мелких противников османской власти в различных регионах Малой Азии. Особенно активно они проявили себя в центральных областях Анатолии, социальная структура которых отличалась преобладанием кочевых племен, политической децентрализацией и хозяйственной автаркией. Характерные социально-политические особенности этих областей предопределили сложность процесса установления здесь османской власти.

Как указывалось выше, раздел части османских земель в Анатолии и восстановление ранее захваченных султаном Баязидом эмиратов сущест-

⁶²⁵ Там же. С. 202-204

⁶²⁶ Там же. С. 206

⁶²⁷ Там же. С. 206-208

венно сузили здесь османские границы. Смуты времен «междоусобиц» также способствовали внутренней дезинтеграции государства. Вновь заявили о себе эмираты Гермиян, Караман, Сарухан, Айдын, Ментеше, Хамид, Теке (за исключением Анталы), большая часть которых была незадолго до этого ликвидирована Баязидом. В частности, такие города как Кайсери, Сейдишехир, Бейшехир, Акшехир, Сиврихисар, Бейпазары, считавшиеся владением османов, были переданы Караману.

После того, как Мехмед Челеби одержал верх над своими соперниками в период смуты и стал единодержавным правителем в 1413 г., он столкнулся с неотложной задачей восстановления территориального единства государства. Новый султан незамедлительно приступил к широким военным операциям в Малой Азии и, в первую очередь, вновь ликвидировал Саруханский эмират, присоединив его земли к Османскому государству. После этого он начал военные действия против эмирата Айдын. Пользуясь тем, что Джунейд Измироглу незадолго до этого сместил османского губернатора Айасулука и провозгласил себя новым правителем Айдына, Мехмед Челеби решил наказать этого «самозванца». Он занял большую часть территории эмирата и взял после осады Измир, положив конец независимости Айдына. Эти территории вновь были присоединены к Османскому государству и переданы под управление Александра, принявшего ислам сына болгарского царя Ивана Шишмана. Джунейд Измироглу был помилован и в 1414 г. назначен санджакбеем Нигболу (Никополя) в Румелии.⁶²⁸

После ликвидации эмирата Айдын Мехмед Челеби двинулся против правителя Карамана, главного вдохновителя всех антиосманских выступлений в Малой Азии, благо, «незаконные» действия последнего давали ему удобный повод для его «наказания». Так, пользуясь военным конфликтом между Мехмедом Челеби и его братом Мусой в Румелии, Мехмед Караманоглу успел захватить часть владений Гермияна и совершить грабежи на территории этого эмирата. Более того, он совершил рейд на Бурсу и окружил город, который до этого пострадал от пожара и грабежей, устроенных чагатайцами. Осада крепости длилась около месяца, однако османы во главе с комендантом крепости Хаджи Ивазом стойко защищались. Караманцы совершили страшные разрушения в этих районах и, как сообщает Нешири, оставили на месте города черное пепелище.⁶²⁹ Желая отомстить за казнь своего отца Ала ад-Дина Али, Мехмед Караманоглу не удержался от осквернения могилы османского султана, своего дяди по матери Баязида I. По сведениям Дуки, он приказал эксгумировать труп султана и сжечь его.⁶³⁰ Однако, услышав о победе Мехмеда Челеби

⁶²⁸ Там же. С. 116-119; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 350-352

⁶²⁹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 518-519

⁶³⁰ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 122

над своим братом Мусой и возвращении его в Анатолию, он приказал предать Бурсу огню и отступить.

В османских источниках приведены интересные детали этого события. Мехмед Караманоглу оставил Бурсу, когда пришло известие о приближении процессии с телом убитого в борьбе со своим братом принца Мусы. Членов османской династии, как известно, традиционно хоронили в семейной усыпальнице у соборной мечети Бурсы. Чтобы удостовериться в победе Мехмеда Челеби и смерти Мусы, караманский правитель приказал вскрыть гроб с телом, и, лишь убедившись в том, что это не было хитрой уловкой османов, быстро ретировался. По сведениям османских хроник, в это время шут («недим») караманского бея якобы спросил у него: *«Мой султан! Если мы так удираем от мертвого османа, что же будет с нами, когда придет живой?»*. Разгневанный «неуместным» вопросом шута, Мехмед Караманоглу приказал повесить его на ближайшем суку.⁶³¹ Приведенная цитата позволяет судить о взаимном восприятии османов и караманцев в начале XV столетия.

Действия караманского бея дали повод для дальнейшего развертывания антикараманской «пропаганды» в османской литературе. В хрониках сообщается о том, как османский султан «впал в печаль», вернувшись в Бурсу, увидев пожарище на месте города и услышав о «злодеяниях, совершенных против мусульман». Поэтому, созвав везиров, он заявил им буквально следующее: *«Какой же жестокий язычник этот Караманоглу, ибо в то время как я во имя мирового порядка (nizam-ı aleml) оставляю свое царство и на несколько месяцев покидаю свой трон, денно и нощно жертвую свою жизнь во имя мусульман, стремясь спасти подданных от угнетения, он совершает нападение на несчастных мусульман, грабя их имущество и мучая их жен и детей»*.⁶³²

В походе на Караман османский султан получил военную поддержку от беев Гермияна Якуба и Джандара – Исфендияра. С помощью прибывших из этих эмиратов военных отрядов Мехмед Челеби без боя занял города Акшехир, Бейшехир и Сейдишехир, а Конья была взята в осаду. Однако в 1414 г. в результате взаимных переговоров стороны заключили мир.⁶³³ Тем не менее, в следующем году пришло сообщение о новых рейдах караманцев в османские земли. Разгневанный султан приказал вновь повернуть армию на Конью, но из-за постигшего его недуга проведение операции было поручено бейлербею Анатолии Баязид-паше. Тому удалось хитростью выманить караманского бея из крепости и захватить его в плен. Мехмед Караманоглу вновь был вынужден заключить мир, но уже

⁶³¹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 520-523; Anonim Osmanlı Kroniği. P. 63

⁶³² Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 526-527

⁶³³ Там же. С. 528-531

на более тяжелых условиях, согласно которым он возвращал Османскому государству города Сейдишехир, Бейшехир, Акшехир, Ялвач, Сиврихисар, Бейпазары и обязался при необходимости оказывать султану поддержку военной силой.⁶³⁴ По сути, этим соглашением караманский бей снова признал свою вассальную зависимость от османского султана.

Нешри сообщает любопытные подробности этого инцидента. Когда караманский правитель предстал с преклоненной головой перед османским султаном, тот потребовал у него для спасения его жизни принести клятву в том, что никогда впредь не совершит злодеяний против мусульман, т.е. османов, на что Мехмед Караманоглу, положив руку на сердце, дал искренний обет: *«Пока эта душа находится в этом теле, я не взгляну враждебно на Османское государство. А если взгляну, то пусть покарает меня священный Коран (Kelam-i kadim)»*. После этого он был отпущен с миром и подарками. Однако, удалившись от ставки султана, он в сердцах бросил своим приближенным: *«Моя вражда с османами будет длиться до скончания века»*, и якобы вновь приступил к грабежам и убийствам мирного населения на подвластных османам землях. По словам автора, свита Мехмеда Караманоглу была шокирована его действиями и пыталась отговорить его от необдуманных и опасных поступков, напоминая ему о данном обете. На это караманский правитель ответил: *«В тот момент [принесения клятвы] у меня за пазухой был голубь, я поклялся на той душе. Затем я отпустил этого голубя и освободился от клятвы»*.⁶³⁵ Данный факт интересен не только тем, что является штрихом к пониманию взаимных отношений караманцев и османов, но и в определенной мере проливает свет на малоизученный вопрос религиозных взглядов в тюркской среде Анатолии. Восходящее к древневосточному символизму представление души в виде голубя любопытным образом нашло свое воплощение в клятве караманского правителя в начале XV в., что можно, видимо, отнести к влиянию местной христианской среды на анатолийских тюрков.

Следующий поход Мехмеда Челеби в Малой Азии был предпринят против эмирата Джандар. В отличие от западноанатолийских бейликов Джандар не был полностью ликвидирован Баязидом I. Исфендияр уступил часть своих земель османам на правах вассального владения, но сохранил за собой Синоп. Он воспользовался возможностью, которая открылась в результате похода Тимура в Малую Азию, и после битвы при Анкаре смог восстановить целостность и независимость своего эмирата. Как было указано, он прибыл к Тимуру в то время, когда тот находился в Ментеше, и заручился его поддержкой. В годы смуты и «междоусобиц» Исфендияр активно включился в междоусобную борьбу оспаривавших

⁶³⁴ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 352-353

⁶³⁵ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 534-535

друг у друга власть сыновей Баязида, оказывал помощь то одному, то другому, преследуя собственные интересы. После воцарения Мехмеда Челеби джандарский бей предпочитал строить с ним доверительные отношения, отправив во время османских походов в Валахию и Караман воинские контингенты под командованием своего сына Касима.

Однако возникшие вскоре между отцом и сыном разногласия дали возможность Мехмеду Челеби вмешаться во внутренние дела Джандара. В основе семейного конфликта лежало желание Исфендияра передать крупные провинции Кастамону, Чанкыры, Тосья и Каледжик под управление другого своего сына – Хызыра.⁶³⁶ Проведавший об этом Касим почувствовал себя обделенным и решил прибегнуть к помощи османского султана. По сообщению Нешри, он прибыл в ставку Мехмеда Челеби, который возвращался из похода в Валахию, и обратился к нему: *«Я раб моего султана и готов служить при его дворе»*.⁶³⁷ Это был удобный повод для османского султана, чтобы расширить свое влияние в Джандаре. Он призвал Исфендияра принять во внимание интересы Касима и передать в его управление вышеупомянутые города. Отказ джандарского бея подчиниться этому требованию дал султану основание для начала войны и взятия в осаду Синопа. Попавший в безвыходное положение перед натиском османов Исфендияр был вынужден признать свою вассальную зависимость от Мехмеда Челеби. В Джандаре стали читать хутбу и чеканить монеты с именем османского султана. Более того, большая часть территории эмирата, кроме Кастамону и Бакыркюреси, была присоединена к Османскому государству, и эти земли были переданы в управление Касиму.⁶³⁸ Тем самым, был положен конец независимому статусу одного из некогда сильных анатолийских бейликов.

Мехмеду Челеби пришлось подавлять и широкие социальные выступления крестьян и части служилой прослойки, происходившие в западных областях Малой Азии под религиозными лозунгами, которые возглавлялись последователями известного суфийского шейха Бадр ад-Дина Симави. Последний некоторое время был кадиаскером при Мусе Челеби, но после смерти своего покровителя в 1413 г. был сослан Мехмедом Челеби в Изник. Так, в 1416 г. последователь шейха Симави Бёрклюдже Мустафа поднял в Айдыне восстание, описание которого мы находим в труде византийского историка Дуки. Вскоре оно было подавлено османскими войсками под командованием великого везира Баязид-паши. Неудачей закончилось и выступление Торлак Ху Кемаля в Манисе.⁶³⁹ Сам

⁶³⁶ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 357

⁶³⁷ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 537-538

⁶³⁸ Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 92-93

⁶³⁹ См.: Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 62-68

шейх Бадр ад-Дин Симави бежал из Изника сначала в Синоп к правителю Джандара Исфендияру, а оттуда перебрался в Валахию к Мирче, оказавшему ему поддержку. Попытка поднять новое крупное восстание не удалась, участники были разбиты тем же Баязид-пашой, сам шейх попал в плен и был казнен султаном Мехмедом Челеби. Примечательно, что эти восстания произошли на территории западноанатолийских бейликов, не так давно включенных в состав Османского государства, и в них приняло участие как большое число крестьян, так и представителей местного служилого класса (сипахии-тимариоты), у которых еще была жива память о временах службы под началом собственных независимых правителей.

После этих событий Мехмед Челеби вновь устремил взор на владения эмирата Джаник в причерноморском побережье Малой Азии, которые ему не удалось подчинить раньше из-за конфликта с Караманом. Попытки султана Мехмеда Челеби захватить Самсун в 1418 г. у Хызыра Джандароглу оказались тщетными. Город был взят в 1419 г., когда османская армия во главе с принцем Мурадом и бейлербеем Рума Бичероглу Хамза-беем совершила поход в Джаник. Предварительно была занята генуэзская фактория Самсун (христианский Самсун), а затем и мусульманская крепость Самсун, которой владел второй сын Исфендияра – Хызыр.⁶⁴⁰ Согласно сообщению Ашикпашазаде и Нешри, христианская крепость была взята османами после того, когда они услышали о произошедшем в городе пожаре и отплытии всех генуэзцев на кораблях. Хызыру пришлось сдать мусульманский Самсун без боя. На вопрос о причине такого поступка он ответил османскому паше: *«Отныне не было бы нам здесь покоя. И наше с вами соседство подобно соседству селезня с беркутом»*, намекая на обреченность своего эмирата, как, впрочем, и других анатолийских бейликов, перед лицом политики «османизации» Малой Азии. В хрониках приводится любопытная подробность, подчеркивающая жизненно важную роль генуэзской фактории для функционирования доосманского мусульманского Самсуна, ибо одна из причин сдачи города заключалась в том, что *«жизнь этого города зависела от христианского города (kafir şehriyle idi)»*, и после разрушения фактории, занятой османами, удержание его теряло всякий смысл. Мехмед Челеби предложил Хызыру поступить на османскую службу, сославшись на пример его брата Касима. Однако тот с честью отклонил этот призыв, сказав, что не мог бы находиться в одних рядах с Касимом, который изменил своему отцу.⁶⁴¹

Интересно, что по возвращении из похода османский правитель встретил в районе Искилипа остатки монгольских племен самагар, извест-

⁶⁴⁰ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 287

⁶⁴¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevarih-i Al-i Osman. P. 152; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 540-541

ных в Малой Азии под названием «кара-татар», и проявил небезосновательный интерес к ним. Как сообщают некоторые источники, например, Низам ад-Дин Шами и Ибн Арабшах, Тимур вернул племена кара-татар из Анатолии в Среднюю Азию.⁶⁴² Во всяком случае, эти слухи были широко распространены в Малой Азии. Это и было причиной удивления Мехмеда Челеби, который помнил измену кара-татар во время битвы при Анкаре. По сведениям Ашикпашазаде, он возмущенно заявил: *«А ведь шла молва, что Тимур увел с собой этих татар. Как же так, что они все еще находятся здесь со своими беями, справляют свадьбы, ходят друг к другу, да еще не участвуют в моих походах? Выселить их следует из этой области»*.⁶⁴³ По его приказу остатки монгольских племен были переселены из Малой Азии на Балканы.

Таким образом, во время правления Мехмеда Челеби после длительного периода смуты и «междоусобиц» были восстановлены единство и территориальная целостность Османского государства. В Малой Азии Османское государство стало граничить с государством Кара-Коюнлу, которое овладело городом Эрзинджан после смерти эмира Мутахартена.

⁶⁴² Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 275-276; Kitab aja'ib al-maqdur fī akhbari Timur. P. 273-275

⁶⁴³ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 153

Глава III

ОСМАНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ В МАЛОЙ АЗИИ

От кочевого бейлика к централизованной империи: предпосылки возвышения Османского государства

С точки зрения этнополитической истории небезынтересно типологическое сравнение личностей двух правителей, которые представляли конфликтующие между собой полюса внутри тюркской среды Малой Азии в конце XIV столетия. Речь идет о правителе Сиваса и Кайсери Кадии Бурхан ад-Дине Ахмеде и османском султани Баязиде Молниеносном. Безусловно, Кадий Бурхан ад-Дин был образованнее и имел более высокий культурный статус по сравнению с Баязидом. Как было отмечено, в юности он получил основательное образование в ведущих учебных заведениях Сирии и Египта, изучил арабский и персидский языки, приобщился к религиозным дисциплинам и светским наукам, был знатоком мусульманской юриспруденции. Поэтому он после возвращения на родину в довольно молодом возрасте был отмечен правителем бейлика Эретна Гияс ад-Дином Мухаммедом, назначен кадием Кайсери и сделал успешную карьеру, добившись, в итоге, верховной власти и став самостоятельным главой государства в центральной Анатолии. С точки зрения политической преемственности он являлся продолжателем ильханидской традиции в Малой Азии, хотя по своим личным качествам и культурному уровню, он, безусловно, превосходил ту номадическую среду, к которой объективно принадлежал. Кадий Бурхан ад-Дин обладал тонким художественным вкусом. Объемный сборник (Диван) великолепных стихов на азербайджанском тюркском языке сохранился до наших дней и поставил его в один ряд с классиками средневековой азербайджанской литературы. Источники свидетельствуют, что он с удовольствием и часто устраивал поэтические вечера в своем дворце в зимние сезоны, когда отдыхал от непрерывных войн и походов в остальное время года. Культурный импульс он получал, в основном, с востока, из Тебриза и литературно-интеллектуальной среды Азербайджана, воплощая в себе, по сути, тип «справедливого монарха», воспетого такими мыслителями как Низам ал-мульк или Низами.

В данном контексте знаменателен следующий факт, характеризующий политическое кредо Кадия Бурхан ад-Дина. Как было отмечено, на пике противостояния с Тимуром чагатайский посол, прибывший в Сивас с письмом от своего повелителя, был арестован по приказу Кадия и отправлен в Каир к мамлюкскому султану Баркуку, который и должен был решить его дальнейшую судьбу. Вскоре правитель Сиваса получил угрожающее письмо от Тимура, в котором тот спрашивал о судьбе посла, пренебрежительно отзывался о мамлюкском султанине как безродном самозванце и выдвигал претензии на Египет как на страну, некогда находившуюся в подчинении у потомков Чингиз-хана, т.е. Ильханидов. В ответ Кадий Бурхан ад-Дин сообщил, что права Баркука были санкционированы шариатом, ибо, будучи хранителем двух священных городов ислама – Мекки и Медины, он являлся наместником халифов и через них самого пророка. Таким образом, в конкуренции между чингизидской «Ясой» и мусульманским шариатом, или, иными словами, степным и религиозным правом, которая получила остроту и актуальность в исламском мире после монгольских завоеваний и падения Аббасидского халифата, Кадий Бурхан ад-Дин Ахмед выступал защитником шариата и религиозных принципов против кочевых представлений и чингизидских амбиций Тимура. Между тем, парадоксальным образом в своих отношениях с османами он объективно выступал носителем номадических традиций и противником централизаторских устремлений османского султана.⁶⁴⁴

Сложно дать столь же лестную характеристику сопернику Кадия Баязиду Молниеносному. У нас нет сведений о том, что этот османский султан занимался каким-либо видом художественного или литературного творчества.⁶⁴⁵ В период его правления османский двор не успел еще прославиться как центр культуры и средоточие поэтов и ученых. Более того, историк Кадия Бурхан ад-Дина Азиз Астарабади называет его «простым монголом» (*moğuli-ye sade*), что наглядно отражает в этот период взгляды ирано-исламской интеллектуальной среды на культурный уровень османов.⁶⁴⁶ По-видимому, не случайным является тот факт, что в ранних османских хрониках звучит анекдот о вспыльчивости и, одновременно, малообразованности Баязида. Он якобы не знал даже о получении мусульманскими судьями (кадиями) специального многолетнего образования в медресе, и однажды, разгневавшись на них за мздоимство, решил казнить их всех разом, но с трудом был отговорен приближенными от столь опрометчивого шага.⁶⁴⁷

⁶⁴⁴ Bazm u Razm. P. 459-461

⁶⁴⁵ В средневековой литературной антологии («Тезкире») Сехи-бея первым османским султаном, всерьез увлекавшимся поэзией и писавшим стихи, называется имя Мурада II, внука Баязида Молниеносного (Sehi Bey. Heşt Behişt. P. 43).

⁶⁴⁶ Bazm u Razm. P. 382

⁶⁴⁷ Anonim Osmanlı Kroniği. P. 40-41. Следует отметить, что в османской литературе немало образцов различных анекдотов и баек о султанине Баязиде Молниеносном, и

Вместе с тем, несмотря на превосходство Кадия Бурхан ад-Дина над османским султаном в культурном уровне, представляемая им политическая традиция была достаточно уязвимой и уступала по основным параметрам новому османскому порядку. Хотя в течение некоторого времени созданное им государство и представлялось непреодолимым препятствием для расширения османских границ в Малой Азии, тем не менее, немедленно после смерти правителя его постигла судьба многих традиционных тюркских государств. Внезапная гибель Кадия Бурхан ад-Дина привела к быстрому распаду и исчезновению государства, которое он с такими невероятными усилиями создавал в течение многих лет. Этот факт, типологически сходный с концом других традиционных тюркских государств, как, Тимуридского, Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и других, представляет значительный интерес, поскольку эти государства так и не смогли достигнуть имперского статуса и продемонстрировать завидное историческое долголетие как Османская империя. Последняя же, в отличие от них, смогла выстоять в самые тяжелые периоды своей истории, преодолеть все, казалось бы, непреодолимые преграды и сохранить свое существование вплоть до начала XX столетия. Изучение данного вопроса ставит перед исследователем важные вопросы о характеристике османской государственности, ее сущностном отличии от традиционной тюркско-монгольской государственности. Попытка ответа на эти вопросы отчасти позволяет понять причины превосходства Османского государства над другими анатолийскими эмиратами, что в итоге дало османам возможность взять на себя миссию объединения Малой Азии, а, следовательно, и политической консолидации и этнической интеграции тюркской общности в регионе. Поэтому данную проблему следует рассмотреть в нескольких следующих аспектах.

Географическое преимущество или «пассионарность»?

Критический разбор основных концепций «классиков» османистики (Г.Э.Гиббонса, М.Ф.Кёпрюлю, П.Виттека, Р.П.Линднера и др.) о причинах возвышения Османского государства не входит в задачи данной работы, так как эта проблема не раз обсуждалась в исследовательской литерату-

отнодью не все с отрицательным оттенком. Так, в религиозно-дидактическом трактате «Венец учтивости» повествуется о том, как малолетний сын султана принц Сулейман однажды пожаловался на своего учителя, который часто бил его за леность. Баязид обещал утром разобраться с учителем, но предварительно оповестил того, чтобы он при встрече вел себя нарочито строго с султаном и напугал этим принца. Наутро, когда Баязид, взяв за руку Сулеймана, явился в школу, учитель с палкой в руках набросился на него и с криками и угрозами выгнал на улицу. Султан притворился напуганным и сказал принцу, что учитель был настолько суровым человеком, что мог поднять руку даже на правителя, а потому у Сулеймана не было иного выбора как прилежно учиться (Əli ibn Hüseyni əl-Amasi Ələddin Cələbi. P. 30).

ре.⁶⁴⁸ Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на один аспект, связанный с географическим фактором, поскольку некоторые авторы были единомышленны в том, что одно из преимуществ Османского государства по сравнению с другими анатолийскими эмиратами заключалась в его выгодном приграничном статусе, т.е. расположении в приграничной с Византией зоне. В целом, не возражая против данного факта, следует отметить, что бейлик Караси, к примеру, также имел общие границы с Византией, и при этом, в отличие от османов, еще и выходом к морю. Вместе с тем, Караси не мог претендовать на роль политического наследника Сельджукидов Малой Азии и «собирателя» земель. Можно упомянуть и другие эмираты западной и центральной Анатолии, как Гермиян, Караман, Айдын, которые обладали более выгодными стартовыми возможностями, чем османы.

Чтобы прояснить вопрос, было бы уместно обратиться к историческим параллелям. Так, некоторые исследователи усматривают определенные параллели в исторической эволюции турецкого и русского народов, особенно их государственности на раннем этапе развития.⁶⁴⁹ Действительно, во-первых, вполне уместно сравнение процессов становления сильных и относительно централизованных государств – Сельджукского султаната Малой Азии и Киевской Руси. Оба они почти синхронно подверглись монгольскому завоеванию в первой половине XIII в. Правда, Киевское государство в это время было разделено на несколько уделов в результате внутренней дезинтеграции, в то время как Сельджукиды находились на пике своего могущества. Враждовавшие друг с другом удельные русские княжества попали в вассальную зависимость от Великого монгольского хана, а затем и ханов Золотой Орды. Аналогичные процессы происходили и в Малой Азии, где после поражения 1243 г. в битве при Кёседаге сельджукские султаны оказались в зависимости от монгольских ханов, а после – ильханидских правителей, а их владения постепенно раздробились на множество мелких государственных образований. В истории Турции начался период бейликов. Во-вторых, в начавшейся между различными русскими княжествами конкурентной борьбе за военно-политическое лидерство Москва постепенно стала одерживать верх над Суздалем, Тверью, Новгородом и другими городами, превратившись в центр нового русского государства, что особенно проявилось в первой половине XIV в. в годы правления Ивана Калиты (1325-1340). Эти явления сыграли главную роль в выделении Москвы как центра этноконфессиональной интеграции новой русской (великорусской) народности.

При обращении к истории Малой Азии, мы видим, что синхронно с Москвой, т.е. в первой половине XIV столетия, особенно при Орхане, в

⁶⁴⁸ Kafadar C. Between two worlds. P. 32-59

⁶⁴⁹ Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы. С. 103-114

Анатолии происходило возвышение Османского бейлика. Османы неизменно усиливали свою военно-политическую и экономическую мощь, что дало им возможность в последующем одержать верх над своими соперниками – эмирами Гермиян, Караман, Кадием Бурхан ад-Дином, и, в итоге, создать Османскую империю. Формирование и развитие турецкого народа в средние века было связано с Османской государственностью, так же как Московское государство стало этнополитическим ядром русского (великорусского) народа.

Таким образом, схожие черты истории турецкого и русского народов в средние века позволяют выявить определенные аналогии и постараться сравнить их друг с другом. К примеру, Л.Н.Гумилев проанализировал причины превосходства Москвы над другими княжествами и превращения его в центр этнополитической интеграции русского народа. По его мнению, выдвигаемый рядом исследователей тезис о расположении Москвы в самом сердце русских земель и «на перекрестке дорог» не может служить единственным и главным объяснением вышеуказанных процессов: «Но ведь и Тверь была в “центре”, а Углич и Кострома находились в гораздо более выгодном положении по отношению к торговым путям, однако столицами новой Руси – России – эти города не стали».⁶⁵⁰ Основываясь на т.н. «пассионарной теории этногенеза», Л.Н.Гумилев полагает, что «причина возвышения Москвы состоит в том, что именно Московское княжество привлекло множество пассионарных людей: татар, литовцев, русичей, половцев – всех, кто хотел иметь и уверенность в завтрашнем дне, и общественное положение, сообразное своим заслугам. Всех этих пришельцев Москва сумела использовать, применяясь к их наклонностям, и объединить единой православной верой. При этом на Москву большей частью шли люди энергичные и принципиальные. Так, татары-золотоордынцы, бежавшие после переворота Узбека в Москву, составили костяк русского конного войска, которое впоследствии и обеспечило победу на Куликовом поле». Все эти люди плавилась в едином этническом котле Московского княжества, превращаясь в часть нового русского этноса. В итоге, «пассионарный потенциал» Москвы, связанный с совершившимся на этой земле «этническим синтезом», возобладал над богатствами Новгорода, удалью Твери и династическими претензиями Суздаля.⁶⁵¹

Не вдаваясь в вопрос о научной уместности ряда терминов и понятий, которыми оперирует Л.Н.Гумилев, следует признать точность определения сущности этнополитических процессов, описываемых автором. Примечательно, что идентичные оценки можно дать и аналогичным процессам, которые синхронно происходили на анатолийской почве. Речь

⁶⁵⁰ Гумилев Л.Н. От Руси к России. С. 150

⁶⁵¹ Там же

идет о возвышении в первой половине XIV столетия Османского бейлика в Малой Азии. Можно уверенно констатировать удивительную способность первых османских правителей привлекать к себе на службу т.н. «пассионарных» людей из Анатолии, а затем и Балкан, аккумулировать и использовать их энергию в собственных интересах. По сути, происходил процесс формирования новой этнополитической общности людей различного происхождения, подчиненных единой властью Османской династии, объединенных общими интересами нового государства, преданность которому сулила им, повторяя вслед за Л.Н.Гумилевым, «уверенность в завтрашнем дне и общественное положение, сообразное своим заслугам».⁶⁵² Этот фактор способствовал быстрому росту могущества и авторитета Османского государства, который постепенно возвышался над остальными анатолийскими эмиратами. Не случайно молва о «справедливости» и «заботе» о служилых людях первых османских правителей – самого Османа и его сына и преемника Орхана, распространялась по Анатолии. В своем завещании Орхану его отец особо подчеркивал необходимость «милостивого обращения с покорными», «щедрости в отношении к своим воинам» и т.д.⁶⁵³ Эта слава привлекала под знамена османских правителей наиболее энергичных и активных людей, готовых участвовать в военных походах и сражениях, в строительстве молодого государства. Возможность участия под османскими знаменами в освященных религией военных набегах против византийских, а с середины XIV в. и балканских «иноверцев», сулила немалую выгоду анатолийским «пассионариям». Значительная часть их была тюрками и мусульманами из различных областей Малой Азии, однако среди них было и немало людей иного происхождения и веры, которые поступали на османскую службу, со временем принимали ислам и становились членами нового османского сообщества.

Р.П.Линднер отмечает, что в основе подъема и дальнейшего успеха Османского бейлика лежала социальная мобильность и внутренняя гибкость племенной структуры, которая могла включать в свой состав новых членов не только по кровнородственным связям, но и в соответствии с принципом их полезности. В этом отношении Осман руководствовался прагматическими целями, приближая к себе и представителей византийского общества. Греки-христиане получали возможность безболезненно интегрироваться в новое общество, формировавшееся в Вифинии под лидерством Османа. При этом он выступал и как успешный глава племени, пользовавшийся доверием своих сородичей и последователей, и как основатель новой социальной общности, конструирующий ее в соответствии с требованиями реальности. «Его власть росла, поскольку он служил в качестве стержня между племенными и внешними интересами, между свои-

⁶⁵² Там же

⁶⁵³ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 146-147

ми последователями и их бывшими византийскими хозяевами и монгольскими господами».⁶⁵⁴

К примеру, Ашикпашазаде и вслед за ним ранние османские источники сообщают о случае поступления на османскую службу христианского ренегата, византийского правителя (*теккура*) района Харманкая Кёсе Михала.⁶⁵⁵ Будучи православным христианином, он добровольно оказывал содействие Осману, *«всей душой и со всеми своими людьми стал служить»* ему.⁶⁵⁶ Он *«постоянно находился при Османе Гази, и неверные Харманкая оказывали множество услуг газиям»*, т.е. османам. В дальнейшем, как указывает Нешири, Кёсе Михал обратился в ислам, и его потомки вошли в состав османской элиты, так что во времена Нешири, т.е. в конце XV – начале XVI столетия те еще владели собственными имениями (мюльками).⁶⁵⁷ Хотя К.Имбер считает сведения о Кёсе Михале плодом фантазии Ашикпашазаде,⁶⁵⁸ тем не менее, само бытование таких рассказов в османской среде свидетельствует о типичности подобных примеров в раннеосманской истории.

Примечательно, что Османский бейлик был привлекательным местом не только для так называемых «людей меча», воинов и искателей приключений, но и представителей духовенства, суфиев-дервишей, людей интеллектуального труда. В большом количестве они прибывали в османские земли, многие связывали с ними свою жизнь навсегда, формируя духовно-интеллектуальную среду молодого государства. Так, поэт Кемаль повествует о временах правления султана Мурада II и отмечает, что из многих стран и «всех семи климатов света» добродетельные люди прибывали в Рум под покровительство османского султана и, убедившись в его могуществе и славе, оставались здесь навсегда.⁶⁵⁹

Таким образом, в усилении Османского бейлика на раннем этапе, постепенном превращении его во влиятельный центр силы, в некое ядро, вокруг которого происходила политическая и этнокультурная интеграция тюркского населения Малой Азии, наряду с его выгодным географическим положением решающую роль сыграл его военно-политический вес и способность привлекать наиболее активные элементы, военный и интеллектуальный потенциал из соседних областей Анатолии и Балкан.

Османское государство и номады

Раннеосманское государство мало отличалось от других тюркских эмиратов Малой Азии. Появление в Анатолии племени, которое считает-

⁶⁵⁴ Lindner R.P. Nomads and Ottoman in Medieval Anatolia. P. 35

⁶⁵⁵ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 99

⁶⁵⁶ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 76-77

⁶⁵⁷ Там же

⁶⁵⁸ Imber C. İlk dönem Osmanlı tarihinde düstur ve düzmece. P. 291-293

⁶⁵⁹ XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name. P. 137

ся создателем Османского бейлика, связано не с первыми огузскими переселениями в сельджукскую эпоху, а с последующими миграционными волнами, которые происходили под влиянием монгольских завоеваний. Все исторические источники, как отмечалось, указывают на прибытие в Малую Азию небольшого огузского племени – предков Османской династии – именно в XIII столетии. Хотя во время Османа они и владели некоторыми поселениями в Вифинии, все же продолжали вести кочевой, вернее, полукочевой образ жизни и обеспечивать все необходимое за счет отгонного животноводства. В исторических источниках сохранилось немало свидетельств о номадическом характере раннеосманского общества.⁶⁶⁰

Более того, поскольку Османский бейлик имел статус «уджа», то в нем заметнее были представлены «туркманские» особенности. Достаточно напомнить, что главы других эмиратов в этот период воспринимали османов как бедное пастушеское племя. Согласно хронике Шикари, караманский и гермиянский беи, которые владели богатыми и процветающими городами, сохранившими свое торгово-ремесленное значение еще со времен Сельджукского государства Малой Азии, смотрели на Османа как на простого и безродного простолюдина.⁶⁶¹

Однако под влиянием экономических и социальных факторов серьезные внутренние трансформации в османском обществе происходили уже в начале XIV в. Наблюдалась быстрая седентеризация значительного числа бывших кочевников. Так, Р.П.Линднер считает, что, несмотря на номадический характер раннеосманского общества, его представители стали переходить к оседлости уже в правление Османа. Природные условия западной Анатолии, и, соответственно, экономические причины были одним из ос-

⁶⁶⁰ К примеру, когда византийский правитель Биледжика пригласил Османа на свадебную церемонию, тот ответил: *«Наши дамы привыкли к открытой местности, в Биледжике им тесно. Поэтому пусть свадьбу сыграют в Чагыр-пынаре»*, т.е. на равнине за пределами крепости. (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 101). В действительности, цель Османа заключалась в том, чтобы выманить византийцев из крепости и самому захватить ее, поэтому он попытался воспользоваться ссылкой на кочевую природу и привычки своих людей. Неудивительно, что ничего не подозревавшие византийцы спокойно отнеслись к этой просьбе и поддались на уловку Османа. Ашикпашазаде также сообщает о том, что во время свадьбы дочери Кёсе Михала Осман послал тому в качестве подарков большое количество ворсистых и безворсовых ковров (*halı ve kilim*) и мелкого рогатого скота, что наглядно свидетельствовало об образе жизни и хозяйственной деятельности ранних османов (Там же. С. 100).

⁶⁶¹ В исторической хронике Шикари, отражающей интересы Караманидов, по этому поводу отмечается следующее: *«Осман был главным пастухом (çobanbaşı) Ала ад-Дина Кей-Кубада ибн Кей-Хосрова (сельджукский султан Ала ад-Дина Кей-Кубад III – Ш.М.). Он пас все его стада овец, коров, табуны лошадей, верблюдов и мулов»* (Şikarî'nin Karaman oğulları tarihi. P. 78). Тимуридский историк Шараф ад-Дин Али Йазди даже османского султана Баязида I называет простым туркманом, демонстрируя, таким образом, восприятие чагатайцами османов (Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). P. 654).

новых мотивов, побуждавших кочевников коренным образом менять образ жизни. Так, плодородная земля Вифинии могла прокормить намного больше людей, занимавшихся земледелием, чем скотоводством.⁶⁶² Следующим побудительным мотивом седентеризации была военная необходимость, или потребность в обученной и мобильной пехоте для взятия многочисленных византийских крепостей и укрепленных пунктов в Вифинии. И наконец, сложность управления при помощи одних лишь кочевых методов «земельными наделами, рынками, религиозными институтами, городами и бюрократией» способствовала восприятию и адаптации номадами норм оседлого общества и превращению племенного вождя в султана.⁶⁶³

Феноменальным фактом являются довольно медленные темпы территориального расширения Османского государства по сравнению с некоторыми другими традиционными тюркско-монгольскими империями, в частности Чингизидской и Тимуридской. Однако именно это, по меткому замечанию Дж.Кафадара, обусловило длительность его существования, т.к. дало османам возможность всерьез и глубоко заниматься государственным строительством, формированием его институтов, конструированием и реконструированием в зависимости от меняющихся условий коалиций сил и т.д. Это был процесс постепенного создания государства, которое потребовало около полуторостолетнего периода со времени правления Османа до взятия Константинополя, когда при Мехмеде II можно было уже констатировать, что Османское государство достигло имперского уровня.⁶⁶⁴

Особенно в конце XIV столетия Османское государство сделало серьезные шаги на пути постепенного превращения в аграрную и полиэтническую империю. Были предприняты меры на законодательном уровне к ограничению сферы функционирования номадизма. Не случайно в османских хрониках, отражающих настроения раннеосманского общества, период правления султана Баязида Йылдырыма характеризуется как смутное время, когда проявились первые «греховные» примеры нарушения норм патриархальной морали и справедливости. Так же как и в сельджукскую эпоху, в этот период номады начинали постепенно ощущать свою «отчужденность» от государства и все больше чувствовать свою социальную и правовую ущемленность в рамках формировавшейся османской общественной системы. По словам Т.Акйола, на этом пути, ведущем «от туркманства к государству», социальные и культурные приоритеты оседлого общества невольно начинали приходить в противоречие с кочевым образом жизни туркманских племен.⁶⁶⁵

⁶⁶² Lindner R.P. Nomads and Ottoman in Medieval Anatolia. P. 30

⁶⁶³ Там же. С. 37

⁶⁶⁴ Kafadar C. Between two worlds. P. 9

⁶⁶⁵ Akyol T. Osmanlı'da ve İran'da Mezhep ve Devlet. P. 25-27

В ранних османских хрониках сохранилось немало примеров, свидетельствующих о низком социальном статусе кочевников в османском обществе. Один из любопытных примеров пренебрежительного отношения к положению кочевника в османской среде приведен в «Газават-наме» султана Мурада II (1421-1444; 1446-1451). Накануне войны с венграми, объявившими крестовый поход против турок, султан послал гонцов во все анатолийские эмираты, призывая турецких воинов под свои знамена следующими словами: *«Я августейшие удовлетворю любые пожелания тех, кто во имя любви к исламской религии присоединится к нашему военному походу. Воздам по достоинству всем, кто пожелает стать владельцем тимара, зеамета, или стать янычаром, или же перестать быть юрюком»*.⁶⁶⁶ Таким образом, в призыве ясно обозначены социальные приоритеты османского общества, в число которых статус номада («юрюк») не входил. Как видно, кочевники, желавшие добиться более высокого общественного положения, присоединившись к османской военной кампании, могли «перестать быть юрюками» и возвыситься до статуса сипахи – владельца тимара.

Как известно, в ряде анатолийских эмиратов, в государствах Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу основу военной силы составляли ополчения кочевых племен. В Османском государстве уже в ходе его становления была отвергнута подобная практика. Армия стала формироваться на базе тимарной системы, предусматривавшей раздачу земли, вернее, доходов с нее, в качестве кормлений служилым людям. Позже была сформирована и профессиональная пехота, сначала на базе частей «яя и мюселлем», позже на основе системы «девширме» – т.н. янычарский корпус. Тем самым, кочевые племена теряли для центрального правительства всякую привлекательность как источник военной силы. Номады лишались своего привилегированного статуса, которым они обладали в других традиционных турецко-монгольских государствах, и были поставлены в положение обычных налогоплательщиков – реайи. С другой стороны, заинтересованность центральных властей в повсеместном распространении тимарной системы на территории Балкан и Малой Азии все больше сужала географический ареал номадизма, поскольку основой этой системы составляло оседлое земледельческое хозяйство. По мнению некоторых исследователей, особенно в XVI в. происходило резкое ограничение пространства для обитания кочевых племен в силу имевшего место в Анатолии демографического взрыва и превращения многих бывших пастбищ в посевные площади. Соответственно, номады в этот период все больше выдавливались из равнин в менее плодородные горные районы страны.⁶⁶⁷

Данный процесс естественным образом вызывал социальное напряжение между кочевниками и центральной властью, с одной стороны, и

⁶⁶⁶ Gazavat-ı Sultan Murad b. Mehmed Han. P. 14

⁶⁶⁷ İnalçık H. Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. P. 78

кочевниками и оседлыми земледельцами, с другой, о чем имеется множество свидетельств в аутентичных документальных и нарративных источниках. В частности, при проведении реестровой описи в санджаке Аяш в 1581-1582 г. (989 г.х.) *«во время распределения земли между 200 [владельцами] тимаров вдруг явилось племя из улуса туркман и стало возражать, утверждая, что “эти земли являются нашими юртами и пастбищами, а потому мы уничтожим тут все посевы и строения”»*. Соответственно, султанским указом бейлербею Рума было предписано *«не допускать племя улуса в границы санджака Аяш, обеспечить развитие тех мест, а главных смутьянов, подбивших тех туркман к выступлению, поймать и послать на галеры»*.⁶⁶⁸ Хотя данный пример и относится ко второй половине XVI в., тем не менее, следует иметь ввиду, что корни подобной политики восходят к более раннему периоду османской истории.

Таким образом, процесс складывания централизованного Османского государства и институционализации общества сопровождался постепенным «выдавливанием» на обочину социальной жизни кочевников, не способных или не желавших приспособиться к нему. Под жестким давлением центральной власти кочевники либо становились обычными налогоплательщиками, либо насильно переселялись в Румелию. Первые примеры подобной переселенческой политики встречаются уже в период правления султана Мурада I, как, в частности, сообщение Ашикпашазаде и Нешири о высылке кочевников из области Сарухан на Балканы в район Сирога.⁶⁶⁹ Аналогичные сведения характерны и для периода султана Баязида Молниеносного. Те же авторы сообщают, что в области Сарухан жили кочевые племена, которые *«зимовали в долине Менемен. В тех краях практиковался налог на соль. Они не платили этот налог. Когда об этом доложили хункару (султану – Ш.М.), Баязид-хан повелел своему сыну Эртогрулу: “Вели моим рабам, чтобы сослали всех кочевников, обитающих в долине Менемен, в долину в районе Филибе”. Эртогрул без обиняков исполнил повеление своего отца и сослал всех кочевников в долину Филибе. Их поселили в районе Филибе. Нынче все обитающие в тех краях происходят от них»*.⁶⁷⁰

Природные условия Румелии весьма резко отличались от Анатолии. Поэтому переселившиеся сюда кочевые племена не могли в течение длительного времени сохранять свой традиционный образ жизни и были вынуждены постепенно переходить к оседлости. Это касается кочевников, прибывших сюда не только из Малой Азии, но и причерноморских степей. Так, известно, что после победы эмира Тимура над золотоордынским ха-

⁶⁶⁸ 46 No Mühimme Defteri

⁶⁶⁹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P. 133; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 240-243

⁶⁷⁰ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 338-339; Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P. 141

ном Тохтамышем в 1395 г. часть кыпчакских (татарских) племен была вынуждена покинуть свои юрты в причерноморских степях и переселиться на Балканы. В том числе большая их масса под предводительством «татарского полководца», одного из главных эмиров Тохтамыша Актая переправилась через Дунай, попав на османские земли, и была поселена султаном Баязидом I также в районе Филибе. По свидетельству Ибн Кемалья, татары на новых землях столкнулись с невероятными трудностями, *«слвно попали из райского цветника в геенну огненную»*.⁶⁷¹ Причина же заключалась, главным образом, в том, что они вынуждены были оставить прежний кочевой образ жизни и перейти к занятию земледелием. Как образно выражается автор, *«они от гарцевания на коне перешли к [оседлости], стали ходить пешком и пахать землю»*, иными словами, из номадов превратились в земледельцев.⁶⁷² Возможно, Ибн Кемаль несколько драматизирует ситуацию, ибо трудно представить переход к оседлости в столь короткие сроки такой массы номадов. Тем не менее, он верно передал суть проблемы, с которой сталкивались тюркские кочевники в этот период.

Следует добавить, что внезапный приход значительного количества кочевников в османские земли всерьез обеспокоил султана. Хотя «татары Актая» оказали существенное содействие османской армии в достижении победы над крестоносцами в битве при Никополе,⁶⁷³ однако, беспокойство Баязида не было беспочвенным, ибо в этот же период в центральной Анатолии происходили выступления кара-татарских племен против османской власти. Концентрация в османских землях в Румелии большой массы кочевых татар, недовольных своим положением, являлась потенциальной опасностью. В связи с этим продумывались варианты их ускоренного рассеивания среди местного населения и подчинения османским порядкам. С этой целью по приказу султана везир Джандарлы Али-паша организовал отравление и убийство предводителя татар Актая. После этого значительная часть татар покинула османские владения. Оставшиеся же, по словам Ибн Кемалья, поступили на воинскую службу к османам. Их число составляло 50 тысяч, и все они были записаны в «сипахийские реестры».⁶⁷⁴ Одна эта цифра является наглядным свидетельством многочисленности татар, пришедших с Актаем в Румелию.

Данный факт иллюстрирует те методы, к которым подчас прибегало османское правительство с целью подчинения номадов османским порядкам. Поэтому было естественным появление протестных настроений среди кочевых племен, которые ощущали недоверие османских властей к себе и постепенное движение вниз по социальной лестнице. Не случайно именно

⁶⁷¹ İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tevarih-i Al-i Osman. IV Defter. P. 328

⁶⁷² Там же

⁶⁷³ Джемиль Т. Татары на Балканах. С. 811

⁶⁷⁴ İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tevarih-i Al-i Osman. IV Defter. P. 342-343

кочевые кара-татарские племена оказывали наиболее серьезное сопротивление установлению османской власти в центральной Анатолии в конце XIV-начале XV в. в правление султанов Баязида I и Мехмеда Челеби. Об этом говорят османские источники, которые описывают их в нарочито грубой и уничижительной форме.⁶⁷⁵ В частности, Ибн Кемаль пишет, что у них не было никакой этнической близости (*münasebet-i cinsiyeleri*) с окружавшим их населением, и что местные туркманские племена были в отчаянии от соседства с ними. Автор также добавляет, что в этот период кара-татары еще не приняли ислам (*cadde-i şeriate girmemişlerdi*), что, на самом деле, не соответствует действительности. Однако смысл всей этой пропагандистской тирады становится ясен из самого же текста. Ибн Кемаль подчеркивает, что вся эта многочисленная масса людей в 110 тысяч шатров была слишком могущественной, побеждала всех, на кого бы ни нападала, и что они были кочевниками, проводили свою жизнь на зимних и летних пастбищах, подвергали разбою все на своем пути во время сезонных перекочевов, самое же главное – они не подчинялись османской власти, и, несмотря на попытку султана Баязида I привлечь их на свою сторону, они не обратили внимание на его письмо и «не вняли его приглашению».⁶⁷⁶ Поэтому против кара-татар были посланы отборные полки янычар, которые предали значительную их часть резне.⁶⁷⁷ После этого кара-татары были вынуждены склониться перед османской властью. Однако они вновь проявили свой непокорный нрав во время анатолийского похода эмира Тимура и перешли на сторону чагатайцев.⁶⁷⁸ Как было указано, многие хронисты связывали сокрушительное поражение османской армии в битве при Анкаре в 1402 г., в первую очередь, с предательством кара-татар.⁶⁷⁹ Возможно, поэтому попавший в плен Баязид Молниеносный, убедившись в сложности подчинить кара-татар османской власти, просил Тимура увести с собой в Среднюю Азию эти массы кочевников во время возвращения в Самарканд.⁶⁸⁰

Вопрос сосуществования седентаризма и номадизма в османской Малой Азии был не только социальной проблемой, ставшей головной бо-

⁶⁷⁵ «Их свирепая природа была полна дикости..., внешний вид внушал ужас, и были они животными с туловищем Ахримана, но в человеческом облике» (İbn Kemal (Kemalpaşazade). *Tevarih-i Al-i Osman*. IV Defter. P. 344-345)

⁶⁷⁶ Там же. С. 344-347

⁶⁷⁷ Там же. С. 350-351

⁶⁷⁸ Там же. С. 354-355

⁶⁷⁹ Энвери пишет в своем произведении «Дюстур-наме», что во время битвы 35 тысяч татар предали султана и перешли на сторону Тимура, и именно по этой причине османская армия оказалась побеждена (*Fatih devri kaynaklarından Düsturname-i Enveri*. P. 39).

⁶⁸⁰ *Kitab aja'ib al-maqdur fi akhbari Timur*. P. 284-285. По сообщению Ашикпашазаде, Тимур выслушал просьбу Баязида и ответил ему: «Я принял твою просьбу. Когда я пошлю тебя обратно из Самарканда, эти татары вновь приведут тебя в твою страну». И действительно, по словам автора, он сдержал свое обещание и увел племена татар с собой из Анатолии (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 145).

лью для центрального правительства в течение длительного времени, но и стал фактором, серьезно влиявшим на этнические процессы внутри тюркской среды в регионе. Опора османских властей на земледельческое оседлое хозяйство и распространение тимарной системы приводили не только к социальной маргинализации номадизма, но и, в определенной мере, к «географическому» выдавливанию на окраины тех элементов, которые не воспринимали «окрестьянивания». Кочевые племена, не способные или не желавшие переходить к оседлому образу жизни, зачастую либо насильственно переселялись в отдаленные провинции, включая Балканские области и Кипр, либо были вынуждены физически отступать перед натиском империи все дальше на восток, в восточные области Малой Азии и Азербайджан, где под властью тюркско-монгольских династий в течение длительного времени сохранялось более толерантное отношение к номадизму. Таким образом, тяготение анатолийских туркманских племен к Азербайджану, столь явно проявившееся в период создания Сефевидского государства, было вызвано не только призывами многочисленных кызылбашских проповедников, но имело более глубокие социальные корни. Сефевидский Азербайджан стал землей обетованной для части туркман Малой Азии, где, как они считали, воплотилась божественная благодать под властью «скрытого имама», господствовали справедливость и изобилие, и где они могли на обширных и плодородных пастбищах свободно пасти свой скот и продолжать традиционный образ жизни без надзора и давления со стороны османских чиновников и тимариотов.

Источники предоставляют немало свидетельств переселений целых племен под давлением обстоятельств на восток. Этот процесс особенно заметен в начальный период образования Сефевидского государства, в создании которого анатолийские туркманские племена румлу, шамлу, текелу, дулкадыр, туркман и другие сыграли определяющую роль.⁶⁸¹ Как указывает Ф.Сумер, миграция тюркских племен из Анатолии в Азербайджан в период формирования Сефевидского государства была более многочисленной и мощной по сравнению с прежними движениями, которые имели место во времена Ильханидов и Ак-Коюнлу.⁶⁸² Причем, в этом процессе принимали участие наряду с номадами и беднейшие слои крестьянского населения. К примеру, очевидец описываемых событий Джелалзаде Мустафа свидетельствует, что сразу после образования Сефевидского государства немало людей из разных уголков Анатолии направилось на восток, и вскоре они стали посылать своим землякам весть о том, что *«это племя (Сефевиды – Ш.М.) проявляет справедливость к райиатам и предоставляет кормления достойным и заслуженным лю-*

⁶⁸¹ См.: Sümer F. Safevi Devletinin Kuruluşu ve Gelişmesinde Anadolu Türklerinin Rolü.

⁶⁸² Sümer F. Azerbaycan'ın Türkleşmesi tarihine umumi bir bakış. P. 445

дям», после чего «большинство народа Рума (Анатолии – Ш.М.) стало склоняться к той стороне», т.е. к Сефевидам.⁶⁸³ Или Ибн Кемаль описывает массовое переселение на восток жителей области Теке, большинство которых были последователями сефевидского ордена. По словам османского автора, на своих землях, т.е. в Анатолии, они были раййатами, однако уйдя в сефевидские земли, они достигли богатства и почета. Поэтому из оставшихся в области Теке «все живые взвалили на себя своих мертвых и тоже пожелали уйти. Так, тюрки покинули свои земли, продав за бесценок все свое имущество».⁶⁸⁴

Идея миграции на восток сохранялась в кочевой среде Малой Азии в течение всего XVI столетия, несмотря на неоднократные сокрушительные поражения, которые кызылбаши терпели от османской армии в многочисленных военных столкновениях. К примеру, районы между Эрзурумом и Пасином в этот период были маршрутом, активно используемым многочисленными османскими армиями во время османо-сефевидских войн, и по этой причине сельское хозяйство здесь было подорвано внешним вмешательством, крестьяне были вынуждены покинуть свои дома и пашни, которые осваивались мигрировавшими из южных районов номадами и превращались в пастбища. Однако постепенно тимариоты вновь стали поощрять крестьян к возвращению на свои места и занятию земледелием, что ударило по интересам номадов. Был издан указ султана о запрете кочевникам ступать в эти земли, что вывело их из себя и заставило выступить перед правительством с угрозой навсегда покинуть границы Османской империи и переселиться в Азербайджан, в пределы Сефевидского государства.⁶⁸⁵ Или в другом султанском указе от 1564 г. сообщается, что туркманские племена (*ulus taifesi*) издревле владели обширными летними пастбищами в Малазгирте и окрестных районах, которые были переданы затем в качестве тимаров другим владельцам, и эти земли стали осваиваться крестьянами под пашни. По этой причине кочевники «в течение последних двухсот лет (?) стали уходить в область кызылбашей», т.е. в сефевидские земли. Приказ султана бейлербею Диярбекира заключался в том, чтобы вернуть их обратно в османские земли и сделать все, чтобы те больше не склонялись на сторону кызылбашей.⁶⁸⁶

В целом, усилиями нескольких поколений османских султанам удалось подчинить обширный кочевой мир Малой Азии своему жесткому контролю. Различными принудительными методами и проводившейся политикой насильственного переселения и оседания на землю (*iskan siyaseti*),⁶⁸⁷ в итоге, номады в Османском государстве были низведены до уровня рядовых нало-

⁶⁸³ Celal-zade Mustafa. Selim-name. P. 59

⁶⁸⁴ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VIII Defter. P. 233

⁶⁸⁵ İnalçık H. Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. P. 78

⁶⁸⁶ Ahmet Refik. Anadolu'da Türk aşiretleri. P. 7-9

⁶⁸⁷ См.: Orhonlu C. Osmanlı İmparatorluğu'nda aşiretleri iskan teşebbüsü

гоплательщиков. В османских законодательных актах (*kanunname*) XV-XVI вв. правовой и социально-экономический статус кочевников регулировался особыми нормативными предписаниями. Так, четвертый раздел в «Кануннаме» султана Мехмеда II специально посвящен положению кочевников и называется «*О пунктах, связанных с положением юрюков и обладателей шатров*». ⁶⁸⁸ В отличие от крестьян-земледельцев номады должны были выплачивать полагавшиеся ими налоги в натуральной форме, продуктами своего производства, т.е. скотом, сыром, маслом, шерстью и т.д. Об этом свидетельствуют не только документальные, но и нарративные источники. К примеру, в произведении Абдулкадира-эфенди часто встречаются сообщения следующего содержания: «*Были посланы доверенные люди для сбора овец у туркман*», «*Были направлены султанские указы к туркманским военным для закупки верблюдов и обеспечения мулов*» и т.д. ⁶⁸⁹

В произведениях конца XVI – начала XVII вв. туркмены-кочевники все больше начинают описываться как бедные маргинальные группы, несмотря на то, что они являлись подданными османского султана. Авторы начинают отличать их от основной массы тюркского оседлого населения Малой Азии в соответствии не только с социальными, но с их лингвистическими и культурными особенностями. К примеру, Эвлия Челеби писал о туркманах, живших на территории между Айнтабом и Марашем: «*Эти горы и города сплошь населены народом туркман. Как и сами они, их язык происходит из областей Бухары*». ⁶⁹⁰ По сообщению автора, туркмены «*говорят на различных диалектах*», «*язык туркман отличается от татарского языка*», и автор приводит список оригинальных слов и выражений из туркманского наречия, которые не встречаются в диалектах остального тюркского населения. Эти примеры свидетельствуют о том, что в региональных наречиях анатолийских туркман в XVII в. все еще продолжали использоваться некоторые архаичные слова тюркского и монгольского происхождения (или искаженная арабо-персидская лексика), которые к тому времени вышли из употребления в османском литературном языке, как например: *чалаб* – бог, *ялвач/ялавач* – пророк, *мезкет* – мечеть, *унлен* – муэдзин, *айдынчи* – шейх, *саву йери / син йери* – кладбище, *айине/азине дамы* – соборная мечеть, *сала* – молитва и т.д. ⁶⁹¹ Приведенные слова и словосочетания больше относятся, в основном, к религиозной лексике и лишний раз свидетельствуют, что религиозные взгляды кочевых туркман весьма далеко отстояли от того ортодоксального исла-

⁶⁸⁸ Kanunname-i Al-i Osman. P. 61-63

⁶⁸⁹ Topçular Katibi Abdülkadir (Kadri) Efendi Tarihi. P. 102

⁶⁹⁰ Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild III. P. 171

⁶⁹¹ Там же. С. 172; Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild II. P. 175. Эти примеры из произведения Эвлии Челеби относятся к туркманским наречиям районов, расположенных между Айнтабом и Марашем, а также между Тосья и Болу.

ма, который составлял основу официальной идеологии Османской империи. Следует также подчеркнуть, что согласно убеждениям представителей высших слоев общества, туркмены были людьми, не способными в полной мере усвоить догматы ислама в том виде, в котором они преподавались в медресе. К примеру, в одной книге по мусульманской юриспруденции XIV в. утверждалось: *«Ежели у кого-то язык не лежит к тому, чтобы читать Коран, как, например, у туркмен, которые не способны к обучению, тем следует молиться»*.⁶⁹²

В целом, XVII столетие можно назвать веком упадка туркменской идентичности как в Анатолии, так и в Азербайджане и Иране. Это явление было частью глобального исторического процесса общего упадка номадизма в Старом свете. Повсюду в Азии кочевники теряли свой привилегированный статус и позицию, которыми они обладали в прежние времена. Последние всплески сопротивления анатолийских туркмен веяниям нового времени нашли отражение в эпосах и народной поэзии ашугов. Одним из их ярких образцов является эпос «Кёроглу» – сказание о народном герое-защитнике, возглавлявшем отряд удальцов из туркмен, сражавшимся за интересы простого люда и сохранение кочевых вольностей с османскими эмирами, представителями централизованного и бюрократического государства. Не случайно один из героев эпоса Эйваз с гордостью говорит о своем туркменском происхождении – *«Ашуг, нас называют теке-туркменами!»*. Однако символично, что в итоге самому Кёроглу пришлось смириться с неизбежным приговором судьбы и склонить голову перед техническими новшествами нового времени, когда он познакомился с мушкетом и понял, что его сабля была не способна устоять перед огнем этого оружия, и что, таким образом, безвозвратно миновали героические времена, когда исход битвы решали личная отвага и удаля воина. Народный герой и ашуг Анатолии Дадалоглу из туркмен племени афшар, живший в первой половине XIX в. и бросивший известный мятежный лозунг против попрания прав номадов в Османской империи – *«Указ принадлежит падишаху, а горы – нам!»*, пожалуй, оказался последним певцом кочевой вольницы в Анатолии.

Общественно-идеологическая трансформация: формирование османской идеологии

Одной из причин возвышения Османского государства среди других анатолийских эмиратов было формирование соответствующих институтов, обеспечивавших его постепенную эволюцию в империю. В истории средневековых тюркских государств Османская империя по своему дол-

⁶⁹² Kitab-ı Gunya, p. 294. В свете сказанного становится более ясным смысл поэтического двусмысления, приписываемого азербайджанскому поэту конца XIV-начала XV в. Насими: *«Я пребывал среди туркмен, но не встретил ни одного мусульманина»* (Şixiyeva S. İlkin qaynaq və araşdırmalarda Nəsiminin milli mənsəbiyyəti məsələsi. P. 69).

голетию является редким исключением. Как известно, государственные образования, созданные различными тюркскими народами в древности и средние века, как правило, недолго оставались на исторической сцене и рушились под воздействием внутренних и внешних факторов. В научной литературе эта закономерность обычно объясняется формированием традиционных тюркских государств на базе так называемой удельной системы (по-тюркски – «*ülüş*»).⁶⁹³ К.Казн дал краткую и точную ее характеристику – традиционные тюркские империи «имели скорее семейный, чем монархический характер. При расширении территории это приводило к предоставлению “уделов” всем “принцам крови” и мало-помалу к дроблению империи».⁶⁹⁴ По мнению Т.Акйола, применение этой системы сыграло главную роль в упадке традиционных тюркских государств, которые гибли в результате дробления территории либо нескончаемых междоусобиц.⁶⁹⁵ В начале XVI в. соперники османов – государства Тимуридов и Ак-Коюнлу – именно таким образом сошли с исторической сцены.

Что касается Османского государства, то оно на этапе становления мало отличалось от других анатолийских эмиратов. Хотя в годы правления султана Баязида I (1389-1402) и были осуществлены широкие завоевания в Малой Азии и на Балканах и был сделан существенный шаг на пути превращения Османского государства в империю, тем не менее, тяжелое поражение от армии Тимура в битве при Анкаре в 1402 г. и последовавший за этим период смуты, казалось, обрекали его на повторение судьбы традиционных тюркско-монгольских государств. Однако Османское государство продемонстрировало свое типологическое отличие от кочевых империй и смогло возродиться благодаря «исключительным традициям, исходящим от ее изрядно потрепанного, но сохранившегося ядра».⁶⁹⁶

Географическое расположение Османского государства в лимитрофной зоне обусловило более открытый по сравнению с «внутренними» эмиратами характер его общества, большую внутреннюю мобильность и способность к социальной трансформации. На раннем этапе кочевнический характер османского общества обеспечивал ему определенные преимущества – динамизм и воинственность в борьбе за приращение своих земель за счет византийских территорий. По мере географического расширения и включения в свой состав новых урбанистических центров становилась очевидной невозможность управления ими методами кочевого государства. Новые условия требовали новых методов и нового мировоззрения. Османы смогли ответить на эти вызовы полнее и быстрее по сравнению с другими тюркскими эмиратами. В исторических источниках со-

⁶⁹³ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 285-302

⁶⁹⁴ Казн К. Земельный строй и тюркская оккупация в Анатолии. С. 63

⁶⁹⁵ Akyol T. Osmanlı'da ve İran'da Mezhep ve Devlet. P. 120

⁶⁹⁶ Wittek P. Ankara bozgunundan İstanbul'un fethine kadar. P. 56

хранилось немало примеров, свидетельствующих о социальной и культурной трансформации, происходившей внутри раннеосманского общества, о чем говорилось выше.

Процесс постепенного превращения Османского государства в империю сопровождался также формированием в его недрах своеобразной идеологии. Безусловно, на раннем этапе нельзя говорить о сознательной и планомерной разработке идеологической концепции в современном понимании этого слова. Скорее, это был процесс осознания и оценки политических и социальных вызовов, которые сопровождали становление Османского государства, и поиска ответа на них. Лишь с усложнением структуры общества, с его институционализацией и постановкой более амбициозных политических задач перед элитой появилась насущная потребность во всеобъемлющей идеологической концепции. Со второй половины XV, особенно в XVI в., наблюдается активный процесс формирования официальной идеологии, что проявилось в издании «Канун-наме» (Законоположений) султанов Мехмеда Фатиха, Селима Явуза, Сулеймана Кануни, многочисленных фетв шейх-уль-исламов – от Ибн Кемалья до Абулсууда – по самым различным аспектам жизни государства и общества, а также в том, что в произведениях историков (Турсун-бей, Ибн Кемаль, Ходжа Саад ад-Дин, Мустафа Аали и другие) стало уделяться больше внимания идеологическому обоснованию османской внутренней и внешней политики. Можно утверждать, что к середине XVI столетия в годы правления султана Сулеймана османская идеология приобрела свои классические черты.

По мнению А.Я.Оджака, она представляла собой комплекс ценностей и идей, которые правящая элита во главе с султаном пыталась распространить на всю империю, используя рычаги власти.⁶⁹⁷ Основными источниками для ее формирования были, во-первых, религиозные ценности и политическая философия ислама, во-вторых, воспринятые от Византии и сельджуков имперские традиции, и, наконец, в-третьих, тюркско-монгольское наследие османов. Иными словами, среди главных компонентов этой идеологии, которую, в целом, можно назвать «османизмом», следует отметить следующие:

- исламские ценности на базе его ханифитского толка;
- идея универсальной империи, заимствованная из византийской политической традиции и от сельджуков;
- сакрализация Османской династии на базе огузских этнических ценностей (род Кайы) и ближневосточной политической философии (принцип «зиллуллах» – суверен как тень бога на земле).

Как известно, раннеосманский социум отличался религиозным и культурным плюрализмом, свойственным кочевым обществам. Одна-

⁶⁹⁷ Ocak A.Y. Osmanlı Toplumunda Zındıklar ve Mülhidler. P. 72

ко процесс превращения бейлика в империю сопровождался усилением роли ислама, особенно его ханифитского мазхаба в жизни государства и общества. Действительно, раннее османское газийство было продуктом гетеродоксальной приграничной культуры «уджей», ортодоксия же стала превалировать лишь после установления стабильной администрации.⁶⁹⁸ Согласно новым идеологическим конструктам, возникновение Османского государства было не случайным историческим явлением, а предопределенным свыше актом, призванным защищать «истинную веру», т.е. ислам, от «иноверцев» и высоко поднять его священное знамя. С этой точки зрения Османская империя была государством-гази, т.е. защитником веры, борцом за религиозное дело. По мнению Р.П.Линднера, Ибн Хаджар ал-Аскалани не случайно отметил факт того, что в правление Орхана в Османский бейлик стали активно эмигрировать представители мусульманского духовенства, которые и привнесли с собой дух мусульманских медресе в раннеосманскую среду. С их влиянием связана реинтерпретация в духе газавата раннеосманской героической истории, в реальности связанной больше с кочевыми традициями.⁶⁹⁹ В дальнейшем войны османов на западе с европейскими странами и на востоке с Сефевидами обосновывались имперскими идеологами как выполнение данной высокой и священной миссии. В классический период империи квинтэссенция этой миссии была выражена в идеологеме о «Золотом яблоке» (*kızıl elma*), т.е. завоевании столицы католичества Рима и окончательном торжестве ислама.⁷⁰⁰

Выполнение этой вселенской по своим масштабам миссии было под силу лишь могущественной и централизованной империи, способной мобилизовать мощные военные и экономические ресурсы. После завоевания Константинополя османы не только стали хозяевами всей территории бывшей Византии, но и смогли перенять ее тысячелетнюю имперскую традицию,⁷⁰¹ которая вместе с сельджукско-исламским наследием легла в основу новой османской государственной идеологии. В этом плане «османизм» можно назвать концепцией «универсальной исламской импе-

⁶⁹⁸ Kafadar C. Between two worlds. P. 11

⁶⁹⁹ Lindner R.P. Nomads and Ottoman in Medieval Anatolia. P. 6-7

⁷⁰⁰ Интересно, что по сообщению итальянца Пьетро делла Валле, сефевидский шах Аббас I также называл Рим на османский манер – «кызыл эльма» (Pietro della Valle. P. 191).

⁷⁰¹ Существует обширная литература о влиянии византийских институтов на османские, на которые ответил М.Ф.Кёпрюлю в своей классической работе (Köprülüzade M.F. Bizans Müesseselerinin Osmanlı Müesseselerine Te'siri Hakkında Bazı Mülâhazalar). К примеру, по мнению ряда исследователей (Ж.Дени) османский тимар генетически восходит к византийской прони (Там же. С. 171), как и часть государственных, дворцовых и религиозных должностей были учреждены под влиянием византийских институтов (например, должность патриарха, по сути, послужила образцом для учреждения должности шейх-уль-ислама) (Ocak A.Y. Osmanlı Toplumunda Zındıklar ve Mülhidler. P. 93).

рии», сформировавшейся из синтеза политического византизма с тюркско-исламскими традициями. Не случайно в современной турецкой историографии высказывается мнение об Османской империи как третьем, «мусульманском Риме».⁷⁰² Приверженность данным принципам явилась качественным отличием османской политической философии от идеологии предшествовавших тюркских государств.

Османские авторы отстаивали тезис об избранности Османской династии и связывали выполнение вышеуказанной миссии с ее именем. Начиная с ранних хроник во всей османской литературе образ султана окутан священным ореолом защитника веры, преисполненного чувством религиозного долга. Орудж называет османских султанов *«блюстителями шариатского пути, мстителями многобожникам, покровителями путников, распространителями мусульманской религии от запада до востока, грозой сбившихся с пути истинного. Дом Османа является здоровым коленом из рода Огуза и семени Сама, непоколебимым в своей вере»*.⁷⁰³ Создаваемый вокруг Османской династии ореол, в первую очередь, был связан с их славой газиев и знаменосцев ислама. Этой же цели служило обращение к тюркскому наследию Османов – мифу о происхождении династии от Кайы, старшего внука легендарного прародителя тюрков Огуз-хана. И наконец, сакрализация династии нашла свое высшее воплощение в одном из основополагающих принципов официальной османской идеологии – признании правящего султана тенью бога на земле. Таким образом, империя и правящая династия настолько крепко и органично сплелись между собой, что одно стало неотделимо от другого, и данный идеологический императив нашел отражение в названии государства – «Высочайшее государство Османское» (*Devlet-i Aliye-yi Osmaniye*).

В итоге «османизм» стал той самой идеологической конструкцией, которая в течение длительного времени обеспечивала устойчивость империи и лояльность подданных независимо от их этноконфессиональной принадлежности. Постоянные внешние войны и частые внутренние конфликты, некоторые из которых длились многие годы, как, например, движение джелялийцев, не смогли потрясти основ общественного устройства. Потому что большинство населения империи оставалось верным ценностям «османизма», продолжало считать себя османскими подданными и связывало свою безопасность и благополучие с устойчивостью и процветанием

⁷⁰² Ortaylı İ. Osmanlı Barışı. P. 19

⁷⁰³ Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 4. Подобная «идеологическая» апология османской династии встречается в ряде исторических работ ранних авторов, в частности, Лютфи-паши, который сравнивает Османов с существовавшими в истории другими мусульманскими династиями, например, Аббасидами, якобы дискредитировавшими себя склонностью к ереси, и провозглашает потомков Османа единственным «племенем суннитов-мусульман с чистыми убеждениями» (Lütfi Paşa. Tevarih-i Al-i Osman. P. 4-6).

государства и правящей династии. Не случайно слово «осман» или «османец» (*Osmanlı*) использовалось не только как политоним, но и приобрело смысл этнонима для некоторых слоев населения империи. Известное утверждение Мураджа д'Оссона о самоидентификации городского населения империи под таким термином связано именно с данным фактом.⁷⁰⁴

Основные положения османской официальной идеологии нашли отражение в различных произведениях исторического, юридического, литературного характера. Начиная от автора первой поэтической истории Османского государства начала XV в. Ахмеди, а также Языджиоглу Али, Ашикпашазаде, Турсун-бея, Оруджа бин Адила, Рухи Челеби, Мехмеда Нешри и многих других историки уделяли внимание в своих трудах особенностям эволюции Османского государства, его характерным чертам, отличавшим его от других мусульманских государств и т.д. Однако одним из первых авторов, который пытался в наиболее систематическом виде изложить основные концептуальные положения османской философии истории, был известный историк, духовный и общественный деятель первой половины XVI в., шейх-уль-ислам Кемальпашазаде или Ибн Кемаль. По его мнению, важнейшей особенностью Османской империи, кроме того, что оно являлось газийским государством, было установление общественного порядка (по османской терминологии – «мирового порядка» или «*nizam-ı alem*»), базирующегося на твердой правовой базе.⁷⁰⁵

Представление о «мировом порядке» являлось базовым компонентом османской идеологии и отмечалось османскими авторами как ключевой элемент устойчивости и продолжительности империи. «Мировой порядок», на деле означающий внутреннюю и внешнюю стабильность государства, обеспечивался за счет ряда факторов, в первую очередь, – установления четкого принципа престолонаследия. Так, автор конца XVI в. Таликизаде, посвятивший свое произведение «Шамаил-наме» описанию преимуществ Османской династии и государственности, особо отмечал практикуемый здесь принцип прямого наследования сына отцу (*maziyyet ül-ibn ala ab*). Он утверждал, что ни одна из тринадцати известных мусульманских династий, правивших после возникновения ислама, среди которых называются Омейяды, Аббасиды, Газневиды, Сельджукиды и т.д., не соблюдала в должной мере данный принцип. По этой причине, «если умирал правитель из любой из этих мусульманских династий, то его дети начинали борьбу между собой и со своими дядьями». Вспыхивавшие междоусобицы приводили, как правило, к ослаблению государства и потере ранее завоеванных территорий. Таким образом, в результате отсутствия четкого и ясного принципа престолонаследия все эти государ-

⁷⁰⁴ Gibbons H.A. The foundation of the Ottoman Empire. P. 29

⁷⁰⁵ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. I Defter. P. 17-19

ства со временем сошли с исторической сцены. Единственной династией, твердо и окончательно решившей эту проблему, был, по утверждению автора, дом Османа, ибо *«лишь славный род Османа установил [принцип прямого] наследования сына отцу»*.⁷⁰⁶

Безусловно, установление такого порядка удалось османам не сразу и нелегко. Традиционная тюркская политическая среда, выходцами из которой были османы, больше способствовала культивированию воззрений и порядков кочевнической государственности. Источники свидетельствуют, что первые османские правители не были чужды ценностям удельной системы. Так, согласно преданию, после смерти основателя бейлика Османа его сын Орхан, занявший трон, предложил своему брату Ала ад-Дину совместно управлять отцовскими владениями. Однако тот отказался, сославшись на то, что Осман завещал власть своему старшему сыну Орхану. *«Ты мой старший брат и заменяешь мне отца»*, – скромно ответил Ала ад-Дин на великодушное предложение брата.⁷⁰⁷ Тем самым, уже на раннем этапе формирования государства османы отказались от принципов удельной системы, унаследованной ими от их тюркско-монгольского прошлого. Это событие является символическим в контексте будущей трансформации Османского бейлика в империю. Вместе с тем, предложение Орхана своему брату свидетельствует о том, что в ранний период своей истории османы были еще далеки от идеалов централизованного и деспотического правления.

По мере расширения государства и включения в его состав новых территорий и этносов система управления должна была претерпевать серьезные изменения в сторону усложнения. Первые османские беи мало отличались от своих соплеменников, вели простой образ жизни и считались «первыми среди равных». Однако в отличие от Эртогрула и Османа, которые больше вели себя как племенные вожди, их преемники были правителями не небольшого бейлика на окраине мусульманского мира, а довольно обширного государства, неизменно расширявшего свои границы на Балканах и в Малой Азии и включавшего в свой состав немало крупных городов. В процессе институционализации османское общество все больше отходило от традиционных взглядов и принципов «военной демократии», характерных для этапа племени-государства. В источниках зафиксированы примеры, иллюстрирующие постепенную эволюцию османской элиты и общества от патриархальных к более сложным общественным отношениям. Ярким показателем данного процесса является установление Османом так называемого «османского закона» или права (*kanun-i Osmani*). В зафиксированном в ранних хрониках предании говорится о

⁷⁰⁶ Woodhead C. Taliki-zade's Şehname-i Hümayun. P. 117

⁷⁰⁷ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 148-149

том, что некий гермиянец предложил Осману для пополнения казны ввести в своих владениях рыночный сбор – «бадж». Гермиянцы, владевшие в этот период несколькими крупными городами, были ближе знакомы с торговлей и связанными с ней порядками, в отличие от османов, которые все еще вели полукочевой образ жизни. Поинтересовавшись происхождением этого сбора и узнав, что тот не соответствовал «божьему велению», т.е. не являлся каноническим шариатским установлением, а вводился «законом султана» (*töre-i sultani*), Осман разгневался и отказался от предложения гермиянца. Это нововведение противоречило его патриархально-эгалитаристским воззрениям как племенного вождя. Его возражение было выражено следующим образом: *«С какой стати человек, производящий свой товар собственными руками, должен мне безвозмездно выплачивать сбор?»*. Однако затем, поразмыслив и поддавшись уговорам приближенных, он все же ввел рыночный сбор в своих владениях.⁷⁰⁸ Это событие иллюстрирует эволюцию воззрений османской элиты под воздействием социальных условий в ранний период своей истории.

Нешри сообщает, что в это же время в рамках мер по введению «османского закона» Осман установил в своих владениях тимарную систему с присущими ей правилами владения и передачи военных ленов.⁷⁰⁹ Таким образом, он заложил основу базовых социальных институтов и правовых принципов, которые впоследствии определяли динамику развития Османского государства. Не случайно Ибн Кемаль образно отмечал, что после смерти последнего сельджукского султана Рума *«Осман-бей на площади властителей приобрел абсолютную власть, стал высочайшим султаном и вместо титула “эмир”, который имел до того, приобрел [титул] “хана”»*.⁷¹⁰

Османская правовая система активно развивалась и в последующие периоды и получила свою классическую форму в период правления султана Сулеймана I, известного своей бурной законодательной деятельностью и по этой причине вошедшего в турецкую историю под именем Кануни (Законодатель). Известен обширный свод законоположений, изданных для каждой провинции империи под общим названием «Румского (османского) закона» или права (*Rum kanunu*).

Вместе с тем, для Османского государства, как и для других средневековых монархий, вопрос престолонаследия оставался актуальным в течение многих столетий, несмотря на попытки султанов решить его правовыми методами. По мере превращения османских беев в абсолютных монархов данная проблема усугублялась и временами выливалась в кровавые формы. В отличие от Орхана, предложившего своему брату возмож-

⁷⁰⁸ Там же. С. 110-111

⁷⁰⁹ Там же

⁷¹⁰ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. LII

ность совместного управления государством, его внук Баязид I не остановился перед братоубийством во имя достижения единоличной власти. Не случайно ранние османские авторы с горечью писали об этом событии и с ностальгией упоминали старые добрые времена патриархальной справедливости и нравов: *«В те времена падишахи и беи были близки со своими братьями, выказывали взаимное уважение и почитание и не убивали друг друга, вплоть до времени Йылдырым-хана (Баязида I – Ш.М.). [Первый случай] братоубийства произошел в период Йылдырым-хана»*.⁷¹¹

С целью избежать судьбы традиционных тюркских империй, сошедших с исторической сцены из-за постоянных усобиц между представителями правящих династий, в Османской империи был издан, пожалуй, самый жестокий в ее истории закон о дозволенности братоубийства правящим султаном во имя «мирового порядка». Это была кровавая плата за попытку преодоления рецидивов удельной системы и установления неизменного правила передачи верховной власти от отца лишь к одному сыну. Данный пункт нашел отражение в известном «Законоположении» султана Мехмеда II Фатиха.⁷¹² Т. Акйол называет этот закон наиболее трагическим проявлением османского абсолютизма, но при этом подчеркивает, что именно благодаря его применению Турции удалось избежать судьбу многих государств Средней Азии, Ирана и Ближнего Востока.⁷¹³

Действительно, если сравнить исторические опыт Османской империи и существовавших параллельно с ней в XV столетии тюркских государств на территории Азербайджана, восточной Анатолии, Ирана – Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу – то преимущество первой становится очевидным. Как известно, государство Ак-Коюнлу в годы правления Узун Хасана переживало период своего наивысшего могущества, обладало внушительной военной силой и включало в свой состав обширные территории от Евфрата до Хорасана. Вместе с тем, несмотря на все реформаторские усилия Узун Хасана, это государство не смогло окончательно трансформироваться в тип ближневосточной монархии, базирующейся на аграрной экономике. Военно-кочевая элита, в целом, оставалась привержена идеалам традиционной тюркско-монгольской государственности, не способствовавшим консолидации власти и общества. В результате государство Ак-Коюнлу, которое некогда соперничало с османами и мамлюками за лидерство в мусульманском мире, сошло с исторической сцены всего лишь через четверть века после смерти Узун Хасана. В то же время, Османская империя смогла продолжить свое существование в течение нескольких последующих столетий.

⁷¹¹ Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 16

⁷¹² Kanunname-i Al-i Osman. P. 27

⁷¹³ Akyol T. Osmanlı'da ve İran'da Mezhep ve Devlet. P. 122-123

Одной из главных причин упадка и развала государства Ак-Коюнлу являлись сохранявшиеся традиции номадической государственности и удельная система, при которой власть и государство рассматривались как достояние не самодержавного монарха, а всей правящей династии. В этом смысле государства Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу типологически представляли собой продолжение традиционной тюркско-монгольской государственности. Принципы удельной системы были характерны для них изначально. К примеру, историк Узун Хасана Абу-Бакр Тихрани сообщает, что основатель бейлика Кара Юлук Осман *«подарил своему сыну Руху (совр. Урфа – Ш.М.), поскольку у того в подчинении не было никакой страны»*.⁷¹⁴ Аналогичных примеров предоставления собственных уделов принцам немало в истории государства Ак-Коюнлу. В соответствии с данным принципом все принцы крови из династии Баяндур являлись потенциальными претендентами на трон и пользовались поддержкой различных групп военно-кочевой знати. В итоге, это привело к тому, что в период заката государство Ак-Коюнлу было официально поделено между принцами, что «узаконило» его окончательный распад. Благоприятно сложившейся для себя ситуацией не замедлил воспользоваться Исмаил Сефеви, который создал на развалинах Ак-Коюнлу собственное государство.

В то же время, т.е. в XV столетии, по словам Х.Иналджика, в Османской империи в результате эволюции историко-правовых воззрений было усвоено понятие абсолютной и неделимой власти. Османы отказались от идеи государства как общего достояния правящей династии и стали ассоциировать его с личностью суверена – султана, который все больше напоминал императора. Таким образом, порывая с традициями «племени-государства» османы, аналогично происходившим идентичным процессам в Европе, усвоили концепцию абсолютной и абстрактной власти. Многочисленные случаи кровавых междоусобиц и борьбы за власть, которыми пестрит ранняя османская история, можно трактовать как столкновение между традиционным и новым пониманиями власти и государства.⁷¹⁵ Таким образом, главная задача «мирового порядка», заключавшаяся в поддержке общественного порядка и спокойствия, была обеспечена в Османской империи за счет упорядоченного принципа престолонаследия.

Вторая задача «мирового порядка», согласно османской официальной идеологии, заключалась в создании и поддержании внутреннего «гармоничного» баланса между различными социальными слоями, что, по мнению османских авторов, гарантировало общественную стабильность. Надо сказать, что данное положение исходило из их видения общества как некоего статичного и неизменяющегося организма. К примеру, один

⁷¹⁴ Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. (T. I). P. 92

⁷¹⁵ Akyol T. Osmanlı'da ve İran'da Mezhep ve Devlet. P. 122

из османских авторов XVI в. Кыналызаде в реляциях в адрес высших сановников говорил о разделении общества на четыре основные социальные страты или «столпа» (*erkan-ı erba'ı*) и всех видов хозяйственной деятельности на три категории – высшую (*ala*), среднюю (*evsat*) и низшую (*edna*). К первой категории относился труд духовенства, государственных сановников и военных, ко второй – занятия сельским хозяйством и ремеслом, т.е. непосредственная производственная деятельность, и к третьей категории – различные виды развлечения и искусств. Автор признавал важность и нужность каждого вида деятельности, однако подчеркивал необходимость для представителей каждой страты ограничения рамками своей трудовой сферы, что, по его мнению, являлось неперенным условием сохранения общественной стабильности или «мирового порядка».⁷¹⁶

Османские идеологи полагали, что внедрением вышеуказанных принципов можно было гарантировать внешнюю и внутреннюю стабильность государства. В действительности, это понятие, укоренившееся в османской официальной идеологии, как указывалось, восходило корнями к древней ближневосточной политической философии и являлось одной из ее основополагающих категорий. Как отмечает Л.С.Васильев, «общество и государство на традиционном Востоке более всего были заинтересованы в сохранении консервативной стабильности, в постоянном воспроизводстве веками акцентированной нормы», имея ввиду т.н. «справедливую» или «законную» норму эксплуатации.⁷¹⁷ Не случайно выступления джелалийцев, потрясшие Османскую империю в конце XVI – начале XVII вв., квалифицировались как смертельная угроза для «мирового порядка» такими османскими авторами, как Селяники, который писал: *«Мировой порядок пришел в расстройство, положение народа ухудшилось, люди перестали внимать указам правителей и стали творить что им вздумается... Да смилостивится и сохранит Аллах всевышний умму Мухаммеда, и да вновь наступит спокойствие как прежде»*.⁷¹⁸

В целом, как полагали османские идеологи, важной особенностью османской политической практики была концентрация власти, базирующейся на строгой субординации и беспрекословном подчинении всех и вся воле суверена. Как подчеркивал Ибн Кемаль, во всех владениях султана все его подданные, *«будь то раййаты, воины, военачальники или санджакбеи были покорны его приказу»*, и все слуги, рабы, и даже принцы крови были не в силах выступить против повелителя и подчинялись общим законам.⁷¹⁹ Как известно, автор писал свое произведение предположительно в 1501-1502

⁷¹⁶ İnalçık H. Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. P. 81-82

⁷¹⁷ Васильев Л.С. Крестьянские восстания на традиционном Востоке. С. 244

⁷¹⁸ Selaniki Mustafa Efendi (Cilt II). P. 828

⁷¹⁹ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. I Defter. P. 18

гг., т.е. в годы распада наиболее могущественных мусульманских государств Ак-Коюнлу и Тимуридов. По-видимому, будучи свидетелем этих дезинтеграционных процессов, Ибн Кемаль имел возможность сравнить их с Османской империей и подчеркивал более прочный и устойчивый фундамент, на котором базировалась последняя. Надо полагать, быстрое и почти одновременное исчезновение с исторической сцены двух некогда могущественных тюркско-мусульманских государств должно было потрясти воображение современников. Именно это имел в виду автор, когда образно отмечал, что во всех современных государствах за исключением Османской империи правители лишь на словах обладали властью, но в реальности она была номинальной: *«Каждый из них (правителей – Ш.М.) владеет рабами и странами, на словах обладает славой, но не ощущает во рту вкуса того меда; опоясаны они украшенными драгоценностями поясами и носят на голове золотые венцы, но дворцы их стоят на зыбком фундаменте»*.⁷²⁰

Если сравнить опыт Османской империи с другими современными ей тюркскими государствами, то следует признать, что процессы социальной трансформации в последних происходили медленнее и в несколько отличных условиях. Основная причина этого заключалась в том, что в них были сильнее представлены традиции номадизма. Например, в отличие от Османского государства, в эволюции которого немаловажную роль сыграло восприятие и адаптация имперских порядков Византии, государства Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу были продолжателями, прежде всего, традиций ильханидской эпохи. Как признает Х.Р.Рёмер, их политическая структура во многом основывалась на ильханидской базе, и Джелаириды в данном случае сыграли своеобразную роль медиатора.⁷²¹ В то время как в XV-XVI вв. на западе бывшего сельджукского ареала Османская империя представляла собой государство, основанное на аграрной экономике с преобладающим оседлым населением, на востоке система управления и организация армии в государствах Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и ранних Сефевидов строились с опорой на племенные структуры. Номады, составлявшие здесь основу военной силы государства, все еще оставались привилегированным слоем. Все реформаторские попытки и усилия по трансформации этих обществ в направлении большего упора на гражданскую бюрократию и оседлое крестьянство предпринимались лишь в рамках установления ирано-исламского типа государственности. Стремление к политической централизации в этих государствах закономерно должно было вести к ослаблению позиций тюркско-монгольской элиты и, соответственно, к изменению баланса сил в пользу гражданской бюрократии, большей частью, иранского происхождения. Если присовокупить к этим

⁷²⁰ Там же. С. 18-19

⁷²¹ Cambridge History of Iran. P. 184

этносоциальным факторам и роль персидской культуры, носительницей которой как раз и являлась эта гражданская бюрократия, то становится очевидной причина того, почему процесс эволюции данного типа государственности на востоке от Малой Азии протекал в направлении так называемой «иранизации». В отличие от Османской империи государства с центром в Азербайджане исторически оказались не способны осуществить коренную трансформацию своей социальной структуры и политических институтов, опираясь на собственную тюркскую этнополитическую базу. Иными словами, «седентаризация» этих обществ, в итоге, вела к возвышению «иранского» элемента в ущерб «тюркскому». Реформы шаха Аббаса I в конце XVI – начале XVII в. привели к «иранизации» Сефевидского государства, а в широком историческом плане – к смене вектора тюркско-монгольской государственности по линии Сельджуки–Ильханиды–Джелаириды–Кара-Коюнлу–Ак-Коюнлу–ранние Сефевиды ирано-исламским типом государственности. Не случайно, с этого периода Сефевидское государство стало все чаще упоминаться в источниках как «богохранимое государство Иран» и персидский язык окончательно превратился в преобладающий язык государственного управления.

Таким образом, можно констатировать, что пути и модели трансформации тюркских государств от номадизма к седентаризму и их результат существенным образом влияли на этнополитические процессы в тюркской среде как Ближнего Востока в целом, так и Малой Азии в частности.

Ликвидация эмиратов западной Анатолии со стороны Османского государства

Османское государство, значительно ослабленное и политически раздробленное в результате анатолийского похода Тимура, начало постепенно консолидироваться во время правления султана Мехмеда Челеби. Именно в этот период возродившиеся после Тимура тюркские эмираты Малой Азии вновь стали ощущать все возрастающее давление со стороны османов. Однако период смуты в начале XV в., сопровождавшийся внутренней дезинтеграцией и кровавыми распрями между сыновьями Баязида I, не прошел бесследно для Османского государства. Проявившиеся в эти годы тенденции политической децентрализации по инерции продолжались и в правление султанов Мехмеда Челеби и его преемника Мурада II. Правители анатолийских бейликов рассматривали внутренние конфликты и борьбу за власть, вспыхивавшие в Османском государстве, как последний шанс для сохранения и укрепления собственных позиций. В этом плане показательны выступления Дюзме Мустафы (Лже-Мустафы) и

Кючюк Мустафы, в которых активное участие принимали главы некоторых эмиратов Малой Азии.

Первое событие связано с именем сына султана Баязида I Мустафы, который, как сообщалось, был пленен в битве при Анкаре и увезен Тимуром в Самарканд.⁷²² После смерти последнего он вернулся в Анатолию, некоторое время находился при дворе караманского бей, затем отправился к правителю Джандара Исфендияру.⁷²³ Из Синопа он на корабле переплыл со своими людьми через Черное море и прибыл в июне 1415 г. к господарю Валахии Мирче, у которого запросил военную помощь для борьбы за османский трон со своим братом Мехмедом Челеби.⁷²⁴ Во время пребывания Мустафы в Валахии к нему присоединился санджакбей Нигболу (Никополя) и бывший правитель Айдына Джунейд Измироглу. При поддержке Джунейда и валашских войск новоявленный претендент на трон двинулся в сторону Салоник. Однако осознававший всю опасность положения Мехмед Челеби немедленно направился с армией на Балканы; в состоявшемся сражении Мустафа потерпел поражение и бежал вместе с Джунейдом в Салоники, а затем был переправлен в Константинополь. Дука в деталях описывает переговоры и переписку между султаном Мехмедом Челеби и императором Мануилом II, которые, вылились в торг вокруг судьбы Мустафы. По договоренности, заключенной между ними, император должен был гарантировать «бездействие» претендента на османский трон, не выдавая того султану, и в ответ Мехмед Челеби обязался выплачивать в византийскую казну ежегодно по 300 тысяч акче. Поэтому Мустафа был задержан в Константинополе и через четыре года был сослан на остров Лемнос, а Джунейда поместили в монастыре Пресвятой Девы Марии в столице империи.⁷²⁵

В этот же период Османское государство столкнулось с серьезными потрясениями в западных областях, особенно на территории бывшего эмирата Айдын. Здесь в 1415 г., как указывалось, начались волнения и вооруженные выступления под религиозными лозунгами, которые возглавили представители суфийских орденов – Бёрклюдже Мустафа и Торлак Ху Кемаль. Властям с огромным трудом удалось подавить эти восстания, имевшие довольно широкую социальную базу, поскольку в них приняли участие не только массы крестьян и странствующих дервишей «календе-

⁷²² Энвери пишет, что этот принц попал в плен к чагатайцам в 1402 г. и вернулся на родину через много лет (Fatih devri kaynaklarından Düsturname-i Enveri. P. 42)

⁷²³ По мнению Р.М.Шукурова, Мустафа Челеби искал поддержки у Трапезундского императора и, возможно, успел в это время побывать в Самсуне и Трапезунде (Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток. С. 296).

⁷²⁴ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 65

⁷²⁵ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 123-125, 141; Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 65

ров», но и немалое число представителей высших слоев бывших западноанатолийских эмиратов, инкорпорированных в новую османскую систему управления. В частности, можно предположить о вовлечении в эти волнения многих тимариотов из бывших эмиратов Айдын и Сарухан, а также представителей духовенства и городских ремесленных кругов.⁷²⁶ Данные факты наглядно свидетельствуют о неоднозначном восприятии стороны населением эмиратов политики «османизации» Малой Азии.

После смерти Мехмеда Челеби в Эдирне в 1421 г. на престол в первой столице Османского государства Бурсе взошел его сын Мурад II (1421-1451), и Мустафа с Джунейдом были освобождены из византийского плена. Не случайно Дука отмечает, что Мурад пришел к власти в период тревог и смятений.⁷²⁷ Действительно, первые годы правления этого юного султана, которому исполнилось лишь 17 лет, были заняты как борьбой с внешними врагами, так и отстаиванием трона от других претендентов на власть. Иоанн VII Палеолог, венчанный 19 января 1421 г. как соправитель Мануила II, пытался использовать Мустафу, который на случай своей победы давал византийцам весьма соблазнительные обещания передать им Галлиполи, земли на черноморском побережье, на границе Валахии, в Фессалии, а также ряд крепостей.⁷²⁸ Последний вновь выступил с притязаниями на османский престол и был поддержан частью беев «акынджи»⁷²⁹ в Румелии. Мурад II немедленно послал против него армию во главе с везиром Баязид-пашой, которая, однако, 30 августа 1421 г. потерпела поражение, и османский везир был обезглавлен по приказу Джунейда Измироглу, командовавшего войсками Мустафы. После этого Мустафа вошел в Эдирне, где был с радостью встречен населением города.

Таким образом, вновь на османском троне оказалось два правителя: территориями в Малой Азии управлял из Бурсы юный султан Мурад II, в то время как в Эдирне на престол воссел Мустафа, овладевший османскими землями в Румелии. Однако, несмотря на договоренность, последний отказался выполнить свое обещание перед Мануилом II и передать византийцам Галлиполи, после чего император прекратил свою поддержку и вновь начал переговоры с Мурадом II. Обеспокоенный подготовкой Мурада к новым действиям, Мустафа по настоянию Джунейда в январе 1422 г. перешел через Галлиполи в Анатолию с армией в 12 тысяч кавалерии и

⁷²⁶ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 68-69

⁷²⁷ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 128

⁷²⁸ Там же. С. 136; Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 669

⁷²⁹ Род легкой турецкой кавалерии, в функции которой входили защита границ Османского государства на Балканах и совершение набегов на соседние христианские области. Части акынджи состояли, в основном, из представителей тюркских племен, переселенных на Балканы, а также местных воинских сословий, принявших ислам и перешедших на османскую службу.

5 тысяч пеших воинов. Мурад II встретил его со своими войсками на подступах к Бурсе в городе Улубад. Но на этот раз он поступил предусмотрительнее. До начала военных действий его военачальники имели тайные контакты с влиятельными командирами войск акынджи, которых смогли убедить в том, что Мустафа якобы был самозванцем, а не сыном султана Баязида I. Брат Джунейда Хамза,⁷³⁰ который находился в ставке Мурада II, пообещал от имени султана вернуть ему владения в Айдыне. Когда весть об измене военачальников дошла до Мустафы, он бежал сначала в Эдирне, а оттуда в сторону Валахии. Но вскоре он был пойман и казнен как обычный преступник через повешение на крепостной башне Эдирне. Султан Мурад II хотел этим продемонстрировать народу, что Мустафа был «самозванцем» и не принадлежал к Османской династии, членов которых нельзя было казнить через повешение.⁷³¹

События, связанные с выступлением Мустафы, являются не только очередной вспышкой борьбы за трон, которая заполняет всю историю Османского государства в средние века. Они достаточно зримо иллюстрируют те социальные перемены, которые подспудно происходили в недрах османского общества в ходе его институционализации. Этот процесс сопровождался консолидацией султанской власти и изменениями в составе османской военно-политической элиты, в которой все больший вес набирали выходцы из системы девширме. Одновременно с прогрессирующей бюрократизацией власти расширялась пропасть между элитой и массами. Более того, происходило расслоение и внутри самого правящего слоя, особенно в

⁷³⁰ По некоторым данным, Хамза был сыном Джунейда (см. Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 70).

⁷³¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşık. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 157-160; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 556-565; Anonim Osmanlı Kroniği. P. 66-69; Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 136-160; Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Tarihi*. Cilt I. P. 376-388; Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 70-71. Источники дают противоречивую информацию о событиях, связанных с выступлением Мустафы. Ашикпашазаде однозначно называет его «самозванцем» (*Düzme*) (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşık. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 157). Неşри занимает в данном вопросе более двусмысленную позицию и представляет его как «сына Ыылдырым-хана (Баязида I – Ш.М.), который во время сражения с Тимуром упал с коня, пропал с тех пор и объявился затем в Салониках, получив известность как Лже-Мустафа» (Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 556-557). Дука же без тени сомнения считает его сыном султана Баязида I (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 160). Источники османского круга пишут о том, что везир Мурада II Баязид-паша, посланный с армией против Мустафы, перешел на его сторону, сохранил свой пост и был казнен лишь позже, когда Джунейд Измироглу прибыл на службу к Мустафе, видимо, намекая на то, что казнь была совершена по настоянию последнего (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşık. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 157; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 558-559). В анонимной хронике отмечено, что другие везиры совершили убийство Баязид-паши втайне от Мустафы, который якобы благоволил ему (Anonim Osmanlı Kroniği. P. 67). Дука же утверждает, что Баязид-паша попал в плен к Мустафе и был обезглавлен по приказу Джунейда (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 142).

его военном сословии между так называемыми «султанскими рабами» (войсками капы-кулу, т.е. янычарами) и традиционными родами войск – акынджи, которые состояли большей частью из тюрков.⁷³² Усиливавшиеся в этот период противоречия между ними были отмечены и историческими источниками. Не случайно, в вышеописанных событиях на стороне Мустафы выступили именно румелийские военачальники войск акынджи, которые были недовольны нараставшим дистанцированием от них центральной власти и конкуренцией со стороны войск капы-кулу. Так, в анонимной османской хронике говорится, что когда Мустафа прибыл в Эдирне, к нему на службу явились «все турки, бывшие в Румелии».⁷³³ В своем обращении к сторонникам Мустафы везир Баязид-паша, албанец по происхождению, также называл его «самозванцем» и «подлым турком», который собирался передать византийцам с таким трудом завоеванные Галлиполи и другие османские земли во Фракии. И напротив, Мустафа взывал к верноподданническим чувствам своих войск и призывал их твердо стоять против «козней и подстрекательств этого варварского народа албанцев», подразумевая Баязид-пашу и его многочисленных сородичей из деширме, составлявших основу янычарского корпуса султана Мурада II.⁷³⁴

По сообщению анонимной хронике, когда воевавшие в армии Мустафы азабы, род войск легкой пехоты, попали в плен после поражения от султана Мурада II, по отношению к ним были совершены непристойные действия со стороны янычар, и с тех пор в османской армии «появилась вражда между янычарами и азабами».⁷³⁵ Показательно, что в большинстве произошедших затем и зафиксированных источниками антиправительственных выступлений в Османском государстве обвиняемую сторону все чаще начинают называют «турками» – словом, которое в османском обществе постепенно приобретает нарицательный смысл и употребляться не только как этноним, но и как социальный термин.

Победа над Мустафой развязала руки Мураду II, чтобы расправиться с Византией. Последняя навлекла на себя гнев султана за слишком активные попытки извлечь для себя выгоду вмешательством во внутриосманские распри. Османский султан двинул свою армию на Константинополь, и 8 июня 1422 г. началась осада города. Однако и на этот раз Византия,

⁷³² В поэме «Кутб-наме» Фирдовси-и Руми при характеристике османской армии, где говорится о ее этноконфессиональном составе и называются «босняки» (Bosnevi), «пехлеви» (Pehlevi) и т.д., воины акынджи названы «турками» (Firdevsi-i Rumi. Kutb-name. P. 118-122).

⁷³³ Anonim Osmanlı Kroniği. P. 69

⁷³⁴ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 139-141

⁷³⁵ Anonim Osmanlı Kroniği. P. 69. Следует отметить, что азабы набирались, в основном, из турецкой среды, о чем также говорится в произведении Фирдовси-и Руми: «*Был произведен набор и прибыли азабы, и все турки*» (Firdevsi-i Rumi. Kutb-name. P. 178).

территория которой на востоке ограничивалась стенами столицы, была спасена неприступностью своих крепостных укреплений и неожиданным выступлением нового претендента на османский трон – принца Кючюк (по-турецки, «младший», «юный») Мустафы. Мурад II был вынужден снять осаду Константинополя 6 сентября того же года и отступить, хотя, по словам Г.А.Острогорского, именно этим штурмом началась последняя фаза смертельной борьбы Византийской империи, завершившаяся в 1453 г.⁷³⁶

Некоторые правители анатолийских эмиратов предприняли активные действия во время выступления Кючюк Мустафы, пытаясь использовать это событие в собственных интересах. Сын султана Мехмеда Челеби Кючюк Мустафа при жизни отца был санджакбеем Хамида. После воцарения Мурада II юный принц⁷³⁷ не без основания стал опасаться за свою жизнь, поскольку братоубийство во имя власти становилось нормой османской политической жизни. Поэтому Кючюк Мустафа бежал из своего санджака Хамид к правителю Карамана, превратившись, таким образом, в очередное орудие в руках антиосманских сил Малой Азии. Для Константинополя и Мануила II, который подстрекал юного принца на выступление с притязаниями на османский престол, это событие стало спасительным. Из сообщения Дуки становится очевидным, что оно изначально было вызвано интригами византийского императора, который писал тайные письма воспитателю принца Шарабдару Ильясу, поощряя того на активные действия против Мурада II, и обеспечил его золотом и средствами для набора наемной армии.⁷³⁸ Первыми из анатолийских беев права юного Мустафы на трон поддерживали правители Гермияна и Карамана, которые прислали на помощь ему воинские подразделения. Прибывшие караманские войска состояли, главным образом, из туркман племени тургут. Во главе войск Мустафы стал представитель династии правителей Джаника Махмуд Таджаддиноглу.

Показательно, что вокруг мятежного принца сконцентрировались силы, которые выступали против укрепления османской власти в Малой Азии. Это положение не было новостью и для жителей османских областей Анатолии. Не случайно, когда войско принца вплотную подошло к стенам Бурсы и осадило город в августе 1422 г., к его везиру Шарабдару Ильясу явились представители города Якуб и Хошкадам с просьбой не допустить захвата столицы, как они выразились, «чужими войсками»: *«Этот [принц Мустафа] является сыном нашего падишаха. Брат его (султан Мурад II – Ш.М.) прибыл и укрепил крепость. Смиловитесь, не разрушайте владения его отца руками чужого войска. Хоть они и го-*

⁷³⁶ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 669

⁷³⁷ Мустафе исполнилось 13 лет, а не 6 как ошибочно указывает Дука (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 165), когда он выступил против своего брата (İnalçık H. Murad II. P. 165).

⁷³⁸ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 164

ворят, что не войдут в город, но если войдут, то предадут его разрушению. Ибо вы ведаете, что караманский [правитель] претендует на него». ⁷³⁹ Это сообщение Ашикпашазаде ясно свидетельствует о том, что за кулисами военных действий юного Мустафы скрывались, на самом деле, антиосмански настроенные представители анатолийских эмиратов.

По настоянию падкого на деньги Шарабдара Ильяса, тайно получившего от анкарских ахиев дорогие подношения, принц Мустафа направился с войском в сторону Изника. Султан Мурад, находившийся в это время со своей армией под Константинополем, в свою очередь, двинулся в том же направлении. Он послал тайное письмо Шарабдару Ильясу, пообещав тому должность бейлербея Анатолии в случае его содействия в поимке мятежного принца и, тем самым, переманил его на свою сторону. Когда вскрылось предательство везира, караманские и гермиянские военачальники обратились к нему с упреком: *«Передай нам этого отрока (принца Мустафу – Ш.М.), мы отвезем его в Караман, Гермиян или Стамбул. ...Твои намерения известны, но позволь хотя бы нам исполнить свой долг, скрепленный хлебом и солью. Мы столько времени гарцевали на скакунах принца, носили его кафтаны и ели его пищу, и не предадим его в последнюю минуту»*. ⁷⁴⁰ Налицо разность мотивов участия в этом выступлении османского эмира Шарабдара Ильяса, преследовавшего собственные корыстные интересы, и представителей анатолийских эмиратов, которые рассматривали эти события как возможность противостоять «османизации» Малой Азии. Однако караманским и гермиянским беям не удалось добиться своих намерений, и в итоге юный принц Мустафа был пленен и казнен в Изнике 20 февраля 1423 г. ⁷⁴¹

Таким образом, некоторые анатолийские правители приняли непосредственное участие в выступлении принца Мустафы с целью укрепления собственных позиций и сохранения своих эмиратов. Другая же часть,

⁷³⁹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevârih-i Al-i Osman. P. 161

⁷⁴⁰ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 568-571

⁷⁴¹ İnalçık H. Murad II. P. 166; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 392-393; Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 72. Примечательно, что османские авторы поместили в своих хрониках осуждающие реплики в адрес Шарабдара Ильяса, который, будучи воспитателем Мустафы, передал его в руки султана Мурада II и стал причиной трагического убийства юного принца. Ашикпашазаде написал поэтический пассаж о «предательстве Шарабдара Ильяса» и его устами передал следующий его оправдательный ответ на вопрос разгневанных османских эмиров о том, как же он мог совершить такую низость и предательство по отношению к сыну своего господина и своего воспитанника: *«Внешне я виновен. Но если эти двое (т.е. Мурад II и принц Мустафа – Ш.М.) остались бы в этом краю, то это было бы ко всеобщему вреду (zarar-ı amdır)...* Ныне же все пребывают в спокойствии. И этот закон был установлен нашими предками» (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevârih-i Al-i Osman. P. 161-162). Нешири же вслед за идентичным рассказом добавляет, что после этого события Шарабдар Ильяс потерял всякое доверие и уважение среди османской знати (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 572-573).

решив, что Османское государство достаточно ослабело в результате очередной смуты, решила воспользоваться создавшейся ситуацией для расширения своих земель.

Как отмечалось, после того как Джунейд Измироглу покинул ставку Мустафы, он вернулся в Айдын с намерением бороться за восстановление своей власти на этих землях. Безусловно, он понимал, с какими невероятно сложными препятствиями ему придется столкнуться. В самом начале этого пути ему улыбнулась удача: он одержал победу над османским санджакбеем области Мустафой, сыном Умура II Айдыноглу, захватил крепость Айа-сулук и окрестные территории. Джунейд избрал удачную тактику – он отступал перед превосходившими силами османов, выжидал и в подходящий момент атаковал противника, оставаясь неуловимым для своих врагов в течение длительного времени. Против него было послано войско во главе с бейлербеем Анатолии Оруджем, в сражении с которым он потерпел поражение, но смог спастись и скрыться.⁷⁴² В скором времени он снова предпринял ряд активных действий, пока, наконец, османы во главе с новым бейлербеем Анатолии Хамза-беем не нанесли ему окончательное поражение в битве при Акхисаре и взяли в плен его сына. Самому Джунейду удалось укрыться в крепости Ипсили, но в скором времени он был вынужден сдаться османам. Джунейд Измироглу был казнен в 1426 г.⁷⁴³

Даже враждебно настроенные к Джунейду османские авторы называют его «отчаянно храбрым и отважным» воином.⁷⁴⁴ Действительно, он последовательно и мужественно выступал против османской экспансии в Анатолии и вел борьбу за сохранение независимости своего бейлика. Он был ярким представителем той части старой тюркской аристократии, которая противостояла османской централизаторской политике Малой Азии. Даже после поражения и потери власти этот истинный сын своего сословия не унизился перед султаном и продолжал считать себя равным ему. Сообщение византийского историка Дуки наглядно передает отношение Джунейда к османскому султану. Однажды Баязид-паша, бывший султанский раб из албанцев, дослужившийся до поста великого везира, добивался руки

⁷⁴² Османская анонимная хроника и Дука сообщают о прибытии Джунейда в Караман и его встрече с Ибрахимом, от которого он, тем не менее, не смог получить ожидаемую поддержку (Anonim Osmanlı Kroniği. P. 75; Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 167). Он вел активные переговоры и с Венецией, которой в обмен на помощь против Мурада II обещал в случае победы передать половину таможенных сборов в Галлиполи, а также весь район Салоник и побережье от Галлиполи до Салоник (Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 74).

⁷⁴³ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevârih-i Al-i Osman. P. 165-166; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 582-587; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 400-401; Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 71-75

⁷⁴⁴ Anonim Osmanlı Kroniği. P. 75. Дука также дает лестную характеристику Джунейду, называя его «храбрым и наиболее сведущим в военных делах турком своего времени» (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 136-137).

дочери Джунейда, гарантируя в случае согласия сохранение за ним власти и владений. Однако правитель Айдына ответил послу великого везира с присущим ему достоинством, что собирался выдать дочь за своего собственного раба: *«Передай своему хозяину Баязид-паше, что мы приняли в сыновья такого же албанца и купленного раба, как и он сам, хозяин которого так же могущественен, как и его хозяин, а сам он моложе и богаче, чем он сам»*.⁷⁴⁵ Очевидно, что эти унижительные для великого везира слова в действительности были адресованы османскому султану.

Сведения османских источников о Джунейде Измироглу также информативны для понимания его отношения к османской власти, типичного для всей тюркской родовой аристократии Анатолии. Так, по сообщению анонимной османской хроники, *«Измироглу не любил османов, называл их “кроликами”, а себя “волком”*. Его сына звали Курт (по-турецки означает “волк” – Ш.М.) Хасан. И когда Измироглу был побежден в битве и бежал, о нем сложили песню. Она длинная, но здесь приводится лишь один бейт для памяти:

*Дойдет до волка на горе,
Что может сотворить с ним кролик»*.⁷⁴⁶

Другой анатолийский бей, правитель Джандара Исфендияр также предпринял попытку вернуть свои владения, воспользовавшись начавшейся смутой в Османском государстве. Ему удалось изгнать своего сына и османского ставленника Касима, освободив из-под его власти значительную часть своих земель – Тосья, Чанкыры и Каледжик, и взять в осаду крепость Сафранболу. После подавления мятежа принца Мустафы османский султан предпринял наступление на Джандар. В состоявшейся в окрестностях Болу битве Исфендияр потерпел поражение, был ранен, но смог избежать плена и укрыться в крепости Синоп. Столица бейлика Джандар город Кастамону с прилегающими территориями вновь перешла к османам. Это положение было зафиксировано в мирном договоре, заключенном между Мурадом II и Исфендияром, видимо, в конце 1423 г. или начале 1424 г.⁷⁴⁷ Согласно этому договору Исфендияр признал свою вассальную зависимость от османского султана, обязался выдать за него замуж свою внучку Халиме-хатун, возвращал Касиму земли, которыми тот владел прежде, и взамен получал от османского султана обратно Кастамону и Бакыр-кюреси с обязательством выплачивать в османскую казну большую часть доходов от медных копей.⁷⁴⁸

⁷⁴⁵ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 116

⁷⁴⁶ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 65

⁷⁴⁷ Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 96

⁷⁴⁸ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P. 163; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 574-577; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 393-394; Yücel Y. XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi. P. 95-96.

Такая же участь постигла один из некогда сильных западноанатолийских эмиратов Ментеше, чей правитель Мехмед, как известно, поддержал Тимура во время его похода в Малую Азию. После разгрома османов в битве при Анкаре бейлик был вновь воссоздан Тимуром и передан под управление его бывшего правителя Мехмеда Ментешеоглу. Вскоре после смерти последнего, в период «междоусобицы», его сын и преемник Ильяс, как и правители Айдына и Сарухана, поддержал принца Ису Челеби. Однако победа Мехмеда Челеби над своими соперниками в борьбе за османский трон заставила Ильяса признать его власть и чеканить с 1415-16 г. монету с его именем, признав, тем самым, свою вассальную зависимость от османского султана.⁷⁴⁹ Он также должен был послать ко двору Мехмеда Челеби двух своих сыновей – Лейса⁷⁵⁰ и Ахмеда в качестве заложников. Ильяс Ментешеоглу умер в 1421 г. Вновь начавшаяся в Османском государстве смута дала его сыновьям возможность вернуться в эмират и взять власть в свои руки. Но султан Мурад II, покончив с внутренними неурядицами и мятежами, предпринял в 1423-24 г. поход в Ментеше, арестовал сыновей Ильяса, отослал их в Токат и окончательно ликвидировал эмират, включив его земли в состав Османского государства.⁷⁵¹

Сложное положение Османского государства вдохновило к активным действиям и караманского правителя Мехмеда. Османские авторы свидетельствуют, что он вновь выступил инициатором создания антиосманской коалиции в Анатолии. Мустафа Аали сообщает: *«Когда султан Мурад-хан проявил свое враждебное отношение к правителям (букв., «сыновьям» – Ш. М.) Хамида, Ментеше, Айдына и Сарухана, Караманоглу Мехмед-бей собрал всех их вокруг себя и стал подстрекать к смуте»*.⁷⁵² Правитель Хамида Осман заключил союз с караманским беєм с целью захвата Анталы. Он надеялся осуществить свой замысел, пока османский султан был занят подавлением мятежей Дюзьме Мустафы и Кючук Мустафы. Однако османский комендант Анталы Фируз предупредил действия правителя Хамида, напал первым и захватил его владения. В ходе состоявшейся битвы Осман погиб. В ответ на смерть своего союзника Мехмед Караманоглу двинул войска в сторону Анталы и осадил город. По сведениям Шикари, караманский правитель послал коменданту крепости письмо следующего содержания: *«Ты, комендант Анталы, ведаешь, что мой предок Караман завоевал Анталью у франков. И в течение дли-*

⁷⁴⁹ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 65

⁷⁵⁰ У Ашикпашазаде и Нешири это имя звучит как Увейс (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 167; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 586-587).

⁷⁵¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 166-167; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 586-591; Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Tarihi*. Cilt I. P. 400; Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 65-73

⁷⁵² *Künhü'l-Ahbar*. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 129

тельно времени она находилась в нашем подчинении. Поэтому вам надлежит прислать ключи [от крепости] нам».⁷⁵³ Анонимная османская хроника сообщает, что караманцы осаждали крепость в течение шести месяцев.⁷⁵⁴ Но однажды каменный снаряд, выпущенный из крепости, попал в Мехмеда Караманоглу, и после его смерти в 1423 г. караманское войско было вынуждено снять осаду и срочно вернуться в свои края.⁷⁵⁵

Комментарии османских хроник к данному событию чрезвычайно показательны с точки зрения понимания отношений и взаимного восприятия двух тюркских общностей – османов и караманцев. По преданию, жители Анталы в честь своей победы и отступления караманского войска повесили снаряд, которым был убит Мехмед, на городской стене на самом видном месте. Это вызывало нескрываемое раздражение посещавших город по торговым и иным делам караманцев, которые постоянно сетовали: «*“Что за бессмысленная затея! К чему вешать на цепи над воротами какой-то камень, который попал в некоего человека!”* – говорили они, а жители города специально показывали прибывшим в город караманцам тот камень и подиучивали над ними».⁷⁵⁶ Далее автор раздражается обличительной тирадой в адрес караманцев: «*[Так знайте] теперь, что у караманцев нет верности данной клятве. Посмотрите, что стряслось с Мехмед-беем из-за того, что он нарушил [данную им клятву]. Ибо когда он попал в руки султана Мехмеда (Челеби – Ш.М.), [султан] не решился казнить его, освободил и вернул ему его страну. Но как только он спасся, вновь немедленно взбунтовался. Воистину, не вышло из их среды искренних людей, ибо они неверны своей клятве*».⁷⁵⁷

В 1420-ые гг. османы положили конец существованию еще одного эмирата – Гермияна, одного из старейших государственных образований, появившихся на исторической карте Малой Азии в результате распада Сельджукского государства. Как отмечалось, в первой половине XIV столетия Гермиянский эмират оспаривал военно-политическое лидерство на западе Малой Азии у караманцев и османов, однако проиграл в этом состязании и был побежден османским султаном Баязидом I. После битвы при Анкаре в 1402 г. и ослабления Османского государства Гермиянский эмират был восстановлен, и во главе его стал Якуб II. В период междоусобицы в Османском государстве он поддержал Мехмеда Челеби, благодаря чему ему удалось отстоять свои земли от притязаний Караманского правителя Мехмеда. Вместе с тем, после смерти султана Мехмеда Челеби

⁷⁵³ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 185

⁷⁵⁴ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 61

⁷⁵⁵ Мехмед Караманоглу был похоронен в столице бейлика г. Ларенде (Sümer F. Karamaoğulları. P. 458).

⁷⁵⁶ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 62

⁷⁵⁷ Там же. С. 63

Якуб, как и другие анатолийские беи, решил воспользоваться неурядицами для освобождения от османской опеки. Он объединился с недавним своим соперником Мехмедом Караманоглу против султана Мурада II и поддержал претензии Кючюк Мустафы на трон. Несмотря на провал данной затеи Якубу удалось сохранить свои владения. Однако было очевидно, что конец Гермияна, как и других анатолийских эмиратов, не за горами. Власть Якуба фактически стала номинальной, и он был вынужден править под неусыпным оком османского султана. Во время посещения османского двора в Эдирне ему были оказаны высочайшие, но, как показали дальнейшие события, не безвозмездные почести. Не оставивший мужского потомства Якуб должен был завещать свои владения османскому султану. Примерно через год после возвращения из Эдирне в свой стольный город Кютахью он скончался. Согласно волеизъявлению покойного правителя, все гермиянские земли были переданы Османскому государству. Таким образом, эмират был ликвидирован, превратившись в рядовой османский санджак, во главе которого в 1428 г. был поставлен внук известного Кара Тимурташ-паши Осман-бей.⁷⁵⁸

Как видим, восстановленные после поражения Османского государства в битве при Анкаре в 1402 г. анатолийские эмираты во время правления султанов Мехмеда Челеби и Мурада II вновь попали в полную зависимость от османов и постепенно были уничтожены ими. Как пишет автор «Кюнх ал-ахбар», «дом Карамана получил свое наказание, и в этот период их (османов – Ш.М.) счастья сыновья (правители – Ш.М.) Ментеше, Гермияна, Хамида, Айдына, Измира и Сарухана вычеркнули жажду власти из своих сердец».⁷⁵⁹ Однако ликвидация крупных тюркских государственных образований еще не означала установление твердой османской власти в этих областях Малой Азии. Этот процесс сталкивался со значительными трудностями, в том числе, сопротивлением некоторых слоев анатолийского тюркского общества. Особенно сложно было подчинить многочисленные и привыкшие к вольности кочевые и полукочевые племена в центральной Анатолии. По мнению К.Имбера, не так просто с уверенностью судить о политической структуре данных областей, перешедших под османское управление в конце XIV столетия, однако, опираясь на сведения Азиза Ас-тарабади, можно сделать следующие выводы общего характера:

– политическая власть и иерархические отношения в центральной Анатолии базировались не на институциональных, а личностных отношениях. Города и крепости считались владениями местной знати, которая предлагала свои услуги наиболее сильному правителю в зависимости от

⁷⁵⁸ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P. 171-172; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 604-607, 628-629; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 406

⁷⁵⁹ Künhü'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 130

обстоятельств, но, одновременно, с изменением ситуации была способна на самостоятельные действия настолько, чтобы перейти на службу к другому сюзерену;

– в условиях острого политического соперничества в регионе лояльность местных кочевых племен играла решающую роль; вместе с тем, хотя номады и участвовали в военных действиях под руководством того или иного правителя, но, в итоге, подчинялись лишь своему племенному вождю;

– завоевавший эти области в конце XIV в. османский султан Баязид I, безусловно, не мог в подобных условиях создать здесь политические структуры, которые учитывали бы интересы местной знати.⁷⁶⁰

Таким образом, доосманское социально-политическое устройство этих областей базировалось на доминирующей роли номадического элемента, что, соответственно, создавало значительные препятствия для их политической централизации. В центральной Анатолии, которая представляла собой, по выражению Х.Иналджика, «туркманский край», стоявшая во главе туркманских племен родовая аристократия владела огромной наследственной собственностью. Мехмед Челеби, который боролся со своими братьями за трон в период междоусобицы, был вынужден признать наследственные права местной аристократии с целью заручиться ее поддержкой.⁷⁶¹ Но уже в 20-ые годы XV столетия, в правление Мурада II, османы более настойчиво стали проводить свою традиционную политику подчинения анатолийских земель, и мы видим, как на этом пути они прибегали к самым различным, зачастую, крайне жестоким мерам. В этой связи, одним из наиболее ярких примеров является деятельность Йоргюч-паши на посту вали (губернатора) провинции Румийе-и Сугра и его карательные акции против туркман в районах Чорума и Джаника.

Как известно, эти районы в XIV в. являлись частью эмирата Эретна, затем они временами входили в состав государства Кадия Бурхан ад-Дина, которое в конце того же столетия стало центром притяжения всех антиосманских сил и вполне успешно противостояло «османизации» Малой Азии. Колоссальным влиянием здесь пользовались могущественные туркманские кланы, такие как Таджаддиногуллары и Ташаногоуллары, а также крупная земельная аристократия. Хотя в годы правления султана Мехмеда Челеби эти земли были включены в состав Османского государства, тем не менее, местная знать и главы туркманских племен не смирились с новым порядком. Соседство с конфедерациями туркманских племен Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу придавало им решимость в отстаивании своих старинных прав. Не случайно османские источники временами сообщают о подстрекательстве ими к нападению на османские земли так называе-

⁷⁶⁰ Imber C. The Ottoman Empire. 1300-1481. P. 41

⁷⁶¹ İnalçık H. Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. P. 172-173

мых «восточных туркман», т.е. племен Ак-Коюнлу и Дулкадыр, с которыми их сближала общность этнокультурных и социальных корней. Безусловно, новый османский порядок, ориентированный на поддержку преимущественно оседлого земледелия, противоречил образу жизни и социальным ценностям номадов. Однако в общественном сознании той эпохи это противоречие трансформировалось в этнокультурной сфере как несовместимость разных ценностных систем. В новом османском порядке номады усматривали опасность для традиционного жизненного уклада и связывали надежду на спасение с поддержкой своих сородичей на востоке. Эту закономерность заметил и византийский автор Дука, который называет туркман Ак-Коюнлу «турко-персами» (т.е. иранскими турками) и так описывает события периода правления султана Мехмеда Челеби: *«Его имя было Мурад, и в то время он был губернатором Амасьи и ее окрестностей. Его отец (султан Мехмед Челеби – Ш.М.) назначил его управлять приграничными [землями] с турко-персами, которых возглавлял Кара Юлук (Осман, глава конфедерации Ак-Коюнлу – Ш.М.)... Жители Амасьи часто бунтовали и устраивали мятежи, призывая [на помощь] турко-персов, которые принадлежали к той же с ними расе и культуре»*.⁷⁶² Таким образом, византийский историк подчеркивает этнокультурную общность, принадлежность к единой «расе и культуре» туркман Амасьи и Ак-Коюнлу, которая, по его мнению, подпитывала их антиосманскую солидарность.

Приводимый ниже пример выступления против османской власти туркман Кызылкоджаогуллары является одной из многочисленных иллюстраций противостояния османского и туркманского миров в первой трети XV столетия и подтверждает верность наблюдения византийского историка. Как свидетельствуют османские авторы, четыре брата, известные среди туркман Чорума как сыновья Кызыл Коджа, или Кызылкоджаогуллары, пользуясь воцарившейся в стране смутой, занимались грабежами, убийствами, похищением людей в районе Амасьи и Токата. По словам Ходжи Саад ад-Дина, они зашли так далеко в своих преступлениях, что даже умыкали мусульманских женщин из бани.⁷⁶³ Несмотря на столь уничижительную оценку османского автора, следует иметь в виду, что те действия, которые в туркманской среде считались молодецкой удалей и отвагой, подобно сказаниям древнегузского эпоса «Деде Коркуд», со стороны представителей бюрократического государства зачастую воспринимались в рамках совершенно иной ценностной шкалы. Вряд ли правомерно рассматривать братьев Кызылкоджаогуллары в качестве обычных разбойников с большой дороги. Скорее, следует признать, что они при-

⁷⁶² Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 127

⁷⁶³ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 592-593; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 332

надлежали к знатной туркманской семье данной области. Не случайно Ашикпашазаде отмечает, что местные туркмены считали этих «четырех бейских сыновей своими ханами».⁷⁶⁴ На этом основании они имели связи с главами соседних земель – Хабиль-беем Ак-Коюнлу и Хасан-беем Дулкадыром, которых призывали организовать совместное нападение на османские владения,⁷⁶⁵ видимо, продолжая союзнические традиции, сохранившиеся со времен Кадия Бурхан ад-Дина. Османы не могли игнорировать опасность создания столь широкой туркманской коалиции на своих восточных границах. С этой целью Йоргюч-паше было поручено всеми средствами не допустить развития событий по столь опасному сценарию. Этот османский эмир от имени султана Мурада II написал братьям письмо с предложением поступить на османскую службу, захватить крепость Джаник, принадлежавшую правителям из семьи Алпарсланогуллары, обещая взамен предоставить им владения в районе Артукабада (Артукова).⁷⁶⁶ Он также пригласил их в Мерзифон и Амасью для обсуждения совместных действий. Братья притворились, что приняли план османского эмира, однако, между собой договорились отправиться на прием, собрав вокруг себя верных туркман, захватить во время встречи Йоргюч-пашу и до прихода османского войска овладеть всеми землями и крепостями той области.

Эти сведения османских источников наводят на мысль, что истинные цели сыновей Кызыл Коджа заключались не просто в осуществлении грабежей и разбоев, а возможно, в попытке воссоздания в этих областях нового туркманского эмирата. Установление связей с туркманами Ак-Коюнлу и Дулкадыр, планирование совместных военных акций против османов должны свидетельствовать о наличии политических мотивов в их действиях. Довольно коварные и жесткие ответные меры, к которым прибегнул Йоргюч-паша, говорят о том, что османы были информированы об истинных намерениях местных туркман.

Итак, возвратившиеся посланники османского губернатора высказали сомнения относительно искренности сыновей Кызыл Коджи. Поэтому Йоргюч-паша остался в Амасье и отправил в Мерзифон своего сына Хызыр-бея выразить свое почтение братьям. Прибывшие вскоре в Амасью гости были встречены с подчеркнутым уважением, и все туркмены были размещены в домах османских беев. В течение нескольких дней в их честь устраивались пышные пиры. Но по составленному заранее плану однажды ночью большая часть пребывавших во сне гостей была вырезана османами. Оставшиеся в живых были закованы в кандалы и по приказу Йоргюч-паши

⁷⁶⁴ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 169

⁷⁶⁵ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 169-170; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 598-599; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 332

⁷⁶⁶ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 168; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 594-595; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 333

заперты в темнице, в качестве которой использовали пещеру. Наутро у входа в пещеру задымили костры, и все находившиеся внутри туркмены погибли от удушья. Затем Йоргюч-паша собрал все османские силы и совершил внезапный рейд в долину Чорумлу, где жили не подозревавшие о ночном избиении туркмены. Большинство из них были преданы мечу, все их имущество и стада попали в руки османов. По сведениям источников, османы так поживились грабежами, что цена одной овцы подешевела до одного акче.⁷⁶⁷ Как сообщает Неşри, *«жен и детей туркман не тронули, и те разбрелись по окрестностям и стали нищенствовать и заниматься попрошайничеством. Затем Йоргюч пустил слух в народ и племена о том, что, кто поймает и приведет одного из людей Кызылкоджалу, тот получит награду. Таким способом перебил [множество] Кызылкоджалу. С тех пор и по нынешние времена туркмены лишились возможности заниматься разбоем»*.⁷⁶⁸ Те туркмены, которым удалось спастись, нашли убежище у Хабиль-бея Ак-Коюнлу. Таким образом, *«исчезли все признаки туркман, общество их было рассеяно и корни и ствол их смуты были искоренены»*.⁷⁶⁹ Как отмечает Неşри, *«та область была очищена от разбойников, и туркмены пришли в уныние от страны османов»*.⁷⁷⁰

После жестокого истребления туркман в долине Чорумлу Йоргюч-паша получил возможность более уверенно укреплять османскую власть в этих областях, постепенно лишая многочисленных представителей местной знати их владений. Одним из таких местных «феодалов» был Хайдар-бей, владелец замка Коджакаясы в местности Зейтун, расположенной недалеко от Османджика. Этот аристократ не желал подчиняться никому, полагаясь на неприступность своего замка, построенного на отвесной скале, и запас продуктов, достаточных, чтобы выдержать длительную осаду. Его сын советовал отцу добровольно отказаться от своих владений в пользу османского султана, чтобы затем спокойно «пребывать в тени» последнего. Полный достоинства ответ туркманского бея, ставившего свою независимость выше безопасности, показателен для понимания мировоззрения и мотивации местной аристократии, не желавшей смириться с «османизацией» края: *«Я поручил тебя защите Всевышнего и надеюсь на его бесконечную доброту и милость. До преклонных лет я не подставлял свою шею ни под чье ярмо. И впредь не унижусь и не подчинюсь ничьей воле в оставшиеся свои жалкие дни. Когда наступит твой черед, ты мо-*

⁷⁶⁷ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 169; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 598-599; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 333

⁷⁶⁸ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 596-597

⁷⁶⁹ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 335

⁷⁷⁰ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 598-599. Ашикпашазаде также не преминул отметить, что *«с тех пор и по сегодняшний день туркмены были лишены возможности разбойничать как прежде»* (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 169)

жеешь выбрать себе эту стезю и склонить голову [перед сильными]». ⁷⁷¹ Йоргюч-паше не оставалось иного пути как попытаться захватить замок гордого бея испытанным способом. Он тайно отправил письмо давнему другу Хайдар-бей, в котором посоветовал предать огню склад с запасами провизии и фуража и в ответ обещал ему милость со стороны османского султана. *«Из-за алчности к богатству и власти забывший об обязанностях старинной»* дружбы этот человек, как вынужден признать Ходжа Саад ад-Дин, выполнил поручение османского эмира. После этого, поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, Хайдар-бей был вынужден уступить свои владения османскому султану в 1427 г. ⁷⁷²

Затем Йоргюч-паша обратил свой взор на крепость Джаник, занимавшую важное стратегическое положение и находившуюся в руках Хасан-бея, представителя старинной туркманской семьи Алпарсланогуллары из клана Таджаддиногуллары. Хасан-бей не оказал никакого сопротивления наступавшим османским войскам и уступил свои владения Йоргюч-паше. Несмотря на это, он был закован в кандалы и отослан в Бурсу. Однако ему удалось бежать из темницы и в течение двух лет скрываться от османских властей. Он был вынужден снова сдаться на милость османов, вновь получил прощение султана и был назначен санджакбеем Гюмюльджины в Румелии. Тем самым, в 1428 г. был положен конец власти старинного туркманского клана Таджаддиногуллары, который некогда владел в Малой Азии областями Никсара, Искефсира и Джаника. ⁷⁷³

Османо-караманское противостояние в 1430-1440 гг.

После ликвидации большинства тюркских эмиратов в западной и центральной Анатолии в 1420-ые гг. Османское государство усилило натиск на своего давнего соперника – Караманский бейлик. Правитель Карамана Ибрахим (1423-1464) понимал сложность своего положения и, как сообщает Шикари, сделал следующее завещание свои сыновьям: *«До моего правления сыны Османа опасались нас. Мы одерживали победу над ними. Отныне они будут одерживать верх над нами, поэтому вам надлежит уживаться с ними»*. ⁷⁷⁴ Как отмечалось, в то время наиболее эффективным методом противодействия османской экспансии караманцы считали союз с соперниками османов в Европе. Безусловно, такая позиция

⁷⁷¹ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 336

⁷⁷² Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P.170; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 598-601; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 337

⁷⁷³ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P.170-171; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 600-601; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 337-338

⁷⁷⁴ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 191-192

караманских правителей вполне отвечала интересам западных государств, однако способствовала формированию неприглядного облика караманцев в мусульманском мире.

Христианско-караманские связи не были секретом для османов и предоставляли им удобный повод для обвинения своих главных соперников в Малой Азии в предательстве интересов ислама. В османских источниках караманцы однозначно описываются как «враги мусульман» и «союзники иноверцев».⁷⁷⁵ В 1430-40-ые гг., когда в Европе стали усиливаться антиосманские настроения и все чаще звучали призывы к возобновлению крестовых походов, османы стали громко обличать караманцев в тайных связях с христианами и подстрекательстве их к выступлению против мусульман. Ходжа Саад ад-Дин, описывающий сотрудничество сербов и венгров против турок, утверждает, что султан Мурад II получил известие о *«посредничестве Вулкоглу⁷⁷⁶ в заключении союза между Караманоглу и венгерским королем⁷⁷⁷»*.⁷⁷⁸ Точно так же османские авторы обвиняли караманцев в тайном сговоре с «иноверцами» во время кампании Яноша Хуньяди в 1440-ые гг., которая поставила Османское государство в исключительно тяжелое положение. Анонимная османская хроника описывает эти события в несколько фольклорном стиле: *«В то время как иноверцы наступали [против османов] с этой стороны (с запада – Ш.М.), Караманоглу стал наступать с той стороны (из Анатолии – Ш.М.). У Караманоглу был шут, который сказал ему: “Как правильно вы совершили поход против османов”. Караманоглу спросил: “Почему?”. Шут ответил: “Мой султан, вы с этой стороны, а ваш брат Янко (Янош Хуньяди – Ш.М.) с той стороны могли бы зажать в тиски и уничтожить мусульманство”. Вот такое племя эти караманцы. В то время направили они послов к иноверцам и объединились с ними, чтобы руками иноверцев уничтожить мусульманство и поставить его в жалкое положение. Так что, известно чего достойны те, кто содействует иноверцам»*.⁷⁷⁹

Если провести историческую параллель между вышеописанными событиями и этнополитическими процессами, синхронно протекавшими в

⁷⁷⁵ По сведениям османских авторов, «во все времена Караманоглу имел тайный союз с правителями иноверцев и содействовал им в противостоянии с султаном ислама» (Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 360). В «Газават-наме» султана Мурада II говорится, будто византийский император (*İstanbul tekvuru*) послал письмо караманскому правителю Ибрахиму с предложением объединить усилия против османского султана (Gazavat-ı Sultan Murad b. Mehmed Han. P. 34).

⁷⁷⁶ Имеется ввиду Георгий Бранкович (1427-1456), сын сербского деспота Вука Бранковича.

⁷⁷⁷ Имеется ввиду Сигизмунд Люксембург, венгерский король под именем Жигмонд I (1387-1437) и император Священной Римской империи (1433-1437).

⁷⁷⁸ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 359

⁷⁷⁹ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 68

этот период на Руси, и вспомнить противостояние между Московским княжеством и Новгородом, то, безусловно, можно заметить типологическое сходство между ними. Показательно, что антагонизм между Москвой и Новгородом воспринимался в общественном мнении русского общества не только как военно-политическое, но и этнорелигиозное соперничество. Летописец, повествуя о походе Ивана III против Новгорода, не случайно пишет, что тот шел на город *«не яко на христиан, но яко на язычник и на отступник православья»*.⁷⁸⁰ Л.Н.Гумилев обоснованно отмечает, что это обстоятельство «для этнической диагностики весьма существенно. Как видим, в конце XV в. представители нового этноса московитов перестали воспринимать реликт Древней Руси – новгородцев – как “своих”, так как индикатором этнической симпатии в то время являлось вероисповедание. Новгородцев, выбравших союз с католиками, москвичи приравнивали к язычникам».⁷⁸¹

Следует подчеркнуть, что те же этнические симпатии и антипатии, антагонистическое восприятие «чужих» через призму вероисповедания были характерны и для отношений между османами и караманцами. Интересно, что Ибрахим, описываемый османскими авторами как «изменник» веры, в хронике Шикари преподносится как образец правоверного и богобоязненного мусульманина, искренне веровавшего в единство Аллаха (*touhid*) и достигшего уровня «полюса» (*kutb*) в обществе святых людей (*tabaka-i evliya*).⁷⁸² Ф.Бабингер также считает, что этот караманский правитель был одной из интересных фигур средневековой мусульманской истории.⁷⁸³ Итальянские источники XV в. называли его «Великим Караманом» (*Gran Caraman*) в отличие от его современника и соперника – османского султана Мехмеда Фатиха, который получил известность как «Великий Турок» (*Gran Turco*).⁷⁸⁴

Османские обвинения в адрес караманцев не ограничивались лишь приведенными примерами. Выставление караманцев в негативном свете и описывание их как клятвопреступников стало традиционным мотивом для османской «пропаганды». Постоянный акцент османских авторов на нарушениях караманцами данного ими «обета верности» был рассчитан на подрыв их авторитета в общественном мнении тюркской среды Анатолии. С целью демонстрации «вероломства и клятвопреступности» караманского правителя в той же анонимной хронике приводится следующий рассказ: *«Однажды во времена султана Мурада [Ибрахим] Караманоглу потерпел поражение. Заключили между собой мир сроком на семь лет. В*

⁷⁸⁰ Гумилев Л.Н. От Руси к России. С. 191

⁷⁸¹ Там же

⁷⁸² Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 191

⁷⁸³ Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamani. P. 237

⁷⁸⁴ Там же. С. 29

скором времени Ибрахим-бей вновь проявил враждебность. Кадии того края, посредством которых был заключен мир, обратились к нему: “Эй, бей! Мы поклялись [не нарушать соглашения] в течение семи лет, с трудом заключили мир с помощью посредников. Пока не вышел срок, не следует нарушать данное слово и снова проявлять враждебность”. Караманоглу Ибрахим-бей ответил: “В то время я сказал не лет, а ветер (здесь обыгрываются турецкие слова *йыл* – год, и *йел* – ветер – Ш.М.). С тех пор подул не один ветер, а сто ветров”. Вот такие “верующие” эти караманцы. Нет у караманцев [верности] клятве и обету, не ведают они дозволенного и недозволенного («харам» и «халал» – Ш.М.). От скольких их мы слышали, что недозволенным является камень, ибо он несъедобен».⁷⁸⁵ Этот рассказ удивительным образом напоминает вышеприведенное повествование Нешри о «клятвопреступлении» отца Ибрахима, Мехмеда Караманоглу, якобы также нарушившего данный османскому султану обет. Османские авторы, как видно, не отличались особой изобретательностью, когда речь шла о выставлении караманцев в дурном свете.

Хотя вышеприведенные примеры и являются продуктом османской политической пропаганды, тем не менее, они важны с точки зрения понимания того идеологического и психологического фона, который сопровождал соперничество двух тюркских обществ в Малой Азии в XV в. Очевидно, османы и караманцы воспринимали друг друга как «чужих» не только в политическом, но и этнокультурном плане. Эти примеры также важны для оценки этнополитических процессов, которые происходили внутри тюркской общности Анатолии в этот период. К.А.Жуков вполне обоснованно допускает, что «в XIV веке в Малой Азии существовали предпосылки для сложения раннефеодальных народностей вокруг двух политических центров: Бурсы (условно эту народность можно назвать османо-турецкой) и Коньи (соответственно карамано-турецкой). Конечно, здесь необходима развернутая аргументация. Однако предварительно можно отметить, что общественно-экономическое устройство бейлика Караман обладало специфическими чертами (в основном, унаследованными от сельджукской эпохи). Видимо, не случайно, иноземцы (например, русский купец Василий в 1466 г.), подразумевая владения османского султана, пишут “Турецкая земля”, не путая последнюю с “землей Караманской”».⁷⁸⁶

Подтверждением высказанной мысли могут служить и встречающиеся в исторических источниках фразы, где в отношении противоположной стороны используется термин «кавим». В местных исторических хрониках и литературных произведениях Анатолии, как османских, так и не принадлежавших к османскому кругу, данное арабское слово (араб. «каум»), в основ-

⁷⁸⁵ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 63

⁷⁸⁶ Жуков К.А. Об этническом самосознании турок в XIII-XV вв., с. 142

ном, употреблялось в значении народ или этническая общность.⁷⁸⁷ К примеру, Азиз Астарабади пишет о туркманах как бесстрашном и воинственном народе, используя слово «кавим» или «кау́м».⁷⁸⁸ Именно так в произведении Шикари османский султан Селим I (1512-1520) называет караманцев: «Пока Караманоглу (имеется в виду правитель Карамана Касим-бей – Ш.М.) не исчезнет, караманский народ не подчинится нам».⁷⁸⁹ В данном случае неважно, что Селим I никак не мог произнести цитируемых слов, ибо Касим умер задолго до восшествия на османский трон этого султана. Безусловно, показательное употребление в хронике термина «народ» в отношении караманцев, что характеризует их этнокультурный статус в глазах османов. Следует добавить, что и османский автор XVI в. Лютфи-паши говорит о караманцах как «вероломном народе» (*bivefa kavim*).⁷⁹⁰

Значимость приведенных примеров высока именно потому, что они отражают взгляды не только представителей правящих элит двух тюркских обществ, которые противостояли друг другу в ходе военно-политического соперничества, но и рядовых людей. Так, в той же анонимной османской хронике говорится, что караманцы «никогда не будут другом османам», что те из них, кто живет на османской земле, всегда поддерживают своих земляков, пребывают в достатке и разными праведными и неправедными путями добиваются прибыльных должностей как, например, кварталный староста (*mahalle kethudasi*), или «факих» (мусульманский законовед), или сборщик рыночных налогов т.д. Тем не менее, они не перестают спесивиться и хвалить лишь свой край, т.е. Караман, и милее их душе разбойничать на караманской земле, нежели честно наживать добро в Османском государстве. Характерной чертой караманцев, по мнению автора, является «глупая строптивость», и что они – «самое строптивое племя на земле». «Смотрите, – говорит анонимный автор, – сколько бед приключилось с Караманоглу, но слышали ли вы хоть от одного караманца, что они потерпели поражение или что османы одержали верх? Не признаются даже под страхом смерти. Османы их бьют, гонят, они бегут и скрываются, но все равно не перестают спесивиться, повсюду распускают языки и радуются даже тогда, когда иноверцы одерживают верх над османами. Удивитель-

⁷⁸⁷ К примеру, в двустииши гермянского поэта XIV в. Ахмеда Даи говорится: «Говорить с каждым народом («кавим» – Ш.М.) на его языке – [дело] более острое, чем сабля, и более тонкое, чем волос» (Ahmed-i Dai. Çengname. P. 327).

⁷⁸⁸ «Terakime qout-e bibak-o motehetted budend» (Bazm u Razm. P. 497)

⁷⁸⁹ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 205

⁷⁹⁰ Lütü Paşa. Tevarih-i Al-i Osman. P. 83. В хронике Ашикпашазаде также используется данный термин и отмечается, что сын Орхана принц Сулейман-паша, которому отцом были предоставлены земли для управления, оказывал столько милости местному христианскому населению, что жители тех сел, убедившись в справедливости «турского народа», приняли ислам (*Ve çok köyler bu Türk kavmini gördüler, Müsülman oldular*) (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 120).

но то, что если один человек побил другого, но сам был бит третьим, чему должен радоваться тот, кого побили первым? Ибо сам он был бит тем, кого побил другой! Что ему-то от того, что того тоже побили? Эти [караманцы] – племя, которое не знает свою меру».⁷⁹¹

В произведении Ашикпашазаде также есть пассажи, свидетельствующие об остром антагонизме и взаимном неприятии османов и караманцев. Автор откровенно говорит о том, что османам «не сыскать в Карамане искреннего друга», что «будь то [караманские] беи или кадии, шейхи или мударрисы – лишь коварство их удел», и приводит такую метафору – «Если даже бросить их в один котел и кипятить вместе с нами», все равно караманцы не пожелают смешаться с османами.⁷⁹² По сути, эта фраза является ясной констатацией жесткого политического конфликта и этнокультурного антагонизма между двумя обществами внутри тюркской среды Малой Азии. Она демонстрирует психологический контекст процесса этнической интеграции турецкого народа под османской эгидой, который проходил через сложные и болезненные этапы. Приведенные примеры являются убедительным свидетельством того, насколько тонко общественное мнение той эпохи улавливало эти противоречия и реагировало на них.

Следует отметить, что один из примеров антиосманской коалиции между европейскими странами и Караманским бейликом относится к 1430-м годам. Выше было указано, что Ибрахим пришел к согласию о совместных действиях против Османского государства с сербским деспотом Георгием Бранковичем и венгерским королем Сигизмундом I. Правитель Карамана совершил рейд вглубь османских территорий с целью захвата Бейшехира и некоторых городов бывшего эмирата Хамид и взял в плен санджакбея этой области Шарабдара Ильяса. В это же время началось наступление венгерских войск на Балканах, и османы были вынуждены вести боевые действия одновременно на двух фронтах. Тем не менее, османские войска во главе с Синан-пашой разгромили венгров в битве на берегу Дуная и заставили короля Сигизмунда спасаться бегством. Затем султан Мурад II поручил охрану столицы Эдирне везиру Саруджа-паше, а сам выступил в поход против правителя Карамана.

Дука упрощенно объясняет причины османского выступления против Карамана яростью Мурада II на то, что якобы Ибрахим отказался уступить ему породистого арабского скакуна, содержащегося в его конюшне, и которым османский султан так жаждал овладеть. Однако в его рассказе привлекает внимание описание заочной дискуссии между караманским беем и османским султаном, содержащей, наверняка, почерпнутые из анатолийской среды отголоски фольклорного толкования острого военно-политического

⁷⁹¹ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 63-64

⁷⁹² Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 151

конфликта между двумя тюркскими обществами Малой Азии в первой половине XV столетия. Прежде всего, Дука не преминул особо подчеркнуть, что *«Мурад постоянно бранил Карамана (Ибрахима Караманоглу – Ш.М.) и угрожал ему, при этом хвастаясь как собственными успехами, так и успехами своего отца и деда над его княжеством»*.⁷⁹³ Далее византийский автор сообщает, что Ибрахим решил отказать османскому султану в его просьбе и поэтому спросил у посла Мурада, специально прибывшего, чтобы потребовать арабского скакуна для своего хозяина: *«Способен ли твой господин сесть верхом на этого коня?»*, на что тот не мог утвердительно или отрицательно ответить на вопрос и ожидал решения караманского бея. Ибрахим сообщил, что конь обладал слишком резвым норовом, и что ему самому было сложно удержаться на нем, а потому он не мог послать его османскому султану. Этот отказ караманского правителя вызвал гнев Мурада и якобы стал причиной начала войны.⁷⁹⁴

Как бы то ни было, османский султан совершил поход на Караман, и, чтобы продемонстрировать анатолийским тюркам, что эти действия были предприняты не против них, а с целью наказания заключившего союз с «иноверцами» Ибрахима, он взял с собой в поход некоторых представителей правящих династий Анатолии – брата караманского бея Ису, Сулеймана Дулкадыроглу и сына Кадия Бурхан ад-Дина Зейналабидина. За короткое время османские войска овладели Акшехиром, Коньей и Бейшехиром. Ибрахим, убежденный в намерениях Мурада II отстранить его от власти и посадить на его место его брата Ису, немедленно послал в ставку султана одну из влиятельных духовных особ Молла Хамзу с мирными предложениями. Последний напомнил султану, что Ибрахим являлся воспитанником османского двора и его слугой, поклялся, что тот никогда более не совершит недостойных действий против султана и был готов уступить ему любую часть своих владений. По словам Ходжи Саад ад-Дина, «мудрому» посланнику караманского правителя удалось склонить султана к миру, и вскоре для заключения соглашения ко двору караманского правителя был послан известный османский государственный деятель и дипломат, автор исторической хроники «Бехджет ат-таварих» Молла Шукрюллах.⁷⁹⁵

⁷⁹³ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 173

⁷⁹⁴ Там же. С. 173-174

⁷⁹⁵ Noca Sadeddin Efendi (I cild). P. 355-358. Неşри пишет, что *«это был первый поход Мурад-хана на Караман и произошел в 838 г.х.»* (1434-35 г.) (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 618-619). Ашикпашазаде считает датой похода 839 г.х. (1435-36 г.) (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tenvarih-i Al-i Osman. P. 175). И.Х. Узунчаршылы, опирающийся в описании этой истории, в основном, на сведения османских источников, отмечает, что мир между Мурадом II и Ибрахимом Караманоглу был заключен в 1434 г. (Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 415). Напротив, Х.Иналджик ссылается на данные мамлюкского автора Ибн Хаджара ал-Аскалани и небезосновательно предполагает, что, скорее всего, все описанные события произошли после очередного похода тимуридского султана Шахруха в

Один из наиболее напряженных этапов противостояния между Османским государством и балканскими странами, особенно Венгрией, приходится на 1440-ые гг. После смерти короля Сигизмунда в 1437 г. в Венгрии сложилось хрупкое политическое положение. Его преемник на троне Альберт II Габсбург (1438-1439) не был поддержан знатью и умер через год после коронации. В стране началась гражданская война между сторонниками двух партий – супруги Альберта II Елизаветы Люксембургской и короля Польши Владислава III Ягеллона (1434-1444), занявшего также венгерский престол под именем Уласло I (1440-1444). В этих условиях Мурад II активизировал свои действия на Балканах. По его приказу османские войска во главе с известным предводителем акынджи Али Эвреносоглу с разведывательными целями переправились через Дунай и в течение месяца совершали рейды в окрестностях Темешвара. На следующий год⁷⁹⁶ сам султан предпринял поход в Трансильванию, в котором его сопровождали сербский деспот Георгий Бранкович и валашский господарь Влад II Дракул. После этого завоевательные устремления Мурада II были направлены против Сербии. Он захватил столицу страны Смедерово (Семендире) и город Ново-Брдо, известный в то время своими шахтами по добыче железной руды, золота и серебра. Примечательно, что османский автор Ашикпашазаде принимал личное участие во время взятия Смедерова, которое, по его словам, произошло в 1438 г. (842 г.х.),⁷⁹⁷ хотя это событие принято относить к августу 1439 г.⁷⁹⁸ Георгий Бранкович бежал ко двору Альберта II. Действия османской армии настолько напугали боснийского короля Твртко II, что тот обязался увеличить ежегодную дань в османскую казну с 20 до 25 тысяч дукатов.⁷⁹⁹ Мурад II также укрепил османский протекторат над Валахией, вынудив Влада Дракула прислать двух своих малолетних сыновей в качестве заложников в Эдирне. Более того, османы в течение полугода осаждали Белград, который незадолго до этого был уступлен Георгием Бранковичем венграм, но не смогли взять сильно укрепленную крепость.⁸⁰⁰

Азербайджан в 1435 г., а формальное признание сюзеренитета Шахруха со стороны анатолийских беев и османского султана Мурада II всерьез обеспокоило мамлюков. Вслед за возвращением Шахруха в Герат караманский правитель Ибрахим решил атаковать дулкадырцев и взял под свой контроль Кайсери, и в ответ поддержавший в данном конфликте дулкадырского бей Мурад II предпринял в марте 1437 г. наступление против Карамана (İnalçık H. Murad II. P. 168).

⁷⁹⁶ По предположению И.Х.Узунчаршили, рейд Али-бей Эвреносоглу был осуществлен в 1436 г., а поход основных османских сил в Венгрию во главе с султаном – в 1437 г. (Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 416). С данной датировкой сложно согласиться в контексте вышеописанных событий в Венгрии.

⁷⁹⁷ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevârih-i Al-i Osman. P. 180

⁷⁹⁸ См.: Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 294

⁷⁹⁹ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 418

⁸⁰⁰ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 177-178; Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevârih-i Al-i Osman. P. 176-181; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 621-232

Венграм пришлось всерьез заняться обороной своих южных границ от османской угрозы. Резко активизировалась и деятельность римской курии по спланированию антиосманской лиги с целью задержать продвижение турок в центральную Европу. В это время венграм удавалось проводить успешные операции на своих южных границах. Так, серьезной неудачей для османов завершился военный рейд, который осуществлялся весной 1442 г. во главе с Мезид-беем. Если можно доверять цифрам, приведенным в источниках, их потери составили около 20 тысяч воинов. Та же участь постигла армию Кула Шахина, которая была послана в карательных целях против венгров султаном Мурадом II в том же году.⁸⁰¹ Два жестоких поражения подряд нанесли серьезный ущерб позиции османов на Балканах и вдохновили их соперников на более активные действия, в частности, организацию нового крестового похода во главе с Яношом Хуньяди.

Эти события дали новую надежду и соперникам османов в Малой Азии. Интересно, что османские источники вновь стали обвинять караманцев в сговоре с врагами веры и связывать наступление венгов с подстрекательствами их со стороны Ибрахима Караманоглу. Ашикпашазаде и Нешри указывают, что после взятия османами Смедерова и бегства сербского деспота ко двору Альберта II Ибрахим направил гонца к венгерскому королю и стал призывать его к совместным действиям против османов: *«Ты выступи с той стороны, а я с этой. И пусть Румелия достанется тебе, а Анатолия мне. И так мы уничтожим османов и вернем Вулкоглу (Георгию Бранковичу – Ш.М.) его область»*.⁸⁰² Действительно, по сообщению османских авторов, Ибрахим воспринял последующее «поражение муджахидов», т.е. османов, от венгерских войск как шанс для посягательств на османские земли и предпринял враждебные акции с целью захвата ряда областей.⁸⁰³ Караманские воины совершили нападения на Бейпазары, Сиврихисар, Кютахью, Анкару, Сейидгази, Болвадин, Акшехир и Бейшехир, где, согласно османским хроникам, занимались грабежом местного населения. Находившийся в Эдирне султан Мурад II с крайней обеспокоенностью следил за чередой неудач, постигших османов на Балканах. Поэтому особо чувствительно был воспринят «удар в спи-

632; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 416-419. И.Х. Узунчаршили утверждает, что осада османами Белграда произошла в 1439 г., хотя она могла завершиться после того, как венгерский престол в 1440 г. занял Владислав III, т.к. известно, что он обращался к Мураду II с призывом снять осаду с города (Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 419; см. также: Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 295).

⁸⁰¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevârih-i Al-i Osman. P. 181-182; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 634-637; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 419-421

⁸⁰² Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevârih-i Al-i Osman. P.183; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 644-645

⁸⁰³ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevârih-i Al-i Osman. P.182; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 636-637; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 370

ну», который в эти тяжелые дни нанес Ибрахим по османским позициям в Анатолии. В сложившихся обстоятельствах Мурад II предпринял стремительные действия и, прежде чем вступить в решительную схватку с крестоносцами на западе, решил обезопасить свои земли от караманской угрозы в Малой Азии. Он совершил еще один поход против Карамана,⁸⁰⁴ в котором принял участие сын Мурада II принц Ала ад-Дин, бывший санджакбеем Амасьи.

Данный поход существенно отличался от прежних своей демонстративной жестокостью – момент, который особо отмечен в хрониках. В частности, Ходжа Саад ад-Дин пишет: *«До этого случая никто из османских султанов не совершал разбой в исламских странах. Из-за злополучной позиции караманцев победоносная [османская] армия учинила в том краю и стране разбой и грабежи вплоть до города Коньи»*.⁸⁰⁵ Нешри также признает, что после захвата караманских земель *«было совершено столько злодеяний, сколько никто из османских беев не совершал»*.⁸⁰⁶ Эти сведения подтверждаются и Дукой, который отмечает, что Мурад предал разграблению и опустошил все города Карамана, включая Конью и Ларенде, вывез оттуда огромное количество золота и серебра, совершил *«возмутительные злодеяния»* против населения и в своих действиях *«зашел так далеко, что предал избиению своих соплеменников турок»*, т.е. караманцев.⁸⁰⁷

Вышеприведенные откровения авторов чрезвычайно важны. Многолетние утверждения османской пропаганды о тайном сговоре караманцев с христианами, их сотрудничестве и солидарности с европейскими странами, наконец, начали приносить свои плоды. В сознании османского об-

⁸⁰⁴ В источниках приводятся разные даты этой османо-карманской войны. Так, Дука говорит о том, что Мурад II предпринял поход после заключения мирного договора с Венгрией, имея ввиду Сегедский договор, подписанный в июле 1444 г. (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 183). Нешри же сообщает, что военные действия происходили в 846 г.х. (1442-43), т.е., скорее всего, ранней весной 1443 г. (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 644-645). Датировка Нешири кажется более правдоподобной, поскольку, как указывалось, в походе принял участие и принц Ала ад-Дин, старший сын Мурада II и санджакбей Амасьи, который скончался вскоре после этих событий. В 1444 г. наследником османского трона был уже Мехмед, которому Мурад II добровольно уступил трон вскоре после заключения мирного договора с венграми в Сегеде. Поэтому время похода Мурада II на Караман следует датировать периодом до 1444 г.

⁸⁰⁵ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 371

⁸⁰⁶ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 642-643

⁸⁰⁷ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 183-184. Надо полагать, демонстративная жестокость османских войск действительно была вызвана жесткой реакцией Мурада II на скоординированные с венграми выступления Ибрахима, а также бесчинства и разбой караманцев, учиненные ими в ходе рейдов на османские земли. Как известно, сам султан Мурад II по характеру отличался великодушным и не был склонен к крайностям. Даже византийский историк Дука отмечал, что *«Мурад был добродетельным по характеру и мягким»* (Там же. С. 173).

щества караманцы стали ассоциироваться с врагами веры, а их земли – с «территорией войны» («дар-ул-харб»). Так что, война против них и ограбление их земель стали оцениваться как допустимое явление не только со стороны османского султана, считавшего себя защитником веры, но и более широких слоев османского общества. Этот факт является важным показателем состояния этнических процессов внутри тюркской среды Малой Азии, и такой вдумчивый историк как Ходжа Саад ад-Дин не мог пройти мимо него.

Интересно, что с точки зрения типологического сходства вновь напрашивается аналогия с историей Руси. Так, в 1169 г. Киев был взят суздальским князем Андреем Боголюбским и на три дня отдан на разграбление его ратникам. Это было невиданным событием и «ярким примером утраты этнической комплиментарности» в Древней Руси, по словам Л.Н.Гумилева. Ибо «до того момента на Руси было принято поступать подобным образом лишь с чужеземными городами. На русские города ни при каких междоусобицах подобная практика никогда не распространялась. Приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г. Киев был столь же чужим городом, как какой-нибудь немецкий или польский замок».⁸⁰⁸

Точно так же османские войска, как свидетельствует Ашикпашазаде, предали «разрушению города и села» Карамана. Их безжалостность и жестокость к населению тюркско-мусульманской страны в центре Анатолии входили в вопиющее противоречие с декларируемым османскими султанами статусом правителей «муджахидов и газии». Видимо, отрицательный резонанс этих событий был настолько ощутим в общественном мнении мусульманской Анатолии, что даже османские авторы не могли обойти их молчанием. Им оставалось лишь неуклюже оправдываться и пытаться каким-то образом перекинуть вину на противоположную сторону. Ярким примером этому являются слова того же Ашикпашазаде: *«Причиной захвата страны (Карамана – Ш.М.) и угнетения мусульман со стороны османов является Караманоглу Ибрахим-бей. Ибо по сегодняшний день османы никогда беспричинно и сознательно не учиняли тиранию в отношении чьих-либо прав»*.⁸⁰⁹

Однако исторический парадокс состоит в том, что собираясь наказать непокорный Караман под предлогом защиты веры, османский султан, по сообщению того же автора, *«созвал всю рать иноверцев из Румелии, подчиненных ему, и вместе с ними двинулся»* на Конью.⁸¹⁰ Таким образом, в очередной раз османы в попытке подчинить анатолийских тюр-

⁸⁰⁸ Гумилев Л.Н. От Руси к России. С. 87

⁸⁰⁹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 183

⁸¹⁰ Там же. С. 182

ков прибегли к услугам своих христианских вассалов из Балкан. Несомненно, этот факт имеет существенное значение для понимания этнических процессов, которые происходили в тюркской среде Малой Азии. Формировавшаяся на западе Анатолии под османской эгидой новая османская политическая и этнокультурная общность воспринимала реликт сельджукской эпохи Караман как чуждый и враждебный элемент и стремилась устранить его. Этнополитическое единство Малой Азии должно было устанавливаться под османской эгидой, и в этом вопросе они не могли допустить конкуренции со стороны Карамана или других эмиратов.

Таким образом, Караманский бейлик в очередной раз потерпел поражение от османов, но сам Ибрахим был спасен усилиями своей супруги, сестры Мурада II. Караманский посол Кара Сервер-ага, прибывший к османскому султану с изъявлениями раскаяния и покорности со стороны Ибрахима, пытался переложить всю вину на тургутских беев, которые якобы постоянно подстрекали последнего к враждебным действиям.⁸¹¹ Поход завершился подписанием письменной клятвы (*Ahidname*) Ибрахимом, согласно которой он обязался более никогда и ни при каких обстоятельствах не проявлять враждебности в отношении османского султана и его государства, не посягать на его земли и не причинять вреда его подданным, быть «другом его друзей и врагом его врагов», ежегодно посылать под началом одного из своих сыновей воинские контингенты в поддержку османской армии и т.д.⁸¹²

В октябре 1443 г. начался новый и последний крупный крестовый поход в составе польских и венгерских войск против османов во главе с королем Владиславом и Яношом Хуньяди. Идеологической вдохновительницей похода была полная надежд на изгнание османов из Европы Римская курия в лице кардинала Джулиано Чезарини. Военные действия крестоносцев действительно создали серьезнейшую угрозу османской власти на Балканах. Первый этап войны принес успех королю Владиславу. 3 ноября 1443 г. Яношу Хуньяди удалось нанести чувствительное поражение османской армии во главе с бейлербеем Румелии Касим-пашой у города Ниш. Далее венгры вошли в Болгарию и захватили Софию. Следующая неудача постигла османов в битве при Златице (Излади) в декабре того же года.⁸¹³

После серии серьезных поражений от венгров Мурад II попытался решить миром возникшие на Балканах проблемы. Посредством Георгия Бранковича были начаты переговоры с королем Владиславом III, которые

⁸¹¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 182; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 642-643; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 371

⁸¹² Факсимиле парижской и конийской версии рукописи письменной клятвы (*Ahidname*) Ибрахима Караманоглу, а также транскрипцию текста см.: Aköz A. *Karamanoğlu II. İbrahim Beyin Osmanlı Sultanı II. Murad'a Verdiği Olduğu Ahidname*. P. 83-92.

⁸¹³ Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Tarihi*. Cilt I. P. 421-423

завершились подписанием сначала в Эдирне (июнь 1444 г.), затем в июле того же года в Сегеде мирного договора на 10 лет между Венгрией и Османским государством.⁸¹⁴ Согласно достигнутой договоренности, османы вернули сербскому деспоту Георгию Бранковичу его бывшие владения, включая Смедерово, и обязались более не переходить Дунай.⁸¹⁵ Однако уже через несколько месяцев Владислав под настойчивым требованием кардинала Джулиано Чезарини и при подстрекательстве венецианцев и византийского двора нарушил мирное соглашение и вновь вторгся в османские границы.

Османские авторы по обыкновению обвиняют караманского бея в том, что его подстрекательства сыграли главную роль в вероломном нарушении венгерским королем Владиславом III подписанного между сторонами мирного договора. Как известно, после заключения мира в Сегеде Мурад II отказался от трона в пользу своего юного сына Мехмеда, будущего завоевателя Константинополя, оставил его править в столице государства городе Эдирне, и сам удалился со своими приближенными в Бурсу, где стал предаваться веселой и разгульной жизни. Это придало смелости Ибрахиму Караманоглу, который якобы тут же обратился к своим союзникам – сербскому деспоту и венгерскому королю, информируя их о том, что настал момент для нанесения решающего удара по османам, поскольку Мурад *«сошел с ума, передал трон сыну, не будучи способным править, и проводит время в пирах в обществе танцовщиц»*.⁸¹⁶ Но, безусловно, эти обвинения османских авторов следует воспринимать как часть целенаправленной антикараманской пропаганды. В действительности, несмотря на стремление Ибрахима быть частью антиосманской коалиции, не он обладал в ней решающим голосом. Главную скрипку здесь играл Ватикан в лице кардинала Чезарини, и к его призывам прислушивались наряду с Венгрией, Польшей и Сербией также Валахия, Богемия, Хорватия, Венеция и тайно примкнувшая к коалиции Византия. Имея такую широкую поддержку, Владислав III и командующий объединенной армией крестоносцев Янош Хуньяди решились на начало новой войны против Османского государства в нарушение подписанного ими в Сегеде мирного договора. Однако на этот раз судьба отвернулась от них. 10 ноября 1444 г. состоялась знаменитая битва при Варне между объединенными силами венгров, поляков и их союзников и османской армией, в которой крестоносцы потерпели сокрушительное поражение, и молодой король погиб в бою.⁸¹⁷

⁸¹⁴ Там же. С. 425-427

⁸¹⁵ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 183

⁸¹⁶ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 648-649

⁸¹⁷ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 184-185; Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevârih-i Al-i Osman. P. 184-185; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 648-657; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 435-439

В 1448 г. Янош Хуньяди, ставший регентом при новом малолетнем короле Венгрии, вновь перешел Дунай и вошел со своей армией в османские земли с целью объединения с оказывавшим сопротивление османам правителем Албании Скандербегом. Снова столкнувшись с опасностью сражения с объединенными силами балканских народов, Мурад II обратился ко всем эмиратам Анатолии с призывом стать под османские знамена. В хронике Нешри этот призыв султана воспроизведен в манере, свойственной турецким героическим эпосам.⁸¹⁸ Понимая, что оставаться вне общей борьбы анатолийских мусульман с «врагами веры» было равносильно окончательной потере лица, правитель Карамана поневоле также прислал свои войска в поддержку османского султана. К тому же, это было предписано и условиями заключенного османо-караманского мирного договора. Армии Мурада II и Яноша Хуньяди столкнулись на Косовом поле, где в 1389 г. произошло первое сражение между турками и сербами. Детали второй битвы на Косовом поле демонстрируют в какой степени обострились османо-караманские противоречия в течение прошедшего полустолетия. Османские источники с сарказмом описывают состояние караманских войск, присланных в поддержку османской армии. По словам Мехмеда Нешри, во время устроенного перед битвой смотра войскам султан Мурад II увидел жалкое состояние караманских воинов, большинство из которых якобы было набрано из *«тургутских конокрадов»* и вооружено примитивным оружием, рассмеялся и сказал с иронией: *«Его (Караманоглу Ибрахима – Ш.М.) войско таково же, как он сам. Уж следил бы за языком, не будоражил бы народ и сидел бы спокойно на месте»*.⁸¹⁹

Надо полагать, Ибрахим действительно послал на войну не самые отборные свои войска. В то же время нельзя забывать, что вооруженные ополчения племен тургут и варсак составляли основу воинских сил Карамана и всегда принимали самое активное участие во всех османо-караманских столкновениях. Борьба этих туркманских племен против политики «османизации» Малой Азии в XIV-XV вв. составляет яркую, но изрядно подзабытую страницу истории Анатолии. Ее отзвуки сохранились и в тех негативных отзывах и эпитетах, которыми ранние османские авторы награждали в своих произведениях этих туркман, как, например, следующая фраза Ашикпашазаде: *«Ты знай, что тургут не станет человеком»*.⁸²⁰ Поэтому, вышеприведенные слова Нешри о караманцах также следует оценивать в контексте растущей пропасти между османской элитой, которая все больше приобретала космополитический характер, и туркманскими массами Анатолии.

⁸¹⁸ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 664-665

⁸¹⁹ Там же. С. 660-661

⁸²⁰ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 215

В целом, середина XV в. характеризуется обострением османо-туркманских противоречий, усилением антиосманских настроений в среде анатолийских туркман Малой Азии. Не случайно сефевидский шейх Джунейд, прибывший в 1450-ые гг. в Анатолию, нашел широкую поддержку своим идеям среди туркман варсак, устаджлу, тургут и других. Эти противоречия усугублялись и тем фактом, что Османское государство стало граничить на востоке с государствами Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу, эмиратом Дулкадыр, т.е. так называемыми «восточными туркманами». Как указывалось, османские источники объясняли военные кампании султана Мехмеда Фатиха против Кастамону и Трабзона именно враждебными намерениями и действиями со стороны правителя Ак-Коюнлу Узун Хасана. Не случайным является и то, что невиданная до тех пор жестокость, с которой османские войска разоряли караманские земли и предавали истреблению туркман, также была продемонстрирована именно в этот период.

Политическая централизация Малой Азии во второй половине XV в.

Годы правления султана Мехмеда II (1451-1481) являются важным этапом в процессе политической централизации Малой Азии. Османские источники сообщают, что первый поход после восшествия на трон он совершил не на запад, как традиционно делали предшествующие монархи, а на восток, в Анатолию, против Караманского бейлика в ответ на враждебные действия Ибрахима. Как можно заключить из сведений Ашикпашазаде, караманский правитель вновь пытался сплотить антиосманский альянс с представителями правящих династий бывших анатолийских эмиратов, и с этой целью *«одного своего сына послал в Кютахью вместе с тем, кого называл Гермияноглу, второго – в Айдын; того, кого он называл Ментешеоглу, он послал в Ментеше, а сам двинулся в Алайе»*.⁸²¹ Видимо, правители Карамана, которые в борьбе против османов всячески пытались позиционировать себя как защитников поправленных прав бывших анатолийских беев, все еще сохраняли этот свой образ в глазах последних.

Взятие Ибрахимом крепости Алайе на средиземноморском побережье и стремление установить прямые связи с Венецией повлекли за собой быстрые ответные действия со стороны османского султана.⁸²² Прежде чем начать поход против Караманоглу Ибрахима, этого старинного врага османской династии, по словам Турсун-бея,⁸²³ Мехмед Фатих заключил мир со своими соперниками на Балканах, и с этой целью даже со-

⁸²¹ Там же. С. 191

⁸²² Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 453

⁸²³ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 34

гласился на некоторые территориальные уступки им. Так, по сведениям Ибн Кемалю, сербскому деспоту Георгию Бранковичу был отдан район Крушеваца (Аладжахисар), а византийскому императору Константину XI – некоторые земли в районе Чорлу.⁸²⁴ Бейлербей Анатолии Исхак-паша был послан в Ментеше, где до этого на короткое время установил свою власть Ильяс, сын Лейса Ментешеоглу. Последний вскоре был разбит Исхак-пашой и бежал к госпитальерам на о. Родос. Такая же участь постигла Айдыноглу, которому также удалось спастись бегством.⁸²⁵

Между тем, для охраны границ на Балканах султан Мехмед II послал бейлербея Румелии Даи Караджа-бея с войсками в Софию, а сам начал поход в восточном направлении на Караман в 1451 г. Вскоре османы овладели городами Акшехир и Бейшехир, после чего караманский правитель был вынужден бежать в Ташэли в горах Тавра и просить мира. По совету своих везиров Мехмед Фатих согласился на заключение мирного соглашения с условием признания за Османским государством права на города Акшехир, Бейшехир и Сейдишехир, а также участия контингента караманских войск в составе османской армии во время военных действий.⁸²⁶

Событием всемирно-исторического значения во время правления Мехмеда II было взятие 29 мая 1453 г. Константинополя или Стамбула, который отныне стал неизменной столицей Османской империи. По красноречивому выражению Г.А.Острогорского, «было время, когда можно было задаваться вопросом, попадет ли Византия в руки латинян или турок; однако развитие событий в последнее столетие дало на этот вопрос решительный ответ, и наименьший вклад в поиск ответа на него внесла сама Византийская империя. Великие события, бывшие решающими для ее судьбы, разыгрывались вне поля ее досягаемости и без ее участия, ибо уже давно Византия была объектом политических амбиций других держав. Обессиленная и парализованная внутренне, она деградировала до положения города-государства и, в конце концов, попала в руки турок».⁸²⁷

Это событие повлекло за собой бурную активизацию попыток Ватикана – пап Николая V (1447-1455), Калликста III (1455-1458) и Пия II (1458-1464) организовать союз европейских государств и новый крестовый поход против турок.⁸²⁸ Поэтому все внимание Мехмеда Фатиха было

⁸²⁴ Ibn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 17

⁸²⁵ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. С. 76

⁸²⁶ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 35

⁸²⁷ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 680

⁸²⁸ Хотя идеалы эпохи крестовых походов продолжали довлеть над умами европейской аристократии, однако, как прекрасно описал это Й.Хейзинга, к середине XV в. они во многом превратились в особую форму рыцарской фикции и предлог для увеличения чрезвычайных налогов, а широко декларируемый «Le Voyage de Turquie [Турецкий поход] оставался козырем, который так и не довелось пустить в ход» (Хейзинга Й. Осень средневековья. С. 104). Несмотря на то, что риторика крестовых походов против турок,

240

приковано к событиям на западе. В течение нескольких лет он завоевал сербские земли, ряд эгейских островов, Морею. Между тем, взятие Константинополя, являющегося вратами в Черное море, вызывало необходимость овладения и черноморским побережьем Малой Азии, которое всегда имело тесные торговые отношения с Константинополем. Из-за сложного гористого ландшафта и взаимной враждебности между государственными образованиями южного Причерноморья было невозможно проложить здесь сухопутную караванную дорогу, способную обеспечить торговые связи в этой зоне. Поэтому особую значимость приобрел морской путь, соединявший Трапезунд вдоль берега Малой Азии с Константинополем.⁸²⁹ Как известно, в 1261 г. после восстановления Византийской империи Генуя заключила выгодный для себя договор с Михаилом VIII Палеологом, после чего началось активное освоение генуэзцами торговых путей в южном Причерноморье. Здесь располагалась сеть торговых факторий Генуи – в Трапезунде с конца XII в. (венецианская была основана в 1319 г.), предположительно в Ираклии Понтийской (Эрегли) в 60-ые гг. XIII – первой половине XIV в., Амасре (Самастро, Амастриде), Синопе, Амисе (Симиссо, Самсуне).⁸³⁰ Таким образом, присоединение причерноморских областей Малой Азии имело стратегическое значение для Османской империи.

Для оправдания завоевания эмирата Джандар османские авторы приводили ставшие традиционными для их «пропаганды» аргументы. В частности, Ходжа Саад ад-Дин писал, что сыновья Исфендияра добились власти с помощью османского султана и лишь по его милости могли ее сохранить. Однако из-за *«дурных свойств своей природы»* они с течением времени теряли свои земли и, тем самым, получали заслуженное наказание. Так, Исмаил всячески стремился уклониться от подчинения султану и тайно сговаривался с караманским правителем, намереваясь взбунтоваться против османов. Лишь после того, как его «происки» стали очевидны для султана, тот решил завоевать эмират Джандар и ликвидировать его.⁸³¹

Если не принимать в расчет пропагандистский тон османских источников, то их сведения позволяют сделать вывод о том, что, очевидно, главы эмиратов Джандар и Караман предприняли еще одну попытку реани-

как отмечает С. Фароки, сохранялась в Европе с середины XV в. до XIX в., однако даже такой горячий сторонник этой идеи как папа Пий II не смог претворить ее в жизнь (Farouqhi S. The Ottoman Empire and the World Around It. P. 4). Собранный им в 1459 г. «Мантуанский собор провозгласил священную войну, на которую, однако, мало кто из крупных государей Европы собирался идти», ибо в это время идея крестовых походов на Восток «скорее декларировалась, чем воплощалась» (Карпов С. П. История Трапезундской империи. С. 350-351).

⁸²⁹ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. С. 58

⁸³⁰ Там же. С. 66-108

⁸³¹ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 472

мировать антиосманскую коалицию в Малой Азии для сохранения остатков своей самостоятельности. Как сообщалось, еще в конце XIV столетия правители этих эмиратов Сулейман-паша и Ала ад-Дин Али объединили свои усилия против настойчиво проводимой султаном Баязидом I завоевательной политики в Анатолии. В тот период стержневым элементом этого союза была фигура Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда. В середине XV в. нараставшее давление Османской империи вновь заставило эти эмираты искать союз между собой. В то же время, были очевидны их слабость и неспособность противостоять османской военной мощи и необходимость присоединения к коалиции более могущественного и ключевого игрока. Функцию «третьей силы» мог взять на себя лишь правитель государства Ак-Коюнлу Узун Хасан. К тому времени государство Ак-Коюнлу стало влиятельным центром силы в восточной Анатолии. Узун Хасан заключил династический брак с трапезундским императорским домом, женившись на Феодоре Комнин, скорее всего, в 1459 г. Это означало переход Трапезундской империи под сюзеренитет государства Ак-Коюнлу.⁸³² Тогда же он потребовал от Османской империи не только отказаться от получения трапезундской дани, но и выплатить ему, т.е. Узун Хасану, дань за последние 60 лет, которую якобы Османское государство обязалось отправлять в Белую Орду, но чего не сделало.⁸³³ По сообщению Дукки, Мехмед II отослал послов с миром и обещал на следующий год прибыть лично, чтобы расплатиться со всеми долгами.⁸³⁴ Это было явной угрозой, которую в скором времени османский султан воплотил в жизнь.

Как бы там ни было, отныне столкновение между Османской империей и государством Ак-Коюнлу было не за горами. Двор Ак-Коюнлу постепенно превращался в новый центр притяжения для всех антиосманских элементов Малой Азии, о чем свидетельствуют последующие события. Именно здесь в скором времени нашли убежище последние представители бывших правящих династий анатолийских бейликов – Исфендияроглу Кызыл Ахмед (1464-1483), Караманоглу Пир Ахмед (1464-1469), Караманоглу Касим (1464-1483) и другие. Не случайно османские авторы объясняют причины завоевания Кастамону, Синопа и Трапезунда враждебными действиями Узун Хасана. Нешри пишет: *«Причиной похода в ту область было следующее – бурные события, произошедшие из-за Узун Хасана в краю Аджам, и необходимость предотвращения его злодеяний вызвали нужду в завоевании той области»*.⁸³⁵

⁸³² Карпов С. П. История Трапезундской империи. С. 401; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток. С. 321

⁸³³ Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamani. P. 175

⁸³⁴ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 257

⁸³⁵ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 740-741

Итак, следующей целью османских завоеваний в Малой Азии стали области на черноморском побережье. Предположительно осенью 1459 г. ими была взята крепость Амасра – одна из крупнейших генуэзских факторий в юго-западном Причерноморье.⁸³⁶ Нешри пишет, что «франки», владевшие крепостью, занимались морским пиратством и укрывали тех христианских пленников или рабов, которым удавалось бежать от своих хозяев «по всей Анатолии». Когда Мехмед II поинтересовался у великого везира Махмуд-паши о причине того, почему прежние султаны не завоевали эту крепость, тот с лестью, достойной искусного царедворца, ответил, что всевышний предопределил эту миссию для него. Приказом султана был снаряжен большой флот, который во главе с Махмуд-пашой отплыл в сторону Амасры. Сам султан с армией двинулся сухопутным путем. Услышав о походе османов, правитель Джандара Исмаил укрылся в Синопской крепости. Но когда выяснилось, что целью военных действий османов было взятие Амасры, он прислал в ставку султана ценные подарки. В скором времени крепость была окружена с моря и суши. Генуэзцам не оставалось иного пути как сдать ее добровольно. Жители Амасры были отправлены в Стамбул, и на их место султан приказал переселить людей, как пишет Нешри, из «Эфлагана» (Пафлагонии).⁸³⁷

Мехмед II решил также положить конец существованию эмирата Джандар (или Исфендияр) и Трапезундской империи. В первом случае османы вновь прибегли к испытанному методу вмешательства во внутриазиатскую борьбу за власть, в свое время успешно опробованную ими при завоевании бейлика Караси. Кызыл Ахмед, брат правителя эмирата Джандар Исмаила, находился на османской службе и получил от султана в управление санджак Болу. Мехмед II поручил великому везиру Махмуд-паше воспользоваться этим и подготовить почву для отстранения от власти Исмаила. Махмуд-паша направил письмо правителю Джандара, в котором извещал того о предстоящей военной кампании против Трапезунда, необходимости оказания содействия османскому флоту во время прибытия в Самсун и его личного участия в походе со своими войсками. После этого султан Мехмед II с армией направился в Болу, а великий везир Махмуд-паша возглавил османский флот, который взял курс по Черному морю в сторону Синопа.⁸³⁸ Однако Исмаил, видимо, подозревавший об истинных намерениях османов, отправил вместо себя в ставку султана в Анкаре своего сына Хасана. «Неучтивость» по отношению к османскому султану, проявленная правителем Джандара, стала удобным поводом для

⁸³⁶ Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. С. 76

⁸³⁷ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 738-741.

⁸³⁸ Нешри говорит о 100 судах в составе османского флота (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 740-741), в то время как Дука пишет о двух сотнях трирем и бирем и десятке боевых судов (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 258).

вмешательства Мехмеда II во внутренние дела эмирата. Он приказал арестовать Хасана и объявил о передаче власти в бейлике брату Исмаила Кызыл Ахмеду, который во главе отборных войск был послан для взятия Кастамону.⁸³⁹ Когда весть об этом дошла до Исмаила, он немедленно укрылся в Синопе. После взятия Кастамону османская армия, возглавляемая Махмуд-пашой и Кызыл Ахмедом, двинулась к Синопу и осадила город. Вскоре Исмаил был вынужден сдать свою последнюю крепость. В ответ на это ему «для проживания» в османских землях был предоставлен Енишехир в районе Бурсы,⁸⁴⁰ а его сын был назначен санджакбеем Болу. Таким образом, эмират Джандар прекратил свое существование и все его земли с крепостями и славившимися медными копиями (*maadin-i mis* или *bakır küresi*) были присоединены к Османской империи. Кастамону был отдан в управление Кызыл Ахмеду.⁸⁴¹

Примечательно, что правитель Карамана Ибрахим также был вынужден послать контингент войск во главе со своим сыном Касимом в помощь османам во время военной кампании против эмирата Джандар. После взятия Кастамону Мехмед II позволил караманским войскам вернуться домой, и основная часть османской армии двинулась дальше в направлении Коюлхисара и Трапезунда. По сообщению Ашикпашазаде и Нешри, в это время правитель Карамана послал тайное сообщение Исмаилу с предложением вновь объединить силы и с помощью Узун Хасана Ак-Коюнлу нанести решительный удар по османам. Однако тот отверг предложение якобы под предлогом того, что сражаться с султаном, который совершал джихад, т.е. поход против Трапезунда, противоречило принци-

⁸³⁹ Дука дает иную версию событий и пишет, что по прибытии сына Исмаила в османскую ставку в Анкаре он был тепло встречен Мехмедом II, который повелел ему передать своему отцу, чтобы тот сдал Синоп. В случае добровольной сдачи крепости ему была обещана область в Филибе, а отказ повлек бы за собой немедленное суровое наказание. Исмаилу не оставалось иного выхода кроме подчинения воле султана, за что ему было позволено взять с собой всю свою казну, имущество и людей и переехать в назначенную ему область (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 258-259). Турсун-бей, который лично принимал участие в походе в качестве секретаря военного совета (*katib-i divan*), сообщает, что сын Исмаила Хасан Челеби вместе караманским принцем Касимом находились в ставке султана во время прибытия армии в Анкару. Здесь состоялся военный совет, на котором было принято решение о захвате эмирата Джандар, и после этого Хасан Челеби был арестован. Махмуд-паша, который был послан на взятие Синопа, приказал Турсун-бею составить письмо Исмаилу с предложением о добровольной сдаче крепости, что и было сделано (Tursun Bey. Tarih-i Ebû'Feth. P. 97-98).

⁸⁴⁰ Орудж б. Адил ошибочно сообщает о предоставлении Исмаилу владений в Филибе (совр. Пловдив), путая это событие с последующим выселением джандарского правителя в Румелию после османского завоевания Трапезунда (Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 73).

⁸⁴¹ Tursun Bey. Tarih-i Ebû'Feth. P. 97-100; İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 191-193; Noca Sadeddin Efendi (I cild). P. 474-476

пам ислама.⁸⁴² Независимо от того, насколько этот факт соответствует исторической реальности, он свидетельствует о том, что идея антиосманской коалиции тюркских бейликов в Малой Азии была еще жива.

Между тем, османы вступили в вооруженный конфликт и с государством Ак-Коюнлу. Крепость Коюлхисар, которая, по словам Турсун-бея, находилась на границе Османской империи и входила в состав владений Узун Хасана, была взята после трехдневной осады.⁸⁴³ Затем османская армия двинулась в сторону Эрзинджана, и здесь в долине Яссы-чимен в ставку прибыло посольство от Узун Хасана Ак-Коюнлу во главе с его матерью Сара-ха-

⁸⁴² Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 206; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 748-749; Карпов С.П. Последний форпост Византии: падение Трапезундской империи в 1461 г. С. 131-132

⁸⁴³ Tursun Bey. *Tarih-i Ebû'Feth*. P. 100. Нешри называет дату османского завоевания Коюлхисара – 865 г.х. (19.10.1460 г. – 5.10.1461 г.). По его сведениям, эта крепость была отнята Узун Хасаном Ак-Коюнлу у ее прежнего владельца по имени Хусейн-бей. Когда весть об этом дошла до Мехмеда II, он послал войско во главе с бейлербеем Румелии Хамза-беем для взятия крепости. Но туркманам Ак-Коюнлу удалось отстоять ее. Османские войска ограничились лишь разорением окрестных земель и вернулись обратно, не достигнув результата (Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 748-749). Историк Узун Хасана Абу-Бакр Тихрани пишет, что враждебность Мехмеда II в отношении Узун Хасана проявилась уже при взятии войсками Ак-Коюнлу крепостей Кил и Гурнар. Османский султан тайно послал защитникам крепостей оружие и призывал их не сдаваться врагу. После встречи Узун Хасана и брата трапезундского императора (*sultan-e Trabzon*; имеется ввиду Давид Комнин) правитель Ак-Коюнлу послал своего племянника Мурад-бея ко двору османского султана Мехмеда II и сообщил ему о том, что отныне Трабзон находился под его защитой и платил ему джизью, и поэтому просил султана воздержаться от нападения на его нового вассала (Дука говорит о 1458 г. как дате посольства – *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*. P. 257). Мехмед II не отреагировал на данный призыв, но, скорее всего, это событие стало началом открытого противостояния между двумя государствами. Крепость Коюлхисар (Койлахисар или Коюнлухисар) была захвачена сыном Узун Хасана Угурлу Мухаммедом, видимо, в 1459 г. Вскоре до Узун Хасана дошло известие о наступлении османских войск в составе около 20-ти тысяч человек, которые окружили Коюлхисар. Угурлу Мухаммед, который владел также крепостью Карахисар, выступил против османов, однако поскольку силы были неравны, был вынужден вернуться обратно. Так как было зимнее время (зима 1459-1460 г.), сам Узун Хасан никак не отреагировал на военные действия османов. Весной 1460 г. Узун Хасан был занят осадой крепости Ас'ард, когда он получил известие о вторичном нападении османов на крепость Коюлхисар. Он немедленно двинулся против османов, которым пришлось немедленно отступить. В это время произошли и более мелкие стычки между туркманами Ак-Коюнлу и османами. Узун Хасан отпустил попавших в его руки нескольких османских эмиров и отправил их к султану Мехмеду II вместе со своим послом Хуршид-беем, через которого потребовал у султана признать его права на Трабзон и прилегавшие крепости. Мехмед II был вынужден освободить несколько ранее захваченных османами крепостей и приказал своим людям вернуться обратно (Abu Bakr-î Tihriani. *Kitab-ı Diyarbakriyya*. (Т. II). P. 379-386). Эти события подробно освещены в монографии Р.Шукурова «Великие Комнины и Восток»; в ней же дан перевод на русский язык соответствующей части из произведения Абу-Бакра Тихрани (Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток. С. 363-368).

тун (или Сарай-хатун) и правителем Чемишкезека Шейхом Хасаном. Мать Узун Хасана старалась отговорить османского султана от похода на Трапезунд, ссылаясь на то, что после женитьбы Узун Хасана на Феодоре Комнин Трапезундская империя находилась под сюзеренитетом Ак-Коюнлу. Однако Мехмед II хоть и вел себя подчеркнуто уважительно по отношению к Сарай-хатун и называл ее «матерью», тем не менее, остался непреклонным в своем решении. Более того, он заставил ее продолжить вместе с ними поход до Трапезунда, чтобы застраховать себя от непредсказуемых действий со стороны Узун Хасана. Таким образом, Трапезунд пал в августе 1461 г., и его территория была включена в состав Османской империи.⁸⁴⁴

После этого Мехмед Фатих решил положить конец присутствию на земле Джандара бывших их правителей. Он «поставил собственных рабов» в Кастамону и взамен этого предоставил Кызыл Ахмеду владения в Румелии.⁸⁴⁵ Оскорбленный отношением султана, Кызыл Ахмед затаил обиду, но решил действовать осмотрительно. Он попросил позволения удалиться в Болу, где должен был забрать свою семью и позже присоединиться к султану, чтобы в его свите следовать в Румелию. Получив разрешение, Кызыл Ахмед прибыл в Болу, но не стал там задерживаться и бежал в Караман. Оттуда он быстро отбыл в ставку правителя Ак-Коюнлу,⁸⁴⁶ пополнив, тем самым, ряды антиосманской партии анатолийской тюркской аристократии при дворе Узун Хасана. Ашикпашазаде утверждает, что опасаясь османской мести, караманский правитель Ибрахим постарался поскорее спровести Кызыл Ахмеда из своего двора, снабдив его средствами. Нешири же, наоборот, считает, что Ибрахим уговаривал его задержаться в Карамане, видимо, надеясь использовать его в антиосманских акциях, однако Кызыл Ахмед из страха перед гневом Мехмеда Фатиха поспешил удалиться под покровительство Узун Хасана. Опасаясь бегства и бывшего джандарского правителя Исмаила, османский султан сослал его из Енишехира в Анатолию на Балканы, предоставив ему владение в Филибе.⁸⁴⁷

⁸⁴⁴ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 100-102; Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 207-209; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 752-753; İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 194-199; Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 259; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток. С. 328-331; Карпов С.П. Последний форпост Византии: падение Трапезундской империи в 1461 г. С. 129-145

⁸⁴⁵ По сообщению Ходжи Саад ад-Дина, Кызыл Ахмеду было предоставлено владение в Морее (Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 482).

⁸⁴⁶ Ибн Кемаль говорит о бегстве Кызыл Ахмеда в Азербайджан (*diyar-i Azerbaycan*) или в «страну туркман» (*Türkman-eli*) (İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 199-200), в то время как Ходжа Саад ад-Дин пишет об «Аджамском крае» (*diyar-i Acem*) (Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 482), хотя речь идет о Диярбекире, столице бейлика Ак-Коюнлу в этот период.

⁸⁴⁷ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 208; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 754-755; İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 199-201; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 482-483

В самом же Карамане, в отличие от Османской империи, внутренние неурядицы и неспособность правящей династии выработать четкие правила престолонаследия, сыграли роковую роль в его судьбе. Начавшиеся после смерти Ибрахима в 1464 г. распри между его сыновьями, оспаривавшими власть друг у друга, в очередной раз дали возможность османам воспользоваться междоусобицей для завоевания территории Карамана и окончательного устранения своего старинного соперника в Анатолии.

Османские источники следующим образом описывают эти события. У Караманоглу Ибрахима было семеро сыновей, старший из которых, Исхак, был рожден от наложницы, а следующие шестеро – Пир Ахмед, Караман, Касим, Ала ад-Дин, Сулейман и Нуре Софи – от его супруги Султан-ханум, дочери османского султана Мехмеда Челеби.⁸⁴⁸ Примечательно, что сам Ибрахим отдавал предпочтение старшему сыну, а остальных «недолюбливал» из-за их родства по материнской линии с Османской династией,⁸⁴⁹ что является показательным фактом и иллюстрацией реального отношения анатолийской тюркской аристократии к Османской династии. Все ранние османские хроники отмечают, что Ибрахим назначил своим наследником Исхака именно из-за его недоверия к остальным своим сыновьям, рожденным от дочери османского султана. Причем, Ибн Кемаль особо подчеркивает, что те не были допущены к власти из-за их принадлежности к «османской расе» (*irk-i Osmani*).⁸⁵⁰ Данная фраза свидетельствует о наличии в этот период наряду с политическим и междинастийным конфликтом между османами и караманцами и более глубоких этнокультурных противоречий.

Между тем, младшие сыновья Ибрахима еще при жизни отца выступили против его решения о назначении преемником Исхака, которому была предоставлена в управление крепость Силифке. Видимо, серьезность намерений Ибрахима подтверждалась и тем, что его казна также находилась в Силифке.⁸⁵¹ Мятежные караманские принцы с верными им войсками окружили Конью и заставили отца бежать и укрыться в крепости Гевеле, где тот и скончался в 1464 г. После этого Исхак стал править в Силифке, а власть в Конье перешла в руки Пир Ахмеда. Интересно, что и османские авторы допускают осуждающие реплики в адрес караманских принцев, выступивших против воли отца, и называют их «неблагодарными» детьми. К примеру, тот же Ибн Кемаль пишет о них следующее двусту-

⁸⁴⁸ Ибн Кемаль считает Султан-хатун дочерью султана Баязида I (İbn Kemal. *Tevarih-i Al-i Osman*. VII Defter. P. 237). По сведению некоторых источников сыновьями Султан-хатун были лишь Пир Ахмед, Касим и Ала ад-Дин (Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Tarihi*. Cilt II. P. 89).

⁸⁴⁹ Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 772-773

⁸⁵⁰ İbn Kemal. *Tevarih-i Al-i Osman*. VII Defter. P. 237

⁸⁵¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 214; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 772-773; İbn Kemal. *Tevarih-i Al-i Osman*. VII Defter. P. 238

шие: «Коль скоро неблагодарные сыновья возьмутся за дело, выцциплут сначала отцу бороду».⁸⁵² Однако то, что Мехмед II выразил поддержку в этой междоусобице не Исхаку, законно признанному своим отцом наследником престола, а узурпировавшему власть Пир Ахмеду, говорит о том, что здесь не обошлось без косвенного участия османов.

В действительности, происходившие в это время в Карамане события являлись прелюдией к начинавшейся в Малой Азии жесткой конфронтации между Османской империей и государством Ак-Коюнлу. Междоусобная борьба внутри эмирата Караман стала постепенно приобретать более драматичный характер, вбирая в себя все больше участников, и, в конце концов, вылилось в самое широкомасштабное столкновение в Анатолии со времен войны между Тимуром и Баязидом. Представляется важным выявить особенности перерастания, казалось бы, внутреннего конфликта одного эмирата в противостояние, охватившее тюркское сообщество Анатолии и Азербайджана и оказавшее существенное воздействие на этнополитические процессы в данном регионе.

Итак, понимая, что он был бессилен самостоятельно справиться со своими братьями из-за ощутимой помощи, оказываемой им со стороны османов, Исхак обратил свои взоры в сторону Узун Хасана. Он предложил находившемуся в это время в Эрзинджане правителю Ак-Коюнлу помочь ему в изгнании мятежных братьев из Карамана, за что обещал выплатить по тысяче золотых флоринов за каждый его переход. Османские авторы сообщают о рейде Узун Хасана в Караман, совершенном по приглашению Исхака. Последний встретил правителя Ак-Коюнлу после того, как тот пересек границу Сиваса, и дальше сопровождал его до территории Карамана.⁸⁵³

Однако, скорее всего, главной причиной этого похода, состоявшегося в 1464 г., был не призыв Исхака, а попытки правителя Дулкадыра Малик Арслана прибрать к рукам часть караманских земель после смерти Ибрахима. Абу-Бакр Тихрани сообщает, что Узун Хасан предпринял рейд на запад после смерти своего сторонника Ибрахима, вняв мольбам населения Карамана, которое терпело бедствия от грабежей и разбоя войск Малик Арслана Дулкадира (Дулкадыра). Он предал смерти Малик Арслана и положил конец бесчинствам дулкадырцев, конфисковав у них огромное количество скота.⁸⁵⁴

⁸⁵² İbn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 237

⁸⁵³ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevârih-i Al-i Osman. P. 214; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 772-773; İbn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 238; Noca Sadeddin Efendi (I cild). P. 498

⁸⁵⁴ Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. (T. II). P. 369-370. Действительно, войска Малик Арслана вторглись в Караман в надежде захватить Кайсери, борьбу за который они вели с правителями Карамана в течение длительного времени (Yinanç R. Dulkadir Beyliği. P. 59).

Как бы там ни было, в состоявшейся битве между Пир Ахмедом и Узун Хасаном Ак-Коюнлу в союзе с Исфаком первый был разбит, бежал из Коньи и нашел убежище в Стамбуле. Здесь в присутствии Дулкадыроглу Шахсувар-бея он принес клятву верности Мехмеду II и обязался после возвращения ему караманского престола выступать в поход под началом султана по первому его приказу.⁸⁵⁵ Таким образом, Пир Ахмед подтвердил свой вассальный статус по отношению к османскому султану.

Хотя османские хроники и говорят, что после бегства Пир Ахмеда Исхак вновь стал единолично править в Карамане, тем не менее, отмечают, что помощь Узун Хасана обошлась тому слишком дорого, ибо туркмены Ак-Коюнлу предали страну нещадному грабежу. По словам Ибн Кемаля и других авторов, они разорили целые города и села, забрав у населения золото и серебро, а также увели с собой огромное количество мелкого и крупного скота, лошадей и одних только верблюдов до 20 тысяч голов.⁸⁵⁶ Однако эти утверждения османских источников следует воспринимать как часть целенаправленной пропаганды, т.к. в это время начинала разгораться борьба между Османской империей и государством Ак-Коюнлу за лидерство в Малой Азии. Кроме того, как показывают вышеприведенные сведения Абу-Бакра Тихрани, туркмены Ак-Коюнлу увели с собой большое количество скота дулкадырцев, а не караманцев, к которым они пришли на помощь. Да и последующее сближение Пир Ахмеда с Узун Хасаном говорит в пользу того, что, в целом, правители Карамана больше полагались на союз с туркменами Ак-Коюнлу, чем с османами.

Вызывает некоторое удивление, что, проникнув так далеко на запад вглубь Анатолии, Узун Хасан не предпринял никаких видимых попыток закрепиться в этом стратегически важном районе, обеспечивающем выход на побережье Средиземного моря. Сложно сказать, было ли причиной его быстрого возвращения в восточную Анатолию опасение преждевременного и неминуемого столкновения с Османской империей. Возможно, будучи правителем пока относительно небольшого эмирата на востоке Малой Азии, Узун Хасан еще не вполне осознавал стратегическое значение необходимости закрепиться в Карамане. Поэтому его стремительный рейд на запад по своему характеру мало отличался от традиционных походов удалой туркманской конницы, предпринимаемых обычно с целью получения военной добычи. Ясное понимание Узун Хасаном значения Карамана для его амбициозных геополитических планов наступило позже, когда он одержал победы над Кара-Коюнлу и тимуридами, расширил границы своего государства на востоке до Хорасана, перенес столицу Ак-

⁸⁵⁵ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 215; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 780-781

⁸⁵⁶ İbn Kemal. *Tevarih-i Al-i Osman*. VII Defter. P. 239

Коюнлу из Диярбекира в Тебриз в Азербайджане и превратился в султана одного из могущественных государств своего времени, которое стало играть исключительно важную роль в международных отношениях во второй половине XV в. Именно в этот период, когда ко двору Узун Хасана зачастили венецианские послы с предложениями о создании единой антиосманской коалиции и возникла настоятельная потребность в установлении прямых контактов с западными странами, территория Карамана с ее средиземноморскими портами, обеспечивавшими морскую коммуникацию с Европой, приобрела особую важность. Однако стратегический талант султана Мехмеда II опередил события, и первый этап борьбы между ним и Узун Хасаном за Караман завершился в пользу османов.

После ухода конницы Ак-Коюнлу Исхак, осознававший невозможность в одиночку противостоять османскому давлению, попытался получить признание своей власти со стороны Мехмеда II, предложив тому в уступку часть караманских земель в районе Акшехира и Бейшехира. Однако османский султан не желал видеть на престоле Карамана ставленника Узун Хасана и выдвинул заранее неприемлемые для Исхака условия. Получив от последнего ожидаемый отказ, Мехмед II вновь оказал военную помощь его брату и сопернику, приказав санджакбею Анталыи Кёсе Хамзе выступить со своими войсками в поддержку Пир Ахмеда.⁸⁵⁷ В столкновении двух братьев в 1465 г. Исхак потерпел поражение и бежал в Эрзинджан в ставку Узун Хасана, где скончался летом 1466 г.⁸⁵⁸ Пир Ахмед воссел на караманский престол и в обмен на содействие со стороны Мехмеда II должен был уступить тому часть своих владений, включая права на Кайсери.⁸⁵⁹ Таким образом, в очередной раз османы смогли воспользоваться распрями внутри правящей династии соседнего эмирата, чтобы прирастить свои земли в Малой Азии.

Однако, как отмечалось, победа Узун Хасана над Джахан-шахом и завоевание государства Кара-Коюнлу в 1467-68 г., а также разгром армии тимуридского султана Абу-Саида в следующем году способствовали быстрому превращению государства Ак-Коюнлу в могущественную державу мирового значения, вынашивавшую далеко идущие стратегические

⁸⁵⁷ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 121-122; İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 240. Ашикпашазаде и Нешри сообщают, что Пир Ахмеду оказали содействие санджакбеи Анталыи, Карахисара и других провинций (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 214; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 774-775).

⁸⁵⁸ Одновременно Исхак запросил помощи и у мамлюкского султана. Вмешательство османов в дела эмиратов Караман и Дулкадыр, которых мамлюки традиционно считали своими протекторами в Малой Азии, привело в этот период к серьезному ухудшению отношений между Османской империей и Египтом (См. послесловие Х.Иналджика к книге – Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamani. P. 448-449).

⁸⁵⁹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 214; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 774-775; İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 241

планы. Эти изменения не могли не повлиять и на ситуацию в Малой Азии. Понимая неизбежность военного столкновения с этим государством на востоке, султан Мехмед II приступил к поиску пути окончательного решения караманского вопроса, т.е. полной ликвидации этого давнего соперника Османской империи в Анатолии. Планы султана не были секретом и для его недавнего протеже Пир Ахмеда. Об этом свидетельствует и установление в скором времени тайных контактов между ним и Узун Хасаном Ак-Коюнлу.

Между тем, международная обстановка в это время складывалась для османов не лучшим образом. В 1469 г. по инициативе папы Павла II (1464-1471) на западе сформировалась новая антиосманская коалиция, куда вошли Венеция, Неаполь, Венгрия, Албания и госпитальеры Родоса.⁸⁶⁰ Стремление зажать Османскую империю меж двух фронтов – с запада и востока – побудило венецианцев искать связь и с главой государства Ак-Коюнлу Узун Хасаном. Караманский эмират также оказался вовлечен в эти процессы на стороне противников Османской империи. Поэтому для Мехмеда II жизненно важным условием было действие на опережение врагов.

Источники сообщают о завоевании им Карамана во время планируемого похода против египетских мамлюков в 1468 г.⁸⁶¹ Эти сведения, содержащиеся в османских хрониках и повторяемые в донесениях венецианцев, связаны с тем, что мамлюкские султаны считали себя сюзеренами правителей Карамана, и ухудшение на этом фоне отношений между османами и мамлюками вызвало множество слухов о якобы предстоящем походе Мехмеда II на Сирию.⁸⁶² Османский султан предписал Пир Ахмеду и Шахсувару Дулкадыроглу принять участие со своими войсками в предстоящей кампании. Когда султан прибыл в Карахисар,⁸⁶³ пришла весть о том, что караманский правитель воздержался от оказания военной помощи османам, видимо, по причине нежелания навлечь на себя гнев египетских мамлюков. В наказание за это ослушание Мехмед II немедленно

⁸⁶⁰ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt II. P. 89

⁸⁶¹ Турсун-бей пишет о том, что османский султан вознамерился завоевать Египет у «черкесов» и присоединить к себе «престол пророка Иосифа» (Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 138). Эту же мысль подтверждает Ибн Кемаль (İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 272). Между тем, Ашикпашазаде и Нешри сообщают о завоевании Карамана во время похода, который Мехмед II якобы планировал совершить против государства Ак-Коюнлу (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 215; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 780-781). Столь противоречивые сведения османских авторов, возможно, могут свидетельствовать о преднамеренной дезинформации общественного мнения со стороны самого османского султана, в истинные планы которого входили не война с мамлюками или туркманами Ак-Коюнлу, а завоевание и ликвидация Караманского эмирата.

⁸⁶² См. послесловие Х.Иналджика (Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. P. 449).

⁸⁶³ Совр. Афьон-Карахисар.

приказал повернуть армию на Конью. Пир Ахмед покинул город и бежал в Ларенде. Конья была занята османской армией, а вскоре были взяты также крепости Гевеле, Эрегли, Ларенде и другие.⁸⁶⁴ Султан приказал казнить всех караманских воинов (сипахи), которые попали в руки османов.⁸⁶⁵ Он велел великому везиру Махмуд-паше преследовать и арестовать бежавшего ранее в Ларенде Пир Ахмеда, а также разорить все становища племен тургут, которых Ибн Кемаль называет «источником смуты». Поэтому продвижение османских войск во главе с Махмуд-пашой по землям тургутов (Тургут-эли) сопровождалось массовыми репрессиями, и остатки тургутов бежали и пытались найти убежище в долине Тарсус.⁸⁶⁶

В течение короткого времени значительная часть территории Карамана была захвачена османской армией. Хотя все предыдущие османо-караманские столкновения завершались заключением мирных договоров между сторонами, на этот раз Мехмед II был полон решимости положить конец существованию этого эмирата.⁸⁶⁷ Вместе с тем, несмотря на политические неурядицы последних лет, города и городская жизнь в Карамане, занимавшем центральные территории бывшего Сельджукского государства Малой Азии, все еще процветали. Ф.Бабингер отмечает, что они в течение столетий были центрами ремесла и искусства – производства керамики, ковроткачества, каллиграфии, миниатюры.⁸⁶⁸ Старые сельджукские города Конья, Ларенде, Аксарай и другие восхитили османского султана своим благоустройством и величественными постройками. Тем не менее, Мехмед II считал необходимым подорвать основы городского хозяйства Карамана для того, чтобы по возможности ослабить экономическую базу своих давних соперников. Как признается Ибн Кемаль, *«Конья должна была бы быть обителью друга, но являлась древним обиталищем могущественного врага. [Поэтому султан Мехмед] решил несколько ослабить те города, умень-*

⁸⁶⁴ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 139; İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 272-274. Впрочем, первые признаки мятежности Пир Ахмеда проявились еще раньше, во время второго албанского похода Мехмеда II в 1467 г. По сообщению Ашикпашазаде, Пир Ахмед «набрался наглости» попросить у султана вернуть ему некоторые бывшие свои владения. Автор сетует на «вероломство» караманцев в поэтическом пассаже:

«Ашики, не ожидай верности от караманцев,

Ибо не ведают они верности обету» (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki.

Tevarih-i Al-i Osman. P. 214-215).

Нешри также пишет о том, что во время похода османского султана против Албании, Пир Ахмед, воспользовавшись ситуацией, стал совершать злодеяния против мусульман, так что те были вынуждены обратиться к Мехмеду II с мольбой о помощи (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 778-779).

⁸⁶⁵ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 216; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 782-783

⁸⁶⁶ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 275

⁸⁶⁷ Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. P. 238

⁸⁶⁸ Там же. С. 240

шить славу страны Караман и ослабить врага».⁸⁶⁹ Махмуд-паше было велено организовать массовое переселение (*sürgün*) жителей тех городов в новую столицу империи Стамбул. Примечательно, что переселение людей из караманских городов в османские земли нашло детальное отражение в исторических хрониках. В них также отмечается, что великий везир в душе не мог согласиться с подобным решением Мехмеда II, а потому исполнял приказ в максимально мягкой форме и даже якобы признавался переселенцам, что вынужденно выполнял волю султана.⁸⁷⁰

Между тем, его нерешительные действия дали возможность другому греческому ренегату – Рум (Византийцу) Мехмед-паше, который имел собственные виды на пост великого везира, опорочить Махмуд-пашу в глазах султана и донести о нерадивом исполнении им высочайшего указа. Недовольный медлительностью великого везира, Мехмед II отстранил Махмуд-пашу от данного задания и поручил это дело его сопернику.⁸⁷¹ Х.Иналджик отмечает, что османские источники либо умалчивали, либо же лукавили об истинных причинах того, почему великий везир Махмуд-паша впал в немилость. В действительности, недовольство османского султана было вызвано неспособностью Махмуд-паши быстро и эффективно решить «караманский вопрос» в 1468 г. Тому не только не удалось полностью захватить всю территорию Карамана, т.к. прибрежная полоса и земли за Тавром остались под контролем караманцев, но его армия, к тому же, понесла серьезные потери во время отступления из Карамана, когда Пир Ахмед нанес несколько чувствительных ударов по арьергарду османов и получил значительные трофеи, о чем он сообщал в своем письме мамлюкскому султану и просил его покровительства. Разгневанный Мехмед II в июле того же года уволил Махмуд-пашу с поста великого везира и назначил на его место Исхак-пашу.⁸⁷²

О суровости Рум Мехмед-паши и его жестоком обращении с жителями поверженного Карамана пишут с нескрываемым раздражением даже османские хронисты. Знаменательно, что они пытаются объяснить предосудительные действия османского сановника чувством мести против мусульман новообращенного в ислам бывшего православного грека, который якобы не мог смириться с падением Константинополя. Как пишет

⁸⁶⁹ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 276

⁸⁷⁰ Там же

⁸⁷¹ Турсун-бей, удивительным образом ничего не сообщая о Рум Мехмед-паше и его интригах против великого везира, пишет, что Махмуд-паша был уволен со своего поста, когда султан Мехмед II находился в Карахисаре во время возвращения из Карамана в Стамбул. Причина же его смещения заключалась в том, что тот поручился перед султаном за лояльность Пир Ахмеда, который, тем не менее, изменил османам (Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 139).

⁸⁷² См. послесловие Х.Иналджика к книге Ф.Бабингера (Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. P. 448).

Ашикпашазаде, «этот везир-византиец лелеял мечту отомстить за Стамбул, угнетая мусульман. На этот раз он получил такую возможность. Словом, выселяя из Коньи и Ларенде множество семей, этот везир-византиец преследовал цель загубить дома мусульман, лишить их куска хлеба и разрушить их упорядоченную жизнь».⁸⁷³ Ибн Кемаль подтверждает словами самого Рум Мехмед-паши то, что его чрезмерная суровость по отношению к караманским тюркам во время их переселения в Стамбул была мотивирована чувством мести: «Повествовавший этот рассказ сообщил: “Я слышал из уст этого проклятого злоумышленника (Рум Мехмед-паши – Ш.М.), как он говорил – То, что совершил султан Мехмед со Стамбулом, я сделал с Ларенде”».⁸⁷⁴

Таким образом, османские хронисты, свидетельствующие о крайне жестоких мерах грека-ренегата в отношении анатолийских тюрков, связывают это с его этноконфессиональным происхождением и желанием взять реванш за уничтожение византийского мира. Сложно судить в какой степени данное заключение османских авторов соответствует исторической реальности. Дело в том, что сам великий везир Махмуд-паша, против которого интриговал Рум Мехмед-паша, также был знатным византийским греком из Фессалии, еще в детстве обращенным в ислам, сделавшим головокружительную карьеру и достигшим самого высокого поста в османской государственной иерархии.⁸⁷⁵ Возвышение Махмуд-паши было типичным примером карьерного роста, характерным для многих османских сановников из бывших христиан в эпоху султана Мехмеда II. Интересно, что авторы, с возмущением осуждающие действия Рум Мехмед-паши, благосклонно отзываються о его сопернике Махмуд-паше, восхваляя его благородство, государственный ум и аристократические манеры. Высказывается даже мнение, что недовольство султана великим везиром было вызвано симпатией последнего к династии караманских правителей.⁸⁷⁶ Поэтому, скорее всего, конфликт Рум Мехмед-паши и великого везира был лишь частным примером дворцовых интриг и борьбы за власть внутри османской политической элиты. Так, по словам Ф.Бабингера, Рум Мехмед-паша сделал баснословный капитал на данной операции, поскольку под предлогом переселения мастеровых и ремесленников в столицу империи он конфисковал имущество и ценности многих состоятельных горожан. Он был настолько неразборчив в средствах, что даже один из потомков знаменитого Джалал ад-Дина Руми Ахмед Челеби был

⁸⁷³ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 216

⁸⁷⁴ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 276

⁸⁷⁵ По отцовской линии Махмуд-паша происходил из рода правителей (цезарей) Фессалии. Отцом его был Алексей (или Мануил) Филантропен (Stavrides T. The Sultan of Vezirs. P. 75-78).

⁸⁷⁶ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 278

выслан в Стамбул, но когда об этом стало известно султану, он приказал с извинениями и богатыми подарками вернуть того на родину.⁸⁷⁷ Все эти меры Рум Мехмед-паши вызвали возмущение не только в Карамане, но и в османском обществе.

Однако, важно то, что несмотря на истинные мотивы османского савовника-ренегата, в сознании авторов той эпохи их оценки преломлялись через призму этноконфессиональных отношений. Более того, если даже османские авторы не могли удержаться от жесткой критики в адрес этого паши, то несложно представить себе реакцию караманских тюрок на действия османских властей, положивших конец политической самостоятельности их страны. Хроника Шикари содержит довольно живописную и полную горечи картину этих событий, хотя и пестрит множеством фактологических неточностей. В частности, в работе хронологическая канва описываемых событий серьезно смещена, автор путает их с деталями другого османского похода на Караман, осуществленного в 1471 г. во главе с Гедик Ахмед-пашой, который и считается ответственным за все нелепые действия Рум Мехмед-паши. Однако в данном случае нас интересует не столько то, насколько корректен автор в датировке исторических деталей, сколько описание реакции караманских тюрок на османское завоевание их страны. Именно эти подробности позволяют судить о психологическом фоне этнополитических процессов, происходивших внутри тюрокской общности Малой Азии в середине и второй половине XV столетия. Шикари пишет о том, что после захвата последней столицы Карамана Ларенде *«султан Мехмед прибыл в город. Он [приказал] разрушить дворцы Караманоглу и построить на их месте крепость, башни которой [в высоту] достигали небес. Он хотел полностью разрушить город и уничтожить его [население], но улемы воспротивились этому. Поскольку он недавно завоевал Стамбул, то повелел переселить всех жителей [Ларенде] в Стамбул. Согласно составленной описи было переселено из города 30 тысяч мусульманских и 7 тысяч христианских семей (букв., домов – Ш.М.). После этого [султан] перешел в Аксарай и переселил [все население города] в Стамбул. Переселил также 300 умевших комментировать Коран шейхов, ваизов, муфтийев, ученых и абидов. Однако никто из них не обосновался [надолго] в Стамбуле, и через три года все они бежали и снова вернулись. Султан Мехмед разгневался, послал Гедик Ахмед-пашу, который прибыл и вновь захватил Ларенде, разрушил и предал его огню. В общем, он снес 117 кварталов (махалле), 4 соборные мечети, 307 малых мечетей, 29 бань, 4 медресе, 7 дервишских обителей. Он согнал как стадо овец жителей вместе с их детьми в количестве 20-*

⁸⁷⁷ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevârih-i Al-i Osman. P. 216; Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. P. 240

30 тысяч человек за город к подножию Карадага и под плач и вопли шейхов, улемов и бедного люда у них на глазах сравнивал с землей эти прекрасные дворцы, павильоны, соборные мечети Султана, Низамшаха, Каши, Хасана Басри, Карамана и разрушил весь город. После этого 17 тысяч [османов] насильно и побоями погнали этот бедный люд вместе с их детьми в пешем строю в ссылку». Далее автор добавляет, что когда один из известных караманских эмиров Кёкезоглу стал свидетелем этих ужасных событий, он прибыл в ставку последнего караманского правителя Касима, скрывавшегося в горах Тавра, поведал обо всех несчастьях, выпавших на долю страны и народа, и «они вместе так зарыдали, что мир наполнился их стенаниями. Кёкезоглу сказал: «Отныне для нас смерть предпочтительнее жизни»».⁸⁷⁸

Короткий, но красноречивый рассказ Шикари иллюстрирует оборотную сторону процесса «османизации» Малой Азии и те последствия, которыми оборачивалось османское завоевание для анатолийских бейликов. Он отражает настроения тех слоев анатолийского тюркского населения, которые не желали мириться с расширением османской власти в Малой Азии. К ним, в первую очередь, относились высшая тюркская аристократия, или представители правящих династий бывших эмиратов, а также кочевые и полукочевые племена, которые в рамках вводимой новыми властями тимарной системы теряли свой былой привилегированный социальный статус. Для них установление османского господства на территории бывших эмиратов было равнозначно узурпации прав законных владельцев, попранию норм древней патриархальной справедливости и установлению «тирании» (зулум). Не случайно, по словам Мустафы Аали, в те времена «среди народа» распространялись такие утверждения – «Нет правды у османов» или «Не жди добра от той династии».⁸⁷⁹

Разорение караманской земли, разрушение городов, опустошение становищ туркманских племен тургут и варсак были в глазах караманских тюрков проявлениями «османской тирании». Для некоторых из них установление этой «тирании» было равнозначно смерти, ибо, как выразился Кёкезоглу, им предпочтительнее было принять смерть, чем жить под османской властью. В то же время, антиосмански настроенная часть анатолийских тюрков отчетливо осознавала ту очевидную и ужасную для себя истину, что была уже не в силах противостоять османскому оружию. Поэтому «османская тирания» постепенно начинала ассоциироваться у них с почти мистическим «йезидовым игом» (*Yezid zülmü*), с которым могла справиться лишь такая же мистическая, но духовно более высокая и сакральная сила «скрытого имама» и «владельца времени» (*sahib üz-zaman*)

⁸⁷⁸ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 197

⁸⁷⁹ Kühnū'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 149

Махди. Причины широкого распространения в этот период мессианских кызылбашских и алевитских идей, особенно среди крестьян и кочевников Анатолии, следует усматривать именно в данной психологической метаморфозе, которая происходила в части тюркской среды Малой Азии. Родовая тюркская аристократия, которая до того времени брала на себя функцию лидера антиосманского сопротивления, была сломлена и, исполнив свою роль, сходила с исторической сцены. Однако это не означало еще окончательного триумфа османской централизаторской политики в Малой Азии. Скорее, наоборот, дух сопротивления переходил к низшим классам и начинал возгораться в народной среде, все чаще проявляясь в идеологическом брожении и выступлениях крестьян и кочевников, которые происходили под знаменем борьбы с «йезидовым игом» и под руководством наводнивших Анатолию кызылбашских проповедников – провозвестников имама Махди.

После османского завоевания Карамана правителем этой области был назначен сын Мехмеда Фатиха принц Мустафа. Между тем, османские источники сообщают о разрушении Рум Мехмед-пашой и ряда других городов Карамана. В частности, отмечается, что город Эрегли постигла участь не менее страшная, чем Ларенде.⁸⁸⁰ Османские войска также подвергли гонениям тургутов и разорили их становища, поскольку те рассматривались как беспокойный элемент, причем настроенный резко антиосмански. Ибн Кемаль нелестно характеризовал Тургутоглу Омар-бея, главу тургутов и «главного военачальника и советника Караманоглу Касим-бея», называя его «не склонившим перед османами голову свирепым упрямым» и «одним из смутьянов в краю Караман».⁸⁸¹

Затем османские войска перешли в Таш-эли, где были расположены становища другого туркманского племени варсак – такого же непримиримого противника османской власти. В этот период летние пастбища этого племени находились у подножий гор Булгар (или Бозоглан) на Тавре, а в зимнее время они перекочевывали в долину Чукурова. Населявшие обширные земли от Тавра до Мерсина варсаки являлись одним из наиболее примечательных субэтнических компонентов туркманского населения Анатолии в средние века. По мнению Ф.Сумера, хотя сложно судить об этимологии данного этнонима, тем не менее, огузские этнические корни варсаков очевидны, и нет никаких оснований говорить об их монгольском происхождении, как это делал Й. фон Хаммер-Пургшталь. Более того, можно предполагать, что они относились к левому крылу огузов «учок». О принадлежности варсаков к туркманской среде свидетельствуют и не-

⁸⁸⁰ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevarih-i Al-i Osman. P. 218; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 788-789; İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 307; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 516

⁸⁸¹ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 307

которые мамлюкские авторы, в частности, Айни, который пишет: «Туркмены, которые сегодня населяют страны Рум и Шам, происходят от тех туркман, которые прибыли с султаном Алп Арсланом ас-Салджуки, поселились здесь и кочуют вместе со своими шатрами. Одно племя осело в Дийарбакре. Одни из них – туркмены Кара Мухаммада, Бани-Йахмар и Бани-Йагмур. Еще одно поселилось в стране Рум на берегу Солёного (Средиземного – Ш.М.) моря, из которых одно племя является тем, которое называется туркманами варсах».⁸⁸²

Известно об активном участии варсаков во всех военно-политических событиях, происходивших в южной Анатолии начиная со второй половины XIV в., в том числе, их борьбе против османской территориальной экспансии.⁸⁸³ Следует отметить, что и карательная операция Рум Мехмед-паши против них завершилась полным провалом. Варсакам во главе со своим войсковым старшиной (*boybeyi*) Уюз-беем удалось завлечь османские войска в западню в труднодоступных горных перевалах Тавра и уничтожить их. Рум Мехмед-паша смог бежать, значительная часть его

⁸⁸² Цит. по: Sümer F. Çukur-ova tarihine dair araştırmalar. P. 72

⁸⁸³ В первой половине XIV в. варсаки приняли сюзеренитет Мамлюкского государства, подчинившись созданному в Тарсусе мамлюкскому вилайету. Позднее они все больше укрепляли свои связи с усиливавшимся бейликом Караман, чему способствовало некоторое ослабление мамлюкской власти на юге Малой Азии в результате выступлений мамлюкских эмиров тюркского происхождения против политики султана Баркука в конце XIV в. Во всяком случае, мы видим варсаков в составе караманской армии во время битвы между османским султаном Мурадом I и караманским правителем Ала ад-Дином Али в 1386 г., как и во время похода султана Баязида I на Караман десять лет спустя. В середине XV в. часть варсаков стала последователями сефевидского шейха Джунейда во время его пребывания в Анатолии. После этого среди них стремительно начинают распространяться прокызылбашские настроения и идеи. Варсаки были одним из активных участников кызылбашского движения в Анатолии, часть из них в дальнейшем переселилась в Азербайджан и Иран и внесла весомый вклад в формирование Сефевидского государства. Правители Карамана также в своей борьбе с Османским государством опирались на воинственные племена тургутов и варсаков. После гибели командующего караманскими войсками Тургутоглу Омар-бея его пост занял Адальюглу Паша-бей из варсаков (İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 308). Как известно, при султани Баязиде II были стерты последние следы былой самостоятельности бейлика Караман. И не случайно в междоусобной борьбе за власть между Баязидом и его братом принцем Джемом варсаки поддерживали последнего. Для ликвидации последних очагов сопротивления в бывшем Караманском бейлике в 1487 г. сюда была послана очередная карательная экспедиция во главе с Давуд-пашой. Варсаки были вынуждены сложить оружие и покориться османской власти. Среди их лидеров и главарей источники называют говорящие за себя огузо-туркманские имена Бугаоглу, Агбашоглу, Элваноглу, Сюмекоглу, Игдыроглу, Эвреноглу, Адальюглу, Огузбекоглу, Арык Шейтаноглу и других (Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevarih-i Al-i Osman. P. 233; Носа Sadeddin Efendi (II cild). P. 54). Часть варсаков была принята на османскую военную службу в качестве алайбеев или рядовых сипахи. Вместе с тем, по словам Ф.Сумера, «с этого времени политическое значение варсаков, как и других тюркских сообществ, резко пошло на убыль» (Sümer F. Çukur-ova tarihine dair araştırmalar. P. 81).

людей была убита или пленена, и в руки варсаков попали огромные сокровища, накопленные османским везиром неправедными путями во время его репрессий в Карамане. Варсаки иронизировали по этому поводу и «восхваляли» византийца Мехмед-пашу за то, что тот так «щедро поделился» такими богатствами с ними.⁸⁸⁴ По словам Нешри, даже половине османского войска не удалось уцелеть в этой битве.⁸⁸⁵ Уюз-бей *«не пожалел ни одного из османов, попавших ему в руки, и всех казнил; тем самым, этот злосчастный хоть немного отомстил за караманцев»*.⁸⁸⁶

Таким образом, несмотря на полную потерю политической самостоятельности, караманские турки все еще продолжали сопротивление процессу «османизации» Малой Азии. Касиму, считающемуся последним представителем правящей династии Карамана, удалось заручиться поддержкой правителя Алайе Кылыч Арслана и нанести с помощью тургутов и варсаков несколько чувствительных ударов по османской власти в центральных областях Анатолии. В частности, он совершил стремительный рейд во главе пятитысячного ополчения в район Анкары и разорил множество окрестных деревень. Санджакбеям Болу и Анкары пришлось объединить свои силы для противостояния караманцам; на помощь османам прибыл с отрядом городского ополчения и кадий Анкары Эмре Челеби. Однако караманцам вновь удалось перехитрить османов и завлечь их в западню. В состоявшейся битве погибло несколько сотен османских воинов; не избежал смерти и кадий Анкары. Весть об очередном поражении османов привела султана Мехмеда II в бешенство, и он назначил Давуд-пашу санджакбеем Анкары.⁸⁸⁷

Вооруженное сопротивление, которое туркмены тургут и варсак оказывали в последние годы существования эмирата Караман установлению османской власти в центральных и южных областях Малой Азии, является доблестной, но изрядно подзабытой страницей истории анатолийских турков. Отчаянно отстаивая свой образ жизни и вольности перед наступлением централизованной империи, туркмены демонстрировали воинственность и истинные образцы доблести, напоминающие сюжеты из огузских героических эпосов о Деде Коркуде и Кёроглу. Несмотря на историческую обреченность их борьбы, это не снижает высокую эпическую ценность их силы духа.

Султану Мехмеду II было прекрасно известно, что за отчаянным сопротивлением Карамана стоят тургуты и варсаки, поэтому основной удар османских сил был направлен именно против них. В 1471 г. Мехмед II

⁸⁸⁴ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevarih-i Al-i Osman. P. 218; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 788-791; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 517

⁸⁸⁵ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 788-789

⁸⁸⁶ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 301

⁸⁸⁷ Там же; Tekindağ Ş. Son Osmanlı-Karaman münasebetleri hakkında araştırmalar. P. 59

приказал великому везиру Исхак-паше совершить новый поход в Караман с целью подавления этих племен. В операции принял участие и османский вали Карамана принц Мустафа. Потерпев поражение у крепости Мут и понимая невозможность сопротивления османской военной силе, Пир Ахмед бежал на восток ко двору Узун Хасана.⁸⁸⁸ Его младший брат Караман перешел на сторону османов и получил в управление санджак Гирмен. Другому брату Касиму с несколькими тысячами воинов пришлось отступить. По его приказу Адальюглу Паша-бей совершил рейд в район Нигде и разорил окрестности города.⁸⁸⁹ В ответ на это Исхак-паша двинулся со своей армией к подножиям горы Булгар, где находилась ставка Касима. Авангард армии во главе с Давуд-пашой разгромил силы караманцев и взял в плен до пятисот человек. Однако самому Касиму удалось скрыться. Убедившись в тщетности попыток поймать предводителя караманцев, Исхак-паша отступил в Нигде, а затем захватил город Аксарай. Из этого города в Стамбул было переселено несколько сот семей, так что нынешний район Стамбула под названием Аксарай получил свое наименование в результате тех событий.⁸⁹⁰

После отступления османской армии Касим вновь вернулся в свою ставку на горе Булгар. Как отмечалось выше, после гибели Тургутуглу Омар-бея он назначил своим военачальником Адальюглу Паша-бея и поручил ему вновь совершить карательный рейд в район Нигде. Тот во главе ополчения из тургутов и варсаков успешно выполнил это задание и вернулся в ставку Касима. Но вскоре поход Давуд-паши против караманцев завершился пленением Адальюглу Паша-бея, который был закован в цепи и отправлен в Стамбул. По приказу султана Мехмеда II он был обезглавлен. Ибн Кемаль указывает на роль этого караманского военачальника в антиосманском сопротивлении во второй половине XV в. словами о том, что после его гибели, наконец, *«сломалась ветвь смуты и опали листья и плоды [древа] Карамана»*.⁸⁹¹ Благодаря этим успехам, достигнутым Давуд-пашой в подавлении выступлений туркманских племен Карамана, тот был назначен бейлербеем Анатолии.

Этот период насыщен также важными дипломатическими событиями, напрямую затрагивавшими международные интересы Османской им-

⁸⁸⁸ Абу-Бакр Тихрани сообщает, что когда Узун Хасан находился в летней ставке («яйлак») в районе Кума весной 1471 г., прибыл один из посланцев Пир Ахмеда с сообщением о событиях в Карамане, завоевательных действиях османов, и о том, что Пир Ахмед послал к Узун Хасану с просьбой об оказании срочной помощи свою мать, которая скончалась по дороге. Узун Хасан обещал свою поддержку караманскому правителю (Abu Bakr-i Tihrani. *Kitab-i Diyarbakriyya*. (T. II). P. 554).

⁸⁸⁹ Там же. С. 305

⁸⁹⁰ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşık. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 218-219; Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma*. II cild. P. 790-791; Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 517

⁸⁹¹ İbn Kemal. *Tevarih-i Al-i Osman*. VII Defter. P. 309

перии и ее позиции в Малой Азии. На западе предпринимались активные усилия для формирования новой Священной лиги. В 1471 г. папа Сикст IV послал нескольких кардиналов в различные европейские страны – Францию, Бургундию, Англию, Испанию, Германию, Польшу, Венгрию с призывом к организации очередного крестового похода против турок. Как известно, первые контакты между главным соперником османов в Анатолии Узун Хасаном Ак-Коюнлу и Республикой Св. Марка начались еще зимой 1463-64 гг., когда Синьория направила ко двору Узун Хасана своего посла Лазаро Квирино. Стремление правителя Ак-Коюнлу заручиться поддержкой союзников на западе и получить доступ к огнестрельному оружию, столь необходимому для будущей войны с османами, стимулировало его заинтересованность в связях с Венецией. В феврале 1471 г. Лазаро Квирино вернулся в Венецию в сопровождении посла Узун Хасана Мурад-бея, который привез предложение султана Ак-Коюнлу о совместном выступлении против Османской империи. Синьория проголосовала 148 голосами против двух за военный союз с государством Ак-Коюнлу и решила направить в Тебриз нового посла Катерино Зено.⁸⁹² Все эти события актуализировали необходимость прямых контактов между Венецией и государством Ак-Коюнлу и повышали значение средиземноморских портов, через которые могла осуществляться эта связь. Несомненно, султан Мехмед II был информирован о тех опасных для него отношениях, которые устанавливались между его противниками на западе и востоке. Этим и объясняются настойчивость и упорство, с которыми османские границы продвигались на юг к средиземноморскому побережью.

В 1471 г. следующей целью османских завоеваний после земель Карамана стала сильная прибрежная крепость и порт Алайе (совр. Аланья), расположенная в восточной части залива Анталья. Бывшее владение Сельджукского государства Малой Азии, Алайе в последующем попало под власть караманских правителей и в 1427 г. было уступлено ими египетским мамлюкам. С тех пор здесь образовался находившийся под мамлюкским протекторатом небольшой бейлик, который с 1460 или 1461 г. возглавлял эмир Кылыч Арслан. В стремлении сохранить свои владения он активно сотрудничал с мамлюкскими султанами, караманскими правителями и кипрским королем Жаком II де Лузиньяном.⁸⁹³ На завоевание крепости была послана османская армия во главе с Гедик Ахмед-пашой, которому для поддержки с моря были приданы и военные суда. Кылыч Арслан понимал бесперспективность сопротивления османам и добровольно сдал свои владения османскому эмиру. Взамен он получил в

⁸⁹² Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. P. 264-266

⁸⁹³ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt II. P. 92; Tekindağ Ş. Son Osmanlı-Karaman münasebetleri hakkında araştırmalar. P. 60-61

управление район Гюмюльджине в Румелии.⁸⁹⁴ Османы традиционно ссылали представителей родовой тюркской аристократии, вынужденной подчиниться их власти, из Анатолии на Балканы, достигая этим сразу двух целей. Во-первых, тюркская знать теряла наследственные земли и высокий социальный статус, превращаясь в обычных «рабов» султана. Во-вторых, она утрачивала все социальные связи с местной средой в Анатолии, и, тем самым, облегчался процесс замены политической системы эпохи бейликов новым османским имперским порядком.

Однако примечательно, что порой и сами османские авторы поднимали голос против подобной политики Порты. К примеру, Мустафа Аали считал несправедливой подобную практику в отношении Кылыч Арслана, который, по его мнению, был последним отпрыском династии сельджукских султанов.⁸⁹⁵ Как известно, крепость Алайе была впервые завоевана сельджукским султаном Ала ад-Дином Кей-Кубадом I в 1220-ые гг., от имени которого она и получила свое название. Здесь по его приказу была возведена мощная цитадель. Скорее всего, столь близкая ассоциация этого средиземноморского порта-крепости с сельджукским наследием способствовала тому, что его последний независимый правитель Кылыч Арслан воспринимался современниками как потомок Сельджукской династии. Как бы там ни было, Мустафа Аали укорял османские власти за «нетактичное» отношение к этому «потомку султанов прошлого по материнской линии» и считал «неподобающим действием отнимать его владения», добавляя, что взамен такой бесценной области как Алайе ему было предоставлено владение, во много раз уступавшее ей в цене. Поэтому после отъезда в Гюмюльджине Кылыч Арслан, «не вынеся страданий», бежал в Египет, а оттуда в Азербайджан ко двору Узун Хасана.⁸⁹⁶ Таким образом, бывший правитель Алайе Кылыч Арслан также присоединился к когорте анатолийских тюркских беев, которые постепенно концентрировались вокруг Узун Хасана Ак-Коюнлу, формируя совместный фронт против османов.

После присоединения Алайе Гедик Ахмед-паша приступил к захвату тех горных крепостей в Карамане (Таш-эли), которые все еще оставались вне османского контроля. Первый удар был нанесен по крепости Силифке, где в свое время нашел убежище правитель Карамана Исхак и где все еще находилась его семья. Его сын вынужден был сдать крепость османам. Далее были захвачены крепости Мокан (Минан, Мерван) и Горигос (Гёргёз), откуда в Стамбул было сослано немало народа, в том числе, и семья Пир Ахмеда. После этого Гедик Ахмед-паша последовал в долину Чукурова и овладел крепостью Гюлек. По признанию источника все ее за-

⁸⁹⁴ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 143

⁸⁹⁵ Künhü'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 149

⁸⁹⁶ Там же

щитники были казнены османами. Но вскоре «нашедшему убежище в горах» Касиму с помощью варсаков удалось отбить у османов крепости Силифке и Горигос.⁸⁹⁷ После этого события султан Мехмед II приказал Гедик Ахмед-паше восстановить османскую власть в вышеназванных областях, что и было сделано, а в отместку за упорное сопротивление триста восемьдесят караманских защитников Силифке были обезглавлены.⁸⁹⁸ Такая же участь постигла защитников крепости Мундуруз. Во время осады другой крепости под названием Люле Гедик Ахмед-паша неожиданно получил приказ прекратить военные действия против караманцев в горах Тавра и двинуться со своими войсками в Румелию в связи возникшими на западе обстоятельствами. Однако, как свидетельствует Ибн Кемаль, османский военачальник не пожелал «упускать свою добычу» и продолжил осаду, а после захвата крепости все ее защитники также были казнены.⁸⁹⁹ Потеряв свои последние укрепления в горах Тавра, Касим был вынужден покинуть Караман и отправиться в Азербайджан ко двору Узун Хасана.⁹⁰⁰

После окончательного покорения Карамана османами в Малой Азии оставалась единственная сила, которая могла противостоять их политике территориального расширения на восток – государство Ак-Коюнлу. Ашикпашазаде не скрывает истинных мотивов враждебности османского султана к Узун Хасану и пишет, что Мехмед II стремился уничтожить правителя Ак-Коюнлу, пока *«тот был маленькой змеей и не успел превратиться в дракона»*.⁹⁰¹ Однако благодаря своему военному и политическому таланту Узун Хасан превратил относительно небольшой эмират на востоке Малой Азии в мощную ближневосточную державу, которая достигла пика своего могущества в конце 1460-х – начале 1470-х гг. Как указывалось выше, в этот период Узун Хасан одержал победу над султаном Кара-Коюнлу Джахан-шахом и тимуридским султаном Абу-Саидом⁹⁰², расширил границы своего государства на востоке до Хорасана, перенес столицу из Диярбекира в Тебриз. Государство Ак-Коюнлу стало рассматриваться как в мусульманском мире, так и в Европе как основной сопер-

⁸⁹⁷ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 314-314

⁸⁹⁸ Там же. С. 315

⁸⁹⁹ Там же. С. 316

⁹⁰⁰ Абу-Бакр Тихрани пишет, что 1-го дня месяца мухаррам 876 г.х. (20 июня 1471 г.) Узун Хасан Ак-Коюнлу прибыл в столицу Азербайджана Тебриз. Через месяц он послал двухтысячный авангард, во главе которого находились Махмад-бей, Сулейман-бей Порнак и Баяндур-бей в восточную Анатолию. Этим эмирам было приказано захватить Битлис и ряд других крепостей и ожидать прибытия основной армии, которая должна была направиться в сторону Рума (Османского государства). В это время в Тебриз и прибыл Касим, которого встретили с подобающими почестями (Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. (Т. II). P. 558-559).

⁹⁰¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşık. Tevarih-i Al-i Osman. P. 216

⁹⁰² Турсун-бей называет Джахан-шаха Кара-Коюнлу «ханом Ирана и Турана», а Абу-Саида – «ханом Туркестана» (Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 144).

ник Османской империи. Не случайно тебризский двор превратился в главный центр антиосманской дипломатии, куда зачастили венецианские послы и где нашли убежище представители бывших правящих династий Малой Азии – беи Карамана Пир Ахмед и Касим, Джандара – Кызыл Арслан, Алайийе – Кылыч Арслан, другие представители тюркской родовой знати. Аргументы, к которым прибегали они для подстрекательства Узун Хасана к выступлению против османов, удивительным образом напоминают те, что озвучивали их предки перед эмиром Тимуром: *«Сын Османа позарился на наши отцовские владения, отнял их и сделал нас изгоями. Лишились мы чести и достоинства и бродим как тени. Окажи нам помощь и уладь наши дела»*.⁹⁰³

Эти факты необходимо принимать в расчет для правильного понимания позиции Узун Хасана Ак-Коюнлу в его отношениях с Османской империей. Так же как и Тимур, Узун Хасан в своей азиатской политике примерял на себя образ защитника погрязших османами интересов тюркских беев. Он отнюдь не считал рейды туркманской конницы вглубь Малой Азии агрессией, а рассматривал их как вполне законные и уместные акты по восстановлению справедливости и наказанию османских узурпаторов, лишивших власти и владений старинные тюркские династии. Во имя этих целей даже заключение, по примеру традиционной политики Карамана, союза с христианскими государствами – врагами Османской империи на западе, не могло рассматриваться как шаг, противоречивший интересам ислама. В конце концов, разве сами османы не совершали многократные походы против азиатских мусульман, используя войска своих балканских союзников-иноверцев?

Таким образом, начавшееся в конце XIV столетия в лице султана Баязида Молниеносного и Кадия Бурхан ад-Дина противостояние двух политических полюсов в Малой Азии – западного и восточного – во второй половине XV в. проявлялось в военно-политическом соперничестве Османской империи и государства Ак-Коюнлу, султана Мехмеда II Фатиха и Узун Хасана. Хотя первые столкновения между двумя соперниками носили локальный характер, тем не менее, от внимания средневековых авторов не ускользнул их более широкий «геополитический» контекст. В источниках отмечалось стремление Узун Хасана «подчинить всю страну Рум собственной воле», иными словами – уничтожить Османскую империю.⁹⁰⁴ Данный факт еще раз актуализировал вопрос о направлении, с которого будет осуществлена окончательное объединение азиатских земель после падения Сельджукского государства Малой Азии – с запада, т.е. со стороны Османской империи, или с востока, со стороны ее соперников (в данном случае – государства Ак-Коюнлу). По всей видимости, Ибн Кемаль именно в дан-

⁹⁰³ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 319

⁹⁰⁴ Там же

ных категориях оценивал противостояние двух соперников, когда писал о войне между ними: «Огонь войны испепелил и восток, и запад».⁹⁰⁵

В отличие от предыдущих столкновений на этот раз Узун Хасан, видимо, оценил стратегическое значение территории Карамана, особенно его средиземноморских портов. Занятие караманских земель могло обеспечить, с одной стороны, более надежную преграду перед османской территориальной экспансией на восток, с другой стороны, возможность непосредственного контакта с его западными союзниками, особенно, Венецией, для получения огнестрельного оружия, необходимого для ведения войны с османами. С этой целью осенью 1472 г. 20-тысячная конница Ак-Коюнлу во главе с племянником Узун Хасана Юсуфджа Мирза⁹⁰⁶ и Эмир-беем совершила поход в глубь центральной Анатолии.⁹⁰⁷ То, что туркманские войска сопровождали караманские беи Пир Ахмед и Касим, а также бывший правитель Алайе Кылыч Арслан, должно было продемонстрировать «законный» характер данной акции, направленной на восстановление прав анатолийских правителей на свои наследственные владения. На границе Эрзинджана, туркмены обратились к находившемуся в Амасье принцу Баязиду с письмом и просьбой о беспрепятственном проходе их войска через османские земли, уверяя его в том, что единственной целью их рейда было желание посадить на престол в бейлике Дулкадыр Арслана, сына бывшего правителя Малик Арслана.⁹⁰⁸ Письмо дошло до бейлер-

⁹⁰⁵ Там же. С. 351

⁹⁰⁶ Турсун-бей называет этого человека сыном сестры Узун Хасана (Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 148), Ибн Кемаль – сыном его брата (İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 320), а Нешри – дядей или сыном дяди (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 800-801).

⁹⁰⁷ В датировке названных событий имеются некоторые неясности. Узун Хасан в своих письмах, датированных месяцем рамазан 875 г.х. (февраль-март 1471 г.), информировал родосских госпитальеров и кипрского короля о посылке 30-тысячной кавалерии во главе со своим сыном принцем Зейналом на помощь караманскому правителю (Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt II. P. 93). 20-тысячная конница Ак-Коюнлу во главе с Юсуфджа Мирза и Эмир-беем совершила рейд на запад осенью следующего 1472 г. В то же время, один из современников этих событий Турсун-бей сообщает, что целью похода Юсуфджа Мирзы было «выбить [Гедик] Ахмед-пашу из страны Караман, укрепить крепости и дожидаться прибытия Пир Ахмеда» (Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 146), хотя, как известно, действия Гедик Ахмед-паши на территории Карамана происходили в 1471 г., т.е. годом раньше. Возможно, речь идет о хронологической неточности, допущенной Турсун-беем.

⁹⁰⁸ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 146; Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşık. Tevarih-i Al-i Osman. P. 221; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 798-799; İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 320. Соперничество Османской империи, Египта и государства Ак-Коюнлу в юго-восточной Анатолии привело к вторжению в 1471 г. мамлюкской армии во главе с эмиром Йашбеком в Эльбистан. Через год правитель Дулкадыра Шахсувар был пленен им, отослан в Каир и казнен по приказу султана Каитбая летом 1472 г., и на его место был посажен его брат и ставленник мамлюков Шахбудак. После этого Узун Хасан решил вмешаться в события в Дулкадырском бейлике и послал конницу во главе с Юсуфджа Мирза и Эмир-беем (Бекташоглу Омар-беем) в Эльбистан, чтобы посадить на

бея Сиваса Шарабдара Хамзы, который, не проинформировав принца, опрометчиво дал свое согласие на переход туркманской конницы через османские земли. В результате стремительных действий она быстро заняла Токат и, по словам Ибн Кемаля, подвергла город разрушению и предала его огню, разорив жителей.⁹⁰⁹

Между тем, Мехмед II, казалось, был доволен развитием ситуации, поскольку действия Узун Хасана ставили османского султана в глазах мусульманского мира в положение оборонявшейся стороны, ставшей жертвой агрессии. По сообщению Турсун-бея, он высказался о действиях туркман следующим образом: *«Ввиду чрезмерной гордыни и высокого роста Узун Хасана эти события были предсказуемы. Слава господу, что они способствовали тому, что та сторона (Ак-Коюнлу – Ш.М.) отныне оказалась в роли угнетателя, а эта (османская – Ш.М.) – жертвы»*.⁹¹⁰ Из-за наступления осеннего сезона, султан Мехмед II выразил опасение предпринять ответные действия, сославшись на приближавшуюся зиму, и сообщил о необходимости серьезно заняться подготовкой армии к выступлению в поход с приходом весны.⁹¹¹ Между тем, туркмены овладели также бывшими караманскими городами Аксарай и Акшехир. Однако вскоре османские войска во главе с бейлербеем Карамана принцем Мустафой и бейлербеем Анатолии Давуд-пашой нанесли им тяжелое поражение у Карахисара. Юсуфджа Мирза и многие воины Ак-Коюнлу попали в плен и были отправлены в Стамбул.⁹¹² По словам Ибн Кемаля, *«в отместку за все страдания жителей Токата»* и *«всех мусульман не оставили в живых никого из пленных, ни стар, ни млад, и все они были преданы смерти»*.⁹¹³

Надо полагать, суровая месть османов была вызвана не столько сочувствием страданиям жителей Токата, сколько более прагматическими соображениями. Дело в том, что Мехмед II незадолго до этого установил в этом городе новый таможенный пост на главной торговой магистрали, соединявшей Тебриз с Бурсой, по которой осуществлялся импорт шелка из Азербайджана и Ирана на рынки Бурсы, где значительная его часть перерабатывалась местными ткачами. Шелк и шелковые ткани активно ску-

дулкадырский престол племянника Шахбудака, своего протеже Арслана (Кылыч Арслана), который до этого нашел убежище при дворе Ак-Коюнлу. Другой, не менее важной целью данного рейда туркманской конницы было восстановление власти Пир Ахмеда в Карамане (См.: Yinanç R. Dulkadir Beyliği. P. 76-77).

⁹⁰⁹ İbn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 325. Нешри также сообщает, что туркмены Ак-Коюнлу натворили в Токате злодеяний в пять раз больше, чем в свое время Тимур совершил в Сивасе (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 798-799).

⁹¹⁰ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 147

⁹¹¹ İbn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 324

⁹¹² Tursun Bey. Tarih-i Ebü'Feth. P. 149; Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkı. Tevârih-i Al-i Osman. P. 221; İbn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 326-330.

⁹¹³ İbn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 329-330

пались купцами из Флоренции, Генуи и Венеции и затем перепродавались в Европе, принося выгоду как итальянским торговцам, так и мусульманам. Новый таможенный пост в Токате способствовал перераспределению доходов от международной торговли шелком в пользу османов и в ущерб купцам из Азербайджана. Х.Иналджик на основе так называемых «кадийских сиджиллов» (судебных реестров) Бурсы определил, что львиная доля торговцев шелком из государства Ак-Коюнлу, которые вели коммерческие операции в Бурсе во второй половине XV в., были выходцами из Азербайджана – Тебриза, Ширвана, Чукур-Саада, и лишь меньшая часть – жителями персидских областей, таких как Йезд, Шираз, Казерун, Исфахан, Кашан, Себзевар.⁹¹⁴ Таким образом, разрушением Токата Узун Хасан лишь продемонстрировал готовность защищать экономические интересы своего государства и подданных. Однако османские авторы, лукавя и не обмолвившись ни единым словом об истинных мотивах этой акции туркманской конницы, пытались интерпретировать ее как неоправданную жестокость войск Ак-Коюнлу в отношении местных мусульман и как повод для начала войны между странами.

Пир Ахмед снова бежал в Азербайджан к Узун Хасану, а Касим, также избежавший плена, со своими войсками атаковал и занял крепость Силифке, но вскоре вновь был вынужден уступить ее Гедик Ахмед-паше и скрыться.⁹¹⁵

После этого события большая война между Османской империей и государством Ак-Коюнлу была уже не за горами. Весной 1473 г. османская армия во главе с султаном Мехмедом II выступила в поход на восток. Не вдаваясь в детали военных действий, сообщим, что генеральное сражение между армиями двух сторон состоялось 11 августа 1473 г. недалеко от Терджана в местности Отлукбели. Войска Ак-Коюнлу потерпели самое тяжелое поражение в своей истории, значительная часть их воинов попала в плен, сам же Узун Хасан был вынужден бросить армию и бежать. Битва при Отлукбели знаменует один из важнейших периодов не только в военно-политической, но и этнической истории турков Анатолии и Азербайджана. Хотя эта победа и не принесла Османской империи широких территориальных приобретений на востоке, тем не менее, она стала важным этапом в «османизации» Малой Азии. Единственная сила, способная в этот период противостоять расширению османской власти на восток, потерпела поражение и была вынуждена отказаться от своих претензий на лидерство в Анатолии. Таким образом, второй этап политической централизации Малой Азии под эгидой османов завершился для них успешно, когда не только западные, но и центральные области Анатолии

⁹¹⁴ İnalçık H. Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. P. 279-281

⁹¹⁵ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 800-801

были включены в состав Османской империи. Тем самым, была создана почва для дальнейшей османской экспансии на восток в начале XVI в., в ходе которой была завоевана и восточная Анатолия.⁹¹⁶ И самое главное, с поражением государства Ак-Коюнлу была окончательно предопределена судьба анатолийских тюрков, которым отныне предстояла этнокультурная интеграция вокруг османского ядра.

⁹¹⁶ См.: Мустафаев Ш.М. Восточная Анатолия: от Ак-Коюнлу к Османской империи. 268

Глава IV

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МАЛОЙ АЗИИ В XIV-XV вв.

К полиэтнической империи: трансформация правящего слоя

Консолидация политической власти в Малой Азии как в сельджукскую, так и османскую эпоху оказывала сильное воздействие на эволюцию общественных отношений. Как отмечалось выше, институционализация общества постепенно вела к ослаблению патриархальных отношений, бюрократизации системы управления и в дальнейшем к все большему дистанцированию властных структур от народа. Низшие слои все сильнее ощущали давление объединявшего в себе гражданские и религиозные элементы бюрократического аппарата. Усиление налогового бремени и распространение коррупции в органах управления и суда еще более усугубляли положение. Растущая пропасть между чиновничеством и массами, между богатыми и бедными угнетающе действовала на сознание неимущей части населения.

Эти процессы способствовали серьезным социальным изменениям и в структуре военной прослойки. Воинские ополчения в лице рядовых гази, особенно акынджи, которые большей частью были выходцами из тюркских племен и представляли собой ведущую боевую силу в период становления Османского государства, не могли оставаться равнодушными к этим переменам. Именно эти силы долгое время обеспечивали расширение и охрану османских границ в уджах. Однако появление в результате дальнейшей эволюции Османского государства новых родов войск – тимариотов-сипахи и особенно войск капы-кулу (янычарского корпуса) – способствовало снижению их статуса и значения. По справедливому замечанию Т.Акйола, «Османское государство всячески побуждало кочевых туркман вести газават в уджах, используя боевой дух и мобильность газиев, суфийских шейхов, дервишей. Однако когда появилась потребность в консолидации власти и централизации управления, а также создании регулярной армии, возникли противоречия с этими вольными кочевыми группами. Регулярная

армия стала заменять ополчения из дервишей и кочевых туркман. Институционализация, будучи социальным процессом, не могла не вызвать обеспокоенность и «оппозиционность» туркманских племен».⁹¹⁷

Не случайно авторы ранних османских хроник, отражающих вольный дух воинственных газиев, были склонны идеализировать период становления Османского государства, описывая его как «золотой век» справедливости и эгалитаризма. По их мнению, в те стародавние и благословенные времена, когда народ и правитель были едины, все вопросы решались справедливо, не было довлеющего над массами бюрократического аппарата и налогового бремени, когда вся военная добыча справедливо делилась между газиями, судьи (кадии) еще не погрязли во взяточничестве и выносили решение по закону, поэтому в стране царили мир, порядок и благополучие. Как «золотой век» ислама приходится на правление первых четырех праведных халифов, так и Османское государство пережило его во времена первых четырех правителей – Эртогрула, Османа, Орхана и Мурада. В ранних османских исторических хрониках звучит ностальгия по минувшей эпохе патриархальной военно-кочевой демократии.⁹¹⁸ Постепенная трансформация Османского государства в империю усиливала у поклонников доброй старины тоску по эгалитаристским представлениям и нормам патриархальной справедливости, которые были характерны для начального периода становления бейлика. Одновременно в них диссонансом звучит и критика чинимых со стороны властей в их собственное время «несправедливостей» и «злоупотреблений». Ранние авторы были единодушны в оценке правления султана Баязида I как некоего хронологического рубежа или конца «золотого века», ибо именно в этот период стали впервые открыто попирались и нарушаться древние традиции и законы.

Естественно, эти авторы не могли осознать социальные корни критикуемых ими «негативных» явлений. Поэтому в ранней османской исторической литературе они зачастую упрощенно объясняются лишь причинами «иноземцев» и «чужаков», особенно караманцев и «книжников» («данишмендов»)⁹¹⁹ из Аджама, т.е. Азербайджана и Ирана, которые ста-

⁹¹⁷ Akyol T. Osmanlı'da ve İran'da Mezhep ve Devlet. P. 53

⁹¹⁸ Завуалированная критика ранними османскими авторами современных им нравов и порядков зачастую озвучивалась через идеализацию патриархальной старины, когда правители и народ якобы соблюдали нормы справедливости и религиозные законы. Лютфи-паша пишет о том, как после ареста мятежного шейха Бадр ад-Дина Симави султан Мехмед Челеби осведомился у своего окружения – надлежит ли казнить его, и затем добавляет собственный комментарий: *«Государи в ту эпоху были настолько мусульманами, что не решались приговорить к смерти даже таких смутьянов и мятежников»* (Lütfi Paşa. Tevarih-i Al-i Osman. P. 74).

⁹¹⁹ Под «книжниками» или «данишмендами», несомненно, подразумеваются «улемы» и «мударрисы», т.е. люди духовного звания и интеллектуального труда, внесшие профессиональное мусульманское образование в религиозную жизнь османского общества.

ли проникать в это время в высшие органы власти Османского государства.⁹²⁰ Анонимная хроника следующим образом озвучивает подобные оценки: *«В те [стародавние] времена падишахи не были скупыми. Они раздавали храбрецам и воинам все, что получали и не знали еще что такое казна. Как только Хайреддин-паша (великий везир Джандарлы Хайреддин Кара Халил-паша. – Ш.М.) появился при дворе и жадные книжники стали общаться с падишахом, забыли они богобоязненность и ввели фетву, говоря “Падишаху необходима казна”, склонили падишаха на свою сторону, и повсюду распространились скупость и гнет. Ибо, где скупость, там обязательно появляется гнет»*.⁹²¹ По мнению авторов ранних хроник, даже воины времен минувшего «золотого века» были сильнее духом, не повернули бы спины при встрече с врагом, даже если на каждого из них пришлось бы *«по тысяче иноверцев, ибо были они тверды в своей вере»*.⁹²² За этой несколько наивной идеализацией минувшей эпохи просматривается протест против процесса фундаментальной трансформации Османского государства, превращения бейлика в империю и сопутствующих социальных проблем.

Однако в сочинениях османских авторов имперской эпохи, т.е. XVI и последующих столетий, мы видим ровно противоположную оценку тех же событий, что свидетельствовало об изменении общественного сознания в сравнении с периодом становления государства. Более поздние османские историки так называемого классического периода Ходжа Саад ад-Дин, Мустафа Аали и другие достаточно резко критикуют своих ранних коллег, обвиняя тех в невежестве и непонимании сути происходивших процессов. К примеру, Ходжа Саад ад-Дин не стесняется в выражениях, когда говорит о «примитивизме» взглядов ранних авторов на процесс «империализации» Османского государства: *«Некоторые невежест-*

⁹²⁰ К примеру, как пишет Орудж бин Адил, *«При Османе Гази, Орхане Гази и Мураде Гази были улемы, которые удалялись от них, не шли к ним и не участвовали в дурных делах, если представители дома Османа творили не богоугодное дело. Это продолжалось пока Джандарлы Халил и [караманец] Тюрк Рустам не прибыли ко двору. Затем Тюрка Рустама стали называть “Мовлана Рустам” и возвеличивать. Тот же наполнил мир коварством. ... Поскольку Халил-паша стал первым везиром, он обрел огромную власть, и никто не смел перечить ему. При нем появилось множество книжников. Род Османа был богобоязненным. Однако, как только появились Кара Рустам, книжники и уже с ними, принесли они с собой всякую порчу и коварство, забыли богобоязненность и ввели фетву... Кадии погрязли в порче, а мир во взяточничестве»* (Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 28-29).

⁹²¹ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 25. В данном случае наряду с «книжниками» звучит критика в адрес семьи Джандарлы, которая в тот период фактически монополизировала административную и судебную власть в Османском государстве в своих руках, и, соответственно, несла ответственность за происходившие общественные процессы (Kafadar C. Between two worlds. P. 111).

⁹²² Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 7

венные тюрки, пытавшиеся писать историю государства Османского, оценивали взимание налога хумс как бид'ат (греховное нововведение – Ш.М.) и утверждали, что Кара Рустам якобы открыл врата угнетения. Таким образом, они распустили языки в отношении улемов. Однако чистота мужей веры не может быть замарана словами этих безродных тюрков».⁹²³ Под фразой «некоторые невежественные тюрки» или «безродные тюрки» Ходжа Саад ад-Дин подразумевал ранних османских авторов, которые воспевали в своих сочинениях идеалы эпохи становления государства – вольный дух туркманских газиев и нормы патриархальной справедливости. В целом, эта разница во взглядах отражает как процесс трансформации Османского государства в империю, так и эволюцию османского общественного сознания как следствие этого социального процесса.

Следует еще раз напомнить, что первоначальное развитие Османской государственности происходило под непосредственным влиянием двух традиций – сельджукско-исламской и византийской. Существует серьезная литература, которая освещает влияние византийских институтов на формирование и эволюцию османской государственной структуры.⁹²⁴ Вклад сельджукско-исламской традиции же выразился, прежде всего, в создании системы «капы-кулу» («государевы рабы», аналога сельджукской системы «гылман») и янычарского корпуса. Как известно, в процессе институционализации сельджукского общества наряду с племенными ополчениями, организованными в соответствии с номадическими традициями деления армии на правое и левое крыло, постепенно появились и заняли ведущее место и регулярные части, рекрутируемые, как правило, из купленных рабов – «кулов». Эти части подчинялись непосредственно султану и получали жалованье из казны. Поскольку они считались личными рабами султана, пользовались его доверием и благосклонностью, постепенно возрастало их влияние на государственные дела. Они стали назначаться на самые ответственные посты в системе военно-административного управления империи. С одной стороны, это обеспечивало центральной власти некоторую свободу действий в отношениях с воинственными кочевыми племенами, чья лояльность часто ставилась под сомнение. С другой же стороны, вносило еще больше напряженности в без того простое сосуществование центра и кочевой периферии. Туркмены болезненно воспринимали вытеснение их на обочину социально-политической жизни. Среди них, как было отмечено, постепенно распространялась оппозиционные настроения к центральной власти и Сельджукской династии.

Типологически идентичные процессы происходили и в османскую эпоху.⁹²⁵ В XIV столетии военные и географические условия в западной

⁹²³ Hoca Sadeddin Efendi (I cild). P. 75

⁹²⁴ Орешкова С.Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности.

⁹²⁵ См.: Vryonis S. Seljuk Gulams and Ottoman Devshirmes.

Анатолии и Балканах, где османам приходилось постоянно вести осаду вражеских крепостей, диктовали необходимость в создании боеспособной пехоты. Естественно, номады не могли обеспечить такую силу. Военная необходимость, по мнению Р.П.Линднера, явилась одной из причин быстрого перехода кочевников к оседлости в раннеосманском обществе. Османские лидеры сделали своевременный вывод из урока битвы при Пелеканоне и осознали неизбежность создания боеспособной пехоты для обеспечения собственного военного превосходства, ибо силами одной кочевой конницы невозможно было долгое время держать в осаде и брать хорошо укрепленные византийские крепости в Вифинии.⁹²⁶ Поэтому первые пехотные части формировались из крестьян-тюрков и назывались «яя ве муселлем». Однако вскоре стало очевидно, что отсутствие военной подготовки делало их малопригодными для выполнения поставленных задач. Тогда по совету Джандарлы Кара Халил-паши мальчиков из христианских семей, плененных во время османских рейдов на Балканах, стали отдавать на воспитание в турецкие семьи в Анатолии, в результате чего те обучались турецкому языку и принимали ислам. Затем после соответствующей военной подготовки из них формировали боеспособные пехотные части, которые получили название «ени чери» (новое войско, янычары).⁹²⁷ Со временем отбор христианских мальчиков превратился в постоянную повинность – «девширме» (набор).

Таким образом, в Османском государстве появилось подобие сельджукской системы «гылман» (личных рабов султана), выходцы из которой постепенно стали проникать в высшие эшелоны власти. Однако, в отличие от сельджукского периода, при османах эти рабы набирались среди балканских христианских народов – греков, албанцев, славян, румын, венгров. Со временем для их обучения и тренировок были созданы специальные структуры – «аджеми оджаклары». По истечении определенного срока прошедшие качественную военную подготовку, оторванные от родной среды, принявшие ислам и воспитанные в духе преданности султану выходцы из капы-кулу составили костяк знаменитого османского янычарского корпуса. Дука обратил внимание на особый характер отношений между султаном и янычарами и писал, что султан *«обожал их как отец обожает свои чада»*, и что все они были детьми бедных крестьян, пастухов и свинопасов. Но султан поручил им охрану дворца, одаривал дорогими подарками, устраивал с ними совместные пиры, и *«в благодарность за такую щедрость они не думали ни о чем, кроме того, чтобы пожертвовать свои жизни за своего правителя»*.⁹²⁸ Более того, в скором времени

⁹²⁶ Lindner R.P. Nomads and Ottoman in Medieval Anatolia. P. 31-32

⁹²⁷ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 128

⁹²⁸ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 135

они стали конкурировать с представителями родовитых тюркских семей за право быть представленными в высших эшелонах власти. Пользуясь доверием султана, они стали назначаться на самые высокие военно-административные посты в государстве.

Этот процесс стал особенно заметен в первой половине XV столетия. По меткому замечанию лорда Кинросса, в период правления Мурада II появилась новая и более энергичная прослойка, которой предстояло вытеснить старую правящую элиту. При Мехмеде Фатихе она еще более усилилась, расширила свои ряды и стала занимать ведущие посты в империи. В отличие от старой родовой тюркской аристократии эта прослойка не была наследственной и по этой причине не могла соперничать с абсолютной властью Османской династии, что сыграло основную роль в ее усилении. Османские султаны вполне логично полагали, что служилые люди из мусульман, имевшие глубокие корни в местной среде, также как и их многочисленная родня в провинциях, могли злоупотреблять властью и привилегиями, предоставленными им правительством, не выплачивать налоги, угнетать крестьян, поднимать мятежи и т.д. В то время как рабы из христиан, принявшие ислам, становились ревностными неофитами и врагами своих бывших сородичей.⁹²⁹ С этой точки зрения постепенное усиление роли выходцев из капы-кулу в военно-управленческих структурах империи было вполне естественным процессом.

Обострение борьбы за место в османской иерархии между выходцами из капы-кулу и представителями тюркской родовой аристократии в XV-XVI вв. было отмечено и европейскими современниками. К примеру, посетивший в 1530 г. Османскую империю Бенедикт Курипешниц, описывая роль боснийских славян в османской элите, писал, что *«они почитаются здесь как истинные турки, и после прохождения цикла обучения им доверяют даже больше, чем истинным туркам»*.⁹³⁰ Другой европеец, барон Венцеслав Вратислав, был поражен тем, что в Константинополе и во всей Турции он так и не встретил ни одного пашу турецкого происхождения, и что все они были бывшие рабы, которые были увезены в плен и тюркизированы.⁹³¹

Автор произведения «Нетаидж ал-вукуат» Мустафа-паша перечислил ступени типичного карьерного роста для выходцев из системы капы-кулу в рамках османской социальной иерархии в классический период империи. Согласно его описанию, мальчики из христианских семей, привезенные в плен после походов либо полученные по повинности девширме, отдавались в школы «аджеми оджаклары» в Эдирне, Бурсе, Гелиболу либо Гала-

⁹²⁹ Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. С. 164

⁹³⁰ Benedict Curipeschitz. P. 32-33

⁹³¹ Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. С. 164

те, где они обращались в ислам и проходили курс специального обучения. Затем через несколько лет они поступали на некоторое время в дворцовую службу, и после этого согласно их способностям – в различные виды воинских частей в качестве вспомогательных сил («чыраков»). После завершения полного цикла обучения их посылали в провинцию на высокие военно-административные должности. Наиболее способные и отличившиеся среди них могли дорасти до поста везира и присутствовать на заседаниях Государственного совета («Диван-и хумаюн») рядом с султаном.⁹³²

Лорд Кинросс считает, что эта система меритократии, выпестованная османскими султанами, была уникальной для аристократического мира того времени. Она была призвана готовить просвещенных чиновников, как гражданских, так и военных, и по мере расширения империи превратилась в великую школу государственности, прекрасно организованную и спланированную.⁹³³ Не случайно, «в глазах христиан Турецкая империя долго оставалась предметом восхищения, воплощением удивительного, непостижимого порядка».⁹³⁴

Один из идеологов османского классического периода Мустафа Аали в своих произведениях уделял особое внимание вопросам полиэтнического характера империи и особенностям системы капы-кулу. По его мнению, Османская империя в силу своего географического положения обладала исключительными людскими ресурсами. Соответственно, у османских султанов была счастливая возможность привлекать к себе на службу людей различного этнического происхождения. Благодаря системе девширме им удалось сформировать привилегированный и умелый управленческий слой империи, состоявший из представителей разных этносов, но объединенный общей религией и преданностью династии. Представителей этого слоя, или «истинных османов» по выражению Мустафы Аали, отличали верность идеалам империи, качественная военно-административная выучка, многоступенчатый карьерный рост в османской системе управления и т.д. Именно благодаря их усилиям и самоотверженной службе империя могла достигнуть зенита своей славы. Интересно, что хотя Мустафа Аали и причислял турецкий язык к важнейшим составляющим османской идентичности, однако не ассоциировал его исключительно с турецкой этничностью. Наоборот, турецкий или тюркский этнический элемент, по его мнению, не мог считаться важнейшим среди этнических групп, которые составляли Османское государство. Он называл среди основных этнических элементов империи арабов, черкесов, абхазцев, албанцев, хорватов или боснийцев, франков, венгров, грузин, русских,

⁹³² Danişmend İ.H. Türklük meseleleri. P. 50

⁹³³ Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. С. 164

⁹³⁴ Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть II. С. 454

немцев, валахов, молдаван и описывал характерные этнопсихологические особенности каждой группы.⁹³⁵ Главная заслуга же турок, по его мнению, заключалась в принадлежности к ним Османской династии.

Османская военно-политическая элита, сформированная из представителей капы-кулу, со временем все больше превращалась в некий закрытый клуб с явно выраженным корпоративным духом, куда допуск для посторонних был затруднен. Следует еще раз повторить, что, согласно мнению многих османских идеологов того периода лишь выходцы из девширме, которые получали многолетнюю качественную военно-административную выучку и воспитывались в духе преданности религии и династии, могли подниматься по карьерным ступеням властных структур, составляя опору империи и скелет государственного организма. Именно они, не будучи связаны родственными или племенными отношениями с местной анатолийской средой, обязанные карьерой в структурах власти лишь своей преданности султану, являлись истинными носителями «османского духа». И лишь они в силу корпоративного характера элиты были достойны занимать ведущие государственные и военные посты. Все иные элементы, особенно носители племенного сознания (тюрки/туркмены, курды и другие), не должны были допускаться к властным структурам.⁹³⁶ К примеру, тот же Мустафа Аали настоятельно рекомендовал в своем «Наставлении султанам» («Насихат ас-салатин»): *«Из представителей всех этносов курдам и тюркам ни в коем случае не следует давать власть, можно их возвысить максимум до статуса владельцев зеаметов, ибо назначение их выше данного поста открывает простор их мятежному характеру; получив власть и богатство, они начинают мнить себя выше даже Хашимитов; по этой причине предшествующие султаны не назначали их бейлербеями»*.⁹³⁷

Насколько сложно было «чужакам» проникнуть в ряды османской элиты и удержаться там в течение длительного времени свидетельствуют некоторые данные исторических источников. К примеру, высшие османские эмиры и улемы были чрезвычайно раздражены назначением в конце XVI столетия лица «аджамского» происхождения, т.е. выходца из Сефевидского государства, Шарифа Мухаммед-паши на должность наместника Египта и обосновывали неразумность этого шага тем, что тот не был выходцем из системы капы-кулу: *«Он не из кулов или сыновей кулов, не*

⁹³⁵ Künhü'l Ahbar. Cild 5. P. 9-14

⁹³⁶ Fleischer C.H. Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire. P. 255-258

⁹³⁷ Andreas Tietze. Mustafa Ali's Counsel for Sultans. P. 158. По мнению А.Титце, автор в данном случае под терминами «курды» и «тюрки» подразумевал не этнические, а социальные понятия, употребляя их в качестве синонимов термина «кочевники» или «полукочевники», поскольку именно эти этнические группы в силу характера своей социальной жизни были не самыми лояльными подданными империи (Там же. С. 133).

*служил некоторое время при гареме (дворце), не сведущ в службе меча или пера и не отличается благоразумием и мудростью».*⁹³⁸

Как было отмечено, возвышение выходцев из капы-кулу в османской социальной иерархии создавало конкуренцию и напряженность между ними и представителями старой родовой тюркской аристократии. В действительности, эта конкуренция имела скорее не этнические, а социальные корни и была внутриэлитной борьбой за доступ к ресурсам и право быть представленными в высших эшелонах власти. Эволюция Османского государства, его трансформация из бейлика в империю неудержимо влекло за собой фундаментальные сдвиги внутри высших слоев общества. Снижалась роль старой тюркской аристократии, составлявшей военно-административный управленческий костяк государства на раннем этапе его развития, и, вместе с тем, постепенно возрастало значение выходцев из капы-кулу и ренегатов. В XX в. этот чрезвычайно сложный процесс дал основание некоторым турецким историкам, особенно представляющим так называемую «национальную школу» в турецкой историографии, интерпретировать его как сугубо этнический конфликт и свидетельство «сознательной борьбы» иноэтничного элемента против турок в Османской империи, о чем будет сказано ниже. Однако данный взгляд не нашел полной поддержки в турецкой историографии, поскольку часть авторов основательно критиковала его как антинаучный и этноцентричный.⁹³⁹

Следует сказать, что вышеозначенная конкуренция являлась одним из серьезнейших факторов, влиявших на общественное развитие Османского государства. Н.Йорга в свое время указывал на расширявшуюся пропасть между иноэтничной османской элитой и тюркскими народными массами. Он отмечал, что существовала фундаментальная разница между так называемыми османским и турецким обществами, вернее, между народными слоями, составлявшими основу османского общества, и правящим слоем, состоявшим из ренегатов – выходцев из всех христианских народов империи, которые были большей частью греческого и славянского (в основном, сербского) происхождения. И дело дошло до того, что при Сулеймане Великолепном стамбульская дипломатия использовала три языка – турецкий, греческий и хорватский.⁹⁴⁰

Соперничество между выходцами из системы капы-кулу, с одной стороны, и старой тюркской аристократией, с другой стороны, стало приобретать особенно жесткую форму в XV столетии. Первые признаки напряженности стали заметны уже в период правления султана Мурада II. Так, арест со стороны Мурада II одного из известнейших предводителей

⁹³⁸ Andreas Tietze. Mustafa Ali's Description of Cairo. P. 166

⁹³⁹ См.: Kunt M. Sancaktan Eyaletle.

⁹⁴⁰ См.: Danişmend İ.H. Türklük meseleleri. P. 52

румелийских акынджи Турахан-бея Х.Иналджик оценивает как начало противостояния между центральной властью, в данном случае в лице бей-лербея Румелии, и беями акынджи.⁹⁴¹ Следует добавить, что если первые были, как правило, выходцами из капы-кулу, то вторые представляли большей частью старую родовую аристократию. Речь идет о событиях, связанных с крестовым походом во главе с Яношом Хуньяди против осман в 1443 г. Во время столкновения венгров и турок при Излади на территории Болгарии, Турахан, по сообщению Оруджа, якобы призвал своих воинов акынджи не слишком усердствовать, ибо в случае окончательного разгрома «иноверцев» упадет надобность в их дальнейшей службе, и они будут вынуждены заняться земледелием и превратиться в крестьян.⁹⁴² Поэтому акынджи отказались оказать содействие войскам капы-кулу, возглавляемым бейлебеєм Румелии Касим-пашой, которой в этой битве потерпел сокрушительное поражение. Когда весть об этом дошла до султана Мурада II, он приказал арестовать Турахана и сослать его в крепость Токат. Таким образом, нашедший в хронике Оруджа вышеприведенный факт может служить одним из первых свидетельств начала противостояния между новой служилой прослойкой «государевых рабов» и старой племенной аристократией.

Как известно, в итоге это соперничество завершилось победой выходцев из капы-кулу в годы правления султана Мехмеда Фатиха. Именно они стали в большинстве случаев назначаться на высокие посты и получили доступ к основным материальным ресурсам в государстве. Как яркий пример, иллюстрирующий победу новой правящей прослойки над старой родовой аристократией, традиционная турецкая историография приводит судьбу рода Джандарлы. Упоминания об этой семье появляются в ранних хрониках почти синхронно с Османской династией, свидетельствуя о важной роли, которую ее представители играли в становлении государства. Корни ее восходят к крестьянину Кара Халилу родом из деревни Джендере (Чендере) в окрестностях Анкары, откуда и пошло название семьи – Джандарлы. Возвышение Кара Халила было связано с тем, что тот был родственником шейха Эдебали, по некоторым историческим источникам – тестя основателя государства Османа. После получения образования в медресе он стал кадием Биледжика, а затем столицы Османского бейлика – Изника. В 1362 г. при Мураде I Кара Халил был назначен первым кадиаскером Османского государства и стал самым приближенным человеком султана. Введение повинности девширме и создание на его базе янычарского корпуса было, как указано выше, осуществлено по инициативе Кара Халила, что по иронии судьбы в последующем сыграло роковую роль в судьбе его по-

⁹⁴¹ Gazavat-ı Sultan Murad b. Mehmed Han. P. 101-102

⁹⁴² Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 54

томков. В 1372 г. он был назначен везиром и прославился в османской истории под именем Хайреддин-паши. Не только османские, но и византийские источники связывают с его именем формирование многих военных и административных структур молодого государства.

После смерти Хайреддин-паши везиром был назначен его сын Али-паша, прославленный государственный деятель периода султана Баязида Йылдырыма. Другой сын Хайреддин-паши Ибрахим-паша окончил медресе и стал улемом. Он был кадием Бурсы и при султанине Мехмеде Челеби занимал пост второго везира, а при его сыне Мураде II был назначен главным везиром, оставаясь на данном посту до своей смерти в 1429 г. После этого на эту должность был назначен его сын Джандарлы Халил-паша, который пользовался полным доверием султана Мурада II и сосредоточил в своих руках огромную власть. Ситуация изменилась в 1444 г., когда Мурад II добровольно отказался от трона в пользу своего сына Мехмеда, и начала восходить звезда другого вельможи, воспитателя нового султана, выходца из системы капы-кулу и албанца по происхождению Заганос-паши. Однако вскоре, пользуясь смертельной угрозой для Османского государства, возникшей в результате крестового похода объединенных сил балканских стран, Халил-паша создал все условия для возвращения на трон Мурада II. Будущий завоеватель Константинополя Мехмед II не простил этого старому сановнику. Вновь воцарившись на троне в 1451 г., он после взятия Константинополя обвинил Халил-пашу в сговоре с Византией и казнил его. Хотя некоторые потомки Халил-паши и после этого в разное время занимали высокие посты в государстве, включая и должности кадиаскера и великого везира, тем не менее, с его казнью семья Джандарлы навсегда потеряла былое влияние и могущество.⁹⁴³

Ряд турецких авторов объясняли падение семьи Джандарлы происками выходцев из капы-кулу в рамках их борьбы против родовой тюркской аристократии. К примеру, И.Х.Узунчаршылы считал, что в отстранении Халил-паши от власти главную роль сыграли интриги его противника Заганос-паши и других выходцев из девширме.⁹⁴⁴ По его мнению, «устранение семьи Джандарлы от власти способствовало тому, что пост главного везира перешел в руки государственных деятелей, являвшихся выходцами из системы девширме, и оставался в их руках до конца XVI в. В течение полутора столетий все 34 человека, занимавшие эту должность, за исключением Карамани Мехмед-паши, Джандарлызаде Ибрахим-паши, Пири Мехмед-паши и Манисалы Лала Мехмед-паши, были выходцами из девширме».⁹⁴⁵

⁹⁴³ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. P. 545-560

⁹⁴⁴ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt II. P. 10

⁹⁴⁵ Там же. С. 11. Еще одним ярким примером, традиционно используемым в турецкой историографии в качестве иллюстрации борьбы выходцев из капы-кулу против

Несмотря на серьезность всех вышеприведенных фактов, следует заметить, что интерпретация соперничества между различными группировками внутри османского правящего слоя лишь в контексте межэтнического противостояния между государственными деятелями тюркского и нетюркского происхождения без анализа социальных корней этих событий приводит к недопустимому упрощению исторической панорамы. В действительности они имели более сложный общественный и культурный характер. Хотя и следует признать, что представители османской элиты из капы-кулу вряд ли испытывали живую симпатию и привязанность к турецкой народной культуре и традициям, однако, описывать их роль в процессе формирования турецкого народа лишь в темных красках было бы неверно. Они являлись неотъемлемой частью процесса этнополитической эволюции, которая происходила внутри тюркской среды Анатолии в течение столетий, и

представителей тюркской родовой аристократии, является судьба главного везира империи при султанах Мехмеде II Карамани Мехмед-паши. Как известно, после смерти Мехмеда II началась открытая борьба за престол между его сыновьями Баязидом и Джемом. Значительная часть государственных сановников и янычарский корпус приняли сторону Баязида. Однако были и те, кто поддерживал Джема. Среди последних выделялся своим статусом и влиянием главный везир Карамани Мехмед-паша. В результате вооруженного выступления янычар в 1481 г. в Стамбуле главный везир был убит, многие его сторонники подверглись гонениям, дома их были разграблены. Некоторые турецкие авторы были склонны видеть за кулисами этих событий интриги продолжавшегося противостояния в высших эшелонах власти между выходцами из капы-кулу, которые заняли ведущие позиции при Мехмеде II Фатихе, и тюркской аристократией. Убийство Мехмед-паши, по их мнению, было ничем иным, как хорошо спланированной акцией османских эмиров и пашей нетюркского происхождения. К примеру, И.Х. Данишменд писал по этому поводу: «Янычары хлынули в столицу. По наущению занимавшего в ту пору пост коменданта Стамбула бывшего главного везира Исхак-паши, выходца из девширме, дворец главного везира Карамани Мехмед-паши, турка по происхождению, был разграблен, а сам почтенный везир [султана Мехмеда] Фатиха пал от рук янычар. Были ограблены дома и других государственных деятелей турецкого происхождения, совершено множество преступлений. Таким образом, опираясь на силы янычар, выходец из девширме и ренегат Исхак-паша полностью взял ситуацию под свой контроль... Исхак-паша был тестем другого выходца из девширме и ренегата Гедик Ахмед-паши, также бывшего главного везира, находившегося в то время в Отранто. Эти двое, тесть и зять, являлись главными действующими лицами борьбы выходцев из девширме против государственных деятелей турецкого происхождения. Таким образом, гибель Карамани Мехмед-паши, ставшего жертвой своей этнической принадлежности, означала возвращение к власти ренегатов и выходцев из девширме и образование в годы правления слабовольного султана Баязида II группы кровавых убийц, контролировавших власть. После совершения этого исторического преступления Исхак-паша заручился поддержкой янычарского корпуса и был назначен главным везиром, как только Баязид II вернулся в Стамбул. Он способствовал отстранению от должности везира другого сторонника великого мученика турецкого народа Карамани Мехмед-паши Кара Мустафа-паши, сына Хамза-бека. В скором времени по наущению Гедик Ахмед-паши несчастный Мустафа-паша был арестован и казнен» (Danişmend İ.H. İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi. P. 357).

в итоге интегрировались в эту среду. При этом основным фактором послужило то, что, несмотря на разнородный характер османской бюрократии, ее разговорным языком, как и языком официального делопроизводства, оставался турецкий.⁹⁴⁶ Поэтому, в отличие, например, от тюркско-иранских государств на востоке, центром которых являлся Азербайджан (Хулагуидов, Джелаиридов, Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу, Сефевидов, Афшаров, Каджаров) и где на официальном уровне почти всегда использовался персидский язык, в Османском государстве не существовало тенденции «иранизации» или «персизации». Как было отмечено, в азербайджаноцентричных государствах любые реформы, направленные на консолидацию центральной власти, рано или поздно приводили к ослаблению роли тюркской военно-политической элиты и, соответственно, усилению влияния гражданской бюрократии, что стимулировало тенденцию политической и культурной «иранизации». В Османской империи же, где языком бюрократии являлся турецкий, государство, в итоге, не теряло свой «тюркский» характер и собственное «тюркское» ядро. Именно по этой причине стало возможным создание в начале XX в. на обломках Османской империи турецкого национального государства – Турецкой Республики.

Негативный образ «турка» в османской исторической и художественной литературе

Космополитический характер османского правящего слоя оказывал непосредственное влияние на развитие турецкого языка и литературы. Разрыв между элитой и народными массами проявлялся не только на социально-политическом, но и культурном уровне. Так, представители высших слоев предпочитали общаться не на простом «мужицком» турецком языке, а на пересыщенном арабо-персидскими словами и оборотами высоко «штиле», получившем название «лисан-и османи» (османский язык).⁹⁴⁷ Их изысканному художественному вкусу импонировали не про-

⁹⁴⁶ Как отметил К.Имбер, было бы не совсем ошибочно называть Османскую империю «Турецкой империей», поскольку в XVII в. образованные слои Стамбула хоть и не называли себя турками и часто использовали это слово в пренебрежительном смысле, тем не менее, турецкий язык в его литературной форме был языком правительства и *лингва франка* элиты. Везир мог быть по происхождению албанцем, хорватом или абхазцем, но в официальной сфере и в литературе он использовал не свой родной язык, а турецкий. Как государственный язык турецкий пользовался высоким престижем во всей империи. Более того, несмотря на пренебрежительное отношение к туркам-мусульманам, османская элита, как кажется, считала их наиболее надежными подданными султана (Imber C. The Ottoman Empire. 1300-1650. P. 3)

⁹⁴⁷ В.А.Гордлевский отмечает, что даже в XIX в. великий русский языковед В.И.Даль «повторяя, очевидно, чьи-то слова, писал: “Образованные турки считали неприличным употреблять родной язык”» (Гордлевский В.А. Силуэты Турции. С. 78)

стые стихи, написанные традиционным турецким метром «хеджа», а газели и касыды, сочиненные метром классической арабо-персидской поэзии «аруз». Если влияние арабского языка было вызвано его религиозными функциями и тем, что он был языком Корана и религиозной литературы, то персидский язык ценился как язык высоко почитаемой османской элитой поэзии Фирдовси, Саади, Хафиза. В средневековых тюркских государствах высокий статус персидского языка и литературы был признан еще при Газневидах, и эта традиция продолжалась в последующие столетия, перейдя от Сельджукидов к Османам. Согласно широко распространенному в те времена убеждению персидская поэзия играла роль эталона для османской литературы. Эта традиция настолько укоренилась в классической османской литературе, что известный турецкий поэт конца XVI в. Нефи, пытаясь подчеркнуть новаторскую роль своего художественного творчества, писал, что он «освободил Рум от традиции подражания аджамской (здесь, персидской – Ш.М.) поэзии».⁹⁴⁸

В османской литературной среде наиболее совершенным художественным образцом восхваления правителей считалось «Шах-наме» Фирдовси. Не случайно при султане Сулеймане Великолепном, когда империя переживала самый славный период своей истории, была официально учреждена должность «шахнамеджи» или «шахнамегуй», придворного поэта, призванного в эпической форме запечатлеть для истории великие деяния султана. Поскольку справиться с этой эпохальной задачей могли лишь поэты, близко знакомые с творчеством Фирдовси и персидской литературной традицией, то на эту должность назначались, как правило, выходцы из Азербайджана. Так, первым носителем титула «шахнамеджи» при османском дворе был знаменитый поэт Ариф, отец которого прибыл в Османскую империю из Азербайджана вместе с сефевидским принцем Алкас-мирзой во время его вынужденной эмиграции, а матерью была дочь знаменитого шейха ордена хальветийе Ибрахима Гюльшани при дворе Ак-Коюнлу в Тебризе.⁹⁴⁹ Как отмечает К.Флэчер, тремя из четырех носителей этого титула в XVI столетии были азербайджанские турки («туркмены из Ширвана и Азербайджана») – Ариф, Афлатун Ширвани и Сейид Локман.⁹⁵⁰

Яркой иллюстрацией страстного увлечения османской элиты персидской литературой в XV столетии является творческая судьба турецкого поэта Лали. Будучи родом из анатолийского города Токат, он провел некоторое время в Иране, где близко познакомился с персидской литературной средой и «аджамизировался», как пишет источник (*merd-i müteecce*). По-

⁹⁴⁸ Sefercioğlu M.N. Nev'i divanının tahlili. P. 71

⁹⁴⁹ Kinalızade Hasan Çelebi. Tezkiretü's-şuara. Cilt 2. P. 596

⁹⁵⁰ Fleischer C.H. Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire. P. 155

сле возвращения в Анатолию он стал выдавать себя за жителя Аджама (здесь, Ирана), чтобы иметь возможность войти в круг поэтов при дворе султана Мехмеда Фатиха. «Свойственная времени благосклонность в отношении Аджама», как подчеркивает Мустафа Аали, сыграла счастливую роль в его судьбе, и он достиг своей мечты. Однако когда вскрылась правда о его истинном происхождении, он был с позором изгнан из двора. Хотя Лали и не был лишен поэтического таланта, он пострадал из-за того, что был не персом, а анатолийским турком. В сатирическом стихотворении по этому поводу он горько сетовал на то, что добиваются славы и богатства в Руме лишь выходцы из арабских стран либо Ирана.⁹⁵¹

Не менее Лали сокрушался по поводу предпочтения светскими кругами османского общества персидского языка в ущерб турецкому другой поэт XV столетия Кемаль. Написав две поэмы на турецком языке, за которые он так и не удостоился награды от государя, Кемаль решил еще раз испытать судьбу и обратился к поэтическому изложению османской истории и деяний султанов под названием «Селатин-наме» (Книга султанов). Он посвятил эту эпическую поэму на турецком языке султану Баязиду II. Однако из его же собственного изложения становится ясно, что эта попытка вызвала иронические отклики его друзей. Они указывали на тщетность стараний поэта, поскольку османская знать смотрела свысока на турецкий язык и предпочитала поэзию на персидском языке. А без ее одобрения чтение этой поэмы в присутствии султана было практически невозможно. Да и сам Кемаль в начале своего произведения признает некоторую «грубоватость» турецкого языка, сетует по поводу незнания им персидского и выражает готовность проявить усердие и создать поэму на своем родном языке, не уступающую по своему изяществу персидской.⁹⁵² Но, видимо, ожидания поэта не оправдались, так как его произведение так и не получило широкую известность в османо-турецкой литературе.⁹⁵³

⁹⁵¹ Künhü'l Ahbar'ın Tezkire kısmı. P. 142. Удивительным образом подобная же жалоба, но с точностью наоборот, слышна из уст современника Лали, азербайджанского поэта Бадре Ширвани, который писал, что его стихи не находили должной оценки по той причине, что он был родом из Ширвана (т.е. Аджама, по терминологии того времени), а не Рума, Кафы или Азова (Бадр Ширвани. Диван. С. 9, 307). Иными словами, в Анатолии (Руме) поэт Лали был изгнан из султанского двора, поскольку не был родом из Аджама, в то время как в Азербайджане поэт Бадр не ценился, т.к. он происходил из Ширвана, а не Анатолии или Крыма.

⁹⁵² XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name. P. 18

⁹⁵³ Сказанное, безусловно, не отражает полноты картины и является лишь одной стороной медали. Известно, что именно во время правления Баязида II письменная культура анатолийского общества достигла качественно более высокого уровня по сравнению с предыдущим периодом, и на порядок выросло количество произведений на турецком языке, о чем свидетельствуют все исторические источники, и, в частности, «Кюнх ал-ахбар» Мустафы Аали. Автор пишет о большом числе поэтов, создававших свои труды на турецком языке в годы правления султана Баязида, приводит примеры из их биографии и произведений, и, к примеру, сообщает о жизни и творчестве шейха

В источниках немало сведений, свидетельствующих если не о пренебрежительном, то явно высокомерном отношении представителей османской элиты к турецкому языку. К примеру, один из высокопоставленных чиновников периода Селима I дефтердар Анатолии Кешфи Мехмед Челеби мотивировал свою тягу к персидскому языку и нежелание писать свою поэму «Селим-наме» на турецком языке тем, что якобы на нем говорили лишь люди «неотесанные и подлой природы».⁹⁵⁴ Вызывают странные ощущения негативные отзывы о турецком языке и другого автора начала XVI в. Гювахи, хотя его дидактическая поэма «Пенд-наме» изобилует сочными турецкими пословицами и поговорками. Тем не менее, Гювахи никак не мог удержаться от соблазна уколоть самолюбие турок следующими замечаниями: *«Странное племя эти турки; не дано им понять разницы между добром и злом. Как нет у них во рту ощущения вкуса, так нет в их языке слова, которое стоило бы запомнить»*.⁹⁵⁵

Следует отметить, что в определенной степени подобные тенденции были характерны в этот период и для тюркского общества Азербайджана, примеры чему несложно обнаружить в образцах средневековой классической литературы. В частности известный ширванский поэт эпохи Джаханшаха Кара-Коюнлу Бадр Ширвани (ум. в 1450 г.) в одной своей оде, посвященной этому султану, признавался, что он мог бы написать ее и на тюркском языке, однако, «следуя манере мастеров», он склонился к персидскому языку (*parsi*), который был якобы более сладкозвучным (*khoshter*).⁹⁵⁶ Даже великий Физули, еще при жизни считавшийся «мастером тюркоязычных поэтов», как-то посетовал: *«Потому так богата персидская поэзия, что сложно выразить нежные чувства на тюркском языке»*.⁹⁵⁷

Таким образом, в османской интеллектуальной среде было широко распространено убеждение, что турецкий язык не вполне годился для создания совершенного художественного произведения и потому не мог стать основой самостоятельного литературного языка. Считалось, что внутренние возможности его ограничены для выражения высокоинтеллектуальных мыслей и создания эстетических образов. В то же время, богатый «лисан-и османи», являвшийся языком классической литературы в

Мухаммеда Абдуллаха, сына Акшамсаддина, знаменитого суфийского шейха, соратника и вдохновителя султана Мехмеда Фатиха во время завоевания Константинополя, что тот был автором поэм на турецком языке «Юсуф и Зулейха» и «Лейла и Меджнун», а также поэтического произведения о рождении и жизни пророка Мухаммеда «Мевлюд». По словам Мустафы Аали, все эти труды прекрасны, но «Юсуф и Зулейха» выделялось своей лиричностью и поэтичностью среди всех произведений, созданных на турецком языке в Анатолии (Kühü'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 233).

⁹⁵⁴ Uğur A. The reign of Sultan Selim I in the light of the Selim-name literature. P. 12

⁹⁵⁵ Gühavi. Pend-name. P. 168

⁹⁵⁶ Бадр Ширвани. Диван. С. 90

⁹⁵⁷ Fizuli. Seçilmiş əsərləri. P. 254

Османской империи, по мнению Мустафы Аали, был сплавом четырех языков – западно-тюркского (т.е. огузского), чагатайского, арабского и персидского, и что их органичный синтез придавал ему звучность, мелодичность и богатство выражения. Учитывая все это, Мустафа Аали даже выступал за запрет использования простонародного турецкого языка.⁹⁵⁸

Космополитический характер османской элиты обуславливал эклектический характер обслуживавшей ее культуры. Следует еще раз напомнить, что речь идет не о культуре народных масс, а о высоком стиле, так называемой «османской культуре», удовлетворявшей вкусы правящих слоев и частично городской верхушки. Безусловно, основу ее, в любом случае, составляли турецкий язык и культура. Однако формирующие ее основные компоненты имели неоднородное происхождение. В первую очередь, следует отметить влияние культуры арабов и персов, которые вместе с турками составляли единую средневековую мусульманскую умму. Религиозная общность между ними обеспечивала относительно беспрепятственные каналы влияния. С другой стороны, проникновение в XV-XVI вв. в османскую элиту через систему девширме многих представителей балканских народов – греков, албанцев, славян, валахов, венгров оказало серьезное влияние и на развитие османской культуры и обусловило его эклектичный характер. Со временем между турецкой культурой народных масс Анатолии и элитарной культурой османского общества образовалась настоящая пропасть. Формирование элитарной культуры с присущими ей своеобразными эстетическими нормами, искусственным «османским» языком, литературными формами и жанрами, заимствованными из арабо-персидской традиции, ее оторванность от народной жизни – все это было признаками так называемой «культурной османизации».

В современной турецкой науке временами звучат резкие оценки данного процесса. Иногда слышны радикальные суждения об османской средневековой классической литературе (*divan edebiyatı*), как некоем искусственном явлении, ограниченном дворцовыми интересами и удовлетворявшем лишь вкусы узкого круга элиты. К примеру, А.Озкырымлы пишет, что «классическая [османская] поэзия (*divan şiiri*) является отрицанием турецкого языка и, по сути, турецкости». По мнению автора, «невозможно говорить о связанных между собой этапах развития языка и литературы в турецкой истории, иными словами, о турецкой литературе, которая демонстрировала бы единство и продолжительность в смысле содержания и формы. Это было обусловлено подчинением воинственных кочевников культуре тех народов, которые они покоряли. В общем, это подчинение выразилось в принятии новой религии, что воздействовало естественным образом на развитие языка и литературы. Поэтому в исто-

⁹⁵⁸ Fleischer C.H. Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire. P. 253-254

рии турецкой литературы постоянно наблюдаются явления разрыва с предыдущей традицией и начала нового этапа с нуля».⁹⁵⁹

Согласно А.Озкырымлы, наиболее ярким примером этого процесса является история османской классической литературы. Поэт, называвший себя «османлы» (османец), «смотрел на простого турка и турецкий язык свысока». Основной причиной этого явления было возникновение «османского политического сознания» в империи, объединявшей в своих границах различные этносы. Поэты, писавшие в рамках классической литературы, были носителями этого сознания. Они намеренно отрывали себя от турецких масс и идентифицировали себя с придворной средой, что демонстрировало отсутствие у них «национального» самосознания. Имея единственную цель служения правящему слою и будучи далеки от интересов народа, они лишались всякого признака определенной идентичности, и какой бы гиперболой это ни звучало, эти поэты, по сути, не имели идентичности. Использование искусственного «османского» языка, низведение высокого призвания поэзии к жонглированию словами и формами подпитывало национальную безликость этих поэтов. Именно по этой причине шестисотлетняя османская классическая литература рухнула под первыми же ударами авторов периода Танзимата (периода реформ) в XIX в. Слабость этой литературы в действительности была обусловлена отсутствием глубоких корней в народной среде.⁹⁶⁰

Эти суждения выглядят слишком прямолинейными и суровыми, однако они отражают взгляд части современной турецкой интеллигенции на османскую классическую литературу. Одним из авторов, заложивших основу данной концепции в турецком литературоведении, был М.Ф.Кёпрюлю, основатель «национальной школы» в турецкой историографии. М.Ф.Кёпрюлю глубоко проанализировал идейное содержание и жанровое разнообразие классической османской литературы, выдвинул суждения о ее влиянии на этнокультурное развитие турецкого народа в средние века. Одной из тем, к которой он обратился в своем творчестве, был вопрос об отрицательном образе турка в османской исторической и культурной традиции. Он писал, что османские авторы, которые, как правило, получали многолетнее догматическое образование и воспитание в мусульманских медресе, изучали творчество Аттара, Саади, Хафиза, Джалал ад-Дина Руми по длинным и бездушным комментариям, впитывая в себя «аджамский» (здесь, персидский) дух, начинали свысока смотреть на ту народную среду, выходцами из которой они являлись, и при каждом удобном случае старались унижить этих простолюдинов эпитетами «невежественный турок» или «подлый турок». Ведь Нефи, который писал, что «*gospody*

⁹⁵⁹ Türk aydını ve kimlik sorunu. P. 20

⁹⁶⁰ Там же

закрыл турку источник благого знания», Вахид Махдуми, признававший-ся: «Я – турок с ослиными повадками», либо Баки с его жалобой на то, что «у турок голова немного грубовата» – все они сами были турками.⁹⁶¹

Таким образом, временами использование слова «турок/тюрок» в негативном значении в интеллектуальной среде Османской империи является любопытным историческим феноменом. Изучение причин этого явления представляет интерес с точки зрения понимания этнополитических процессов, происходивших в османский период. Прежде всего, следует отметить, что в средние века слово «турок/тюрок» имело полисемантический характер. В османских источниках его значение выступает в различных вариантах. Оно могло означать:

1. Общее название народов и племен, говорящих на языках тюркской группы и имеющих тюркское этническое происхождение. К примеру, Эвлия Челеби, повествующий в своей «Книге путешествий» о различных тюркских народах и языках, пишет: «Все тюрки говорят на двенадцати языках»,⁹⁶² и т.д.

2. Обобщенное название народов и племен, населявших на востоке древний Туран или Туркестан, независимо от их этнических корней. Например, Ахмеди в своей исторической поэме «Искандер-наме» называет монгольского хана Берке «тюркским султаном», а тимуридского правителя Шахруха – «шахом Турана»⁹⁶³; так же в произведении Насави, как выше было отмечено, о сыне Чингиз-хана и великом хане Угэдэе говорится как о «владыке тюрков».⁹⁶⁴ Опять же в произведении Эвлии Челеби после перечисления этноплеменных названий монгол, ногай, лезгин, татар и прочих говорится, что «все эти народы принадлежат к тюркам и татарам».⁹⁶⁵ Интересно, что Языджиоглу Али, описывающий взятие сельджукским полководцем Хусам ад-Дином Чобаном крымской крепости Судак, использует этноним «тюрок» в отношении не сельджуков, т.е. туркмен, а защищавших город их противников кыпчаков (половцев),⁹⁶⁶ поскольку последние населяли обширные пространства «Турана», растянувшегося от Центральной Азии до Причерноморских степей.

3. Как этноним османских турок. Правда, следует особо отметить, что слово «турок/тюрок» в отношении османов использовалось не столько ими самими, сколько их соседями. Так, в одном из своих стихотворений азербайджанский поэт Рухи Багдади называет османского султана «тюркским падишахом», а сефевидского шаха «шаханшахом Аджамы».⁹⁶⁷

⁹⁶¹ Köprülü F. Edebiyat araştırmaları. P. 197

⁹⁶² Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild III. P. 171

⁹⁶³ Ahmedi. İskender-name. Л. 62a

⁹⁶⁴ Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. С. 170

⁹⁶⁵ Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild III. P. 173

⁹⁶⁶ Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 334

⁹⁶⁷ Musabəyli A. Ruhi Bağdadi. P. 799

Интересные примеры имеются в поэме Фирдовси-и Руми «Кутб-наме», посвященной султану Баязиду II. Сам автор, будучи османским подданным, большей частью называет своих сородичей этногеографическим термином «румлу» («*rumlu*» – румиец, ромеец) или религиозным обозначением «сунниты» («*sünni*»).⁹⁶⁸ В произведении слово «турок/тюрок» используют по отношению к османам лишь их христианские враги, в частности венгерский король, который говорит: «Если вступлю я в битву подобно Марсу, не справятся со мной турки [страны] Рум и арабы»,⁹⁶⁹ или «Перебейте всех мужчин и возьмите в плен всех жещин, чтобы турки страны Рум постигло несчастье». ⁹⁷⁰ В то же время, иногда в источниках можно встретить примеры использования османами этнонима «турок/тюрок» в качестве самоназвания. Так, в ранних хрониках говорится о том, как предок османов Сулейман-шах утонул во время переправы в реке Евфрат, был похоронен там же на берегу, и эта могила стала известна в народе под названием «мезар-и тюрок» (могила тюрка).⁹⁷¹

4. В значении «простолудин», «крестьянин», «мужлан», как антипод образованного горожанина. В поэме суфийского автора XIV в. Элвана Челеби встречается следующая фраза: «Тюрки и горожане стали его (шейха – Ш.М.) последователями»,⁹⁷² или такое описание суфийского шейха как «озаренный светом старец в образе грубого тюрка». ⁹⁷³ В произведении Ибн Кемаля говорится следующее: «Юрюки (здесь, кочевники – Ш.М.) продали свои шатры и обменяли их на красные чалмы (кызылбашей – Ш.М.), турки же побросали свои земли и продали свой скот ...». ⁹⁷⁴ Вышеупомянутый Гювахи приводит следующие строки в своей поэме: «Некий турок у скалы пахал землю парой волов». ⁹⁷⁵ Во всех приведенных примерах слово «турок/тюрок» использовано в значении крестьянин, пахарь.

5. И наконец, в значении «кочевник», «скотовод», и нередко используется в паре со словами «туркман», «татарин». К примеру, в хронике Лютфи-паши возвышение Османа, усиление его за счет других кочевых племен описывается следующим образом: «Все тюрки-кочевники подчинились ему и стали его приверженцами». ⁹⁷⁶ Или в произведении Ибн Кемаля неоднократно встречаются фразы как «племена тюрок и туркман», ⁹⁷⁷ «искусные наездники тюрки и татары» ⁹⁷⁸ и т.д. Зачастую в

⁹⁶⁸ Firdevsi-i Rumi. P. 124, 144

⁹⁶⁹ Там же. С. 116

⁹⁷⁰ Там же. С. 115

⁹⁷¹ Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 6

⁹⁷² Elvan Çelebi. Menakıbu'l-Kudsiyye fi Menasibu'l-Ünsiyye. P. 49

⁹⁷³ Там же. С. 105

⁹⁷⁴ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VIII Defter. P. 171

⁹⁷⁵ Gühahî. Pend-name. P. 177

⁹⁷⁶ Lütîî Paşa. Tevarih-i Al-i Osman. P. 19

⁹⁷⁷ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. LVIII

источниках сельджукского и раннеосманского периода это слово относилось к тюркскому кочевому населению западных уджей Малой Азии. В частности, Аксарайи описывает выступление тюрков Кастамону против монгольской и центральной сельджукской власти во время правления ильханида Гейхату и называет их «тюркским воинством» (*leshker-i etrak*), в то время как объединенные силы монголов и сельджуков – «монгольско-таджикской армией» (*leshker-i moghule-ye tajik*).⁹⁷⁹

Встречаясь в османских источниках с использованием слова «тюрк/тюрк» с негативным оттенком, несложно заметить, что в большинстве случаев эти фразы обращены к анатолийскому крестьянству. Хотя в ряде случаев они могут относиться и к кочевникам-скотоводам. Тем не менее, последние большей частью отмечаются либо этнонимом «туркмены», либо определенными племенными названиями как «тургуты», «варсаки» и т.д.⁹⁸⁰ Так, например, в произведении о мусульманском праве «Китаб-и гунья», написанном во второй половине XIV в. в Анатолии, следующим образом передается разница между социальными группами – горожанами, крестьянами («рустай») и кочениками («ябани»): «*“Рустай” означает крестьян, тогда как “туркмен” означает кочевников*».⁹⁸¹

Вызывает интерес вопрос, который поставил еще М.Ф.Кёпрюлю – что же побуждало даже знаменитых османских поэтов как Нефи или Баки культивировать в своем творчестве негативный образ простого турка? Почему в классической поэзии с таким постоянством «турок» становился объектом иронии и высокомерного обращения? Прежде всего, следует отметить, что в средние века в Османской империи слово «турок» не имело того «национально-гражданского» значения, которое оно имеет сегодня. Как отмечалось выше, степень лояльности и место в социальной иерархии измерялись не принадлежностью к той или иной этнической среде, а верностью государству, олицетворяемому султаном. Уже к началу XVI в. Османская империя представляла собой полиэтническое образование, основанное на идее мусульманской уммы, принципе единства религии и государства, комплексе политико-правовых ценностей, объединённых общим названием «османизм».

Безусловно, одной из причин культивирования негативного образа «турка» в османской историко-художественной традиции было влияние персидской литературы. Как известно, переход политической власти в

⁹⁷⁸ Там же. С. 363

⁹⁷⁹ Müsameret ül-Ahbar. P. 175

⁹⁸⁰ «Бабур-наме» также свидетельствует о том, что в средневековых тюркских государствах кочевники именовались, в основном, своими племенными названиями: «*В нашей стране только те, кто кочует в степях, именуют себя по названию племени...*» (Бабур-наме. С. 335).

⁹⁸¹ Kitab-i Gunya. P. 356

мусульманском мире в руки тюркских династий означал конец правления таких иранских династий как Буиды и Саманиды и надеждам ряда представителей течения шуубийа на возрождение персидской государственности. Эту задачу смог выполнить в художественно-эпической форме лишь Фирдовси в своем «Шах-наме». В этом смысле, не вызывают удивление многочисленные факты негативного отношения к тюркам и монголам в классической персидской литературе.

С другой стороны, средневековая восточная литература, в том числе, персоязычная, видела свое призвание в выражении протеста против тех социальных несправедливостей, которые имели место в обществе. Поэтому в ней достаточно громко звучат мотивы защиты интересов простых людей, подвергаемых угнетению со стороны представителей власти, т.е. тюркских и монгольских правителей, которые должны были бы заботиться об обеспечении социальной справедливости. Ярким образцом такой критической литературы является рассказ Низами Гянджеви о сельджукском султанае Санджаре и бедной старухе из поэмы «Махзан ал-асрар» («Сокровищница тайн»).

Наконец, тюркское завоевание, которое временами сопровождалось грабежами и кровопролитием, было обобщено в персоязычной литературе в образе «кровожадного тюрка-разбойника». Джалал ад-Дин Руми представил в своей поэме «Месневи» подобный стереотип «кровожадных огузских тюрков» (*ghuzan-e torkan-e khunriz*), которые, запугивая одного крестьянина и вымогая у него золото, собирались у него на глазах жестоко пытать другого.⁹⁸²

Вышесказанное не означает, что тюрки во всей средневековой персоязычной литературе представлены лишь в негативном свете. Многие авторы, зачастую являвшиеся придворными поэтами тюркских правителей, создавали и образы «отважного» и «справедливого» тюрка-монарха. В произведениях Низами, Хагани, Саади, Хафиза и других авторов также воспеваются красота тюркской красавицы и т.д.

Однако нельзя выводить традицию высмеивания турок-простолудинов в османской историко-художественной традиции лишь влиянием персидской литературы. Если бы для появления этого феномена не существовало более глубоких причин, связанных с социокультурными процессами внутри османского общества, превращение главного этнического элемента империи в предмет иронии вряд ли оказалось бы возможным. В социальном отношении корни данного феномена следует искать в специфике заселения Малой Азии огузо-туркменскими племенами и особенностях их седентаризации. Как известно, большинство тюркского населения, мигрировавшего в Малую Азию, являлось кочевым или полукочевым. Процесс

⁹⁸² Mesnevi-ye menevi. P. 301-302

оседания на землю порождал серьезные социальные трансформации в их среде. В то время как часть из них предпочитала сохранять свой традиционный образ жизни и вести сезонные перекочевки, другая часть начинала заселять села, покинутые христианским населением, либо основывать новые деревни, вливаясь в ряды крестьян. Это явление со временем все больше становилась ведущей тенденцией в жизни тюркского населения Малой Азии. Как было отмечено, уже в начале XVI столетия подавляющее его большинство было оседлым, о чем свидетельствуют данные податных реестров этого периода.⁹⁸³ Представители кочевой верхушки предпочитали селиться в городах и поселках, пополнив городское население Анатолии. Как отмечал К.Каэн, главы кочевых племен на Востоке в процессе перехода к оседлости отдавали предпочтение не сельской жизни как крестьяне, а городской.⁹⁸⁴

В соответствии со спецификой оседания тюрков в Малой Азии среди них постепенно происходило социально-культурное расслоение, что оказывало влияние и на их этнонимы. Д.Е.Еремеев указывает, что в сельджукский период у тюркского населения Малой Азии еще не было единого этнонима.⁹⁸⁵ Так, у кочевого и полукочевого тюркского населения племенные названия и сознание оттесняли чувство принадлежности к единой тюркской среде. Это положение верно и для постсельджукского времени, в частности, для XIV-XVI вв. Действительно, кочевые и полукочевые группы населения в Малой Азии были известны под общими названиями «юрюки» или «туркмены», под названиями конфедераций племен и родов как, например, «бозулус», либо по племенным названиям типа «тургуты», «варсаки», «чепни» и т.д. Следует добавить, что если слово «юрюки» было распространено в западной части Малой Азии и Балканах, то тюркские кочевники восточной Анатолии были больше известны под названием «туркмены/туркмены».⁹⁸⁶

По мнению Д.Е.Еремеева, географическое разделение анатолийских тюркских кочевников на две группы, известные под названием «юрюки» и «туркмены/туркмены», может быть объяснено разными этапами миграции тюркских племен в Малую Азию. Последовавшее вслед за сельджукским периодом монгольское завоевание вызвало существенные этнические изменения в этом регионе. Новые миграционные волны из Центральной Азии на запад, хоть и включали в себя разные этнические элементы, в том числе, ираноязычные, тем не менее, костяк их составляли тюркские племена, и большей частью, туркмены. Последние расселились, в основ-

⁹⁸³ Sümer F. Çukur-ova tarihine dair araştırmalar. P. 30

⁹⁸⁴ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. P. 151

⁹⁸⁵ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 122

⁹⁸⁶ Gökbilgin M.T. Rumelide Yürükler, Tatarlar ve Evlad-ı Fatihan. P. 8

ном, на востоке Малой Азии, где поэтому и сохранилось самоназвание «туркман/туркмен», тогда как далее на запад этот этноним уступил место терминам «юрюки» или «тахтаджи».⁹⁸⁷ В то же время, разница между «юрюками и туркменами состоит, в частности, в том, что первые, видимо, удержали больше древнетюркских элементов (доогузских и огузских), которым более свойствен был чисто кочевой образ жизни. А вторые – частично восходят к более позднему пласту, туркменам Средней Азии и Ирана, впитавшим еще на подходах к Малой Азии много элементов оседлого быта, главным образом иранских».⁹⁸⁸

Сложно судить о том, какова была самоидентификация тюркского сельского населения, занимавшегося земледелием. Источники не дают достаточной информации по данному вопросу. Скорее всего, у них преобладали религиозное сознание и самоназвание «мусульманин». Д.Е.Еремеев считает, что турецкое крестьянство, основу которого составляли осевшие на землю кочевники, сохранило самоназвание «тюрок», общее для всех тюркских племен средневековья, но утратили прежние свои племенные этнонимы.⁹⁸⁹ В то же время известно, что в сельджукский период, особенно в XIV столетии слово «тюрок» приобрело и социальный оттенок, поскольку городское население и правящие слои стали обозначать им податное сельское население, т.е. крестьян.

Что же касается городского населения, то можно уверенно утверждать, что оно, в целом, называло себя не «тюрьками», а «мусульманами» или «румийцами» («*Rumi*»), поскольку в сельджукскую эпоху значительную их часть составляли не тюрьки, а «мусульмане иных этнических групп или новообращенные местные жители».⁹⁹⁰ Как писал В.А.Гордлевский, «равнодушие турецкого общества в вопросах национальных было чудовищно. Для городского эфенди, впитавшего в себя гнилостную атмосферу дряхлеющей Византии, слово “тюрьк”–“тюрк” – было синонимом грубого, необразованного человека – “мужика”».⁹⁹¹

В противовес тезису, который долго бытовал в европейской тюркологии, слова «тюрк» и «осман» (*Osmanlı*) не всегда были синонимичны. Н.Ицкович следующим образом раскрывает значение слова «османлы» в его исторически меняющейся динамике: для воинов на сельджукско-византийской границе слово «османлы» первоначально означало человека, связавшего свою судьбу с основателем династии Османом и его потомками; со временем подобное самоназвание либо обращение к ним со стороны других лиц стало ассоциироваться с понятиями лояльности и легитим-

⁹⁸⁷ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 128

⁹⁸⁸ Там же. С. 104

⁹⁸⁹ Там же. С. 105

⁹⁹⁰ Там же

⁹⁹¹ Гордлевский В.А. Силуэты Турции. С. 78

ности. Таким образом, это слово первоначально являлось политонимом. Если на раннем этапе формирования государства оно имело значение принадлежности к династии или дому Османа (*Al-i Osman*), то к XVI столетию, особенно в период правления Сулеймана Великолепного, приобрело более широкий смысл с отчетливо выраженным социокультурным оттенком. Им стали обозначать и элитарную культуру высших слоев общества, которые формировались из выходцев из различных этнических групп и являлись приверженцами мусульманской религии. Слово «турок» же стало в устах представителей правящего слоя обозначать «чернь», т.е. крестьян и кочевников Анатолии. В средние века европейцы, не различая еще тонкости этносоциальных реалий османского общества, называли всех османских подданных «турками» независимо от их места в социальной иерархии. Большая часть «турок», с которыми они контактировали, относилась к слою османов, поэтому европейцы и не делали разницу между понятиями «турок» и «османлы».⁹⁹²

И.Ортайлы также подчеркивает, что османы не считали себя турками, не имели турецкого самосознания и не называли себя так, несмотря на то, что говорили на турецком языке. В качестве самоназвания они использовали иные слова – сначала «мусульманин», после – «османлы», таким образом, «ведя борьбу османизма против тюркизма».⁹⁹³ Безусловно, под словом «османлы» здесь подразумевается правящий слой империи и часть городского населения.

Один из ведущих западных востоковедов Б.Льюис отмечал, что хотя официальным языком империи был турецкий, тем не менее, народ не называл себя «турками», а свою страну «Турцией». В Европе эти слова были в употреблении уже с XII в., однако они не использовались в самой Турции. Вместо них в ходу были другие выражения: земли, которые турки подчинили себе, назывались религиозным термином «мемалик-и ислам» (страны ислама), династическим термином «Ал-и Осман» (Дом Османа), либо географическим термином «мемлекет-и Рум» (страна Рум или Рим), который достался в наследство от Византии.⁹⁹⁴

Таким образом, использование в османской литературе слова «турок/тюрок» в негативном значении, особенно в XVI-XVII вв., было связано не столько с этническими, сколько социальными процессами, происходившими в обществе. Как отмечает В.А.Гордлевский, «турки долго продолжали вкладывать в слово “тюрк” социальное понимание, подразумевая под ним человека, противостоящего верхушке, человека, экономически зависящего от нее».⁹⁹⁵ Представители правящего слоя и верхушка городского на-

⁹⁹² Itzkowitz N. The Problem of Perseptions. P. 30-31

⁹⁹³ Özbaran S. Bir Osmanlı kimliği. P. 19

⁹⁹⁴ Там же. С. 23

⁹⁹⁵ Гордлевский В.А. Силуэты Турции. С. 78

селения, считавшие себя культурно-интеллектуальной элитой, усвоили манеру с высокомерием смотреть на крестьян, которых они презрительно называли «турками/тюрьками». Эта традиция была заложена еще в сельджукское время высшими слоями общества, особенно чиновничеством персидского происхождения либо персизированными представителями государственной бюрократии. Наиболее яркими примерами высокомерного и презрительного отношения к образу тюркских кочевников и крестьян, как было отмечено, изобилует персоязычная историческая литература Анатолии сельджукского периода, в частности, произведения Ибн Биби и Аксарайи. Так, Аксарайи не раз сопровождает упоминание тюрок уничижительными эпитетами – «бесчестные тюрки» (*etrak-e motegalleb*), «нечестивые тюрки» (*etrak-e nabak*) и т.д.⁹⁹⁶ Эта манера проявлялась в довольно грубой форме и в образцах классической османской литературы. К примеру, упомянутый выше Гювахи в своем произведении дает ярчайший пример презрительного отношения «образованного османа» к простому турку-крестьянину: «*Доподлинно известно, что крестьянин не оберется бед в городе, и из турка никогда не получится человека*».⁹⁹⁷ Здесь мы видим, как фраза Ашикпашазаде «*из тургута не получится человека*», высказанная им в адрес кочевников, претерпевает дальнейшую эволюцию и, расширяя свой этносоциальный контекст, распространяется на все анатолийское крестьянство. К этому времени негативный образ «турка» занял настолько прочное место в османской классической литературе, что подобные примеры можно встретить в произведениях многих поэтов XVI-XVII вв. Так, секретарь Государственного Совета (*Divan-i hümayun katibi*) Хафиз Хамди-эфенди, который во второй половине XVI столетия писал стихи под псевдонимом Кадими, почти дословно повторяет данную мысль: «*Не думай, что из турка получится человек; никогда не общайся с турком*».⁹⁹⁸

Таким образом, все социальные группы, которые, по словам О.Тюркдогана, в османской общественной системе «не могли оказаться в центре и вытеснялись на периферию» общественной жизни, постепенно начинали чувствовать над собой не только социально-экономическое, но и психологическое давление.⁹⁹⁹ Этот прессинг проявлялся в различных формах. Одной из его форм и было уничижительное обыгрывание образа турка-простолюдина в классической литературе. Психологическое противостояние между верхами и низами общества, имевшее социальную подоплеку, в средние века воспринималось в общественном сознании сквозь призму этнических образов. Если представителям высших слоев, воспринимавших себя как «османы» или «руми», нужно было унизить кочевников, они

⁹⁹⁶ Müsameret ül-Ahbar. P. 71

⁹⁹⁷ Gühahi. Pend-name. P. 165-166

⁹⁹⁸ Kolcu H. Divan şiirinde “Türk-Türklük” ve Siham-ı Kaza örneği. P. 284

⁹⁹⁹ Türkdoğan O. Alevi-Bektaş Kimliği. P. 568-569

превращали в объект насмешек и презрения «туркман», «варсаков», «тургутов» и т.д. В случае необходимости нападков на крестьянство, они неизменно вспоминали грубого и неотесанного «мужика-турка».

Надо сказать, что народные массы отвечали им той же монетой. Здоровый юмор, а временами и едкий сарказм в отношении заносчивого и самодовольного горожанина звучит не только в турецком фольклоре, в частности, анекдотах о Ходже Насреддине, но иногда и в письменной литературе. Так, в житии суфийского дервиша Отман Бабы, который символизировал народную, крестьянскую интерпретацию мусульманской религии, последний довольно резко обращается к представителю городских слоев, называя его «*грязным и пузатым горожанином*» (*çirkin gebe karınlı şehirlü*).¹⁰⁰⁰

Таким образом, как было отмечено, дихотомия «осман – турок» приобрела особую актуальность в XVI столетии. Если в первой половине XV в. османский султан Мурад II еще мог публично гордиться своей «турецкой удалью» (*Türk erligi*), как это отмечено у Нешри¹⁰⁰¹, то во второй половине XVI в. ситуация была уже ровно противоположной. Высшие слои империи открыто озвучивали требование закрыть доступ к высоким должностям всем людям турецкого происхождения, вернее, выходцам из кочевых племен и крестьянских масс. Некоторыми османскими идеологами, как отмечено выше, было выдвинуто даже некое подобие теоретического обоснования нежелательности допуска турок в привилегированные круги общества. О том, насколько этот призыв нашел широкий отклик в среде османской элиты свидетельствует тот факт, что подобные идеи звучат не только в исторических трудах, но и произведениях классической литературы. Так, один из известных поэтов XVI столетия Неджати-бей, подобно Мустафе Аали, с поразительной откровенностью озвучивал эту мысль: «*Недопустимо предоставлять тугру (здесь высокую должность, власть – Ш.М.) турку, ибо он предаст весь мир огню и разрушению*». ¹⁰⁰²

Чем острее становилось противоречие между верхами и низами общества, чем воинственнее кочевники и крестьяне начинали выступать против административного и налогового гнета правительства, тем более враждебными становились отзывы высших слоев о них, что находило отражение и в литературе. Дело дошло до того, что отдельные представители османской интеллектуальной элиты пытались обосновывать призыв к султану о «дозволенности проливать кровь турок». К примеру, тот же Кадими обращался к султану с призывом «*без тени сожаления рубить головы турок*» (*ser-i etraki kesib etme gem*). Однако вновь следует повторить, что слово «турок» здесь нужно воспринимать в социальном, а не этническом смысле, а также обра-

¹⁰⁰⁰ Ocak A.Y. Osmanlı İmparatorluğu'nda Marjinal Sufilik. P. 152

¹⁰⁰¹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 268-269

¹⁰⁰² Çavuşoğlu M. Necati Bey Divanının Tahlili. P. 68

тить внимание на факт восприятия в средневековом османском обществе социальных противоречий сквозь призму этнических отношений.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что Османское государство в период становления типологически мало отличалось от других тюркских эмиратов Малой Азии. В это время военная и административная власть была сосредоточена, в основном, в руках тюрок. Расширение территории государства в результате успешных завоевательных войн и походов сопровождалось его постепенной трансформацией в полиэтничную и многоязычную империю, вобравшую в себя множество различных народов. Соответственно, происходило формирование нового правящего слоя империи путем рекрутирования кадров из системы девширме и значительного числа ренегатов. Главной особенностью этого слоя была его разнородность и космополитическая культура. Будучи составной частью османского общества, представители правящего слоя ассоциировали себя не с турецким этносом, а с Османской династией, имперскими ценностями и мусульманской религией и, соответственно, идентифицировали себя не как «турок», а как «османов» или «руми». Поэтому в отличие от периода становления Османского государства в XVI столетии слово «турок» стало постепенно ассоциироваться с низшими слоями общества и, прежде всего, с турецким крестьянством и частично с кочевниками. Иными словами, этот термин преобразовался из этнического в социальный, а в классической литературе неприятие османской элитой народных масс нашло свое отражение в негативном образе «турка-простолюдина».

Этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в контексте противостояния Рум-Аджам

В османскую эпоху наряду с этнонимом «турок» для обозначения представителей господствующего этноса использовались и иные термины. Одним из них являлось слово «руми» (*Rumi* - румиец/ромеец, румийский/ромейский). В особенности в XI-XVI вв. оно стало активно входить в лексикон и письменную литературу, превратившись фактически в синоним термина «осман» (*Osmanlı*).

Однако, как известно, еще в эпоху арабского халифата в арабо-персидской культурной традиции слово «Рум» употреблялось исключительно в отношении к Восточно-Римской империи или Византии, обозначая связанный с ней весь этнокультурный комплекс. В мусульманских источниках этого периода под термином «мемалик-и Рум» понимались собственно христианская Византия, а иногда также страны и территории, находившиеся под ее политическим и культурным протекторатом. К примеру, «рум-

ская красавица» (*peyker-e Rum*) в поэме «Хафт пейкер» («Семь красавиц») Низами Гянджеви, несомненно, представляла Византию. При этом под термином «руми» могло подразумеваться как все христианское население Византии независимо от их этнической принадлежности, так иногда и собственно греки, которые этнически выделялись из общехристианской византийской среды и отличались от армян, сирийцев и т.д. Так, у Языджиоглу Али встречается фраза об «армянских теквуррах и румском (римском – Ш.М.) василевсе» (*Ermen tekvurları be Rum fasilyusu*),¹⁰⁰³ в которой армянские феодалы не причислены к румской (римской или византийской) среде, частью которой они являлись в смысле политической подчиненности.

Следует также добавить, что сами туркмены в соответствии с исламской традицией воспринимали собственные походы и завоевания в Малой Азии как войну за веру с «румскими кафирами» (иноверцами), т.е. джихад против византийских христиан. Так, если во главе тюркской армии в сражении при Малазгирте в 1071 г. стоял сельджукский султан Алп Арслан, то их противников-византийцев, соответственно, возглавлял «римский кесарь» (*Rum kayseri*) Роман Диоген.

Образование Сельджукского государства с центром в Конье и подчинение большей части Малой Азии его власти, постепенное заселение тюрками анатолийских земель становится причиной постепенной трансформации первоначального значения терминов «Рум» и «руми». В раннесельджукский период эти слова все еще продолжают ассоциироваться с христианской Византией, однако со временем их смысловой охват расширяется. Как географический и этнокультурный термин они начинают обозначать страну, в которой кроме греческого христианского населения проживают турки-мусульмане. К примеру, в описании первых походов тюрков на Малую Азию в «Таварих-и Ал-и Сельджук» сельджукский принц Сулейман-шах назван «кандидатом на римский престол» (*Rum padişahlığına mendub*). Как известно, со временем воссев на этот трон, он заложил основу Сельджукского государства Малой Азии (или Рума). После провозглашения его султаном в Конье «все тюркские и румские беи (тесту' *Türk ve Rum begleri*) явились к нему на службу с поздравлениями и подношениями».¹⁰⁰⁴

Постепенно с заселением Анатолии и укоренением здесь тюрков понятие Рум теряло для них значение чуждого географического понятия и начинало восприниматься как название страны, которая стала их родиной, и, тем самым, отличало их от тюркского и мусульманского населения других регионов. Отныне, по крайней мере, с начала XIII столетия в лексиконе мусульманских авторов «румийство» не обязательно означало принадлежность к христианской культуре Византии либо политическое подданство

¹⁰⁰³ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 62

¹⁰⁰⁴ Там же. С. 2

Византии. Оно начинало включать в себя и тюркско-мусульманское население, укоренившееся в Анатолии в пределах Сельджукского государства Малой Азии (Рума) и считавшее эту страну своей родиной, как об этом говорится в одной османской хронике: «*Страна Рум в прошлые времена была землей неверных, но ныне стала куполом ислама*». ¹⁰⁰⁵ Таким образом, «румийство» постепенно начинало выражать новую идентичность. Одним из первых свидетельств этого служит нисба знаменитого поэта-суфия XIII в. Джалал ад-Дина Руми. Во вводной части к «Тезкире» Лятифи красноречиво говорится, что эта глава посвящена поэтам, которые «*прибыли в Рум и стяжали себе славу как румийцы*» (*Ruma gelüb rumilikle şöhret bulan*). ¹⁰⁰⁶ Не случайно основоположником анатолийской турецкой литературы считается именно Джалал ад-Дин Руми. Мы видим, как постепенно среди тюркско-мусульманского населения Малой Азии начинает формироваться и утверждаться новая «румийская» идентичность.

Одновременно, с ростом военно-политической мощи и авторитета Сельджукского государства Малой Азии и в последующую эпоху «Рум» превращался в один из основных культурно-политических ареалов исламского мира наряду с Мавераннахром (Средней Азией), Аджамом (Ираном), Мисром (Египтом). К примеру, когда в XV столетии известный среднеазиатский астроном Али Кушчи вынужден был переехать в Стамбул ко двору Мехмеда Фатиха, его по приказу султана встречал весь цвет «ученых Рума» (*ülema-i Rum*), в том числе, знаменитый кадий Стамбула Мавлана Хаджезаде. Во время прогулки по Босфору на судне между ними состоялась беседа на религиозные и научные темы. На аудиенции при дворе османский султан полюбопытствовал у Али Кушчи: «*Как Вы находите Хаджезаде?*», на что тот ответил по-арабски: «*Нет ему равных в Аджаме и Руме*» (*La nazir fihi fi-l-Ajam wa-r-Rum*). Султан не преминул добавить: «*И в Арабе*» (*wa-l-‘Arab*), ¹⁰⁰⁷ т.е. в арабских странах, перечислив, тем самым, основные культурные регионы мусульманского мира, как объясняет автор этого повествования Мустафа Аали.

Уже в XIV столетии в арабо-персидских источниках слова «Рум» и «руми» относились не столько к ослабевшей к тому времени Византии, сколько в целом к Анатолии и ее тюркско-мусульманскому населению. Не случайно арабский путешественник Ибн Баттута объясняет происхождение названия «страны Рум» (*bilad Rum*) с именем проживавших здесь в былые времена «румийцев», т.е. ромеев-греков, однако при этом добавляет, что ныне это «страна тюрков». ¹⁰⁰⁸

¹⁰⁰⁵ Ruhi Çelebi. Tevarih-i Al-i Osman. JI. 7a

¹⁰⁰⁶ Tezkire-i Latifi. P. 32-33

¹⁰⁰⁷ Künhü'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 198

¹⁰⁰⁸ The Travels of İbn Battuta. P. 415

В то же время, в XIV – первой половине XV вв. эти термины еще не ассоциировались однозначно с османами и их владениями, но включали в себя и значительную часть территории других анатолийских эмиратов. К примеру, когда Азиз Астарабади писал, что он не мог далее вынести самодурства джелаиридского султана Ахмеда и все больше задумывался о тайном побеге в Рум,¹⁰⁰⁹ то он имел ввиду не Османский бейлик, а государство Кадия Бурхан ад-Дина, правителя Сиваса и Кайсери. В произведении Астарабади эмир Эретна, подчинивший своей власти в первой половине XIV в. обширные территории в центральной и восточной Анатолии, назван правителем, «*который обладал властью над страной Рум*».¹⁰¹⁰ Сам Бурхан ад-Дин Ахмед однажды якобы пошутил, что отныне не будет пропускать в Сирию черкесских рабов через свои владения, которые он называл «Рум» (*ez Rum be Sham*).¹⁰¹¹

Интересно, что описывая военную стычку, произошедшую в 1398 г. между Кадием Бурхан ад-Дином и главой конфедерации племен Ак-Коюнлу Кара Юлук Османом и закончившуюся, как известно, победой последнего, автор «Китаб-и Диярбакрийе» пишет, что воины «*Ак-Коюнлу не оставили в живых ни одного румийца, попавшего к ним в руки*».¹⁰¹² Из этого следует, что для туркман Ак-Коюнлу население государства Кадия Бурхан ад-Дина, располагавшегося к западу от их земель и ближе к границам Византии, ассоциировалось с «румийцами». Тот же автор в другом пассаже называет османов, столкнувшихся в Сивасе с воинами Ак-Коюнлу, «*воинством Рума*» (*leshker-i Rum*).¹⁰¹³ Здесь уместно отметить, что согласно Ибн Арабшаху, историку первой половины XV в., Сивас находился как раз на самой границе трех стран – Рума, Шама и Азербайджана.¹⁰¹⁴ Тимуридский историк Низам ад-Дин Шами в своем «Зафар-наме» также называет Сивас границей Рума.¹⁰¹⁵ Об этом же пишет Азиз Астарабади, который указывает, что Тимур стремился овладеть Сивасом, что позволило бы ему в дальнейшем захватить Египет, Сирию (Шам) и Рум.¹⁰¹⁶

Исходя из сказанного, можно констатировать, что в исследуемый период чем западнее в пределах бывшего культурно-политического ареала Византии проживал человек, тем больше ему придавалась «румийская» идентичность. Дуалистическое восприятие в рамках османской системы ценностей культурно-регионального устройства своего государства, а

¹⁰⁰⁹ Bazm u Razm. P. 18

¹⁰¹⁰ Там же. С. 86

¹⁰¹¹ Там же. С. 342

¹⁰¹² Abu Bakr-i Tihriani. Kitab-i Diyarbakriyya. (T. I). P. 45

¹⁰¹³ Там же

¹⁰¹⁴ Kitab aja'ib al-maqdur fi akhbari Timur. P. 173

¹⁰¹⁵ Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 219

¹⁰¹⁶ Bazm u Razm. P. 462-463

именно, деление его на Румелию («Рум эли», или «страна Рум», т.е. Балканы, составлявшие запад империи) и Анатолию (Малая Азия, или восток империи) вполне объяснимо в контексте вышесказанного тезиса. Несомненно, это деление носило не только географический характер, но и являлось продуктом довольно отчетливого осознания этнокультурной разницы, что, впрочем, временами заметно и в современной Турции.

Итак, для туркмен, которые под началом сельджукских султанов совершили массовое переселение с востока на запад в XI столетии, «Рум» начинался с границ Азербайджана с города Урмия¹⁰¹⁷ (или «Румия», как он звучит в аутентичных источниках), а город Карин являлся собственно территорией «Рума». Поэтому этот город назывался ими Эрзерум (Арз ар-Рум – земля Рума). Хотя в последующую эпоху, когда они являлись уже хозяевами Константинополя-Стамбула, «земля Рума» для них переместилась еще более на запад – Балканы или Румелию, как было отмечено выше.

К середине XV в. термины «Рум» и «руми» («румлу») приобрели более конкретное значение и все больше ассоциировались с Османской империей, особенно после завоевания ею Константинополя. В трудах османских авторов территория соседних анатолийских бейликов, включая даже Караманский эмират, который владел бывшей столицей Сельджукской империи Рума городом Конья, уже не всегда рассматривались как часть Рума. К примеру, Мустафа Аали пишет, что один из известных улемов середины XV в. Мавлана Закарийя ибн Айдогмуш был *«родом из Карамана... После обучения и совершенствования своих знаний у улемов Египта он приехал в Рум»*,¹⁰¹⁸ т.е. в Османское государство, разделяя, таким образом, Караман и Рум. Или же один из османских авторов XV в. следующим образом описывает события сельджукской эпохи: *«Неверные татары стали совершать набеги на области Туркестана. Некоторые из племени огузов, бейми которых были Кайы (т.е. предки османов – Ш.М.), прибыли и поселились в окрестностях Ахлата. Поскольку неверные (монголо-татары – Ш.М.) усилили свой натиск, они вынуждены были переселиться в области Рума»*.¹⁰¹⁹

С завоеванием Византии и эмиратов и присоединением их территорий Османская империя становилась, по сути, единственной наследницей Рума. Подчинение анатолийских земель империи придавала османам новую «румийскую» идентичность. Естественно, нельзя забывать, что это понятие было унаследовано османскими турками у Византии, и поэтому

¹⁰¹⁷ Топоним «Урмия» исторически имеет более древнее происхождение и не связан с названием Рум (см.: Enzeli H. Urmiye der gozar-e zaman. P. 79-84), но важно то, что в исследуемый период он воспринимался в мусульманской традиции, в том числе, со стороны туркмен именно в данном контексте, о чем свидетельствуют и источники.

¹⁰¹⁸ Künhü'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 217-218

¹⁰¹⁹ Ruhi Çelebi. Tevarih-i Al-i Osman. JI. 14b

византийская составляющая продолжала оставаться важной его частью. Не случайно в рамках созданной султаном Мехмедом Фатихом системы «миллетов» все православное население империи было объединено в «Румский миллет» (*Rum milleti*) во главе с Константинопольским патриархом. Вместе с тем, слово «руми» как синоним слова «осман» («османлы») приобрел уже право гражданства и был широко распространен, обозначая и тюркско-мусульманское население империи. Можно уверенно утверждать, что после завоевания Константинополя слова «Рум» и «руми» окончательно стали ассоциироваться с понятиями «османский» и «осман». Не случайно именно с этого времени к традиционным тюркско-мусульманским титулам султана Мехмеда Фатиха был добавлен и титул «кайсер-и Рум» (т.е. римский цезарь), символизирующий преемственность его власти от Византийских императоров. Принимая во внимание эти факторы, И.Ортайлы назвал Османскую империю «мусульманской Византией», а современных турок – «наследниками Римской империи»¹⁰²⁰. Это выражение, несмотря на свою дискуссионность, отражает, тем не менее, взгляд ряда современных турецких историков на проблему.

В трудах некоторых ученых затронут вопрос о причинах обретения термином «руми» значения новой этнополитической идентичности в османское время. С.Озбаран посвятил данной проблеме целую монографию. По его мнению, истоки этого явления следует искать, прежде всего, в особенностях ассимиляции, или тюркизации и исламизации части христианского населения Малой Азии. Автор пишет, что в XIII в., т.е. еще до образования Османского государства, количество местного христианского населения в Анатолии превышало число турков и мусульман здесь. Однако реестровые описи XV-XVI столетий свидетельствуют уже о значительном росте тюркско-мусульманского населения и существенном сокращении доли христиан. Резкому изменению этноконфессиональной структуры населения Малой Азии, по мнению автора, способствовали как продолжавшийся наплыв турков и их укоренение здесь, так и процессы деэтнизации и ассимиляции христиан. При этом С.Озбаран демонстрирует позицию, отличную от мнения С.Вриониса, который считает, что последовавшие за тюркским завоеванием Анатолии уничтожение византийской государственности, насилия по отношению к местным христианам привели к массовой тюркизации и исламизации последних и упадку византийского «эллинизма». С.Озбаран не отрицает процесс частичной ассимиляции христианского населения под тюркской властью в Малой Азии, однако это, по его мнению, лишь одна сторона вопроса. Вторая, более важная сторона – это постепенная гомогенизация населения Анатолии в результате происходивших этнополитических процессов. В османскую эпоху гомогени-

¹⁰²⁰ Özbaran S. Bir Osmanlı kimliği. P. 44

зация происходила под вывеской «румийской» идентичности. Принятие исламской религии и турецкого языка со стороны местного населения сопровождалось адаптацией не этнонима «тюрок» или «турок», а более близкого и знакомого им «руми». Таким образом, будучи первоначально географическим термином, слово «руми» начинало обозначать идентичность части османского населения.¹⁰²¹

В XVI столетии, когда в состав Османской империи кроме Малой Азии и Балкан вошли обширные территории на Ближнем Востоке и Северной Африке, данный термин стал ассоциироваться независимо от этнических корней со всем населением Румелии и Анатолии, т.е. собственно османских земель. Этот аспект нашел отражение, в частности, в произведениях Мустафы Аали, который особое внимание уделял этническим вопросам и был склонен связывать физические и моральные качества представителей различных народов с их этнической принадлежностью. Так, во время своего путешествия в Каир он следующим образом описывает внешние качества жителей Египта: египтяне, как правило, не отличаются привлекательностью; если среди них встречается красивый человек, то, несомненно, он является «румийцем» либо потомком «румийцев» в первом поколении; во втором и третьем поколениях потомки «румийцев» в Египте могут еще сохранить свою привлекательность, однако их дети уже теряют все свои физические достоинства и ничем не отличаются от отталкивающих арабов; если кто и скажет, что в их роду были «румийцы», то в это невозможно уже будет поверить.¹⁰²² Под «румийцами» в данном пассаже подразумеваются османы – выходцы из Румелии либо Анатолии.

Таким образом, в условиях полиэтничной Османской империи в качестве самоназвания основного этноса служило не слово «турок», а доставшееся в наследство от Византии слово «руми» (румиец), либо интерполированное от названия династии слово «османлы» (осман). Безусловно, «инициаторами» принятия и распространения этих этнонимов не могли быть крестьяне или кочевники Анатолии. Это было «делом рук» высших слоев общества и городского населения Малой Азии.

Чем восточнее отодвигались границы Османской империи в сторону Азербайджана и Ирана, тем ближе подходили они к «Аджаму» и тем больше сталкивались интересы Рума и Аджама, что в конечном итоге привело к противостоянию двух идентичностей – «румийской» и «аджамской».

Что же подразумевается под термином «Аджам» в мусульманских источниках той эпохи? Как известно, в период ранних арабских завоеваний и халифата под словом «аджам» арабы понимали представителей

¹⁰²¹ Там же. С. 56-57

¹⁰²² Andreas Tietze. Mustafa Ali's Description of Cairo. P. 113

всех иных народов, не арабов. В последующем это слово больше стало относиться к Ирану и ираноязычным народам. В этом отношении не случайно в арабо-мусульманской исторической традиции Месопотамия называлась «Ирак-и Араб» (Ирак арабский), в то время как собственно персидские области именовались «Ирак-и аджам» (Ирак Персидский).

В сельджукскую и монгольскую эпоху это слово приобретает еще несколько конкретных смысловых оттенков. Как географический термин он стал обозначать «центральные мусульманские земли». В политическом отношении слово «Аджам» стало ассоциироваться с ареалом, входившим в сферу влияния сначала Великой Сельджукской империи, а затем империи Ильханидов (хотя Анатолия, будучи вассалом монгольского государства, продолжала называться Румом). В качестве культурной дефиниции под этим словом подразумевались все регионы распространения персидской культуры. Поэтому мы видим, как в средние века некоторые соседние с Ираном страны, населенные не персами, также часто относились к «Аджаму». К примеру, историк Хасан Низами называл Ильтутмышу, отвоевавшего власть над северной Индией у афганской династии Гуридов, «тюркским султаном Аджама» (*soltan-e tork-e Ajam*).¹⁰²³ Азербайджан также часто относился к Аджаму. Так, османский историк Джелальзаде Мустафа, описывая географическое положение Трабзона, говорит, что одной стороной он граничит с «областью Азербайджан из страны Аджам».¹⁰²⁴ В данном контексте не вызывает удивления имя известного азербайджанского зодчего Аджами Нахчивани, воздвигшего в XII в. в г. Нахичеван мавзолей Мумины-хатун, супруги султана Шамс ад-Дина Ильдениза из тюркской династии атабеков Азербайджана.

Следует отметить, что в средневековой мусульманской, в первую очередь, персоязычной историографии и исторической мысли широкое признание нашла теория «единой и непрерывной» иранской государственности. Иными словами, в трудах сторонников этой теории целенаправленно утверждался тезис о существовании начиная с древних времен единой линии государственности Ирана (или Персии) независимо от этнических и религиозных корней династий, которые правили в этой стране. Упорно отстаивалось мнение о том, что некая линия правления, которая началась в глубокой древности с мифической династии Пишдадидов и Каянидов, передаваясь через Ахеменидов и Сасанидов, нашла свое воплощение уже в средние века, т.е. в эпоху ислама, в лице правителей из династий Саманидов, Сельджукидов, Ильханидов, Джелаиридов, Тимуридов, Каракоюнлу, Аккоюнлу и Сефевидов. Тем самым, длинная вереница правителей, будь то легендарный Каюмарс или Джамшид, Кей-Хосров или

¹⁰²³ Ahmad A. The early Turkish nucleus in India. P. 100

¹⁰²⁴ Celal-zade Mustafa. Selim-name. P. 47

Дарий, Нушираван или Шапур, а также Малик-шах, Газан-хан, Шейх Увейс, Джахан-шах, Узун Хасан или Шах Исмаил – все они воспринимались как звенья некой общей цепи иранской государственности. Несмотря на принадлежность всех этих государей к абсолютно разным этноконфессиональным корням, общей и объединяющей их чертой было то, что они являлись т.н. «иранскими шахами», либо, согласно средневековой лексикону персоязычной историографии – «шахами Аджама». Таким образом, объявляя «шахами Аджама» всех тюркских и монгольских государей, которые в течение столетий правили в «центральных мусульманских землях», средневековые историки вольно или невольно «растворяли» историю тюркско-монгольских государств Ближнего Востока в общем «котле» иранской (персидской) государственности.

Примеров этому в средневековой персоязычной литературе немало. Так, предок известной династии Газневидов Себук Текин, несмотря на свое происхождение от тюрков-шаманистов, был провозглашен потомком все тех же «древнеперсидских царей», точнее, последнего сасанидского шаха Йездигерда.¹⁰²⁵ Или один из персидских поэтов сельджульской эпохи Абулвасе Джебели воспевал оду тюркскому эмиру Тогрул Текину, назначенному наместником Хорезма с титулом «хорезмшах», называя его «богатырем владений Ирана» (*pehlivan-e molk-e İran*).¹⁰²⁶ Знаменитый везир Ильханидов Рашид ад-Дин шел еще дальше, когда в своем письме, адресованном знати Кайсери в Анатолии, апеллировал к монгольскому правителю Газан-хану не иначе как «правителю Ирана и наследнику Каянидских шахов».¹⁰²⁷ Хотя в своем фундаментальном творении по всеобщей истории «Джами ат-таварих» (Собрание летописей) он превозносил роль тюрков и монголов в мировой истории и особо подчеркивал чуть ли не мессианскую роль династии Чингизидов. Как верно подметила А.И.Фалина, в «Переписке» Рашид ад-Дина «значительно более четко и откровенно, чем в «Сборнике летописей», выступают политические взгляды автора. Прежде всего, бросается в глаза совершенно определенное стремление рассматривать государство Ильханидов как иранское. Не только собственно территорию улуса Хулагуидов, но и многие прилежащие земли Рашид ад-Дин именует *мемлекет-и Иран*».¹⁰²⁸ Надо полагать, было довольно затруднительно, если не смертельно опасно, пытаться внушить мысль о «персидской генеалогии» Газан-хану и его преемнику Олджайту-хану, которые ощущали гордость за свою принадлежность к «золотой династии» чингизидов. Но зато можно было откровенно декларировать это в

¹⁰²⁵ Сиасет-намэ. С. 327; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 322

¹⁰²⁶ Köprülü M.F. Osmanlı İmparatorluğu'nun etnik menşei meseleleri. P. 264

¹⁰²⁷ Рашид ад-дин. Переписка. С. 194

¹⁰²⁸ Там же. С. 42

письме, обращенном к знати Кайсери в Анатолии, которых сам автор называл «кесарийскими таджиками».

Ч.Мелвилл рассматривает вопрос о причинах всплеска интереса в монгольский период к эпической поэме Фирдовси «Шахнаме», посвященной древней и мифологической истории Персии, подчеркивает роль пропаганды этого произведения в «персизации» монгольской династии, особую роль в этом процессе и обращении Газан-хана в ислам в 1295 г. братьев Джувейни – известного историка и чиновника Ата Малика Ала ад-Дина и Шамс ад-Дина Мухаммеда, занимавшего пост «министра финансов» в правление Ильханов Хулагу и Абака. Автор отмечает, что это выразилось в особой опеке братьев над местными учеными и историками, осуществлении такой затеи как широкое строительство в районе развалин зороастрийского храма сасанидского периода под названием Тахт-и Сулейман, которое, вероятно, началось еще в последние годы правления Хулагу, и особо указывает на широкое использование сюжетов из «Шахнаме» Ала ад-Дином Джувейни в своем известном историческом труде, завершенном в 1260 г. и посвященном истории монголов. Джувейни использовал эти сюжеты для «утверждения иранской идентичности перед лицом монгольской угрозы». Его преемник, Фазлуллах Рашид ад-Дин, хотя и не приводит прямых ссылок на поэму Фирдовси в разделах своей всеобщей истории, касающейся древнеперсидских царей, тем не менее, также особо подчеркивает тезис о непрерывности иранской государственности и приводит множество примеров философии «справедливого управления» и поддержки городской жизни.¹⁰²⁹

Зато ученик Рашид ад-Дина Хамдаллах Казвини в своем известном произведении «Услада сердец» («Нузхат ал-кулуб») особо подчеркивает «персидский» характер Ирана при описании провинции Фарс (древней Парсы). Ссылаясь на авторитет сочинения автора сельджукской эпохи Ибн ал-Балхи «Фарс-наме», Хамдаллах Казвини пишет, что страна Фарс является метрополией падишахов Ирана, и когда последние владели всем Ираном, их называли «царями Персии» (*moluk-e Fars*).¹⁰³⁰ Действительно, труд Ибн ал-Балхи, написанный в начале XII в. и посвященный истории и географии провинции Фарс, пронизан духом «Шах-наме» Фирдовси, является апологией доисламской древнеперсидской истории, начинавшейся с мифологических династий Пишдадидов и Каянидов, с описанием последующей линии персидской государственности в лице Ахеменидов и Сасанидов. Автор превозносит свободолюбие жителей Фарса (*ahrar al-Fars* или *azadegan-e Pars*) и особо отмечает их высокий статус среди всего неарабского населения (Аджам), говоря, что пророк Мухаммед выделил

¹⁰²⁹ Melville Ch. Rashid al-Din and Shahname. P. 202, 214

¹⁰³⁰ Nuzhat al-Qulub. P. 169

среди арабов Курейшитов, а среди неарабов – персов (*parsiyan*), которые были названы «курейшитами Аджама».¹⁰³¹

Уже в постильханидский период для джелаиридского султана Шейха Увейса была сочинена поэма «Газан-наме» на персидском языке, посвященная жизни и обращению в ислам монгольского правителя Газан-хана. По мнению того же Ч.Мелвилла, автор Хадже Нур ад-Дин ал-Ажда-ри задумал это произведение как продолжение «Шах-наме» Фирдовси и сознательно представлял монгольское правление как некий очередной цикл истории персидской государственности.¹⁰³²

Таким образом, средневековые персидские историки стремились отстаивать идею о продолжении «единой иранской государственности» в эпоху, когда политическая власть на Ближнем Востоке была однозначно сосредоточена в руках тюркских и монгольских династий. Надо сказать, что в значительной степени им удалось осуществить это намерение. Безусловно, эти авторы вдохновлялись идеями своих предшественников – представителей идеологического течения шуубиййа, которая сыграла немало важную роль в возрождении «персидского духа» после установления Арабского халифата. К примеру, автор «Арз-наме» Джалал ад-Дин Даввани без тени сомнения связывал родословную Султана Халила, сына Узун Хасана Ак-Коюнлу и потомка огузо-туркманской династии Баяндур, с мифическим персидским царем Джамшидом.¹⁰³³ Чтобы усилить свою мысль, он даже говорил о взлете «знамени Каянидов» (*derafsh-e Kayani*).¹⁰³⁴

В эпоху Сефевидов, особенно во времена шаха Аббаса I эта идея уже прочно укоренилась в общественном мнении. Достаточно упомянуть историю представителя азербайджанской кызылбашской знати из тюркского рода Баят Орудж-бея, который в Европе прославился под именем Дон Жуана Персидского. Оказавшись в составе сефевидского посольства в Испанию и приняв там католическую веру, Орудж-бей написал свою знаменитую книгу, в которой знакомил европейцев с историей своей страны. Надо сказать, что исторические взгляды автора, изложение событий и его комментарии в ней полностью выдержаны в соответствии с вышеуказанной концепцией «единой и непрерывной персидской государственности». Орудж-бей даже грозного среднеазиатского завоевателя Тимура, выходца из тюркско-монгольского рода Барлас, преподносил как персидского царя и писал о нем: «*Нам кажется, что мы можем рассматривать Тамерлана как одного из царей Персии*».¹⁰³⁵

¹⁰³¹ Ibn Balkhi. Farsnama. P. 4

¹⁰³² Melville Ch. History and Myth: the Persianization of Ghazan Khan. P. 142

¹⁰³³ Minorsky V. A Civil and Military Review in Fars. P. 149

¹⁰³⁴ Там же. С. 161

¹⁰³⁵ Книга Орудж-бека Байата. С. 59

Не удивительно, что данная концепция оказала осязаемое влияние и на османскую историографию. Основную причину этого следует усматривать в том, что центральное место в средневековой исторической мысли как Европы, так и Востока занимала идея об «универсальной (вселенской) империи». На Западе эта идея получала вдохновение от обращения к опыту античной Римской империи, так что Карл Великий стремился к объединению Западной Европы под знаменем христианства и под именем «Священной Римской империи». Точно так же, на Дальнем Востоке все правившие в Китае династии, независимо от их этнического происхождения, следовали модели «Поднебесной империи». Именно поэтому все императорские династии, будь они монгольского, маньчжурского или иного происхождения воспринимались как звенья «единой и непрерывной китайской государственности».

На Ближнем Востоке в качестве модели универсальной империи служила идея древнеиранской (персидской) государственности или империи. В средние века благодаря творчеству представителей культурно-интеллектуального течения шуубийя и их последователей – Фирдовси, Низам ал-мулька, Рашид ад-Дина и других литераторов и историков – древнеперсидская история мифологизировалась и приобрела в определенной мере даже сакральный характер, ибо образы ее глубоко проникли в средневековую общемусульманскую культурную традицию и укоренились в ней. Достаточно сказать, что поэма Фирдовси «Шах-наме», в которой древнеперсидская история представляется в виде героического эпоса, была одной из самых читаемых книг при дворах тюркских и монгольских правителей на Ближнем Востоке.¹⁰³⁶ Поэтому не удивительно, что последние не могли не поддаться очарованию этих образов, через которые и начинали воспринимать собственную историю.

В то же время, одной из интересных проблем остается вопрос о том, каким же образом тюркские правители могли подвергнуться влиянию изложенной в «Шах-наме» персоцентристской исторической концепции, в основе которой лежало вековое противостояние Ирана и Турана, в то время как они сами в большинстве случаев ассоциировали себя и свое происхождение не с первым, а вторым. Означенная проблема требует глубокого изучения. В данном случае ограничимся констатацией факта, что включение в лексикон мусульманских авторов термина «Аджам» как историко-географического и культурно-политического термина, видимо, сыграло в этом немаловажную роль. Дело в том, что слово «Аджам» носило менее выраженную этнокультурную смысловую нагрузку по сравнению со словами «Персия», «перс» либо Иран, и имело более нейтральный

¹⁰³⁶ К примеру, тимуридский правитель Бабур говорит о своем отце Омар Шейх Мирзе, что тот «был хорошо грамотен и читал обе «Пятерицы», книги месневи и летописи; чаще всего он читал Шах-наме» (Бабур-наме. С. 17)

характер. Поэтому титул «шах Аджама», как часто в средневековых персоязычных и тюркоязычных источниках именовались правители «центральных мусульманских земель», внешне не подразумевал их принадлежности к персидским этническим корням, а указывал лишь на то, что они являлись государями конкретного политико-географического региона. В этом контексте не вызывало возражений, например, когда Газанхан, монгольский правитель Ильханидской империи, принадлежавший к «золотой династии» Чингиз-хана, именовался «шахом Аджама», в частности, в произведении его везира и официального историка Рашид ад-Дина.

Важно отметить, что данная концепция по сегодняшний день оказывает влияние и на западную медиевистику. Как правило, в западном историческом востоковедении, а иногда и в трудах ряда турецких авторов тюркско-монгольские династии, создавшие в средние века государства и правившие в «центральных мусульманских землях» или «Аджаме», представляются как «иранские». Таким образом, упускается из виду принципиальная разница между древнеперсидскими шаханшахами из династий Ахеменидов или Сасанидов и тюркско-монгольскими династиями. Тем самым, гласно или негласно поддерживается идея о якобы существовавшей «единой и непрерывной» линии иранской (персидской) государственности.

Вместе с тем, очевидно, что в древней и средневековой истории Ирана, как, впрочем, и других стран, не наблюдалась устойчивая преемственность единой государственной, религиозной, культурной и лингвистической традиции. Наоборот, многочисленные миграции различных этносов на территорию современного Ирана на протяжении тысячелетий вызывали здесь коренные этнокультурные и социально-политические трансформации. Персов, считающихся титульной нацией современного Ирана, с древним населением этой территории большей частью объединяет лишь этноним, ибо с тех пор религия, культура, и даже язык здесь претерпели фундаментальные изменения (вместо зороастризма пришел ислам, вместо пехлевийского языка — язык дари или фарси, и т.д.). И, несомненно, в происхождении этих изменений основную роль сыграли несколько исторических факторов, среди которых можно назвать арабо-мусульманское и позже тюркско-монгольские завоевания Ирана.

Учитывая вышесказанное, абсолютно неверно оценивать государства, созданные тюркско-монгольскими династиями и охватывавшими, в том числе, территорию Ирана, но большей частью с центром в Азербайджане, как органические звенья единой цепи иранской государственности. Как неверно было бы рассматривать гуннское государство Аттилы или государство Лангобардов как итальянские государства под тем предлогом, что они охватывали часть территории раннесредневековой Италии, в той же степени исторически некорректно представлять Ильханидскую империю или государство Ак-Коюнлу как иранские государства.

Как было указано выше, эта концепция иранской государственности оказала существенное влияние и на османскую историческую мысль. В османской историографии территория восточнее Анатолии и до Мавераннах-ра назывались «страна Аджам» (*metalik-i Acem*) либо «Аджамский край» (*Acem diyarı*). Так, в произведении Сейфи Челеби говорится: «Границы области Аджам простираются от Джейхуна (Аму-дарья – Ш.М.) до Евфрата».¹⁰³⁷ Правители же этих земель независимо от их этнической принадлежности считались «шахами Аджам». К примеру, Ашикпашазаде называет Великих Сельджукских султанов, которые послали предка османов Сулейман-шаха на завоевание страны Рум, «падишахами Аджам».¹⁰³⁸

Пока не сталкивались военно-политические интересы Османской империи и тех тюркских государств, которые существовали на территории Азербайджана и Ирана, термин «Аджам» не представлял для них особой опасности и воспринимался без особой тревоги. Так продолжалось примерно до второй половины XV столетия, когда в Анатолии началось жесткое военно-политическое противостояние между османами и туркманами Ак-Коюнлу. С этого периода слово «Аджам» начинает получать в лексиконе османских авторов все более негативное звучание. Именно с этого времени Османская империя вступает в полосу длительного соперничества и вражды с «Аджамом», согласно терминологии османских авторов, а именно с государством Ак-Коюнлу, а после – Сефевидской державой. Как известно, вражда эта, длившаяся более двухсот лет, сопровождалась кровопролитными и опустошительными для обеих сторон войнами, и в османской литературе получила идеологическое отражение в виде противостояния «Рум-Аджам». Не случайно в поэме «Салатин-наме» («Книга султанов») османского автора Кемаля султан Мехмед Фатих, одержавший победу в войне над правителем Ак-Коюнлу Узун Хасаном, назван «*шах Рума и покоритель Аджамы*» (*şah-i Rum ve cihangir-i Acem*).¹⁰³⁹

На самом деле, эти новые идеологические термины отражали реалии того военно-политического и этнокультурного противостояния между западным и восточным полюсами внутри тюркской среды Анатолии и Азербайджана, которое началось еще во второй половине XIV в. Очевидно, что со второй половины XV в. это противостояние продолжалось в идеологическом контексте дилеммы «Рум-Аджам». Старый конфликт конца XIV в. между Баязидом I и Кадием Бурхан ад-Дином Ахмедом во второй половине XV в. нашел свое продолжение в соперничестве между Мехмедом Фатихом и Узун Хасаном. Однако на этот раз это противостоя-

¹⁰³⁷ L'Ouvrage de Seyfi Çelebi. P. 136. Как отмечал В.В.Бартольд, с X в. Аму-дарья считалась естественной политической и этнографической границей между Ираном и Тураном (см. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 114)

¹⁰³⁸ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 92

¹⁰³⁹ XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name. P. 181

ние вышло за пределы Анатолии, охватив и территорию Азербайджана и Ирана. Соответственно, значительно расширились его идеологические рамки и терминология, которые стали теперь определяться и озвучиваться в контексте мировой истории. В этом плане примечательна оценка, данная османским историком Ибн Кемалем противостоянию Мехмеда Фатиха с Узун Хасаном 1473 г., которое представляется как типологическая аналогия войны древней Персии и Греции. Ибн Кемаль называет османского султана «римским кесарем», подобным Александру Великому, в то время, как правитель Ак-Коюнлу предстает в этой войне в качестве «персидского кисры», потомка ахеменидского царя Дария.¹⁰⁴⁰

Возникает вопрос – неужели Ибн Кемаль не знал о тюркско-огузском происхождении обеих династий и их представителей? Конечно же, знал, чему есть множество свидетельств в его произведении. Однако изображение войны османов и Ак-Коюнлу в контексте древнего греко-персидского противостояния, так широко описанного в средневековой персоязычной литературе, говорит не только о близком знакомстве автора с этой литературой, но и том влиянии, которую концепция «единой и непрерывной» линии иранской государственности оказывала на османскую историческую мысль. Тот факт, что в ряде аутентичных османских источников, включая произведение Ибн Кемалья, туркманский правитель Узун Хасан Ак-Коюнлу назван «шахом Ирана» (*Şah-i İran*), «султаном Ирана» (*Sultan-i İran*) либо «хосровом Ирана» (*Hüsrev-i İran*), также является показателем этого идеологического влияния.

Однако следует добавить, что уже в середине XVII в. другой османский автор Эвлия Челеби демонстрирует в этом вопросе абсолютно иную позицию. Совершивший неоднократные длительные путешествия в Сефевидское государство, а потому близко знакомый с положением Азербайджана и Ирана османский географ и историк рассматривает существовавшие в XIV-XV вв. государства Джелаиридов, Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу в контексте азербайджанской государственности, а их правителей называет не иначе как «шахами Азербайджана» (или «азербайджанскими шахами» – *Azerbaycan şahları*). Так, описывая Бидлис в Восточной Анатолии, он пишет, что этим городом «большой частью владели правители Азербайджана Кара-Коюнлу Юсуф Джелали(?), Ак-Коюнлу Узун Хасан».¹⁰⁴¹ О крепости Чорс в Нахичеване говорится, что, она была построена «правителем Азербайджана Узун Хасаном».¹⁰⁴² Об Ахлате Эвлия Челеби сообщает, что город был благоустроен «со стороны одного из азербайджанских шахов султана Джелаура».¹⁰⁴³ Путая исторические факты и хроно-

¹⁰⁴⁰ İbn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 316

¹⁰⁴¹ Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild IV. P. 87

¹⁰⁴² Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild II. P. 278

¹⁰⁴³ Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild IV. P. 135

логию, автор пишет о крепости Ван, что им владел «один из шахов Азербайджана Кара Юсуф Кара-Коюнлу», который бежал от Тимура и нашел убежище у османского султана Йылдырыма Баязида, и якобы после этого Ван вместе с Ахлатом и всем Азербайджаном был передан Тимуром «другому из шахов Азербайджана Ак-Коюнлу Узун Хасану Баяндури».¹⁰⁴⁴ В «Книге путешествий» встречается также фраза о том, что небольшой крепостью в Восточной Анатолии Хазо владел «правитель Азербайджана Узун Хасан».¹⁰⁴⁵ При описании мечетей Тебриза он также сообщает, что одна из центральных мечетей города называлась «мечеть султана Хасана» и была построена «правителем Азербайджана» Узун Хасаном и т.д.¹⁰⁴⁶

Следует постараться прояснить причину того, почему Эвлия Челеби, в отличие от большинства османских авторов XV-XVI столетий, считает нужным в своем произведении особо акцентировать внимание на «азербайджанских шахах». Конечно же, этот вопрос требует глубокого изучения. Как нам кажется, коренные изменения и внутренняя трансформация, произошедшие в Сефевидском государстве после реформ шахе Аббасе I, не могли пройти мимо внимания наблюдательного османского автора. Одним из серьезных последствий этих реформ была постепенная «ирианизация» (или «персизация») государства Сефевидов, что проявилось, в частности, в резком снижении влияния тюркской кызылбашской знати, возвышении роли персидского элемента, переводе столицы страны вглубь Ирана, в персидскую область Исфахан, и т.д. Эвлия Челеби, хорошо знавший историю тюркских народов, что также не было, в целом, характерно для османской историографии, не мог не заметить фундаментальной разницы между характером государства при Джелаиридах, Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу, и даже ранних Сефевидов, и его состоянием после реформ шаха Аббаса. Возможно, именно это могло побудить его особо подчеркивать в своем труде «азербайджанский» (тюркский) характер вышеперечисленных государств XIV-XV вв.

Естественно, данная гипотеза нуждается в более детальном изучении. Тем не менее, следует добавить, что идея «азербайджанской государственности» именно в постмонгольский период (эпоха Джелаиридов, Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу) порой прослеживается и в произведениях других османских и сефевидских историков XV-XVI вв. К примеру, в труде того же Ибн Кемалья, который не раз именует Узун Хасана «шахом Аджама» либо «хосровом Ирана», встречаются и пассажи когда правитель Ак-Коюнлу назван «ханом Азербайджана» (*Han-i Azerbaycan*).¹⁰⁴⁷ Или же в произведении

¹⁰⁴⁴ Там же. С. 162

¹⁰⁴⁵ Там же. С. 78

¹⁰⁴⁶ Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild II. P. 249

¹⁰⁴⁷ В одном двустии Ибн Кемаль говорит об Узун Хасане:

Земля под ним горела, и не мог усидеть

На своем троне хан Азербайджана (İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 542)

сефевидского автора Хасан-бея Румлу читаем, что Мирза Музаффар ад-Дин Джахан-шах Туркман (Джахан-шах Кара-Коюнлу) был «властелином (*shehriyar*) Азербайджана».¹⁰⁴⁸ При этом, контекст выражений показывает, что под Азербайджаном в этих фразах подразумевается не одна из областей страны, пусть и центральная, а все государство в целом.

Как было указано выше, именно после возникновения конфликта с государством Ак-Коюнлу в османской историографии «Аджам» начинает восприниматься в негативном свете. Один из первых примеров этому можно обнаружить в произведении Абул-Хайра Руми «Салтук-наме», созданном спустя всего несколько лет после войны Османской империи с государством Ак-Коюнлу в 1473 г. Автор высказывается об Аджаме как источнике опасности и смуты.¹⁰⁴⁹ Или, как было указано выше, в ранних османских хрониках «аджамы», т.е. выходцы из Азербайджана и Ирана, наряду с караманцами обвинялись в «порче нравов» и прочих «грехах» при првалении Баязида I. Как сетует автор анонимной османской хроники «Таварих-и Ал-и Осман», *«Как только у османских беев появились советчики из аджамов и караманцев, они вверглись в различные греховные дела»*.¹⁰⁵⁰ Ашикпашазаде же пишет, что *«причиной греховных дел, которые стали исходить от дома Османа (при султанах Баязидах I – III.М.) стал Али-паша (великий везир – III.М.), ибо к нему зачастую коварные книжники из Аджама (*hiyle eder Acem danişmendleri*)»*.¹⁰⁵¹

Соперничество Османской империи с государством Ак-Коюнлу, а затем с Сефевидской державой проявлялось не только в военно-политической сфере, но и в культуре. В периоды острого противостояния между Румом над Аджамом у османских авторов явно проявлялось стремление доказать превосходство первого над вторым во всех областях – в военной силе, экономических возможностях, обширности территории, плодородии земель, красоте природы, культурном уровне и даже в утонченности поэзии, чем, как известно, издревле славился Аджам. Примеров этому немало в произведениях многих османских авторов, начиная от Ашикпашазаде и Нешри до Таликизаде и Эвлии Челеби. Один из ярких образцов подобного самовосхваления мы находим у Мустафы Аали. Сравнивая культуру Рума и Аджама, автор уверенно отдает дань первенства Руму и пишет, что хотя *«Аджам и славится тонким поэтическим стилем, однако многие из них (поэтов Аджама – III.М.) являются вероотступниками»*, и что в нынешнее время по уровню и количеству людей тонкого вкуса и поэтов *«Рум во сто крат превосходит Аджам, а кто сомневается в этом, тот пес»*. Мустафа Аали признает, что *«в былые времена благородные*

¹⁰⁴⁸ Ahsan at-tavarikh. P. 470

¹⁰⁴⁹ Ebü'l-Hayr-ı Rumi. Saltuk-name. P. 61, 220

¹⁰⁵⁰ Anonim Osmanlı Kroniği. P. 38

¹⁰⁵¹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 139

люди Аджама стяжали себе славу своей добродетелью, однако ныне они утратили былую силу и они уступают румийцам».¹⁰⁵²

Таким образом, в конце XVI в., т.е. в период наиболее острого противостояния османов и сефевидов, некоторые османские авторы не только не признавали превосходства Аджама в области литературы, но временами позволяли себе некоторую иронию над «аджамским стилем» в поэзии. Примечательно, что такое отношение демонстрировалось иногда и в отношении тех известных азербайджанских поэтов, которые писали на тюркском языке. К примеру, Мустафа Аали во вступительной части «Кюнх ал-ахбар» сурово критикует Логмана Нутки, выходца из Азербайджана, назначенного в Стамбуле на высокую должность официального придворного поэта «шахнамеджи», в уничижительной форме обвиняет его в том, что якобы этот «безродный мужлан в своем невежестве превосходил всех аджамов».¹⁰⁵³ О другом придворном панегиристе султана Сулеймана Кануни Афлатуне Ширвани, прибывшем в Стамбул в свите мятежного сефевидского принца Алкаса в 1548 г., тот же Мустафа Аали также отзывается нелестно, называя этого «ширванца и аджамского туркмана» «сквернословом и длинноязыким».¹⁰⁵⁴ Даже в адрес Хабиби, известного азербайджанского поэта XV – начала XVI вв., высоко чтимого в османской литературной среде, раздается критика из-за его «аджамского стиля». Так, Кыналызаде в своей известной антологии «Тезкире-и шуара» писал, что Хабиби «прибыл в Рум из Аджамского края во времена султана Баязида (II – Ш.М.)... Хотя стиль у него и аджамский, однако стихи его лиричны, и обладает он уникальной и неповторимой поэтической манерой».¹⁰⁵⁵ Тот же автор, характеризуя творчество другого азербайджанского поэта XVI в. Ахди Багдади, не без доли иронии сообщал, что большинство жителей Аджама были мало сведущи в сочинении стихов на тюркском языке, а поэт Ахди являлся счастливым исключением, ибо часто принимал участие в поэтических вечерах в Стамбуле и потому писал «румийским» (*rumiyanе*) стилем.¹⁰⁵⁶

Враждебность к Аджаму, которая к концу XVI в. достигла апогея, проникла во все слои османского общества. Кызылбашство, считавшееся в этот период злейшим врагом империи как внутри, так и вовне, ассоциировалось именно со «страной Аджам». Поэтому все, что было связано с Аджамом, вызывало в османском обществе, особенно в среде элиты, резкую неприязнь и раздражение. Начавшаяся в 1578 г. новая осmano-сефевидская война еще более подстегнула враждебные чувства. Как известно, на первом

¹⁰⁵² Gelibolulu Mustafa Ali ve Meva'idü'n-Nefais fi-Kavaidi'l-Mecalis. P. 343

¹⁰⁵³ Mustafa Ali's Kühnü'l-Ahbar. P. 38

¹⁰⁵⁴ Kühnü'l Ahbar'ın Tezkire kısmı. P. 194

¹⁰⁵⁵ Kınalızade Hasan Çelebi. Tezkiretü'ş-şuara. Cilt 1. P. 279

¹⁰⁵⁶ Kınalızade Hasan Çelebi. Tezkiretü'ş-şuara. Cilt 2. P. 704-705

этапе судьба благоволила османам, они добились серьезных успехов и смогли завоевать на востоке обширные земли. Территория Азербайджана от Дербента на севере и Хамадана на юге была включена в состав империи. Поэт Рухи Багдади посвятил оду великому везиру и главнокомандующему османской армией Коджа Синан-паше и восхвалял его в своей оде:

*Он тот, кто завоевал страну Аджам силой меча,
Он тот, кто не оставил следа от кызылбашей.*¹⁰⁵⁷

Вместе с тем, формируя собственную систему управления на завоеванных землях, османские власти были вынуждены интегрировать в нее и тех представителей местной знати, которые демонстрировали лояльность к новой власти и готовы были сотрудничать с ней. В этот период значительное число выходцев из Азербайджана было представлено как в местных органах управления, так и добилось высоких постов в центре и различных провинциях империи. Однако проникновение людей «аджамского» (здесь, азербайджанско-тюркского) происхождения в османскую элиту стало причиной серьезной обеспокоенности и даже недовольства со стороны последних. Вызванная этим проблема «восточных областей», или «эджнеби» (иностранцев, чужаков), как она иначе называлась, стала одной из самых горячо дискутируемых вопросов в высших кругах Стамбула. В источниках имеется немало сведений, свидетельствующих об остроте проблемы. По сообщению Мустафы Аали, в это время стали грубо нарушаться установившиеся принципы продвижения по службе внутри османской властной системы, когда выходцам из «аджеми оджагы» (системы девширме) стали предпочитаться выходцы из Аджама (здесь автор обыгрывает слова «аджеми» и «аджам»), и «эджнеби» стали достигать постов и позиций, которые по праву принадлежали собственно османам.¹⁰⁵⁸

В годы правления султана Мехмеда III (1596-1598) эта проблема приобрела особый накал. Назначение на высокий пост губернатора Египта выходца из Аджама Шарифа Мухаммед-паши, как было указано выше, вызвало бурю негодования у высших османских сановников, которые большей частью рекрутировались из системы девширме или ренегатов. Завоеванный еще в начале XVI в. султаном Селимом I Египет считался стратегически важным регионом империи, который обеспечивал Стамбул и Анатолию зерном и другими продуктами. Назначение на столь ответственный пост «лица аджамского происхождения» (*Acem şahısı*) османская элита считала чрезвычайно опасным для безопасности государства и воспринимала как личное оскорбление для себя. Их возмущенные чувства красноречиво выразил в остропротестном по своему содержанию стихо-

¹⁰⁵⁷ Musabəyli A. Ruhi Bağdadi. P. 807

¹⁰⁵⁸ Fleischer C.H. Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire. P. 154

творении один из представителей высших улемов («румских мевализаде») Мавлана Фахми. В обращении к султану он писал, что тот назначил правителем Египта, считающегося «матерью мира», некоего «аджама», который утверждал, что он якобы происходил из рода пророка (сейид, или шариф), но тайным умыслом которого было вызвать смуту и привлечь к себе сердца египтян, а затем оторвать Египет от империи; после этого он перестанет поставлять в Стамбул сахар и лен, а вскоре и Йемен с Хабешом выйдут из под контроля османской власти. Мавлана Фахми напоминал султану о том, сколько его предки пролили крови, чтобы завладеть Египетом, и сколько вложили труда, чтобы благоустроить его. И далее автор увещевал султана предпринять срочные меры, пока не поздно, ибо, если Египет уйдет из-под власти Османской империи, это будет равнозначно разрушению мира.¹⁰⁵⁹

Столь нервная реакция высшей османской бюрократии и военных чинов на карьерный рост «лица аджамского происхождения» говорит об уровне враждебности и неприятия в османском обществе в отношении «Аджама». Что важно, в этот период негативное отношение было характерно не только для представителей элиты, но глубоко проникло и в низшие слои, в среду обычных людей, что подтверждают образцы фольклора и народной литературы. К примеру, известный в Анатолии народный поэт (ашуг или озан) XVI в. с псевдонимом Кёроглу, который посвятил стихотворение знаменитому османскому полководцу, герою войны с кызылбашами в 1578-1595 гг., и губернатору Ширвана Оздемироглу Осман-паше, говорит в одном из четверостиший буквально следующее:

*Дошли мы от страны Ширван до Тебриза,
Порубили мы столько голов, запачкались кровью,
Увидели мы страну Аджам и всю ее обошли,
Страна досталась хуняру (султану – Ш.М.), а нам – эта прогулка.*¹⁰⁶⁰

Это стихотворение оживляет в памяти кровавые картины османо-селевкийской войны, буквально опустошившей земли Азербайджана (здесь – «страны Аджам»), и демонстрирует ее восприятие в народном сознании османских турок.

Множество примеров народно-фольклорного осмысления противостояния «Рум-Аджам» в этот период дается и в известном эпосе «Кёроглу». В частности, одна из героинь эпоса Телли-ханум обращается к богатырю Демирчиоглу с мольбой:

*Войско османское идет как стая волков,
Уходи, сын Аджама, не оставайся здесь.*

¹⁰⁵⁹ Andreas Tietze. Mustafa Ali's Description of Cairo. P 166-167

¹⁰⁶⁰ Köprülü M.F. Türk saz şairleri. P. 51

Интересен стихотворный пассаж на азербайджанском тюркском языке в одном из средневековых рукописных альманахов («джунк»), найденных еще в 40-ые гг. XX в. на территории Южного Азербайджана (Иран), и опубликованного со стороны известного литературоведа Г.Мамедли. Стихотворение называется «Тесниф-и Гюльшад», и как пишет издатель, написано от имени азербайджанской девушки, уведенной в плен в Стамбул («Костантине» в стихотворении) османами во время очередной османо-сефевидской войны. Примечательно, что каждая строфа заканчивается строкой – «Да будет приветствие от нас стране Аджам» (*Bizden selam olsun Asem eline*). К примеру, в стихотворении есть такая трогательная строфа:

*Вот прибыл караван с пленниками,
И я взываю к господу всевышнему.
Стар и млад в Аджаме оделись в черное.
Да будет приветствие от нас стране Аджам.*¹⁰⁶¹

Таким образом, как было отмечено выше, противостояние между двумя политическими полюсами внутри тюркской среды Малой Азии, которое началось в конце XIV в., после возникновения военно-политического соперничества между Османской империей и государством Ак-Коюнлу во второй половины XV столетия, стало приобретать новые очертания и получило постепенно характер конфликта в рамках дилеммы «Рум-Аджам».

Противостояние между Османской империей и государством Ак-Коюнлу через призму этнокультурного конфликта

Конфликт между Османской империей и государством Ак-Коюнлу был исторически многогранным явлением. Наряду с военно-политическим измерением он имел также социальный и этнокультурный контекст. Не случайно в общественном сознании той эпохи соперничество между этими двумя государствами воспринималось в нескольких аспектах, в том числе, в рамках этнокультурных категорий. Сражение при Отлукбели между армиями Османской империи и государства Ак-Коюнлу, которое состоялось 11 августа 1473 г., явилось знаковым событием в истории Малой Азии. Его исход, как отмечалось, должен был решить судьбу многолетнего соперничества двух тюркских государств за политическое лидерство в Анатолии. После многочасовой кровопролитной битвы чаша весов наконец стала склоняться на сторону османов и ряды воинов Ак-Коюнлу дрог-

¹⁰⁶¹ Məmmədli Q. Üç tarixi şəir haqqında. P. 62-63

нули. В это время османы отчаянно ринулись вперед и стали преследовать отступавшего противника, выкрикивая с укором: *«Эй, предатели-туркмены! Что же вы побежали как трусы до начала битвы, не успев обнажить сабли?»*.¹⁰⁶² Эта фраза, приведенная в хронике Мехмеда Нешири, вряд ли могла привлечь наше внимание, если бы в ней не содержался этноним «туркмены». Использование его в обращении османов свидетельствует о том, что те воспринимали своих противников – туркман Ак-Коюнлу – как представителей отличной от них самих этнокультурной общности, хотя и те, и другие являлись частью тюркской среды Анатолии. Этот факт является важным «индикатором» для понимания этнических процессов, которые происходили в Малой Азии в XV столетии.

Согласно историческим свидетельствам, по крайней мере, уже в конце XIV – начале XV вв. сами туркмены восточной Анатолии и Азербайджана (Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу) также отчетливо выделяли себя из общетюркской среды в качестве самостоятельной общности. Так, накануне битвы при Мардине Кара Юсуф, глава конфедерации Кара-Коюнлу, послал письмо с предложением о мире своему давнишнему сопернику Кара Юлук Осману, главе племен Ак-Коюнлу. Важным элементом этого послания было обоснование необходимости мира и согласия между двумя туркманскими конфедерациями общностью их этнического происхождения. *«Мы оба принадлежим к туркманскому народу (ta to ez tarmdom-e torkmanim), – пишет Кара Юсуф. – Отныне мы не должны воевать друг с другом и ослаблять себя. Каждый из нас должен бороться против врагов наших – османов и чагатайцев. Правильнее и целесообразнее будет тебе направиться против Шама и Рума, а мне двинуться против чагатайцев»*.¹⁰⁶³ Несмотря на декларативный характер данного призыва, который так и не был воплощен в жизнь, он интересен с двух точек зрения. Во-первых, этот факт свидетельствует о наличии у туркман восточной Анатолии и Азербайджана общего этнического самосознания, которое позволяло им отличать себя от своих соседей, представителей других тюркских общностей – османов на западе (Рум) и чагатайцев на востоке. Во-вторых, ориентируя Кара Юлук Османа на военные действия на западе, Кара Юсуф словно предвидел основной вектор развития истории Ак-Коюнлу, который привел в будущем к кровопролитной войне этого государства с Османской империей и предрешил в итоге его судьбу.

Постоянные конфликты и стычки между самими двумя туркманскими конфедерациями не могли помешать развитию у них общего этнического самосознания. Как свидетельствуют источники, чувство соперничества проявлялось больше не на низовом уровне, а у элиты этих улусов.

¹⁰⁶² Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 818-819

¹⁰⁶³ Abu Bakr-i Tihriani. Kitab-i Diyarbakriyya. (T. I). P. 59

Показательны в этом отношении слова Узун Хасана, сказанные им своей матери Сара-хатун: *«Нукеры (рядовые воины-дружинники – Ш.М.) Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу ходят в гости и помогают друг другу. Отношения их всегда были такими. Однако великие эмиры нашей династии никогда не ходили к Кара-Коюнлу»*.¹⁰⁶⁴

Отношения Османского государства с обширной туркманской средой на востоке всегда были сложными и неоднозначными. В первой половине XV столетия далекие еще от политического соперничества османы и туркмены Кара-Коюнлу сосуществовали довольно мирно и без конфликтов. Посол султана Мурада II Шукрюллах посетил в 1448 г. двор Джаханшаха Кара-Коюнлу в Тебризе, где во время аудиенции читались отрывки из «Огуз-наме», древнетюркского генеалогического предания, написанного уйгурским алфавитом. По свидетельству османского посла, правитель Кара-Коюнлу говорил о родстве двух династий и принадлежности их к общему огузскому древу.¹⁰⁶⁵

Однако картина резко меняется во второй половине XV века. Начало соперничества между Османской империей и государством Ак-Коюнлу, которое олицетворяло всех «туркман Востока» (*terakimin ash-sharq*), стало катализатором обострения отношений и внутри самой тюркской этнической среды Анатолии. Свидетельства исторических источников, освещающих это соперничество, позволяют, на наш взгляд, оценивать его не только как военно-политическое, но и в известной степени как этнокультурное противостояние. К этому времени официальная идеология Османского государства, которая находилась на стадии сложения в некий комплекс политико-правовых и моральных ценностей («османизм»), воспринималась туркманской средой как явление, чуждое по своей сути их собственным патриархальным взглядам. В этом смысле, важно постараться выявить особенности взаимного восприятия друг друга представителями этих двух тюркских сообществ в той мере, в какой эта информация нашла отражение в аутентичных источниках. Следует оговориться, что такого рода сообщения в исторических произведениях крайне редки и часто носят отрывочный характер, что затрудняет изучение вопроса.

Важным свидетельством, демонстрирующим взгляд туркман Ак-Коюнлу на османов, являются слова Узун Хасана, высказанные им после победы над османским авангардом под командованием бейлербея Румелии Хас Мурад-паши в первой военной стычке при Евфрате в 1473 г.. Правитель Ак-Коюнлу собрал у себя в шатре попавших в плен османских эмиров и во время пира с гордостью обратился к Турханоглу Омар-бею: *«Омар-бей, отбил я ногу осману (султану Мехмеду Фатиху – Ш.М.), не*

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 251

¹⁰⁶⁵ Şükruallah. Behcetüttevarih. P. 51

так ли? Ибо то, что называют османами, состоит из румелийцев. Что же еще осталось?».¹⁰⁶⁶ Данная фраза, приведенная в произведении Нешри, странным образом оставалась вне внимания многих исследователей. Из нее следует, что османы воспринимаются со стороны туркман не как часть тюркской среды Анатолии, а скорее идентифицируются с ее этно-культурным антиподом – населением Румелии (румелийцами).

Постараемся выяснить, в какой степени это соответствовало исторической реальности. Безусловно, в основе противостояния Османской империи с государством Ак-Коюнлу лежало стремление обеих держав к установлению контроля над торговыми караванными путями, которые пересекали территорию Малой Азии. Также стояла насущная проблема нового объединения анатолийских земель после распада Сельджукского государства Малой Азии в XIII в. Вопрос заключался лишь в том, в каком направлении и под эгидой какого государства эти задачи будут осуществлены – с востока на запад или наоборот. В противовес османам, которые со второй половины XIV в. неустанно расширяли свои владения на востоке за счет присоединения земель анатолийских тюркских эмиратов, правители Ак-Коюнлу во второй половине XV столетия стремились на запад, к овладению Константинополем. Не случайно османские источники подчеркивают «мечту [Узун Хасана] о Стамбуле» и его желание овладеть «престолом Рума».¹⁰⁶⁷ Война 1473 г., в сущности, предредила судьбу соперничества между двумя государствами. Некоторые средневековые авторы утверждают, что после поражения в сражении при Отлукбели Узун Хасан окончательно отказался от намерения расширять свои владения на западе, и даже якобы завещал своим потомкам впредь никогда не воевать против османов.¹⁰⁶⁸ Однако имеются свидетельства, что при его сыне и преемнике султана Якубе эта идея все еще не была забыта.¹⁰⁶⁹ Так, османский посол ко двору правителя Ак-Коюнлу сообщал в своем донесении в Стамбул о том, что высшие эмиры Ак-Коюнлу были чрезвычайно вдохновлены поражением османской армии во время войны с мамлюками в 1484-1491 гг. и подстрекали своего государя к осуществлению похода на запад. Интересно, что свое мнение они аргументировали следующим образом: *«Более такой возможности не представится. Двинемся, захватим Карахисар и завоюем всю Анатолию вплоть до проливов Гелиболу и*

¹⁰⁶⁶ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 810-811

¹⁰⁶⁷ Solakzade. Tarih-i Solakzade. P. 242

¹⁰⁶⁸ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 818-819

¹⁰⁶⁹ О намерении вновь воевать с османами говорил и сам Узун Хасан западным послам даже после поражения при Отлукбели. 8 июня 1475 г. в беседе с послом герцога Бургундского по имени Лодовико де Болонья и венецианцем Амброджио Контарини правитель Ак-Коюнлу просил их сообщить в своих странах, что он был готов вступить в новую войну с Османской империей. Ту же мысль он повторил и 26 июня в присутствии тех же лиц, а также Марка Рocco, посла Московского князя (Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini. P. 135-137).

Стамбула», т.е. Дарданелл и Босфора. Как выясняется из данного донесения, султан Якуб всерьез воспринимал такую возможность и интересовался деталями военного плана.¹⁰⁷⁰

Таким образом, как и Тимур, завоевавший в свое время Анатолию и не проявивший интереса к румелийским провинциям Османского государства, правящая элита Ак-Коюнлу искала возможность подчинить именно анатолийские земли «вплоть до проливов Гелиболу и Стамбула». Как видно, Румелия не входила в их планы. Такая стратегия была обусловлена своеобразием «геополитического» видения ситуации в Малой Азии. И Тимур, и вслед за ним Узун Хасан рассматривали Анатолию как неотъемлемую часть мусульманского мира и бесспорные владения местных тюркских правителей (беев). Румелия, составлявшая западные территории османов, с которыми они, прежде всего, ассоциировались, оставалась вне границ мира ислама. Поэтому воюющие на Балканах против христиан османские султаны стяжали славу «гази» – борцов за веру; в то же время, завоеывая земли анатолийских беев, они выступали в качестве «захватчиков» и «узурпаторов». Не случайно Тимур в своих письмах к султану Баязиду увещевал его продолжать священную войну с «неверными» на западе и не стремиться к расширению на восток.¹⁰⁷¹ Узун Хасан также стремился полностью выдвинуть из Малой Азии османов, которые, по его мнению, «состояли из румелийцев». Анатолия же под его властью должна была окончательно влиться в «море туркман» (*Türkmanlar deryası*), по живописному выражению Мустафы Аали.¹⁰⁷²

Надо сказать, что соотнесение османов с Румелией в общественном сознании туркманского сообщества имело под собой определенную историческую основу. Как пишет С.Ф.Орешкова, «османские султаны опирались, прежде всего, на турецких феодалов Румелии и Северо-западной Анатолии, которые вели оседлый образ жизни и видели главный источник своей власти в земле и эксплуатации земледельческого населения. Кочевые феодалы оказались отодвинутыми на задний план. В своем недовольстве османской властью и централизаторской политикой султанов они блокировались с их главными политическими противниками в Малой Азии – караманцами. На этой же почве совместной борьбы с османскими султанами установился политический союз караманцев с Ак-Коюнлу – наиболее значительным государством тюркско-огузских кочевников, созданным в начале XV века».¹⁰⁷³ Связи османской государственности и культуры, прежде всего, с Румелией нередко озвучивались в произведениях и самих османских авторов. Таких примеров немало у вышеназванного

¹⁰⁷⁰ Woods J.E. *Turco-Iranica*. P. 2

¹⁰⁷¹ Nizām al-Dīn Shāmī. *Zafar-nāmah*. P. 218

¹⁰⁷² Kūnhü'l-Ahbar. C.II. *Fatih Sultan Mehmed devri*. P. 119

¹⁰⁷³ Орешкова С.Ф. Средние века (XI-XVIII вв.). С. 53

Мустафы Аали. Так, автор связывал истоки османской культуры с пестрым по своему происхождению высшим сословием империи, которое большей частью рекрутировалось из румелийских провинций.¹⁰⁷⁴ Показательно также, что после включения восточной Анатолии в состав империи османские чиновники в новосоставленных реестрах этих областей отмечали представителей местной знати под их этноплеменными названиями (туркмены, курды, Ак-Коюнлу и т.д.), в то время как собственно османские ленники регистрировались как «румелийцы».¹⁰⁷⁵

В этом отношении следует отметить еще один немаловажный факт. Анализируя остро дискутируемый в конце XVI в. в Стамбуле так называемый «восточный вопрос», когда после завоевания сефевидских территорий (Азербайджан и Южный Кавказ) представители местной кызылбашской знати в большом количестве стали интегрироваться в османскую элиту, К.Флэчер отмечает следующее: «Центральная власть и османские историки связывали османизм и османское подданство, прежде всего, с географическим ареалом Рума, и с подозрением относились к людям, которые не идентифицировали себя в качестве румийцев, даже если те были по происхождению тюрками-мусульманами».¹⁰⁷⁶

В исторических источниках можно обнаружить и другие примеры, демонстрирующие взгляд туркман Ак-Коюнлу на османов. В этом отношении интересные свидетельства имеются в произведении Ашикпашазаде. Еще Х.Иналджик рекомендовал исследователям внимательно относиться к поэтическим пассажам в труде этого автора, поскольку в них часто содержится важная историческая информация.¹⁰⁷⁷ Так, в описание войны между Мехмедом Фатихом и Узун Хасаном в 1473 г. Ашикпашазаде включил следующий отрывок:

*Хасан возомнил себя мужем,
Одерживая победы в Чагатае и Аджаме.
Уверовав в свою несбыточную мечту,
Говаривал: «Встретиться бы мне с Чытаком».
Встретились [на поле брани] с Чытаком,
Который показался в тысячу раз больше.
И бежал Хасан; и не упоминает более имени Чытака,
Ибо стыдится он, когда слышит сие имя.
Чытак нанес такой удар по голове Хасана,
Что только найдя спасение, он одумался».*¹⁰⁷⁸

¹⁰⁷⁴ Fleischer C.H. Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire. P. 255

¹⁰⁷⁵ Мустафаев Ш.М. Восточная Анатолия: от Ак-Коюнлу к Османской империи. С. 82

¹⁰⁷⁶ Fleischer C.H. Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire. P. 157

¹⁰⁷⁷ İnalçık H. Aşıkpaşazade Tarihi nasıl okunmalı. P. 119-145

¹⁰⁷⁸ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 224

Данное стихотворение, посвященное победе османов в сражении при Отлукбели, в грубых тонах описывает положение правителя Ак-Коюнлу Узун Хасана. Тем не менее, с точки зрения нашей темы оно содержит чрезвычайно важную информацию, которая не зафиксирована в других аутентичных источниках. Из него мы узнаем, что Узун Хасан называл Мехмеда Фатиха «Чытаком». Слово это восходит к кыпчакским языкам Центральной Азии, употребляясь в казахском и кыргызском языках как «джатак». В огузских диалектах оно имело форму «ятак» (от слова «ятмак» – лежать) и в средние века обозначало тех людей, кто отказался от кочевого образа жизни и перешел к оседлости.¹⁰⁷⁹ Безусловно, в устах кочевников-туркман оно имело негативный смысл, что красноречиво свидетельствует о том, как они воспринимали османов. Согласно их системе ценностей, османы, которые к XV в. отказались от кочевого образа жизни и традиционных тюркских степных ценностей, не могли быть частью тюркской этнокультурной системы, а стали, скорее, ее антиподом – чытаками.

Интересно, что эпитет «Чытак» в отношении к османскому султану неожиданно встречается и в произведении XVII века. Армянский автор Аракел Даврижеци, бывший родом из Тебриза, а потому хорошо знакомый с традициями эпохи Ак-Коюнлу, так описывает в своей «Книге историй» поход Мехмеда Фатиха на Трапезунд: «В 910 (1461) году Чытах (Мехмед Фатих – Ш.М.) захватил Трапезунд».¹⁰⁸⁰

Слово «чытак» являлось социальным термином, сохранившимся с древнетюркской эпохи, и продолжало употребляться в тюркской среде Центральной Азии вплоть до нового времени. Махмуд Кашгари сообщает, что своих соплеменников, которые жили в городах, не кочевали и не участвовали в походах, огузы считали «ленивцами» и называли их не иначе, как «ятуг» (ятаг, джатаг, чытаг) или «ятуг киши».¹⁰⁸¹ По мнению З.В.Тогана, кочевые огузы воспринимали туркмен, т.е. своих соотечественников, принявших в X в. ислам, а потому сблизившихся с оседлой мусульманской культурой, как «ятаков».¹⁰⁸²

В «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами слово «чытак» («чытаг») употребляется несколько раз в связи с походом Тимура на Анатолию. Хотя оно больше используется в значении «разбойник», «головорез»,¹⁰⁸³ однако мы встречаем его употребление и в значении, близком к тому, которое оно имело во фразе, приписываемой Узун Хасану. Описывая османскую армию в сражении при Анкаре в 1402 г., тимуридский автор пишет, что султан Баязид построил «войска чытаков и франков» в боевой поря-

¹⁰⁷⁹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. С. 294

¹⁰⁸⁰ Аракел Даврижеци. Книга историй. С. 483

¹⁰⁸¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 312

¹⁰⁸² Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 196

¹⁰⁸³ Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah. P. 262

док.¹⁰⁸⁴ Если принять во внимание то, что под франками имеются в виду балканские союзники Баязида (сербы), то становится ясно, что Шами называет «чытаками» собственно османов.

Эвлия Челеби вносит наибольшую ясность в понимание того, в каком смысле это слово использовалось в средневековой тюркской среде Анатолии. В своей «Книге путешествий» автор называет население Добруджи в современной Румынии «племенем чытаков» и посвящает их этнической истории и языку отдельный раздел – «Язык Добруджи или племени чытак». Османский географ пишет: *«Йылдырым Баязид-хан завоевал этот край у болгар, валахов и молдаван (Boğdan kavmi) и поставил здесь войска из народа Анатолии и татар. От этнического смешения (ihtilat) этих воинов с валахами произошли новые поколения, и появился у них собственный своеобразный язык, на котором они между собой говорят, и другие их не понимают»*.¹⁰⁸⁵

Как следует из сообщения Эвлии Челеби, из этнического смешения валахов с тюрками (народом Анатолии) и татарами произошли чытаки. Независимо от того, насколько сообщение османского автора соответствует исторической действительности, важно то, что под словом «чытак» подразумевалось, прежде всего, этнически смешанное, метисированное население. Таким образом, называя османов «чытаками» туркмены Ак-Коюнлу вкладывали в это слово не только социальный, но и вполне осознанный этнокультурный смысл.¹⁰⁸⁶ Данный факт важен для понимания этнических процессов, которые происходили внутри тюркской среды Анатолии в XV столетии.

Интересно, что согласно византийскому историку Дуке и Тимур накануне битвы при Анкаре, обращаясь к своим воинам, называл османов «полугреческими и полутурецкими варварами».¹⁰⁸⁷ Сложно сказать, что подразумевалось под этим выражением – смешанный характер османской армии, в состав которой были включены значительные отряды христианских союзников Баязида, или Тимур имел в виду гетерогенный характер самого османского общества. Ведь тимуридские источники свидетельствуют, что для чагатайцев османы, в целом, мало отличались от других тюркских эмиратов Анатолии, а сам Тимур в письме к Баязиду указывал на его «туркманское происхождение».¹⁰⁸⁸ Скорее всего, приведенная Дуккой фраза, хоть и приписывается Тимуру, но больше отражает взгляды на османов представителей иноосманской тюркской среды Анатолии, с которыми византийский историк был хорошо знаком.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 255

¹⁰⁸⁵ Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild III. P. 357-358

¹⁰⁸⁶ Интересно, что в крымско-татарском языке до сих пор употребляется слово «чатык», что означает «скрещивание», «смешение», «переплетение».

¹⁰⁸⁷ Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 92

¹⁰⁸⁸ Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). P. 654

Благо, сами османы давали достаточно оснований для подобной оценки. Во второй половине XV в. значительная часть правящего класса империи и войск капы-кулу, как было отмечено, пополнялась за счет большого количества ренегатов и системы девширме. Ситуация еще более усугубилась в следующем столетии. По меткому замечанию Р.П.Линднера, когда сефевиды воевали с османами в начале XVI в., так называемые «персидские» силы состояли в основном из тюрок (т.е. кызылбашских тюркских племен), в то время как «турецкие» (османские) воины – большей частью из представителей балканских народов.¹⁰⁸⁹ Выходцы из различных балканских народов – греков, сербов, боснийцев, албанцев, венгров, валахов, болгар и т.д. – успешно интегрировались в османскую элиту и заняли наиболее ключевые посты в центральной и местной бюрократии и армии, значительно потеснив представителей тюркских аристократических родов. Известно, что немедленно после завоевания Константинополя для султана Мехмеда Фатиха, объявленного «римским цезарем» (*kayser-i Rum*), была придумана новая родословная, согласно которой он являлся потомком византийских императоров Комнинов.¹⁰⁹⁰ Эта генеалогия не могла, конечно же, получить официального признания, однако сам факт ее появления указывает на тенденции идеологической жизни империи во второй половине XV в. Османское государство стремительно трансформировалось в полиэтническую империю, что не оставалось незамеченным и вызывало неоднозначную реакцию со стороны тюркской среды Анатолии. Особенно в сознании туркман, все еще сохранявших приверженность традиционному образу жизни и патриархальным ценностям, османы все больше воспринимались как смешанное, метисированное, а потому чуждое им этнокультурное сообщество.

Смешанный характер османского общества отмечался не только со стороны их соперников, но часто признавался и самими османскими авторами, особенно в исторической литературе XVI столетия. Так, Мустафа Аали в своем фундаментальном труде «Кюнх ал-ахбар» писал: *«Османские племена, полные величия, прибыли из Мавераннахра. Они принадлежали к одному роду с Сельджуками, и были эти два племени чрезвычайно многочисленными. Это простосердечное [османское племя] поселилось на границе греческого Рума, в течение тридцати-сорока лет смешиваясь с неверными, которых брали в плен, и представителями разных народностей, которые издавна обитали в тех местах. Затем открылись пути в области Рума. Из стран неверных много земель подпали под их (османов – Ш.М.) власть, и появились там разные группы из мусульманского населения»*.¹⁰⁹¹

¹⁰⁸⁹ Lindner R.P. Nomads and Ottoman in Medieval Anatolia. P. 34

¹⁰⁹⁰ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 40

¹⁰⁹¹ Künhü'l Ahbar. Cild 5. P. 8

Безусловно, негативное взаимное восприятие османов и туркман Ак-Коюнлу, было обусловлено, прежде всего, военно-политическим соперничеством двух государств. Однако оно усугублялось и различием социальных ценностей, на которые они ориентировались. Османская империя основывалась на оседлой аграрной экономике и в значительной мере унаследовала военные и государственные нормы сельджукской и византийской эпохи. В то же время, в государстве Ак-Коюнлу, несмотря на реформы Узун Хасана, все еще были сильны кочевые традиции, и здесь во многом продолжали практиковаться порядки монгольской Ильханидской империи. Поэтому во взглядах друг на друга представителей этих двух обществ не сложно обнаружить отзвуки противоречий между оседлостью и номадизмом, что издревле было характерно для истории тюркских народов.

Следует отметить, что в средние века социальные отношения и понятия, в том числе, противоречие «оседлый-кочевник», часто преломлялись в сознании тюркских народов через призму этнических оценок. Это характерно и для сельджукской Анатолии. З.В.Тоган обратил внимание на пословицу в произведении Ибн Биби, в которой туркмен уподобляется волку, а тюрок – овце.¹⁰⁹² Здесь туркмен-кочевник наделен более грубыми и воинственными чертами, в то время как тюрок представляет собой более культурный оседлый элемент. Скорее всего, под последними автор подразумевал оседлое тюркское население бывшего караханидского Восточного Туркестана. Не случайно, сравнивая Сельджукидов с Караханидами В.В.Бартольд подчеркивал, что последние по своему культурному уровню стояли выше, поскольку в Восточном Туркестане они посредством уйгуров близко познакомились с китайской культурой.¹⁰⁹³ Пословица, приведенная у Ибн Биби, любопытным образом находит отзвук в османское время, в частности, в религиозно-дидактическом трактате «Венец учтивости» («Tas-i edeb») Али ибн Хусейна (Ала ад-Дина Челеби) из Амасьи, написанном, по словам автора, в год завоевания Константинополя, т.е. в 1453 г. Характеризуя психологические качества и особенности каждого «племени», автор пишет, что характер туркмен «подобен природе волков», которые, «почуяв запах крови, пожирают друг друга», в то время как у тюрок характер овец, и они живут «в дружбе и любви друг к другу, имея взаимную поддержку как овцы».¹⁰⁹⁴ Традиция сравнения или противопоставления двух характеров и темпераментов – волка и овцы – имеет древние корни в тюркской

¹⁰⁹² Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 198

¹⁰⁹³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 311-312

¹⁰⁹⁴ Əli ibn Hüseyni əl-Amasi Əlaəddin Çələbi. P. 80. Автор дает характеристику этнопсихологического склада и других «племен», сравнивая, например, арабов со змеями, от которой не стоит ожидать любви и привязанности, персов (аджамов) со скорпионом, лишенным чувства милосердия, курдов с верблюдом за их злопамятность и мстительность, татар с дикой уткой (кряквой), питающейся то травой, то падалью, а потому не имеющей постоянства, и т.д.

литературе, и первый ее пример мы находим в надписях Бильге-кагана, которые гласят о силе тюркского войска: «*Так как Небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам*». ¹⁰⁹⁵ Следует отметить, что пословица, приведенная в произведении Ибн Биби, вполне созвучна идентичному выражению из огузского эпоса о Деде Коркуде – «*Буйный туркмен подобен безалаберному огузу*», ¹⁰⁹⁶ с той лишь разницей, что здесь исламизированный туркмен представляет более культурный элемент по сравнению с кочевым огузом.

Еще раньше, в VII-VIII вв., тюркские каганы называли своих оседлых согдийских подданных этнонимом «тат». ¹⁰⁹⁷ Этот термин отмечен еще в Орхоно-Енисейских надписях. Мы видим продолжение данной традиции и в X-XI веках, когда караханидские правители так обращались к ираноязычному мусульманскому и оседлому тюркскому населению. В последующем, этот термин встречается во многих тюркских государствах, где остро стоял вопрос взаимоотношений кочевников и оседлых. К примеру, в Хивинском ханстве словом «тат» кочевники-туркмены называли оседлых хивинцев. ¹⁰⁹⁸ Либо в Крымском ханстве кочевые ногайцы так обращались к урбанизированным татарам. ¹⁰⁹⁹

С аналогичным османо-туркманскому противостоянию в Анатолии XV в. соперничеством мы сталкиваемся в Центральной Азии XIV-XV вв., когда Чагатайский улус распался на западную (Мавераннахр) и восточную (Могулистан) части. На западе порядки монгольской эпохи все больше уступали свое место мусульманской культуре и нормам шариата, в то время как на востоке больше сохранялись традиции кочевой жизни. В связи с этим, кочевники Могулистана презрительно называли чагатайцев, или тюркское население Мавераннахра, «караунасами». ¹¹⁰⁰ Подобно уничижительному слову «чытак», с которым туркмены Ак-Коюнлу обращались к османам, термин «караунас» означал людей смешанного происхождения. В данном случае такое презрительное обращение к чагатайцам было связано не столько с тем, что они довольно активно смешивались с ираноязычным населением Мавераннахра, а с тем, что они все больше переходили к оседлости и начинали вести образ жизни, подобно таджикам. Не следует забывать, что кочевники-тюрки в эту эпоху считали оседлость несовместимой с воинским духом, который был присущ, по их мнению, лишьномадам, т.е. самим тюнкам; земледельческое и городское ираноязычное население же не было способно к военному делу. Не случайно, Тимур считал джелаиридского султана Ахмеда,

¹⁰⁹⁵ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 37

¹⁰⁹⁶ Kitab-i Dedem Qorqud ala lisan-i taife-yi Oğuzan. P. 139

¹⁰⁹⁷ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С. 94

¹⁰⁹⁸ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 82-83

¹⁰⁹⁹ Викторин В.М. Отражение татаро-ногайского дуализма Крымского ханства. С. 213-221

¹¹⁰⁰ Бартольд В.В. Улугбек и его время. С. 35-36

изнеженного дворцовой жизнью, слабым противником, поскольку тот обладал «характером таджика» (*«таджик-мизадж»*), в то время как Кара Юсуф, глава кочевого улуса Кара-Коюнлу, был чрезвычайно опасным врагом.¹¹⁰¹

Р. Сейвори также указывает, что турки-кызылбаши в Сефевидскую эпоху отводили персам, как неспособным к воинской службе лишь административные и гражданские должности и считали для себя позором служить под их началом.¹¹⁰² Примечательно, что историк шаха Аббаса I Искандер-бей Туркман, характеризуя известного художника-миниатюриста и поэта своего времени Садыки-бея Афшара, наделял его «истинными тюркскими» качествами и писал, что тот обладал бесстрашием и отвагой «в силу своей тюркской природы и кызылбашских манер».¹¹⁰³

Следует также отметить одну закономерность, которая была характерна для этносоциальных представлений тюркских обществ в средние века – как правило, чем восточнее жили турки, тем больше они сохраняли традиционные ценности кочевой жизни и свои этнокультурные качества, и наоборот, чем западнее они распространялись, тем больше у них происходила диффузия в иные культуры и метисация, т.е. они воспринимались со стороны своих более восточных сородичей как «чытаки», «караунасы» и т.д. Во всяком случае, такова была оценка источников той эпохи, примеров чему немало. Так, во время взятия Судака в Крыму анатолийскими сельджуками, кыпчаки, которые обороняли крепость и ассоциировались с Дешт-и Кыпчаком, названы в произведении Языджиоглу Али «тюрками», в то время как сельджуки – всего лишь «воинством ислама».¹¹⁰⁴ И дело здесь не только в различии религиозной принадлежности, поскольку, несмотря на принадлежность к исламу, туркмены-сельджуки были не меньше тюрками, чем язычники-кыпчаки. Точно так же, в произведении Идриса Бидлиси османская армия называется «воинством муджахидов», т.е. защитников ислама, в то время как их противники – туркмены Ак-Коюнлу получают «пренебрежительную» в устах автора оценку как «тюрки».¹¹⁰⁵

Негативное отношение друг к другу оседлых и кочевников внутри тюркских сообществ было характерно для обеих сторон. В то время как кочевники «обвиняли» своих соплеменников, перешедших к оседлости, в отказе от традиционного образа жизни и древних патриархальных ценностей, последние часто оценивали номадов как «разбойников», «грабителей» и т.д. Безусловно, эта терминология была заимствована из лексикона других оседлых народов, в основном, иранцев. В.В. Радлов указывал, что

¹¹⁰¹ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 176-177

¹¹⁰² Savory R. Iran under Safavids. P. 32

¹¹⁰³ «*be-moqteza-ye tab'-e torkiyyet va shive-ye ghezelbashi*» (Tarikh-e alem-ara-ye Abbasi. P. 175).

¹¹⁰⁴ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 331-339

¹¹⁰⁵ Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток. С. 356

суждения представителей оседлых народов о номадах, в частности, персов и азербайджанцев о туркменах, либо русских и татар-переселенцев Западной Сибири и Оренбурга, или же китайцев и кокандцев о киргизах всегда создавали неприглядный образ кочевника, как в стихотворении муллы Гази, который изображает казак-киргизов как потомков четырех воров и двух нищенков, вступивших в связь и бежавших в степь.¹¹⁰⁶ «Читая такие тирады, - пишет В.В.Радлов, - легко прийти к мысли, что киргизы – отбросы тюркского населения Западной Азии, воры и бандиты, бежавшие в широкую степь, так как не желали привыкать к упорядоченной жизни оседлых народов, одним словом, – раса, заслуживающая быть уничтоженной. Но на самом деле это совсем не так. Разве не изображали с давних времен и бедуинов как народ воров и разбойников, живущих в полной анархии? Просто мы имеем здесь дело со ступенью цивилизации, противоположной культуре эпохи оседлых народов».¹¹⁰⁷

Точно так же кочевники Могулистана, как было указано выше, называли чагатайцев «караунасами», в то время как последние обращались к номадам с не менее оскорбительным термином «джете», что, означало «разбойник».¹¹⁰⁸ Это слово часто встречается во многих тимуридских источниках, в том числе, «Уложении Тимура».¹¹⁰⁹

Мы еще раз сталкиваемся с примерами, когда социальные по сути противоречия преломляются в сознании народов средневековья и озвучиваются через этнокультурные термины и понятия. Таким образом, называя Мехмеда Фатиха «Чытаком», Узун Хасан, в сущности, «обвинял» его в отступничестве от традиционных ценностей тюркского кочевого общества. В ответ последний презрительно объявлял туркман Ак-Коюнлу «пастухами, пасущими коз». Известно, что после победы над османским авангардом при Евфрате в ставку османского султана прибыл посол Узун Хасана и преподнес от своего повелителя мешок проса, символизирующего многочисленность армии Ак-Коюнлу. Мехмед Фатих приказал высыпать мешок на землю перед курами, которые склевали все просо. Затем османский султан обратился к послу со следующими словами: *«Передай своему господину – как куры склевали все просо из мешка, так и мои янычары быстро покончат с его армией. Его люди могут быть хорошими пастухами, пасущими коз, но они ничего не смыслят в войне»*.¹¹¹⁰ Слова Мехмеда Фатиха ясно отражают отношение османов к туркманам Ак-Коюнлу, которые, по их представлению, годны лишь к пастушеству, тогда как судьбы войн начинало решать огнестрельное оружие, а не кочевая

¹¹⁰⁶ Радлов В.В. Из Сибири. С. 247

¹¹⁰⁷ Там же. С. 249

¹¹⁰⁸ Бартольд В.В. Улугбек и его время. С. 35-36

¹¹⁰⁹ Уложение Темура. С. 24

¹¹¹⁰ Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. P. 272

конница, какой бы воинственной она ни была. Эти угрозы действительно оказались пророческими. Османские авторы приписывают победу османов в войне применению ими артиллерии и мушкетов. Нешри пишет, что в сражении при Отлукбели Узун Хасан потерпел поражение, «ибо не видел он доселе битвы с применением пушек и мушкетов».¹¹¹¹ Анонимное произведение «Таварих-и Ал-и Осман» также указывает на то, что туркман-Ак-Коюнлу «не устояли перед пушками и мушкетами» османов.¹¹¹²

В то же время, накануне этой войны османы достаточно хорошо представляли себе с каким соперником им придется столкнуться. Они осознавали, что в лице туркман-Ак-Коюнлу им противостоит вся кочевая среда Анатолии и Азербайджана. Для них, конечно же, не было тайной насколько обширна и сильна эта среда, которую, как было указано выше, Мустафа Аали называл «морем туркман». Владения османов же в Анатолии, какими бы укрепленными они не были, все еще напоминали остров посреди этого моря. Описывая положение в Анатолии накануне войны, Ибн Кемаль словно ощущает себя окруженным со всех сторон этой кочевой средой: «С одной стороны Караташ, где за одну монету дают тысячу голов; внутри и вовне повсюду варсаки, сеющие раздор и творящие злодеяния; с другой стороны повсюду племена тюрок и туркман...».¹¹¹³ Эти слова красноречиво передают беспокойство османов перед угрозой столкновения с многочисленными «племенами тюрок и туркман».

Безусловно, османская элита уже ощущала свое техническое и организационное превосходство над боевыми возможностями кочевой конницы. Однако это преимущество еще не было подавляющим. Любая случайность могла сыграть в пользу мощной кочевой волны, которая неумолимо надвигалась с востока. В памяти еще были свежие события, связанные с походом Тимура, когда все тюркские беи и кочевые племена Анатолии заняли место в рядах чагатайской армии, и османы потерпели сокрушительное поражение в битве при Анкаре. Во второй половине XV в. номадизм далеко еще не исчерпал свой воинственный потенциал. Это время должно было наступить позже, в XVIII столетии, как пишет Ф.Бродель.¹¹¹⁴ Накануне войны с Узун Хасаном исход ее еще не был очевиден для османов. По словам Ибн Кемалья, этот правитель «разжег лампаду рода Баяндур-хана маслом своей энергии и пробудил родник счастья туркман от блаженного сна».¹¹¹⁵ Венецианцы связывали все свои надежды с конницей Ак-Коюнлу, которая в то время считалась лучшей в мире.

¹¹¹¹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 818-819

¹¹¹² Anonim Osmanlı Kroniği. P. 128

¹¹¹³ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. LVIII

¹¹¹⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII вв. Том I. С. 112

¹¹¹⁵ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 317

Поэтому враждебный тон по отношению к Ак-Коюнлу, которым проникнута вся османская историография той эпохи, оскорбительные эпитеты в адрес туркман свидетельствуют не только о военно-политическом противостоянии между двумя полюсами, но и имевшей место этнокультурной дифференциации внутри тюркской среды Анатолии и Азербайджана в этот период. Две части этой среды – османы на западе и туркманы на востоке Малой Азии, наряду с осознанием общности тюркского компонента, который формировал их этнический облик, отчетливо ощущали свою разность, принадлежность к различным мирам не только на политическом, но и социокультурном уровне. Все в большей степени начинал проявляться антагонизм «свой-чужой». В османских источниках второй половины XV и XVI вв. туркманы Ак-Коюнлу – это представители «чужой» социальной и культурной среды. Так, указывая на исход сражения при Отлукбели, Ибн Кемаль пишет, что *«каждый тюркский воин победил по десять туркман»*.¹¹¹⁶ Говоря о «тюркских воинах», автор, несомненно, подразумевает османских сипахи-тимариотов, которые, в отличие от янычар, в основном, рекрутировались из тюркского населения Анатолии. Показательно, что в данном примере отличие османских сипахи от воинов Ак-Коюнлу определяется автором в этнических терминах, что свидетельствует об уже достаточно глубоко зашедшем процессе этнокультурной дифференциации внутри тюркской среды Малой Азии. В османской исторической литературе в адрес туркман постоянно звучат грубые эпитеты – «злосчастные туркманы», «злодеи туркманы» и т.д.; либо, как пишет тот же Ибн Кемаль, *«туркманы – это племя, известное своей беспощадностью и неверностью»*.¹¹¹⁷ Все враждебные действия со стороны туркман Ак-Коюнлу по отношению к османам последние склонны приписывать всякого рода отрицательным качествам их «натуры». Так, Солакзаде объясняет «жестокости», совершенные отрядами Ак-Коюнлу под началом Юсуфджа Мирзы при взятии Кайсери, *«свойствами их туркманской природы»*.¹¹¹⁸ Или Мустафа Аали пишет, что после победы над Тимуридами и Кара-Коюнлу Узун Хасан настолько возгордился, что в соответствии *«со своей подозрительной туркманской натурой»* стал вынашивать враждебные планы по отношению к Османскому государству.¹¹¹⁹

Одним из важных показателей этнической дифференциации внутри тюркской среды Малой Азии был географический фактор. Османы, все политические традиции и морально-правовые ценности которых сформировались в северо-западной Анатолии и Румелии, смотрели на восток Малой Азии как на враждебный и отличный от них во всех отношениях регион. В

¹¹¹⁶ Там же. С. 328

¹¹¹⁷ Там же. С. 194

¹¹¹⁸ Solakzade. Tarih-i Solakzade. P. 323

¹¹¹⁹ Künhü'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri. P. 151-152

более широком смысле эти области с точки зрения преемственности государственных традиций являлись наследником Ильханидской империи и находились под политическим и культурным влиянием Азербайджана. Поэтому для османов эпохи Мехмеда Фатиха восточная Анатолия и Азербайджан представляли собой в политическом и этнокультурном плане единый регион, который в источниках этого периода часто именовался «Туркман-эли» (т.е., страна туркман). То, что этот термин имел под собой основательный политический фундамент, подтверждает мнение одного из видных западных специалистов по истории средневекового Ирана Х.Р.Рёмера. Он считает, что в XV и начале XVI столетий, т.е. в эпоху Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и начальный период Сефевидов, существовала идея создания обширного туркманского государства с центром в Азербайджане и с включением территорий Восточной Анатолии и Месопотамии.¹¹²⁰ Лишь после Чалдыранского поражения шаха Исмаила Сефеви от османов в 1514 г. и потери восточной Анатолии, важнейшего очага туркманской культуры, эта геополитическая по своей сути идея исчерпала себя и была предана забвению.

Однако в XV веке термин «Туркман-эли» еще часто встречается в исторических источниках, начиная с самых ранних тюркоязычных летописных хроник, появившихся в Анатолии. К примеру, в одной из таких хроник указывается, что Караманоглу Мустафа-бей скончался на территории «Туркман-эли»,¹¹²¹ в данном случае – Дулкадырского бейлика. В османских исторических источниках последующего периода этот термин встречается еще чаще и охватывает более широкий географический ареал, включая в себя уже и территорию Азербайджана. Так, описывая бегство караманского правителя Пир Ахмеда в Тебриз к Узун Хасану, Ибн Кемаль пишет: «*Пир Ахмед-бей ... покинул свой край и бежал в Туркман-эли, поселился в Азербайджане, пожелав служить у порога Хасан-бея* (при дворе Узун Хасана – Ш.М.)».¹¹²² Точно так же, правитель бейлика Исфендияр Кызыл Ахмед¹¹²³ «*направился в страну* (букв., климат – Ш.М.) *Азербайджан; упомянутый Ибрахим-бей* (Караманоглу – Ш.М.) *дал ему денег и проводника на дорогу, который безопасно доставил того до границы [страны] туркман; Кызыл Арслан достиг Туркман-эли... и там нашел спасение*».¹¹²⁴

В османских источниках Тебриз, главный город Азербайджана, считался в это время столицей «Туркман-эли». У того же Ибн Кемалья мы встречаем фразы «*Тебриз, бывший столицей государства туркман* (*dar-ül-mülk-i Türkman*)»,¹¹²⁵ либо «*Тебриз, бывший столицей Азербайджана*

¹¹²⁰ The Cambridge History of Iran. P. 249

¹¹²¹ İstanbul'un fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. P. 36

¹¹²² İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 304

¹¹²³ В тексте источника ошибочно назван «Кызыл Арсланом».

¹¹²⁴ Там же. С. 200

¹¹²⁵ Там же. С. 277

на».¹¹²⁶ Таким образом, слова Азербайджан и «страна туркман», или «Туркман-эли», используются в источниках в синонимичном значении. Не случайно, указывая на азербайджанского поэта XIV – начала XV вв. Насими, Мустафа Аали пишет, что «*родом он из области туркман*».¹¹²⁷ Сама классическая азербайджанская литература эпохи Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу дает немало примеров обращения местных авторов к привлечательному образу «туркман», как, например, газели придворного поэта султана Якуба Ак-Коюнлу Кишвари, который пишет о своей возлюбленной – туркманской красавице с «с кольцом в ухе».¹¹²⁸

В XV столетии восточная Анатолия и Азербайджан ассоциировались с туркманской культурой и описывались как единая «страна туркман» не только в османских источниках, но и в произведениях европейцев. Если в XIII в. Марко Поло локализовал «Туркоманию» на территории между Сивасом и Кайсери,¹¹²⁹ то через два столетия этот термин распространяется на всю восточную Анатолию. К примеру, Джозафа Барбаро после прибытия в Харпут пишет: «*Отсюда мы ступили в Туркоманию*»,¹¹³⁰ либо указывает, что «*Султан Хасан-бей (Узун Хасан – Ш.М.) был в Великой Армении, которую ныне называют Туркоманией*».¹¹³¹

Так же как в XV столетии восточная Анатолия и Азербайджан считались «страной туркман» или «Туркман эли», так и правящие династии Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу в исторической литературе той эпохи были известны как «туркманские султаны» (*salatin-i turkmaniyya*). В том числе, в османских источниках о различных правителях из этих династий часто говорится как о «туркманских шахах». К примеру, в «Салатин-наме», поэтической османской истории автора второй половины XV в. Кемалья, Узун Хасан назван «туркманским шахом» (*şah-i Türkman*).¹¹³² Соответственно, главной опорой этого правителя в военное время являлись «племена тюрок и туркман». Ибн Кемаль сообщает, что перед началом войны с Османской империей Узун Хасан призвал в свою армию всех «*тюрок и туркман, с которыми он заключил (букв., укрепил – Ш.М.) соглашение о верности*».¹¹³³ Безусловно, под «тюрьками» здесь подразумеваются все антиосмански настроенные тюркские кочевые племена Анатолии, которые являлись потенциальными союзниками правителя Ак-Коюнлу. Не случайно, на военном совете, созванном Мехмедом Фатихом до начала восточ-

¹¹²⁶ Там же. С. 340

¹¹²⁷ Künhü'l Ahbar'ın Tezkire kısmı. P. 120

¹¹²⁸ Kişvəri. Əsərləri. P. 59

¹¹²⁹ Джованни дель Плано Карпини. История могалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. С. 203

¹¹³⁰ Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini. P. 85

¹¹³¹ Там же. С. 96

¹¹³² XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name. P. 180

¹¹³³ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 334

ного похода, он называет Узун Хасана «тюрьком»: «*Что скажете, господа, как нам справиться с этим тюрьком?*».¹¹³⁴

В этом же ключе следует оценивать этноним «татары», который иногда применяется в османских источниках по отношению к туркманам Ак-Коюнлу. В османской литературе данного периода он больше носил негативную нагрузку и ассоциировался с враждебно настроенными к империи кочевыми племенами. Поэтому неудивительно, что туркмены Ак-Коюнлу и их глава Узун Хасан, представлявшие всю кочевую тюркскую среду Анатолии и Азербайджана, в османских источниках порой называются «татарами». К примеру, описывающий ход сражения при Отлукбели Орудж бин Адил пишет, что после отчаянного натиска османов «татар (здесь, туркман Ак-Коюнлу – Ш.М.) охватил страх».¹¹³⁵ Либо в анонимной османской хронике армия Ак-Коюнлу названа «татарским войском» (*Tatar çerisi*), а правитель Ак-Коюнлу именуется «Узун Хасан Татар».¹¹³⁶ Такие эпитеты в адрес Ак-Коюнлу в устах османских авторов, конечно же, имели нелестный характер и свидетельствовали о восприятии ими туркман как представителей «чужой» этнокультурной среды.

Кстати, для османской литературы характерно такое восприятие всех «восточных туркман», включая Кара-Коюнлу и дулкадырцев. Это стало проявляться более наглядно во второй половине XV - начале XVI в., в период конфронтации с государством Ак-Коюнлу и бейликом Дулкадыр. Однако даже в начале XV столетия, когда отношения османов с туркманами Кара-Коюнлу протекали в довольно мирном русле, чувствовалось некоторое пренебрежительное описание османскими авторами последних. К примеру, как известно, Османское государство после присоединения Эрзинджана в период правления султана Мехмеда Челеби стало граничить с государством Кара-Коюнлу. После этого при всем мирном характере отношений между двумя странами с обеих сторон ощущалась определенная напряженность, которая открыто проявилась в 1430 г. Связана она была с походом тимуридского султана Шахруха на Азербайджан и поражением правителя Кара-Коюнлу Искандера от чагатайцев. Искандеру пришлось бежать на запад и просить османского султана Мурада II о позволении его людям провести зиму в окрестностях Токата. Помятуя о бывших союзнических отношениях Кара Юсуфа и Баязида I, османский султан дал туркманам такое соизволение. Он также поручил вали Амасьи и Токата Йоргюч-паше обеспечить их питанием и фуражом, а самому Искандеру послал дорогие подарки. Как пишет Ходжа Саад ад-Дин, пока Искандер со своей свитой наслаждался пребыванием в окрестностях Токата, его люди забились «в пещеры». Шахрух же, в свою очередь, не ос-

¹¹³⁴ XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name. P. 180

¹¹³⁵ Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. P. 128

¹¹³⁶ Anonim Osmanlı Kroniği. P. 127

меливаясь ступить на османскую землю, решил отомстить Искандеру тем, что стал вырезать оставшихся в Азербайджане туркман Кара-Коюнлу, и взяв в рабство их детей и женщин, вернулся восвояси. Однако, как указывает тот же автор, с наступлением весны туркманы стали бесчинствовать в окрестностях Токата, грабить местное население *«подобно голодным волкам, проявив тем самым свое истинное нутро и природу»*. Йоргюч-паша был вынужден доложить о положении султану. Разгневанный Мурад II приказал бейлербею Анатолии Умур-бею, сыну Тимурташ-паши, выдвинуться в сторону Токата с многочисленным войском. Одновременно было послано письмо Искандеру, написанное в довольно мягком тоне, но имевшее смысл предостережения от нежелательных шагов. В свою очередь, Умур-бей на подступах к Токату направил правителю Кара-Коюнлу свое письмо, в котором предупреждал последнего о плачевных последствиях, к коим могли привести действия его людей. *«Неспособность держать в подчинении горстку тюрок (туркман - Ш.М.), превращающих благоустроенные места в развалины, не подобает правителю»*, - писал он. Умур-бей напоминал о наступлении теплого весеннего сезона, о возвращении Шахруха в свою страну и увещевал Искандера во избежание возможной нежелательной вражды вернуться со своими людьми в Азербайджан. Автор «Тадж ат-таварих» сообщает, что обеспокоенный приближением многочисленного османского войска Искандер вместе со своими людьми спешно покинул османские земли и двинулся на восток, *«однако они по своей туркманской природе не удержались от того, чтобы подвергать грабежу раййатов, попадавших им на пути»*. Приведенный выше пассаж взят из исторического труда второй половины XVI в. Вместе с тем, следует полагать, что представления османской элиты периода Мурада II об этих событиях и о туркманах Кара-Коюнлу мало отличалось от того, что написано Ходжа Саад ад-Дином.

Примечательно, что взаимное восприятие османов и туркман Ак-Коюнлу в рамках противопоставления «свой-чужой» было характерно не только для представителей военно-политической и интеллектуальной элиты, но временами озвучивалось и в устах выходцев из народа. Об этом свидетельствуют немногочисленные сведения, встречающиеся в аутентичных источниках. К примеру, вышеприведенное сообщение Нешри об обращении османских воинов к туркманам Ак-Коюнлу во время битвы при Отлукбели (*«предатели-туркманы»*) наглядно демонстрирует в каких этнических терминах простые османы обращались к последним.

Авторы исторических трудов ясно понимали, что столкнувшиеся в кровопролитном сражении при Отлукбели соперники, несмотря на этническое родство, принадлежали к двум различным культурно-политическим обществам. Можно уверенно констатировать в это время углубление процесса этнического размежевания в тюркской среде Анатолии и Азер-

байджана, которое подспудно осознавалось рядом автором. Вряд ли в ином случае Ибн Кемаль выразил бы победу османов над туркманами Ак-Коюнлу в приведенной выше фразе о победе каждого «тюркского воина» над десятью «туркманами». Привлекает внимание то, что отмечая противников двумя разными этнонимами – османов «тюрками», а Ак-Коюнлу «туркманами» – автор указывает на их родственность, но одновременно – и на принадлежность к различным сообществам. Здесь может вызвать определенное недоумение использование термина «тюррок» (или «турок»), ибо известно, что сами османские авторы в исключительно редких случаях пользовались этим термином для самоназвания и больше вкладывали его в уста своих христианских соперников при обращении к османам. В данном примере Ибн Кемаль, видимо, подразумевал тимариотов-сипахи, составлявших большую часть османской армии. Ведь известно, что в отличие от янычар и других родов войск, формировавшихся из системы девширме сипахи в большинстве своем были выходцами из тюркской среды. В исторических источниках, включая налоговые реестры, они иногда отмечались под этнонимом «тюррок» («турок»). К примеру, в реестре провинции Тырхала от 1466-1467 гг. говорится об одном держателе тимара: «*В действительности отец его был из тюрков и прибыл в эту область вместе с Турахан-беем*», имея ввиду под последним известного османского военного предводителя акынджи.¹¹³⁷ Такие примеры можно найти и в произведении Ибн Кемалья.¹¹³⁸

Таким образом, столкновение Османской империи с государством Ак-Коюнлу имело под собой объективную историческую почву и было связано с процессами социальной и этнической дифференциации, которые происходили внутри тюркской среды Малой Азии и Азербайджана. Туркмены Ак-Коюнлу для османов являлись олицетворением всех оппо-

¹¹³⁷ İnalçık H. Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalari. P. 146

¹¹³⁸ По словам Ибн Кемалья, посаженный Мехмедом Фатихом на трон Крымского ханства Менгли Гирей отказался от пожалованного ему султаном красного головного убора (*kızıl börk*) и попросил себе белый (*ak börk*). В ответ на вопрос о причине этого поступка он пояснил, что по османской традиции красные уборы носят призванные служить в армии «нукерами» (дружинниками) воины-тюрки, в то время как белые предоставляются захваченным султаном в странах неверных воинам-рабам. Иными словами, тимариоты-сипахи из тюрков носили красные, а рабы из христиан, воспитанные в рамках системы девширме – белые головные уборы (İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 392). Смысл жеста крымского хана заключался в том, что в стремлении продемонстрировать свою преданность османскому трону он уподоблял себя не свободным тюркским воинам-сипахи, а рабам султана, которые носили белые головные уборы. То есть, и в данном примере под словом «тюррок» («турок») подразумевались тимариоты-сипахи. В другом пассаже при описании сражения между османами и венграми Ибн Кемаль пишет, что от множества «*красных головных уборов тюрков (турок)*» место сражения стало напоминать маковое поле (Там же. С. 483). Дука также отмечает, что все турки, будь то чернь или знать, носили красные головные уборы, а рабы – белые (Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. P. 135).

зиционных сил в Анатолии, которые, помятуя о былом союзе с Тимуром в начале XV в., устремили свои взоры на нового «спасителя с востока» Узун Хасана. Снова подвергшиеся насилию со стороны османов, потерявшие свои владения и власть правители анатолийских эмиратов находили убежище при тебризском дворе, и сами, в свою очередь, подстрекали государя Ак-Коюнлу к войне с османским султаном. Один из них Титрек Синаноглу, по словам Нешри, *«сблизился с Узун Хасаном и, горя чувством мести к султану (Мехмеду Фатиху – Ш.М.), больше всех остальных подстрекал Узун Хасана к походу на Рум»*.¹¹³⁹

Не удивительно, что Азербайджан, являвшийся ядром государства Ак-Коюнлу, начинал олицетворять для османских авторов центр притяжения всех антиосманских сил или «вражеское гнездо», заменяя постепенно в этой роли Караман. Не случайно в их произведениях начинает звучать мысль о том, что *«Азербайджанский край является очагом смуты»*.¹¹⁴⁰ Эта фраза отражала взгляды, прежде всего, османской военно-политической элиты. Не случайно именно высшие эмиры увещевали султана Мехмеда Фатиха, обдумывавшего свои дальнейшие шаги после победы над Узун Хасаном, продолжить свой поход на восток, захватить Тебриз и уничтожить государство Ак-Коюнлу. Как свидетельствует Ибн Кемаль, «военачальники Рума» настаивали на преследовании врага с тем, чтобы *«уничтожить его, где бы ни застали, прочесать все его летние и зимние пастбища, его Карабаг и Аладаг, ... и застигнув его то ли в Тебризе, то ли в Хое»*, подвергнуть жестокому наказанию.¹¹⁴¹ Автор следующим образом озвучивает их обращение к султану: *«Опустошим область Ирана, ... разграбим Диярбекир... и погасим светоч Азербайджана..., с помощью румских всадников скинем тюркских и татарских всадников с седла (букв., лошади – Ш.М.) государства и жестоко полоним их»*.¹¹⁴² В этом пассаже привлекает внимание как османские эмиры, или «государевы рабы», предлагают захватить две основные части «страны туркман» – Диярбекир и Азербайджан, при этом называя туркман Ак-Коюнлу такими этносоциальными терминами как «тюркские и татарские всадники». Это еще один интересный штрих к вопросу о взаимном восприятии османов и туркман Ак-Коюнлу.

Интересно, что в отношениях и с дулкадырскими туркманами, как и с караманцами и Ак-Коюнлу, османы выражали свои симпатии и антипатии в этнических терминах. К примеру, в первой половине XV в., не имея еще общих границ и потому оснований для конфронтации, Османское государство и Дулкадырский бейлик вполне мирно уживались между собой. Более того, стремясь освободиться от мамлюкской опеки, правители Дулкадыра

¹¹³⁹ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 818-819

¹¹⁴⁰ İbn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 277

¹¹⁴¹ Там же. С. 362

¹¹⁴² Там же. С. 363

иногда искали союза с османскими султанами. Османы, в свою очередь, стремились заручиться поддержкой дулкадырцев в борьбе против своего старого противника Карамана, а потому желали налаживания более тесных связей. Султан Мурад II, намеревавшийся с этой целью женить своего сына и наследника Мехмеда, будущего завоевателя Константинополя, на дочери правителя Дулкадыра Сулеймана, следующим образом говорил об этом ве-зиру Халил-паше: *«Желаю женить сына Мехмеда. Этот Дулкадыроглу Сулейман-бей очень приятный туркман. В отношениях с нами проявляет верность и дружбу. Хочу женить сына на его дочери»*.¹¹⁴³

Таким образом, в начальный период отношений османский султан оценивал дулкадырского бея как «приятного туркмана». Однако во второй половине XV в. с расширением османских границ на восток, ужесточением отношений с мамлюками и Ак-Коюнлу возникли и первые трения между османами и дулкадырцами. Поскольку эмират Дулкадыр оказался на стыке границ трех мощных мусульманских государств – Мамлюкского, Османского и Ак-Коюнлу, то отношения между ними оказывали серьезное влияние на его положение. Как известно, султан Египта и Сирии Хошкадам казнил дулкадырского правителя Малик Арслана (1454-1466) и назначил на его место его брата Шахбудака (1466-1468; 1472-1480). Недовольной этим части дулкадырской знати с османской помощью удалось свергнуть мамлюкского ставленника и посадить на трон другого брата Малик Арслана – Шахсувара (1467-1473). Последний успешно сопротивлялся давлению мамлюков, слава его росла и, как отмечает османский автор, его стали переполнять гордыня и самодовольство.¹¹⁴⁴ В сущности, это должно означать, что дулкадырские правители, стремившиеся сбросить мамлюкское ярмо, не горели желанием заменить его османским протекторатом. Это выразилось и в гневном ответе Шахсувара османскому послу, пытавшемуся напомнить ему об услугах османского султана и необходимости подчиниться ему. Дулкадырский бей ответил на это предложение следующим образом: *«С этого времени я не подчинюсь ни одному восседающему на престоле султану на этой земле, не склоню головы и не буду служить сыну Османа, даже если порог его будет возвеличен до небес. Я такой же независимый султан как он, владею народом и племенем. Страна моя благоустроена, а войско победоносно. Кого я должен опасаться?»*.¹¹⁴⁵

Слова Шахсувара поразительно напоминают ответ правителя Карамана Ала ад-Дина Али, сказанные в свое время Баязиду I, и демонстрируют позицию анатолийских беев в отношении османской экспансионистской политики в Малой Азии. Надо добавить, что Шахсувар на глазах у османского посла и присутствовавшей на аудиенции дулкадырской знати

¹¹⁴³ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. II cild. P. 674-675

¹¹⁴⁴ İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. P. 395

¹¹⁴⁵ Там же

демонстративно порвал знамя и барабан, присланные ему в качестве знаков власти Мехмедом Фатихом, что символизировало его нежелание принимать их от другого правителя. Однако в скором времени он потерпел поражение от посланной султаном Каитбаем мамлюкской армии во главе с эмиром Йашбеком и был взят в плен. Отвезенный в цепях в Каир, дулкадырский бей в 1472 г. после тяжелых пыток был казнен.

После гибели Шахсувара османы поддержали его брата Бозкурта Ала ад-Довле в качестве кандидата на престол. По сообщению Ибн Кемалю, туркманские беи из крыла «бозок», составлявшие знать эмирата Дулкадыр, оказали ему помощь.¹¹⁴⁶ Таким образом, Ала ад-Довле при содействии Мехмеда Фатиха в 1479 г. воссел на трон, а его соперник Шахбудак был вынужден бежать в Египет. Вместе с тем, будучи предусмотрительным правителем, новый дулкадырский бей не намеревался поступаться частью своей власти в пользу османов. Он также не склонился ни перед султанами Ак-Коюнлу, ни в последующем перед сефевидским шахом Исмаилом. Как известно, после победы в 1514 г. над сефевидами османский султан Селим I стал подстрекать Шахсувароглу Али-бея против своего дяди Ала ад-Довле. В результате, в 1515 г. последний был казнен османами, и Али-бей был назначен «главой» дулкадырского улуса. Однако в скором времени Шахсувароглу Али-бей, славившийся своей отвагой и оказавший огромные услуги османам в их войнах против сефевидов и мамлюков, был убит по приказу султана Селима. Это убийство потрясло анатолийских тюрок, и после этого среди них распространилась и стала расхожей фраза «*Османлы – убийцы богатырей*».¹¹⁴⁷ Эта фраза отражала реалии османской имперской системы, признававшей лишь службу в качестве «государевых рабов» и не приемлющей добровольной, но почетной службы, которую олицетворял один из последних «вольнлюбивых» туркманских аристократов Малой Азии Шахсувароглу Али-бей. Продолжая традиционную политику подчинения анатолийских земель, Османская империя после этого события ликвидировала эмират Дулкадыр и присоединила его территорию в качестве обычного эялета.

Таким образом, в османской исторической литературе отношения между Османской империей и государством Ак-Коюнлу во второй половине XV в. не только рассматривались как военно-политический конфликт, но воспринимались и в рамках этнокультурного противостояния двух обществ. Эта оценка отражает те этнополитические процессы, которые подспудно происходили внутри тюркской среды Малой Азии. На западе Анатолии, как указывалось, наблюдалась все большая этническая консолидация вокруг османской государственности той части населения, которая принимала символизирующие ее политико-правовые и моральные ценности. Так, в сущности,

¹¹⁴⁶ Там же. С. 397

¹¹⁴⁷ «*Osmanlı yiğit basandır*» (Yinanç R. Dulkadir Beyliği. P. 105).

складывалось ядро турецкого народа в средние века. Та же часть тюркского населения Малой Азии, которая по разным причинам – политическим, социальным или религиозным, отвергала «османизацию» и не видела себя частью формировавшейся османско-турецкой этнокультурной общности, переходила в явную или скрытую оппозицию к Османскому государству. Успешная централизаторская политика Османской империи, неуклонное территориальное расширение на восток Малой Азии вовлекали все большее количество тюркского населения в орбиту ее влияния. Этот процесс вызывал рост антиосманских настроений у тех слоев, которые не желали принимать османскую гегемонию. С этим связано и бурное распространение гетеродоксальных религиозных течений в среде оппозиционно настроенных по отношению к османской власти слоев тюркского населения Анатолии, особенно туркман. Официальному османскому суннизму они противопоставляли свои «еретические» воззрения в форме алевизма, шиизма, кызылбашства. Это в итоге привело к тому, что значительная часть туркманских кочевников Анатолии оказалась под влиянием кызылбашской пропаганды Сефевидов и стала впоследствии жертвой жестоких религиозных войн, которые происходили между Османской империей и Сефевидским государством в XVI-XVII вв.

Этнолингвистические процессы в тюркской среде Малой Азии в XIV-XV вв.

Период анатолийских бейликов, как было отмечено, ознаменован серьезными этнополитическими трансформациями в тюркской среде Малой Азии и Азербайджана. Этнический раскол, происходивший внутри этой среды в XIV-XV вв., нашел свое отражение и в сфере языка, выразившись в процессе лингвистической дифференциации. По сути, в этот период наблюдается консолидация ряда тюркских диалектов и превращение их в самостоятельные литературные языки, которые отличались друг от друга целым рядом лексико-грамматических признаков.¹¹⁴⁸ М.Ф.Кёпрюлю отмечает, что начиная именно с XIV столетия происходило формирование главных литературных языков тюркского ареала, которые, не

¹¹⁴⁸ В трактовке термина «литературный язык» в данной работе мы опираемся на определение М.М. Гухмана, который подразумевает под ним обработанную форму «любого языка, независимо от того, получает ли она реализацию в устной или письменной разновидности. Определение “обработанная форма” языка предполагает известный отбор языковых средств из общего инвентаря на основе более или менее осознанных качественных критериев и связанную с этим большую или меньшую регламентацию. Иными словами, литературный язык рассматривается как одна из форм существования языка, наряду с территориальными диалектами и разными типами обиходно-разговорных койнэ (интердиалекты) и просторечием» (Гухман М.М. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. С. 502-548)

подвергаясь серьезной трансформации, продолжили свое развитие до наших дней. Он выделил и основные регионы распространения тюркских литературных языков в этот период – Анатолия, Азербайджан, Хорезм, Золотая Орда и Туркестан, который, видимо, включал и Мавераннахр.¹¹⁴⁹

На тот период, считает М.Ф.Кёпрюлю, «...наряду с двумя ведущими литературными наречиями тюркского языка – чагатайским и османским – на обширной территории от Хорасана до Анатолии и от Кавказа до Багдада было распространено и господствовало еще одно развитое тюркское литературное наречие, которое мы называем азербайджанским. Находившееся в тесной взаимосвязи с западно-огузским литературным наречием, которое принято называть османским, оно, на самом деле, представляло собой восточно-огузское литературное наречие».¹¹⁵⁰

Со второй половины XIV в. между этими двумя литературными языками начинают отчетливо ощущаться географические рубежи. М.Эргин проводит границу лингвистического разлома по направлению с севера на юг по линии Самсун–Сивас–Искендерун, которая фактически делит Малую Азию на две части.¹¹⁵¹ К западу от этой линии находилась сфера распространения западноанатолийского (османского) тюркского языка, а на востоке от нее лежал ареал распространения различных диалектов азербайджанского языка.¹¹⁵²

Тюркский литературный язык, который формировался в западных областях Малой Азии, имел свои отличительные особенности. По словам Д.Е.Еремеева, материалы тюркского языкознания и диалектологии свидетельствуют, что в этногенезе турецкого народа, который происходил на северо-западе Малой Азии, важную роль сыграли тюркские племена, мигрировавшие в этот регион через Балканы. Действительно, диалекты северо-западной Анатолии отличаются от диалектов центральных и восточных областей Малой Азии и по ряду признаков имеют большее сходство с гагаузским языком. Их сближает наличие в большей степени огузских языковых элементов, а также их близость к печенежскому языку, в отличие от азербайджанского и туркменского языков, которые более интенсивно подверглись влиянию кыпчакских языков.¹¹⁵³ Хотя автор и подкрепляет свое мнение рядом фактов историко-лингвистического характера, участие филологов-лингвистов в разработке данной проблемы, касающейся сравнительного анализа языковых реалий, представляется более целесообразным. З.В.Тоган также пишет о формировании основных норм азербайджанского языка («азербайджанского наре-

¹¹⁴⁹ Köprülü M.F. Türk edebiyatı tarihi. P. 231

¹¹⁵⁰ Köprülü M.F. Azeri. P. 119

¹¹⁵¹ Ergin M. Kadı Burhaneddin Divanı. P. VIII-IX

¹¹⁵² Köprülüzadə M.F. Azəri ədəbiyyatına aid tədqiqlər. P. 35

¹¹⁵³ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 70-71. Б.Чобанзаде также отмечает, что «азербайджанское наречие является ветвью огузо-кыпчакской группы языков и подверглось влиянию северных и восточных (тюркских – Ш.М.) языковых групп в меньшей степени, чем туркменский, но больше, чем анатолийский языки». (Çobanzadə B. Türk grameri. P. 83)

чия») в ильханидский период в результате взаимовлияния огузо-туркменских, кыпчакских и восточно-туркестанских тюркских языков. Автор отмечает, что «еще в первой половине XIV в. при составлении словаря тюркских и монгольских языков, распространенных в Ильханидской державе, Ибн Муханна наряду с “туркменским” языком и “тюркским языком Туркестана” упоминает и “тюркский язык нашей страны” (*turki arzina*)».¹¹⁵⁴ По общему мнению многих специалистов, занимавшихся этим произведением, — П.М.Мелиоранского, Б.Чобанзаде, А.Джафароглу — под данным термином, безусловно, имеется в виду азербайджанский язык.¹¹⁵⁵

Следует отметить и немаловажные особенности политических и культурных реалий ильханидской эпохи, которые оказывали влияние на формирование норм литературного тюркского языка в Азербайджане и Иране. Недолгое, примерно полувекковое доминирование монгольского языка в официальном канцелярите Ильханидской империи во второй половине XIII в. стало постепенно сходить на нет в начале XIV в., уступая свое место персидскому и частично тюркскому языкам. Однако это был не огузо-тюркский язык, на котором говорило большинство населения Азербайджана, а литературный восточно-тюркский или уйгурский язык, используемый многочисленными представителями имперского чиновничества восточно-туркестанского происхождения («битикчи» и «бахши»). Один из ранних образцов официальных билингвальных тюркско-персидских документов в Азербайджане относится к 1305 г., т.е. периоду правления Олджайту-хана. Он написан уйгурским письмом и содержит информацию о земельном владении в Тебризе и Ардебиле. Тюркский текст документа дает представление об особенностях этого языка, в котором превалировали кыпчакские элементы и который позже был назван некоторыми исследователями «хорезмийским» или «чагатайским», и, безусловно, оказал влияние на формирование тюркского литературного языка в Азербайджане.¹¹⁵⁶

Отличительные черты двух тюркских литературных языков, формировавшихся в западной Анатолии и Азербайджане, более ощутимы при сравнении лексико-семантических особенностей художественных произведений, созданных в этих регионах. Вместе с тем, такой сравнительный анализ позволяет с большей или меньшей точностью очертить границы ареалов распространения этих языков. По мнению некоторых специалистов, язык произведений таких известных поэтов того периода, как Шейхоглу, Ашик-паша, Шейхи из Гермияна, Ахмеда Даи, Ахмеди, составили основу староанатолийского (западноанатолийского) или османо-турецкого языка,

¹¹⁵⁴ Togan A.Z.V. Azerbaijan. P. 107

¹¹⁵⁵ См.: Çobanzadə B. İbn Mühənnə və onun lüğəti. P. 59-60; Gül B. İbni Mühənnə Lüğətinin Türk ve Moğol dil araştırmalarındaki yeri ve önemi. P. 90

¹¹⁵⁶ Vásáry I. The role and function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran. P. 146-149

в то время, как Хасаноглу (XIII в.), Мустафа Зарир, Юсуф Маддах, Сули Факих, Кадий Бурхан ад-Дин Ахмед и Насими своим творчеством оказали сильное влияние на становление азербайджанского литературного языка. К примеру, тот же М.Ф.Кёпрюлю писал, что поэма «Юсуф и Зулейха» Мустафы Зарира может считаться азербайджанским произведением, хотя оно и было написано на территории Сирии и Египта и было посвящено мамлюкским правителям.¹¹⁵⁷ Другой турецкий автор К.Кюркчюоглу пишет о языке поэзии Насими, что «он как и язык произведений Хабиби и Физули относился к азербайджанскому наречию, очень близкому к тюркско-огузскому».¹¹⁵⁸ Известный историк-языковед М.Эргин указывал, что произведения Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда хоть и были созданы в Анатолии, но с точки зрения лингвистических особенностей они входят в сферу азербайджанского языка.¹¹⁵⁹ М.Ф.Кёпрюлю также считает, что язык произведений этого поэта «имеет все особенности азербайджанского наречия».¹¹⁶⁰

Уместно было бы отметить, что сам Кадий Бурхан ад-Дин никогда не ступал на землю Азербайджана в географическом понятии и провел свою жизнь, в основном, в центральной Анатолии – Сивасе и Кайсери; Мустафа Зарир был родом из Эрзерума, а Хасаноглу – из городка Асфараин в Хорасане. Тем не менее, творчество этих мастеров слова, считающихся первыми классиками тюркоязычной азербайджанской литературы, демонстрирует границы обширного ареала распространения азербайджанского литературного языка в XIII-XIV вв. от Хорасана на востоке до середины Малой Азии на западе. По мнению И.П. Петрушевского, в XIII-XIV вв. он стал литературным языком для тюркского населения не только собственно Азербайджана, но и населения, проживавшего далеко за его пределами – в Иране, Ираке и частично восточной Анатолии.¹¹⁶¹ М.Эргин также отмечает, что исторически «географически сфера охвата азербайджанского языка включает в себя такие регионы, как восточная Анатолия, южный Кавказ и Кавказский Азербайджан, Иранский Азербайджан, Киркук и территорию проживания иракских и сирийских туркмен».¹¹⁶² Некоторые современные филологи подчеркивают, что «в XIII-XIV столетиях восточная Анатолия стала колыбелью азербайджанского литературного языка. Именно здесь возникли первые памятники и образцы письменных литературных и художественных произведений на этом языке. Здесь же произошел взлет азербайджанской литературы, получивший в последующем бурное развитие. Такие мастера слова как Сули Факих, Кадий Мус-

¹¹⁵⁷ Köprülü M.F. Azeri. P. 130

¹¹⁵⁸ Kürkçüoğlu K.E. Seyyid Nesimi Divanı'ndan seçmeler. P. 199

¹¹⁵⁹ Ergin M. Kadı Burhaneddin Divanı. P. III

¹¹⁶⁰ Köprülü M.F. Azeri. P. 130

¹¹⁶¹ Петрушевский И.П. Государства Азербайджана в XV веке. С. 185

¹¹⁶² Ergin M. Kadı Burhaneddin Divanı. P. VII-VIII

тафа Зарир из Эрзерума, Юсуф Маддах, Кадий Бурхан ад-Дин... являются выходцами из восточной Анатолии».¹¹⁶³

Медленно прогрессирующая дифференциация между двумя литературными языками – османским и азербайджанским – прослеживается не только исследователями нашего времени. Она ощущалась и передавалась и современниками в своеобразных, но известных на тот момент терминах и фразах, что засвидетельствовано рядом источников. К примеру, один из лучших знатоков средневековой тюркской литературы Алишер Навои, касаясь творчества Насими, указывал, что этот хуруфитский поэт писал на двух языках – «румийском и туркменском» (*Rumi ve Türkmēni*).¹¹⁶⁴ Под термином «румийский», безусловно, подразумевался тюркский литературный язык, формировавшийся в западной Анатолии и в последующем получивший известность как «османский». А слово «туркменский» в данном случае означал азербайджанский литературный язык, указывая также на ведущую роль туркман в этногенезе азербайджанского народа в средние века.

В цитируемом произведении Навои приведен любопытный случай встречи в Руме (т.е. Анатолии) двух старых знакомых – азербайджанского поэта Мир Сейида Касима Анвара из Тебриза и некоего Мовлана Джани, с которым он познакомился много лет назад в Тебризе, где тот получал образование. Когда тебризский поэт справился о здоровье своего старого знакомого, тот ответил ему на «румийском языке», т.е. тюркском литературном языке западной Анатолии.¹¹⁶⁵ То, что тебризский поэт особо подчеркнул этот факт, свидетельствует об осознании и со стороны современников процесса дифференциации и самостоятельного развития двух наречий – румского (румийского) и тебризского, т.е. османского и азербайджанского.

Т.Гянджеи попытался на материале ряда средневековых литературных памятников проанализировать процесс формирования и некоторые лексические отличия этих двух литературных языков. Свои исследования он построил на сравнении словарного состава двух различных переводов на тюркский язык 4-го раздела произведения Ибн Баззаза «Сафват ас-сафа», («Житие шейха Сафи ад-Дина Ардебили»). Первый перевод этого агиографического труда на османо-турецкий язык относится к 1457 году. А в 1542 г. Мухаммедом ал-Катибом Нашати по заказу хранителя печати сефевидского шаха Тахмаспа Зулкадырли Шахкули-халифы в Ширазе был

¹¹⁶³ Qəhrəmanov C., Xəlilov Ş. Mustafa Zərir, Yusif və Züleyxa. P. 156

¹¹⁶⁴ Ali-Şir Nevayi. Nesayimü'l-mahabbe. P. 437. В этом же произведении Навои оценивает творчество другого поэта Мавлана Мукими и отмечает, что тот был родом из области Тархан в Хорасане и писал прекрасные «тюркские стихи на диалекте того племени» (Там же. С. 436-437). Учитывая газели на азербайджанском тюркском языке другого поэта XIII в. из Хорасана Хасаноглу, можно предположить, что язык Мукими был близок к языку классической азербайджанской литературы.

¹¹⁶⁵ Там же. С. 418

осуществлен его перевод на азербайджанский тюркский язык. Т.Гянджеи сравнивает лексический состав двух переводов и отмечает, что второй был сделан на более богатом и чистом тюркском языке. Свой вывод исследователь обосновывает тем, что Нашати дает тюркские эквиваленты многих арабо-персидских слов и переводит на тюркский язык персидские поэтические пассажи, встречающиеся в оригинале произведения, в то время как анонимный переводчик на османский язык предпочел сохранить их в первоначальном виде. В качестве примера можно привести следующие лексические пары, показывающие тюркские эквиваленты из перевода Нашати и их арабо-персидские варианты из оригинала: *alqış – dua* (молитва), *bulaq – çeşmə* (родник), *buyruq – əmr* (приказ), *çaxır içici – şärib-ül-xämr* (пьющий вино), *dängiz – dārya* (море), *it – kälb* (пес, собака), *özgä – qeyri* (чужой, другой), *qarğa – zağ* (ворона), *sayru – xəstə* (больной), *uşaq – vālād* (дитя, ребенок), *yaqışur – münasib* (соответствующий, подходящий) и т.д. Вместе с тем, сравнительный анализ тюркских синонимичных слов, употребленных в двух переводах, позволяет прийти к более существенным выводам в плане выявления специфических лексем, отличавших в этот период османский и азербайджанский литературные языки. К примеру, в переводе Нашати слово «отнеси» передано азербайджанским словом *apar*, в то время как в османском варианте перевода оно выражено другим, османским синонимом *ilet*. Или можно привести следующие аналогичные пары: *de – ayıt / eyit* (скажи), *dışaru – taşra* (вовне, за пределами), *gänä – gerü* (снова, опять, после), *män – ben* (я), *öz – kendü* (свой), *qalx – qop / turugel* (встань, выпрямись), *qayıt – gerü dön* (вернись), *tanı – bil* (знай, узнай), *tap – bul* (найди), *uşaq – oğlan* (мальчик, ребенок), *yaxşı – eyü* (хорошо, хороший), *yaman – yavuz* (плохой, грозный), *yandur – yaq / göyned* (сожги) и т.д. По мнению Т.Гянджеи, корни литературного языка, на который был осуществлен второй, сефевидский, перевод произведения, следует искать на территории Азербайджана и Ирака, которые в свое время, т.е. в конце XIV – начале XV столетий находились под властью Джелаиридов. Последующее развитие этого языка происходит в том же ареале в период государств Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Он обладал специфической орфографической системой, а также иными своеобразными чертами, которые ясно отличали его от османского языка и свидетельствовали о его самостоятельном существовании.¹¹⁶⁶

Безусловно, дальнейшее развитие обоих литературных языков приводило к еще большему их обособлению друг от друга. Вместе с тем, устные или разговорные языки, базировавшиеся на различных местных диалектах и имевшие явно выраженный региональный характер, по сравнению с литературными языками должны были в большей степени обладать отличительными чертами. Османский (румский), азербайджанский и чагатайский языки,

¹¹⁶⁶ Gandjei T. Turcica Agemica. P. 121-123

являвшиеся основными тюркскими литературными языками в ту эпоху и развивавшиеся в относительно тесной взаимосвязи, были более устойчивыми и имели более консервативный характер по сравнению с разговорными языками. По этой причине путешественники, которые прибывали в эти страны в средние века, отмечали, прежде всего, различие, существовавшее в устных формах тюркских языков. К примеру, римский вельможа Пьетро делла Валле, который прожил более двадцати лет при дворе сефевидского шаха Аббаса I в Исфахане, и владел восточными языками, уделил особое внимание этим вопросам. Как известно, несмотря на довольно интенсивный процесс «иранизации» Сефевидского государства, который происходил в начале XVII в. в период правления шаха Аббаса I, азербайджанский тюркский язык все еще сохранял господствующее положение при дворе и в армии. Во время первой аудиенции Пьетро делла Валле, говоривший с шахом, по его же словам, на «константинопольском турецком», или османо-турецком, языке, был крайне удивлен тому, что сефевидский правитель не мог понять некоторых слов и выражений из его речи. К тому же, шах Аббас сам переводил на персидский язык речь итальянского гостя для тех придворных, которые не владели тюркским языком. В последующем делла Валле, который за долгие годы пребывания в Исфахане имел возможность близко познакомиться с тем тюркским наречием, на котором говорили при сефевидском дворе, и даже написать его грамматику под названием «*Grammatika della Lingua Turca*»,¹¹⁶⁷ объяснял причины этого явления следующим образом. По его словам, «константинопольский турецкий язык», который иранцы называли «османским», отличался от языка «иранских тюрок». Поэтому делла Валле был вынужден продолжить свою беседу с шахом Аббасом через переводчика.¹¹⁶⁸ Этот факт не должен вызывать удивление, ибо, как известно, в сефевидский период, ознаменованный богатым литературным наследием на азербайджанском тюркском языке таких поэтов как Хатаи (шах Исмаил I Сефеви), Хабиби, Физули, Рухи, Амани, Масихи и других, азербайджанский и османский литературные языки окончательно размежевались между собой, и каждый из них продолжал самостоятельное развитие на базе собственных фонетических и лексических норм.¹¹⁶⁹ Не случайно эта лингвистическая дифференциация порой от-

¹¹⁶⁷ Gurney J.D. Pietro della Valle: The Limits of Perseption. P. 110. Это произведение, вероятно, является первой грамматикой азербайджанского языка. К сожалению, историки азербайджанского языка до сих пор не обратили внимания на данный факт, поскольку все еще первой известной грамматикой этого языка считается «Грамматика турецко-татарского языка» Мирзы Казем-бека, опубликованная в 1839 г., и его дополненный и переработанный вариант под названием «Общая грамматика турецко-татарского языка» (1846 г.) (Əlizadə A. Azərbaycan dilçiliyində Mirza Kazım bəyin rolu. P. 69).

¹¹⁶⁸ Pietro della Valle. P. 191-192

¹¹⁶⁹ К примеру, Е.Э.Бертельс, исследовавший «Диван» поэта XVII столетия Тарзи Афшара, отмечал соответствие фонетических норм использованных тюркских слов нормам азербайджанского языка (Бертельс Е.Э. Тарзи Афшар и его творчество. С. 456).

мечалась и авторами многочисленных средневековых антологий тюркской литературы под общим названием «Тезкире-и шуара». В частности, говоря о знаменитом Физули, Мустафа Аали отмечает, что тот родился и жил в Багдаде и особо подчеркивает, что Мавлана Физули считался «мастером» тюркоязычной поэзии в «странах востока» (*memalik-i şark*), отделяя его, таким образом, от собственно османской или стамбульской литературной среды.¹¹⁷⁰

Как известно, формирование литературных языков в средние века было достаточно длительным процессом. Принятие единых норм письменного языка со стороны образованной части общества в условиях отсутствия современных коммуникационных возможностей и средств массовой информации, когда письменные произведения распространялись чрезвычайно медленно и в рукописной форме, было сопряжено со значительными трудностями. Эти факторы благоприятствовали также тому, что определенные региональные и племенные наречия сохраняли свою актуальность в течение длительного времени, и зачастую диалектные языковые единицы находили свое отражение в произведениях тех или иных литераторов. В начале XVI в. после победы султана Селима I над шахом Исмаилом восточные области Малой Азии вошли в состав Османской империи, что завершило процесс территориальной и политической «османизации» Анатолии. Тем не менее, распространение на всей территории Малой Азии, особенно на ее востоке, османского литературного языка, который продолжал развиваться на базе стамбульского диалекта турецкого языка, затянулось на многие столетия. Многие местные поэты в восточной Анатолии все еще продолжали создавать свои литературные произведения на азербайджанском языке.¹¹⁷¹ Именно в это время поэт по имени Шукри-бей, выходец из Бидлиса в восточной Анатолии, представил победителю сефевидов султану Селиму I хвалебную поэму (маснави) «Селим-наме», которая была написана на более близком поэту местном туркманском диалекте. Как отмечает А. Угур, на самом деле языком этого произведения является азербайджанский язык.¹¹⁷²

Знаменитый турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби посетил многие уголки Малой Азии и отметил своеобразие различных диалектов тюркского (туркманского) языка, на котором говорило население отдельных областей. От его пытливого взора не ускользнуло также то, что туркманские говоры восточной Анатолии и Диярбекира достаточно серьезно отличались от стамбульского наречия и были близки к азербайджанскому, который автор обозначает термином «аджамский». Чтобы подтвердить свое наблюдение, он в своей «Книге путешествий» приводит ряд примеров из диярбекирского туркманского говора в сравнении со стамбульским:

¹¹⁷⁰ Künhü'l Ahbar' in Tezkire kısmı. P. 255

¹¹⁷¹ Еремеев Д.Е. Этногенез тупок. С. 154

¹¹⁷² Uğur A. The reign of Sultan Selim I in the light of the Selim-name literature. P. 16

«*mänim kimi – benim gibi* (как я);
bäs män netmişäm? – *ya ben neyledim?* (что же я сделал?)
körpi – köpri (мост);
qurğuşun – kurşun (свинец);
iräli – ileri (вперед);
öz özümä – ben bana (сам себе);

Hey kişi, pisik kimi mavlamagilän – Hey adam, kedi gibi çağırma, diyorum (Эй ты, человек, не мяукай как кошка)». ¹¹⁷³

Вышеприведенные примеры как нельзя лучше демонстрируют принадлежность туркманских диалектов восточной Анатолии и Диярбекира к историческому ареалу азербайджанского языка. Еще один аналогичный пример связан с османским султаном Мурадом IV, который, по словам Эвлии Челеби, был большим любителем рассказов и анекдотов, а также поклонником восточных (туркманских) диалектов, получал особое удовольствие от слушания речи на «аджамском говоре» (*Acemane kelimat*) населения Ирака и Диярбекира и сам часто любил вставлять в свою речь слова и выражения на этом наречии, как, например, «*män şöylä demişäm; män hüzä böylä demişäm*» («я сказал так-то; я сказал этак»). ¹¹⁷⁴ В данном случае, под «аджамским говором» Ирака и Диярбекира или «восточном наречии» (*şark lisanı*), безусловно, нужно понимать туркманские диалекты, которые легли в основу средневекового литературного азербайджанского языка, став языком произведений Насими и Физули. Не случайно азербайджанский поэт XVI столетия Рухи, принадлежавший к багдадской литературной среде, сравнивал в одной из своих газелей «сладкоречивых, игривых и верных» багдадских красавиц со стамбульскими, которые, как отмечал автор, также приятны, «однако язык их отличается иным очарованием». ¹¹⁷⁵

В то же время, литературный язык, сформировавшийся в западной Анатолии на основе османского диалекта, был известен под разными наименованиями – «османский тюрки/турецкий» (*Türki-i Osmani*), «османский язык» (*lisan-i Osmani*), «румийский язык» (*lisan-i Rumi*). Сфера этого языка в Малой Азии все более расширялась по мере территориального продвижения Османского государства на восток. Данный процесс происходил за счет включения в сферу влияния османского языка все новых областей, местные туркманские диалекты которых постепенно теряли свою

¹¹⁷³ Автор приводит и следующее четверостишие на местном туркманском диалекте, которое дает представление о простонародной речи населения этих мест в средние века.

Bäskä gözäyi sindirmişsan,

Atan goriçün olsun.

Zahir bardağı qırılmışan,

Babanın mazarıçün olsun (Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cild IV. P. 50-51).

¹¹⁷⁴ Там же. С. 49

¹¹⁷⁵ «*Bunların var lisanında vâli özgä säfa*» (Musabäyli A. Ruhi Bağdadi. P. 167).

самостоятельность и растворялись в нем, а также за счет все большего вытеснения на восток того тюркского языка, который сегодня называется «азербайджанским». Как указывал М.Ф.Кёпрюлю, «литературным языком Ирака и восточной Анатолии до завоевания этих территорий Османским государством был азербайджанский; после османского завоевания азербайджанские наречия продолжали оставаться здесь разговорным языком, в то время как местные поэты под влиянием материальной и культурной притягательности политического центра (Стамбула – Ш.М.) стали все больше писать на османском литературном языке, который, впрочем, мало отличался от азербайджанского».¹¹⁷⁶ Если оценивать исторические события с этой точки зрения, то можно констатировать, что противостояние между Баязидом Молниеносным и Кадием Бурхан ад-Дином Ахмедом в конце XIV в., Мехмедом Фатихом и Узун Хасаном во второй половине XV в. и между султаном Селимом и шахом Исмаилом в начале XVI в. не было лишь военно-политическим соперничеством. В ходе этих исторических событий были очерчены границы двух основных этнокультурных компонентов тюркского ареала Ближнего Востока, а также сферы распространения и влияния двух тюркских литературных языков – османского и азербайджанского. Современные пределы распространения турецкого и азербайджанского языков, в основном, были установлены в результате вышеотмеченного противостояния в XIV-XVI вв.

Классический азербайджанский язык, так же как и турецкий, в лексиконе средневековых авторов имел несколько различных наименований. Выше уже было сказано, что в произведении Навои он назван «туркменским». Использование данного термина в XV в. в отношении азербайджанского языка вполне закономерно. По словам Ш.Халилова, в XV столетии ареал распространения этого языка еще более расширился и стал охватывать обширную территорию от Дербента на севере, Анатолии на западе и до Персидского залива на юге.¹¹⁷⁷ Существование в это время на территории Азербайджана и соседних стран туркманских государств Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, правящие династии которых, как было отмечено, на мусульманском востоке были известны как «туркманские султаны», именование в исторических источниках Азербайджана и восточной Анатолии под названием «Туркман-эли» (страна туркман), осознание местным населением своей туркманской идентичности, а также использование соседними народами этнонима «туркман» по отношению к ним являлись веским основанием, чтобы и тюркский язык Азербайджана в этот период назывался «туркманским» или «туркменским».

О том, что это историческое название азербайджанского языка продолжало употребляться даже в первой половине XIX в., свидетельствуют рус-

¹¹⁷⁶ Köprülü M.F. Azeri. P. 130

¹¹⁷⁷ Xəlilov Ş.X. “Əsrarnamə”nin dili. P. 13

ские источники. В «Обозрении Российских владений за Кавказом» от 1836 г. читаем следующее: *«Господствующий язык в Ширване есть туркоманский, употребляемый вообще в Азербэджане и называемый у нас обыкновенно татарским; он столько сходен с турецким, что оба народа могут друг друга понимать. Язык этот, называемый в Закавказье “турки”, т.е. турецким, обогатившись арабскими и персидскими словами, отличается большою приятностью, музыкальностью; и если присоединить к этому легкость изучения его, то не удивительным покажется, что он в таком же употреблении, как в Европе французский»*.¹¹⁷⁸ В.Ф.Минорский также называет язык текстов классической азербайджанской литературы, включая произведения шаха Исмаила Хатаи, «туркманским тюркским» языком (*Turcoman Turkish*).¹¹⁷⁹

Однако после установления Сефевидского государства в начале XVI столетия этноним «туркман» постепенно стал вытесняться из употребления в Азербайджане, заменяясь словом «кызылбаш», который начинал использоваться как в отношении местных тюркских племен, так и в названии государства. В связи с этим, как отмечает Т.Гянджеи, некоторые авторы сефевидского периода с целью отличать классический азербайджанский литературный язык от других тюркских литературных языков – османского и чагатайского – употребляли название «кызылбашский (*кызылбаши*) тюркский».¹¹⁸⁰ Однако этот термин не был принят многими западными исследователями в силу того, что он не отражает исторические реалии.¹¹⁸¹

Как видим, западные специалисты, занимающиеся историей азербайджанского литературного языка, соглашаясь со связью этого языка, прежде всего, с территорией Азербайджана, тем не менее, возражают против того, чтобы в отношении и средних веков называть его таким образом, что объясняется двумя причинами. Во-первых, ни в одном из средневековых источников не встречается термин «азербайджанский язык», который впервые использован в первой половине XIX в. Мирза Казем-беком в его выше-названном произведении «Грамматика турецко-татарского языка». Во-вторых, географический охват произведений, написанных на этом языке в средние века, не ограничивается пределами исторического Азербайджана и выходит далеко за его рубежи, включая центральную и восточную Анатолию, Ирак, Иран, Хорасан и другие страны. Таким образом, чтобы правильно отразить все исторические этапы развития языка, который сегодня принято называть «языком азербайджанской классической литературы», по мнению западных ученых, необходимо употреблять в отношении к его средневековому периоду научно более корректное название.¹¹⁸²

¹¹⁷⁸ Обозрение Российских владений за Кавказом. С. 78-79

¹¹⁷⁹ Tadhkirat al-Muluk. P. 188

¹¹⁸⁰ Gandjei T. Turcica Agemica. P. 124

¹¹⁸¹ Beller-Hann I. A History of Cathay. P. 25

¹¹⁸² Там же

Как известно, сами авторы, писавшие на этом языке в средние века, указывали, что создавали свои произведения на языке «тюрки», как, к примеру, Физули, называвший себя «тюркоязычным» (*türki-zeban*) по-этом. Однако то, что и другие тюркские литературные языки той эпохи, в частности османский и чагатайский, также были известны под этим названием, создает довольно непростую терминологическую путаницу. Одним из терминов, употреблявшихся в средние века в ряде источников в качестве названия азербайджанского языка, было сочетание «*тюрки аджами*» («*Türki Acemi*», т.е. «аджамский тюрки»). Впервые этот термин встречается в произведении французского миссионера и путешественника Рафаэля дю Мана «Положение Персии в 1660 г.» («*Estat de la Perse en 1660*»). Автор пишет следующее: «Тюркский язык этой страны (Ирана – Ш.М.) называется аджамским тюрки (*Turc Agemi*). У него более мягкое звучание по сравнению с османским турецким языком (*Turc Osmanlou*). Потому что в речи на османском турецком используются больше гортанные звуки, как в арабском языке, в то время как в аджамском тюрки больше употребляются губные звуки, как в персидском языке».¹¹⁸³

Поэтому некоторые западные исследователи, в том числе Т.Гянджеи, Л.Йохансон, И.Беллер-Ханн, считают более уместным использование термина «аджамский тюрки» (*Türki Acemi*) в качестве названия азербайджанского языка для средневекового его периода. По словам И.Беллер-Ханн, «этот термин кажется более приемлемым по сравнению с не совсем ясными определениями “тюрки” или “исторический азербайджанский литературный язык”. Потому что, во-первых, он не использовался для определения других письменных языков и не является, таким образом, двусмысленным. Во-вторых, он не ограничивается пределами Азербайджана и предполагает более широкую географию распространения. В-третьих, этот термин, употребленный со стороны автора XVII в., носит в себе некий историзм и в этом отношении имеет сходство с термином “османский язык”, который используется для средневекового периода турецкого языка».¹¹⁸⁴ Таким образом, азербайджанский язык, распространившийся в средние века в обширном регионе от Евфрата до Амударьи, который, как свидетельствует Сейфи Челеби, назывался Аджамом, правильнее было бы называть, согласно мнению некоторых западных исследователей, «аджамским тюрки».

Безусловно, этот дискуссионный вопрос требует более детального изучения и широкого обсуждения, прежде всего, со стороны лингвистов и историков языка. Здесь же хотелось бы подробнее рассмотреть некоторые вопросы, имеющие отношение к нашей непосредственной теме. Это, пре-

¹¹⁸³ “*Le Turc de ce pais cy appelle Turc Agemi, est plus delicat a l’oreille que le Turc Osmanlou, qui, pour converser, avec l’arabe, luy donne des accents et prononces plus gutturales, la ou icy, pour user aussi du persien, la prononce est plus labiale*” (Там же)

¹¹⁸⁴ Там же. С. 25-26

жде всего, вопрос о том, когда именно начался процесс дифференциации двух родственных языков, определяемых Рафаэлем дю Маном как «аджамский тюрки» и «османо-турецкий». Ведь лингвистическая дифференциация является одновременно отражением или индикатором этнического размежевания, который происходил внутри тюркской этнической среды Анатолии и Азербайджана. М.Ф.Кёprüлю пишет о начальном или сельджукском периоде существования тюркской языковой общности в этом регионе и указывает, что в результате монгольских завоеваний пришедшие с востока на запад, т.е. Азербайджан и восточную Анатолию, новые тюркско-огузские массы привнесли новые элементы в язык огузов (туркмен), поселившихся здесь в более ранний, сельджукский период. Таким образом, они в определенной степени способствовали новому всплеску этнических, лингвистических и литературных традиций, которые со временем забывались в среде первых поколений тюркских поселенцев. В результате этой новой волны миграций в Азербайджане и восточной Анатолии начинается формирование самостоятельного «азербайджанского наречия», который постепенно выделяется из общесельджукской языковой среды, хотя на первом этапе никакой серьезной разницы между ним и так называемым сельджукско-османским наречием не ощущалось. Однако в последующем в результате, с одной стороны, дальнейшей эволюции османо-турецкого языка, и, с другой стороны, развития азербайджанского языка в отличных от первого условиях и под достаточно сильным влиянием Ирана, происходит ускоренное размежевание этих двух языков.¹¹⁸⁵

И.Беллер-Ханн, которая детально проанализировала лингвистические особенности языка «Тарих-и Хатай», первого прозаического исторического произведения, написанного в конце XV в. на азербайджанском языке (или на «аджамском тюрки»), также уделила особое внимание данной проблеме. Опираясь на исследования М.Ф.Кёprüлю, М.Эргина, Т.Гянджеи, Г.Дорфера, она пишет о распространении в сельджукский период в ряде стран Ближнего Востока, особенно, Малой Азии и Азербайджане, в качестве койне так называемого западно-огузского языка. В ходе дальнейшей эволюции западно-огузский язык, называемый некоторыми исследователями «староанатолийским тюрки», распался на две основные ветви – османо-турецкий (исторический предшественник современного турецкого) и «аджамский тюрки» (предшественник современного азербайджанского языка). Все имеющиеся на сегодня историко-лингвистические материалы и свидетельства позволяют отнести начало размежевания этих двух языков ко второй половине XIV в. Данное наблюдение, как отмечает автор, конечно же, ни в коем случае не подвергает сомнению языковую принадлежность такого азербайджанского поэта как, Хасаноглу,

¹¹⁸⁵ Köprülüzadə M.F. Azəri ədəbiyyatına aid tədqiqlər. P. 10-11

который жил до этого периода, т.е. в XIII столетии. Однако анализ лингвистических особенностей языка его произведений не позволяет еще с уверенностью констатировать начало дифференциации внутри единого западно-огузского языка. Вместе с тем, И.Беллер-Ханн подчеркивает, что, несмотря на некоторые терминологические расхождения, ее взгляды, в целом, совпадают с мнениями таких известных ученых, как М.Ф.Кёпрюлю и М.Эргин.¹¹⁸⁶ Во всяком случае, М.Ф.Кёпрюлю также подтверждает, что до XIV столетия в Анатолии и Азербайджане существовала общая языковая среда и лингвистическое расхождение начинает наблюдаться в языке произведений, созданных именно после этого периода.¹¹⁸⁷

Таким образом, опираясь на вышеприведенные сведения, можно констатировать, что существовавший в сельджукский период на территории Анатолии и Азербайджана общетюркский язык, как бы его не называли (например, западно-огузский и др.), со второй половины XIV в. начинает постепенно распадаться на две основные ветви – западно-анатолийскую (османскую) и азербайджанскую. С этого времени между этими двумя языками происходит постепенное размежевание, и они начинают свое самостоятельное развитие. Тем самым, лингвистические данные подтверждают наши выводы об этнополитических процессах, которые происходили в указанный период внутри тюркской среды Анатолии и Азербайджана. Размежевание двух тюркских языков – османо-турецкого и «аджамского тюрки» (азербайджанского) – на самом деле являлось лингвистическим отражением процесса этнической дифференциации тюркской общности данного региона. Эта дифференциация была не только связана с языковыми факторами, но и обусловлена более важными историческими причинами. Как указывалось, после распада Сельджукского государства во второй половине XIV столетия на исторической сцене Малой Азии появились два главных политических полюса – «западный» и «восточный», между которыми происходила борьба за лидерство и объединение под собственной властью бывших сельджукских владений. Этот исторический конфликт и стал основной причиной, породившей этнический и языковой раскол внутри тюркской общности Малой Азии и Азербайджана.

Факты лингвистического характера позволяют подтвердить правомерность данного вывода. К примеру, по мнению той же И.Беллер-Ханн, в историческом плане причиной формирования «аджамского тюрки» как самостоятельного языка, географически охватывавшего территорию между двумя другими тюркскими языковыми ареалами – чагатайским и османским – послужило то, что Азербайджан располагался вдали от политических центров Малой Азии (вернее, западной Анатолии) и развивался на

¹¹⁸⁶ Beller-Hann I. A History of Cathay. P. 33

¹¹⁸⁷ Köprülüzadə M.F. Azəri ədəbiyyatına aid tədqiqlər. P. 15

собственной политической и культурной базе.¹¹⁸⁸ М.Ф.Кёпрюлю также считал главной причиной выделения самостоятельного азербайджанского языкового и литературного ареала из общетюркской среды тот факт, что исторически политическая эволюция этого региона происходила независимо от османского мира.¹¹⁸⁹ По его словам, «основной причиной формирования азербайджанского наречия в качестве самостоятельного литературного языка, отличного от сельджукско-анатолийского наречия, было то, что азербайджанский регион не подчинялся политическим центрам Анатолии, установил собственное независимое государственное существование, превратившись в результате в политическое ядро таких государств, как Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и Сефевидов, которые управлялись тюркскими династиями, существовали независимо от Османского государства, и даже противостояли последнему в религиозном отношении».¹¹⁹⁰

Таким образом, внутри некогда относительно единой тюркской этнокультурной среды Малой Азии и Азербайджана, которая существовала в сельджукскую эпоху, во второй половине XIV столетия под воздействием исторических и политических факторов начался процесс этнического и лингвистического размежевания, в результате которого в средние века естественным образом произошло формирование двух самостоятельных тюркских литературных языков – османского и азербайджанского.

Эволюция тюркского этнического сознания в Малой Азии в XIV-XV вв.

Длительное время в турецкой медиевистике преобладала «османоцентристская» парадигма, которая акцентировала внимание в средневековой истории Турции, главным образом, на эпохах централизованных империй. Время политической раздробленности, известное как период «анатолийских бейликов», рассматривалось лишь как некий хронологический промежуток между Сельджукским государством Малой Азии и Османской империей, характеризующийся временным спадом, анархией и даже регрессом. Здесь можно провести параллель с русской медиевистикой, в которой также эпоха централизованных государств Киевской Руси и Московского княжества оценивается как время процветания и развития, а отрезок между ними, особенно монгольское завоевание – как период упадка и национальной трагедии.

¹¹⁸⁸ Beller-Hann I. A History of Cathay. P. 37

¹¹⁸⁹ Köprülü M.F. Azeri. P. 125

¹¹⁹⁰ Köprülüzadə M.F. Azəri ədəbiyyatına aid tədqiqlər. P. 15

Между тем, каждый этап в истории народа имеет свое самостоятельное значение. В том числе, период бейликов связан с важнейшими этапами этнокультурной эволюции средневекового турецкого народа. После падения Сельджукского государства Малой Азии, как отмечает К.А.Жуков, «создание бейликов сопровождалось переменами в умонастроениях турецкого общества и вызвало изменение в соотношении самосознания конфессионального и этнического в пользу последнего».¹¹⁹¹ Иными словами, происходил рост тюркского этнического сознания. Развитие тюркского языка и литературы, и, соответственно, этнического сознания тюрков впервые после принятия ими ислама происходят именно в XIV-XV столетиях. Этот период можно смело назвать «ренессансом» тюркской культуры. Расцвет культуры тюркских народов в это время был связан с рядом факторов общеисторического характера.

1. После принятия тюрками ислама начался процесс глубокой трансформации их культуры. Тюрки, составлявшие один из главных этнических компонентов мусульманского мира, стали принимать нормы и образ жизни мусульманского общества, в то время как их культура начала постепенно адаптировать ценности мусульманской культуры. На первом этапе исламизация тюркской культуры, или, иными словами, становление новой тюркско-мусульманской культуры, происходило под сильным влиянием арабо-персидской культуры. Этот процесс продолжался в течение нескольких столетий и привел к тому, что уже в XIV-XV столетиях тюркская культура стала органичной и составной частью общемусульманской цивилизации, превратившись в ее самостоятельную ветвь. Именно в этот период она, в целом, не только перестала слепо подражать арабо-персидской культуре, но и продемонстрировала достаточный творческий потенциал для самостоятельного развития. Данный процесс был характерен как для Мавераннахры и Туркестана, так и Малой Азии и Азербайджана.

2. В XI в. вместе с сельджукскими завоеваниями началась эпоха тюркского политического господства на Ближнем Востоке. В XIII в. как итог монгольских завоеваний большая часть Евразии от китайской стены до восточной Европы оказалась в составе империй и государств, управляемых монгольскими династиями. Объективно это способствовало усилению тюркского этнического элемента и оживлению тюркской культуры на Ближнем Востоке, где тюрки стали ведущим этнополитическим элементом. Как отметил В.В.Бартольд, «везде последствием монгольского нашествия было, по-видимому, значительное увеличение числа турок, везде рост турецкого национального самосознания, под влиянием блеска монгольской державы, считавшейся турецкой, соединялся с культурным строительством».¹¹⁹² Сосредоточение политической власти в руках тюрк-

¹¹⁹¹ Жуков. Об этническом самосознании турок в XIII-XV вв. С. 140

¹¹⁹² Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. С. 204

ских династий создавало плодотворную почву и для развития и расцвета тюркской культуры и языка в XIV-XV вв.

3. Объединение большей части Евразии в рамках Монгольской империи способствовало активизации культурного обмена на всем протяжении исторического Шелкового пути. В том числе, возобновились более тесные контакты между тюркскими народами Ближнего Востока, Средней Азии и Восточного Туркестана. В монгольскую эпоху уйгурский язык и культура широко распространились в Азербайджане и Анатолии благодаря поселившимся здесь уйгурским чиновникам «бахши».¹¹⁹³ Особую роль представителей этого народа в развитии тюркского языка и литературы в Средней Азии и Ближнем Востоке отметил хивинский правитель Абул-Гази Бахадур-хан. Он писал в «Родословной тюрков»: *«Между уйгурами много было знающих тюркский язык и грамоту, хорошо разумеющих должности дефтердаров и счетную часть в диванах. При внуках Чингиз-хановых в Мавераннахре, Хорасане и Ираке все чиновники диванов и дефтердары были уйгуры. В областях Китая дети Чингиз-хана назначали в диваны и дефтердарами также уйгуров»*.¹¹⁹⁴ Духовно-интеллектуальное влияние Восточного Туркестана стало важным фактором, способствовавшим росту и развитию тюркского этнического сознания в Малой Азии и Азербайджане. Распространение и популяризация таких древнетюркских мифов и сказаний, как «Эргенекон» и «Огуз-наме» на Ближнем Востоке стали возможны благодаря возродившимся контактам с тюркской средой Восточного Туркестана в XIV-XV столетиях.

Росту тюркского этнического сознания в XV в. способствовали и некоторые факторы регионального характера. Так, падение Сельджукского государства Малой Азии под ударами монголов в XIII в. привело к распаду и локализации политической власти в данном регионе. С исторической сцены сошел сельджукский центр, к тому времени больше привязанный к персидской культуре, чем к тюркской. Вместе с ним несколько потускнели и нормы культурного плюрализма и религиозной толерантности, которые процветали при дворе сельджукских султанов. Пришедшие им на смену местные тюркские (туркманские) беи были теснее связаны с племенной средой и в большей степени сохраняли приверженность собственным этнокультурным традициям. Как правило, мало знакомые с «высокой» арабо-персидской культурой, часто не владевшие этими языками, они с большим вниманием относились к своей родной культуре и языку, и потому поощряли и поддерживали переводы сочинений религиозно-духовного, правового, литературного, медицинского и иного содержания на тюркский язык, что и явилось одной из основных причин бурного развития тюркской литературы в XIV-XV вв.

¹¹⁹³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 99

¹¹⁹⁴ Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. P. 41

Кроме того, постепенный упадок Ильханидской империи в первой половине XIV столетия открыл путь к восстановлению господства тюркско-огузских династий на Ближнем Востоке, особенно в Малой Азии и Азербайджане. Образование могущественных государств Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу с центром в Азербайджане после кратковременного тимуридского правления было свидетельством того, что на смену монгольской вновь пришла тюркская власть. На территории Анатолии и Азербайджана утвердились династии, являвшиеся большей частью выходцами из огузо-туркманской среды. В соперничестве друг с другом они стремились укрепить свою власть, расширить владения и, при этом, с гордостью апеллировали к собственной огузской генеалогии. Османы из племени «кайы», Кадий Бурхан ад-Дин Ахмед из «салуров», династии Ак-Коюнлу из «баяндуров», Кара-Коюнлу из племени «бахарлы», дулкадырцы из племени «афшар» и другие возводили свои родословные к древним огузам. Для легитимизации собственной власти они заказывали придворным историкам и поэтам соответствующие варианты древнетюркского генеалогического мифа «Огуз-наме». Не случайно исследователи этого периода солидарны в том, что именно в начале XV в. в Малой Азии появилось целое течение «огузчулук» (огузизм).¹¹⁹⁵ В действительности, это явление отражает заметный рост интереса к огузским этническим ценностям и культурным традициям как среди правящих слоев, так и народных масс тюркского общества.

С другой стороны, в этот период под влиянием социально-экономических факторов усилился процесс перехода туркманских кочевников к оседлости. Османские налоговые реестры начала XVI в., как было отмечено, свидетельствуют, что большинство населения Малой Азии в это время уже вело оседлый образ жизни.¹¹⁹⁶ Сужение ареала кочевничества, дезинтеграция племенной структуры и ряд подобных причин влекли за собой постепенное исчезновение многих старинных обычаев и духовных традиций, связанных с кочевым образом жизни. В этих условиях некоторые образованные люди из тюрков стремились письменно фиксировать сказания, исторические предания и мифы, которые в устной форме были обречены на забвение. В этом отношении особенно примечательны произведения Хасана Баяти «Джам-и Джам-айин» и Байбурдлу Османа «Таварих-и джедид-и мират-и джихан», сохранившие многие старинные предания туркманских кочевников Малой Азии и Азербайджана.

Основной причиной появления течения «огузчулук», как отмечено выше, был переход в Передней Азии политической власти от монгольских династий к тюркским, которые, как правило, возводили свою родословную к легендарному предку Огуз-хану. Данное течение можно на-

¹¹⁹⁵ Woods J.E. The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire., P. 67

¹¹⁹⁶ Sümer F. Çukur-ova tarihine dair araştırmalar. P. 30

звать и «политическим огузизмом», поскольку соперничество за объединение бывших территорий Сельджукской и Ильханидской империй велось именно между тюркскими династиями. В ходе этой борьбы для демонстрации собственного превосходства с точки зрения традиционных ценностей представители династий апеллировали к древнеогузским генеалогическим традициям и пытались обосновать свои претензии ссылками на авторитет «Огуз-наме».

Османская династия одной из первых прибегла к данному методу. Первый после труда Рашид ад-Дина дошедший до нас вариант «Огуз-наме» был написан придворным историком султана Мурада II Языджиоглу Али. Его знаменитый труд «Таварих-и Ал-и Сельджук» или «Сельджук-наме» был посвящен истории Сельджукского государства Малой Азии и представлял собой, как отмечалось, в значительной степени перевод на тюркский язык персоязычной хроники Ибн Биби. Вводная часть, посвященная древней истории огузов и основанная на произведении Рашид ад-Дина, носит название «Огуз-наме». Однако ценность работы Языджиоглу Али заключается в том, что он внес ряд добавлений и собственных комментариев в перевод. Они-то и помогают более наглядно представить уровень развития этнического самосознания тюркского общества в Малой Азии в XV в.

В.А.Гордлевский в свое время назвал Языджиоглу Али «историком-националистом», подразумевая то значение, которое автор придавал в своем труде восхвалению тюркских этнических ценностей.¹¹⁹⁷ Можно предположить, что живой интерес османского автора к древнетюркской истории был вызван его знакомством с преданиями и литературой Восточного Туркестана. Как свидетельствует сам автор, при работе над своим произведением он широко пользовался историческим трудом Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» и обращался к «Огуз-наме», написанном уйгурским алфавитом. А в разделе о древней истории тюрков и монголов он упоминает старинную легенду об Эргенеконе, прародине этих народов.¹¹⁹⁸

Как было отмечено, в XV столетии встречается немало образцов литературы, которые были написаны уйгурским алфавитом не только на территории Мавераннахра и Хорасана, но и в Малой Азии и Азербайджане. Так, при дворе Тимуридов уйгурские писари – «бахши» занимали почетное место. В словаре чагатайского языка слово «бахши» толкуется как *«писцы туркестанских царей, совсем не знавшие по-персидски»*.¹¹⁹⁹ Как считает В.В.Бартольд, «эти писцы при чагатайских ханах стояли ближе к престолу, чем представители мусульманской культуры, и ведение хроники исторических событий всецело находилось в их руках».¹²⁰⁰ К примеру,

¹¹⁹⁷ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 9

¹¹⁹⁸ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 2,4

¹¹⁹⁹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 99

¹²⁰⁰ Там же. С. 100

до наших дней дошла историческая хроника «Тарих-и хани», составленная «уйгурскими бахшиями по-уйгурски и уйгурским письмом».¹²⁰¹ Это произведение, посвященное истории Тимура, было использовано в качестве источника автором «Зафар-наме» Шараф ад-Дином Али Йезди. Известно, что в столице Тимуридов городе Герате уйгурскими бахши было написано еще несколько произведений литературного, дидактического и религиозного характера. В частности, в 1432 г. бахши Бакир Мансур составил сборник отрывков поэтических и других произведений, написанных уйгурским алфавитом для военачальника Шахруха эмира Джалал ад-Дина Фируз-шаха, «полновластно распоряжавшегося делами двора и войска в духе монгольских традиций».¹²⁰² Также известно, что в 1435 г. со стороны (того же -?) Бакира (Факира - ?) Мансура был записан, опять же уйгурским алфавитом, текст «Бахтияр-наме», в 1436 г. Маликом Бахши – «Мирадж-наме», в 1439 г. – «Кутадгу билиг», и в том же году – «Тазкират ал-овлие» и «Хибат ал-хакаик».¹²⁰³ Известны и документальные источники тимуридской эпохи, составленные этим алфавитом, и дошедшие до наших дней как, например, союргальный документ Омар-Шейха.¹²⁰⁴

В XV столетии уйгурским алфавитом продолжали довольно широко пользоваться также в Анатолии и Азербайджане. Османский историк и дипломат Шукрюллах сообщает о чтении в Тебризе при дворе Джаханшаха Кара-Коюнлу в 1448 г. древнетюркского генеалогического мифа «Огуз-наме», написанного уйгурским алфавитом.¹²⁰⁵ Другим ярким примером является известный «ярлык» султана Мехмеда Фатиха, который, согласно древней тюркско-монгольской традиции, был адресован эмирам Ак-Коюнлу после победы над Узун Хасаном в сражении при Отлукбели в 1473 г. и написан уйгурским алфавитом и на уйгурском языке.¹²⁰⁶

В свете вышесказанных фактов знакомство Языджиоглу Али с подобной литературой и обращение к ней как одному из источников для сочинения собственного произведения не вызывает удивления. Включением «Огуз-наме» в текст своего произведения Языджиоглу Али не только старался познакомить османского султана Мурада II с древнетюркской историей, но и преследовал более прагматическую цель. Речь шла о стремлении Османской династии в условиях возрождения в постмонгольский период традиций тюркско-огузской государственности на Ближнем Востоке

¹²⁰¹ «*Tarikh-i Khanidür ki, uyğur bakhşıları anı uyğur khatti ve teleffüzi bilen bitibtürler*» (Бартольд В.В. Об одном уйгурском документе. С. 131)

¹²⁰² Бартольд В.В. Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее. С. 430-431

¹²⁰³ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 113; Aka İ. Timur ve devleti. P. 138

¹²⁰⁴ Бартольд В.В. Об одном уйгурском документе. С. 117-118

¹²⁰⁵ Şükrüllah. Behcetüttevarih. P. 51

¹²⁰⁶ См.: Arat R.R. Fatih Sultan Mehmed'in Yarlığı.

доказать свое право политического первенства над остальными тюркскими династиями в этом регионе. Письменное слово в данном случае должно было выполнять важную идеологическую функцию. То, что Языджиоглу Али взялся за сочинение крупного исторического произведения на тюркском языке, посвященного истории Сельджукского государства Малой Азии, по заказу османского султана, отражало стремление продемонстрировать историческую преемственность между Сельджукидами и Османами. Знаменательно, что пытаясь идеологически обосновать династические претензии Османов на верховенство, автор ссылаясь не столько на религиозные каноны, сколько на авторитет древнетюркских преданий и правовых норм, что ясно показывает значимость этнических ценностей в общественном сознании Анатолии и Азербайджана в XV в. С этой целью Языджиоглу Али включил в свой труд тезис о происхождении Османской династии от старшего внука Огуз-хана Кайы и построил на нем всю свою политико-идеологическую парадигму.

Общественный строй огузского общества, как известно, базировался на дуальной системе. Все огузские племена, которых по Рашид ад-Дину насчитывалось 24, делились на два крыла – правое, считавшееся старшим и называвшееся «бозок», и левое, младшее крыло, носившее наименование «учок». По преданию они происходили от 6 сыновей и 24 внуков прародителя всех тюрков Огуз-хана, и, согласно древней традиции, в вопросах власти старшее племя правого крыла Кайы обладало правом верховенства над остальными. Языджиоглу Али и вслед за ним большинство последующих османских авторов, обращавшихся к сюжету «Огуз-наме», стали включать в свои произведения тезис о происхождении Османской династии от старшего внука Огуз-хана, стремясь, тем самым, подвести идеологическую базу под политические амбиции османских султанов на первенство среди остальных тюркских правителей Малой Азии. С этой целью Языджиоглу Али озвучивает от имени Огуз-хана завет своим потомкам, обосновывающий следующий принцип наследования власти: *«Нужно, чтобы [сыновья мои] жили в согласии, и в соответствии с моим завещанием Кюн стал ханом, а вслед за ним его сын Кайы стал ханом. И пока будет хан из рода Кайы, [потомки рода] Баята не могут быть ханами, а должны быть лишь беями своего племени. При хане Кайы Баят будет бейлербеем правого крыла, а Баяндур – бейлербеем левого крыла. И согласно этому порядку пока есть старший брат, младший брат не может быть главным, т.е. беем»*.¹²⁰⁷ Интерполируя данное логическое построение на современную ему политическую реальность, Языджиоглу Али продолжает развивать свою мысль следующим образом: *«Наши падишах, султан и сын султана, султан Мурад сын Мехмед-хана, который принадлежит к славному роду Османа, досто-*

¹²⁰⁷ Yazıcıoğlu Ali. Oğuzname yahud Selcukname. P. 18-19

ин по своему происхождению царства. Он более знатен по сравнению со всеми прочими ханами их рода Огуза, и может быть, из рода Чингиза и принадлежит к старшей кости. Согласно религиозному закону (шариат) и обычному праву (урф) все прочие тюркские ханы должны склонить головы у его двора и служить ему».¹²⁰⁸

Именно в подобных выражениях, связанных с древними традициями тюрков, Языджиоглу Али обосновывает право первенства «дома Османа» (*Ал-и Осман*) над остальными правящими родами Малой Азии, что наглядно демонстрирует высокий уровень авторитета «Огуз-наме» в обществе наряду с религиозным и обычным правом. К тому же, в своем «Сельджук-наме» автор приводит поэтический пассаж, в котором перечислены все основные 24 племени и отражена их иерархия в древнеогузском обществе. Возглавляет этот список, как было сказано, Кайы. Заветы Огуз-хана гласят, что эти племена должны занимать свое место во всех общественных и церемониальных мероприятиях в соответствии с указанным порядком, и даже «*кумыс* (кобылье молоко – Ш.М.) и *кымран* (верблюжье молоко – Ш.М.) должны распиваться между старшими и младшими братьями», и самое главное – должности и власть (*menseb ve beylik*) должны быть распределяемы в соответствии с данным законом.¹²⁰⁹

Следует добавить, что традиция обоснования права Османской династии на первенство в соответствии с огузскими преданиями продолжалась в османской историографии в течение всего XV – начала XVI в. В большинство исторических хроник этого периода были включены различные варианты «Огуз-наме», правда, часто в сокращенном виде. Среди них особого внимания заслуживает «Огуз-наме» Мехмеда Нешири.¹²¹⁰ Тезис о генеалогическом старшинстве Османского рода, который К.Имбер назвал «османским династическим мифом»,¹²¹¹ порой преподносился авторами хроник в довольно неожиданной форме. Как было указано выше, османский историк и посол ко двору правителя Кара-Коюнлу Джахан-шаха в Тебризе Шукрюллах сообщает в своем произведении «Бехджет ат-таварих» о чтении во время аудиенции «Огуз-наме», написанного уйгурским алфавитом и хранившегося в дворцовой библиотеке. Прослушав текст, Джахан-шах якобы обратился к гостю со словами о том, что родословная османского султана Мурада II в сорок пятом поколении восходила к предку всех тюрков Огуз-хану через династическую линию Гёк Алпа (Гёк-хана), т.е. четвертого сына Огуз-хана, в то время как род Кара Юсуфа Кара-Коюнлу в сорок первом поколении восходил к Дениз Алпу (Дениз-хану),

¹²⁰⁸ Там же

¹²⁰⁹ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 204, 205

¹²¹⁰ «Огуз-наме» Мехмеда Нешири называется «[История] сыновей и потомков Огуз-хана» (Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 8-21).

¹²¹¹ См.: Imber C. The Ottoman Dinastic Myth. P. 1987

самому младшему из сыновей Огуз-хана. Таким образом, резюмировал Джахан-шах, по принципу старшинства Османская династия стояла выше рода Кара-Коюнлу точно так же, как небо считалось выше моря.¹²¹² Эта беседа, имевшая место между туркманским правителем Азербайджана и османским послом, наглядно свидетельствует о высокой степени авторитета огузских преданий в тюркском обществе Анатолии и Азербайджана. Кроме того, тот факт, что в дворцовой библиотеке Тебриза хранился список составленного уйгурским письмом «Огуз-наме», к которому апеллировал султан в беседе с иностранным послом, говорит, с одной стороны, об уровне влияния уйгурской культуры, с другой – о возросшем интересе тюркской среды к древнеогузской истории. Возможно, эти факты имел в виду В.А.Гордлевский, когда писал, что «националистические тенденции были сильны в Турции в течение XV столетия»,¹²¹³ подразумевая под ними, конечно же, всплеск живого интереса тюрков к собственной культуре и истории.

Данное наблюдение подтверждается многими фактами, которые доносят до нас источники этого периода. В частности, известно с каким пиететом относился к древнеогузской истории и преданиям сын османского султана Мехмеда II принц Джем. Один из авторов этого периода Хасан ибн Махмуд Баяти, родом азербайджанский тюрк из племени баят, мюрид шейха суфийского ордена халватийа в Тебризе Деде Омара Ровшани, повествует о своей встрече с принцем Джемом в Хиджазе во время совершения паломничества в Мекку. На этой встрече Джем познакомился с рукописью «Огуз-наме», которая хранилась у Баяти, и узнал о том, что родословная Османской династии восходит к старшему внуку Огуз-хана Кайы. Принц немедленно попросил Баяти сделать для него копию этой рукописи. Как свидетельствует сам автор, он в течение недели на основе данной рукописи сочинил новое произведение под названием «Джам-и Джем-айин», которое преподнес османскому принцу.¹²¹⁴ По мнению Ф.Кырзыюглу, текст «Огуз-наме», которым пользовался Хасан ибн Махмуд Баяти, скорее всего, был написан уйгурским письмом.¹²¹⁵ С другой

¹²¹² Şükrüllah. Behcetüttevarih. P. 51. Маловероятно, что правитель одного из самых могущественных туркманских государств Азербайджана мог признаваться гостю в генеалогическом старшинстве, пусть даже теоретическом, Османской династии. Возможно, это была субъективная интерпретация беседы или принятие желаемого за действительное со стороны османского дипломата. Однако то, что согласно читаемому тексту род Османов возводился не к Гюн-хану, т.е. старшему сыну Огуз-хана, а лишь к его четвертому сыну Гёк Алпу (Гёк-хану), говорит о том, что уйгурская версия «Огуз-наме», хранившаяся в библиотеке Кара-Коюнлу в Тебризе, отличалась от тех вариантов, которыми пользовались османские авторы.

¹²¹³ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 9

¹²¹⁴ Bayatlı Mahmud oğlu Hasan. Cam-ı Cem-ayin. P. 379

¹²¹⁵ Там же. С. 374

стороны, Али Эмири-эфенди, впервые обнаруживший рукопись этого произведения, отмечал, что если образованный тюрок брал с собой в святое паломничество – хадж – рукопись «Огуз-наме», то это должно свидетельствовать о том значении, которое придавалось образцам подобной литературы в тюркском обществе Ближнего Востока в XV в.¹²¹⁶

Кстати, именно в этот период был письменно зафиксирован дошедший до наших дней вариант главного огузского эпоса о Деде Коркуде, наиболее полная дрезденская рукопись которого носит название «Книга моего деда Коркуда на языке племени огузов» (*Kitab-i Dedem Korkud ala lisan-i taife-yi Oğuzan*). Эпос состоит из 12-ти сказаний о древней истории огузов, которые в самом эпосе именуются «Огуз-наме», и все они связаны между собой образом мудреца и патриарха огузского народа Коркуда. Коркуд являлся наиболее почитаемой фигурой и центральным образом всей духовной жизни огузского общества как в домусульманский период, так и после исламизации огузов. Не случайно даже во второй половине XV столетия Алишер Навои писал о Коркуд Ата (отце Коркуде), что «*среди тюркского народа он слишком известен (Türki ulusu arasında şuhreti andın artıdır), чтобы нуждаться в еще [большей] известности. [О нем] известно, что он говорил о том, что случилось за несколько лет до него, и о том, что случится через несколько лет после него; среди [народа] распространено [об этом] много поучительных и остроумных изречений*».¹²¹⁷

Наряду с османскими султанами правители и других тюркских государств этого периода заказывали придворным историкам сочинение собственных версий «Огуз-наме», посредством которых возводили свои родословные к легендарному предку Огуз-хану. Пожалуй, наиболее примечательным в этом ряду является персоязычное произведение Абу-Бакра Тихрани «Китаб-и Диярбакрийе», посвященное истории государства Ак-Коюнлу. Вводная часть хроники, которую можно условно назвать «Огуз-наме», представляет собой описание генеалогического древа правящей династии Ак-Коюнлу. Автор возводит родословную султана Узун Хасана в 52-ом колене к внуку Огуз-хана Баяндуру, от которого и произошло согласно преданию главное племя левого крыла огузского народа, и, соответственно, в 54-ом колене он достигает самого Огуз-хана.¹²¹⁸ Следует добавить, что в эпоху военно-политического и культурного подъема тюрок, распространивших свое господство на значительную часть Евразии, мысль об их превосходстве над другими народами была настолько распространена, что быть именно тюркским правителем считалось предме-

¹²¹⁶ Там же. С. 376

¹²¹⁷ Ali-Şir Nevayi. Nesayimü'l-mahabbe min şemayimü'l-fütüvve. P. 385; Бартольд В.В. Султан Синджар и гузы. С. 416

¹²¹⁸ Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. (T. I). P. 24-25

том особой гордости. Поэтому один из эмиров Ак-Коюнлу в желании возвысить своего сюзерена Узун Хасана особо подчеркивал в своем письме османскому губернатору Шарабдару Хамзе в 1472 г., что согласно династическому праву Узун Хасан был достоин называться «падишахом всех тюрок».¹²¹⁹ Надо полагать, не случайно один из крупнейших азербайджанских поэтов XV в. Хидаятулла-бей, который писал под именем Хидаят и одновременно занимал высокую должность «великого эмира» (*emir-kebir*) при дворе сына Узун Хасана султана Халила, в одной из своих газелей называл дворец Ак-Коюнлу в Тебризе «тюркским дворцом» (*Türk serayı*) и признавался, что умрет от горя, если больше не увидит его.¹²²⁰ Видимо, этот стих был написан в период, когда после смерти своего покровителя султана Халила он лишился благосклонности следующего султана Якуба и был удален из столицы.

Выше уже отмечалось, что государи из династии Кара-Коюнлу также возводили свою родословную к Огуз-хану и хранили в своей дворцовой библиотеке уйгурский список «Огуз-наме». Об этом же сообщает и другой источник – анонимное персоязычное произведение «Тарих-е гоziд-е султан Мохаммад Готб-шах». Как известно, одна из ветвей династии Кара-Коюнлу в начале XVI в. эмигрировала в Индию и утвердилась в Голконде, создав собственное государство Кутбшахов, просуществовавшее в течение 175 лет (1512-1687). Вышеназванный источник, составленный в Индии и посвященный истории этого государства, также возводил генеалогическую линию Кара Юсуфа Кара-Коюнлу к Огуз-хану.¹²²¹ Несомненно, это было данью традиции, которая существовала в туркманской среде Кара-Коюнлу издревле.

Итак, в XV столетии слава Огуз-хана заблистала с новой силой и затмила собой тот пиетет, который испытывался до этого перед именем Чингиз-хана. Никогда прежде в истории тюрок не было написано такого количества различных версий «Огуз-наме», как в это время. Причиной послужило историческое соперничество за лидерство между различными правящими тюркскими династиями, которые возводили свои генеалогии к прародителю тюрок Огуз-хану. При этом придворные хронисты, обслуживавшие интересы своих сюзеренов, уделяли особое внимание тому, чтобы вписать их родословные в общетюркский исторический контекст. Эта традиция впервые наиболее наглядно дала о себе знать среди Сельджуков. К примеру, Языджиоглу Али следующим образом характеризовал деятельность самого могущественного султана Сельджукского государства Малой Азии Ала ад-Дина Кей-Кубада: «*Не было среди огузских*

¹²¹⁹ Baykal B.S. Uzun Hasan`ın Osmanlılara karşı kati mücadeye hazırlıkları. P. 276

¹²²⁰ Hidayet Çelebi ve Divanı. P. 238

¹²²¹ Minorsky V. The Qara-qoyunlu and the Qutb-shahs. P. 53

ханов из рода Огуза султана, кто бы выше него вознес знамя ислама».¹²²² Описывая разгром Сельджукского государства со стороны монголов, Ахмеди подчеркивал, что они «свергли власть огузской династии Сельджукидов и разрушили их страну от края до края».¹²²³

Придворный историк соперника османов Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда, правителя Сиваса и Кайсери, в начале своей хроники указывал, что кадий происходил из огузского племени салур.¹²²⁴ А историк Узун Хасана Ак-Коюнлу Абу-Бакр Тихрани, говоря о предзнаменованиях будущей славы и величия этого султана, писал, что в народе упорно ходил слух о скором пришествии правителя из рода Огуза, который должен был твердой рукой сломить хребет зла и несправедливости.¹²²⁵ Другой известный персоязычный хронист Фазлуллах ибн Рузбехан Хунджи отмечал следующее: «Не будет сокрыто от читателя, что правители Ак-Коюнлу происходят из рода ... Баяндур-хана и в период своего правления подчинили своей власти всех правящих потомков Огуза».¹²²⁶ Один из османских авторов периода Баязида II Фирдовси-и Руми называл этого султана в своей поэтической хронике «Кутб-наме» правителем «из рода Огуза и дома Османа».¹²²⁷ Чтобы продолжить эту цепочку добавим, что правители Карамана, одного из влиятельных анатолийских эмиратов, также претендовали на происхождение от Огуз-хана. Согласно хронике Шикари, Мехмед Караманоглу якобы выразил свой гнев и антисельджукские настроения в адресованном сельджукскому султану письме следующим образом: «Эй, Ала ад-Дин! Если ты Кей-Кубад сын Кей-Хосрова сына Кылыч Арслана сына Эртогрула из рода Сельджука, то я – Мухаммед-хан сын Карамана сына Нур ад-Дина сына Саад ад-Дина сына Ибрахима сына Алп Арслана сына Геленджана сына Ширван-хана сына Огуз-хана, и я – хан и сын хана».¹²²⁸

Примечательно, что и в хронике Ашикпашазаде встречается подобный пассаж, связанный с основателем Османского бейлика. Автор пишет, что Осман захватил крепость Караджахисар у византийцев, заселил ее

¹²²² Histoire des Seldjoudes d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 208

¹²²³ Ahmedi. İskender-name. J. 62 a

¹²²⁴ «По происхождению он (Бурхан ад-Дин Ахмед – Ш.М.) тюрк из племени салур» (Bazm u Razm. P. 42).

¹²²⁵ Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. (Т. II). P. 406

¹²²⁶ Fadlullah b. Ruzbihan Khunji-Isfahani. Tarikh-i Alam-ara-yi Amini. P. 21

¹²²⁷ Firdevsi-i Rumi. Kutb-name. P. 106

¹²²⁸ Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. P. 38. Действительно, известны факты, когда сельджукские султаны с гордостью апеллировали к своей генеалогии. Ибн Биби сообщает, что Гияс ад-Дин Кей-Хосров I, который нашел временное убежище в Константинополе при дворе Алексея III Ангела, после инцидента с франкским рыцарем на приеме у императора выразил свой протест последнему, заявив с достоинством, что он являлся «сыном Кылыч Арслана из рода Мелик-шаха и Алп-Арслана» и все страны мира от востока до запада были завоеваны мечами его предков (İbn-i Bibi. El-Evami'rü'l-'Alaiyye fi'l-Umuri'l-'Alaiyye. P. 76).

турками из Гермияна, превратил церкви в мечети и назначил Турсун Факхиа кадием. На предложение последнего получить санкции на все эти действия от сельджукского султана Осман якобы живо возразил: «Я завоевал этот город с помощью собственного меча. Какое отношение к этому имеет султан, чтобы спрашивать его разрешения», – и затем добавил: «И если он скажет, что принадлежит к дому Сельджука, то я скажу, что являюсь потомком Гёк Алпа». ¹²²⁹ Таким образом, согласно автору XV столетия, Осман возводил свою родословную к старшему сыну Огуз-хана Гёк Алпу и поэтому в соответствии с огузскими генеалогическими традициями рассматривал себя выше сельджукского султана. Хотя оба вышеприведенных рассказа являются, скорее всего, плодом фантазии позднейших авторов, тем не менее, с одной стороны, они говорят об упадке прежней власти сельджукских правителей и возвышении новых государственных образований в лице анатолийских эмиратов, с другой же стороны, примечательны тем, что отражают рост тюркского этнического сознания в эпоху бейликов.

Следует добавить, что всплеск популярности Огуз-хана повлиял позднее и на сефевидскую историографию. Во всяком случае, Хасан-бей Румлу не преминул особо отметить в своей хронике, что родословная османского султана Мехмеда Фатиха «через много поколений восходила к Огузу». ¹²³⁰ К сказанному следует добавить, что и Великие Моголы, потомки Тимура в Индии, возводили свою генеалогию к Огуз-хану, что нашло отражение в произведении придворного сановника императора Акбара Абул-Фазла Аллами «Акбар-наме». ¹²³¹ Эти факты иллюстрируют широкую географию распространения тюркских этнических ценностей в средние века.

В XV столетии даже духовенство и суфийские шейхи не устояли перед привлекательностью «огузизма» и соблазном привязать свои родословные к Огуз-хану. К примеру, известный наставник ордена халватийа в Тебризе шейх Ибрахим Гюльшани претендовал на то, что происходил от Огуз-Ата, о чем повествуется в его житии. ¹²³² Знаменательно, что в образах ранней турецкой агиографической литературы прослеживается влияние преданий и легенд об огузской истории, которые были живы в

¹²²⁹ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşîki. Tevarih-i Al-i Osman. P. 103. Р.П.Линднер считает рассказ о взятии Караджакисара Османом у христиан-византийцев позднейшей интерпретацией османских авторов, поскольку тюркско-мусульманская власть в этом регионе была прочно установлена еще за столетие до появления османов на исторической сцене. Скорее всего, они захватили эти земли у своих соперников – правителей Гермияна, а миф о борьбе с иноверцами был создан поздними авторами для придания османским султанам ореола борцов за веру (Lindner R.P. Nomads and Ottoman in Medieval Anatolia. P. 4).

¹²³⁰ Ahsan at-Tavarikh. P. 603

¹²³¹ Абул-Фазл Аллами. Акбар-наме. С. 61

¹²³² Muhyi-i Gülşeni. Menakib-i İbrahim Gülşeni ve Şemleli-zade Ahmed Efendi. P. 13

народной памяти. В частности, в житии известного суфийского святого Хаджи Бекташа Вели, письменно зафиксированного, видимо, во время правления султана Баязида II, делается экскурс в древнюю историю и говорится о первых «огузских царях», в частности, Баяндур-хане, которого позже сменили на троне Газан-хан, а затем Коркуд Ата.¹²³³

В этот же период публично выражаемая гордость за принадлежность к тюркскому этносу стала правилом хорошего тона при тюркских дворах. Охотно набирая в свой гарем женщин из других этносов, тюркские правители, тем не менее, не были склонны выдавать своих дочерей за «инородцев», особенно персов. К примеру, один из ближайших советников султана Якуба Ак-Коюнлу кадий Иса Саведжи выразил желание жениться на дочери правителя, которое было отвергнуто, поскольку Якуб считал такой брак противоречащим тюркским традициям. Правда, чтобы не обидеть своего близкого сановника, он метафорически объяснил свой отказ «тюркским невежеством» (*jahilliyat-e torkan*).¹²³⁴

В дворцовой среде Ак-Коюнлу в Тебризе подобное поветрие проникло даже в султанский гарем. Как известно, две из четырех жен Узун Хасана были курдянки, одна жена – гречанка, дочь Трапезундского императора Иоанна IV Феодора Комнин, и одна тюрчанка – Сельджукшах-бегим, мать будущих султанов Халила и Якуба. Будучи энергичной и властной женщиной, Сельджукшах-бегим активно вмешивалась в государственные дела и считала себя выше остальных жен Узун Хасана. По словам В.Ф.Минорского, она «наслаждалась честью быть женщиной тюркского происхождения».¹²³⁵

Одним из ярких проявлений тенденции «политического огузизма» в этот период был небывалый рост общественного интереса к древнеогузским политическим символам, церемониям и правовым нормам. Вызывает особый интерес описание в источниках церемонии интронизации сельджукских султанов и первых османских беев в соответствии с древнеогузскими обычаями – «тёре», сводом норм обычного права тюркских народов. «Тёре» считалось правовой базой тюркских кочевых империй в Цен-

¹²³³ Menakıb-i Hacı Bektaş-i Veli. P. 73

¹²³⁴ Woods J.E. Turco-Iranica. P. 277

¹²³⁵ Minorsky V. A Civil and Military Review in Fars. P. 143. Присутствие жен-христианок в гаремах тюркских правителей являлось фактором, сдерживающим процессы исламизации и ассимиляции христианского населения в Малой Азии, т.к. эти жены и их родственники при дворе в некоторые периоды имели существенное влияние на государственные дела. Эта тенденция особенно заметна на примере правления сельджукского султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса II, мать и жена которого были византийскими гречанками. Туркмены были настолько недовольны заметным влиянием греков при сельджукском дворе, что решили свергнуть этого султана с престола и посадить на престол его брата, рожденного от матери-тюрчанки (Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 439-440).

тральной Азии, в том числе, в государстве сырдарьинских огузов. Сложно судить, в какой степени нормам «тёре» следовали в тюркской среде Ближнего Востока, в Сельджукском государстве Малой Азии, государствах Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу, анатолийских эмиратах. Источники дают об этом крайне скудную информацию, которая, к тому же носит, скорее ретроспективный характер. Кажется неубедительным, что в условиях Ближнего Востока со значительной долей оседлого населения и господства шариата «тёре» могло долго сохранять свою актуальность.¹²³⁶ Именно поэтому сам факт обращения авторов XV столетия к нему заслуживает особого внимания и демонстрирует рост интереса к древним огузским традициям в тюркской среде Ближнего Востока.

К примеру, Языджиоглу Али считает, что принцип наследования власти у Сельджукидов Малой Азии реализовывался на основе огузского «тёре» и обосновывает это утверждение следующим примером. По его словам, после смерти султана Гияс ад-Дина Кей-Хосрова беи правого и левого крыла собрались на совет для обсуждения вопроса о выдвижении на престол следующего султана. И правитель Мараша Насир ад-Дин Малик Хасан якобы сказал следующее: *«Изз ад-Дин Кей-Кавус является старшим сыном, мудрым, опытным и отважным. К тому же, согласно огузскому тёре пока есть старший брат, главенство не передается младшему»*.¹²³⁷ Тот же автор сообщает, что султан Ала ад-Дин Кей-Кубад в государственных и военных делах стремился руководствоваться нормами огузского «тёре». Этот правитель *«хорошо знал огузское тёре, “Огузнаме” и другие исторические книги. Решения по вопросам, касающимся военных и гражданских дел, он выносил в соответствии с огузским тёре, либо по аналогии с ним»*.¹²³⁸

Следует отметить, что эти пассажи, которые были внесены со стороны Языджиоглу Али в текст перевода произведения Ибн Биби, а также его обращение к одному тюркскому четверостишию, якобы написанному сельджукским султаном Изз ад-Дин Кей-Кавусом I, однажды ввели в заблуждение даже такого маститого историка как З.В.Тоган. В одной из своих ранних статей З.В.Тоган писал о развитии тюркоязычной литературы и огузских традиций в Анатолии в сельджукский период и сослался на вышеуказанное четверостишие. Однако, когда позже он обнаружил, что

¹²³⁶ В Средней Азии ссылки на «тёре» как правовую основу общества сохранились дольше, чем в Анатолии и Азербайджане. Во всяком случае, церемониал при дворе узбекских ханов в середине XVII в. осуществлялся согласно «тёре», как указывается в трактате «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахрар» Махмуда, сына эмира Вели, написанном в 1634-1640/41 гг.: «Объяснение некоторых из обычаев высочайшего церемониала (*тёре-и хумаюн*) и перечисление порядков и правил его по *ясе* и *юсуну*» (Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. С. 390, 393).

¹²³⁷ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 97

¹²³⁸ Там же. С. 217

такого рода информация не содержалась в оригинале произведения Ибн Биби и была лишь позднейшей интерполяцией Языджиоглу Али, ему пришлось отказаться от своих прежних утверждений.¹²³⁹ В то же время, следует принять во внимание, что хотя подобные реверансы в адрес огузских традиций и являлись нововведением Языджиоглу Али, они представляют важность как показатели состояния общественного сознания той эпохи и возросшего интереса тюркской среды к собственной культуре.

В произведении этого автора можно обнаружить также сведения, свидетельствующие о проведении церемонии интронизации сельджукских султанов Малой Азии в соответствии с древними огузскими традициями. Так, при восшествии нового султана на престол беи, согласно огузскому правилу, трижды поклонялись ему и выполняли положенный при этом церемониал. А на пиру в честь этого события гостям подавались «кумыс» и «кымран» как и в древних тюркских и монгольских «шоленах» (пирах) и «курултаях» (сходах знати).¹²⁴⁰

В ряде исторических хроник данного периода сохранились свидетельства о том, что и первые османские беи получали верховную власть в соответствии с огузским «тёре» или законом (*oğuz resmince*). К примеру, Рухи Челеби сообщает о том, как после распада Сельджукского государства Малой Азии тюркские беи уджей собрались на великий курултай, на котором «в соответствии с огузским тёре посадили Осман-бея ханом». При этом были приведены такие «исторические» аргументы, согласно которым «Кайы-хан после Огуза стал главой и ханом над всеми огузскими племенами, и в соответствии с огузским тёре пока существовал род Кайы, власть не могла передаваться другому роду». После избрания Османа ханом все остальные беи согласно огузскому закону трижды поклонились ему, а затем ему была преподнесена чаша с напитком (*siğrak*) и все присутствующие стали громко чествовать нового хана.¹²⁴¹ Похожую картину возведения Османа во власть в соответствии с огузским «тёре» рисует в своей хронике и Лютфи-паша.¹²⁴²

Выше уже было отмечено, что в раннеосманский период законы, издаваемые на основе не шариата, а воли правителя, назывались «султанским тёре», о чем сообщается в произведении Нешри.¹²⁴³ Сохранившиеся в тюрк-

¹²³⁹ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P. 215-216. Подобную же ошибку совершил и известный азербайджанский филолог А.Демирчизаде, который, ссылаясь на произведение И.Хикмета, приписывал данное тюркское четверостишие сельджукскому султану Изз ад-Дину Кей-Кавусу, считая его образцом тюркоязычной литературы сельджукского периода и не подозревая, что оно являлось лишь переводом Языджиоглу Али с персидского оригинала (Dəmirçizadə Ə. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi. P. 84).

¹²⁴⁰ Histoire des Seldjoudes d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 215-216

¹²⁴¹ Ruhi Çelebi. Tevarih-i Al-i Osman. J. 19f-19b

¹²⁴² Lütü Paşa. Tevarih-i Al-i Osman. P. 21-22

¹²⁴³ Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 110-111

ской среде XIV-XV столетия воспоминания о древнем степном праве «тёре» находят свое подтверждение и в произведении Ашикпашазаде. В повествовании о лишившихся своих владений анатолийских беях, бежавших в ставку Тимура с жалобой на «злодеяния» османского султана и подстрекавших его на совершение похода в Малую Азию, среднеазиатский правитель якобы долго расспрашивал их о причинах негодования и столь суровых действий Баязида против них. Затем он, по словам автора, сделал вывод о том, что требования Баязида к ним были справедливы, и невыполнение данных требований влекло за собой согласно «тёре» неминуемое наказание.¹²⁴⁴

Следует отметить, что после монгольских завоеваний в юридическую лексику мусульманских народов Средней Азии и Ближнего Востока под влиянием законов Чингиз-хана прочно вошло слово «Яса», которое надолго заменило термин «тёре». Достаточно напомнить о законодательных актах Узун Хасана Ак-Коюнлу во второй половине XV в., которые по аналогии с монгольской правовой системой, унаследованной от Ильханидов, назывались «яса».¹²⁴⁵ Даже в сефевидских источниках слово «яса» использовалось в качестве синонима понятия «судебное решение» или «наказание». Так, Хасан-бей Румлу писал, что шах Исмаил I Сефеви сурово наказал лидеров повстанцев в Анатолии под предводительством Шах-кулу Текелу, которые бежали после разгрома со стороны османской армии, и «подверг их ясе» (*be yasa resanid*).¹²⁴⁶

В сельджукскую эпоху, как пишет Языджиоглу Али, продолжала практиковаться еще одна древняя огузская традиция наподобие древнегреческих фратрийских пиров («шолен» по-тюркски), на которых правитель угощал вельмож, воинов и служащих. На этих шоленах, как указывалось, подавались традиционные степные напитки – кумыс и кымран, а также звучали древние тюркские музыкальные инструменты – кобуз и саз. Во время застолий сельджукских султанов народные певцы («озаны») и игравшие на традиционных струнных инструментах («кобузах») музыканты («кобузчи») исполняли свои песни и мелодии. К примеру, того же Изз ад-Дина Кей-Кавуса, взошедшего на сельджукский престол в Конье, горожане торжественно встречали под звуки саза, после чего был устроен пышный пир – шолен, на котором обильно распивались шербеты, кумыс, кымран и вина.¹²⁴⁷ Посетивший Анатолию в первой половине XV в. Бертрандон де ла Брокьер сообщал о «менестрелях» во время пиров при дворе османского султана Мурада II, которые, по мнению Ф.Кепрюлю, являлись озанами и кобузчи, исполнявшими в музыкальном сопровождении старинные огузские былины.¹²⁴⁸

¹²⁴⁴ Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşıkî. Tevarih-i Al-i Osman. P. 143

¹²⁴⁵ См.: Мустафаев Ш.М. Восточная Анатолия: от Ак-Коюнлу к Османской империи.

¹²⁴⁶ Ketab-e Ahsan at-tavarikh. P. 126

¹²⁴⁷ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 107-108

¹²⁴⁸ Köprülü F. Edebiyat araştırmaları, p. 135

Любимое занятие сельджукских султанов – охота – также проходила в соответствии с огузскими традициями. В хронике Языджиоглу Али говорится, что Ала ад-Дин Кей-Кубад *«дважды в год ходил на большую охоту (ulu av). Так что, до этого на всем пространстве в пятнадцать дней пути зверя сгоняли в одно место. Затем сам султан вместе со своими хасеки, сыновьями и беями входил в этот круг, и согласно огузскому закону сначала первым стрелял сам, после чего позволял делать это нижестоящим беям и воинам. В конце открывали круг и давали возможность оставшемуся в живых зверю спастись»*.¹²⁴⁹

Автор «Сельджук-наме» отмечает, что организация сельджукской армии также строилась в соответствии со степными военными традициями на базе 24 огузских племен. Во время подготовки большого похода на Анталию султан Гияс ад-Дин Кей-Хосров созвал всю армию, и по его зову *«явились все войска левого крыла и правого крыла, войска из племен кайы, баят, баяндур, салур, словом воины из всех 24 племен»*.¹²⁵⁰ Как было отмечено, при Ала ад-Дине Кей-Кубаде I Сельджукское государство Малой Азии переживало пик своего могущества, и его армия была многочисленна, ибо *«все 24 огузских племен выставляли по 1 тюмену воинов, что составляло вместе 24 тюмена или 240 тысяч воинов; да еще 4 тюмена из его (султана – Ш.М.) собственного племени, и вместе с войсками из Рума, Эрмена и Диярбекира общее количество воинов доходило до 500 тысяч. И кроме его собственного племени служили 24 малика и хана, некоторые из них были Сельджукиды из племени кынык, а другие были беи из остальных огузских племен и рабов...»*.¹²⁵¹ Разумеется, Языджиоглу Али сильно преувеличивает численность сельджукской армии. Однако его сведения представляют интерес как свидетельство роста тюркского этнического сознания в XV в. Интересно, что и османский автор XVI столетия Ибн Кемаль называет тюркских воинов сельджукской эпохи «огузскими газиями» и сообщает, что после покорения Анатолии со стороны монголов «огузским газиям» здесь нечего стало делать, и они переправлялись из Синопа и Самсуна через Черное море на Балканы, в район Добруджи, где под духовным лидерством Сары Салтука вели военные действия на берегах Дуная вместе с татарами-ордынцами против «иноверцев» и распространяли ислам.¹²⁵²

¹²⁴⁹ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 215. Это описание охоты из произведения Языджиоглу Али в деталях напоминает рассказ Рашид ад-Дина о «большой охоте», устроенной ильханидским правителем Газан-ханом, за которой наблюдала и его любимая жена Булуган-хатун (Фазлуллах Рашид ад-Дин. Т. III. С. 193).

¹²⁵⁰ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 82

¹²⁵¹ Там же. С. 210

¹²⁵² Kemal Paşa-zade. Tevarih-i Al-i Osman. X Defter. P. 281-282

Следует подчеркнуть, что «газийство» сельджукского и раннеосманского времени можно оценивать, скорее, как «мусульманскую трансформацию» и продолжение традиции воинов-«алпов» (или «алпанов») древнеогузской эпохи. О нравах и обычаях этих огузских былинных богатырей можно почерпнуть сведения из эпоса о Деде Коркуде, который, по меткому выражению М.Ф.Кёпрюлю, является произведением, отразившим «оригинальную и истинную картину эпохи алпов».¹²⁵³ В сказаниях эпоса встречаются как герои, в именах которых присутствует приставка «Алп» (например, Алп Аруз), так и неоднократное обращение к этому рыцарскому образу. Так, глава огузского народа Газан-хан назван «предводителем алпов Газаном».¹²⁵⁴ Или в одном из сказаний повествуется о большой охоте, в которой принимают участие 366 алпов, и здесь же обиженный несправедливым к себе обращением один из огузских рыцарей по имени Бекил бросает упрек главе огузского народа Баяндуру-хану: «*Ты вогнал нас между алпами в грязь по самый пояс* (букв. – пах)¹²⁵⁵», т.е. опозорил в среде алпов.¹²⁵⁶ В литературных произведениях и исторических источниках порой можно встретить воспоминания о героической эпохе древнетюркской истории, о былинных богатырях, которые назывались «алпы» или «алп-эрены». Следы этого подобия рыцарского сословия встречаются в Малой Азии в сельджукскую и раннеосманскую эпоху. Знаменитый суфийский поэт XIV в. Ашик-паша в своей поэме «Гариб-наме» достаточно подробно рассказал об этом явлении, описав девять основных черт или признаков, присущих представителям данного воинского сословия.¹²⁵⁷ Подобно западноевропейским рыцарям тюркские алпы имели собственный кодекс чести и соответствующие внешние отличительные черты. К примеру, согласно Языджиоглу Али, богатыри-алпы, одержавшие в поединке победу над своими врагами, вешали на холку своего коня бубенчики (*kotaz*), что указывало на их принадлежность к сословию алпов.¹²⁵⁸ Видимо, именно алпов имел ввиду Никита Хониат, когда описывал во время битвы при Мириокефале сельджукских воинов, которые «*по виду были не из простых людей, у них было отличное оружие, и их лошади, кроме разной блестящей сбруи, имели на шеях уборы, сплетенные из конских волос, которые опускались довольно низко и были обвешаны звенящими колокольчиками*».¹²⁵⁹ В раннеосманское

¹²⁵³ Köprülü F. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. P. 245

¹²⁵⁴ Kitab-i Dedem Qorqud ala lisan-i taife-yi Oğuzan. P. 69

¹²⁵⁵ В тексте эпоса – *quisqın*, т.е. «пах» (см.: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Часть I. С. 1016)

¹²⁵⁶ Kitab-i Dedem Qorqud ala lisan-i taife-yi Oğuzan. P. 132

¹²⁵⁷ Как пишет Ашик-паша, звание «алпа» было связано с неизменным исполнением этих девяти принципов, без чего невозможно было носить это звание (Aşık Paşa. Garib-name. Cilt II/2. P. 561).

¹²⁵⁸ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 211

¹²⁵⁹ Никиты Хониата история. С. 237-238

время Орудж говорит об османских воинах также как о газиях-алпах или алп-эренах.¹²⁶⁰ О них же упоминает и Ибн Кемаль в своем произведении.¹²⁶¹

В тюркской среде Ближнего Востока, в Малой Азии и Азербайджане, некоторое время продолжали сохраняться традиции, восходящие к доисламской истории огузов, в том числе, и традиция алпов. Эта преемственность проявлялась, в частности, в именах и титулах огузских беев. Среди сельджукской знати, посадившей в 1204 г. на трон малолетнего сына Рукн ад-Дина Сулейман-шаха Изз ад-Дина Кылыч Арслана III, Ибн Биби упоминает эмира Нух Алпа.¹²⁶² А Языджиоглу Али добавляет и имена Айдын Алпа и Гюндюз Алпа.¹²⁶³ Тюркская титулатура одного из салтукидских правителей Эрзерума Зия ад-Дина Гази была высечена на каменной плите на минарете городской мечети – «Инанч Байгу Алб Тогрулбей».¹²⁶⁴ Здесь слово «Байгу» должно быть измененной формой титула правителей сырдарьинских правителей «ябгу», в то время как слово «Алб» является реликтом традиции древнеогузских богатырей алпов в тюркской среде Анатолии. Следует вспомнить и героев сельджукской и раннеосманской эпохи, в именах которых сохранилась эта приставка «Алп» – сельджукского султана Алп Арслана, почти эпических богатырей османских источников Гюндюз Алпа, Тургут Алпа, Хасан Алпа, Салтук Алпа и других. Авторы ранних османских хроник при описании генеалогии династии называют среди их предков Кая Алпа, отца Сулейман-шаха и деда Эртогрула, и Гёк Алпа (или Гёк-хана), сына Огуз-хана.¹²⁶⁵ Даже основатель Османского государства назван в агиографическом произведении «Салтук-наме» – «Алп Осман, сын Эртогрула».¹²⁶⁶

Одним из важных показателей роста тюркского этнического сознания в Малой Азии и Азербайджане в XIV-XV вв. является явно выраженный интерес к тюркским личным именам, особенно в высших слоях общества и правящих династиях. К примеру, как указывает В.А.Гордлевский, одним из самых популярных женских имен у османов в это время было имя Сельджук-хатун.¹²⁶⁷ Известно, что и дочь завоевателя Константинополя султана Мехмеда Фатиха носила это имя. Так же звалась супруга основателя государства Ак-Коюнлу Кара Юлук Османа. А жена его правнука Узун Хасана, наиболее могущественного султана этого государства, носила имя Сельджукшах-бегим. В XV столетии в османской дина-

¹²⁶⁰ Oruc b. Adil. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 62-63

¹²⁶¹ Kemal Paşa-zade. *Tevarih-i Al-i Osman*. X Defter. P. 287

¹²⁶² İbn-i Bibi. *El-Evami'rü'l-'Alaiyye fi'l-Umuri'l-'Alaiyye*. P. 109

¹²⁶³ Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. P. 61

¹²⁶⁴ Sümer F. *Selçuklular devrinde Doğu Anadolu'da Türk Beylikleri*. P. 23

¹²⁶⁵ Oruc b. Adil. *Tevarih-i Al-i Osman*. P. 4

¹²⁶⁶ Erzi A.S. *Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında araştırmalar*. P. 195

¹²⁶⁷ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 9

стической среде особой популярностью пользовались древнетюркские эпические имена. Одним из сыновей султана Баязида II звали Коркуд – от имени знаменитого огузского патриарха и сказителя, героя эпоса о «Деде Коркуде». Сын его брата Джема носил имя Огуз-хан. Элегия принца Джема, написанная им по поводу убиенного во время междоусобной войны младенца Огуз-хана, является одним из самых трогательных и печальных образцов средневековой турецкой поэзии.¹²⁶⁸

Как свидетельствуют источники, в XV столетии имя Огуз было распространено во всех слоях тюркского общества на Ближнем Востоке. К примеру, так звали одного из туркманских беев Ак-Коюнлу в Ширазе.¹²⁶⁹ На вакфной надписи от 1461 г. на мечети Умур-бея в Бурсе зафиксировано имя Хаджи Али сына Огуза.¹²⁷⁰ Бейлербея Румелии в правление султана Мехмеда II зовут Иса-бей сын Огуза и т.д. В османских документах XVI в., изданных А.Рефиком, встречается имя отставного сипахи-заде Огуз.¹²⁷¹

В XIV-XV столетиях в туркманской среде Малой Азии и Азербайджана популярностью пользовались и другие тюркские имена, часто тотемистского характера, в том числе, в высших слоях общества. Кстати, данный факт является еще одним показателем определенной этнокультурной дифференциации между османским и туркманским сообществами региона, свидетельствующим о том, что выйдя из туркманской среды, османы не только успели к этому времени стряхнуть с себя прежнее «обличье», но достаточно дистанцироваться от ее ментальности. Имена и прозвища как рядовых представителей, так и членов правящих династий туркманских государств носят на себе явные следы приверженности традиционным ценностям и вкусам в отличие от достаточно «исламизировавшегося» османского общества. К примеру, сестру Кара Мухаммеда, правителя бейлика Кара-Коюнлу, звали Татар-хатун. Вообще, в династии Кара-Коюнлу мы встречаем нескольких лиц с прозвищем Кара (великий, черный) – Кара Мухаммед, Кара Юсуф, Кара Искандер. Двоюродного брата Кара Искандера и его великого эмира звали Кылыч Арслан (Меч-Лев). Сын правителя Айдына Джунейда Хасан имел прозвище Курт (Волк). Знаменитого правителя Дулкадырского бейлика звали Бозкурт (Серый волк) Ала ад-довле, а его сын Касим получил прозвище Сары Каплан (Рыжий тигр). Здесь уместно вспомнить слова В.А.Гордлевского о том, что прозвища у огузов часто были связаны с их племенным происхождением или родовым тотемом.¹²⁷² Имена и прозвища правителей Ак-Коюнлу также имели явно выраженный «туркманский» характер – Кара Юлук (великий или черный змей) Осман,

¹²⁶⁸ Cem Sultan'ın Türkçe Divanı. P. 29-32; Ertaylan İ.H. Sultan Cem. P. 169

¹²⁶⁹ Ketab-e Ahsan at-tavarikh. P. 72

¹²⁷⁰ Аграрный строй Османской империи XV-XVII вв. Документы и материалы. P. 170

¹²⁷¹ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 56

¹²⁷² Там же

Узун (высокий, рослый) Хасан, Угурлу (удачливый, счастливый) Мухаммед, Кёр (слепой) Зейнал, Гёде (малорослый, коротышка) Ахмед и т.д. В действительности, список можно продолжить. Однако даже этот поверхностный взгляд на выбор имен показывает достаточно заметное влияние древних традиций на культуру тюркского общества в эпоху бейликов. Для сравнения напомним, что в сельджукский период в династической среде были популярны персидские имена Кей-Хосров, Кей-Кубад, Кей-Фарибурз и другие, восходящие к героям «Шах-наме».

Уместно отметить в данном контексте и возмужавшее тюркское культурное влияние на соседние христианские народы в этот период. Первые тюркские имена среди византийских греков отмечены уже в XIII столетии. Среди трапезундских греков популярностью пользовались тюркские имена, титулы, и двойные греко-тюркские имена, так что два брата императора Андроника носили греческие и тюркские имена, а при дворе часто можно было услышать названия тюркских титулов. Мода на имена, одежду и обычаи тюрков была особенно сильна среди армянского населения восточной Анатолии и Киликии начиная с XII в.¹²⁷³

Всплеск тюркского этнического сознания в XIV-XV вв. проявлялся не только в подъеме «политического огузизма», но, возможно, и в более важном явлении, которое можно назвать «культурным огузизмом», иными словами, в тюркском культурном возрождении, бурном развитии языка и расцвете литературы. Как писал М.Ф.Кёпрюлю, «то, что место сельджукских султанов, столь привязанных к персидской культуре, заняли простые туркманские беи, которые часто не владели никаким иным языком кроме родного тюркского, способствовало тому, что в XIV столетии тюркский язык все в большей мере стал использоваться в качестве языка науки и искусства. В стремлении привлечь к себе внимание этих беев и получить вознаграждение от них многие ученые, шейхи и поэты начали сочинять свои произведения на тюркском либо переводить известные произведения с арабского и персидского языков на тюркский. Правители заказывали им переводы тех религиозных или литературных трудов, которые им хотелось прочесть. Таким образом, начался бурный процесс перевода на тюркский язык сочинений, касающихся толкования Корана, религиозных правил, мусульманского мистицизма, жития святых, медицины, охоты, истории ислама, одним словом, той дидактической литературы, которая была к тому времени распространена и известна в мусульманских учебных заведениях».¹²⁷⁴

Действительно, во многих уголках мусульманского мира, особенно в тех странах, где была установлена власть различных тюркских династий, этот язык приобрел невиданную до тех пор популярность. В отличие от

¹²⁷³ Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 460-461

¹²⁷⁴ Köprülü M.F. Türk edebiyatı tarihi. P. 343-344

прежних времен, когда многие авторы жаловались на ограниченные возможности тюркского языка по сравнению с арабским и персидским для выражения сложных художественно-философских образов, в XV столетии отношение к нему изменилось, и Алишер Навои с гордостью говорил о богатстве и внутреннем потенциале этого языка. Это было связано, безусловно, с процессом общего подъема и развития тюркской культуры, роста этнического самосознания. Можно привести множество тому свидетельств, в частности, замечание А.Гёльпынарлы, что хуруфитское религиозно-философское течение, создавшее богатейшую литературу, именно в XV столетии начало переходить с персидского на тюркский язык.¹²⁷⁵

Как было отмечено, начиная с XIV в. в Мавераннахре, Туркестане, Азербайджане, Анатолии и других частях мусульманского мира появляется все больше письменных произведений на тюркском языке. Естественно, значительную часть из них составляли суфийские сочинения. В Малой Азии уже в конце XIII – начале XIV в. сын Джалал ад-Дина Руми Султан Велед осознавал необходимость писать свои произведения не только на персидском, но и на «тюрки» – языке основного населения Анатолии – для быстрого распространения суфийского учения своего отца, которое в это время уже получило название «мевлевийа». Его первая поэма или маснави «Ибтида-наме» содержала 76 бейтов на тюркском языке, вторая поэма «Рубаб-наме», завершенная в 1301 г. – 162 бейта. Кроме этих произведений перу Султана Веледа принадлежит и ряд стихов из его «Дивана», в которых имеется 129 двустиший на «тюрки».¹²⁷⁶

В то же время, не следует забывать, что все вышесказанное относится, прежде всего, к высшим слоям тюркского общества. Нет сомнений, что даже в сельджукскую эпоху, когда правящая элита и городские слои были столь увлечены персидской литературой и языком, народные массы продолжали создавать на родном языке образцы устной литературы, которая продолжала существовать в их среде. Естественно, что пропаганда так называемого народного ислама велась странствующими туркманскими шейхами и дервишами среди кочевников и крестьян Анатолии на простом тюркском языке. К примеру, в ряде источников сохранились сведения, хотя и вызывающие сомнение, о том, как шейх Ахвад ад-Дин Кирмани пользовался небывалой славой и популярностью у анатолийских туркман, поскольку обращался к ним на их родном языке.¹²⁷⁷

До нас дошло не много образцов тюркоязычной суфийской литературы сельджукского периода. Но сохранившиеся примеры дают весьма интересную информацию о духовной жизни народных масс. Так, в произ-

¹²⁷⁵ Gölpinarlı A. 100 soruda Türkiyede mezhebler ve tarikatlar. P. 154

¹²⁷⁶ Karahan A. Türk kültürü ve edebiyatı. P. 147

¹²⁷⁷ Şeyh Evhadüd-din Hamid el-Kirmani ve Menakıb-namesi. P. 69

ведении Элвана Челеби «Менакыб ал-кудсийе» о жизни знаменитого суфийского шейха XIII в. Баба Ильяса Хорасани говорится о вещих сновидениях этого святого, в которых сам пророк Ибрахим (Авраам, или в тексте – Халил ар-Рахман) призывал его на богоугодные дела. Примечательно здесь то, что эти откровения от пророка Ибрахима шейх получал на тюркском языке (*Fermudan-e Khalil ar-Rahman be-zaban-e torki*).¹²⁷⁸ В произведении не случайно звучит от имени шейха следующее признание:

*Когда я получаю это обращение на тюркском языке,
Становится мне ясно все его благословенное содержание.*¹²⁷⁹

Из текста жития становится также известно, что шейх часто обращался к многочисленным последователям с проповедями в стихах, написанных им народным тюркским размером «хеджа» и на простом тюркском языке. По преданию, с божьего соизволения Баба Ильясу ниспосылались «откровения на тюркском языке», и все, кто слышал их, приходили в неопишуемый восторг. Автор жития подчеркивает, что такого рода стихотворений у шейха было множество, но в своем произведении приводит лишь один пример.¹²⁸⁰ К сожалению, мы не располагаем более подробными данными о литературном творчестве этого туркманского шейха. Однако даже те короткие пассажи, которые дошли до нас, свидетельствуют о его духовной близости к «Туркестанскому старцу» Ходжа Ахмеду Ясеви и напоминают образцы из сборника его стихов «Диван-и хикмет». Несомненно, более поздние анатолийские поэты-суфии, например, Юнус Эмре, были продолжателями именно этого течения.

Надо сказать, что поэтическое творчество Юнуса Эмре, как и Шайяда Хамзы, также жившего в первой половине XIV столетия, других поэтов-суфиев, способствовало развитию тюркского языка и литературы в Малой Азии и других странах Ближнего Востока. К примеру, упомянутая выше поэма «Гариб-наме» Ашик-паши, одного из крупнейших турецких суфийских поэтов XIV в., была невероятно популярна не только в Анатолии, но и Азербайджане. Во времена Узун Хасана Ак-Коюнлу этой книгой пользовались для гадания наряду с Кораном и «Маснави» Джалал ад-Дина Руми,¹²⁸¹ что свидетельствует о почти сакральном значении, которое придавалось ей в местной тюркской среде. В поэме автор с горечью говорит о незавидном и униженном положении тюрков и их языка в сельджукскую эпоху, отмечая, что вся суфийская литература излагалась доселе на персидском, почему и оставалась непонятной и незнакомой тюркам, и что это сподвигло автора взяться за создание труда на тюркском языке.

¹²⁷⁸ Elvan Çelebi. Menakıbu'l-Kudsiyye fi Menasıbu'l-Ünsiyye. P. 110

¹²⁷⁹ Там же. С. 114

¹²⁸⁰ Там же. С. 115

¹²⁸¹ Abu Bakr-i Tihriani. Kitab-i Diyarbakriyya. (Т. II). P. 416

В целом, авторы и переводчики всех значимых произведений, появившихся в XIV столетии на тюркском языке, объясняли свои намерения необходимостью содействовать приобщению тюркского населения к высоким ценностям мусульманской религии и культуры в отличие от изрядно преуспевших в этом деле арабов и персов. Известно, что объем литературы на тюркском языке в это время был мизерным по сравнению с сочинениями на арабском и персидском языках. Этим диктовалась насущная потребность быстрее и шире распространять знания и литературу в тюркской среде. К примеру, Языджиоглу Ахмед Биджан, брат историка Языджиоглу Али и один из последователей анатолийского суфийского шейха Хаджи Байрама Вели в начале XV в., указывал на причину написания им на тюркском языке суфийского по содержанию произведения «Свет влюбленных» («Анвар ал-ашикин»): *«Я, немогущий Ахмед Биджан, узрел, что знатоки внешних и скрытых наук написали множество книг в этих областях, часть из которых была на арабском, а другая – на персидском языках. Не каждый муж [из тюрков] мог прочесть их и постичь их смысл. И я, несчастный, пожелал написать на тюркском языке книгу в области внешних и скрытых наук с тем, чтобы народ нашей страны нашел пользу от тех наук, и появились ученые и знатоки в этих областях. Чтобы в душах и убеждениях их появилась жажда следовать призыву шариата и истины, познать призывы мусульманской веры и обрести знание»*.¹²⁸²

Другой автор конца XIV в., Шейхоглу Мустафа, объяснял причину написания на тюркском языке своего сочинения «Кенз ал-кубера» следующим образом: *«Пусть те, кто будет читать [эту книгу], если очистят свои души от гордыни отрицания, смогут с помощью тюркского языка обрести ту же пользу, ... и чистоту, что можно получить с помощью арабского (tazi) и персидского (parsi) языков»*.¹²⁸³

Таким образом, ранние авторы XIV-XV вв. осуществляли некую «просветительскую» миссию в отношении собственного народа и сыграли выдающуюся историческую роль в развитии тюркского языка и литературы в этот период. Интересно, что большинство из них признавали несомненный авторитет персидского языка, делали первые робкие шаги в литературном творчестве на родном языке и порой словно извинялись перед читателем за «дерзость», с которой они взялись излагать свои сочинения на «незрелом» тюркском языке. Примечательны в этом смысле слова Манйасоглу (Ибн Манйас), который перевел с персидского на тюркский язык произведение Саади Ширази «Гюлистан»: *«На этом завершилась книга моя. Смею надеяться, что читатели, если обнаружат в ней ошибки, исправят, и если увидят неточности, что вполне вероятно – усовер-*

¹²⁸² Yazıcıoğlu Ahmed Bican. Envarı'l-Aşikin. P. 20

¹²⁸³ Şeyhoğlu. Kenzü'l-Kübera ve Mehekkü'l-Ulema. P. 39

*шенствуют, ибо я, бедный и несчастный Манйасоглу, признаю несовершенство [своего труда]. Однако пусть [читатели] да не будут судить строго и не посмотрят свысока, что эта книга изложена на тюркском языке, а не на иных языках».*¹²⁸⁴

Вместе с тем, такого рода самоуничижительные оценки в отношении родного языка, характерные для начального этапа развития тюркской литературы, были достаточно быстро преодолены благодаря плодотворному творчеству целой плеяды ярких и талантливых авторов – Шайада Хамзы, Ахмеда Даи, Юнуса Эмре, Ахмеди, Гюльшехри, Шейхи, Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда, Насими и других. Как результат произошедших изменений мы видим бурный рост тюркской культуры, в том числе, языка и литературы. В итоге это привело к тому, что уже в конце XV столетия некоторые литераторы открыто декларировали гордость за принадлежность к тюркскому этносу. Восхваление тюркского языка, восхищение прекрасными образцами родной литературы характеризуют интеллектуальную жизнь как османской среды, так и Азербайджана и Мавераннахры этого периода. Самым примечательным примером такого «ренессанса» является творчество великого чагатайского (староузбекского) поэта XV столетия, патриарха средневековой тюркской литературы Алишера Навои. Впервые в истории тюркской литературы Навои не только высказал убеждение в широких возможностях и художественной выразительности тюркского языка, но и решился утверждать превосходство последнего над персидским языком с точки зрения лексического состава, смысловой емкости слов, тонкости выражений и т.д.¹²⁸⁵ Ни один тюркский поэт до Навои не осмеливался выступать с подобными заявлениями. Безусловно, эти мысли чагатайского поэта, прозвучавшие в его произведении «Мухакимат ал-лугатейн» («Дискуссия двух языков»), стали очевидным свидетельством того, что к концу XV столетия тюркская культура мусульманского периода достигла своей зрелости, почувствовала свою значимость и окончательно утвердилась как самостоятельная и равноправная ветвь средневековой общемусульманской культуры. Навои писал, что без всякой армии и оружия, одним своим словом он объединил все тюркские страны, что глас божий объявил ему, что он своим пером завоюет все тюркские страны, покорит сердца тюркского народа и объединит его.¹²⁸⁶ Действительно, турки, установившие свое политическое господство от Балкан до Китая, стали с гордостью осознавать ту вершину, на которую возвысились их язык и литература, что было важным показателем развития тюркского этнического самосознания в XIV-XV вв.

¹²⁸⁴ Mahmud b. Kadı-i Manyas. Gülüstan Tercümesi. P. 19

¹²⁸⁵ Ali Şir Nevai. Mühakemetü'l-lügatayn. P. 169-170

¹²⁸⁶ Akar A. Ölümünün 500 Yılında Ali Şir Nevai. P. 63

Авторитет Навои был чрезвычайно высок и в литературной среде Малой Азии и Азербайджана.¹²⁸⁷ Известно, что его рукописи хранились в личной библиотеке султана Мехмеда Фатиха.¹²⁸⁸ Не случайно в этот период в османской и азербайджанской литературе появляются произведения, в которых авторы, подобно Навои, высоко отзываются о достоинствах тюркского языка. Одним из наглядных примеров возросшего статуса тюркского языка в османском обществе второй половины XV столетия является сочинение Кемалья «Селятин-наме». Данное произведение, как было отмечено, вызвало иронию со стороны приятелей автора, которые не преминули отметить, что тот зря взялся за этот труд, ибо высшая османская знать оказывала благосклонность сочинениям на персидском языке. Однако любопытна позиция самого Кемалья, которая показывает, что отношение к родному языку, особенно в кругах образованных слоев, в отличие от сельджукской эпохи в значительной степени изменилось к лучшему. Кемаль уподобляет банкроту поэтов, писавших на персидском языке либо злоупотреблявших персидскими словами и выражениями, а их труд – не столько поэтическому творчеству, сколько работе переводчика. Автор считает истинным подвижничеством стремление писать на родном и чистом тюркском языке.¹²⁸⁹ Позиция Кемалья демонстрирует возросший вес тюркского языка и культуры в Малой Азии во второй половине XV в.

Следует добавить, что в это время в литературных кругах и Азербайджана с особым пиететом подчеркивались художественная выразительность и богатство тюркского языка. К примеру, Ахмеди Тебризи, преподнесший свою поэму «Юсуф и Зулейха» правителю Ак-Коюнлу султану Якубу, писал, что в его время все слои населения – «и знать, и чернь» наслаждались звучанием тюркских стихов.¹²⁹⁰ Не случайно Ахмеди Тебризи, который перевел «Асрар-наме» Фарид ад-Дина Аттара на родной язык, писал, что он предпринял сей труд с целью оставить о себе память во всех слоях общества, т.е. у знати и черни.¹²⁹¹ Действительно, этот язык стал признанным литературным языком при дворах тюркских правителей. На нем кроме художественных произведений создавались и сочинения религиозного, политического, правового характера, которые порой использовались в качестве авторитетных источников для вынесения важных государственных решений. Например, как сообщается в «Уложениях» Тимура, при обсуждении вопроса о походе на Индию в присутствии всех принцев, полко-

¹²⁸⁷ К примеру, Кишвари, классик азербайджанской литературы XV в. и большой поклонник творчества Навои, признавался в одной из своих газелей, что приобрел «поэтический вкус благодаря чтению стихов Навои» (Kişvəri. Əsərləri. P. 22)

¹²⁸⁸ Dale S.F. The Legacy of the Timurids. P. 55

¹²⁸⁹ XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name. P. 203

¹²⁹⁰ Tebrizli Ahmedi. Esrar-name. P. VIII

¹²⁹¹ Там же. С. 159

водцев и эмиров, Шахрух аргументировал свои доводы ссылками на так называемые книги «тюркских законов» (*qavanin-e torki*).¹²⁹²

В отличие от сельджукской эпохи, в XIV-XV столетиях тюркские правители и сами создавали литературные произведения не только на персидском, но и тюркском языках. В конце XIV в. мы видим расцвет поэтического таланта Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда, сборник тюркских стихов которого восхищает своим утонченным лиризмом и выразительностью. В дальнейшем эту творческую традицию продолжили такие известные тюркские правители, как султан Ахмед Джелаир, Кара-Коюнлу Джахан-шах, писавший под псевдонимом Хагиги, султан Якуб Ак-Коюнлу, османский султан Мехмед Фатих, его сыновья султан Баязид и принц Джем, тимуриды султан Хусейн Байкара, его сын Бади уз-Заман Мирза, сын султана Абу-Саида Абу-Бакр Мирза, и многие другие. Даже Узун Хасан Ак-Коюнлу, о литературном творчестве которого нет никаких сведений, временами мог сочинять двустихия-бейты на родном тюркском языке. Во всяком случае, по сообщению Абу-Бакра Тихрани, этот грозный султан добавил от себя «два-три тюркских бейта» к тексту гневного письма на персидском языке, адресованного тимуридскому правителю Абу-Саиду.¹²⁹³

В XV столетии тюркский язык стал даже отчасти оспаривать, казалось бы, незыблемую монополию арабского языка в сфере религиозной литературы. Как было отмечено, произведения религиозного характера стали в большом количестве переводиться на тюркский язык с целью большего информирования тюрков, которым принадлежало политическое господство на значительной части Евразии и Ближнего Востока, о нормах шариата и фикха (законоведение). Чтобы представить актуальность этого процесса для тюркского общества Анатолии достаточно лишь напомнить, что Ибн Баттута, совершивший путешествие в Малую Азию в первой половине XIV столетия, встретил в одном из эмиратов кадия, который должен был выносить приговоры на основе шариата, но при этом совершенно не владел арабским языком.¹²⁹⁴ Более того, как сообщалось выше, в ранних османских хрониках рассказывается анекдотичный случай о том, что сам султан Баязид Йылдырым был настолько мало сведущ в религиозных вопросах, что не ведал о том, как кадии получали многолетнее образование в медресе, и поскольку многие из них были уличены во взяточничестве, то султан однажды в гневе велел всех их собрать вместе и сжечь живьем, что, впрочем, не было приведено в исполнение.¹²⁹⁵

¹²⁹² Уложение Тимура. С. 283

¹²⁹³ Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. (Т. II). P. 479

¹²⁹⁴ The Travels of İbn Battuta. P. 455

¹²⁹⁵ Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. P. 31; Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. I cild. P. 336-339

Поэтому не случайно в XIV-XV вв. получил широкий размах перевод на тюркский язык литературы по мусульманской юриспруденции во всех странах, находившихся под властью тюркских династий – Египте, Сирии, Малой Азии и других. К примеру, кадий города Хама в Сирии Ибрахим бин Мустафа бин Алишир ал-Малифдафи (ал-Мулейфадафи), который перевел в 1332 г. сочинение по фикху XII в. с арабского на огузско-тюркский язык, объяснял значение своего труда тем, что все произведения такого содержания были написаны на арабском языке, и те из тюрков, кто не знал его, но имел рвение к изучению религиозных наук, были лишены подобной возможности. По этой причине он и предпринял данный перевод, чтобы он стал его даром тюркам и чтобы те получили возможность приобщиться к шариатским наукам.¹²⁹⁶ Таким образом, забота о приобщении тюрков к необходимым религиозным знаниям явилось побудительным мотивом автора к переводу данного труда, что было типично для развития всей тюркской интеллектуальной среды в этот период.

Идентичные процессы наблюдались и в туркманской среде Азербайджана в годы правления династий Кара-Коюнлу и, особенно, Ак-Коюнлу. Как правило, не знавшие арабского, а временами и персидского языков туркманские правители в Анатолии и Азербайджане пользовались услугами переводчиков при обращении к Корану и религиозным вопросам. К примеру, тот же Ибн Баттута сообщает о своей встрече с правителем эмирата Айдын, который попросил своего прославленного гостя написать для него несколько хадисов на арабском языке. Когда хадисы были представлены бею, тот приказал своим приближенным немедленно перевести их на тюркский и записать их для него.¹²⁹⁷ Или один из хуруфитских источников сообщает о переводе Корана на тюркский язык по приказу правителя Кара-Коюнлу Кара Юсуфа, и добавляет, что последний «*бегло читал Коран по-тюркски*».¹²⁹⁸ О переводе Корана на тюркский язык для султана Ак-Коюнлу Узун Хасана сообщает и историк XVI столетия Лари.¹²⁹⁹ Одна из копий этого перевода хранится в Мешхеде в музее имени имама Рзы. Как становится ясно из текста, для перевода была использована лексика из различных тюркских языков и диалектов.¹³⁰⁰ Другой автор, сириец Мухаммед ал-Халаби, который по приказу мамлюкского эмира Йашбека находился в качестве посла при дворе Узун Хасана, пишет, что каждую пятницу в вечернее время правитель собирал у себя известных улемов Тебриза для религиозных бесед, и здесь читались хадисы из сборника

¹²⁹⁶ Nazmü'l-Hilafiyat Tercümesi. P. 248

¹²⁹⁷ The Travels of İbn Battuta. P. 441

¹²⁹⁸ Helmut Ritter. Ağaz-e ferğ-e horufiyye. P. 363

¹²⁹⁹ Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. P.381

¹³⁰⁰ İsmayılzade M.R. Uzun Hasan devrinde toplanmış Kuran-ı Kerim'in Türk dillerine tercümesi. P. 450

имама ал-Бухари «ал-Джами ас-сахих». На одной из них с участием ал-Халаби присутствовали известные богословы из Тебриза, Шираза, Багдада и Самарканды, и как отмечает автор, все звучавшие хадисы специально для Узун Хасана переводились на турецкий язык, чтобы правитель мог понять их содержание.¹³⁰¹

По сведениям некоторых источников можно предположить, что религиозная литература на турецком языке была достаточно широко распространена в Азербайджане уже в период государства Ак-Коюнлу, так, что турецкие переводы толкований Корана (тафсиры) и сборники хадисов активно использовались в процессе образования. К примеру, в житии шейха Ибрахима Гюльшани отмечается, что тот в юном возрасте после завершения изучения Корана приступил к чтению «*тафсира и хадисов из турецких книг*».¹³⁰²

Следует коснуться еще одного важного аспекта развития турецкого языка в XIV-XV вв. Литературные, религиозные и иные сочинения, созданные на турецком языке в этот период, в основном, были написаны на достаточно простом и доступном для народа языке. Если же проанализировать лингвистические особенности языка произведений, созданных в османской среде начиная с XVI столетия, то легко можно заметить, что они перенасыщены арабо-персидской лексикой и грамматическими конструкциями, что чрезвычайно усложняло и отдаляло язык от народного, придавая ему искусственность, доступную лишь для понимания высшими образованными слоями общества. На самом деле, этот процесс был вызван общественно-политическими трансформациями Малой Азии, связанными со сменой периода бейликов имперской эпохой и соответствующими изменениями в социальном строе и этнокультурном сознании турецкого общества.

Таким образом, хотя период бейликов и вошел в историю Малой Азии как время политической раздробленности и внутренних междоусобиц, тем не менее, он сыграл решающую роль в формировании этнического самосознания турецкого общества Анатолии, развития турецкой культуры. В это время, в отличие от имперской эпохи, локализация политической власти приблизила ее к народным массам, открыла двери дворцов правителей для турецкого языка и литературы и дала дополнительный стимул их развитию. Соперничавшие друг с другом за первенство в Малой Азии турецкие династии для легитимизации собственной власти и обоснования своих политических амбиций в глазах турецких масс долж-

¹³⁰¹ Из вопросов, которые задавал во время встречи Узун Хасан улемам видно, что тот не был силен в вопросах религии. К примеру, он попросил ал-Халаби объяснить ему значение слова «ансар» и получил ответ мамлюкского посла, что так назывались мединские последователи пророка Мухаммеда (Мухаммад ал-Халаби. Поход эмира Йашбека. С. 51-53).

¹³⁰² Muhyi-i Gülşeni. Menakib-i İbrahim Gülşeni ve Şemleli-zade Ahmed Efendi. P. 23

ны были апеллировать к огузским этническим ценностям. Появление течения «политического огузизма» в тюркской среде Анатолии и Азербайджана в начале XV в. связано, прежде всего, с этим фактом. В эпоху бейликов тюркский язык и культура получили такой мощный импульс, который обеспечил их устойчивое и динамичное развитие в последующие столетия. Несмотря на растущий нигилизм высших слоев османского общества конца XV-начала XVI в. в отношении турецкого языка, это не могло воспрепятствовать дальнейшей этнической интеграции турецкого народа и развитию его культуры. В целом, эпоха бейликов и последующий имперский этап в истории тюркской среды Малой Азии подготовили мощную и плодотворную этнокультурную почву для формирования современной турецкой нации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сельджукское завоевание Ближнего Востока в XI столетии открыло путь к постепенному формированию тюркской этнической среды в обширной географической зоне от Каспийского моря на востоке до побережья Эгейского моря на западе. Во второй половине XII – начале XIII вв. наблюдалась относительная политическая целостность этой среды, когда значительная ее часть в Анатолии была объединена в рамках Сельджукского государства Малой Азии, а в Азербайджане входила в состав государства атабеков-Ильдегизидов. Эта хрупкая стабильность была нарушена в результате стремительных военных походов последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина, успехи которого были настолько же блистательными, насколько кратковременными. Вскоре хлынувшие на Ближний Восток монголы смели большинство существовавших здесь государственных образований, что привело к распаду всей политической системы сельджукской эпохи в регионе. В 1243 г. монгольский полководец Байджу в битве при Кёседаге разгромил армию султана Гияс ад-Дина Кей-Хосрова II и положил конец независимому существованию Сельджукского государства Малой Азии. Азербайджан также оказался в составе монгольской державы Ильханидов, заняв в ней метропольное положение. В то же время, новые миграционные волны, порожденные монгольскими завоеваниями в XIII в., объективно способствовали расширению границ тюркского этнокультурного ареала на Ближнем Востоке.

Политическое доминирование монголов в Малой Азии длилось до начала XIV в. Находившиеся в вассальной зависимости от ильханидского двора последние сельджукские султаны теряли не только реальную власть над Анатолией, но и легитимность в глазах своих подданных, особенно воинственных туркменских племен, обосновавшихся в пограничной с Византией зоне – «уджах». Постепенно происходило ослабление контроля и ильханидского двора над Малой Азией, что открывало путь для появления на исторической сцене новых центров власти. Таким образом, начиналась эпоха политической раздробленности в средневековой истории Турции, или т.н. «период бейликов». К началу XIV в. вся территория Анатолии распалась на более мелкие государственные образования – бейлики или эмираты. Ранний этап «периода бейликов» характеризуется постепенным ослаблением сельджукского, а затем монгольского гос-

подства в Анатолии, дроблением политической власти в регионе и одновременным усилением роли тюркских эмиратов, которые конкурировали между собой за военно-политическое лидерство и миссию «собирателя» анатолийских земель, обломков Сельджукского государства Малой Азии. В общественном сознании тюркской среды Анатолии в это время наблюдалась смена культурных идеалов сельджукской эпохи, навеянных влиянием персидской литературы и искусства, иными ценностями, вызванными новыми политическими реалиями. Это проявлялось, в первую очередь, в росте интереса политических элит в анатолийских эмиратах к национальному языку, зарождении и бурном развитии турецкой литературы в Малой Азии, расцвете переводческой деятельности при дворах правителей, росте количества рукописных книг на турецком языке и т.д.

В целом, последние годы XIV столетия, или время правления султана Баязида I Молниеносного, можно считать условным хронологическим рубежом, который делит период бейликов на два этапа. Не случайно уже ранние османские авторы подчеркивали противоречивый характер правления этого султана. Они оценивали эпоху Баязида как некий знаковый рубеж в эволюции Османского государства, обусловленной происходившими в недрах общества глубокими качественными трансформациями. По их мнению, главным показателем этих изменений являлась постепенная деградация тех основополагающих морально-религиозных ценностей, которые были присущи раннеосманской эпохе. Не будучи в состоянии осознать и понять социальные корни и причины этих явлений, османские историки, тем не менее, ясно видели те негативные, на их взгляд, последствия, которые влекли за собой происходившие перемены. Поэтому они и затруднялись дать однозначную оценку правлению этого султана. С одной стороны, ранние авторы воспевали оды Баязиду за его громкие победы над крестоносцами в битве при Никополе в 1396 г. и восхваляли его как султана-газиза за успехи в борьбе против христианских государей на западе. С другой же стороны, они были вынуждены признать, что в годы его власти Османская династия впервые погрязла в многочисленных «грехах». В османских хрониках не раз слышатся жалобы на то, что султан под влиянием сербской супруги пристрастился к «богопротивному» винопитию, отдалился от предписаний веры, заветов предком и традиций патриархальной старины, по причине чего повсюду распространились злоупотребления и умножились страдания народа.

Вместе с тем, именно в это время, т.е. в конце XIV в., определились основные контуры военно-политического противостояния между различными эмиратами в Малой Азии. Впервые при султани Баязиде Молниеносном Османское государство положило в основу своей политики в Анатолии силовые методы подчинения тюркских эмиратов, их ликвидации и

включения их земель в свой состав. Иными словами, так называемая «османизация» Малой Азии, которая до этого периода осуществлялась в значительной мере мирными и дипломатическими мерами, отныне стала проводиться в жизнь военным и насильственным путем. Это изменение в политике Османского государства не могло не вызвать ответной реакции со стороны остальных тюркских эмиратов, которые не без основания видели в усилении Османского государства и расширении его границ на восток смертельную угрозу для собственного существования. Стало очевидно, что в ходе отмеченного противостояния внутри тюркской среды Малой Азии постепенно выделились два основных политических центра или полюса, которые условно можно обозначить как «западный» и «восточный». Западный полюс неизменно ассоциировался с Османским государством, в то время как восточный полюс представляли противостоявшие османам и последовательно сменявшие друг друга традиционные тюркские государственные образования в Малой Азии (Караманский бейлик, государство Кадия Бурхан ад-Дина Ахмеда, государство Ак-Коюнлу). Вопрос о том, кому из них удастся взять на себя миссию «наследника» Сельджукского государства и выполнить задачу объединения Анатолии под своей властью имел судьбоносное значение для всей этнополитической истории тюркской среды Малой Азии. Иными словами, стоял вопрос о направлении, с которого предстояло осуществить новое «собираание земель» – с запада на восток или наоборот. Таким образом, борьба между двумя полюсами определяла всю дальнейшую историческую эволюцию тюркской среды Анатолии.

Османо-караманские отношения изначально приняли характер постоянного соперничества и плохо скрываемой обеими сторонами вражды. В то же время, наиболее зримым примером открытого столкновения двух политических полюсов стала война между османским султаном Баязидом I и правителем Сиваса и Кайсери Кадием Бурхан ад-Дином Ахмедом в последние годы XIV в. В последующие десятилетия борьба за политическое лидерство в Малой Азии нашла свое продолжение в типологически схожих конфликтах между османским султаном Мехмедом II и правителем государства Ак-Коюнлу Узун Хасаном, а затем Селимом I и сефевидским шахом Исмаилом. В действительности, эти конфликты можно интерпретировать и как часть затянувшейся борьбы двух линий в общественно-историческом развитии тюркской среды Малой Азии. Османское государство, возникшее на западе Малой Азии и Балканах, унаследовавшее идею универсальной империи и имперские традиции от сельджуков и Византии, впервые создало комплекс политико-идеологических принципов, которые можно объединить под общим названием «османизм», и которые резко контрастировали с принципами традиционной тюркско-мон-

гольской государственности. Иными словами, Османское государство символизировало некую новую линию общественно-исторического развития тюркского общества и противопоставляло себя традиционному типу тюркско-монгольской государственности.

В социальном плане это явление объясняется тем, что Османской империи впервые в истории тюркско-монгольской государственности удалось обуздать и взять под контроль кочевую стихию многочисленных племен в Малой Азии. Это было достигнуто благодаря целому комплексу мер, и, в первую очередь, последовательному внедрению тимарной системы, которая обеспечивала контроль государства над всем земельным фондом и стала основой системы землепользования в империи. Еще одним важным фактором явилось жесткое государственное регулирование правовых отношений в обществе путем применения не только религиозного права (шариата), но активного законотворческого процесса на основе обычного права, инициированного со стороны султанов, издания ими многочисленных законодательных актов (канун-наме). Турсун-бей назвал эту законодательную инициативу османских правителей «султанским правом» (*siyaset-i sultani ve yasak-i padişahi*).¹³⁰³ Во многие османские законодательные акты XV-XVI вв., как общего характера (своды законов султанов Мехмеда Фатиха, Селима I), так и провинциальные, были включены пункты, специально оговаривавшие социальный и правовой статус кочевых племен и порядок их налогообложения. Эти законы были призваны вписать кочевников в общий социально-хозяйственный механизм империи, превратив их в обычный субъект фиска и ограничив те их вольности, которыми номады пользовались до установления османского порядка. Одновременно было необходимо оградить эту группу населения от притеснений провинциальной бюрократии и местных землевладельцев, которые пользовались своим более привилегированным социальным статусом для незаконной эксплуатации кочевников и личного обогащения. В определенные периоды Порты проводила и целенаправленную политику насильственной седентаризации номадов (*iskan siyaseti*).

О том, что подчинение кочевых племен государству являлось фундаментальной чертой османской политики, свидетельствует ее последовательное проведение не только в Малой Азии, но и во всех завоеванных регионах империи, в частности, в арабских странах. Здесь бедуинские племена «были вынуждены подчиниться новым законам, соблюдать порядок и государственную дисциплину. Случаи неповиновения, тем более разбоев и грабежей сурово карались... Большинство кочевников были вынуждены примириться с новой властью. Многие племена перешли на службу к Порте, довольствуясь государственными субсидиями и теми не-

¹³⁰³ Tursun Bey. Tarih-i Ebü'l-Feth. P. 13

многочисленными льготами, которые оставило им османское правительство. В XVI в. значительно упал престиж вольной кочевой жизни».¹³⁰⁴

Как известно, все попытки, предпринимаемые в прежних тюркско-монгольских государственных образованиях, либо оказывались половинчатыми, либо завершались неудачей. Достаточно вспомнить горький опыт последнего великого сельджукского султана Санджара, которому пришлось провести три года (1153-56 гг.) в плену у кочевых огузов после неудачного похода в Хорасан. В конце XIII – начале XIV вв. ильханидский правитель Газан-хан инициировал глубокие и основательные реформы, нацеленные на поддержку оседлого хозяйства, развитие земледелия, городской жизни, ремесла, торговли и т.д. Однако эти мероприятия вызвали протест и противодействие со стороны монгольских номадов. Военный талант и административные способности Кадия Бурхан ад-Дина, стремившегося твердой рукой держать в узде многочисленные и воинственные кочевые племена в центральной Анатолии не привели ни к чему хорошему, и он погиб в 1398 г. в стычке с туркманами Ак-Коюнлу. Незавершенными остались также реформы правителя государства Ак-Коюнлу Узун Хасана в 70-ых гг. XV столетия. Все его намерения изданием многочисленных законодательных актов (канун-наме) урегулировать налоговые сборы, способствовать развитию сельского хозяйства и ремесла не могли найти поддержку у туркманской военно-кочевой элиты. Именно по этой причине высшие эмиры государства открыто выступили против продолжения этих реформ при сыне Узун Хасана султанине Якубе, а их инициатор Кази Иса Саведжи был убит ими. Так же неудачно и трагически завершилась инициатива внука Узун Хасана султана Гёде Ахмеда в самом конце XV столетия, стремившегося осуществить в государстве Ак-Коюнлу серьезные реформы изданием законов в османском духе. Таким образом, все попытки сузить ареал номадизма и ограничить его политическую роль, которые предпринимались в тюркско-монгольских государствах Ближнего Востока в средние века, не увенчались успехом, за исключением Османской империи. Поэтому, в государствах, последовательно представлявших восточный полюс в противостоянии внутри тюркской среды Малой Азии, в большей степени по сравнению с османами наблюдалась преемственность старых кочевых порядков и сохранялась приверженность традиционным принципам управления и ценностям кочевой государственности.

Между тем, социальное по своей глубинной сути противостояние двух полюсов в политико-идеологической плоскости проявлялось в соперничестве между «османизмом» и «антиосманизмом». Одновременно эта дилемма стала фактором, оказывавшим решающее влияние на этнические процессы внутри тюркской среды Малой Азии, т.е. на явления этно-

¹³⁰⁴ Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран, с. 250

культурного размежевания и последующей интеграции вокруг новых политических полюсов. Вокруг османской государственности на базе осколков тюркской этнической общности бывшего сельджукского ареала постепенно начинало формироваться ядро новой анатолийско-турецкой народности с характерными этнокультурными признаками. Так, с конца XIV – начала XV вв. на западе Малой Азии постепенно происходило вызревание нового османского самосознания, что впервые нашло отражение в использовании политонима «османы» (*Osmaniler*) в произведении Ахмеди в 1410 г. На востоке же происходила консолидация той части тюркской среды, которая не принимала «османизацию» Анатолии и продолжала сохранять приверженность традиционным порядкам и ценностям. В противовес османскому этнополитическому ареалу, где все больше людей начинали ассоциировать себя с османской идентичностью, в общественном сознании тюркского общества Восточной Анатолии и Азербайджана наблюдалось утверждение в качестве автоэтнонима слова «туркман» (*Türkman*). В аутентичных источниках это слово начинало противопоставляться термину «османы», о чем свидетельствует, например, письмо главы конфедерации племен Кара-Коюнлу Кара Юсуфа своему сопернику Кара Юлук Осману Ак-Коюнлу.

Происходившее внутри тюркской среды Малой Азии этническое размежевание проявляло себя и в сфере языка и литературы. Специалисты, занимающиеся историей тюркских языков, отмечают, что именно с этого периода, т.е. с конца XIV столетия, наблюдается начало процесса дифференциации некогда единого в сельджукский период западногузского языка на две самостоятельные ветви, которые условно можно обозначить как западноанатлийскую (османскую) и азербайджанскую. На их базе постепенно происходит формирование новых литературных языков. Определенные лексико-семантические различия между ними прослеживаются в произведениях известных авторов, которые творили в этот период. Так, если Шейхи, Гюльшехри, Ахмеди и другие писали на западноанатолийском (османском) турецком языке, то литературное творчество таких поэтов как Мустафа Зарир, Кадий Бурхан ад-Дин Ахмед, Насими и других многими специалистами относится к сфере распространения средневекового азербайджанского языка. Примечательно, что существование османского и азербайджанского языков в качестве двух хоть и очень близких, но самостоятельных и отличных друг от друга литературных языков было отмечено еще в XV столетии знаменитым чагатайским (узбекским) поэтом Алишером Навои, а затем и такими европейскими авторами как Пьетро делла Валле и Рафаэль дю Ман. В произведении последнего эти языки названы, соответственно, «османотурецким» (*Turc Osmanlou*) и «аджамским тюркским» (*Turc Agami*). Таким образом, разделение некогда

единого западноогузского языка на две ветви и формирование на их базе двух самостоятельных литературных языков было, в действительности, отражением на лингвистическом уровне процесса этнической дифференциации, которая происходила внутри тюркской среды Малой Азии под воздействием политического противостояния двух полюсов – западного и восточного.

Второй этап противостояния «запад-восток» наблюдается в 60-70-ые годы XV столетия и проявляется в конфликте между Мехмедом Фатихом и Узун Хасаном. Война между Османской империей и государством Ак-Коюнлу была продолжением борьбы между двумя полюсами внутри тюркской среды Малой Азии за политическое лидерство и объединение анатолийских земель под своей эгидой. Османский историк Ибн Кемаль называл вещи своими именами, когда указывал на нее как на столкновение между «западом и востоком». Так же как и во времена эмира Тимура, во второй половине XV столетия все антиосмански настроенные силы в Малой Азии искали поддержку на востоке и нашли ее в лице Узун Хасана. Достаточно упомянуть имена правителей анатолийских эмиратов, которые сконцентрировались вокруг султана Ак-Коюнлу и подстрекали его к войне с османами – Пир Ахмед и Касим Караманоглу, Кызыл Ахмед Исфендияроглу и другие. Вместе с тем, столкновение между Османской империей и государством Ак-Коюнлу придало дополнительный стимул дальнейшему этнополитическому и культурному размежеванию внутри тюркской среды Малой Азии. Следы этого раскола можно обнаружить в общественном сознании той эпохи, что нашло отражение в ряде литературных и исторических произведений. В частности, в некоторых источниках конфликт между османами и Ак-Коюнлу описывается как противостояние между т.н. «чытаками», отказавшимися от традиционных тюркских (номадических) ценностей, и «туркманами», оставшимися приверженцами кочевой старины.

Во второй половине XV в. османский султан Мехмед II, который проводил активную восточную политику, ликвидировал эмираты Караман, Джандар, Трапезундскую империю и одержал важную победу над государством Ак-Коюнлу. Таким образом, фактически, был положен конец существованию основных антиосманских сил в центральной Анатолии. Однако, как показали последующие события, дух сопротивления османской экспансии на восток не был уничтожен и стал проявляться в усиливавшихся протестах и движении народных низов, бурном распространении среди анатолийских тюрков гетеродоксальных суфийских учений. Именно в этой среде кызылбашские идеи стали находить для себя благодатную почву. Объективно все шире распространявшееся влияние шиизма среди туркманских племен Малой Азии, участвовавшие к концу XV –

началу XVI столетия кызылбашские выступления и восстания являлись реакцией кочевой периферии на процесс политической централизации Анатолии со стороны Османской империи.

Последним этапом противостояния западного и восточного полюсов внутри тюркской среды Малой Азии стало столкновение между султаном Селимом I и шахом Исмаилом I, или османо-сефевидская война в 1514 г. Кызылбашство анатолийских кочевых племен и их участие в создании нового шиитского государства Сефевидов с центром Азербайджане объективно стали проявлением и идеологическим оформлением антиосманизма той части тюркской среды Анатолии, которая противилась «османизации» региона и его объединению под эгидой Османской империи. Иными словами, противостояние «османизм-кызылбашство» было логическим продолжением вышеуказанной дилеммы «запад-восток», двух линий общественно-исторического развития тюркской общности Малой Азии, и, одновременно, завершающим этапом этнокультурного размежевания внутри этой среды. Но в отличие от предыдущих этапов описанного выше конфликта кызылбашство противопоставляло себя османизму не только как политическая и социальная, но и религиозная альтернатива. Не случайно именно с этого времени начинаются длившиеся полтора столетия кровавые суннитско-шиитские войны между Османской империей и Сефевидским государством. Вместе с тем, раннее кызылбашство не следует смешивать с современным иранским (персидским) шиизмом. Они не являются тождественными явлениями и понятиями. Кызылбашство эпохи шаха Исмаила было, если угодно, тюркским вариантом шиизма, вобравшим в себя элементы древних шаманистических верований и ритуалов. Древние традиции рыцарства огузских «алпов» в ближневосточной тюркской среде также дифференцировались, воплотившись в османской среде в т.н. газийстве, а в туркманской среде Восточной Анатолии и Азербайджана – в кызылбашстве. Таким образом, кызылбашство раннесефевидского периода явилось последним всплеском древнего огузского «рыцарства», который пытался противостоять надвигавшейся и чуждой ему империи османов. Однако, это уже тема другой работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

- Абул-Фазл Аллами.* Акбар-наме. Самара, Издательский дом «Агни», 2003
- Абу-л-Фазл Бейхаки.* История Масуда (1030-1041). Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А.К.Арендса. Издание 2-е, дополненное. М., Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969
- Абуль-Гази-Бохадур-Ханъ.* Родословная туркменъ. Переводъ А.Туманского. Асхабадъ, Паровая Типография К.М.Федорова, 1897
- Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минерология). Перевод, статьи и примечания А.М.Беленицкого. Л., 1963
- Аграрный строй Османской империи XV-XVII вв. Документы и материалы. Сост., пер. и коммент. А.С.Тверитиновой. М., Издательство восточной литературы, 1963
- Аджа'иб ад-дунйа (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л.П. Смирновой. М., «Наука», Издательская фирма «Восточная литература», 1993
- Анна Комнина.* Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н.Любарского. М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965
- Аракел Даврижеци.* Книга историй. Перевод с армянского, предисловие и комментарий Л.А.Ханларян. М., Изд. «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973
- Аристокс Ластивертци.* Повествование вардапета Аристокса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К.Н.Юзбашяна. М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968
- Асадов Ф.М.* Ранние арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, «Элм», 1993
- Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, Издательство АН Узбекской ССР, 1958
- Бадр Ширвани.* Диван. Подготовка текста А.Г.Рагимова. М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985
- Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Том I. Царствование Михаила Палеолога (1255-1282). // Византийские историки, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии. Перевод под редакцією профессора Карпова. СПб., В типографии Департамента Уделов, 1862
- Джованни дель Плано Карпини.* История моголов. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., «Мысль», 1997

Закарий Канакерци. Хроника. Перевод с армянского, предисловие и комментарий М.О.Дарбинян-Меликян. М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1969

Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Полный свод истории. Перевод с арабского языка, примечания и комментарии П.Г.Булгакова. Дополнения к переводу, примечаниям и комментариям, введение и указатели Ш.С.Камолиддина. Ташкент, «Узбекистан», 2006

Ибн Арабшах. История Амира Темура «Аджаиб ал макдур фи тарих-и Таймур». Автор перевода с арабского на узбекский язык У.Уватов, с узбекского на русский язык Х.Бабабеков. Ташкент, 2008.

Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Перевод со старонемецкого Ф.К.Бруна. Издание, редакция и примечания акад. З.М.Буниятова. Баку, «Элм», 1984

История Средних веков. Крестовые походы (1096–1291 гг.). Составитель М. М. Стасюлевич. 3-е издание, исправленное и дополненное. «Полигон», СПб., «АСТ – Москва», 2001

Картлис Цховреба («История Грузии»). Под редакцией академика Роина Метревели. Баку, Издательский дом «East-West», 2012

Книга Орудж-бека Байата, Дон-Жуана Персидского. Перевод с английского, введение и комментарии д.и.н. О.Эфендиева и к.и.н. А.Фарзалиева. Баку, «Язычы», 1988

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л., Издательство АН СССР, 1958

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., «Наука», 1991

Летопись великого логофета Георгия Акрополита // Византийские историки, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии. Перевод под редакцией Троицкого И. СПб., В тип. Департамента Уделов; в тип. Григория Трусова, 1863

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. Под редакцией С.Л.Волина, А.А.Ромаскевича и А.Ю.Якубовича. М.-Л., Издательство АН СССР, 1939

Михаил Пселл. Хронография. Перевод, статьи и примечания Я.Н.Любарского. М., Издательство «Наука», 1978

Мухаммад ал-Халаби. Поход эмира Йашбека. Перевод с арабского языка акад. З.М.Буниятова и к.и.н. Т.Б.Гасанова. Баку, «Элм», 1985

Никифор Григора. Римская история. Под ред. П. Шалфеева. СПб., СПбДА, 1862
Никиты Хониата История, начавшаяся с царствования Иоанна Комнина. Том I (1118-1183). Перевод под редакцией профессора В.И. Долцкого. СПб., 1860

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. (в 4 частях). Ч III. СПб., 1836

- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией И.Ю.Крачковского. М.-Л., Изд. АН СССР, 1939
- Рашид ад-дин*. Переписка. Перевод, введение и комментарий А.И.Фалиной. М., Главная редакция восточной литературы, 1971
- Руи Гонсалес де Клавихо*. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). Перевод со староиспанского, предисловие и комментарии И.С.Мироковой. М., 1990
- Садр ад-Дин Али ал-Хусайни*. Ахбар ад-даулат ас-селджукиййа. Издание текста, перевод, введение, примечания и приложения З.М.Бунятова. М., Главная редакция восточной литературы, 1980
- Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б.Н.Заходера. М.-Л., Издательство АН СССР, 1949
- Уложение Темура. Пер. с перс. Х.Караматова. Авт. предисл., примеч. и коммент. Б.Ахмедова. Ташкент, Изд-во лит. и искусства им. Г.Гуляма, 1999.
- Фазлаллах Рашид ад-Дин*. Огуз-наме. Перевод с персидского, предисловие, комментарии, примечания и указатели Р.М.Шукюровой. М., «Дом Бируни», 1991
- Фазлаллах Рашид ад-Дин*. Джамии ат-таварих. Т. I. Часть I. Критический текст А.А.Ромаскевича, А.А.Хетагурова, А.А.Али-заде. М., Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1965
- Фазлуллах Рашид ад-Дин*. Джамии ат-таварих. Т. III. Составитель научно-критического текста на перс. яз. А.А.Али-заде. Перевод с перс. яз. А.К.Арендса. Баку, Изд-во АН Азерб.ССР, 1957
- Фазлуллах Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. (пер. Л. А. Хетагурова) Том 1. Книга 1. М.-Л., Изд. АН СССР, 1952
- Фазлуллах ибн Рузбихан Хундж*. Тарих-и алам-ара-йи Амини. Перевод с английского на русский Т.А.Минорской. Баку, «Элм», 1987
- Фома Мецопский*. История Тимурланка. Баку, Издательство АН АзССР, 1957
- Хамдаллах Мустауфи Казвини*. Зайл-и тарих-и гузида (Дополнение к «Избранной истории»). Вступительная статья, перевод с персидского, примечания и указатели М.Д.Кязимова и В.З.Пириева. Баку, «Элм», 1986
- Хафиз Абру*. Зайл-и Джамии ат-Таварих-и Рашиди (Дополнение к собранию историй Рашида). Перевод с персидского, предисловие, комментарий, примечания и указатели Э.Р.Талышханова. Баку, «Нафта-Пресс», 2007
- Хюсейн*. Беда'и ул-Века'и (Удивительные события). Издание текста, введение и общая редакция А.С.Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю.А.Петросяна. Часть 1-2. М., Издательство восточной литературы, 1961
- Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Маликом Джувейни. Пер. с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. яз. Дж.Э.Бойла с

предисловием и библиографией Д.О.Моргана. Пер. текста с англ. яз. на русский язык Е.Е.Харитоновой. М., Издательский дом Магистр-Пресс, 2004

Шараф-ад-Дин Али Йазди. Зафарнаме. Перевод А.Урунбаева. Ташкент, «Фан», 1972 (на фарсидском языке)

Шараф-хан Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И.Васильевой. Т. I. М., Издательство «Наука», Главная редакция научной литературы, 1967

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Издание критического текста, перевод с арабского, предисловие, комментариев, примечания и указатели З.М.Бунятова. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996

Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. Akkoyunlulur tarihi. Yayınlayanlar N.Luqal, F.Sümer. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi. Cüz. I, 1962; Cüz. II, 1964

Ahmed-i Dai. Çengname. Hazırlayan G.A.Tekin. Harvard University, 1992

Ahmedi. İskender-name (İnceleme – Tıpkıbasım). Hazırlayan İ.Ünver. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1983

Ahmet Refik. Anadoluda Türk aşiretleri (966-1200). İstanbul, Devlet Matbaası, 1930
Ahsan at-tavarikh. Ta'lif-e Hasan Rumlu. Be-ehtemam-e Doktor Abdolhoseyn Nevai. Tehran, 1349

Ali Şir Nevai. Mühakemetü'l-lügateyn. Hazırlayan F.S.S. Barutçu. Ankara, Irmak Matbaacılık, 1996

Ali-Şir Nevayi. Nesayimü'l-mahabbe min şemayimü'l-fütüvve. I. Metin. Hazırlayan K.Eraslan. Ankara, Bizim Büro Basımevi, 1996

Andreas Tietze. Mustafa Ali's Counsel for Sultans of 1581. (Edition, translation, notes). Wien, 1979

Andreas Tietze. Mustafa Ali's Description of Cairo of 1599. (Text, translation, transliteration, notes). Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975

Anonim Osmanlı Kroniği (1299-1512). Hazırlayan N. Öztürk. İstanbul, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 2000

Arat R.R. Fatih Sultan Mehmed'in Yarılığı // *Türkiyat Mecmuası*. Cild VI, 1936-1939. P. 285-322

Aşık Paşa. Garib-name. Tıpkıbasım, karşılaştırmalı metin ve aktarma Prof. Dr. Kemal Yavuz. Cilt. I-II. İstanbul, Türk Dil Kurumu Yayınları, 2000

Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. Düzenleyen Çiftçioğlu N.Atsız. // *Osmanlı Tarihleri*. I. İstanbul, Türkiye Yayınevi, 1949. P. 79-319

Aziz b. Erdeşir-i Esterabadi. Bezm ü Rezm (Eğlence ve savaş). Çeviren M.Öztürk. Ankara, Başbakanlık Basımevi, 1990

- Bayatlı Mahmud oğlu Hasan.* Cam-ı Cem-ayin. Sadeleştiren Kırzioğlu Fahrettin // Osmanlı Tarihleri. İstanbul, Türkiye Yıyinevi, 1949, P. 373-408
- Bazm u Razm. Müellifi Aziz bin Erdeşir-i Astarabadi. İstanbul, Evkaf Matbaası, 1928
- Benedict Curipeschitz.* 150 yılında, Bosna, Sırbistan ve Bulqaristan üzerinden İstanbula giden Joseph von Lamberg ile Niclas Jurischitz'in Elçilik Günlüğü. Çeviren Ö.Nutku. 2 baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989
- Celal-zade Mustafa.* Selim-name. Hazırlayanlar A.Uğur ve M.Çuhadar. Ankara, Başbakanlık Basımevi, 1990
- Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. By Doukas. An annotated translation of "Historia Turco-Byzantina" by H.J.Magoulias. Detroit, Wayne State University Press, 1975
- Die Altosmanischen Anonymen Chroniken. In Text und Übersetzung Herausgegeben von Dr. Friedrich Giese. Breslau, 1922
- Ebü'l-Hayr-ı Rumi.* Saltuk-name, cilt III. Hazırlayan Ş.H. Akalın. Ankara, 1990
- Elvan Çelebi.* Menakıbu'l-Kudsiyye fi Menasıbu'l-Ünsiyye. Baba İlyas Horasani ve Sülalesinin Menkabevi Tarihi. Hazırlayanlar İ.E.Erünsal ve A.Y.Ocak. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1995
- Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Müellifi Evliya Çelebi Mehmed Zilli ibn Derviş. Cild 2-3-4. Tab'ı: Ahmed Cevdet. İlk tab'ı. Dersaadet [İstanbul], İkdam Matbaası, 1314 (1896-97)
- Əbubəkr Tehrani.* Kitabı-Diyarbəkriyyə. Fars dilindən tərcümə edən R.Şükürova. Bakı, «Elm», 1998
- Əli ibn Hüseyni əl-Amasi Əlaəddin Çələbi.* Tacı-ədəb. Hazırlayan: İ.Qasımlı. Bakı, «Zərdabi» nəşriyyatı, 2014
- Fadlullah b. Ruzbihan Khunji-Isfahani.* Tarikh-i Alam-ara-yi Amini. Persian text edited by J.E.Woods with the abridged English translation by V.Minorsky "Persia in A.D. 1478-1490" (Turkmenica 12). Revised and augmented by J.E.Woods. Royal Asiatic Society, 1992
- Fatih devri kaynaklarından Düsturname-i Enveri: Osmanlı tarihi kısmı, 1299-1465. (Hazırlayan N. Öztürk). İstanbul, Kitabevi, 2003
- Feridun Bey.* Mecmua-yı münşeat üs-Selatin. İstanbul, Takvimhane-yi Amire, 1265-1274 (1848-1858)
- Fethname-i Sultan Mehmed. Müellifi Kivami. Hazırlayan Franz Babinger. İstanbul, Maarif Basımevi, 1955
- Firdevsi-i Rumi.* Kutb-name. Hazırlayanlar İ.Olgun, İ.Parmaksızoğlu. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1980
- Fizuli.* Seçilmiş əsərləri. Bakı, 1958
- Gazavat-ı Sultan Murad b. Mehemed Han. İzladı ve Varna savaşları (1443-1444) üzerine Anonim Qazavatname. Tıpkıbasım, metin, notlar ve bir lügatçe ile yayınlayanlar H.İnalçık, M.Oğuz. 2 baskı, Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989

- Gazi Zahirüddin Muhammed Babur*. Vekayi (Babur'un Hatıratı). Cilt I-II. Doğru Türkçesinden çeviren R.R.Arat. 2 baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1987
- Gelibolulu Mustafa Ali ve Kühü'l-Ahbar'ında II Selim, III Murat ve III Mehmet devirleri (II cilt). Hazırlayan F.Çerçi. Kayseri, Erciyes Üniversitesi Yayınları, 2000
- Gelibolulu Mustafa Ali ve Meva'idü'n-Nefais fi-Kavaidi'l-Mecalis. Hazırlayan M.Şeker. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1997
- Georges Pachymeres*. Bizanslı gözüyle Türkler. Çeviren İ.B.Barlas. İstanbul, İlgü Kùltür Sanat Yayıncılık, 2009
- Gregory Abu'l-Farac (Bar Hebraeus)*. Abu'l-Farac Tarihi. Cilt I-II. Süryaniceden İngilizceye çeviren E.A.Wallis Budge. Türkçeye çeviren Ö.R.Doğrul. 3. Baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1999
- Güvahi*. Pend-name (Öğütler ve Atasözleri). Hazırlayan M.Hengirmen. Ankara, Metropolis Matbaası, 1990
- Hafız Abru*. Zeyl-e Jame at-Tawarikh-e Rashidi. Be-ehthemam-e Khanbaba Bayani. Tehran: Entesharat-e Encumen-e Asar-e Melli, 1349
- Halil bin İsmail bin Şeyh Bedrüddin Mahmud*. Simavna Kadısıoğlu Bedreddin Menakıbı. Yayımlayanlar A.Gölpınarlı ve İ.Sungurbey. İstanbul, Eti Yayınevi, 1967
- Helmut Ritter*. Ağaz-e ferğ-e horufiyye. Farhang-e İranzemin. Tehran, 1341
- Hidayet Çelebi ve Divanı. Yüksek Lisans Tezi. Hazırlayan İ.Sona. Ankara, 2006
- Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. Publiee, Traduite et Annotee par Le Baron Desmaisons. Tome I. Texte. St.-Petersbourg, 1871
- Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. Publie d'après les Mss. De Leide et de Paris par M.Th. Houtsma. Vol. III. Leiden, E.J.Brill. 1902
- Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'arabe du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte Persan. Publie d'après le Ms. de Paris par M.Th. Houtsma. Leiden, E.J.Brill. 1902
- Hoca Sadeddin Efendi*. Tacü't-Tevarih. Cild I- II. İstanbul, Tabhane-i Amire, 1279
- Hüsamëddin Xoyi*. Töhfeyi Hüsam. Hazırlayanlar T.Ələsgərova, C.Sadıqova. Bakı, «Elm», 1996
- Ibn Balkhi*. Farsnama. Ta'lif-e Ibn al-Balkhi. Be-se'y ve ehthemam ve teshih-e Guy Le Strange ve Reynold Alen Nikholson. Tehran, Asatir, 1384
- İbn-i Bibi*. El-Evâmirü'l-Alâiyye fi'l-Umûri'l-Alâiyye. Hazırlayanlar: N.Lugal, A.S.Erzi. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1957
- İbn-i Kemal*. Tevarih-i Al-i Osman. I Defter. Yayına hazırlayan Ş.Turan. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991
- İbn-i Kemal*. Tevarih-i Al-i Osman. II Defter. Yayına hazırlayan Ş.Turan. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991
- İbn Kemal (Kemalpaşazade)*. Tevarih-i Al-i Osman. IV Defter. Metin ve transkripsiyon hazırlayan Koji Imazawa. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2000

- İbn Kemal*. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. 2 baskı. Hazırlayan Ş.Turan. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991
- İbn Kemal*. Tevarih-i Al-i Osman. VIII Defter. Hazırlayan A.Uğur. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1997
- İbrahim Peçevi*. Peçevi Tarihi. I-II cilt. Hazırlayan M.Uraz. Neşriyat Yurdu, 1968-1969
- İdris-i Bidlisi*. Selim Şah-name. Hazırlayan H.Kırlanç. Ankara, Kültür Bakanlığı Yayınları, 2001
- İstanbul'un fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. Yayınlayan O.Turan. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1954
- Kanunname-i Al-i Osman. İstanbul, 1330
- Karamanlı Nişancı Mehmed Paşa*. Osmanlı Sultanları Tarihi. Türkçeye çeviren Konyalı İbrahim Hakkı // Osmanlı Tarihleri. İstanbul, Türkiye Yayınevi, 1949
- Kemal Paşa-zade*. Tevarih-i Al-i Osman. X Defter. Hazırlayan Ş.Severcan. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1996
- Kerimüddin Mahmud-i Aksarayi*. Müsameretü'l-Ahbar. Çeviren M.Öztürk. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2000
- Ketab-e Ahsan at-tavarikh. Ta'lif-e Hasan Rumlu. Be-se'y-o-teshih Ch.N.Seddon. Tehran, 1342
- Kitab aja'ib al-ma'qdur fi akhbari Timur. Ta'lif Ahmad ibn Arabshah. Historia Tamerlanis, Arabice. Leiden, Lugduni Batavorum, Ex typographia Elseviriana, 1636
- Kitab-i Dedem Qorqud ala lisan-i taife-yi Oğuzan. Müstensih Kilisli Muallim Rifat. İstanbul, Matbaa-i Amire, 1332
- Kitab-ı Gunya. İnceleme-Metin-İndeks-Tıpkıbasım. Hazırlayan M.Akkuş. Ankara, Türk Dil Kurumu Yayınları, 1995
- Kişvəri*. Əsərləri. Bakı, «Şərq-Qərb», 2004
- Kınalızade Hasan Çelebi*. Tezkiretü's-şuara. Cilt 1-2. Eleştirmeli baskıya hazırlayan İ.Kutluk. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1978-1981
- Kreutel R.F.* Haniwaldanus Anonimin'e göre Sultan Bayezid-i Veli (1481-1512). Çeviren N.Öztürk. İstanbul, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1997
- Kritovulos*. Tarih-i Sultan Mehmet Han-i Sani // Kritoboulos. Mütercimi Karolidi. İstanbul, Ahmet İhsan ve Şürekası. 1328 (1912)
- Kühü'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri 1451-1481. Hazırlayan H.Şentürk. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2003
- Kühü'l Ahbar. Cild 5. İstanbul, 1285 (1869)
- Kühü'l Ahbar'ın Tezkire kısmı. Hazırlayan M.İsen. Ankara, Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, 1994
- L'Ouvrage de Seyfi Çelebi. Historien Ottoman du XVIe Siecle. Edition critique, traduction et commentaires par Joseph Matuz. Paris, Depositare Librairie Adrien Maisonneuve, 1968

- Le destan d'Umur Pacha (Düsturname-i Enveri). Texte, traduction et notes par Irène Mélikoff-Sayar. Paris, Presses universitaires de France, 1954
- Lütfi Paşa*. Tevarih-i Al-i Osman. İstanbul, Matbaa-i Amire, 1341
- Mahmud b. Kadı-i Manyas*. Gülüstan Tercümesi. Hazırlayan M.Özkan. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1993
- Mehmed Neşri*. Kitab-ı Cihan-nüma. Neşri Tarihi. I- II cilt. Yayınlayanlar F.R.Unat ve Dr. M.A.Köymen. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1949-1957
- Menakıb-i Hacı Bektaş-i Veli. "Velayet-name". (Hazırlayan A.Gölpınarlı). İstanbul, İnkilap Kitabevi, Nurgök Matbaası, 1958
- Mesnevi-ye menevi (Doure-ye kamil). Be-kushesh-e Jalaleddin Movlevi Mohammed bin Mohammed bin el-Hoseyn el-Balkhi er-Rumi. Be ehtemam-e Reynold Elin Nikolson. Leyden, 1376/1925-1933
- Michael Kritoboulous*. Historiai. Translated by C.T.Riggs. Princeton, 1954
- Mikele Membre*. Mission to the Lord Sophy of Persia (1539-1542). Translated with introduction and notes by A.H.Morton. London, 1993
- Muhyi-i Gülşeni*. Menakib-i İbrahim Gülşeni ve Şemleli-zade Ahmed Efendi. Şive-i Tarikat-i Gülşeniye. Yayınlayan T.Yazıcı. Ankara, 1982
- Musabəyli A.* Ruhi Bağdadi: mühiti, həyatı, poetikası və Divanı (əlyazma qaynaqları əsasında). Bakı, «Elm», 2005
- Mustafa Ali's Kühü'l-Ahbar and its Preface according to the Leiden Manuscript. By Jan Schmidt. Nederlands Historich-Archaeologisch Instituut Te Istanbul. 1987
- Müsameret ül-Ahbar. Moğollar zamanında Türkiye Selçukluları tarihi. Aksaraylı Mehmed oğlu Kerimüddin Mahmud. Mukaddime ve haşiyelerle tashih ve neşreden Dr. Osman Turan. 2 Baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1999
- 6 No Mühimme Defteri (16 receb 989 – 11 sefer 990) – İstanbul, Başbakanlık Arşivi (рукопись)
- Nazmü'l-Hilafiyat Tercümesi. Hazırlayan A.Bilgin. Ankara, Bizim Büro Basımevi, 1996
- Nezami-ye Gəncəvi. Xosrov və Şirin. Tərtib dəhəndə mətn-e elmi və enteqadi L.A Xetaqurov. Bakı, Nəşriyyat-e fərhəng-e olum-e Cəmhuriyyə Şoraviyyə Sosialistiye Azərbaycan. 1960
- Niketas Khoniates*. Historia (İoannes ve Manuel Komnenos Devirleri). Çeviren F.İşiltan. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1995
- Nizām al-Dīn Shāmī*. Zafar-nāmah, ed. and tr. F. Tauer as Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnāma par Nizāmuddīn Šāmī. Prague, Státní Pedagogické Nakladatelství, 1937/1956
- Nizamüddin Şami*. Zafername. Farsçadan çeviren N.Lugal. 2 baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1987
- Nizami Gəncəvi*. Xosrov və Şirin, Bakı, «Yazıçı», 1982
- Nuzhat al-Qulub. Composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazvin in 740 (1340). Edited by: Dr. S.M.Dabir Siaghi. Qazvin, Hadis-e-Emroz, 2000

- XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name (1299-1490). Hazırlayan N.Öztürk. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2001
- Oruc b. Adil*. Tevarih-i Al-i Osman. Franz Babinger neşri. Hannover, 1925
- Pietro della Valle*. Sefername-ye Pietro della Valle (Ġesmet-e merbut be İran). Terjome, sherh ve hevaşi ez Shuaeddin Shefa. Tehran, Şerket-e enteşarat-e elmi ve ferhengi, 1384
- Ramon Muntaner*. Chronicle. Translated by Lady Goodenough. In Parentheses Publications Catalan Series. Cambridge, Ontario, 2000
- Ruhi Çelebi*. Tevarih-i Al-i Osman. Bodlean, Marsh 313 (рукопись)
- Sehi Bey*. Heşt Behişt. İstanbul, Tercüman 1001 Temel Eser, 1980
- Selaniki Mustafa Efendi*. Tarih-i Selaniki (971-1003/1563-1595). I-II cild. 2 baskı. Hazırlayan M.İpşirli. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1999
- Siyer enbiya-yi izam ve ehval-i hülefa-i kiram. Tarih-i Nişancı Mehmed Paşa. İstanbul, Tabhane-i Amire, 1279
- Solakzade*. Tarih-i Solakzade. İstanbul, Mahmud Bey Matbaası, 1298
- Şer'ıye Sicilleri. Mahiyeti, Toplu Kataloğu ve Seçme Hükümler. I-II cild. İstanbul, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1988-1989
- Şeyh Evhadüd-din Kirmani ve Menakıb-namesi. Tercüme ve araştırma M.Bayram. Konya, Unimat Ofset, 2008
- Şeyhoğlu*. Kenzü'l-Kübera ve Mehekkü'l-Ulema. Hazırlayan K.Yavuz. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991
- Şikari'nin Karaman oğulları tarihi. Hazırlayan M.Mesud Koman. Konya, Yeni Kitab Basımevi, 1946
- Şükrullah*. Behcetüttevarih. Türkçeye çeviren Çiftçioğlu N.Atsız // Osmanlı Tarihleri. İstanbul, Türkiye Yiyinevi, 1949. P. 39-76
- Tadhkirat al-Muluk. A Manual of Safavid Administration (circa 1137/1725). Translated and explained by V.Minorsky. London, W.Heffer&Sons Ltd., 1943
- Tarikh-e alem-ara-ye Abbasi. Ta'lif: Eskender Beg Torkeman. Ba ehtemam va tanzim İrej Afshar. Tehran, Moessese-ye Entesharat-e Emir Kebir, 1392 (Jeld 1-2)
- Tarikh-e Beyhaqi. Tasnif-e Khace Abu-l-Fazl Mohammad bin Hoseyn Beyhaqi Dabir. Be-kushesh-e Doktor Khalil Khatib Rahbar. Tehran, Entesharat-e Mehtab, 1392 (Jeld 1-2-3)
- Tarikh-e Jahan-qusha-ye Juvayni. Ta'lif-e Mohammad Juvayni. Tashih-e Mohammad Qazvini. Celd-e evvel. Tehran, 1390
- Tebrizli Ahmedî*. Esrar-name. Hazırlayan G.Ayan. Ankara, Atatürk Kültür Merkezi Yayını, 1996
- Tezkire-i Latifi. Müellifi Kastamonılı Latifi. Tab ve naşiri Ahmed Cevded. İstanbul, Darüsseadet İkdâm Matbaası, 1314
- The Catalan Chronicle of Francisco de Moncada. Translated by Frances Hernandez. Edited by John V. Sharp. Texas Western Press. The University of Texas at El Paso, 1975

- The Travels of İbn Battuta A.D. 1325-1354. Vol II. London, The Hakluyt Society, 1959
- Topçular Katibi Abdülkadir (Kadri) Efendi Tarihi: Metin ve tahlil. Hazırlayan Z.Yılmaz. Cilt 1-2. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2003
- Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini. A Narrative of Italian Travels in Persia in the 15th and 16th Centuries. Translated from the Italian by William Thomas and by S.A.Roy. London, Hakluyt Society, 1873
- Tursun Bey*. Tarih-i Ebü'l-Feth. İstanbul, Mehmed Arif neşri («Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuasının ilavesi»), 1330
- Urfalı Mateos Vekayi-namesi (952-1136) ve Papaz Grigor'un Zeyli (1136-1162). Türkçeye çeviren H.D.Andreasyan. 2 baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1987
- Yazıcıoğlu Ahmed Bican*. Envaru'l-Aşıkin (Hak Aşıklarının Nurları). Hazırlayanlar: A.Tekin – M.Tekin. İstanbul, Bedir Yayınevi, 1983
- Yazıcıoğlu Ali*. Oğuzname yahud Selcukname. Naşiri Necib Asım. İstanbul, Bahriye Matbaası, (yılısız)

Литература:

- Агаджанов С.Г.* Очерки по истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, Издательство «Ылым», 1969
- Ализаде А.А.* Низам ал-мульк, Рашид ад-дин и Мухаммад Нахчивани (К истории развития общественной мысли // Известия АН Азерб. ССР (Серия истории, философии, права). № 1, 1969. С. 31-50
- Ализаде А.А.* Общность взглядов ученых Ирана и Азербайджана XI-XIV вв. По вопросам социально-экономического характера // Известия АН Азерб. ССР (Серия истории, философии, права). № 3, 1968. С. 47-55
- Ализаде А.А.* Реформаторские воззрения и общность взглядов по экономическим вопросам между Низам аль-Мульком, Рашид ад-Дином и Мухаммедом Нахчивани (XI-XIV вв.) // Известия АН Азерб. ССР (Серия истории, философии, права). № 2, 1971. С. 38-54
- Али-заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. Баку, Издательский дом «Кавказ», 2012
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В. Николаева. М., «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001
- Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., Типография С.Н.Худекова, 1897
- Асадов Ф.М.* Ранние арабские источники о тюрках. Баку, «Элм», 1993
- Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов. Баку, Элм, 1983

- Байпаков К.М.* Огузы, туркмены и сельджуки в городах Южного Казахстана // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21-23 ноября 2007 г. Под редакцией Л.Е.Масановой, Б.Т.Жанаева. Алматы, «Дайк-Пресс», 2008. С. 50-75
- Бартольд В.В.* Н.А.Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897 // Бартольд В.В. Сочинения. т. V. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 266-279
- Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. т. V. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 19-192
- Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. // Бартольд В.В. Сочинения. т. II, ч. 1. М., Издательство восточной литературы, 1963. С. 169-433
- Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // Бартольд В.В. Сочинения. т. V. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 195-229
- Бартольд В.В.* Новый труд о половцах // Бартольд В.В. Сочинения. т. V. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 392-408
- Бартольд В.В.* Мир Али-Шир и политическая жизнь // Бартольд В.В. Сочинения. т. II, ч. 2. М., Издательство «Наука», 1964. С. 199-260
- Бартольд В.В.* Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее // Бартольд В.В. Сочинения. т. VIII. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 430-431
- Бартольд В.В.* Об одном уйгурском документе // Бартольд В.В. Сочинения. т. VIII. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 117-118
- Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В.В. Сочинения. т. VIII. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 119-210
- Бартольд В.В.* Султан Синджар и гузы (По поводу статьи К.А.Иностранцева) // Бартольд В.В. Сочинения. т. II, ч. 2. М., Издательство «Наука», 1964. С. 414-416
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. т. I. М., Издательство восточной литературы, 1963. С. 45-597
- Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Бартольд В.В. Сочинения. т. II, ч. 2. М., Издательство «Наука», 1964. С. 25-196
- Бартольд В.В.* Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. // Бартольд В.В. Сочинения. т. II, ч. 2. М., Издательство «Наука», 1964. С. 388-399
- Бертельс Е.Э.* Тарзи Афшар и его творчество // Бертельс Е.Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 446-469
- Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., Издательство «Алетейя», 1999
- Босворт К.Э.* Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире // Мусульманский мир (950-1150). М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 20-35

- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII вв. Том I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Перевод с французского языка д. и. н. Л. Е. Куббеля. М., «Прогресс», 1986
- Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды. Перевод с французского М.А.Юсима. М., «Языки славянской культуры», 2002
- Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть II. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. Перевод с французского М.А.Юсима. М., «Языки славянской культуры», 2003
- Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть III. События. Политика. Люди. Перевод с французского М.А.Юсима. М., «Языки славянской культуры», 2004
- Бунятов З.М.* Государство хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986
- Васильев Л.С.* Крестьянские восстания на традиционном Востоке: социально-экономическое содержание и историческая роль // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1998. С.243-254
- Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. Петроград, Российская Государственная Академическая Типография, 1922
- Викторин В.М.* Отражение татаро-ногайского дуализма Крымского ханства и его связей с Османской империей в этнической истории тюрок волго-уральского региона // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., Институт востоковедения РАН, 1996. С. 213-221
- Гойтейн С.Д.* Изменения на Ближнем Востоке (950-1150) в свете документов каирской Генизы // Мусульманский мир (950-1150). М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 36-52
- Гордлевский В.А.* Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI века. (По документам, изданным А.Рефиком) // Академик В.А. Гордлевский. Избранные сочинения. т. III. М., Издательство восточной литературы, 1962. С. 198-224
- Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.–Л., Издательство АН СССР, 1941
- Гордлевский В.А.* Силуэты Турции // Академик В.А. Гордлевский. Избранные сочинения. т. III. М., Издательство восточной литературы, 1962. С. 11-184
- Градева Р.* О некоторых вопросах формирования османской системы управления // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 40-65
- фон Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам. Очерк истории (600-1258). Пер. а англ. И.М.Дижур. Предисл. В.В.Наумкина. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986

- Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., «Экопрос», 1992
- Гусейнов Р.А. Из истории отношений Византии с Сельджуками (по сирийским источникам // Палестинский сборник. Вып. 23 (86), 1971. С. 156-167
- Гусейнов Р.А. Из хроники Михаила Сирийца // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1973. М., «Наука», 1979. С. 26-54
- Гусейнов Р.А. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье // Палестинский сборник. Вып. 21(84), 1970. С. 185-198
- Гусейнов Р.А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. Вып. 17 (80), 1967. С. 131-147
- Гухман М.М. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., «Наука», 1970
- Джемилев Т. Татары на Балканах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 810-815
- Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980
- Еремеев Д.Е. Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории). М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1971
- Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в Средние века и Новое время. М., Издательство Московского Университета, 1992
- Жаворонков П.И. Тюрки в Византии (XIII- середина XIV в.): Часть первая: Тюркская аристократия. // Византийский временник. Т. 65(90), 2006. С. 163-177
- Жаворонков П.И., Шукуров Р.М. Рецензия на книгу Alexis G.C. Savvides. "Byzantium in the Near East: Its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols (A. D. c. 1192—1237)". Thessaloniki, 1981 // Византийский временник. Т. 48 (73). С. 172-178
- Жуков К.А. Об этническом самосознании турок в XIII-XV вв. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 132-148
- Жуков К.А. Присоединение бейлика Кареси к Османскому государству (по данным османских хроник, эпиграфики и нумизматики) // Письменные памятники Востока. № 1 (2), 2005. С. 127-130
- Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV - XV вв. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1988
- Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516-1574. Изд. 2-е, дополненное. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001
- Карпов С.П. Последний форпост Византии: падение Трапезундской империи в 1461 г. // РАН Отделение историко-филологических наук. Вестник истории, литературы, искусства. Том третий. М., 2006. С. 129-145
- Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., Издательство «Алетейя», 2007

- Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М., Изд-во МГУ, 1990
- Каэн К.* Земельный строй и тюркская оккупация в Анатолии // Вестник истории мировой культуры. №1, 1958. С. 60-71
- Каэн К.* Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире // Мусульманский мир (950-1150). М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 111-122
- Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., «Наука», 2006
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., «Петербургское востоковедение», 2000
- Коробейников Д.А.* Кыпчаки в Пафлагонии // Кыпчаки в Евразии: история, язык и письменные памятники. Сборник материалов международной научной конференции. Астана, 2013. С. 100-108
- Коробейников Д.А.* Кыпчаки на восточных границах Никейской (Византийской) империи в XIII в. // ПОЛЕМОЛОГОС: сб. статей памяти проф. В. В. Кучмы. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2012. С. 343-358
- Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997
- Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи. Перевод с англ. М.Пальникова. М., «Крон-Пресс», 1999
- Лэмбтон Э.К.С.* Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране // Мусульманский мир (950-1150). М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 123-144
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., Издательство АН СССР, 1951
- Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995
- Минорский В.М.* История Ширвана и Дербента X-XI веков. М., Издательство восточной литературы, 1963
- Мустафаев Ш.М.* Анатолийское кызылбашство в контексте этно-политических трансформаций в тюркской среде Малой Азии // Şah İsmayıl və onun dövrü. Beynəlxalq konfrans (Bakı, Xəzər Universitəsi, 24-26 sentyabr 1997). Bakı, Khazar University Press. С. 92-95
- Мустафаев Ш.М.* Восточная Анатолия: от Ак-Коюнлу к Османской империи. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994
- Мустафаев Ш.М.* Из истории взаимоотношений государства Ак-Коюнлу с Османской империей (некоторые штрихи к портрету Угурлу Мухаммеда) // Turcica et Ottomanica (Сборник статей в честь 70-летия М.С.Мейера). М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 282-292

- Мустафаев Ш.М.* Концепция верховной власти и права в «Огуз-наме» Языджи-оглу Али // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996. С. 10-23
- Мустафаев Ш.М.* Монгольские племена в Малой Азии (XIII-XV вв.) // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд, Издание МИЦАИ. 2008. С. 149-154
- Насибов Ю.М.* Древнегрузинские источники об этническом составе населения Северного Азербайджана XI-XII вв. // Средневековый Восток. Баку, «Элм», 1993. С. 161 – 166
- Орешкова С.Ф.* Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Изд. 2. СПб., 2001. С. 474–494
- Орешкова С.Ф.* Средние века (XI-XVIII вв.). Раздел I // Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. С. 4-62
- Острогорский Г.А.* История Византийского государства. (Перевод с немецкого). М., «Сибирская Благовонница», 2011
- Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., «Наука», 1982
- Петрушевский И.П.* Государства Азербайджана в XV веке // Сборник статей по истории Азербайджана. Выпуск I. Баку, Издательство Академии Наук Азерб. ССР, 1949. С. 153-213
- Поляковская М.А.* Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин: (К вопросу о политической концепции середины XIV в.) // Византийский временник. Т. 41(66), 1980. С. 173-182
- Прохоров Г.М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы (Статьи). Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., Издательство «Алетейя», 2000
- Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., «Наука», 1989
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., Типография Императорской Академии Наук. Т. I, часть 1 и часть 2 – 1893; Т. II, часть 1 и часть 2 – 1899
- Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983
- Расовский Д.А.* Половцы. Черные клобуки: печенег, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. (Работы разных лет). М., ЦИВОИ, 2012
- Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М., «Праксис», 2004
- Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982

- Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период Македонской династии. М., «Мысль», 1997
- Флоринский Т.Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузен. «Журнал Министерства Народного просвещения». СПб., 1879. Часть ССIV, С. 87-243; Часть ССV, С. 1-48
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, «Дайк-Пресс», 2002
- Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., Издательство «Наука», 1988
- Шарифли М.Х. Феодалные государства Азербайджана второй половины IX-XI веков. Баку, Издательский дом «Кавказ», 2012
- Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток. СПб., Издательство «Алетейя», 2001
- Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, «Элм», 1981
- Эфендиев О. Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. Баку, «Элм», 1961
- Юзбашиян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI вв. М., Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1988
- Afyoncu E. Osmanlı siyasi tarihinin kaynakları: Kronikler // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. Cilt 1, Sayı 2. 2003. P. 101-172
- Ahmad A. The early Turkish nucleus in India // Turcica. Tome IX/1, 1977. P. 99-109
- Aka İ. Mirza Şahruh ve devri (1405-1447). Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1996
- Aka İ. Timur ve devleti. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991
- Akar A. Ölümünün 500 Yılında Ali Şir Nevai // Türk edebiyatı, No 338. Aralık 2001, s. 62-64
- Aköz A. Karamanoğlu II.İbrahim Beyin Osmanlı Sultanı II.Murad'a Vermiş Olduğu Ahidname // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Bölümü Tarih Dergisi. Cilt 24, Sayı 38. 2005. P. 71-92
- Akyol T. Osmanlı'da ve İran'da Mezhep ve Devlet. 2 baskı. İstanbul, Şefik Matbaası, 1999
- Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London – New York, Verso, 1991
- Arsal S.M. Türk tarihi ve hukuk. İstanbul, İsmail Akgün Matbaası, 1947
- Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. 4 baskı. İngilizce baskısından çeviren D.Körpe. İstanbul, Oğlak Bilimsel Kitaplar, 2003
- Barfield T.J. Turk, Persian, and Arab: Changing Relationships between Tribes and State in Iran and along its Frontiers // Iran and Surrounding World. Ed. N.R.Keddie, R.Matthee. Seattle and London, University of Washington Press, 2002. P. 61-87
- Baykal B.S. Uzun Hasan'ın Osmanlılara karşı kati mücadeleye hazırlıkları ve Osmanlı-Akkoyunlu harbinin başlaması // Belleten. Cilt. XXI, No 82, 1957. P. 261-296
- Bayram M. Ahi Evren ve Ahi teşkilatının kuruluşu. Konya, Damla Matbaacılık ve Ticaret, 1991

- Beller-Hann I.* A History of Cathay. A translation and Linguistic Analysis of a Fifteenth-Century Turkic Manuscript. Bloomington, Indiana University Press, 1995
- Benektay Y.* Yaşayan Alevilik. Kızılbaşlar arasında. İstanbul, Varlık yayınevi, 1967
- Cahen C.* Le campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes // Byzantion. Tome IX, fasc. 2 (1934). P. 613-642
- Cahen C.* Pre-Ottoman Turkey. A general survey of the material and spiritual culture and history. New-York, Tuplinger Publishing Company, 1968
- Cahen C.* Türklerin Anadolu'ya ilk girişi (XI yüzyılın ikinci yarısı). Çeviren Y.Yücel ve B.Yediyıldız. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992
- Cebecioğlu E.* Hacı Bayram Veli. Ankara, Kültür Bakanlığı Yayınları, 1991
- Çavuşoğlu M.* Necati Bey Divanının tahlili. İstanbul, Milli Eğitim Basımevi, 1971
- Çetinkaya N.* Kızılbaş Türkler. Tarihi, Oluşumu ve Gelişimi. İstanbul, Emre Matbaacılık, 2003
- Çobanzadə B.* İbn Mühənnə və onun lüğəti // Bəkir Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. II cild. Bakı, «Şərq-Qərb», 2007. P. 51-142
- Çobanzadə B.* Nəvai – dilçi // Bəkir Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. II cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2007. P. 231-236
- Çobanzadə B.* Türk grameri // Bəkir Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. V cild. Bakı, «Şərq-Qərb», 2007. P. 61-237
- Çobanzadə B.* Türk-tatar lisanıyyatına mədxəl // Bəkir Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. I cild. Bakı, «Şərq-Qərb», 2007. P. 19-156
- Dale S.F.* The Legacy of the Timurids // Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3, Vol. 8, 1998. P. 43-58
- Danışman Z.* Osmanlı İmparatorluğu Tarihi. Cilt 2. İstanbul, Yeni Matbaa, 1964
- Danışmend İ.H.* İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi. Cilt I. İstanbul, Türkiye Yayınevi, 1972
- Danışmend İ.H.* Türklük meseleleri. 3 baskı. İstanbul, İstanbul Kitabevi, 1983
- Dəmirçizadə Ə.* Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi. I hissə. Bakı, «Maarif», 1979
- Durand-Guédy D.* The Türkmen-Saljuq relationship in twelfth-century Iran. New elements based on a contrastive analysis of three İnşā' documents // Eurasian Studies. (IX) 2011. Nomads in the Political Field. Edited by J.Büssow, D.Durand- Guédy and Paul. P. 11-66
- Emecen F.M.* İlk Osmanlılar ve Batı Anadolu beylikler dünyası. İstanbul, Kitabevi, 2010
- Enzeli H.* Urmiye der gozar-e zaman. Chap-e devvom. Ba bazbini-ye kamil-o efrudeha. Ta'lif Hasan Enzeli. Tehran, Dastan, 1384
- Erdem İ.* Akkoyunlu kaynaklarına göre Otluk Beli (Başkent) savaşı // OTAM. Sayı 4, 1993. P. 151-159
- Ergin M.* Kadı Burhaneddin Divanı. İstanbul, İÜ Edebiyat Fakültesi Matbaası, 1980
- Erşahin S.* Akkoyunlular: Siyasal, Kültürel, Ekonomik ve Sosyal Tarih. Ankara, 2002
- Ersan M.* Selçuklular Zamanında Anadolu'da Ermeniler. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2007
- Ertaylan İ.H.* Sultan Cem. İstanbul, Milli Eğitim Basımevi, 1951

- Erzi A.S.* Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında araştırmalar // Belleten. 1954, cilt XVIII, P. 179-221
- Əlizadə A.* Azərbaycan dilçiliyində Mirza Kazım bəyin rolu // “Mirzə Kazımbəy – 200” Beynəlxalq elmi konfransın materialları (11-12 iyun 2003, Bakı). “Elmi Araşdırmalar”, Bakı, 2003. P. 67-74
- Farouqhi S.* The Ottoman Empire and the World Around It. London – New York, I.B. Tauris, 2004
- Fərzəlibəyli Ş.F.* Azərbaycan və Osmanlı imperiyası (XV-XVI əsrlər). Bakı, «Kür», 1999
- Fleischer C.H.* Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire: the historian Mustafa Ali (1541-1600). Princeton, N.J., Princeton University Press, 1986
- Gandjei T.* Turcica Agemica // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Vol. 76, 1986. P. 119-124
- Gandjei T.* Turkish in Pre-Mongol Persian Poetry // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIX, 1986. P. 67-75
- Garnett L.M.* Turkey of the Ottomans. New-York, 1915
- Garthwaite G.R.* Pastoral nomadism and tribal power // Iranian Studies. Vol. XI, 1978. P. 173-198
- Gibbons H.A.* The foundation of the Ottoman Empire. A history of Osmanlis up to the death of Bayezid I (1300-1403). London, Frank Cass & Co.LTD, 1968
- Gladney D.C.* The Etnogenesis of the Uighur // Central Asian Survey. Vol. 9, No 1, 1990. P. 1-28
- Gökbilgin M.T.* Rumelide Yürükler, Tatarlar ve Evlad-ı Fatihan. İstanbul, Osman Yalçın Matbaası, 1957
- Gölpınarlı A.* 100 soruda Türkiyede mezhebler ve tarikatlar. İstanbul, 1969
- Gurney J.D.* Pietro della Valle: The Limits of Perseption // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 49, No 1, 1986. P. 103-116
- Gül B.* İbni Mühenna Lüğatinin Türk ve Moğol dil araştırmalarındaki yeri ve önemi // Türkbilig. 19, 2010. P. 87-95
- Gündüz T.* Anadolu da Türk Aşiretleri – Bozulus Türkmenleri (1540-1640). Ankara, Bilge Yayınları, 1997
- Güvenç B.* Türk kimliği. Kültür tarihinin kaynakları. İstanbul, Remzi Kitabevi, 1996
- Hacıyev T., Vəliyev K.* Azərbaycan dili tarixi. Bakı, «Maarif», 1983
- Hillenbrand C.* Turkish Myth and Muslim Symbol. The Battle of Manzikert. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007
- Hickman W.* Ümmi Kemal in Anatolian tradition // Turcica. Tome XIV, 1982. P. 155-167
- Hinz W.* Uzun Hasan ve Şeyh Cüneyd. XV yüzildə İran'ın milli bir devlet haline yükselişi. Çeviren T.Bıyıklıoğlu. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992
- Imber C.* İlk dönem Osmanlı tarihinde düstur ve düzmece // Söğüt'ten İstanbul'a. Osmanlı Devleti'nin kuruluşu üzerine tartışmalar. 2 baskı. Ankara, İmge Kitabevi Yayınları. 2005. P. 271-300

- Imber C.* The Ottoman Dinastic Myth // *Turcica*. Tome XIX, 1987. P. 7-27
- Imber C.* The Ottoman Empire. 1300-1481. Istanbul, The ISIS Press, 1990
- Imber C.* The Ottoman Empire. 1300-1650. Palgrave Macmillan, 2002
- İnalcık H.* Aşıkpaşazade Tarihi nasıl okunmalı? // Söğüt'ten İstanbul'a. Osmanlı Devleti'nin kuruluşu üzerine tartışmalar. 2 baskı. Ankara, İmge Kitabevi Yayınları. 2005. P. 119-145
- İnalcık H.* Bursa and the Commerce of the Levant // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 3, No. 2 (Aug., 1960). P. 131-147
- İnalcık H.* Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalar. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1954
- İnalcık H.* Murad I // *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi*. TDV, 31 Cilt, 2006. P. 156-164
- İnalcık H.* Murad II // *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi*. TDV, 31 Cilt, 2006. P. 164-172
- İnalcık H.* Orhan // *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi*. TDV, 33 Cilt, 2007. P. 375-386
- İnalcık H.* Osman Gazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus // *The Ottoman Emirate (1300-1389)*. Ed. E.Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 77-99
- İnalcık H.* Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. I cilt: 1300-1600. İstanbul, Eren Yayıncılık, 2000
- İnalcık H.* Osmanlı Sultanı Orhan, (1324-1362), Avrupa'da Yerleşme // *Belleten*. Cilt LXXIII, Sayı 266, 2009. P. 77-107.
- İnalcık H.* Suleyman the Lawgiver and the Ottoman Law // *Archivum Ottomanicum*. Vol. I, Mouton, 1969. P.105-138
- İnalcık H.* The meaning of legacy: the Ottoman case // *Imperial Legacy. The Ottoman imprint on the Balkans and the Middle East*. Ed. by L.Carl Brawn. New-York, Columbia University Press, 1995. P. 17-29
- İnalcık H.* The Ottoman Empire. The Classisal Age 1300-1600. New-York – Washington, Praeger Publishers, 1973
- İsmayilzade M.R.* Uzun Hasan devrinde toplanmış Kuran-ı Kerim'in Türk dillerine tercümesi // 1. Uluslararası "Oğuzlardan Osmanlıya Diyarbakır" Sempozyumu (20-22 mayıs 2004). Bildiriler. Diyarbakır, 2004. P. 449-451
- Itzkowitz N.* The Problem of Perseptions // *Imperial Legacy. The Ottoman imprint on the Balkans and the Middle East*. Ed. by L.Carl Brawn. New York, Columbia University Press, 1995. P. 30-38
- Kafadar C.* Between two worlds. The construction of the Ottoman State. Berkleys-Los Angeles-London, University of California Press, 1995
- Karahan A.* Fuzuli. Muhiti, hayatı ve şahsiyeti. Ankara, Kültür Bakanlığı yayınları, 1989
- Karahan A.* Türk kültürü ve edebiyatı. İstanbul, Milli Eğitim Basımevi, 1988

- Karpat K.* Kimlik sorununun Türkiyede tarihi, sosyal ve ideolojik gelişmesi // Türk Aydını ve kimlik sorunu. Yayına hazırlayan S.Şen. Ankara, Bağlam Yayıncılık, 1995. P. 23-38
- Kərimov K.* Sadiq bəy Əfşar. Bakı, «İşiq», 1987
- Kılıç R.* XVI ve XVII Yüzyıllarda Osmanlı–İran Siyasi Antlaşmaları. İstanbul, Tez Yayınları, 2001
- Klyashtornyy S.G.* The Polovcian Problem (II): Qipcaqs, Comans, and Polovcians // Acta Orientalia Academiae Hung. Vol. 58 (3), Budapest, 2005, P. 243-248
- Kolcu H.* Divan şiirinde “Türk–Türklük” ve Siham-ı Kaza örneği // Prof. Dr. Abdülkadir Karahan anısına I Uluslararası Klasik Türk Edebiyatı Sempozyumu (12-13 Nisan 2007). İstanbul, Büyükşehir Belediyesi, 2007. P. 277-300
- Korobeinikov D.A.* How ‘Byzantine’ were the early Ottomans? Bithynia in ca. 1290-1450 // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию А.С.Тверитиновой (1910-1973). М., ИВ РАН, 2010. P. 215-239
- Korobeinikov D.* The King of the East and the West: The Seljuk dynastic concept and titles in the Muslim and Christian sources // The Seljuks of Anatolia. Court and Society on the Medieval Middle East. Ed. By A.C.S.Peacock and Sara Nur Yıldız. London – New York, I.B.Tauris, 2013. P. 68-90
- Köprülü F.* Edebiyat araştırmaları. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1966
- Köprülü F.* Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. 3 Basım. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1976
- Köprülü M.F.* Anadolu Selçukluları tarihinin yerli kaynakları // Belleten. Cilt VII, No 27, 1943. P. 379-522
- Köprülü M.F.* Azeri // İslam Ansiklopedisi. c.2, 5 baskı, İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1979. P. 118-151
- Köprülü M.F.* Osmanlı İmparatorluğu’nun etnik menşei meseleleri // Belleten. Cilt VII, No 28, 1943. P. 219-313
- Köprülü M.F.* Türk edebiyatı tarihi. İstanbul, Ötüken Neşriyyat A.Ş., 1986
- Köprülü M.F.* Türk saz şairleri. 1 cilt. İstanbul, 1962
- Köprülüzade M.F.* Bizans Müesseselerinin Osmanlı Müesseselerine Te’siri Hakkında Bazı Mülâhazalar // Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası. I Cild. İstanbul, Evkaf Matbaası, 1931. P. 165-313
- Köprülüzadə M.F.* Azəri ədəbiyyatına aid tədqiqlər. Bakı, Sabah nəşriyyatı, 1996
- Kunt M.* Sancaktan Eyalete. 1550-1650 arasında Osmanlı ümerası ve il idaresi. İstanbul, Boğaziçi Üniversitesi Yayınları, 1978
- Kürkçüoğlu K.E.* Seyyid Nesimi Divanı’ndan seçmeler. 2 baskı. Ankara, Başbakanlık Basımevi, 1985
- Lambton A.K.S.* Justice in the Medieval Persian Theory of Kingship // Studia Islamica. XVII, 1962. P. 91-119

- Lambton A.K.S.* Quis Custodiet Custodes. Some reflections on the Persian theory of government // *Studia Islamica*. 1956, V, P. 125-148; VI, P. 125-146
- Langer W.L., Blake R.P.* The Rise of the Ottoman Turks and its historical background // *The American Historical Review*, Vol. 37, № 3 (Apr. 1932)
- Li Jinxiu.* Chengbang and the Tang Empire // *Eurasian Studies*. I. Edited by Yu Taishan & Li Jinxiu. The Center for Eurasian Studies. The Institute of History. Chinese Academy of Social Sciences. P. 142-197
- Lindner R.P.* Nomads and Ottoman in Medieval Anatolia. Bloomington, Indiana University, 1983
- Lord Kinross.* The Ottoman Centuries. The Rise and Fall of the Turkish Empire. New York, Morrow Quill Paperbacks. 1977
- Mahmud Reza Eftexarzade.* Şoubiyye. Nasyonalizm-e İrani. Tehran, 1375
- Manz B.F.* Tamerlane and the Symbolism of Sovereignty // *Iranian Studies*. Vol. XXI, # 1-2, 1988. P. 105-122
- Mazzaoui M.M.* The Origins of the Safavids. Shiism, Sufism and the Gulat. Wiesbaden, 1972
- Melikoff I.* Hacı Bektaş: Efsaneden Gerçeğe. İstanbul, Cumhuriyet Kitab Kulübü, 1998
- Melikoff I.* L'Islam Heterodoxe en Anatolie // *Turcica*. Tome XIV, 1982. P. 142-154
- Melville Ch.* History and Myth: the Persianization of Ghazan Khan // *Irano-Turkic cultural Contacts in the 11th-17th Centuries*. Ed. By Eva Jeremias. Pilsen, (2002) 2003. P. 133-160
- Melville Ch.* Rashid al-Din and Shahname // *Journal of Royal Asiatic Society*. Vol. 26, Issue 1-2, 2016. P. 201-214
- Menage V.L.* Some Notes on the "devshirme" // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 29, No 1, 1966. P. 64-78
- Menage V.L.* The "Menaqib" of Yakhshi Faqih // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 26, No 1, 1963. P. 50-54
- Məmmədli Q.* Üç tarixi şəir haqqında // *Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyasının Xəbərləri (İctimai elmlər bölməsi)*. IV buraxılış, № 9, 1946. P. 62-65
- Minorsky V.* A Civil and Military Review in Fars in 881/1476 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. X, 1940-1942. P. 140-178
- Minorsky V.* Jihān-Shāh Qara-Qoyunlu and His Poetry (Turkmenica, 9) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 16, No. 2, 1954. P. 271-297
- Minorsky V.* The Aqqoyunlu and Land Reforms (Turkmenica, 11) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 17, No. 3, 1955. P. 449-462
- Minorsky V.* The Clan of the Qara-Qoyunlu Rulers // *Fuad Köprülü Armağanı*. İstanbul, 1953. P. 391-395
- Minorsky V.* The Qara-qoyunlu and the Qutb-shahs (Turkmenica, 10) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 17, No. 1, 1955. P. 50-73

Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D . 1120) with an English translation and commentary. London, Royal Asiatic Society. 1942

Minorsky V. Studies in Caucasian History. London, Tailor's Foreign Press, 1953

Mustafayev Sh. Between nomadism and centralization: the Ottoman alternative in the history of the Aqqoyunlu state // Nomad Aristocrats in a World of Empires. Herausgegeben von Jürgen Paul. Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2013. P. 143-159

Mustafayev Ş. Akkoyunlular döneminde Türk etnik şuuru // I Uluslararası Oğuzlardan Osmanlıya Diyarbakır Sempozyumu (20-22 Mayıs 2004). Diyarbakır, 2004. P. 481-491

Mustafayev Ş. Anadolu və Azərbaycanın türk mühitindəki etnik dəyişmələr kontekstində qızılbaşlıq (problemin qoyuluşu) // Orta əsrlər Şərqi (Akademik Z.M.Bünyadovun xatirəsinə həsr olunmuş məqalələr toplusu). Bakı, «Elm», 2000. P. 107-114

Mustafayev Ş. Osmanlılılar və qızılbaşlar: qarşılıqlı münasibətlərin ilk mərhələsi // Elmi Araşdırmalar (elmi-nəzəri məqalələr toplusu). VIII buraxılış, 2006. P. 380-383

Mustafayev Ş.M. Səlcuqilərdən Osmanlılara. XI-XV yüzilliklərdə Anadolunun türk mühitində etnosiyasi proseslər. Bakı, «Elm», 2010

Ocak A.Y. Kültür tarixi kaynağı olaraq Menakıbnamələr (Metodoloji bir yaklaşım). Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992

Ocak A.Y. Osmanlı İmparatorluğu'nda Marjinal Sûfilik: Kalenderîler (XIV-XVII.yüzyıllar). Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992

Ocak A.Y. Osmanlı Toplumunda Zındıklar ve Mülhidler yahut dairenin dışına çıkanlar (15.-17. yüzyıllar). İstanbul, Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2 basım, 1999

Önalp E. XVI yüzyıla kadar Türkiye ve bazı islam ülkelerinde bulunan İspanyol gezginleri // OTAM. Ocak, No 2, 1991. s. 231-237

Orhonlu C. Osmanlı İmparatorluğu'nda aşiretleri iskan teşebbüsü (1691-1696). İstanbul, Evebiyat Fakültesi Basımevi, 1963

Ortaylı İ. Osmanlı Barışı. İstanbul, Timaş Yayınları, 2007

Öz M. Samsun // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. 36 Cilt. Ankara. TDV, 2009, P. 83-88

Özbaran S. Bir Osmanlı kimliği. 14-17 yüzyıllarda Rum/Rumi aidiyyet ve imgeleri. İstanbul, Kitap Yayınevi, 2004

Öztuna Y. Başlanğıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. Cilt 3. İstanbul, Hayat Yayınları, 1964

Paul J. Mongol Aristocrats and Beyliks in Anatolia. A study of Astarabadi's *Bazm va Razm* // Eurasian Studies. (IX) 2011. Nomads in the Political Field. Edited by J.Büssow, D.Durand- Guédy and Paul. P. 105-158

Paul J. Nomads and Bukhara. A Study in Nomad Migrations, Pasture, and Climate Change (11th century CE) // Der Islam. 93(2), 2016. P. 495–531

Peacock A.C.S. Early Seljuq history: A new interpretation. London & New York, Routledge, 2010

- Piriye V.* Azərbaycan XIII-XIV əsrlərdə. Bakı, «Nurlan», 2003
- Qəhrəmanov C., Xəlilov Ş.* Mustafa Zərir, Yusif və Züleyxa. Bakı, «Elm», 1991
- Rəsulzadə M.Ə.* Azərbaycan şairi Nizami. Bakı, Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı, 1991
- Rıhtım M.* Seyid Yəhya Bakuvi və xəlvətilik. Bakı, «Qismət», 2005
- Salzman Ph.C.* Introduction: Processes of sedentarization as adaptation and response // When nomads settle. Processes of sedentarization as adaptation and response. Edited by Philip Carl Salzman with assistance of Edward Sadala. Montreal, Praeger, 1980
- Savaş S.* XVI asırda Anadolu'da Alevilik. Ankara, Vadi Yayınları, 2002
- Savory R.* Iran under Safavids. Cambridge University Press, 1980
- Sefercioğlu M.N.* Nev'i divanının tahlili. Ankara, Gaye Matbaası, 1990
- Sevim A., Yücel Y.* Türkiye Tarihi. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, cilt 1–2, 1990
- Shukurov R.* Harem hristianity: The Byzantine identity of Sejuk Princes // The Seljuks of Anatolia: Court and Society in the Medieval Middle East, ed. A.C.S.Peacock, S.N.Yildiz. London, 2012. P. 115-150
- Smith A.D.* National Identity. Reno-Las Vegas-London, University of Nevada Press, 1991
- Smith A.D.* Nationalism and Modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism. London and New York, Taylor & Francis e-Library, 2003
- Smith J.* Pure water for thirsty Muslims. A study of Mustafa Ali of Gallipoli's Kunhu'l-ahbar. Leiden, Het Oosters Instituut, 1991
- Smith J.M.* Turanian nomadizm and Iranian politics // Iranian Studies (Journal of the Society for Iranian Studies). State and Society in Iran. Vol. XI, 1978. P. 57-81
- Spuler B.* İran Moğolları. Siyaset, İdare ve kültür. İlhanlılar devri, 1220-1350. Çeviren C.Köprülü. 2 baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1987
- Stavrides T.* The Sultan of Vezirs: The Life and Times of the Ottoman Grand Vezir Mahmud Pasha Angelović (1453-1474). Brill, 2001
- Sümer F.* Anadolu'da Moğollar // Selçuklu Araştırmaları Dergisi I – 1969'dan ayırbaşım. Ankara, TTK Basımevi, 1970
- Sümer F.* Azerbaycan'ın Türkleşmesi tarihine umumi bir bakış // Belleten, Cilt XXI, Sayı 83, P. 429-447
- Sümer F.* Çukur-ova tarihine dair araştırmalar (fetihten yüzyılın yarısına kadar) // Tarih Araştırmaları Dergisi. Cilt 1, No1, 1963. P. 1-108
- Sümer F.* Karakoyunlular (Başlanğıçtan Cihan-Şah'a kadar). I Cilt. 3 baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992
- Sümer F.* Karamaoğulları // Türk Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Ankara, TDV, 24 Cilt, 2001. P. 454-460
- Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teşkilatı, destanları. 2 baskı. Ankara, Ankara Üniversitesi Basımevi, 1972
- Sümer F.* Safevi Devletinin Kuruluşu ve Gelişmesinde Anadolu Türklerinin Rolü. Ankara, Güven Matbaası, 1976

- Sümer F. Selçuklular devrinde Doğu Anadolu'da Türk Beylikleri. 2 baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998
- Şixiyeva S. İlkən qaynaq və araşdırmalarda Nəsiminin milli mənsubiyyəti məsələsi (tarixilik və müasirlik baxımından müqayisəli təhlil) // AMEA akad. Z.Bünyadov adına Şərqşünaslıq institutunun «Elmi araşdırmalar»ı. №1-4 (VIII buraxılış), 2006. P. 63-75
- Tekindağ Ş. Karamanlıların Gorigos seferi (1367) // Tarih Dergisi. Cild VI, sayı 9, 1954. P. 161-174
- Tekindağ Ş. Son Osmanlı-Karaman münasebetleri hakkında araştırmalar // Tarih Dergisi. Cild XIII, 1963. P. 43-76
- The Cambridge History of Iran. Vol. 6. The Timurid and Safavid Periods. Cambridge University Press. 1986
- Timur T. Osmanlı kimliği. 4 baskı, Ankara, İmge Kitabevi, 2000.
- Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild I. En eski devirlerden 16 asra kadar. 2 baskı. İstanbul, Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1970
- Togan A.Z.V. Azerbaijan // İslam Ansiklopedisi. Cilt 2. P. 91- 118
- Turan O. Doğu Anadolu Türk Devletleri. 4 baskı. İstanbul, Boğaziçi Yayınları, 1997
- Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. 6 baskı. İstanbul, Boğaziçi Yayınları, 1997
- Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. 4 baskı. İstanbul, Boğaziçi Yayınları, 1996
- Türk aydını ve kimlik sorunu. Yayına hazırlayan: S.Şen. Ankara, Bağlam Yayıncılık, 1995
- Türkdoğan O. Alevi-Bektaşî Kimliği. Sosyo-Antropolojik Araştırma. İstanbul, Timas Yayınları, 1995
- Türkdoğan O. Niçin Osmanî Kimliği? // Türk Dünyası Araştırmaları. Sayı 123, 1999. P. 9-36
- Türkiye Tarihi. 2. Osmanlı Devleti (1300-1600). Kunt M., Yurdaydın H.G., Ödekan A. İstanbul, Cem Yayınevi, 1988
- Uğur A. Osmanlı Siyaset-nameleri. Kayseri, Erciyes Üniversitesi Yayınları, 1992
- Uğur A. The reign of Sultan Selim I in the light of the Selim-name literature. Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 1985
- Uzunçarşılı İ.H. Anadolu Beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu Devletleri. II baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1969
- Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I-II. 10 Baskı (Tıpkıbasım). Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2011
- Vásáry I. The role and function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran // Turks and Iranians: Interactions in Language and History. Éva Á. Csató – Lars Johanson – András Róna-Tas – Bo Utas (eds.). (Turcologica 105). Wiesbaden, 2016. P. 141–153
- Vəlixanlı N. əsrlər Azərbaycan elmi-ədəbi mühiti və onun dili məsələsinə dair // İpək Yolu. 1998. № 1, P. 33-36; № 2, P. 48-51
- Vryonis S. Evidence of human sacrifice among the early Ottoman Turks // Journal of Asian History. Vol. 5, No 2, 1971. P. 140-146

- Vryonis S.* Seljuk Gulams and Ottoman Devshirmes // *Der Islam*. 1965. P. 224-252
- Vryonis S.* The Byzantine Legacy and Ottoman Forms // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 23-24 (1969-1970). P. 251-308
- Vryonis S.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the eleventh through the fifteenth century. California University Press, 1971
- Vryonis S., Jr.* Nomadization and Islamization in Asia Minor // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 29, 1975. P. 41-71
- Wittek P.* Ankara bozgunundan İstanbul'un fethine kadar (Osmanlı tarihinden yarım asır). (Çeviren: M.Süerdem). İstanbul, 1971
- Wittek P.* Devshirme and Shari'a // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 17, No 2, 1955. P. 271-278
- Wittek P.* Menteşe Beyliği. 13-15'inci asırda Garbi Küçük Asya tarihine ait tetkik. Türkçeye çeviren O.Ş.Gökyay. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1944
- Wittek P.* The Rise of the Ottoman Empire. London, 1938
- Wittek P.* Yazijioglu 'Ali on the Christian Turks of the Dobruja // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 14, No 3, 1952. P. 639-668
- Woodhead C.* Taliki-zade's Şehname-i Hümayun. A history of the Ottoman campaign into Hungary 1593-1594. Berlin, 1983
- Woods J.E.* The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. Minneapolis&Chicago, Bibliotheca Islamica, 1976
- Woods J.E.* Turco-Iranica I: An Ottoman Intelligence Report on Late Fifteenth/Ninth Century Iranian Foreign Relations // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 38, No 1, 1979. P. 1-9
- Xəlilov Ş.X.* "Əsrarnamə"nin dili. Bakı, «Elm», 1988
- Yinanç M.H.* Akkoyunlular // *İslam Ansiklopedisi*. Cilt I, 1940. P. 251-270
- Yinanç R.* Dulkadir Beyliği. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989
- Yıldız S.N.* Manuel Komnenos Mavrozomes and his descendants at the Seljuk court: the formation of the Christian Seljuk-Komnenian elite // *Crossroads between Latin Europe and the Near East: Corollaries of the Frankish presence in the Eastern Mediterranean (12th – 14th centuries)*. Edited by S.Leder. Würzburg, Ergon-Verlag GmbH, 2011. P. 55-77
- Yücel Y.* Kadı Burhaneddin Ahmed ve Devleti (1344-1398). Mutahharten ve Erzincan Emirliği. 2 baskı. Ankara, Sevinc Matbaası, 1980
- Yücel Y.* Kastamonu'nun ilk fethine kadar Osmanlı-Candar münasebetleri (1361-1396) // *Ankara Üniversitesi Dil-Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Araştırmaları Enstitüsü Tarih Araştırmaları Dergisi*. Ankara, 1963. P. 131-144
- Yücel Y.* XIII-XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu tarihi: Çoban-oğulları Candar-oğulları beylikleri. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1980

Zachariadou E. İlk Osmanlılara dair tarih ve efsaneler // Söğüt'ten İstanbul'a. Osmanlı Devletinin Kuruluşu Üzerine Tartışmalar. Derleyenler O. Özer ve M.Öz. 2 baskı. Ankara, İmge Kitabevi, 2005. P. 341- 394

Zachariadou E.A. Manuel II Paleologos on the Strife Between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 43, No 3, 1980. P. 471-481

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абака
 Аббас I Сефеви Абу-Бакр Тихрани
 Абу-Мансур Вахсудан
 Абу-Саид
 Абул-Асвар
 Абул-Гази Бахадур-хан
 Абул-Фазл Аллами
 Абул-Хайр Руми
 Абуссууд-эфенди
 Агаджанов С.Г.
 Адалыоглу Паша-бей
 Аджами Нахчивани
 Азиз Астарабади
 Айбек
 Айдын Алп
 Акбар
 Аккуш
 Актай
 Акшемседдин
 Ала ад-Дин Али
 Ала ад-Дин Али Кубадоглу (Ибн Кубад)
 Ала ад-Дин Кей-Кубад I (1220-1237)
 Ала ад-Дина Кей-Кубад III
 Ала ад-Дин Сиявуш
 Ала ад-Довле Бозкурт
 Александр
 Александр Македонский
 Алексей I Комнин (1081-1118)
 Алексей III Ангел (1195-1203)
 Алексей (или Мануил) Филантропен
 Али Гёзлероглу
 Али ибн Хусейн (Ала ад-Дин Челеби)
 Али Кушчи (знаменитый астроном
 тимуридского периода)
 Али Эвреносоглу
 Али-заде А.А.
 Али-паша
 Алишер Навои
 Алкас-мирза
 Алп Арслан
 Алп Аруз
 418
- Алынак-нойон
 Альберт II Габсбург
 Амани
 Амброджио Контарини
 Андрей Боголюбский
 Андроник I Комнин
 Андроник II (1282-1328)
 Андроник III (1328-1341)
 Анна Комнина
 Аракел Даврижеци
 Аргун
 Аристахэс Ластивертци
 Аристотель
 Ариф
 Арсений
 Арслан (Кылыч Арслан)
 Арслан (Исраил)
 Артук
 Ата Малик Ала ад-Дин Джувейни
 Атталиат
 Афлатун Ширвани
 Афрасиаб
 Афшин
 Ахарон
 Ахмед Даи
 Ахмед Джелаир
 Ахмед ибн Шахгельди
 Ахмед Ментешеоглу
 Ахмеди
 Ахмеди Тебризи
 Ахсартан
 Ашик-паша
 Ашикпашазаде
 Ашина
 Ашота III
 Баба Ильяс Хорасани
 Баба Исхак
 Бабингер Ф.
 Баграт III
 Бади уз-Заман Мирза

Бадр Ширвани
 Бадр ад-Дин ал-Айни
 Бадр ад-Дин Симави
 Байбурдлу Осман
 Байджу-нойон
 Байпаков К.М.
 Байрам Ходжа
 Баки
 Бакир Мансур
 Бальсамон
 Баракат
 Бар-Эбрей
 Бартольд В.В.
 Бахадур-хан
 Баязид I Йылдырым
 Баязид II
 Баязид-паша
 Баянджар
 Баяндур-бей
 Баяндур-хан
 Баят
 Бейбарс
 Беллер-Ханн И.
 Бенедикт Курипешич
 Бертельс Е.Э.
 Бертрандон де ла Брокьер
 Бёрклюдже Мустафа
 Бильге-каган
 Бичероглу Хамза-бей
 Бонифаций (маркиз Монферратский)
 Босфорт К.Э.
 Бродель Ф.
 Булуган-хатун
 Бумын-каган
 Бурхан ад-Дин Ахмед
 Бучкур

 Вазари И.
 Варда Склир
 Варда Фока
 Василий II
 Василий Цамас
 Васильев Л.С.

Вахид Махдуми
 Вильгельм Тирский
 Влад II Дракул
 Владислав III Ягеллон (1434-1444)
 Врионис С.
 Вук Бранкович
 Вукашин

 Газали
 Газан-хан
 Гагик
 Гагик II Багратуни
 Гедик Ахмед-паша
 Георгий I
 Георгий Бранкович
 Георгий Пахимер
 Гёде Ахмед
 Гёк-хан (Гёк Алп)
 Гильом Виллардуэн
 Гияс ад-Дин Кей Хосров I
 Гияс ад-Дин Кей-Хосров II
 Гияс ад-Дин Масуд II
 Гияс ад-Дин Мухаммед
 Гойтейн С.Д.
 Горигэ
 Грюнебаум Г.Э. фон
 Гумилев Л.Н.
 Гювахи
 Гюджлю-хан
 Гюмюш-тегин
 Гюн-хан
 Гюндюз Алп
 Гюнери-бей
 Гянджеи Т.

 Давид
 Давид Безземельный
 Давид Комнин
 Давуд-паша
 Дадалоглу
 Даи Караджа-бей
 Данишменд
 Данишменд И.Х.

Дарий	Жуков К.А.
Деде Коркуд (Коркуд Ата)	
Демирчизаде А.	Ибн ал-Асир
Дениз-хан (Дениз Алп)	Ибн Арабшах
Деххани	Ибн Баззаз
Джалал ад-Дин (хорезмшах)	Ибн ал-Балхи
Джалал ад-Дин Баязид (Кётюрюм)	Ибн Баттута
Джалал ад-Дин Даввани	Ибн Биби
Джалал ад-Дин Руми	Ибн Джубейр
Джалал ад-Дин Фируз-шах	Ибн Кемаль (Кемальпашазаде)
Джафороглу А.	Ибн Муханна
Джахан-шах Кара-Коюнлу	Ибн Фадлан
Джелальзаде Мустафа	Ибн Хаджар ал-Аскалани
Джем	Ибрахим бин Мустафа бин Алишир ал-Малифдафи (ал-Мулейфадафи)
Джозафа Барбаро	Ибрахим Гюльшани
Джулиано Чезарини	Ибрахим Инал
Джунейд (правитель бейлика Джаник)	Ибрахим Иналоглу
Джунейд (шейх сефевидского тариката)	Ибрахим Караманоглу
Джунейд Кубадоглу (сын Ала ад-Дина Али)	Ибрахим-паша Джандарлы
Джунейд Измироглу	Иван III
Димитрий Кидонис	Идрис Бидлиси
Довлатшах Самарканди	Идриси
Докуз-Тимур	Изз ад-Дин Кей-Кавус II
Доменикино Дория (генуэзец Балабан)	Изз ад-Дин Кылыч Арслан II (1155-1192)
Дорфер Г.	Изз ад-Дин Кылыч Арслан III
Дука	Иланбуга
Дюран-Гуэди Д.	Илка-нойон
	Ильтутмыш
Елизавета	Ильяс Ментешеоглу
Еремеев Д.Е.	Имбер К.
	Иналджик Х.
Жаворонков П.И.	Иоанн II Комнин
Жак II де Лузиньян	Иоанн III Ватац
Жофруа Виллардуэн	Иоанн Кантакузин
	Иоанн VI Кантакузин
Заганос-паша	Иоанн V
Закарий Канакерци	Иоанн Комнин Маврозом
Закария (хаджиб)	Иоанн Палеолог
Захир ад-Дин Мухаммед Бабур	Иоанн Смбат
Зейнал	Иоанн Углеша
Зейналабидин	Иоанн Цимисхий
Зия ад-Дин Гази	Иоанн Шишман

Иоганн Шильтбергер	Кара Юлук Осман
Ирикту-нойон	Кара Юсуф Кара-Коюнлу
Иса (сын султана Баязида I)	Кара Яхья Исфендияроглу
Иса Айдыноглу	Кара Тегин
Иса Саведжи	Караман
Исаак II Ангел	Карамани Мехмед-паша
Исаак I Комнин	Касим
Искандер Кара-Коюнлу	Касим Исфендияроглу
Искандер-бей Мунши Туркман	Касим Караманоглу
Исмаил	Касим-паша
Исмаил I Сефеви	Катакалон Кекавмен
Истеми-каган	Катерино Зено
Исфендияр	Катран Тебризи
Исхак	Кафадар Дж.
Исхак-паша	Кафесоглу И.
Иуда бен Леви	Каэн К.
Ицкович Н.	Кая Алп
Йашбек	Кемаль
Йездигерд	Керим ад-Дин Аксарайи
Йелбуга	Кешфи Мехмед Челеби
Йинанч М.Х.	Кёкезоглу
Йоргюч-паша	Кёпекоглу
Йохансон Л.	Кёпрюлю М.Ф.
Кази Саид	Кёсе Михал
Каитбай	Кёсе Хамза
Кайик Алп	Кир Коман
Кайир-хан	Кишвари
Кайы	Кляшторный С.Г.
Каймаз	Коджа Наиб
Кайы	Конрад III
Калликст III (1455-1458)	Константин
Камал ад-Дин Бехзад	Константин Багрянородный
Камал ад-Дин Хусейн	Константин IX Палеолог
Кара Довлетшах	Константин X Дука
Кара Мустафа-паша	Константин Мономах
Кара Мухаммед-бей	Коркуд
Кара Рустам (Тюрк Рустам)	Коробейников Д.А.
Кара Сервер-ага	Кубад
Кара Тимурташ-паша	Кула Шахин (османский военачальник)
Кара Халил-паша (Хайреддин-паша)	Куталмыш
Джандарлы	Кызыл Ахмед Исфендияроглу
	Кызыл Коджа
	Кылыч Арслан

Кыналызаде Хасан Челеби
Кюркчюоглу К.
Кючюк Мустафа

Лазарь Хребелянович
Лала Шахин-паша
Лали
Лари
Лашкари Али б. Муса
Лев Сервлий
Лев Торник
Лейс Ментешеоглу
Ли Боло
Линднер Р.П.
Липарит
Логман Нутки
Лодовико де Болонья
Лорд Кинросс
Лэмбтон А.К.С.
Любарский Я.Н.
Лютфи-паша

Мавлана Закариййа ибн Айдогмуш
Мавлана Муками
Мавлана Фахми
Мавлана Хаджезаде
Малик Арслан
Малик Ашраф
Малик Бахши
Малик-шах
Мамедли Г.
Мамлан
Манисалы Лала Мехмед-паша
Манйасоглу (Ибн Манйас)
Мануил I Комнин (1143-1180)
Мануил II Палеолог
Мануил Маврозом
Манфред (норманнский король Сицилии)
Марвази
Мария Оливера (супруга султана Баязида I)
Марк Россо
Марко Королевич

Марко Поло
Мартин Цаккари
Масанов Н.Э.
Масуд (сельджукский султан)
Масуд Газневи
Масуди
Матфей Эдесский
Махмад-бей
Махмуд Газневи
Махмуд Кашгари
Махмуд Нишапури
Махмуд Челеби Таджаддиноглу
Махмуд-паша
Мезид-бей
Мелвилл Ч.
Мелиоранский П.М.
Мелетиус
Менгли Гирей
Менгюджек
Менташ
Мехмед Айдыноглу
Мехмед Караманоглу
Мехмед Ментешеоглу
Мехмед II Фатих
Мехмед III (1596-1598)
Мехмед Нешри
Мехмед I Челеби (1413-1421)
Микаил
Минорский В.Ф.
Мир Сейид Касим Анвар
Мираншах
Мирза Казем-бек
Мирза Мухаммед-Султан
Мирхонд
Мирча Старый
Михаил II (деспот Эпира)
Михаил VI Стратиотик
Михаил VII Дука (1071-1078)
Михаил VIII Палеолог
Михаил IX
Михаил Пселл
Михаил Сириец
Монастра

Мубариз ад-Дин Чавлы
 Музалон
 стал ал-Музаффар Бейбарс II Чашнигир
 Муин ад-Дин Парване
 Мумина-хатун
 Мурад I (1362-1389)
 Мурад II (1421-1444; 1446-1451)
 Мурад-бей
 Мурувват-бей
 Муса
 Мустафа (сын султана Баязида I)
 Мустафа (сын султана Мехмеда II, бейлербей Карамана)
 Мустафа Аали
 Мустафа Зарир
 Мустафа-бей Караманоглу
 Мустафа-паша
 Мутахартен
 Мухаммед
 Мухаммед (эмир бейлика Эретна)
 Мухаммед Абдуллах
 Мухаммед ал-Катиб Нашати
 Мухаммед ал-Халаби
 Мухаммед ал-Хусайни ал-Йазди
 Мухаммед Шейбани-хан

Насими
 Насир ад-Дин Малик Хасан
 Насир ад-Дин Мухаммед
 Нафисе-султан (Мелек-ханум)
 Неджати-бей
 Нефи
 Низам ад-Дин Шами
 Низам ал-мульк
 Низами Гянджеви
 Никита Хониат
 Никифор Григора
 Никифор III Вотаниат (1078-1081)
 Никифор Вриенний
 Никифор Ксифий
 Никифор Мелиссин
 Никифор Фока (963-969)
 Николай V (1447-1455)

Нур ад-Дин Занги
 Нуре Софи
 Нусрат ад-Дин
 Нух Алп
 Огуз (Огуз-хан)
 Огуз-хан (сын принца Джема)
 Оджак А.Я.
 Оздемироглу Осман-паша
 Озкырымлы А.
 Олджайту
 Омар-Шейх
 Ортайлы И.
 Орудж бин Адил
 Орудж-бей Баят (Дон Жуан Персидский)
 Орхан
 Орхан Саруханоглу
 Осман
 Осман-бей (внук Кара Тимурташ-паши)
 Острогорский Г.А.

Паул Ю.
 Пьетро делла Валле
 Пьер де Лузиньян
 Пий II (1458-1464)
 Пикок Э.
 Пир Ахмед Караманоглу
 Пири Мехмед-паша

Радль В.В.
 Рамон Мунтанер
 Рафаэль дю Ман
 Рёмер Х.Р.
 Рожер де Флор
 Роман IV Диоген
 Роман I Лакапин
 Руи Гонсалес де Клавихо
 Рукн ад-Дин Сулейман-шах
 Рум Мехмед-паша
 Рухи Челеби

Саади Ширази
 Сав-Тегин

Савджи	Султан Якуб
Садр ад-Дин ал-Хусайни	Султан-хатун
Садык-бей Афшар	Султанджук
Сайф ад-Дин Баркук	Сумер Ф.
Салтук	Сыма Гуан
Салтук Алп	
Самагар-нойон	Тадж ад-Дин Хусейн
Самуил	Таликизаде
Санджар	Тарзи Афшар
Сара-хатун (Сарай-хатун)	Татар-хатун
Саруджа-паша	Твртко II
Сары Салтук	Темир ал-хаджиб
Сары Тимурташ-паша	Тимур
Саса-бей	Титрек Синаноглу
Сафи ад-Дин Ардебили	Титце А.
Себук Текин	Тоган З.В.
Сейвори Р.	Тогрул
Сейид Локман	Тогрул Текин
Сейфи Челеби	Тоньюкук
Селим I	Торе-бей
Сельджук	Торлак Ху Кемаль
Сельджукшах-бегим	Тохтамыш
Сенекерим Арцруни	Туг-Тегин
Сигизмунд (король Венгрии и император Священной Римской империи)	Тукак
Скандербег (Искандер-бей)	Тургут Алп
Смит Дж.М.	Турсун-бей
Солакзаде	Туран О.
Стефан Душан	Тургутоглу Али-бей
Стефан Лазаревич (1389-1427)	Тургутоглу Омар-бей
Суламиш	Турсун-бей
Сулейман (сын султана Баязида I)	Турханоглу Омар-бей
Сулейман Кануни (1520-1566)	Тутуш
Сулейман Дулкадыроглу	
Сулейман-бей Порнак	Увак-нойон
Сулейман-паша (сын Орхана)	Угур А.
Сулейман-паша Джандароглу	Угурлу Мухаммед
Сулейман-шах	Угэдэй
Сули Факих	Узбек
Сули-бей	Узунчаршылы И.Х.
Султан Ахмед Мирза	Узун Хасан
Султан Велед	ал-Умари
Султан Халил	Умур Айдыноглу
	Умур-бей

Урсель де Байоль (Русель)
Успенский Ф.И.

Фадл ибн Абул-Асвар
Фазлуллах Рашид ад-Дин
Фазлуллах ибн Рузбехан Хунджи
Фалина А.И.
Фараби
Фарадж
Фарибурз
Фарид ад-Дин Агтар
Фароки С.
Фахр ад-Дин Али
Фахр ад-Дин Мерверуди
Феодор II Ласкаръ
Феодор Сомас
Феодора
Феодора (дочь Иоанна Кантакузина и
супруга Орхана)
Феодора Комнин
Физули
Фирдовси
Фирдовси-йи Руми
Фируз
Флоринский Т.Д.
Флэчер К.
Франсиско де Монкада

Хабиби
Хабиль-бей Ак-Коюнлу
Хагани Ширвани
Хадже Нур ад-Дин ал-Аждари
Хаджи Байрам Вели
Хаджи Иваз
Хазанов А.М.
ал-Хахим
Халил Дулкадыроглу
Халилов Ш.
Халил-паша Джандарлы
Хамдуллах Казвини
Хамза-бей (османский бейлербей
Анатолии)

Хамза-бей (османский бейлербей
Румелии)
Хаммер-Пургшталь Й. фон
Ханоглу Харун
Хасан
Хасан Алп
Хасан Алпарсланогу
Хасан Дулкадыроглу
Хасан ибн Махмуд Баяти
Хасан Низами
Хасан Челеби
Хасан-бей Румлу
Хасаноглу
Хафиз Абру
Хафиз Хамди-эфенди
Хафиз Ширази
Хейзинга Й.
Ходжа Ахмед Ясеви
Хызыр Джандароглу
Хызыр Саруханоглу
Ходжа Саад ад-Дин
Хошкадам (султан Египта)
Хошкадам (представитель организации
«ахи» из Анкары)
Хулагу
Хусам ад-Дин Чобан
Хусейн Байкара
Хусейн-бей
Хуршид-бей

Чавулдур
Чагры
Чаудар-нойон
Чингиз-хан
Чобанзаде Б.
Чормагун-нойон

Шаййад Хамза
Шамс ад-Дин Ильдениз
Шамс ад-Дин Мухаммед Джувейни
Шарабдар Ильяс
Шарабдар Хамза
Шараф ад-Дин Али Йезди

Шариф Мухаммед-паша
Шахрух
Шахбудак
Шахкули-халифа Зулкадырли
Шахсувар
Шахсувароглу Али-бей
Шейх Увейс
Шейх Хасан
Шейхи
Шейхоглу Мустафа
Шикари
Шихаб ад-Дин Насави
Шукри-бей
Шукрюллах

Эвлия Челеби
Элбасан
Элван Челеби
Эмеджен Ф.
Эмре Челеби
Эмир-бей

Энвери
Эргин М.
Эретна
Эртогрул (отец Османа)
Эртогрул (сын султана Баязида I)

Юджель Я.
Юзбашян К.Н.
Юнус Эмре
Юсуф Маддах
Юсуфджа Мирза

Языджиоглу Али (Языджизыде)
Языджиоглу Ахмед Биджан
Якуб (сын османского султана Мурада I)
Якуб (представитель организации «ахи»
из Анкары)
Якуб Гермияноглу
Якуби
Янош Хуньяди
Ярджани

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абхазия	Багдад
Аварский каганат	Байбурт
Агджа-кала (Сефид-шахр, Тетрицихе)	Балканы
Адала	Балкан-кух (Балхан)
Адана	Балыкесир
Аджам	Баку
Азербайджан	Барда
Азов	Басиани
Айасулук (Эфес)	Бафра
Айдын	Бейпазари
Айнтаб (Газиантеп)	Бейшехир
Аксарай	Белград
Акхисар	Беркри
Акчай (равнина)	Бехисни
Аладаг (гора)	Ближний Восток
Аладжахисар (Крушевац)	Биледжик
Алайе (Калонорос)	Битлис
Аланья	Богемия
Албания	Болгария
Александрия	Болу
Алтай	Болонья
Амасра (Самастро, Амастрида)	Большой Зав (река)
Амасья	Босфор (пролив)
Амударья (река, Джейхун)	Булгар (Бозоглан, гора)
Анамур	Бургундия
Анатолия	Бурса (Пруса)
Англия	Бухара
Ани	
Анкара	Валахия
Антакья (Антиохия)	Ван (озеро)
Антитавр	Васпуракан
Аральское море	Венеция
Аракс (река)	Венгрия
Аргвети	Верхнее Тао (ал-Тай)
Арпа-чай (река)	Верхняя Мидия
Арджиш	Византия
Армения	Вифиния
Арран	Волжская Булгария
Артани	
Артукабад	Газа
Арцн	Галатия
Асиспори	Гевеле
Асфараин	Гедюк
Афины	Гелиболу (Галлиполи)
Афон (гора)	Геллеспонт
Ахайя	Генуя
Ахлат	Герат
Ашраф	Гередеболу

Германия	Ирак Персидский
Гермиян	Иран
Гёрдес	Искилип
Горигос (Гёргёз)	Испания
Грузия (Картли)	Испарта
Гуннская империя	Исфахан
Гурнар	Исхаклы
Гюмюльджине	Итиль (Волга)
Гянджа	Ичель
Дагестан	Йемен
Данданакан	Йешил-ырмак (река)
Дарданеллы (пролив)	
Даренде	Кавказ
Двин	Казвин
Дебеда (река)	Казкурд (гора)
Девели	Казовасы (Казабад)
Девели Карахисар (Ешилхисар)	Каир
Дейлем	Кайсери (Кесария)
Демирджи	Кал'ат ибн Кандаман (совр. Гардабани)
Денизли (Лаодикея)	Каледжик
Дербент	Каппадокия
Дешт-и Кыпчак	Караагач
Джавахети	Карабаг
Джандар	Караджахисар
Дженд	Карахисар
Джендере (Чендере)	Караман
Дивриги	Караси (Кара-Иса)
Дидимотих	Карасу (река)
Диярбекир (Амид)	Карачуг
Добруджа	Карс
Дон (река)	Каспийское море
Дунай (река)	Кастамону
	Кафа
Европа	Кахетия
Евфрат (река)	Кашан
Египет	Кемах
Енисей	Кеос
Енишехир	Кёседаг
	Киев
Зандак	Кил
	Киликия
Иверия	Китай
Измир (Смирна)	Кларжети
Измит (Никомедия)	Кола
Изник (Никея)	Конья (Иконий)
Илгын	Косово поле
Индия	Кочхисар
Ипсала	Крым
Ипсили	Куликово поле

Кум	Неаполь
Кура (река)	Нигболу (Никополь)
Кыркдилим	Нигде
Кыршехир	Никсар (Неокесария)
Кютахья	Нимфей (Ниф)
Кяхта	Ниш
	Нишапур
Ладик	Новгород
Ларенде	Ново-Брдо
Лемнос	
Лесбос	Орду-балык
Ломбардия	Оренбург
Лори (Ташир-Дзорагет)	Орхон (река)
	Османджик
Малазгирт (Манцикерт)	Отлукбели
Малая Азия	
Мавераннахр	Пасин
Маден	Памфилия
Маййафарикин (Сильван)	Пафлагония
Македония	Пелеканон
Малатья (Мелитена)	Пелопоннес
Мангышлак	Пергам
Маниса (Магнисия)	Передняя Азия
Маньчжурия	Пиги
Марага	Плочник
Маранд	Поволжье
Мараш	Польша
Мардин	Понт
Маскат	Причерноморье
Мендерес (Бюйюк Мендерес, Меандр; река)	Пулур
Менемен	Пусгуское озеро
Ментеше	
Мерв	Рахва (аз-Зухра)
Мерзифон	Рей
Мерич (Марица, река)	Рим
Месопотамия	Родос
Минджигирд	Рум
Мириокефалон	Румелия
Могулистан	Румийе-и сугра
Мокан	
Монголия	Савоя
Морея	Савран (Сауран)
Москва	Салоники (Фессалоника)
Мосул	Саманидское государство
Мраморное море	Самарканд
Муганская степь	Самокалако
Мурадсу (река)	Самос
Мут	Самцхе
	Сарухан
Нахичеван	Сарысу

Сафранболу	Туркмен-даг (гора)
Сейдишехир	Туркомания
Семендире (Смедерово)	Турция
Семиречье (Джетысу)	Тюркский каганат
Сербия	
Серес (Серры)	Уйгурский каганат
Сибирь	Урал (река, Геих)
Сивас (Себастья)	Урмия
Сиверек	Урфа (Эдесса)
Сиврихисар	
Силифке	Фелник
Симав	Фессалия
Сималу	Филибе (Филиппополь, Пловдив)
Синоп	Фокея (Новая)
Сирия	Фокея (Старая)
Сироз	Франция
Сицилия	Френк-язысы (долина)
Скиафос	Фригия
Скирос	
Скопелос	Хабеш
София	Хазарский каганат
Стамбул (Константинополь)	Халдия
Судак	Халеб (Алеппо)
Суздаль	Халкидика
Сыгнак	Хамадан
Сырдарья	Хамид-эли
Сюткент	Харманкая
	Харпут
Тавр	Харран
Тавшанджил (Филокрина)	Хасанкала
Тавшанлы	Хива
Тарсус	Хиджаз
Тархан	Хиос
Ташэли	Хлиар
Тверь	Хой
Тебриз	Хорасан
Темешвар	Хорватия
Тенедос	Хорезм
Теке	
Терджан	Цимпе
Тире	
Токат	Чагыр-пынар
Тосья	Чанкыры
Тохаристан	Чемишкезек
Трабзон (Трапезунд)	Чепни
Трансильвания	Черное море (Понтийское море, Бахр ал-Бонтус)
Триалети	Чирмен (Черномен)
Туран	Чкондиди
Туркестан	Чорлу
Туркман-эли	

Чорум	Эгридир
Чорумлу (долина)	Эдирне (Адрианополь)
Чубук (равнина)	Эльбистан
Чукурова (Чукурабад)	Эмет (Эгригёз)
	Эпир
Центральная Азия	Эргани
	Эргенекон
Шабран	Эрегли (Ираклия Понтийская)
Шавшети	Эретна
Шарки-Карахисар (Кагуния, Колония)	Эрзерум (Феодосиполь, Карин)
Шеки	Эрзинджан
Шемаха (Йазидийа)	Эрменак (Германикум)
Ширван	Эскишехир (Дорилей)
Ширимни	
Шотландия	Ялвач
	Янгикент (ал-Карьят ал-Хадиса, Дих-и Ноу)
Эгейское море	Яссы-чемен

СПИСОК ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

авары	печенеги
авшар	
агач-эри	румлу
Ак-Коюнлу	скифы
алаюндлу	савиры
армяне	сага
байандур (байындыр)	салур
барымбай	самагар
басмылы	сирийцы
баят	сулдус
бейдили	суннит
бисуут	сянби
бозок	
булгары	табаррук
варсак	тардуши
	тодурга
германцы	токузгузы
греки	тосбога
гунны	тургут
гузы	туркманы
джелаир	туркмены
додурга	тюргеши
дулкадыр (зулкадир)	тюргеши
ива (йива)	тюрки
игдыр	тюрки
кайы	уйгуры
Кара-Коюнлу	уйгуры
кара-татар	устаджлу
каркын	учок
карлуки	
карлуки	франки
кераиты	хазары
кимаки	хазары
кимаки	хорзумлу
кимаки	хунну
кият	
куманы	чавдар-татар
курды	чавундур
кынык	чагазан
кыпчаки, половцы	чыган-татар
кыргызы	
кюин-татар	шамлу
норманны	эймур
огузы	юрегир
ойрат	
языры	языры

SUMMARY

Mustafayev Sh.M. From the Seljuks to the Ottomans. Ethno-political processes in the Turkic milieu of Asia Minor in the 11-15 centuries.

The monograph analyzes the complex ethno-political processes in Asia Minor on a broad chronological background since the time of the conquest of the region by the Oghuz-Turkmen tribes in the 11 century up to the final establishment of the Ottoman political hegemony at the end of the 15 century. It attempts to trace the stages of the ethnic history of the Turkish people in the Middle Ages, and to establish the connection between its ethnic integration and political changes in Anatolia. The book examines the formation of the Turkic ethnic milieu in Anatolia in the Seljuk period, its subsequent evolution following the collapse of the Seljuk Sultanate in Asia Minor under impingements of the Mongols, the fragmentation of political power in Anatolia and the establishment of a number of principalities, as well as the fierce struggle for leadership in the region between the new entities, and the gradual rise of the Ottoman State. It also assesses the impact of historical events on the dynamics of the Turkic ethnic consciousness and identity.

The book introduces a number of milestones in the evolution of Turkic ethnic milieu of Asia Minor. Seljuk conquest of the Middle East in the 11 century paved the way for the gradual formation of a Turkic ethnic milieu in a large geographical area from the Caspian coast in the east to the Aegean Sea coast in the west. In the second half of the 12 – early 13 centuries there was relative political integrity of this area, when a large part of Anatolia was united under the Seljuk Sultanate in Asia Minor. This fragile stability was breached in result of Mongol conquest in the mid-13 century. However, the political domination of the Mongols in Asia Minor lasted until the early 14 century. Last Seljuk sultans, vassals of Ilkhanid court in Azerbaijan, lost their power over Anatolia, as well as the legitimacy in the eyes of their subjects, particularly bellicose Turkmen tribes who settled in “uj” zone or the border with Byzantium. The Ilkhanid control over Asia Minor also gradually weakened, which opened the way for the appearance of new power centers on the scene. Thus the era of political fragmentation in Turkey’s medieval history began.

By the beginning of the 14 century the whole territory of Anatolia disintegrated into smaller state formations – principalities. New Turkic emirates were competing with each other for the military and political

leadership and mission of the “gatherer” of the Anatolian lands or fragments of the Seljuk Sultanate. At the same time, in the public mind of Turkic Anatolia it was a replacement of cultural ideals of Seljuk era, inspired by the influence of Persian literature and art, by other values caused by new political realities. This was manifested in the growth of interest of political elites in the Anatolian emirates to the national language, the birth and rapid development of Turkish literature in Asia Minor, the start of translation activity in the courts of the rulers, the growth of the number of manuscripts in Turkish, etc.

Two main political centers or poles, which can be roughly described as “Western” and “Eastern”, gradually stood out in the course of the confrontation within the Turkic milieu in Asia Minor. The Western pole has always been associated with the Ottoman Empire, while the Eastern pole, which was opposing the Ottomans, was represented by traditional Turkic principalities in Asia Minor (Karaman principality, State of Kadi Burhan ad-Din Ahmed, Aqqoyunlu State) successively replacing each other. The question of which of them would be able to take on the mission of “heir” of the Seljuk Sultanate and accomplish the task of unification of Asia Minor under its own rule had crucial significance for the whole history of the Turkic Anatolia. In other words, there was a question about the guiding direction line of new centralization of Asia Minor – from west to east or vice versa? Thus, the struggle between the two poles determined all further historical evolution of the Turkic milieu of Asia Minor. The final victory of the Western or the Ottoman pole promoted further political consolidation and integration of the Turkic ethnic and cultural milieu of Asia Minor around the Ottoman Empire.

Редактор И.А.Османова. Верстка З.А.Гафарзаде. Дизайн обложки Н.Ч.Мурадалиев.

Подписано 25.01.2017. Формат 70x100/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,25.

Тираж 250 экз.

ISBN 978-9943-357-45-7

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения
РАН

107031 Москва, ул. Рождественка, 12

info@ivran.ru

www.ivran.ru

Международный Институт Центральноазиатских исследований
140129 Узбекистан, Самарканд, Университетский бульвар, 19

iicasunesco@gmail.com

www.unesco-iicas.org

Отпечатано в типографии Mega Basim
Baha Is Merkezi, Haramidere, Istanbul, Turkey
www.mega.com.tr

ISBN 978-9943-357-45-7

9 789943 357457